СЛАВЯНСКИЙ МИР

В ЭПОХУ ВОЙН И КОНФЛИКТОВ XX в.

АЛЕТЕЙЯ

instav

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

BIBLIOTHECA SLAVICA

АЛЕТЕЙЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

inslav

Редколлегия серии «Bibliotheca Slavica»:
Член-корреспондент РАН *Флоря Б. Н.* (председатель),
член-корреспондент НАНУ *Котляр Н. Ф.*,
академик РАН *Литаврин Г. Г.*,
академик РАН *Милов Л. В.*,
академик НАНУ *Толочко П. П.*,
Толстая С. М., *Турилов А. А.*,
Савкин И. А., *Горина Л. В.*

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Славянский мир
в эпоху войн и конфликтов XX века

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *Р. П. Гришина*,
кандидат исторических наук *Ю. В. Лобачева*
доктор исторических наук *Е. П. Серапионова*

Ответственный редактор:
доктор исторических наук *Е. П. Серапионова*

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

inslav

УДК 94 (=16)"19"
ББК 63.3(0=Сл)6
С 471

Издание подготовлено при поддержке
Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН
«Исторический опыт социальных трансформаций
и конфликтов (направление «Глобальные и локальные войны
как фактор социальных трансформаций и конфликтов)
в рамках проекта «Войны и конфликты в исторических
судьбах славянских народов в XX в.: социальный аспект»

Рецензенты:
доктор исторических наук *З. С. Бочарова*
доктор исторических наук *А. Л. Шемякин*

С 471 Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. – СПб.: Алетейя, 2011. –588 с. – (Славянская библиотека).

ISBN 978-5-91419-566-0

Авторов книги объединила идея показать, как менялась жизнь славянских народов в периоды войн и конфликтов XX в. В центре внимания – военные и гражданское население, титульные нации и национальные меньшинства, движение Сопротивления и коллаборационизм, политические партии, благотворительные и общественные организации, эмигранты, беженцы, женщины, молодежь, творческая интеллигенция.

Новые темы и сюжеты, использование ранее неизвестных архивных материалов, совместная работа историков, литературоведов, культурологов позволили нарисовать яркую картину событий мировых и гражданских войн, межэтнических и конфессиональных конфликтов ушедшего века.

Для славистов, историков, политологов, специалистов по международным отношениям, а также всех интересующихся историей и культурой народов Центральной и Юго-Восточной Европы и России.

УДК 94 (=16)"19"
ББК 63.3(0=Сл)6

ISBN 978-5-91419-566-0
9 785914 195660

© Коллектив авторов, 2011
© Институт славяноведения РАН, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011

inslav

Введение

В XX в. славянские народы пережили две мировые, большое количество локальных и гражданских войн, вооруженных столкновений на национальной и религиозной почве, «холодную войну». Военно-политические, международные аспекты войн и конфликтов давно и плодотворно изучаются как у нас в стране, так и за рубежом. Но при этом жизнь общества, отдельных социальных, этнических, конфессиональных групп населения и конкретных людей остается, как правило, где-то на заднем плане. Именно поэтому возникла идея рассмотреть и проанализировать, как изменялась жизнь людей в условиях войны и военных конфликтов прошлого столетия, выявить возможные параллели между двумя мировыми катастрофами.

Коллектив авторов разработал исследовательский проект под названием «Войны и конфликты в судьбах славянских народов XX в.: социальный аспект», привлек внимание коллег, провел в 2010 г. научную конференцию, на которой обсудил ряд новых важных проблем, и с учетом высказанных мнений подготовил предлагаемую вашему вниманию книгу.

В статьях рассматривается широкий спектр проблем, таких как: реакция власти и общества на вызовы военного времени и развитие отношений между ними; повседневная жизнь военных и гражданских лиц; межэтнические и межконфессиональные отношения внутри многонациональных государственных образований; изменения в государственно-административной структуре и социальной политике; действия военной администрации, оккупационных, коллаборационистских и карательных органов; национальная специфика соотношения движения Сопротивления и коллаборационизма. Анализируется роль церкви и религии; партий и общественных организаций; миграционные волны: беженцы, эмигранты, их положение и судьбы; линии социального раскола (национальные конфликты, гражданские войны, психологическая дезинтеграция); а также смена политических элит, деятельность эмигрантских центров. Некоторые авторы обратились к гендерным исследованиям, проследив изменение традиционной роли женщины и выбранную ею «стратегию выживания» в условиях военного времени. Особое внимание уделяется значению внешнего фактора в решении внутриполитических и национальных проблем, восприятию Красной армии и СССР в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе. Отдельно разбирались идеологические сдвиги и новые культурные явления в годы войны,

inslav

отражение военной действительности в литературе и искусстве, социальные последствия войн.

Некоторые авторы обращали внимание на нередко встречающуюся в историографии мифологизацию отдельных страниц военной истории, стараясь объективно подойти к их освещению.

Важность такого подхода обусловлена не только недостаточным отражением данных проблем в историографии, но и тем обстоятельством, что масштабы мировых столкновений, произошедших в прошлом столетии, привели к тому, что сам исход войны стал зависеть не только от военного потенциала и военного искусства вовлеченных в нее сторон, но и от многих других факторов: состояния народного хозяйства, промышленной культуры, финансовой системы, морального состояния общества. Кроме военной мобилизации речь шла уже о гражданской мобилизации, когда вся жизнь общества ставилась под контроль государства, война стала затрагивать каждого.

Последовавшие за мировыми войнами и окончанием «холодной войны» революционные сдвиги, пробуждение социального, национального самосознания отдельных классов и наций, а на рубеже 80–90-х годов XX в. отказ от «коммунистической» модели построения общества поколебали существовавшие до этого мировые устои, привели к системным трансформациям и существенным сдвигам в международных отношениях, изменению границ, образованию новых государств. Поэтому мы сочли возможным включить в книгу работы, в которых речь идет о событиях хронологически выходящих за рамки непосредственно военных периодов, но вытекающих из результатов войны.

Как известно, регион Центральной и Юго-Восточной Европы оказался в эпицентре военных событий в период Первой и Второй мировых войн. Достаточно сказать, что Первая, или, как ее называли, Великая война, фактически началась с ультиматума Сербии, а Вторая — с нападения на Польшу, т.е. со славянских стран. Начинают и заканчивают книгу статьи о балканских войнах начала и конца столетия, где также участвовали славянские народы, нередко сражаясь друг против друга. Поэтому термин «Славянский мир» в названии вполне оправдан, хотя и условен. Ясно, что проблемы славянских народов нельзя рассматривать изолированно, не учитывая обстановку в регионе, в том числе и у соседних со славянами народов, а также в мире в целом.

Предлагаемая книга — плод совместных усилий историков, литературоведов, культурологов. Комплексные исследования стали уже хорошей традицией Института славяноведения РАН. Среди авторов — сотрудники этого института, преподаватели высших школ России и зарубежья:

inslav

университетов Саратова, Екатеринбурга, Харьковской национальной академии городского хозяйства (Украина), коллеги из Торуньского университета (Польша), академических и научных институтов Братиславы (Словакия), Праги (Чехия) и Белграда (Сербия).

Различная степень изученности проблем привела к тому, что одни авторы масштабно анализируют материал, другие — ограничиваются новой постановкой проблемы, третьи — углубляются в более частные вопросы. Редколлегия не лимитировала авторов в выборе подходов к освещению темы. Не лишне подчеркнуть, что иногда высказанные авторами мнения не совпадают с позицией членов редколлегии, но это лишь создает основу для дальнейших дискуссий.

Книга делится на два больших раздела, первый — посвящен кануну Первой мировой войны, самой войне и межвоенному периоду, а второй — периоду Второй мировой войны и послевоенному периоду. Заключительная статья этого раздела повествует о последствиях войны на Балканах уже в 1990-е годы XX в. Некоторая неравномерность приведенного материала, большая часть которого посвящена событиям Второй мировой войны, объективно отражает состояние историографии и то обстоятельство, что до последнего времени Первая мировая война являлась «забытой», памятники ее героям и жертвам весьма немногочисленны. А между тем в Первой мировой войне, как известно, приняло непосредственное участие 17 государств. Военные действия развернулись в Европе, Азии и Африке. Участниками было мобилизовано 66 млн человек. Из них на долю союзников пришлось 41 млн и Центральных держав — 25 млн. Франция и Германия призвали под ружье 20% своего населения. Россия мобилизовала свыше 14 млн (около10%), что составило 37% всех сил, выставленных союзниками.

Существуют два подхода в отношении войн. Сторонники первого считают войну «естественным явлением», «биологическим законом», обосновывая это положение тем фактом, что войны существовали всю историю человечества. Из войны они даже выводят и корни прогресса. Второй подход к войне как к явлению, противоречащему самой природе человека, лично мне ближе. Действительно, война несет смерть, уничтожение материальных и культурных ценностей, разрушение морали, наносит психологические травмы, задерживает экономическое и демографическое развитие общества, нередко войны вели к упадку целых цивилизаций. Если вернуться к Первой мировой войне, то прямые военные потери, вызванные непосредственно войной, составили 15,7 млн человек. Кроме того, безвозвратные потери гражданского населения

inslav

— 4,7 млн[1]. Экономические и финансовые потери равнялись 86 млрд $. Первую мировую войну называли Великой, не подозревая, что через два десятилетия начнется еще более страшная и кровавая бойня, унесшая жизни 15 млн военных и 26–34 млн гражданских лиц. Экономический ущерб от нее составил уже 1600 млрд $[2].

Славянский мир и в Первую, и во Вторую войну оказался фактически расколот. Нередко славянским «братьям» приходилось воевать друг с другом, и не только в годы мировых катастроф, но и в ходе «малых», гражданских войн, национальных конфликтов и столкновений. Революционные события рубежа 1980–1990-х гг., приведшие к системной общественной трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и в России, к концу «холодной войны», вместе с тем повлекли за собой процессы дезинтеграции, распад ряда государств. Причем, если некоторые страны смогли договориться, и процесс раздела Чехословакии прошел относительно спокойно, то события на Балканах, связанные с развалом Югославии, сопровождались кровопролитными конфликтами, губительные последствия которых усугубились европейской политикой «двойных стандартов», что также нашло отражение в одной из статей сборника. Кто-то подсчитал, что всего в XX столетии произошло 120 войн, унесших жизни более 110 млн человек[3]. Именно поэтому война — как социальное явление — заслуживает самого серьезного изучения.

Е. П. Серапионова

[1] Мировые войны XX века. В 4-х книгах. М. 2002. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. С. 631–632.

[2] *Krejčí O.* Válka. Praha, 2010. S. 27.

[3] Ibid. S. 11.

inslav

Раздел I

От Первой ко Второй мировой войне

Р. П. Гришина
(Москва)

Болгария на пути к войне и Болгарский земледельческий народный союз

После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Берлинского конгресса молодые государства Балканского полуострова, население которых более чем на 80 % состояло из крестьян, стали номинально независимыми. Интеллектуальная и политическая элита этих стран, формируя государственную политику, выдвинула на первый план внешнеполитические задачи — осуществление национальной идеи, под которой понималось, прежде всего, полное объединение народа. Представляется, однако, что идеал государства-нации, столь удачно реализовавшийся в XIX в. рядом западноевропейских стран, уже уходил в прошлое. Кто не успел, рисковал никогда не достичь его. Новое время властно выдвигало на первый план многовекторную конкуренцию между государствами и, чтобы выдержать ее, настоятельной необходимостью становилась модернизация всех сторон жизни общества. Но южнобалканские власти, далеко еще не порвавшие с традиционалистской почвой и недостаточно компетентные, плохо улавливали дуновение свежего ветра и продолжали ставить во главу угла борьбу за десятилетиями культивировавшийся великодержавный «национальный идеал».

В Болгарии задача составления какой-либо модернизационной программы даже не обсуждалась в правящих кругах. Да и во внешней политике долгое время не было определенности. Об объединении болгарского народа в границах единого государства говорилось и писалось много, но единой национальной программы выработано не было, как и разработок в отношении сроков или этапов разрешения проблемы. Такой задачи не брала на себя ни верховная власть в Княжестве Болгария,

inslav

ни отдельные политические партии[1]. Болгарский автор объясняет такое положение «сложностью и деликатностью балканских проблем», подозрительностью соседних стран в отношении Болгарии. Думается, что свою роль играли и другие обстоятельства.

В их числе — отсутствие свободы действий у болгарских властей из-за еще сохранявшейся вассальной зависимости Княжества от Турции, а также бурный процесс первоначального накопления после Освобождения, стремление людей, прежде всего, к получению дохода и обустройству собственной жизни. Время борьбы за независимость, создание сети тайных комитетов, конспиративная деятельность, вспышки восстаний, — все это ушло в прошлое. «Отношение к революции после 1878 г. изменилось», — фиксирует болгарский историк А. Димитров[2], — хотя следы прежнего эйфорического восторга сохранялись. К миражному образу болгарского государства, как объединившего все болгарские земли и все болгарское население в установленном Сан-Стефанским мирным договором периметре, политики и пресса обращались часто. Но дальше слов дело не шло.

Буржуазным партиям не был чужд военный способ решения национального вопроса, утверждает Д. Саздов[3]; однако ни одна из них не предусматривала в программе «участия в подготовке национальной революции в Македонии и Одринской Фракии, проводившейся ВМОРО и ее комитетами»[4].

Отсутствие у княжества долгосрочной и определенной стратегии в отношении македонских земель, остававшихся под властью султанской Турции, вызывало раздражение македонских революционеров. В 1893 г. в Солуни они заложили основы Внутренней македонской революционной организации (ВМРО; позже, с включением в программу ее деятельности и Одринской области, организация стала называться ВМОРО) с целью революционным путем добиться освобождения угнетаемого турецкими властями населения, создания в этих областях автономии, и, возможно, их последующего присоединения к Болгарии. Руководящие

[1] *Саздов Д.* «Войната» като път за разрешаване на българския национален въпрос в програмите и програмните документи на буржоазните партии от началото на XX век // 90 години на организирани военноисторически изследвания в България. София, 2004. С. 348.

[2] *Димитров А.* Илинденско-Преображенското въстание като знак за българската историческа приемственост // Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. София, 2005. С. 52.

[3] *Саздов Д.* Указ. соч. С. 346.

[4] Там же. С. 348.

inslav

органы ВМРО / ВМОРО существовали как на турецкой территории (нелегально), так и на болгарской, но уже в качестве легальных. В их задачи входило формировать военизированные отряды, снабжать их оружием, организовывать восстания против османской администрации. Из-за недостатка сил македонские революционеры больше надеялись не на себя, а на интернационализацию конфликта: руководство ВМОРО полагало, что подавление вооруженного выступления турецкими войсками вызовет вмешательство великих держав в пользу «слабых и бедных» и приведет к счастливому разрешению сложного балканского вопроса.

События 1903 г. занимают особое место в истории Болгарии. Летом началось подготовленное ВМОРО Ильинденско-Преображенское восстание. В сентябре, когда выступление уже выдыхалось, а международные силы так и не проявили к нему сочувствия, штаб повстанцев обратился с письменным заявлением к болгарскому правительству с требованием, чтобы княжество объявило войну Османской империи. В поддержку этого требования ВМОРО мобилизовала македонские землячества в Болгарии, организовавшие по всей стране массовые митинги и демонстрации. Их лейтмотивом было: «Война любой ценой и независимо от ее исхода — это национальный и моральный долг Болгарии по отношению к освободительным усилиям македонских и фракийских болгар». Тогда уличный прессинг удалось сдержать[1] — к войне Болгария не была готова ни морально, ни материально.

После поражения Ильинденско-Преображенского восстания, считающегося в болгарской историографии «вершиной национально-освободительного движения», македонские активисты стали использовать все возможные каналы влияния на внешнюю политику Болгарии с целью ее активизации. «Особые отношения» между македонскими революционерами и болгарскими официальными властями с требованием со стороны первых предоставления финансов и поставки вооружения существовали и раньше, но тщательно вуалировались. Теперь им предстояло подняться на новый уровень. «Македонская политика» Болгарии, считает изучавший этот вопрос Св. Елдыров, включала две тенденции, черпавшие импульсы из, если не противоположных, то различных источников. Одним было министерство иностранных дел, другим — военное министерство. Первое действовало средствами дипломатии и религиозно-просветительского эволюционизма, второе — рассчитывало на методы вооруженной борьбы.

[1] *Елдъров Св.* «Голямото разочарование»: България и въстание // Илинденско-Преображенското въстание … С. 175.

inslav

Часть армейского офицерства вполне разделяла воинственный настрой «болгарских братьев в Македонии», помогала им разными способами, вплоть до личного участия в восстаниях, кроме того, почти во всех крупных гарнизонах болгарской армии существовали «освободительные братства». Беженцы из Македонии, число которых возрастало с каждым годом, не просто селились землячествами в болгарских городах и селах, но вели общественно активный образ жизни, внедрялись в органы власти. Их влияние воздействовало на все слои болгарского общества, на внутреннюю атмосферу в государстве. Тактикой руководителей ВМОРО, настроившихся на революционную борьбу, но не имевших для этого достаточно сил, стало давление на болгарских политиков и, прежде всего, на монарха — без его участия дело не могло сдвинуться с места. Умеренная же позиция болгарских властей никак не устраивала ВМОРО.

В результате официальная политика Княжества в отношении Македонии — не провоцировать антитурецких выступлений (специальные инструкции на этот счет получали болгарские дипломаты, работавшие в провинциях Османской империи) — подвергалась постепенной коррозии. В 1905 г. созданием специального отдела при Министерстве иностранных дел Болгарии «была введена системность в контакты между ВМОРО и представителями болгарского правительства»[1]. Болгарский ученый Сл. Славов считает, что этот отдел обладал, по существу, посредническими функциями между ними. В обязанности чиновников отдела, а ими назначались исключительно болгары, связанные с македоно-одринским движением[2], входило поддержание контактов как с Заграничным представительством ВМОРО в Софии, так и с революционными активистами в Македонии. Чиновники принимали заявки от македонских деятелей на финансовую помощь, снабжение оружием и т.п.

С 1907 г. лозунги автономии Македонии и Одринской Фракии стали звучать в Болгарии все чаще[3]. Софийское правительство, вынужденное учитывать позиции великих держав и соседних балканских стран, пока еще не открывало прямой борьбы за присоединение Македонии к Болгарии, хотя считало ее население, безусловно, болгарским. Тактика состояла в том, чтобы продолжать добиваться на основе 23-го параграфа

[1] *Славов Сл.* Дейността на второ политическо отделение към Министерството на външните работи и изповедания. 1905–1906 // Македонски преглед. София, 2005. № 3. С. 78.

[2] Там же. С. 85.

[3] *Влахов-Мицов Ст.* Владетели в примка. Книга за княз Батенберг, цар Фердинанд и цар Борис III. София, 1992. С. 110, 155.

inslav

Берлинского трактата 1878 г. добровольного (! — *Р.Г.*) предоставления Османской империей прав автономии этой провинции. Что позволяло Софии надеяться на будущее присоединение Македонии.

Переломным для большинства южнобалканских стран стал 1908 год. Главным его событием явилась оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, внесшая в международную жизнь большую сумятицу. Возникшим замешательством воспользовалась Болгария: опираясь на предварительные переговоры с министром иностранных дел Австро-Венгрии и не совсем определенные, но произнесенные им слова о параллельных действиях обеих стран, она провозгласила себя независимым царством. Так княжество отбросило прежний статус и вассальную зависимость от турецкого султана, под которой оставалась со времени Освобождения в 1878 г.

В жизни Болгарии это был крутой поворот. Впервые страна могла почувствовать себя самостоятельной, насколько это вообще возможно для малого государства. Событие было торжественно отмечено и как важный факт в деле объединения болгарского народа. Именно объединительная идея закладывалась в новое название главы государства — князь Фердинанд стал именоваться царем болгар, подразумевалось — всех болгар. Царская коронация в древней болгарской столице Тырново была великолепно обставлена и хорошо разрекламирована. Действительно, независимый статус Болгарии, признания которого со стороны великих держав удалось добиться в 1909 г. благодаря помощи России, открывал перед страной новые перспективы. Но и опасности! Ибо от обоих «балканских новшеств» 1908 г. — австро-венгерского и болгарского — тянуло порохом, предвкушением войны за новые территории. 23 октября газета «Военен глас», орган Союза офицеров запаса, откликнулась на события, провозгласив «Хватит миролюбцев!», «Никаких колебаний!»[1].

Князь/царь Фердинанд, давно настроенный на укрепление государственной власти и власти личной, проявлял особую заботу об армии, ее обучении и вооружении и о том, чтобы поставить ее под личный контроль, сделать своей опорой[2]. В 1903 г. был принят закон об устройстве вооруженных сил, состав армии увеличен с 25 до 60 тыс. человек, на ее нужды стало отводиться до 1/3 бюджета страны. Ежегодно организовывались военные маневры. Денег на армию не жалели,

[1] *Топенчаров Вл.* Българската журналистика. 1903–1917. Очерк. София, 1981. С. 554.

[2] *Влахов-Мицов Ст.* Указ. соч. С. 16.

inslav

— заключая договора об иностранных займах, раздувая собственный бюджет. Так что к 1907 г. болгарскую армию стали считать «одной из лучших в Европе».

Офицеры не только проходили профессиональную выучку, но и целенаправленно воспитывались в духе патриотизма и личной преданности монарху. Им устанавливались высокие зарплаты, обеспечивалась возможность быстрого продвижения по службе. Именно они становились носителями национальной идеи.

Проповедь «великих» идей постепенно распространялась на все общество. В дело реализации националистической программы включались государственная бюрократия, частично «народная интеллигенция» (учительство), и особенно офицерский корпус. Нельзя не отметить, что все креатьеры (разработчики) и носители националистической идеологии оказывались сосредоточенными в городском секторе и относились к слоям, доходы которых зависели, главным образом, от государства[1]. Их практически нет в крестьянской среде. «Модерный болгарский национализм», считает болгарский ученый А. Пантев, был городским по принадлежности, несмотря на сильное преобладание сельского населения в стране[2]. И здесь мы подходим к очень важному моменту: „Село встречало националистические программы враждебно“, — констатируют западные социологи[3]. Болгарский историк Д. Мишкова, говоря о времени строительства Княжества Болгария, отмечает пассивность народа и «невозможность вызвать его энтузиазм»[4]. Пассивным было отношение сельского населения и к вопросам внешней политики. Болгарское общество не было едино, а идея нации и необходимость воевать ради нее были весьма далеки от болгарского крестьянского люда. «В целом, — замечает Ив. Илчев, — такое отношение позволяло политической элите сво-

[1] *Рудометоф В., Николов Ст.* Корените на балканския политически модел: пагубно съчетание между национализъм и слаборазвитост // Социологически проблеми. София, 1999. № 3–4. С. 148.

[2] *Пантев А.* Единовият комплекс на модернизацията // Понеделник. София. 2007. № 7–8. С. 69.

[3] *Рудометоф В., Николов Ст.* Указ. соч. С. 149. Примечательно высказывание Э. Хобсбаума: «Какие бы социальные группы не становились первыми проводниками «национальной идеи», народные массы — рабочие, крестьяне, прислуга — испытывают ее влияние в самую последнюю очередь» (*Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1870 г. СПб., 1998. С. 23).

[4] *Мишкова Д.* Европейски идеи и институции в политическата система на България. 1878–1914 // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999. С. 20.

inslav

бодно принимать свои решения» [1]. Это наблюдение Илчев относит к положению не только в Болгарии, но ко всем балканским странам. Правда, по мнению ряда отечественных авторов (А.Л. Шемякин, Р.Р. Субаев) общество в соседних Сербии и Греции, наоборот, отличалось сплоченностью, если речь шла о национальной идее, и решительностью, когда речь шла о военном способе ее реализации.

* * *

В 1899 г. заявил о себе Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). Созданный представителями крестьянской интеллигенции с целью отстаивания интересов сельского слоя населения, он выступал как сословная организация. В 1901 г. на своем 3-м съезде БЗНС был провозглашен политической партией. В последующие годы Союз стал быстро набирать силу, постепенно превращаясь в самую массовую партию в Болгарии.

Стоявшие у истоков БЗНС Ц. Бакалов-Церковский, Д. Драгиев и другие почти сразу же учредили ряд печатных «земледельческих» изданий. С 1903 г. под редакцией Ц. Бакалова-Церковского началось издание ежемесячного журнала «Селска пробуда», задачей которого являлось «будить и просвещать темную крестьянскую массу и распространять в ее среде полезные знания из разных областей науки и жизни»[2].

Газета «Земеделско знаме» учреждалась в качестве органа Союза. В 1905 г. на 7-м ежегодном съезде БЗНС его редактором был избран Александр Стамболийский, по инициативе которого годом раньше появилось годичное издание «Земеделски народен календар». К 1909 г. тираж календаря вырос с 20 до 50 тыс. экземпляров[3]. На газету «Земеделско знаме» проводилась подписка, даже по болгарским условиям она была мизерной (5900 абонентов в 1909 г.), но не надо забывать, что подписчиками, вносившими предварительную плату, были обычные сельские труженики, передававшие газету из рук в руки. Она выходила ежедневно, стремлением редакции являлось общее и политическое просвещение крестьян. Высказываясь по главным событиям дня, газета способствовала формированию политического сознания селян, пропагандировала основные идеи руководства Союза, среди которых одно из первых мест занимала идея

[1] *Илчев Ив.* Родината ми — права или не! Външнополитическа пропаганда на балканските страни. 1821–1923 гг. София, 1995. С. 472.

[2] *Топенчаров В.* Указ. соч. С. 338.

[3] Там же С. 327.

inslav

политической организации крестьян. В селах создавались местные ячейки Земледельческого союза (так называемые «дружбы») во главе с выборным руководством, использовался авторитет традиционных в стране читалищ (типа клубов). «Земеделско знаме» информировала крестьян о важнейших событиях в жизни БЗНС. Например, после 11-го съезда БЗНС (1908 г.) сообщала как о важнейшем его итоге — о решении участвовать в выборах всех уровней; отмечала необходимость поддержания дисциплины в партии, писала о случаях ее нарушения (невыполнение принятых постановлений), за которые следовало исключение отдельных «дружб» из Союза; призывала развивать кооперативное движение.

Одним из направлений деятельности части руководства БЗНС была инициация оппозиционных настроений по отношению к носителям власти. В связи с событиями 1908 г. Стамболийский открыто заявил, что провозглашение Фердинандом независимости Болгарии в сговоре с Австро–Венгрией, является государственным переворотом и угрожает интересам болгарского народа, в первую очередь, международной изоляцией и крупными экономическими потерями. Вслед за этим «земледельческая» парламентская фракция сделала в Народном собрании заявление, что способ провозглашения независимости Болгарии является нарушением ряда статей Конституции и что это «преступление кладет начало будущим войнам»[1].

Выступление набиравшего популярность «земледельческого» деятеля было направлено не просто против царя Фердинанда, но против монархии как института. Среди аргументов Стамболийского преобладали те, что наиболее соответствовали его крестьянской ментальности. «Самозванные устроители переворота, — писал он в газете «Земеделско знаме», — нарушили Конституцию и попытались вплести народовластие в сети некоего царевластия»[2]. Позже, находясь в тюрьме за антивоенную пропаганду, Стамболийский напишет, что высшая цель БЗНС — возвращение людей к отнятому у них демократизму, дающему равномерное распределение благ и обеспечивающему самоуправление через народовластие[3].

Отношение А. Стамболийского к собственно «македонскому вопросу»

[1] *Гешков Т.И.* Земеделският съюз против войната. Как сдружените земеделци се бориха против престъпните безумия на партиите. София, 1921. С. 4.

[2] Цит. по: *Христов Хр.* Александър Стамболийски в новата и най–новата история на България // Александър Стамболийски. Живот, дело, завети. София, 1980. С. 29.

[3] *Тодорова Цв.* Политическите партии, властта и държавата в идеологията на Александър Стамболийски // Александър Стамболийски ... С. 118.

inslav

не было сформулировано четко. Д. Саздов даже утверждает, что внешнеполитическая часть в программных документах БЗНС вообще отсутствует, как и подходы к национальному вопросу в целом, хотя признает, что «существует много высказываний его идеологов по проблеме»[1]. Однако, даже и не приведенные в систему, эти высказывания представляются достаточно красноречивыми. Вот ключевые слова в одной из ранних статей Стамболийского: «пресловутые национальные задачи», «смелые патриоты» и «испытанные герои», толкующие «о высоких национальных идеях и о большом военном бюджете, о сильной боевой армии», министры, «маскирующие свою суетность некими высокими щекотливыми национальными задачами», «долой псевдопатриотизм, долой милитаризм»[2].

Если следовать американскому исследователю Дж. Беллу, то после революции «младотурок» 1908 г. Стамболийский стал уповать на новое стамбульское правительство, надеясь, что с введением конституционного режима в Османской империи наступит конец национальному и религиозному угнетению местного православного населения[3]. По-видимому, такие надежды не были случайными, ибо и ранее Стамболийский высказывал предположение, что «независимость Болгарии и автономия Македонии будут признаны Турцией и в союзе с ней»[4]. Этот тезис поддерживал молодой «земледелец» Стоян Омарчевский, считавший, что путь к разрешению балканских проблем — в организации общества в регионе на основе сословной теории, где преобладающей силой и в политическом плане выступает крестьянство — главный производитель материальных благ; таким образом, полагал он, будет положен конец империализму, что и приведет к созданию Балканской федерации, с Турцией в ее составе.

Утопической идеи создания Балканской федерации (в разных вариантах) придерживались на протяжении многих десятилетий политические партии разных направлений в ряде балканских стран[5].

---

[1] *Саздов Д.* Указ. соч. С. 343.

[2] *Стамболийски А.(Стамбол).* Скандалиозни постъпки и министерски промени («Земеделско знаме». 19 мая 1903) // *Боршуков Г., Панайотов Ф.* Христоматия по история на българската журналистика. Избрани статии, фейлетони, памфлети, карикатури. София, 1976. С. 390.

[3] *Бел Дж.* Александър Стамболийски и БЗНС. 1899–1923. София, 1993 (пер. с англ.). С. 101.

[4] *Тодоров П.* Предисловие // *Бел Дж.* Указ. соч. С. 9.

[5] См. *Лалков М.* От надежда към разочарование. Идеята за федерация в балканския юго-изток. 1894–1948. София, 1995.

inslav

Однако действия «младотурок», продолжавших гонения на македонское население, заставили «земледельцев» убедиться в просчете. Тем не менее, политику военной подготовки для освобождения Македонии Стамболийский не принимал, полагая, что она способствует превращению Болгарии в вассала иностранных банков и правительств, которые отпускают займы на милитаризацию страны[1].

Оставим открытым вопрос о том, выражал ли Стамболийский в статьях 1909–1911 гг. в «Земеделско знаме» только собственное отношение к монархизму (и милитаризму, считал он, ему присущему), или также и крестьянской массы, следовавшей за БЗНС, — для ответа на него нет достаточных данных. Но несомненно, что в какой-то мере формировал его. И личная его позиция была выражена вполне определенно! «Абсурдно говорить о единомыслии между коронованными главами и народами, — утверждал он, — только совершенно невежественные массы могут питать какую-то любовь к коронованным главам». Он ссылался и на исторический опыт, накопившийся у болгарского населения со времени Освобождения, указывая, что и сами монархи, случайно попадавшие на княжеский престол, сделали все возможное, чтобы укрепить, сцементировать эту ненависть народа[2]. Отторжение у «земледельцев» вызывал не только институт монархии, но и весь «развратный конституционный режим», разлагающийся и выродившийся из-за дворцовых и партийных интриг настолько, что о политических партиях можно говорить, что они «уже отжили своё»[3].

Эти констатации представляются важными не только для того, чтобы проиллюстрировать, хотя в известной мере и косвенно, отнюдь не благосклонное отношение крестьянского люда к институту монархии в Болгарии — ведь все события в стране, в том числе возможная война, увязывались, прежде всего, с именем Фердинанда. Но особенно они важны для того, чтобы лучше понять, как относилось крестьянство к военному способу решения македонского вопроса, участниками которого, в случае его осуществления, будут они сами.

В 1911 г. «земледельцы» развернули антивоенную кампанию в стране в связи с тем, что в парламент было внесено предложение об изменении ст. 17-й конституции; ее новая редакция позволяла царю без обращения к законодательному органу самостоятельно руководить внешней политикой вплоть до заключения союзов с другими государствами и объяв-

[1] *Бел Дж.* Указ. соч. С. 101.

[2] Цит. по: *Христов Хр.* Указ. соч. С. 29–30.

[3] Цит. по:*Тодорова Цв.* Указ. соч. С. 118.

inslav

ления войны. В Народном собрании «земледельцы» выступали против наделения царя бесконтрольными прерогативами и против курса на милитаризацию страны. Частью населения изменение одной из важнейших статей Конституции было расценено как безусловная подготовка к войне. Дж. Белл называет кампанию против изменения статьи «редкой по накалу страстей». И, видимо, так оно и было, потому что, даже спустя несколько десятков лет — в 1970-е годы — ветераны «земледельческого» движения Болгарии вспоминали о своем участии в ней, как об одном из наиболее ярких впечатлений жизни. Например, о том, какими бурными были совместные митинги «земледельцев» и «тесняков» в селах Варненского округа; как на собрании «дружбы» в Варне, куда съехались люди со всей округи, выступал Стамболийский; а в селе Снежина Провадийской «околии» крестьяне приняли резолюцию с лозунгами: «Долой личный режим! Да здравствует республика!»[1] Сам факт возмущения селян усилением власти царя и превращением его в бесконтрольного вершителя внешнеполитической судьбы Болгарии свидетельствует, на мой взгляд, хотя и косвенно, об их недовольстве набиравшим силу милитаризмом.

Выиграть кампанию «земледельцам» все же не удалось: на выборах в XV Обыкновенное народное собрание, проходивших в начале сентября 1911 г., за БЗНС проголосовали на 30 % избирателей меньше, чем на предыдущих выборах. «Призывы к народовластию, — замечает по этому поводу Дж. Белл, — редко превосходят националистические призывы, по крайней мере, до тех пор, пока не становятся целиком ясными их последствия»[2].

Стоит отметить еще один аспект антивоенной темы. В разгар предвоенной пропагандистской кампании А. Стамболийский войну с Турцией называл настоящей авантюрой. В отличие от иных противников военных действий, руководствовавшихся геостратегическими или тактическими соображениями, на первый план Стамболийский ставил судьбу крестьянства — главную тягловую силу войны. «Войны с Турцией мы хотеть не можем, — заявлял он, — потому что знаем, какие ужасные последствия несет она крестьянскому народу, именно он заполняет казармы и именно он будет жертвовать самыми жизнеспособными своими чадами на поле брани». А позже относительно Второй Балканской войны «земледельческий» лидер говорил, что народ был просто обманут и отдан на заклание «за интересы, чуждые ему, но близкие безумной воле

[1] *Гочев М.* Варненска окръжна земеделска дружба. София, 1978. С. 51–52.

[2] *Бел Дж.* Указ. соч. С. 102.

inslav

царя»[1]. Случайно ли Стамболийский выстроил такую формулу: интересы военной борьбы за объединение болгарского народа чужды простому люду? Считал ли он их чуждыми только из-за военного способа попытки их решения? Или «нутром» чувствовал, что необразованное, зачастую просто неграмотное селячество меньше и позже других слоев общества пропитывается национальными чувствами?

Следует учитывать еще один важный момент. Как специфический социокультурный феномен крестьянство по-особому мотивирует свое поведение в обществе. Социологами отмечено, что в цивилизационно недостаточно развитой среде крестьянство, как правило, противостоит модернизации, препятствует ее напору. Однако не гнушается стремления к «просперитету» и, главным образом, личному. Болгарский ученый Н. Генчев в интереснейшей книге о социально-психологических типах в истории Болгарии, посвятил крестьянству специальный раздел. Он пишет: в буржуазном обществе «частнособственнический инстинкт, обнаруженный еще у патриархального человека, становится господствующим в системе мыслей, чувств, идей и стремлений крестьянина. Разрастается невиданная в прошлом страсть к приобретению земли и скота, стремление захватить, прикупить, отвоевать пустующие площади, обладать имуществом любого рода»[2]. При этом крестьянская масса формирует такую общественную ценность, как мирный постоянный труд. Здесь должно отметить, что поддержание в обществе высокого статуса труда и настроя на мир ставит под вопрос справедливость существующих в историографии утверждений о крестьянстве только как тормозе для процесса модернизации, заставляет отказаться от излишней прямолинейности оценок[3].

Не менее важна и другая деталь мотивации социального поведения болгарских крестьян. Согласно статистическим данным, собранным болгарским специалистом К. Поповым, за 11 лет, с 1897 по 1908 гг., состояние земельной собственности основных видов (мельчайшие, мелкие, средние) практически не изменилось, т.е. очевидных сдвигов не наблюдалось. Но в следующий краткий период — 1908–1912 гг. — отмечен 11 %-м ростом площади обрабатываемых земель в целом по стране, и

[1] *Христов Хр.* Указ.соч. С. 31–32.

[2] *Генчев Н.* Очерци социално-психологически типове в българската история. София, 1987. С. 64.

[3] Этим грешил и автор настоящей статьи. Ср.: *Гришина Р.П.* Болгария: опыт социализированной модернизации (конец XIX — первая половина XX в. // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности. СПб., 2004. С. 114.

inslav

таким же увеличением количества обрабатываемой земли, приходящейся на одного жителя и на одно крестьянское хозяйство[1]. Можно предположить, что вначале крестьяне все еще только приспосабливались к системе свободного хозяйствования — деньги, главным образом, копили, предпочитали «выживать», а не тратить. Затем «поощрямые» «жирными» годами начала XX в., стали в большей мере ориентироваться на новые цели — тренд сбережения стал меняться на тренд приобретения, стремление «преуспеть» стало вытеснять прежний настрой на «выживание». Особенно показательны в этом отношении конкретные данные о покупке земли, которая во все времена считается главной ценностью. И как тут крестьянину думать о войне? Не случайно газета «Земеделско знаме» писала: «Болгария только что вступила на путь своего экономического развития и теперь ее силы должны быть направлены исключительно на закрепление этого экономического подъема, являющегося единственным носителем благоденствия народа, политических и гражданских свобод. Македонствование наших патентованных патриотов вновь направляется на то, чтобы увлечь внимание общества в другое направление и увести производительные силы страны с правильного пути развития»[2].

Помимо «земледельцев» протестовала против возможной войны партия «тесняков», критиковавшая «гегемонистскую» политику балканских династий. Колеблющуюся позицию — ни «за», ни «против» — заняла БРСДП. Радикальная партия (большинство ее) также проявила колебания и неустойчивость. Среди противников войны были русофильски настроенные политики, прислушивавшиеся к энергичным, антивоенным советам России. Они имели немалое влияние на массы.

Совсем иначе были настроены военные круги, Союзы офицеров и унтер-офицеров запаса, землячества «македонских болгар», часть гражданской болгарской политической элиты. Иными словами ситуация, когда в обществе еще только обсуждался вопрос — воевать или следовать путем мира, требовала от заинтересованных сторон лоббирования своих интересов. В этом отношении жесткую линию проводили деятели Народно-либеральной партии (стамболовисты), шедшие в первых рядах активистов антитурецкой кампании. Они с безумной смелостью заявляли, что Болгария может воевать и сама, без всяких союзников в лице Сербии и Греции, их больше устраивали связи с австро-германским бло-

[1] Централен държавен архив. Ф. 366. Оп. 1. А.е. 1407. Л. 7–8. Мемоар в защита на поземлена собственост.

[2] Цит. по: *Белл Дж.* Указ. соч. С. 101.

inslav

ком. Иными словами в 1911 г. политическое единение, необходимое для страны, намеревающейся вступить в войну, отсутствовало.

И тогда вновь заявила о себе ВМОРО. Обновив в 1911 г. состав Центрального комитета, воинствующие революционеры решили не отступать, а для достижения цели использовать мать-Болгарию. Ход начавшейся в 1911 г. Итало-турецкой войны, свидетельствовавший об ослаблении Османской империи, как бы подсказывал ВМОРО план действий: поскольку собственных сил мало, мобилизовать все имеющиеся в Болгарии промакедонские факторы, под давлением которых склонить правительство и царя Фердинанда не упустить момент и военным путем решить македонский вопрос. К тому же сама ситуация — Италия успешно воюет с Турцией — возбуждала повышенное милитаристское настроение не только среди откровенных националистов.

* * *

Ситуация получила более или менее четкие очертания с заключением в феврале 1912 г. политического и военного союза между Болгарией и Сербией, его тайной целью была наступательная война союзников против Турции (в ближайшем будущем) и последующий раздел македонских земель между ними в случае победы. Условия договора, определявшие характер союза отнюдь не как оборонительного, тщательно засекречивались. В предварительных переговорах с болгарской стороны участвовал премьер-министр Иван Евстратиев Гешов, слывший горячим русофилом и никогда прежде не относивший себя к сторонникам радикальных действий. За болгаро-сербским последовал близкий по направленности болгаро-греческий союз и устный союз с Черногорией. Так был образован Балканский союз и сделан шаг к войне, пока что региональной — Балканской.

Однако общественное мнение и значительная часть политических сил Болгарии еще не были готовы к предстоящей войне. Содержание болгаро-сербского договора утаивалось не только от общественности, но и от России, и союзных с нею Франции и Великобритании — формировавшаяся Антанта стремилась удержать статус-кво на Балканах. Далеко не все болгарские политики проявляли готовность действовать вразрез с рекомендациями России-освободительницы, предупреждавшей, что война может привести Болгарию к катастрофе. Колебался и царь Фердинанд.

Однако, милитаристские силы, истолковав слухи и глухую информацию о заключении болгаро-сербского союза как сигнал на «добро»

inslav

в пользу их интересов, с упорством и упоением взялись за доведение атмосферы в стране до военной лихорадки. Целью было заставить болгарское общество склониться на сторону милитаристов и, восполнив, таким образом, недостающую для начала войны аргументацию, оказать дополнительное давление на Фердинанда. В итоге ВМОРО в содружестве с националистами разного толка развернули в Болгарии летом 1912 г. полномасштабную журналистскую кампанию с требованием к болгарскому правительству объявить войну Турции как истребляющей болгарское население Македонии. Создать предлог для кампании взяли на себя руководители ВМОРО Т. Александров и А. Протогеров: в конце июля 1912 г. они совершили в македонском г. Кочани реальное кровавое действо — теракт против турецких властей, что спровоцировало османскую администрацию на жестокую расправу с местным болгарским населением, были убиты несколько десятков человек. Годом раньше теракт с подобными последствиями те же люди устроили в г. Штипе. Новые кровавые события в Кочани вызвали в Болгарии народную ярость против османских властей.

В августе болгарские газеты запестрели воинственными заголовками. Характерным стало выражение воинственного настроения якобы от имени народа. «Народ приказывает: война!» заявляла газета «Утро»; «Война? Народ хочет войны», — уверял «Дневник». «К оружию!» — призывал «Военен глас», «Долой миролюбие!» и т.п. Кампания была хорошо организованной. Особенно старался орган Союза офицеров запаса газета «Военен глас». Ее лозунг «За величие Болгарии» подкреплялся клятвенными уверениями резервистов («Армия готова сложить голову за великую Болгарию») и призывами к представителям власти не бояться начать войну, в том числе к царю, долг которого, дескать, «встать во главе своего храброго войска и повести его к славе»[1]. Не менее эмоционально выступала газета «Подофицерска защита», орган Союза унтерофицеров запаса, пытавшаяся доказать: «Нашему народу необходимо воевать /.../ по причинам культурным, экономическим и моральным, чтобы отомстить», «народ хочет войны, потому что ему предопределено отомстить за вековые страдания, не стойте на его пути. Откладывающий мщение, совершает преступление»[2].

Видные представители руководства БЗНС в эти дни энергично выступили против милитаристской кампании. Признавая тяжелое положение македонского населения, сочувствуя ему, часть лидеров Союза заняли

[1] *Топенчаров Вл.* Указ. соч. С. 553.

[2] Там же. С. 552.

inslav

позицию отрицания военного пути для решения проблемы. Но такая позиция сложилась не сразу. Ц. Церковский и Д. Драгиев, например, держались пассивно, считая, что предотвратить войну невозможно, и не стали выступать по этому поводу в Народном собрании. Но другие — А. Стамболийский и Ст. Омарчевский — действовали активно и наступательно. Стамболийский заявлял в «Земеделско знаме», что кровавые провокации, устроенные террористами, не должны быть использованы как повод к войне, разъяснял, что теракты, за которыми последовала резня турками болгарского населения, провокационно устроили «революционеры македонской организации».

Наиболее обстоятельно выступал Стоян Омарчевский. Он писал в «Земеделско знаме» 12 июля 1912 г.: из-за событий в Кочани Болгария не должна быть вовлечена в военную авантюру, о которой мечтают милитаристы. Болгарский народ в его внушительном большинстве чужд алармистскому шуму и должен быть ему чужд. О войне могут мечтать только больные головы. И далее: «Объединенное болгарское крестьянство вело постоянную и непримиримую войну, и будет ее вести здесь, внутри Болгарии, с палачами, угнетателями, эксплуататорами народа и, если последние ныне отвлекают внимание на Турцию, то только для того, чтобы сохранить собственную шкуру. Объединенное болгарское крестьянство хорошо знает, что македонский вопрос — это не только болгарский вопрос, и что, если даже кровью болгарина будет выкуплена свобода Македонии, то те, чьи интересы переплетены там, не позволят какого бы то ни было присоединения («пришивания» в оригинале. — *Р.Г.*) Македонии к Болгарии»[1].

«Земледельческий союз, как организация, объединяющая интересы, желания и стремления самого многочисленного слоя нашего общества, болгарского народа, — продолжал Омарчевский, — не может выступать за войну по своему естеству, по своей природе и сущности. Земледелие как профессия, как ремесло исключает подвижную жизнь. Крестьянин лишь в том случае может прокормиться, если обрабатывает свою землю, имеет собственное хозяйство. Его надежды, его ожидания — только в матери-земле. Сама его профессия по железной необходимости заставляет жить застоявшейся жизнью, жить в самом хозяйстве и около него. Крестьянин не может мечтать ни о каких завоеваниях»[2].

Использование милитаристами массированной кампании в прессе с лозунгом: «Война с целью отмщения» стала успешным применением,

[1] *Омарчевски Ст.* Балканската война. Нейните причини последствия. София, 1913. С. 34.

[2] Там же. С. 35.

inslav

говоря современным языком, одной из рациональных социальных технологий. Тогда теоретическое обоснование таких технологий еще только нащупывалось. Позже Иван Хаджийский (1907–1944), известный болгарский социолог, напишет на местном материале: «Пропаганда — это борьба за овладение общественным мнением через овладение сознанием отдельного гражданина. Ее задача — внедрить в это сознание сведения, настроения и оценки, из которых делаются желаемые теоретические и главным образом практические заключения»[1]. Действительно, результатом стал поворот болгарского общества в сторону войны. 5/18 октября 1912 г. Фердинанд объявил ее Турции. В «Манифесте к болгарскому народу» в качестве цели войны царь провозглашал «возвращение человеческих прав христианскому населению Турции», а поводом к ней называл резню, устроенную турками в Штипе и Кочани[2]*.

Первая Балканская война отмечена рядом побед болгарского оружия, в ходе ее воины показали немало примеров героизма и самоотверженности. Болгария вправе гордиться их подвигом. Болгарские войска одержали немало важных побед, их успехи были настолько убедительными, что вызывали удивление и в России, и в странах Западной Европы. С нескрываемым удовлетворением генерал Радко Димитриев писал: «Болгарский народ дал армии около 12 % населения. Такого напряжения Европа не знала до сих пор, разве только в теории. Мы первыми реализовали теорию, создав в полном смысле слова армию — вооруженный народ. В истории новейших войн только буры и черногорцы приближались к такому напряжению»[3].

---

[1] *Хаджийски Ив.* Съчинения в два тома. София, 1974. Т. 1. С. 261.

[2] Държавен вестник. София, 1912. № 225.

*Руководство ВМОРО сыграло провокационную роль не только в деле развязывания 2-й Балканской войны, но и вступления Болгарии в Мировую войну (*Гришина Р.П.* Между Болгарией и Македонией: идеи и практика Т. Александрова // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в ЦЮВЕ. М.,2009), обе они закончились для Болгарии национальными катастрофами. В 1922 г. премьер правительства БЗНС Стамболийский во время визита в Белград так выразил перед югославскими журналистами наболевшее: «Согласно договору вы взяли Македонию, возьмите и всех македонцев, еще находящихся в Болгарии. Счастья вам! Нам они только вредили, из-за них погибали болгарские сыны… Я всегда был против македонцев. Боролся против них. Все политические зверства в Болгарии — дело рук македонцев, никогда бы не воевал с вами из-за македонцев!». (Цит. по: *Груев Ст.* Корона от трьни. София, 1991. С. 109). См. также: Чехословашки извори. Т. I. София, 1985. Доклад посланника ЧСР в Софии. Док. № 67.

[3] *Димитриев Р.* Третата армия в Балканската война 1912 г. София, 1922. С. 34.

inslav

Первая Балканская война трудами крестьян в солдатских шинелях закончилась поражением Турции, ей пришлось уступить балканским союзникам европейскую часть своей империи. Любопытно, как объяснял убежденный антимилитарист Ст. Омарчевский поведение мобилизованных крестьян во время войны. «Болгарский солдат знал, — писал он в 1913 г., — на что способен турок в местах, по которым тот прошел. Он знал, что всё, оставшееся за турецкими полчащами, превратится в пепелище. И желая не подвергать жену и детей издевательствам и сохранить свое имущество, он понесся в этот вихрь в буйном устремлении и одну за другой брал турецкие позиции. Частная собственность — это источник и стимул для защиты, мотив самосохранения отдельного человека и государства, отечества ... Частная собственность и ее сохранение для того, кто ею владеет, вливала истинное содержание в войну между болгарами и турками. И если можно говорить о храбрости нашего крестьянина, единственное, что заставляло его оставаться под градом пуль и гранат, это мотив сбережения своего личного владения, своего дома, челяди, поля, виноградника»[1].

Но торжествовать Болгарии было рано. К весне 1913 г. отношения между партнерами по Балканскому союзу перешли в напряженную стадию, стало известно о сепаратных переговорах между Белградом и Афинами в их противостоянии Софии. Назревала война между союзниками. Опасаясь, с одной стороны, быть обманутой при разделе македонских земель, а с другой стороны, оказаться из-за сербо-греческого сговора в изоляции, Болгария выступила ее инициатором. 16/29 июля 1913 г. царь отдал приказ перейти в наступление против союзников. В принятии такого шага свою роль сыграли нетерпение и агрессивное «македонствование» близких к престолу кругов: Фердинанд доверился военачальникам высоких званий, уверявшим, что болгарская армия сильна, как никогда («Грецию мы разгромим в два дня, Сербию — в три»). Но в Межсоюзнической войне Болгарии противостояли не только Сербия и Греция, но также Румыния и поспешившая занять свое место в антиболгарском строю Турция. Вторая Балканская война закончилась для Болгарии полным разгромом. А главный вопрос — македонский — остался для нее неразрешенным.

Случившееся исследовано в десятках книг. Авторитетный болгарский историк академик Георгий Марков признает, что «судьбоносное лето действительно фатального 1913 г. стало *поворотным пунктом* (курсив

[1] *Омарчевски Ст.* Балканската война, нейните причини и последствия. София, 1913. С. 38.

inslav

мой. — *Р.Г.*) в новой истории болгарского народа»[1]. Но по результатам войны сложившееся для Болгарии положение на Балканах оказалось, по-моему, гораздо серьезнее, и скорее следует говорить о точке невозврата в деле реализации болгарского национального идеала — соседние страны-победительницы окружили ее кольцом плотной изоляции. Это обстоятельство не было в 1913 г. глубоко осознано болгарскими политиками, дипломатами, военными. Прав, очевидно, Ив. Илчев, считающий, что боль поражения была настолько острой, что деформировала их анализ, что на первый план выступили эмоции — чувство обиды и оскорбленной справедливости, а потому, пишет он, действия политиков иногда исходили из «параллельной реальности», т.е. не из действительности, а из представления о ней[2]. Не умея правильно оценить внешнеполитическую ситуацию, царь Фердинанд и военные круги не оставили мечты о реванше.

Действительно, трезвость суждения была в то время свойственна совсем немногим. В этом отношении весьма любопытен трактат Омарчевского, изданный по горячим следам в 1913 г. Работа молодого автора представляется чрезвычайно интересной, поэтому несколько слов о нем: Омарчевский вступил в БЗНС в 1905 г., в 1912 г. 27-летним окончил философский факультет Софийского университета. Насыщенная карьера в земледельческом движении ждала его впереди, так, в правительстве Стамболийского (1920–1923), став министром просвещения, он инициировал введение в Болгарии обязательного 7-летнего образования.

А в 1913 г., когда в правительственном лагере зрели планы военного отмщения, перехода Болгарии на сторону германо-австрийского блока с его обещаниями удовлетворить ее македонские притязания, Омарчевский писал удивительные по глубине понимания вещи. Он считал, что поражение страны столь серьезно, что «как бы ни были милы, дороги и святы импульсы к национальному объединению болгарского народа, золотая мечта никогда уже не сможет осуществиться и на вечные времена останется лишь мечтой». При наличии союза сербов, греков, черногорцев и румын, продолжал он, Болгария на вечные времена попала в положение невозможности воевать за национальное объединение. Если мы захотим направить пушки против сербов и греков, то румыны и турки окончатель-

[1] *Марков Г.* Поуки от Балканските войни 1912-1913 гг. // Военноисторически сборник. София, 2003, № 1. С. 25.

[2] *Илчев И.* България и Антанта през първата световна война. София, 1990. С. 6–7.

inslav

но поработят нас[1]. Автор трактата заявлял, что Болгария должна стать нейтральной, «должна закрыться в собственной скорлупе»; «громко заявить всей Европе и всему миру, ясно заявить всем, что она никогда и ни за что не захочет воевать. И не на словах, а на деле», для чего уже теперь следует сократить военный бюджет и все военные расходы[2].

Не менее удивительны размышления Омарчевского о месте Болгарии в системе тогдашних международных отношений и о политике России на Балканах, ее роли в создании Балканского союза. Такой прозорливости в трактовке ряда вопросов не встречается ни в высказываниях болгарских политиков — современников событий, ни в их мемуарах. Вот один из главных тезисов Омарчевского: «Медленно и постепенно зреет в народных массах идея Балканской федеративной республики — единственной опоры против наплыва неметчины на Балканский полуостров и для защиты общих интересов болгар, сербов, греков, румын. ... И не в водах Тройственного союза или Тройственного соглашения хотим мы плавать. Нет. Но в водах своих хорошо понятых интересов. Мы не хотим быть орудием в руках, какой бы то ни было великой державы... Болгария должна стать нейтральной и проститься с внешней политикой, имеющей целью завоевательные стремления или национальное объединение. Все силы общества, его организаций, общественных деятелей должны быть направлены на повышение народного благосостояния — до высшей его точки. Наши заботы и старания должны быть направлены на подъем и рост национального болгарского гения»[3].

Другой тезис Омарчевского связан с оценкой балканской политики России. Важно подчеркнуть, что он не разделяет позиций безответственного русофильства, свойственного части болгарских политиков и их надежды на российскую имперскую дипломатию, которая, дескать, в любом случае «в конце концов, все сделает, всё урегулирует». Наоборот, относится к политике России весьма критически: «Россия... основала Балканский союз, — писал он, — чтобы он стал хребтом русского империализма и монархизма в целях его завоевательной политики — для овладения Царьградом с максимально возможным хинтерландом и Дарданеллами... Россия искала и ищет сильную и крепкую славянскую опору здесь, на Балканах, чтобы однажды при бессилии Австрии, которая, борясь с объединенными и сплоченными славянскими народами на Балканах, развалится, матушка Россия смогла прибрать под свои полы

[1] *Омарчевски Ст.* Указ. соч. С. 44.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 45.

inslav

все славянские народы. Балканский союз, созданный Россией, экспортировал только ее хорошо понятые интересы — союз был направлен на развал Турецкой империи и распад Австрии»[1].

Молодой философ ошибался лишь в утверждении, что в 1912 г. Россия выступала за «развал Турецкой империи», тогда как ее государственным интересам соответствовало противоположное — а именно: сохранение статус-кво на полуострове; острие же Балканского союза, как свидетельствуют документы, оказалось направленным против Османский империи, в первую очередь по настоянию болгарских политиков, но никак не России[2].

* * *

Поражение Болгарии в войне 1913 г. привело к смене правительства и роспуску парламента, к более четкой расстановке политических сил в стране. На выборах в новое Народное собрание в ноябре 1913 г. БЗНС, несмотря на потерю значительной части своих избирателей из-за перехода Добруджи по условиям Бухарестского мира к Румынии, получил свыше 100 тыс. голосов, что вместе с двумя социалистическими партиями (так называемых «тесных» и «широких») и мелкобуржуазной Радикальной партией составило 45,5 % голосов от их общего количества. Результаты выборов свидетельствовали о сокращении поддержки буржуазных партий со стороны населения. Никогда еще «земледельческая» парламентская фракция не была так велика — 48 депутатов, или почти четверть (23,1 %) депутатских мест[3].

6–10 декабря 1913 г. состоялся 14-й съезд БЗНС. За отступление от антивоенной позиции Союза Д. Страшимиров был навсегда исключен из партии, еще трем «земледельцам» запрещалось действовать от имени партии как кандидатам на какую-либо общественную должность. Пассивное поведение Д. Драгиева и Ц. Церковского во время журналистской милитаристской кампании лета 1912 г. вызвало бурное обсуждение делегатов съезда и требования наказать их, но съезд проявил снисходительность.

Помимо дисциплинарного, съезд занимался вопросом о тактике парламентской группы БЗНС во вновь избранном парламенте, особенно в связи с тем, что Стамболийский получил предложение войти в состав коалицион-

[1] Там же С. 42.

[2] *Гришина Р.П.* К историографии темы: Россия и Балканский союз 1912 г. // Славянство, растворенное в крови… В честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова (1930–2005). М., 2010. С. 152–155.

[3] Статистически годишник на Царство България… София, 1937. С. 776.

inslav

ного кабинета. Участие во власти вместе с буржуазными партиями противоречило принципам БЗНС, и Стамболийский, заявив, что Земледельческий союз будет управлять Болгарией только тогда, когда станет располагать большинством в Народном собрании, настоял на резолюции, запрещавшей «земледельческим» депутатам вступать в какие-либо коалиции.

Сессия этого парламента была короткой — всего 12 дней (5 заседаний). «Земледельческие» депутаты, как отмечалось в их своеобразном отчете[1], потребовали суда над виновниками войны и немедленной отставки «подсудимых министров», а также отставки всего правительства как не имеющего поддержки народа. Судя по отчету, «земледельцы» хотели большего, а именно: чтобы Народное собрание немедленно, «без отсрочки», провело голосование вотума недоверия правительству. Но остальная часть оппозиции еще не была готова к этому. И, таким образом, утверждалось в документе, не удалось реализовать идею 14-го съезда БЗНС об образовании временного кабинета для проведения новых выборов и установления «истинного парламентского правления в Болгарии»[2]. Тогда же было объявлено, что надежды на установление действительно «народного правления» не потеряны, оно достижимо в близком будущем, были названы возможные предстоящие реформы. «Мы, — говорилось в Манифесте, — заявляем от нашего и всех организованных «земледельцев» имени, что мы готовы взять на себя руководство судьбами Болгарии, готовы взять власть и управлять, как только болгарский народ окажет нам доверие в предстоящих парламентских выборах». Документ был помечен 10 января 1914 г.

Февральские 1914 г. выборы принесли БЗНС почти 50 тыс. голосов новых избирателей, однако для реализации задуманного этого было недостаточно. Когда началась Мировая война, Стамболийский заявил в парламенте, что народным массам на Балканах чужды шовинистические настроения, но близка идея «объединения южного, балканского славянства» в одно государство, что, правда, может произойти только в случае свержения этими народами своих династий (черногорской, сербской, болгарской), ибо именно они являются главным препятствием на пути такого объединения на демократических началах[3]. Такие призывы звучали вызывающе, революционно. Что касается непосредственно

[1] Манифест към българския народ от 48-членна група земледелци-депутати на XVI ОНС. София, 1914. С.11–12.

[2] Там же.

[3] *Шкундин Г.Д.* Болгария в годы Первой мировой войны // Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 55.

inslav

Болгарии, то «земледельцы» требовали ее нейтралитета. Их и других антивоенных партий и группировок (тесняков, радикалов) активность, еще более возросла, когда от обоих воюющих блоков болгарскому правительству стали поступать предложения войти в союз с тем или иным.

На заседании парламентской фракции БЗНС 12–13 августа 1915 г. было заявлено, что Союз прочно стоит на позиции нейтралитета и решительно выступает против всяких авантюр. Когда же стало известно, что кабинет В. Радославова склоняется к присоединению Болгарии к блоку Центральных держав, трое видных деятелей Земледельческого союза во главе со Стамболийским явились к премьер-министру в попытке заставить его отказаться от такого шага. Результата визит не имел.

К началу сентября после предварительных совещаний сформировалась новая и более представительная делегация в составе нескольких бывших министров и премьеров, подписавшихся под письмом Стамболийского с просьбой к царю Фердинанду об аудиенции. Она состоялась 4 сентября. Стамболийский вел себя на встрече несдержанно. Он и Фердинанд обменялись угрозами расправы в адрес друг друга. Обсуждая затем встречу с монархом, один из ее участников Т. Теодоров якобы заявил: «Убежден, что после смелой речи г-на Стамболийского и после дружного выступления групп против войны, царь не посмеет ее начать, он трус»[1]. Но произошло обратное. Фердинанд подписал указ о мобилизации, и Болгария вступила в Мировую войну на стороне австро-германского блока. Стамболийский же был арестован. Приговоренный к пожизненному заключению, он был далеко не одинок среди «земледельцев», осужденных в годы этой войны за антимилитаристскую пропаганду.

С концом мирной жизни деятельность БЗНС практически прекратилась — крестьяне призывались на фронт, местные «земледельческие» ячейки естественным образом распадались, перестало выходить «Земеделско знаме». Дж. Белл считает, что несдержанное выступление Стамболийского в ходе аудиенции во дворце сыграло провокационную роль — в парламентской фракции Союза начались разногласия по поводу курса партии в новых условиях. Кроме того, часть земледельцев опасалась репрессий в связи с их участием в так называемой Деклозьеровой финансовой афере. Так или иначе, при обсуждении в парламенте вопроса о военных кредитах Ал. Димитров, выступавший от имени БЗНС, обещал положительное голосование[2]. Не очень-то веселое окончание антимилитаристской эпопеи!

[1] *Гешков Т.И.* Указ. соч. С. 19.

[2] *Бел Дж.* Указ. соч. С. 127.

inslav

БЗНС был авторитетной в сельской среде партией. Местные «дружбы» и их деятельность там, где они существовали реально, способствовали росту политического сознания крестьянства и его социальной идентификации. Но идейная борьба была уделом, главным образом, лидеров БЗНС. Крестьянство же в целом — весьма разнородное по степени благосостояния, культуре и образованию (большинство оставалось неграмотным или полуграмотным) — перипетии балканской политики обсуждало больше в кабачках за чашкой турецкого кофе или бутылочкой ракии, чем на страницах печати или на съездах партии. И вряд ли приходится удивляться воспоминаниям рядовых участников Мировой войны о том, как к ним пришло известие о вступлении Болгарии в грандиозное военное столкновение. Вот запись одного из них, жителя тогдашнего села Славяново Плевенской «околии»: «1 октября 1915 г. Еще не убрали осенние культуры. Около трех часов дня во все стороны разнесся звон церковных колоколов. Это знак войны. С опущенной головой покидают крестьяне поле и идут в село. Одни в народе говорят, что мы с Россией, другие — что с Германией. На следующий день — приказ явиться в казармы. С плачем и слезами расстаемся с женами, детьми и близкими. На следующей неделе мы уже на боевой линии, там поняли, что будем сражаться против России и ее союзников»[1]. Из примерно 550 человек, ушедших из Славяново на фронт, погибло 120, многие ранены и искалечены.

Основные тяготы войны, как и говорили руководители Земледельческого союза, выпали на долю простого народа. Народа, который по мере сил и пробуждения сознания боролся против участия Болгарии в войне, но, как и во многих других случаях, не сумел победить. И до сих пор не умеющего в большинстве случаев победно отстаивать свои интересы.

Балканские войны, сколько бы ни говорилось национально-существенного и оправдательного в их пользу, вылились, следует признать, в основном в борьбу за земли и население македонских и одринских провинций Османской империи. Действия болгарских политиков после «первой национальной катастрофы», базировавшиеся, главным образом, на такой иррациональной основе, как чувство обманутой справедливости, немало способствовали тому, что в 1918 г. последовал новый катастрофический военный провал Болгарии — на этот раз в Мировой войне. Преследуя, казалось бы, только узкоспециальные

[1] *Тоцев В. Илиев.* История на БЗНС — съдба на България. Земеделска дружба гр. Славяново, Плевенска. 1906–2006. Славяново, 2006. С. 29.

inslav

собственные цели (отдайте нам наше!), болгарские стратеги не умели понять опасности вступления малой «державицы» в многостороннюю европейскую войну, капацитета для которой они не накопили. В известной мере искусственно взращенные патриотизм и энтузиазм в рядах армии и части населения Болгарии могли быть лишь «оркестровым сопровождением», но не боевым оружием на поле брани начала XX в. — века, уже ставшего на путь агрессивного империализма и явившего миру совершенно новую войну и по масштабу действий, и по технологическому оснащению воюющих. Не Болгарии с ее далеко еще не изжитой архаикой в политико-экономической и особенно в социокультурной областях было тягаться.

Г. И. Шевцова
(Москва)

Деятельность санитарного отряда Петроградского Славянского благотворительного общества в Сербии и Черногории в годы Первой мировой войны (сентябрь 1914 – ноябрь 1915)

Интерес к гуманитарной помощи Сербии со стороны союзных и нейтральных стран в годы Первой мировой войны довольно высок. В Сербии и Западной Европе опубликовано большое количество исследований, публицистических материалов, основанных на документах и свидетельствах очевидцев об английских, американских, французских санитарных миссиях[1]. Имена леди Лейлы Пэджет, Флоры Сандес, докторов Илси Инглис, Эдварда Райана и многих других стали символом мужества, самопожертвования и любви к Сербии.

На этом фоне работы о российской гуманитарной помощи Сербии довольно редки. Даже в отечественной и сербской историографии они отличаются фрагментарностью и даже мифологичностью. Поясню этот тезис. В нашей стране до настоящего времени нет ни одного комплексного

[1] *Грујић М.* Кратак преглед о улози Америке у Светском рату у вези са нашом земљом. б/д; *Krippner M.* The Quality of Mercy. Wonen at War. Serbia 1915–1918. London, 1980; *Попович Н. Б.* Србија и царска Русија. Београд, 1984; История српског војног санитета. Наше ратно санитетско искусство. Београд, 1992; *Литвиньенко С.* Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007; *Вуковић Ж.* 1915. Савезничке медицинске мисије у Србији. Београд, 2009 и т.д.

inslav

исследования, посвященного этой теме[1]. Сербские исследователи, как правило, ссылаются на недостаток или отсутствие источниковой базы. Могу привести в пример одну из последних работ, вышедших в Белграде в 2009 году: книга называется «1915. Союзнические медицинские миссии в Сербии». Автор Жарко Вукович, врач, всю жизнь посвятивший сбору материала о помощи иностранных миссий Сербии. В издании собраны отрывки из исследований, свидетельства очевидцев, газетные материалы на эту тему. Из 200 страниц книги только три посвящены российской помощи. Называется глава «Россия спасла Сербию». Позволю себе процитировать первое предложение: «Название главы о помощи, которую Россия оказала Сербии и сербскому народу во время тяжелейших дней эпидемии тифа 1915 года, взято не из документов — для такого заглавия нет соответствующей информации из российских источников, а значит ее и не было»[2].

Хочу подчеркнуть, что это не единственный случай, когда в сербской литературе — научной и публицистической — пришлось столкнуться с подобным явлением. Гуманитарная помощь России постепенно становится преданием, не подкрепленным никакими источниками.

В тех работах, где говорится о русской помощи, как правило, не называются имена участников[3]. Во всяком случае, в противоположность своим английским и американским коллегам, они не стали символами самопожертвования и любви к Сербии. Таким образом, тезис о том, что «Россия спасла Сербию» становится все более неопределенным, постепенно превращаясь в миф.

Это явление заставило автора настоящей статьи несколько лет назад начать собирать факты о русской гуманитарной помощи в период Пер-

---

[1] Проблемы гуманитарной помощи Сербии затрагивал в своих работах Ю.А. Писарев. Например, в монографии «Сербия и Черногория в Первой мировой войне» в главе об экономической помощи союзников один из разделов посвящен помощи общественности России Сербии и Черногории. (См.: *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915. М., 1990; Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916. М., 1993; Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1984).; а также см.: За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002; Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: Материалы Международной научной конференции. Москва, 7–8 сентября 2004. М., 2006. С.187–188 и т.д.

[2] *Вуковић Ж.* 1915. Указ. соч. Београд, 2009. С. 97.

[3] Исключением, в силу предмета изучения, стала книга потомка русских эмигрантов С. Литвиненко, который привел биографические данные некоторых русских врачей — участников Первой мировой войны.

inslav

вой мировой войны, чтобы ответить на простые вопросы: кто, когда, что и в каком объеме сделал для Сербии. Первоочередными задачами стали восстановление и систематизация фактического материала, хроники событий, истории каждого санитарного отряда. В ходе работы удалось выделить основные направления гуманитарной помощи населению Сербии. Итогом стала монография, вышедшая в начале 2010 года, основанная на российских архивных документах и периодической печати того времени[1].

Собранный автором фактический материал убедительно свидетельствует, что с течением войны менялись акценты в развитии гуманитарной помощи населению. В 1914–1915 гг. она, прежде всего, заключалась в формировании санитарных отрядов. По запросу российского посланника князя Г.Н. Трубецкого в Сербию отправляются сначала хирургический (отряд княгини Трубецкой), а затем эпидемиологический (московской Александринской общины) отряды. Кроме того, небольшой отряд был подготовлен А.П. Гартвиг — вдовой предыдущего посланника — на средства, отпущенные Российским обществом Красного Креста (РОКК) Сербскому Красному Кресту в начале войны.

Помощь из России была столь существенной, что для координации был создан Комитет помощи сербам и черногорцам при российской императорской миссии в Нише. В этой временной столице сербского государства с учетом стремительного развития эпидемий тифа, а также насущных потребностей населения, были созданы народные столовые, бесплатные амбулатории и аптеки. Средств, присылаемых из России, хватило также на открытие четырех столовых в Белграде. В марте 1915 г. на окраине Ниша был открыт дневной приют на 150 детей, где они получали горячую пищу. Беднейшим выдавалось белье, обувь, платье. Затем был создан приют для круглых сирот на 40 детей. Кроме того, Комитет отправил в Скопье и Битоли вагон вещей и деньги, что позволило оказать серьезную помощь различным сербским организациям, прежде всего, госпиталям. Для Черногории Комитетом были оборудованы два лазарета: хирургический для фронта и эпидемиологический в Дечанском монастыре. Предметом заботы российской миссии было и население разоренных австрийцами областей. Туда отправлялось продовольствие, которое закупалось вагонами[2].

---

[1] *Шевцова Г.И.* Россия и Сербия. Из истории российско-сербских отношений в годы Первой мировой войны (гуманитарный аспект). М., 2010.

[2] Подробнее о российской гуманитарной помощи в этот период см. *Шевцова Г.И.* Ук. соч.

inslav

С конца 1915 — начала 1916 гг. доминирующей становится помощь беженцам, населению оккупированных областей, военнопленным, забота о сиротах павших воинов. Что касается медицинского обслуживания, то в силу политической и военной обстановки, его основная тяжесть в этот период легла на французскую сторону.

Как уже упоминалось, одной из наименее изученных областей российской гуманитарной деятельности в 1914–1915 гг. является история санитарных отрядов. Ни в Сербии, ни в России практически ничего не знают об их деятельности. Поэтому особый интерес представляет деятельность санитарного отряда Петроградского Славянского благотворительного общества, которую довольно подробно можно восстановить по переписке Совета названного общества с государственными и общественными организациями, регулярным отчетам старших врачей, интервью и информации в периодической печати того времени. Сохранились и отдельные формулярные списки сотрудников. На основе этих документов попытаемся определить особенности формирования и функционирования санитарных отрядов, а также некоторые объективные и субъективные сложности, с которыми сталкивались санитарные отряды в Сербии. Санитарный отряд Петроградского Славянского благотворительного общества интересен тем, что он был отправлен в помощь действующей армии и успел принять участие в боевых действиях.

Снарядить на свои средства этот отряд Совет Общества побудили первые известия о событиях на Балканах. Старшим врачом был назначен опытный хирург Н.И. Сычев[1], его заместителем стала Е.Ф. Логинова-Радецкая[2].

---

[1] Сычев Николай Иванович (4 декабря 1878, Харьковская губерния — 1954, Белград), мещанин. Закончил в Харькове ветеринарный институт и медицинский факультет университета. В 1906–1908 гг. работал ветеринаром в Харьковской губернии, с 1909 по 1911 г. — земским медицинским врачом в Орловской губернии. С декабря 1911 по июнь 1913 г. служил врачом Зизели-Тегеранской железной дороги в Персии. Одновременно являлся консультантом-хирургом при сводном лазарете стоявшего на Кавказе русского военного отряда (безвозмездно). С июля 1913 г. был определен на военную службу врачом Персидской казачей его величества шаха бригады. В 1914 г. был назначен старшим врачом санитарного отряда Славянского благотворительного общества. После октября 1917 г. эмигрировал в Королевство СХС.

[2] Логинова-Радецкая Екатерина Фоминична, жена генерал-майора, хирург, заслужила орден отличия в русско-японскую войну (*Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968. С. 128).

inslav

Сформированный отряд состоял из 30 лиц[1], в том числе трех врачей, заведующего хозяйством, восьми сестер милосердия, двух фельдшеров, четырех братьев милосердия, восьми санитаров, двух сиделок[2]. Шесть из приписанных к отряду сестер милосердия состояли в Свято-Георгиевской общине, причем две из них говорили на сербском языке.

Планировалось отправить отряд на шесть месяцев, ежемесячное содержание определялось в 4015 руб.[3] Фактически на снаряжение сербского и черногорского отрядов было затрачено 26 077,69 руб.[4] Кроме стандартного оборудования были предусмотрены рентгеновский кабинет и походная церковь[5]. Всего в 1915 г. на содержание санитарных отрядов в Сербии и Черногории было израсходовано 40 637 руб., на перевязочные средства и лекарства — 9423 руб.[6] Часть белья и перевязочных средств были пожертвованы со склада великой княгини Анастасии Николаевны в Киеве[7].

Для управления отрядом использовалась положительно зарекомендовавшая себя с Балканских войн схема: помимо старшего врача в отряд был направлен уполномоченный — Н.Н. Лодыженский[8], который подчинялся непосредственно Совету Общества и действовал на основе специально разработанной инструкции[9].

---

[1] Интересно отметить и национальный состав отряда: русские и сербы трудились бок о бок. Об этом говорят как списки, поданные в РОКК на страхование жизни, так и просьба Сычева о материальной помощи в 300 динаров сестре милосердия Любице Светозаровне Ракич. Сербы попадали в русские отряды несколькими путями: это могли быть выпускники и студенты российских учебных заведений, пожелавшие в тяжелые дни служить на Родине, либо военнопленные из австрийских подданных, либо вольнонаемные. (Подробнее см.: Центральный государственный исторический архив (далее, ЦГИА) СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1661. Л. 6–6об., Д. 1662. Л. 166, Д. 1669. Л. 100–103; списки отрядов см. *Шевцова Г.И.* Ук. соч. С. 170–175).

[2] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8675. Л. 9.

[3] Для справки: стоимость оборудования и содержание этапного лазарета на 50 кроватей в течение шести месяцев по типовой смете ГУ РОКК стоило 40 000 руб.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1594. Л. 77, 99.

[5] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1603. Л. 2об.

[6] Славянские известия. 1916. 2. С. 6.

[7] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1605. Л. 65.

[8] Лодыженский Николай Николаевич, действительный статский советник, отставной дипломат. В период описываемых событий являлся чиновником по особым поручениям при обер-прокуроре Священного Синода.

[9] В его обязанности входило руководство отрядом согласно указаниям Совета, по возможности удовлетворение потребностей отряда на месте и устранение

inslav

Была продумана схема финансирования отряда. По соглашению с сербским правительством средства на его содержание передавались членами Совета в сербскую миссию в Петрограде для перевода уполномоченному отряда на месте. Окончательные расчеты было решено произвести по окончанию войны[1]. Источниками финансирования были взносы членов Петроградского Славянского благотворительного общества, регулярные церковные сборы, кружечные сборы в городах России[2], целевые[3] и частные пожертвования.

26 сентября 1914 г. Главное управление (ГУ) РОКК сообщило о принятии под свой флаг отрядов Славянского благотворительного общества[4], о чем соответствующее прошение еще в августе подал Совет этой организации. Данное решение давало определенные преимущества при возможных затруднениях с финансированием, а также гарантии, что в случае гибели кого-либо из персонала, его семье будет выплачена страховка в размере 20-кратного оклада.

Отметим, что уже к марту 1915 г. (к седьмому месяцу пребывания в Сербии и Черногории) Славянское благотворительное общество стало ощущать значительную нехватку средств[5] на содержание своих отрядов. Совет организации подал ходатайство в МВД о разрешении целевых кружечных сборов в ряде городов страны. Однако, опасаясь, что эти сборы не дадут значительных средств, Петроградское Славянское благотворительное общество 17 марта 1915 г. обратилось в ГУ РОКК за помощью, которая была оказана перевязочными материалами и

имеющихся недостатков. Уполномоченный имел право получать все сведения, касающиеся деятельности отряда, увольнять и принимать на работу в пределах штата, разрешать отпуск сотрудникам, а также принимать и направлять пожертвования, как вещами, так и деньгами. Важнейшие распоряжения делались в письменной форме. С ноября 1914 г. (после отъезда Лодыженского в Россию) обязанности уполномоченного совмещал с основной нагрузкой старший врач отряда Н.И. Сычев.

[1] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1.Д. 1603. Л.103–103об.

[2] В одной только Твери в марте 1915 г. было собрано 11 753.5 руб. (ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1314. Л. 113).

[3] Например, 31 марта 1915 г. склад белья при доме военного министра пожаловал 200 комплектов белья для лазаретов. (См.: ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1314. Л. 96об.).

[4] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1594. Л. 91.

[5] О первых задержках средств Сычев сообщил в ноябре, затем в декабре 1914 г. Он писал, что закончился ряд медикаментов, многое приходится покупать на месте. К концу декабря Совет Общества перечислил требуемые средства.

inslav

медикаментами, в виду острой необходимости в таковых в Сербии и Черногории[1].

Оценивая размеры иностранной помощи в этот период, большинство исследователей чаще всего сравнивают количество медицинского персонала. Ведется тщательный подсчет врачей, медицинских сестер, санитаров. Такой подход, конечно же, правомерен. Однако представляется очень важным еще и определение своевременности их прибытия. Зачастую именно этот фактор оказывал решающее значение, даже при меньшей численности персонала.

Отряд Петроградского Славянского благотворительного общества прибыл в Сербию 24 сентября и сразу же разделился на сербскую (во главе с Н.И. Сычевым) и черногорскую (во главе с Е.Ф. Логиновой-Радецкой) части. Оба отряда[2] начали свою деятельность в разгар боевых действий.

Других иностранных отрядов, судя по донесениям Трубецкого в МИД, в тот момент еще не было (миссия Американского Красного Креста во главе с доктором Эдвардом Райаном выехала 13 сентября 1914 г.[3], миссия Английского Красного Креста во главе с леди Лейлой Пэджет прибыла на территорию Сербии в ноябре того же года)[4].

Итак, отряд Сычева застал ожесточенные бои у Мачкового камня на границе Боснии. Сербское военно-санитарное управление командировало вновь прибывших в Вальево, служившее первым тыловым пунктом для раненых, отправляемых после оказания первой помощи вглубь страны. По воспоминаниям Н.И. Сычева, потери с обеих сторон доходили до нескольких десятков тысяч человек. Только в этом населенном пункте за сентябрь и октябрь перебывало свыше десяти тысяч раненых сербов[5].

---

[1] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1604. Лл. 115–118, 170. Следующее обращение в РОКК последовало в конце того же года, когда российский посланник при Сербском Дворе князь Г.Н.Трубецкой обратился с настоятельной просьбой о немедленной отправке на Корфу санитарного отряда с оборудованием на 100 коек, но Совет не смог найти средства на его снаряжение. ГУ РОКК решил и эту проблему. Совету Славянского благотворительного общества оставалось только перечислять около 4000 руб. ежемесячно на содержание передвижного госпиталя.

[2] Далее будут называться «сербский» и «черногорский» отряды.

[3] *Вуковић Ж.* Ук. соч. С. 80.

[4] См.: Голос Москвы. 1914.7 ноября. С. 3; *Krippner M.* The Quality of Mercy. P. 58.

[5] *Сычев Н.И.* Сербская армия в Европейской войне. Белград, 1928. С. 7.

inslav

Такое количество раненых и острая нехватка медицинского персонала заставили членов отряда немедленно включиться в работу. При помощи сербской стороны был развернут госпиталь не на 50 (как было запланировано), а на 100 коек[1]. Отряд оставался в Вальево до 28 октября и все это время был переполнен ранеными. К Н.И. Сычеву, как опытному хирургу, направляли только самых тяжелых, требовавших срочной операции.

Под натиском австрийцев госпиталь пришлось спешно эвакуировать в Крагуевац. Старший врач Н.И. Сычев не только вывез всех больных (75 человек), но и сумел сохранить имущество отряда. В Крагуеваце отряд находился недолго, вынужденный по распоряжению Верховной Команды 20 ноября 1914г. выехать в Заечар. Здесь же был смонтирован рентгеновский кабинет.

Из письма Н.И. Сычева в Славянское благотворительное общество следует, что отряд был размещен в прекрасно оборудованном помещении окружной больницы на 200 коек, из которых 100 содержались за счет отряда[2]. Госпиталь продолжал работать в большом напряжении, принимая вместо 100 до 150 человек. Начальник санитарного управления Заечар издал приказ, предписывавший тяжелораненых направлять в русскую санитарную миссию.

За три месяца пребывания в Крагуеваце и Заечаре через лазарет прошло 488 больных и раненых, было сделано 7720 перевязок[3]. Возрастающий объем работы заставил Сычева обратиться в Совет Славянского благотворительного общества с просьбой прислать еще одного врача. Им стал один из ординаторов хирургической клиники Московского университета, командированный в ноябре 1914 г. на средства Московского славянского комитета[4].

Черногорский отряд начал свою работу в Рогатице в 20-х числах сентября, как и сербский отряд, вблизи от линии фронта. По свидетельству участницы событий Пелагеи Савримович, это был первый этап для перевязок и эвакуации раненых, не считая перевязочного пункта в трех километрах от передовой. До приезда отряда Славянского благотворительного общества нуждавшихся в оперативном лечении отправляли в глубокий тыл, так как на передовых позициях работал единственный имеющийся хирург[5]. При отступлении черногорцев из Рогатицы сани-

[1] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 8738. Лл. 12,12об.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1594. Л. 118об.

[3] Славянские известия. 1916. 2. С.11.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1594. Л. 108об.

[5] Подробнее см.: *Шевцова Г.И.* Ук. соч. С. 128.

inslav

тарный отряд потерял все свое имущество. Совет Славянского благотворительного общества не только восстановил все оборудование, но и, учитывая обстоятельства, увеличил госпиталь на 12 коек. В октябре и начале ноября 1914 г. отряд находился в Чайниче[1].

Посланник Трубецкой узнал о тяжелом положении дела помощи раненым в Сербии в ноябре 1914 г. от Н.И. Сычева, когда следовал из России к месту службы и сделал остановку в Вальево. На встрече обсуждалось не только отсутствие в стране медицинского персонала, но и современного оборудования, медикаментов, постельного белья и многое другое. В тот момент Н.И. Сычев был вынужден работать не только в своем, но и сербском госпитале. В последнем был только один сербский врач на несколько сотен больных и раненых, работавший без помощников и нуждавшийся в срочном отпуске[2]. Эта ситуация побудила Г.Н. Трубецкого неоднократно обращаться в МИД с записками о состоянии санитарно-медицинской помощи в Сербии, в которых сообщалось о развитии эпидемий брюшного, сыпного и возвратного тифа, оспы, холеры, скарлатины, дифтерита, о недостатке врачей, а также с многочисленными просьбами о помощи. Подобные письма были направлены и в различные общественные организации, проявлявшие интерес к сербской теме.

Невероятно тяжелые условия работы российского медицинского персонала выявили еще одну серьезную проблему. В послевоенное время на нее указывал С.К. Софотеров[3], консультант всех русских отрядов в Сербии в 1915 г., в письме к неизвестному адресату[4]. Русский врач с горечью писал о недооценке сербами роли российских миссий Крас-

[1] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1594. Л. 95. За этот период в полевых условиях было сделано 2548 перевязок. В октябре была оказана помощь 880 больным и раненым (из них 119 амбулаторно), в ноябре — 1961 (из них 172 амбулаторно). (См.: ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1603. Л. 285–288).

[2] *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 109.

[3] Софотеров Сергей Квинтилианович (1879, Самара — 1949, Белград), доктор медицины, приват-доцент Томского университета, медицинский факультет которого закончил в 1904 г. Обучение продолжил в Германии. Затем работал в Петербургской общине сестер милосердия им. генерал-адъютанта М.П. фон Кауфмана. В 1915 г. был представителем РОКК при Сербской верховной команде. В 1916 г. был старшим врачом госпиталя Святого Димитрия Солунского в Греции. В апреле 1917 г. был утвержден особоуполномоченным РОКК на Салоникском фронте. Был награжден многими сербскими и российскими орденами. После октября 1917 г. эмигрировал в Королевство СХС.

[4] Впервые оно было опубликовано сербским историком *Мирославом Йованови-чем* в подстрочных комментариях к репринту сборника «Историја српског војног санитета. Наше ратно санитетско искуство», изданного в 1992 г.

inslav

ного Креста, считая одной из причин данного явления неуважительный отзыв о качестве русского медицинского персонала в сербско-турецкой войне. Софотеров отметил, что автор сборника «не только позорит деятельность отрядов того времени, но и своим молчанием о деятельности последующих отрядов уже дает понять, почему он так поступает»[1].

Тем не менее, надо констатировать, что в отрядах Славянского благотворительного общества имели место и сложности субъективного характера. Возникшие проблемы были, как правило, связаны с личными качествами и (или) недостаточным профессионализмом персонала[2]. Во-первых, следует упомянуть часть молодежи, которая, поддавшись романтическим устремлениям, пожелала служить не там, куда их определят старшие по званию, а на передовой линии (Татьяна Энгельгардт, Пелагея Савримович, Павел Жуков из черногорского отряда). Они самовольно покинули отряд, оставшись в районе боевых действий. Несмотря на самоотверженный труд, эти сотрудники доставили немало хлопот руководству отряда. Во-вторых, личные качества и недостаточный профессионализм старшей сестры сербского отряда Ксении Смирновой (Община сестер милосердия Святого Георгия), не только не сумевшей организовать средний медицинский персонал, но и спровоцировавшей часть его на демонстративный уход из отряда. Увольнение Смирновой и отправка ее в Россию позволила восстановить дисциплину и состав отряда в полной мере. В-третьих, низкие моральные качества части санитаров и обслуживающего персонала[3]. В-четвертых, проблемы в руководстве отрядов. Совет общества заподозрил Логинову-Радецкую в недостоверности предоставляемой финансовой отчетности и уволил ее с должности, назначив на ее место в декабре 1914 г. младшего врача того же отряда Николая Константиновича Киселева. Она отказалась сдать дела, и отряд находился в ситуации «двоевластия» еще около месяца, пока не вмешалось российское дипломатическое представительство.

Внутренние проблемы были столь серьезными, что Трубецкому пришлось 17 декабря 1914 г. поставить о них в известность товарища министра иностранных дел А.А. Нератова (копия отношения была передана в Совет названного общества). Причины, по мнению посланника, «только

[1] *Софотеров С.К.* Письмо неизвестному адресату. (Архив Музеја Лекарског Друштва, Београд).

[2] Подробнее см.: *Шевцова Г.И.* Ук. соч. С. 95–97. 129–130, 133–135.

[3] Например, 9 декабря Сычев сообщил в Славянское благотворительное общество, что 7 октября уволил санитаров Евдокима Антипчука и Николая Петрова за постоянное пьянство и безобразное поведение. (См.: ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1594. Л. 116об.)

inslav

отчасти крылись в особенностях местной ситуации». Судя по донесению, значительная доля неурядиц была обусловлена отсутствием должной организации и недостаточно осмотрительным подбором личного состава. Впоследствии Трубецкой не раз обращался к этой теме, неизменно требуя, чтобы прибывающий персонал проходил тщательный отбор.

Совместными усилиями Совета общества и российских дипломатов отряд удалось вывести из всех затруднений и обеспечить его функционирование в соответствии с требованиями, предъявляемыми временем[1]. Кроме того, учитывая тяжелое врачебно-санитарное состояние Сербии, Г.Н. Трубецкой поставил вопрос о необходимости продления срока пребывания отряда Славянского благотворительного общества в Сербии, истекавшего в середине января 1915 г. По мнению посланника, работа лазарета Общества, имевшего во главе опытного хирурга Сычева, оказывала «неизмеримые услуги союзной Сербии».

Славянское благотворительное общество продлило полномочия отряда до окончания войны, о чем 7 января 1915 г. было сообщено Н.И. Сычеву[2], вторичного перевода которого в Крагуевац[3] Трубецкой добился [4] в феврале того же года. Госпиталь Славянского благотворитель-

[1] Проблемы с персоналом возникали и позже, но они уже не был столь существенными и не влияли на деятельность отряда.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1603. Л. 253.

[3] При госпитале был оборудован рентгеновский кабинет, обслуживавший всю Сербию. Так как электричества в городе не было, то из отряда княгини Трубецкой передали нефтяной двигатель и нефть, пожертвованные отряду компанией братьев Нобелей. Наладкой оборудования занимался инженер-технолог Виктор Андреевич Павлов, приглашенный впоследствии сербским правительством на службу по устройству радиотелеграфных станций (до занятия Сербии противником). В 1916 г. Павлов пожелал служить в сербской армии.

[4] Именно в Крагуеваце произошло знакомство Н.И. Сычева с королевичем Александром. Во время своего отпуска в Петроград летом того же года Сычев доложил Совету о необычайной внимательности и милостивом отношении к нему лично и отряду вообще сербского престолонаследника. Его высочество неоднократно посещал госпиталь, осматривал его помещения, подробно интересовался ходом лечения больных, к самому же Сычеву относился с таким трогательным вниманием, особенно во время его заболевания тифом, что, по мнению старшего врача отряда, «большего внимания невозможно ожидать». При отъезде Н.И. Сычева в отпуск в конце мая 1915 г. королевич подарил ему свой портрет с надписью, портсигар, наградил орденом и взял слово, что после отпуска он обязательно вернется в Сербию. (ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1661. Л. 229-229об.) Надо отметить, что королевич Александр был внимателен ко всем иностранным отрядам, а из русских отрядов с особенной теплотой он относился к отряду Сычева.

inslav

ного общества, хотя и был оборудован на 200 коек, в отдельные периоды был вынужден принимать до 300 тяжелораненых. При непрекращающемся притоке раненых под лазарет были приспособлены две конюшни гвардейской кавалерии, что позволило разместить еще 300 кроватей. Таким образом, на попечении отряда оказалось 600 больных[1], которых обслуживали только три врача. Персонал работал по 18–20 часов в сутки, выполняя свой долг[2]. Когда поток раненых сократился, Н.И. Сычев не пожелал сидеть без дела. С разрешения Совета Славянского благотворительного общества его отряд принял участие в борьбе с эпидемией тифа[3].

Как и большинство иностранных миссий, отряд Славянского благотворительного общества, по возможности, занимался и благотворительной деятельностью. Одной из обязанностей уполномоченного отряда было информирование Совета Общества о насущных потребностях на местах.

В январе 1915 г. Совет Общества отправил сербскому митрополиту Димитрию (по его просьбе) солдатское сукно на сумму 316,16 руб.[4] Общей проблемой всех госпиталей было отсутствие смены нательного белья у больных и раненых. В отряде Сычева смена выдавалась всем выписывающимся. Более того, Совет счел возможным отправить белье для сербских раненых в госпитали Скопье, о получении которого 13 марта 1915 г. проинформировал российский генеральный консул в Скопье Н.И. Стребулаев. Через Стребулаева также были направлены 400 руб. на устройство приюта для бедных сирот павших в боях сербских воинов[5]. В планах супруги российского консула М.Н. Стребулаевой было открытие столовых для беднейших слоев населения. В июне 1915 г. председатель Киевского Славянского благотворительного общества профессор Т.Л. Флоринский препроводил в Петроградское Славянское благотворительное общество 1640 руб. на помощь жертвам войны в Черногории, которые были направлены Советом в распоряжение российской императорской миссии в Черногории[6].

---

[1] О «большом русском госпитале в Крагуеваце» в этот период упоминает Моника Крипнер в исследовании о деятельности британских медицинских миссий. (См.: *Krippner M.* Op.cit. P. 91).

[2] Славянские известия.1916. 2. С. 11.

[3] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1662. Л. 207–208.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1607. Л. 22.

[5] *Шевцова Г.И.* Ук. соч. С. 99.

[6] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1.Д. 1661. Л. 318.

inslav

В апреле и мае 1915 г. в отряды Славянского благотворительного общества прибыло пополнение. Тогда же из России были отправлены медикаменты, перевязочный материал, инструменты, одеяла, постельное и нательное белье, провиант и прочее, в объеме 116 мест груза, доставленного в трех товарных вагонах. Значительная часть этих вещей была куплена на пожертвования с кружечных сборов в Петрограде, Твери, Нижнем Новгороде, Туле, Владимире, Тамбове, Уфе, Могилеве и Новгороде. В формировании этого груза принимали участие склады императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны, княгини Елены Петровны и склад при МИД[1]. Посильную лепту также внесли склады Е.В. Сухомлиновой, А.А. Оболенской-Нелединской-Малецкой, А.Н. Родзянко[2].

Военные действия на территории Сербии не велись с конца 1914 г. Эпидемия тифа постепенно стихала. Деятельный Н.И. Сычев не находил возможности для применения своих сил и в мае 1915 г. стал просить об освобождении от должности. Персонал отряда стал постепенно разъезжаться: кто в отпуск, кто увольнялся. 2 июля в Совет пришла телеграмма от Сычева, что в Россию уезжают сестры Горбачева и Шелихова. Собирался в отпуск и завхоз Извольский[3]. Сычев вторично обратился в Совет с просьбой о ликвидации отряда[4].

С июня 1915 г. количество больных и раненых в черногорском отряде резко сократилось. Это дало основание руководству Общества с целью экономии материальных и людских средств направить старшему врачу Н.К. Киселеву распоряжение присоединиться к сербскому отряду. Все имущество и медикаменты следовало также отправить в Сербию и сдать Н.И. Сычеву. Решение, принятое Советом Общества, обеспокоило черногорские власти, о чем в июле 1915 г. сообщил в МИД поверенный в делах в этой стране Н.А. Обнорский, передавший ходатайство черногорского правительства о продолжении работы отряда. Тем не менее, 6 августа черногорский отряд выехал в Крагуевац. В Черногории были оставлены зауряд-врач[5] И.К. Васильев, его жена, сестра милосердия К.В. Васильева, медбрат Е.Т. Муштаев и санитар Колпачев[6]. Чтобы вы-

[1] Вестник Красного Креста. 5. С. 1784.

[2] См.: ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1604. Лл. 128–140; Д. 1314. Л. 96об.

[3] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1314. Л.150об.

[4] Надо отметить, что и другие иностранные миссии стали покидать страну. Основной причиной, конечно, было вынужденное безделье.

[5] Фельдшер.

[6] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1662. Л. 51.

inslav

яснить обстановку на месте, к ним выехал Н.И. Сычев. 22 августа он сообщил телеграммой Совету, что больных очень много и следует пополнить отряд Васильева двумя сестрами[1]. Этому отряду пришлось бороться с эпидемиями тифа и холеры. Н.К. Киселев писал о Васильеве, что он «своим примерным поведением, знанием своего дела и добросовестным его исполнением, внимательным и предупредительным отношением к больным и жителям сумел заслужить их любовь и расположение, поддержать честь русского имени, обаяние которого еще сильно в черногорском народе»[2].

16 сентября на заседании Совета Славянского благотворительного общества был заслушан вопрос о необходимости увеличения медицинской помощи Черногории по ходатайству Н.И. Сычева. Ходатайство было удовлетворено. Личный состав отряда был подчинен Сычеву, которому было предоставлено право прикомандировывать из сербского отряда служащих для временного усиления черногорского отряда[3]. В конце сентября, в связи с изменением обстановки, черногорский госпиталь был расширен, дополнительно укомплектован медикаментами и перевязочными средствами. Это значительно облегчило деятельность отряда на следующем этапе.

25 октября из Петрограда к месту назначения выехал новый старший врач черногорского отряда[4] Славянского благотворительного общества Яков Иванович Чабров с сестрой милосердия Ниной Александровной Орловой. Отряд Чаброва выполнял свой долг на территории Черногории до конца декабря 1915 г.

Сербский отряд Славянского благотворительного общества нес службу до отступления сербских войск. В период возобновившихся боев госпиталь вновь работал на пределе возможностей. 2 октября, в ожидании прибытия Сычева из России, Извольский телеграфировал в Совет, что лазарет переполнен ранеными. Только в тот день в него было принято 120 пациентов[5]. 6 октября Сычев прибыл в Крагуевац, практически перед началом отступления сербских войск.

Когда выяснилось, что раненые не могут быть эвакуированы, Н.И. Сычев принял решение остаться в городе, но начальник санитарного управ-

---

[1] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1314. Л. 169.

[2] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1314. Л. 178.

[3] Там же. Л. 165.

[4] Н.К. Киселев уволился и выехал в Россию в связи с тяжелой болезнью жены.

[5] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1314. Л. 192об.

inslav

ления сербской армии отклонил это предложение, считая, что отряд Славянского благотворительного общества принесет больше пользы действующей армии. В Крагуеваце вместе с ранеными остались сербские врачи.

12 октября 1915 г. под натиском неприятеля отряд оставил Крагуевац. Медицинскому персоналу удалось взять все необходимое для оказания медицинской помощи: инструменты, перевязочные средства, медикаменты [1].

Началось отступление вместе с сербской Верховной Командой сначала в Крушевац, затем в Кральево, где значительные запасы медикаментов и перевязочных средств пришлось оставить на складе Сербского Красного Креста.

По прибытии в Новый Пазар отряд немедленно развернул перевязочный пункт в походной палатке, принимая до 300 раненых в сутки. Вскоре стала ощущаться острая нехватка перевязочных средств, поэтому через два дня работа была остановлена. Спустя еще пять дней пришлось оставить и Новый Пазар. Отряд продолжил отступление вместе с сербской армией и беженцами. Далее путь лежал в Черногорию, а затем в Скутари. От Нового Пазара до Скутари члены отряда шли более 600 верст пешком вместе с тысячами сербских беженцев, разделив с ними все тяготы этого горького путешествия.

По предложению Н.И. Сычева, с одобрения и на средства королевича Александра, в местечке Сува-Река был устроен пункт питания для беженцев, где за несколько дней получили еду сотни сербов[2]. По возвращении в Россию, в январе 1916 г., Н.И. Сычев обратился в Совет Славянского благотворительного общества с просьбой возместить эти расходы сербскому правительству. Было принято положительное решение[3].

В конце ноября 1915 г. санитарный отряд Сычева прибыл в Подгорицу, сохранив весь личный состав[4]. Большая часть отряда возвратилась в Россию через Марсель. В донесении в МИД князь Трубецкой написал о работе Николая Ивановича следующее: «Все, что делалось им — делалось добровольно и благожелательно, исключительно по сознанию необходимости оказать возможную помощь нашим союзникам в исключительно трудную для них минуту»[5].

---

[1] АВПРИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 10394. Л. 4.

[2] Там же. Л. 4об.–5.

[3] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д.1669. Л.17 об.

[4] АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 1898. Л. 131.

[5] АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Оп. 495. Д. 8738. Л. 13.

inslav

Прекращение деятельности отряда[1] Славянского благотворительного общества последовало согласно предложению сербского военно-санитарного управления, так как в связи с уменьшением численности сербской армии освободилось большое количество сербских докторов[2]. С 1 февраля 1916 г. Сычев был освобожден от занимаемой должности в Славянском благотворительном обществе и приписан к Главному военно-санитарному управлению[3]. В 1916 г. Н.И. Сычев служил старшим врачом русского 4-го полка особого назначения на Салоникском фронте.

Оценивая деятельность санитарных отрядов Петроградского Славянского благотворительного общества в этот период можно с полным правом сказать, что их помощь была своевременной и необходимой. Они прибыли в Сербию и Черногорию одними из первых, в разгар военных действий, когда войска этих стран остро нуждались в медицинском персонале. Несмотря на возникшие впоследствии субъективные сложности, русские отряды с честью выполнили свою гуманитарную миссию. Они были расформированы по согласованию с соответствующими военно-медицинскими управлениями, когда неприятель занял территории Сербии и Черногории.

Приведенный фактический материал дает представление о составе отряда, его финансировании и управлении, об объеме проделанной работы и т.д. и, надеюсь, будет способствовать созданию объективной, целостной картины русского присутствия на Балканах.

---

[1] За свою самоотверженную деятельность члены отряда были награждены российскими и сербскими знаками отличия. Н.И. Сычев был награжден российскими, сербскими и черногорскими орденами. Н.К. Киселеву был пожалован орден Святого Станислава 2-й степени. Не были забыты и рядовые члены отряда. Серебряной медалью РОКК на Аннинской ленте были награждены сестры милосердия Татьяна Абрамова, Анна Горбачева, Анна Исидорова, Людмила Петрова, Екатерина Шелехова. Анна Исидорова была также отмечена серебряной медалью и дипломом Сербского Общества Красного Креста. Золотую медаль на Аннинской ленте получили сестры милосердия Нина Орлова, Тамара Петрович-Негош, Клавдия Саблина, завхоз Василий Извольский, заведующий рентгеновским кабинетом Иван Паньшин. Черногорскими орденами были награждены Т. Энгельгардт, П. Савримович, П. Жуков, супруги Васильевы, медбрат Муштаев.

[2] АВПРИ.Ф. 146. Оп. 495. Д. 10394. Л. 5.

[3] ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1669. Л. 42.

inslav

Ю. В. Лобачева
(Москва)

Югославянская эмиграция в Южной Америке накануне и в годы Первой мировой войны

Массовая эмиграция югославян из Австро-Венгрии и Королевств Сербии и Черногории в Америку прослеживается приблизительно с 1880-х годов XIX в. Основной ее поток направлялся в Северную, ставшую наиболее крупным заокеанским центром югославянской эмиграции, а часть переселенцев — в Южную Америку [1]. Данная статья посвящена социальным и политическим аспектам истории возникновения и деятельности югославянской диаспоры в Южной Америке в конце XIX — начале XX в.

Начало интенсивного переселенческого движения югославян из Европы (прежде всего, югославянских областей Австро-Венгрии) в Южную Америку приходится на последние десятилетия XIX в. В его основе лежали экономические причины, они же обусловили этнический и социальный состав эмигрантов [2]. Большинство из них были хорватами

[1] История югославянской эмиграции в США на рубеже XIX–XX веков освещена в других статьях автора. См., например: *Лобачева Ю.В.* Сербское правительство, Югославянский комитет и сербо-хорвато-словенская эмиграция в Америке в 1914–1916 годах // Славяноведение. 2007. № 4. С. 3–28; *Она же.* Словенская эмиграция в США в конце XIX — начале XX века // «Studia Slavica-Polonica» (К 90-летию И.И. Костюшко). Сборник статей / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2009. С. 54–66; *Она же.* Сербские и хорватские переселенцы в США в конце XIX — начале XX веков // «Studia Balkanica» (К юбилею Р.П. Гришиной). Отв. ред. А.Л. Шемякин. Сб. ст. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 118–138.

[2] Например, ухудшение экономической ситуации наблюдалось в югославянских областях Австро-Венгрии (в частности, в Далмации). С другой стороны, более выгодные по сравнению с Европой условия жизни в Южной Америке способствовали притоку туда переселенцев. Так, во второй половине XIX в. экономическое развитие ряда южноамериканских государств (например, Аргентины, Бразилии, Уругвая, Чили) привело к потребности в рабочей силе и обусловило направление политики их правительств на привлечение эмигрантов. Российский дипломат А.С. Ионин, подробно описавший переселение из Европы в Аргентину, указывал: «Все — и правительство, и частная предприимчивость, все местные помыслы обратились к вопросу об эмиграции. И в Европе, и в самой стране, во всех ее провинциях, устраивались взапуски общества и агенства для водворения здесь эмигрантов и для перевозки их из Европы; правительство явилось с огромными субсидиями, строило всюду для прибы-

inslav

(преимущественно выходцы из Далмации, прилегающих к ней островов и Дубровника), некоторую долю составляли сербы и черногорцы, а также немногочисленные уроженцы Герцеговины и македонские сербы [1]. Среди эмигрантов преобладали крестьяне и рабочие, за ними следовали ремесленники и торговцы, численность интеллигенции была незначительна. Эмигрировали в основном молодые мужчины [2].

Для определенной же части югославян (прежде всего, из Далмации) главным мотивом переселения был политический. Так, по сообщению российского посланника в Буэнос-Айресе Е.Ф. Штейна, «в последние годы перед войной, как последствие обострившихся гонений Австро-Венгерского правительстсва на своих славянских, и в частности православных подданных, в Аргентину начали прибывать многие югославянские интеллигенты, главным образом далматинцы» [3]. А югославянский деятель М. Колин [4] писал о том, что «переселенцы в Южную Америку в большинстве хорваты из Далмации, чаще всего из далматинского Приморья и островов», преследуемые чужестранцем «на собственной территории», покидали «родной очаг, чтобы в далекой стране найти источник для жизни своей и своих родных» [5].

вающих эмигрантов приюты, в которых они могли бы жить до приискания работы или земли; образовывалась целая администрация в ведении центрального правительства, причем прежние способы контрактов между владельцами земли и эмигрантами, стеснительные и казуистические, изменялись все более и более в либеральном смысле. Все поняли, что пришел бы только работник из Европы, а возможность эксплуатировать его всегда найдется и без контракта. В более отдаленных местностях владельцы огромных пространств земли, купленных ими за бесценок, пришли даже к такому выводу, что выгодно отдать эмигрантам часть этой земли даром для того только, чтобы поднять ценность соседних с ними участков» (*Ионин А.С.* По Южной Америке. СПб., 1892. Т. 2. С. 224–225).

[1] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi i stvaranje jugoslavenske države 1918. Zagreb, 1987. S. 16–17; *Paulova M.* Jugoslavenski odbor. Zagreb, 1925. S. 226; Југословенски добровољци 1914–1918. Србија, Јужна Америка, Северна Америка, Аустралија, Француска, Италија, Солунски фронт. Зборник докумената / прир. Н. Поповић. Београд, 1980. С. X.

[2] См., например: *Antić L.* Hrvati u Južnoj Americi do godine 1914. Zagreb, 1991. S. 39–46.

[3] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП. ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 185–185об.

[4] В годы Первой мировой войны он являлся секретарем Временного правления организации переселенцев Югославянская народная оборона («Jugoslovenska narodna obrana)».

[5] *Kolin M.* Jugosloveni u Južnoj Americi u radu za svoj narod. Zagreb, 1920. S. 8.

inslav

Югославяне расселились главным образом на территории Аргентины, Чили, Боливии, Перу, несколько меньше их было в Уругвае, Парагвае и Бразилии. Экономика первых четырех государств, где проживало большинство переселенцев, базировалась на определенной отрасли, в которой они в основном и были заняты. В Аргентине это было сельское хозяйство, в Чили — производство селитры, а в Перу и Боливии — горное дело. Кроме того, эмигранты занимались торговлей и судоходством. Югославяне располагались практически на всех ступенях социальной лестницы. Причем в более выгодном положении они находились в Чили, Боливии и Перу, в то время как уровень жизни многих эмигрантов в Аргентине был даже ниже, чем до их приезда в Южную Америку [1].

По словам Штейна, в Аргентине «лишь сравнительно немногие» эмигранты из Австро-Венгрии «достигли значительного материального благосостояния, большинство же живет хотя и безбедно, но скромно», в то время как в Чили «большинство их сильно разбогатело на новой родине и составляет на местах, где прочно осел этот элемент, наиболее влиятельный контингент в делах муниципального управления, а также в смысле общественном»[2]. Позже, в 1918 г., Спиро Познанович [3] по сути так же описал положение югославян в Аргентине и Чили в письме сербскому премьер-министру Николе Пашичу: «И в то время, как в Чили почти все эмигранты находятся в хорошем положении и среди них достаточно богатых людей, большая их часть происходит из Дубровника и с острова Хвар, в Аргентине переселенцы в большинстве своем из верхней Далмации... моряки,... с простой моралью, голь перекатная, и, кроме братьев Михановичей, почти нет богатых людей» [4].

Несмотря на то, что иммиграционная политика южноамериканских правительств была направлена на привлечение «работников из Европы», власти не всегда были достаточно хорошо подготовлены к их прибытию. Реальные условия, в которых оказывались славянские переселенцы, зачастую были весьма тяжелыми.

Югославянские эмигранты сталкивались с необходимостью адаптироваться в новой среде, справляться с возникавшими социальными и экономическими трудностям. В частности, выдерживать экономиче-

[1] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 18–24. Также см., например: *Antić L.* Hrvati u Južnoj Americi... S. 42–46; *Paulova M.* Op. cit. S. 226–227.

[2] ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 177–177об.

[3] В 1916 г. он был направлен сербским правительством в Южную Америку для рекрутирования добровольцев в сербскую армию.

[4] Архив Србије (АС). Заоставштина Николе Пашића (несређена грађа).

inslav

скую конкуренцию (особенно в торговле) и сосуществовать (а иногда и противостоять) с другими национальными группами — например, итальянцами и немцами. Приспосабливаться к чужому миру и поддерживать этнокультурные традиции «старого края» им помогало объединение с соотечественниками и создание собственных организаций. Как и югославяне в США, они образовывали колонии, насчитывавшие от нескольких десятков до нескольких тысяч человек. Исключение составляли переселенцы, занимавшиеся земледелием и животноводством на огромных просторах аргентинской провинции. В этой республике югославянские колонии были только в Буэнос-Айресе и области Санта Фе [1].

Значительная часть приезжавших в то время из Европы в Южную Америку эмигрантов считала свое пребывание там временным и рассчитывала вернуться на родину. «По крайней мере треть эмигрантов, едущих в Буэнос-Айрес, отправляется не с намерением окончательно поселиться на новых землях, а только на кратковременный заработок», — указывал российский дипломат А.С. Ионин [2]. О переселенцах из Далмации он писал: «Далматинец, как и грек, до фанатизма любит свою родину, свои неблагодарные горы. Это патриотический партикуляризм моряков, которые... всегда видят огонек в оконце своей родной хижины. Вся мечта этих людей — построить дом в своем родном селе или городке, похвастаться, вернувшись домой из-за морей, перед своими соотечественниками и вместе отблагодарить свою хижину за то, что она служила им путеводным нравственным маяком в их жизни... С такими мечтами в голове далматинец редко переселяется окончательно в Новый Свет и весьма редко привозит сюда с собою свое семейство» [3]. М. Колин говорил об эмигрантах из Далмации, Приморья и островов, что они «навсегда оставались тесно связаны со старой своей родиной, питая твердую надежду, что, поправя экономическое положение,... вернутся в круг своих милых и дорогих и здесь продолжат жизнь в веселье и радости, которые могут им дать только отчий дом и родина» [4].

Вместе с тем, точно не известно, какая часть югославянских эмигрантов возвращалась на родину. Американский исследователь У. Ньюгент предполагает, что, если целью переселенцев в Новом Свете было занятие сельским хозяйством, то они там и оставались, а если получе-

[1] *Antić L.* Hrvati u Južnoj Americi... S. 33.

[2] *Ионин А.С.* Указ. соч. С. 226.

[3] *Ионин А.С.* Указ. соч. С. 249.

[4] *Kolin M.* Op. cit. S. 8.

inslav

ние высокого заработка — возвращались в Европу [1]. В отношении югославянской эмиграции он заметил, что она «была почти чисто рабочей», и, хотя многие намеревались вернуться, по-видимому, это сделали сравнительно немногие [2].

Социальная и культурная жизнь югославян большей частью протекала внутри их этнических сообществ. В частности, в последние десятилетия XIX — начале XX в. хорватские эмигранты основали ряд собственных организаций, в число которых входили благотворительные, культурные, спортивные и общественно-политические объединения, и начали выпуск периодических изданий [3]. Так, М. Колин указывал, что еще «задолго до войны в разных местах и городах» появились различные местные общества; например, «Славянские вспомогательные общества», «цель которых была в том, чтобы объединять наших людей, поддерживать больных и заботиться о нуждающихся» [4].

Приведем сведения о деятельности некоторых учреждений эмигрантов. В 1882 г. в Буэнос-Айресе возникло «Slavjansko društvo od uzajamne pomoći» («Славянское общество взаимопомощи»), правила которого были опубликованы в первом номере ежемесячной газеты «Iskra slavjanske slobode» («Искра славянской свободы») за 1883 г. Это общество и газета были тесно связанны с читальней «Spavajući lav» («Спящий лев») и являлись ядром патриотической деятельности и культурной жизни переселенцев в Аргентине. Общества проповедовали идеи славянской взаимности, выступали против антиславянской политики Австро-Венгрии. В 1894 г. в Антофагасте (Чили) было образовано «Slavjansko pripomoćno društvo» («Славянское вспомогательное общество»), которое имело и общественно-политические цели. Заботясь о сохранении «национального сознания» переселенцев, эмигранты решили вести протоколы собраний на хорватском языке. Деятельность этой организации послужила фундаментом для национального движения переселенцев во время

[1] *Nugent W.* Crossings: the Great Transatlantic Migrations, 1870–1914. Bloomington, 1992. P. 34. Он указывает (не уточняя национальный состав реэмигрантов), что, по данным аргентинской официальной статистики 1857–1914 гг., число уехавших из страны эмигрантов составило 43,3 % от числа прибывших; из Бразилии в 1899–1912 гг. вернулись 66 % переселенцев; из США в 1908–1914 гг. — 52,5 % эмигрантов (*Nugent W.* Op. cit. P. 35).

[2] Ibid. P. 90.

[3] По данным хорватского историка Л. Антича, первые общества переселенцев организовались в 70-е годы XIX в. Затем они открыли свои школы, банки (*Antić L.* Hrvati u Južnoj Americi... S. 34).

[4] *Kolin M.* Op. cit. S. 9.

inslav

Первой мировой войны в Антафагасте. В Пунта Аренасе (Чили) с 1900 г. существовало «Hrvatsko dobrotvorno društvo» («Хорватское благотворительное общество»), ставшее в годы войны основой для развития там югославянского политического движения. Оно старалось поддерживать национальную хорватскую самобытность, а его официальным языком был хорватский. Почетным членом общества являлся Ю. Штроссмайер [1].

Наряду с благотворительными, эмигранты создавали и другие объединения. Так, с 1913 г. в Пунта Аренасе существовал «Hrvatski dom» («Хорватский дом»), являвшийся центром национальной, культурной и политической деятельности переселенцев. В 1912 г. там появился «Hrvatski športski klub "Sokol"» («Хорватский спортивный клуб "Сокол"»), одной из задач которого, как и других сокольских обществ, было развитие национального самосознания эмигрантов. А группа хорватов в Сан Пауло (Бразилия), первоначально входивших в австрийское общество «Viribus unitis», в 1907 г. основала организацию «Jugoslavenski sokol» («Югославянский сокол»). Кроме того, в 1908 г. в городе Ацебаль (Аргентина) было учреждено «Društvo Južnih Slavena — za materinsku riječ» («Общество южных славян — за родное слово»), целями которого являлись забота о сохранении патриотических чувств, помощь родине и выступления против Австро-Венгрии. Пропагандировала эти идеи газета общества — «Materinska riječ». А хорватские эмигрантки в январе 1914 г. образовали общество «Hrvatska žena» («Хорватская женщина») [2]. О религиозной стороне жизни эмигрантов нам известно только то, что православные сербы, черногорцы и далматинцы в Буэнос-Айресе с 1889 г. посещали русский православный храм [3].

При многобразии различных обществ организационная структура югославянской диаспоры имела много слабых сторон, связи между переселенцами из разных республик практически отсутствовали. «До войны вообще не существовало никакой большой огранизации наподобие современной Югославянской народной обороны («Jugoslovenska narodna obrana») [4], которая бы взяла нас под защиту», — писал М. Колин [5]. А С. Познанович замечал, что «Аргентина и Чили — соседние государ-

[1] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 28–30.

[2] Ibid. S. 31–32.

[3] Подробнее см., например: *Крюков Н.А.* Аргентина. Сельское хозяйство в Аргентине в связи с общим развитием страны. Петербург, 1911. С. 470–471.

[4] Единая политико-экономическая организация переселенце в годы Первой мировой войны.

[5] *Kolin M.* Op. cit. S. 9.

inslav

ства, но они дальше друг от друга, чем Сербия от Японии. До войны местные хорваты не знали о хорватах в Чили и наоборот, а самая серьезная причина такого положения — недостаток сообщения между ними» [1].

Югославянские эмигранты не теряли связь с родиной. Они следили за событиями в Европе (прежде всего, в Австро-Венгрии и Сербии) и пытались по возможности выразить к ним свое отношение. Так, определенная их часть еще до Первой мировой войны выступила противником австро-венгерской политики в отношении славян. В начале XX в. в кругу эмигрантов начали распространяться и хорватские политические идеи. Хорватские переселенцы поддерживали требования объединения Далмации с остальными частями Хорватии, политических свобод и т.д., но конкретного плана решения хорватского вопроса у них не было [2].

Уже в то время среди эмигрантов были сторонники югославянского единства. По словам Е.Ф. Штейна, «когда после балканской войны в Далмации стала все более и более укрепляться идея воссоединения ее с Королевством Сербией, движение это тотчас же нашло живейший отклик в чилийских далматинцах» [3]. По данным чешской исследовательницы М. Пауловой, еще до Первой мировой войны некоторые эмигранты в Антофагасте и Пунта Аренасе поддерживали связь с националистическим молодежным движением на родине. Они читали «Val» («Вал»), «Narodno Jedinstvo» («Народное единство»), получали пражскую «Jugoslavija» («Югославию») и под влиянием югославянской пропаганды, проводимой участниками этого движения в Европе, начали агитацию за объединение [4].

Возможно, Балканские войны стали переломным моментом в политическом определении части хорватских эмигрантов. С этого времени они начали все более склоняться к югославянским идеям, что нашло выражение и в их деятельности. Так, например, ими была организована акция по сбору помощи для Сербии и Черногории. Ее начали хорватские общества, затем были учреждены «Комитеты помощи Сербско-черногорскому Красному Кресту». Главный комитет находился в Росарио, а средства чаще всего отправлялись через русские консульства или на адреса известных людей в Хорватии, которые потом ее распределяли [5]. Другим подтверждением приверженности части переселенцев идее югосла-

---

[1] АС. Заоставштина Николе Пашића.

[2] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 41.

[3] ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 180об.

[4] *Paulova M.* Op. cit. S. 227.

[5] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 32, 41–42.

inslav

вянского единства может служить содержание «Малого катехизиса хорватско-сербского народа», опубликованного в газете «Domovina» («Отечество») в 1913 г. [1].

Необходимо также сказать о программе и деятельности «Хорватского союза» («Hrvatski savez»), появившегося в 1913 г. в Росарио де Санта Фе (Аргентнина). Его основателем был Иван Раделяк. В планы Союза входило объединение всех хорватов Южной Америки в одну организацию, которая стала бы «всеобщей политической организацией хорватского народа». Хорваты должны были собраться под лозунгом «свободу Хорватии» и девизом «Хорватия хорватам». С другой стороны, одной из целей «Хорватского союза» было «выступление в пользу народного единства». Во время Балканских войн газета общества «Zajednica» («Объединение») выступила с инициативой собрать помощь для Сербского и Черногорского Красного Креста, сопроводив это призывом: «Да здравствует братство хорватов и сербов!» [2].

Наряду с этим, и до, и во время Первой мировой войны среди эмигрантов имелись сторонники Австро-Венгрии и ее политики. В известных нам источниках речь идет о переселенцах в Аргентине [3].

Обобщая сказанное, отметим, что основными чертами югославянской эмиграции из Европы в Южную Америку на рубеже XIX–XX вв. были ее массовый и главным образом экономический характер. До 1914 г. усилия югославян в целом были направлены на преодоление сложностей, связанных с адаптацией к новой среде, на решение социально-экономических вопросов и поддержание этнокультурных традиций, что нашло выражение в создании и деятельности соответствующих организаций. Формирование общественно-политических позиций и национально-культурная деятельность эмигрантов стали основой для развития югославянского движения в Южной Америке в 1914–1918 гг.

* * *

События Первой мировой войны существенно повлияли на жизнь югославянской диаспоры в Южной Америке. Одним из главных результатов социально-политических трансформаций стало возникновение и становление югославянского политического движения среди переселенцев. Оно имело целью оказание помощи соотечественникам в Европе,

[1] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 42.

[2] Ibid. S. 30.

[3] См., например: *Kolin M.* Op. cit. S. 11.

inslav

выступавшим под руководством сербского правительства и Югославянского комитета — политической организации эмигрантов из Австро-Венгрии в Европе во главе с Анте Трумбичем, боровшейся за освобождение и государственное объединение всех югославян, населявших югославянские области Австро-Венгрии, Сербию и Черногорию.

Обозначим основные вехи в развитии этого движения и его место в жизни югославянской общины в Южной Америке в 1914–1918 гг., а также вклад переселенцев в создание Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г.

Уже само начало военного конфликта в Европе вызвало живой отклик антиавстрийски настроенных эмигрантов. В поддержку Сербии и югославянских идей выступила пресса, устраивались манифестации, собирались денежные пожертвования в пользу Сербского и Черногорского Красного Креста. Кроме того, аргентинские югославяне обратились за помощью в Российскую миссию в Буэнос-Айресе. К первым месяцам войны, возможно, относится и начало спонтанного добровольческого движения [1].

В 1915 г. сторонники югославянского движения продолжили пропаганду на страницах печати и сбор средств для Красного Креста, а также провели ряд манифестаций в поддержку идей объединения сербов, хорватов и словенцев. Вместе с тем, их деятельность постепенно выходила на качественно новый уровень: установился контакт с Югославянским комитетом и созданы основы для совместной работы эмигрантов из разных частей Южной Америки и Европы.

В частности, в начале 1915 г. Комитет обратился к переселенцам с просьбой о финансовой помощи [2], а затем была налажена и постоянная связь между ними. Осенью того же года в Южную Америку прибыли М. Мичич, член Югославянского комитета, и Л. Леонтич, член Югославянской объединенной омладины, для проведения пропаганды югославянских идей и организации деятельности эмигрантов и добровольческого движения. Кроме того, в 1915 г. началось формирование единой «политико-экономической» организации переселенцев Югославянской народной обороны (ЮНО), сыгравшей важную роль в жизни всей югославянской диаспоры [3].

---

[1] О деятельности югославян в 1914 г. см., например: *Paulova M.* Op. cit. S. 227–228; *Stefanović-Đačić Z.* O ulozi naših iseljenika u Južnoj Americi za vrijeme prvog svjetskog rata // Jugoslavenski odbor u Londonu u povodu 50-godišnjice osnivanja. Zagreb, 1966. S. 522; ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 171, 172.

[2] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 79–80; *Stefanović-Đačić Z.* Op. cit. S. 521.

[3] О создании ЮНО см., например: *Stefanović-Đačić Z.* Op. cit. S. 522–527.

inslav

Временное правление ЮНО было избрано на собрании переселенцев в Антофагасте 14 февраля 1915 г., его председателем стал крупный югославянский промышленник Пашко Бабурица, возглавивший деятельность сторонников объединения. Уже тогда в качестве основной цели ЮНО было определенно названо сотрудничество с Югославянским комитетом для достижения «полного народного объединения и освобождения» [1]. 22 апреля в Антофагасте вышел первый номер газеты ЮНО под названием «Jugoslavija» («Югославия») [2]. 2 мая 1915 г. на заседании югославян в Антофагасте было образовано первое отделение ЮНО — «Jadran» («Адриатика») (его главный комитет одновременно являлся и Временным правлением) [3]. Весной 1915 г. организация начала и сбор средств в пользу Югославянского комитета [4].

В 1915–1916 гг. много поспособствовали развитию югославянского движения югославянские деятели из Европы. По мнению М. Пауловой, только с появлением Леонтича в Южной Америке началась «настоящая деятельность» югославян. Он не только участвовал в формировании новых югославянских объединений, но и попытался наладить связи между колониями эмигрантов в разных частях Южной Америки [5].

Е.Ф. Штейн в ноябре 1916 г. писал о его деятельности: «В... югославянском движении в Чили, в смысле пропаганды всесербской идеи, популяризации ее среди чилийцев и вербования ее сторонников, чрезвычайно важную роль сыграл далматинец Любо Леонтич... Призванный в сентябре 1915 г. из Женевы в Антофагасту для редактирования журнала “Югославия” [6] — переименованного ныне в “Югославянскую Державу” [7], Леонтич с лихорадочной деятельностью и энтузиазмом взялся за организацию... общества “Югословенска народна обрана” (ЮНО. — *Ю.Л.*). Мало по малу он объездил все места Боливии, Перу и Чили, где имеются южные славяне, всюду устраивая конференции, произнося речи и учреждая патриотические комитеты — вернее отделения названного главного клуба, перенесенного затем и окончательно учрежден-

[1] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 61.

[2] *Leontić L.* Jugoslovenski odbor u Londonu i Jugoslovenska ujedinjena omladina // Jugoslavenski odbor u Londonu u povodu 50-godišnjice osnivanja. Zagreb, 1966. S. 249.

[3] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 62–63.

[4] *Leontić L.* Op. cit. S. 249.

[5] *Paulova M.* Op. cit. S. 229.

[6] «Jugoslavija» («Югославия»).

[7] «Jugoslavenska država» («Югославянское государство»).

inslav

ного, как руководящий центр движения, под тем же названием в Вальпараисо» [1]. Помимо этого, результатом работы Леонтича в Аргентине, где он находился с лета 1916 г., стало «учреждение отделений “Ядрана” (“Адриатики”. — *Ю.Л.*) в таких крупных городах Аргентины, как Росарио, Павон-Ариба, Корнель Богадо и Сарато и, кроме того, в столице соседней Уругвайской Республики — Монтовидео», которые должны были стать «местными центрами для дальнейшей пропаганды» [2].

О миссии Мичича, по сообщению российского посланника в Аргентине, известно, что он прибыл в Буэнос-Айрес «для привлечения здешних австрийских славян в орбиту действий и влияния означенного Комитета (Югославянского. — *Ю.Л.*). Мичич дал в Буэнос-Айресе несколько конференций, встреченных довольно равнодушно... Вследствие сего Мичич, после весьма короткого пребывания в Аргентине, уехал в Чили, вынеся о сделанном ему здесь довольно сдержанном приеме не особенно благоприятное впечатление. Тем не менее в смысле организаторском пребывание здесь делегата Лондонского Комитета несомненно дало положительный результат, так как хотя клуб “Хорватская стража”(“Hrvatska straža”) и независимая от него газета “Слобода” (“Sloboda”) существовали еще до приезда сюда Мичича, но за последним должна числиться заслуга в слиянии обоих обществ в новом обществе “Ядран” и выработке для него полного устава. В это общество вошли впоследствии как бывшие члены клуба “Хорватская стража”, так и подписчики и покровители газеты “Слобода”» [3].

С другой стороны, по словам Штейна, в Чили он «встретил со стороны славянских организаций» «вполне сочувственный прием и основался в Вальпараисо». «Деятельность свою Мичич посвятил главным образом упорядочению материальной части движения, которое обязано ему... успешным решением вопроса о сборе, размерах и назначении подписок на югославянскую пропаганду и на материальное поддержание центрального комитета в Лондоне» [4].

В итоге действия югославянских представителей из Европы не только положительно повлияли на становление политического движения переселенцев и изменение структуры их организаций, но и обеспечили благоприятные условия для работы Югославянского комитета. Помимо одобрения его программы, местные эмигранты оказали Комитету суще-

[1] ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 182–182об.

[2] Там же. Л. 189об–190.

[3] ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 188–188об.

[4] Там же. Л. 183–183об.

inslav

ственную финансовую поддержку [1], что имело немалое значение для всего югославянского движения. Вместе с тем, агитация за вступление в добровольческие отряды, проводившаяся европейскими эмиссарами при поддержке местных обществ, в силу ряда причин ощутимых плодов в 1915–1916 г. не дала.

* * *

Одним из важнейших событий в истории объединительного движения в Южной Америке стал Народный конгресс в Антофагасте 23 января 1916 г. [2]. В нем приняли участие югославяне из Чили, Аргентины, Боливии, Перу и Уругвая. В резолюции Конгресса эмигранты, в частности, заявляли, что порывают «всякие связи с Австро-Венгрией и Габсбургским домом», предоставляют «себя и свое имущество в полное распоряжение сербской власти», а также подтверждают свое «совершенное доверие» Югославянскому комитету, который считают «законным представителем» югославянских земель Австро-Венгрии [3]. Один из пунктов сформулированной переселенцами политической программы утверждал единство сербов, хорватов и словенцев и содержал требование «освобождения всех югославян и объединения всех югославянских земель в одно единое независимое национальное государство» [4].

Этот конгресс и его решения обосновывали саму идею югославянского государственного объединения и подтверждали легитимность деятельности Югославянского комитета по освобождению и объединению югославян. Признание же югославянскими эмигрантами династии Карагеоргиевичей и политической программы Сербии укрепляло ее международный престиж.

На конгрессе было завершено формирование ЮНО. В принятой югославянами «Рабочей программе» подчеркивалось, что Югославянская народная оборона объединяет все югославянские колонии в Юж-

---

[1] См., например: Arhiv Jugoslovenske Narodne Obrane iz Južne Amerike. Zagreb, 1934. Kn. I. Sv. 1. S. 5.

[2] О Народном конгрессе см., например: *Kolin M.* Op.cit. S. 15–18; *Paulova M.* Op. cit. S. 230–232; *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S.113–128; *Šišić F.* Documenti o postanku Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1914–1919, Zagreb, 1920. S. 48–49.

[3] ГАРФ. Ф. 102. ДП.ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 195об. Текст резолюции также см., например: *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 118; *Paulova M.* Op. cit. S. 230–231.

[4] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 118.

inslav

ной Америке в одну организацию для того, чтобы они общими силами оказали содействие осуществлению югославянских стремлений. В ней предусматривались следующие задачи ЮНО: 1) осуществление югославянской политической программы; 2) повышение социального и экономического уровня югославянских земель; 3) улучшение социальных и экономических условий жизни эмигрантов в Южной Америке [1]. Однако, по оценке хорватского историка Л. Антича, во время войны основное внимание переселенцев было уделено исполнению первого пункта программы, а ЮНО стала исключительно политической организацией [2].

Также была выработана «Финансовая основа» ЮНО, регулировавшая ее финансовые отношения с Югославянским комитетом [3]. Как отмечал Е.Ф. Штейн, «было решено, помимо добровольных пожертвований на Сербско-Черногорский Красный Крест и в пользу семейств убитых и раненых воинов, приступить к собиранию фондов для поддержки Югославянского комитета в Лондоне общей подпиской в 10 000 песо (приблизительно столько же рублей) в месяц, и 3 000 песо ежемесячно на пропаганду югославянской идеи в Южной Америке» [4].

И, видимо, одновременно с конгрессом в различных местах Чили проведена подписка на Сербо-Черногорский Красный Крест, причем в одной Антофагасте собрали «120 тыс. франков, а в Пунта-Аренасе — 60 тыс., не считая многих других городов и местечек» [5]. 12 февраля ЮНО оповестила Югославянский комитет о том, что взяла на себя обязательство финансировать его деятельность [6]. Летом 1916 г. югославянские деятели из Южной Америки П. Бабурица, В. Митрович и В. Моро были кооптированы в состав Югославянского комитета [7], что дополнительно укрепило основы единой структуры объединительного движения югославянских эмигрантов в Европе и Южной Америке.

Осенью 1916 г. в Южную Америку прибыл эмиссар сербского правительства С. Познанович с целью набора добровольцев в сербскую армию. Сербское руководство, по сообщению Штейна, дало ему поручение «озаботиться отправкою во Францию, для последующего обу-

[1] Ibid. S. 119. Также см., например: ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 194.

[2] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 119.

[3] Ibid. S. 123; *Stefanović-Đačić Z.* Op. cit. S. 527.

[4] ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Д. 231. 1916 г. Т. 2. Л. 181об.

[5] Там же.

[6] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 167.

[7] Ibid. S. 164.

inslav

чения в лагере в Бизерте, а затем включения в ряды сербских войск на Салоникском фронте, проживающих в Республиках Аргентинской и Чилийской югославян» [1]. И уточнял, что «под последним наименованием сербское правительство... подразумевало всех вообще славян сербского племени, т. е. сербов Королевства, черногорцев и австровенгерских югославян» [2].

* * *

Югославяне, как уже отмечалось выше, не были едины в политических воззрениях. Некоторые эмигранты заняли нейтральную позицию, а часть переселенцев встала на сторону Габсбургской династии, составляя оппозицию приверженцам государственного объединения югославян. Так, С. Познанович сообщал Н. Пашичу о проавстрийски настроенных хорватах в Аргентине [3].

Кроме того, среди участников югославянского движения также наблюдались определенные политические расхождения, в том числе по национальному вопросу, что отчасти являлось проекцией разногласий, существовавших в европейском движении югославян. Так, в ноябре 1916 г. Штейн указывал на «внутренний раскол» в югославянском движении в Аргентине, «вызываемый столкновением хорватских и сербских интересов на почве религиозной, а также толкованием той формулы, под какой должно совершиться объединение народов сербской крови» [4]. И пояснял: «В начале движения подъем патриотического чувства, жалость к Сербии, негодование против Австрии и пр. объединили обе партии в одном чувстве, укрепляемом все растущею уверенностью в нашей победе. Однако с некоторого времени я не могу не заметить, что первоначальная рознь начинает всплывать все с большею и большею определенностью и что в основе этого прискорбного явления лежат, несомненно, страх и неуверенность, под влиянием хода военных событий, в конечном благополучном исходе защищаемого нами дела» [5].

---

[1] Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. Политархив, № 151. Оп. 482. Д. 4031. 1917 г. Л. 32.

[2] Там же.

[3] АС. Заоставштина Николе Пашића.

[4] АВПРИ. Ф. Особый политический отдел, № 135. Оп. 474. Д. 350. 1916 г. Л. 73.

[5] АВПРИ. Ф. Особый политический отдел, № 135. Оп. 474. Д. 350. 1916 г. Л. 73–73об.

inslav

О том, что среди югославян существовали разногласия по политическим вопросам можно судить и по сведениям Познановича [1]. В 1918 г. в письме Пашичу он сообщал, помимо прочего, об отношении эмигрантов к Мичичу и их воззрениях относительно югославянского объединения: «Кстати сказать, г-на Мичича совсем не любят в этих краях, а меньше всего его уважают чилийские хорваты, которые являются чистыми югославянами, которые не проводят никакого различия между сербами и хорватами и думают только лишь о том, чтобы их земли освободились от власти Австрии, и пусть это государство называется как угодно и возглавлять его будет кто угодно» [2].

И далее: «В Аргентине мало хорватов-югославян, они больше хорваты, нежели чистые югославяне, а следа сербов там вовсе нет. Г-н Маркович самый влиятельный среди местных хорватов,... заместитель председателя общества "Ядран" ("Адриатика". — *Ю. Л.*)... По профессии он архитектор, несколько лет учился в Париже, и там я с ним несколько раз встречался... Г-н Маркович полагает, что во главе будущей Югославии будут хорваты, потому что они культурнее и многочисленнее сербов. Они проживают в Хорватии, Славонии, Далмации, всей Боснии и на значительной части территории Герцеговины, следовательно, они составляют подавляющее большинство» [3].

Познанович также отметил, что при исполнении своей миссии ему приходилось учитывать опасения хорватов за сохранение их идентичности: «Естественно, что я всегда демонстрировал согласие с его (Марковича. — *Ю.Л.*) взглядами. Я с первого же дня понял, откуда ветер дует... И я оделся с головы до пят в югославянский кожух и в своем поведении и высказываниях склоняюсь больше на сторону хорватов, нежели на сторону сербов, и потому я не выступаю иначе как на стороне хорватов. Самые убежденные здешние хорваты не могли во мне заметить ничего, что не было бы чисто югославянским. Это — единственный способ, чтобы они ухватились за идею Югославии. Чем меньше говоришь о Сербии, тем лучше, так как они боятся, что дикие сербы обратят их в сербов и навяжут им свою веру. И у сознательных югославян существует этот страх относительно веры» [4]. По замечанию Л. Антича, сомнения хорватов, опасавшихся за свою

[1] АС. Заоставштина Николе Пашића.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

inslav

идентичность, подпитывались еще тем, что сербы неохотно вступали в отделы ЮНО [1].

Заметим, что во время войны на политическое определение эмигрантов из Австро-Венгрии воздействовал ряд обстоятельств, в том числе деятельность австро-венгерских дипломатических представителей и агентов [2], позиция влиятельных эмигрантов [3]. К этому надо присовокупить экономический фактор: сторонники австро-венгерской монархии сразу оказывались в «черных списках» мощного союзнического капитала [4]. О результатах влияния последнего в 1917 г. Е.Ф. Штейн писал, что «уже с некоторого времени до меня доходят известия, что среди рекомендованных Миссиею различным союзным предприятиям, по просьбам "Ядрана", членов этого общества из австрийских славян, попадается все больше и больше лиц вполне преданных Австрии и записавшихся в члены "Ядрана" исключительно с целью избежать лишения заработка в союзных предприятиях» [5]. Такая нечеткая политическая позиция некоторых эмигрантов усиливала нестабильность внутри югославянского движения в Буэнос-Айресе.

Таким образом, в первые два года войны эмигранты неоднократно оказывали идеологическую и практическую поддержку югославянскому движению в Европе. Разногласия среди переселенцев на религиозной и политической почве, наряду с деятельностью австро-венгерских представителей, препятствовали развитию югославянского движения в регионе.

* * *

В 1917–1918 г. сторонники объединения сербов, хорватов и словенцев в Южной Америке продолжили пропагандировать идеи югославянской интеграции, оказывая тем самым помощь движению в Европе.

На протяжении 1917 г. важной частью деятельности югославянских переселенцев и жизни их колоний в Аргентине и Чили стала организация добровольческого движения под руководством С. Познановича. Этот сюжет, несомненно, заслуживает отдельного внимания, здесь же мы лишь перечислим обстоятельства, в силу которых эта акция не дала

[1] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 155.

[2] См., например: АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 350. 1916 г. Л. 74.

[3] См., например: *Kolin M.* Op. cit. S. 11.

[4] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 52.

[5] АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 350. 1917 г. Л. 122.

inslav

ожидаемых результатов. Тормозили развитие движения разногласия между сербским правительством и Югославянским комитетом в вопросе о статусе югославянских добровольцев [1], а также негативное отношение аргентинских властей к этой акции из-за нейтралитета, объявленного еще в 1914 г.

Наряду с этим, несмотря на поддержку идеи югославянского объединения, сами аргентинские переселенцы не стремились участвовать в добровольческом движении. «Среди них 300–400 хорватов, которые хотят отделения от Австрии и образуют отделы Югославянской народной обороны, но нет ни единого человека, желающего стать добровольцем, даже если бы аргентинское правительство позволило набор», — писал Познанович [2]. Подтверждают это положение и слова Е.Ф. Штейна об отношении эмигрантов в Аргентине к добровольческой агитации: «Последние считают, что какая-нибудь тысяча лишних солдат сомнительной боеспособности не улучшат дел союзников на театре войны и что предположение сербского правительства сыграть этот козырь в подкрепление сербо-хорватских притязаний на Далмацию на будущем мирном конгрессе является чистейшею блажью и приемом совершенно не соответствующим грозности и величию переживаемых событий. Они напротив, полагают, что ныне и до восстановления самостоятельной Сербии, роль хранителей и ревнителей всесербской идеи должна принадлежать югославянам за границей, и что здесь, в этих видах, каждый человек несравненно более нужен и полезен» [3].

Были и другие причины неуспеха миссии Познановича. В частности, когда он предпринял шаги для агитации среди черногорцев, то сначала столкнулся с трудностями «технического характера». Штейн так сообщал об этом: «Труды Познановича в этом направлении с первых же шагов были затруднены рядом причин чисто технического и местного характера, главным образом, затруднительностью и редкостью пароходных сообщений с Францией. Тем не менее, ему, за шесть месяцев пребывания здесь (в Аргентине. — *Ю.Л.*) и в Чили, все же удалось отправить около 250 черногорцев, собрать в Буэнос-Айресе 300 человек в ожидании отправления очередного парохода и вступить в сношения

[1] У Комитета был план формирования отдельного добровольческого югославянского легиона. Н. Пашич был против образования особых югославянских частей; по его мнению, добровольцы должны были входить в состав сербской армии и сражаться за освобождение югославянских земель Австро-Венгрии как сербские солдаты.

[2] АС. Заоставштина Николе Пашића.

[3] АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4031. 1917 г. Л. 27об.

inslav

со многими группами черногорцев, присутствие которых он обнаружил в других местах Аргентины. Все эти действия, собственные разъезды, путевые выдачи черногорцам, содержание их здесь и пр. стоили Познановичу больших денег» [1]. А затем Познанович встретился с противодействием, организованным черногорским переселенцем М. Йовановичем, активность которого получила поддержку правительства Черногории в изгнании [2]. Все это привело к тому, что рекрутирование черногорцев пришлось прекратить [3].

Российский посланник так оценил итоги деятельности Познановича: «Неизбежный неуспех его миссии не может рассматриваться только с точки зрения выброшенных на ветер денег и причиненного беспокойства. Помимо этих обстоятельств и описанного мною выступления черногорского правительства, миссия Познановича в Чили вызвала еще и недоразумения с Лондонским славянским комитетом, а здесь — неудовольствие местных властей. Отсутствие же всяких положительных результатов, в противовес отрицательным, может быть только истолковано здесь как последствие неумения взяться за дело, недостаточного предварительного изучения местных условий, славянского дилетантизма и пр.» [4]. Однако отметим, что определенное количество добровольцев Познановичу все-таки удалось отправить в Европу.

Только в октябре 1917 г. сербским руководством и Югославянским комитетом был окончательно решен вопрос о добровольцах: в США формируется отряд, а эмигранты из Южной Америки помогают югосла-

---

[1] Там же. Л. 32об.

[2] «Дело в том, что дней десять тому назад некий черногорец Марко Йованович, содержатель гостиницы последнего разряда в Буэнос-Айресе, недовольный тем, что бараки, в которых живут набранные Познановичем черногорцы, отнимают у него клиентов, якобы от имени здешних черногорцев, и за своею подписью, отправил королю черногорскому телеграмму, прося выяснить, что собственно представляет из себя названный сербский агент и следует ли здешним черногорцам следовать его призыву сражаться в рядах сербских войск. На этот запрос последовал по телеграфу же ответ за подписью черногорского министра иностранных дел Томановича, в котором, от имени короля Николая, здешние черногорцы приглашались смотреть на Познановича как на самозванца и не придавать ему никакой веры. Телеграмму эту, in extenso, в переводе на испанский язык, названный Йованович почел своим долгом опубликовать во всех здешних сколько-нибудь значительных газетах», — уведомлял дипломат (АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4031. 1917 г. Л. 29).

[3] Там же. Л. 29об.

[4] Там же. Л. 34–34об.

inslav

вянскому движению другим способом (имелось в виду финансирование Комитета). Небольшое число волонтеров из южноамериканских республик прибыло в 1918 г. в США для отправки на салоникский фронт [1]. В реферате по вопросу о добровольцах от 13. 03. 1918 г., составленном в МИД Сербии, говорилось, что добровольческая акция в Южной Америке дала еще меньше результатов, чем в Северной, и сама собой прекратилась из-за запретов Югославянского комитета и черногорского правительства, что Познанович в сентябре 1917 г. покинул Южную и направился в Северную Америку [2].

Летом 1917 г. Правление ЮНО поддержало подписание Пашичем и Югославянским комитетом Корфской декларации, содержавшей проект создания сербами, хорватами и словенцами конституционной парламентской монархии во главе с династией Карагеоргиевичей. 22 июля Правление ЮНО было извещено о ее подписании сербской миссией в Вашингтоне. 31 июля Бабурица получил от посланника Л. Михайловича и краткое содержание документа, направленное затем отделам ЮНО. С полным текстом декларации эмигранты ознакомились только в январе 1918 г. [3]. 31 июля Бабурица отправил телеграмму Комитету, в которой от имени ЮНО передал поздравления в связи с «блестящим успехом» конференции на Корфу и «горячие приветствия» «нашему королевскому правительству», «подтвердил» «верность и преданность нашему Величеству Петру I Королю всех сербов, хорватов и словенцев» и выразил уверенность, что «союзники применят для югославян принципы, провозглашенные президентом Вильсоном в качестве цели настоящей войны» [4].

В мае 1918 г. Югославянский комитет обратился к эмигрантам с призывом активизировать деятельность. Это они и постарались сделать. Бабурица особо обратился за поддержкой к состоятельным переселенцам. На завершающей стадии войны основные усилия эмигрантов по указанию Комитета были направлены на предотвращение вступления в силу Лондонского договора [5]. В ноябре югославяне известили Комитет, что обратились к В. Вильсону, Д. Ллойд-Джорджу и Ж. Клемансо с проте-

---

[1] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 183.

[2] Југословенски добровољци 1914–1918... С. 296, 302.

[3] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 190.

[4] Архив Југославије (АЈ). Ф. 80. Фасц. 21. С. 248. Также см., например: *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 192.

[5] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 200–201.

inslav

стом против оккупации Италией югославянских территорий [1]. 11 ноября в газете «Jugoslavenska država» («Югославянское государство») были опубликованы телеграммы, которые эмигранты направили правительствам Антанты [2].

Как и в первые годы войны, в отношениях между сербами и хорватами существовали определенные сложности [3]. Помимо этого, в 1917–1918 г. ЮНО столкнулась с внутренними конфликтами, в основном они не носили характера политических, но в какой-то степени препятствовали успешной деятельности эмигрантов. Исключение составила лишь политическая пропаганда Ивана Крстуловича, председателя отдела ЮНО «Triglav» («Триглав») в Сантьяго, после появления Корфской декларации [4]. Тем не менее до конца войны руководство и члены ЮНО активно поддерживали югославян в Европе, являясь важным фактором югославянского движения. Только 27 марта 1919 г. Правление ЮНО приняло решение о завершении работы ЮНО «по программе деятельности во время войны» [5].

В 1917–1918 гг. ЮНО продолжила финансирование Югославянского комитета, причем существенный вклад сделали состоятельные эмигранты (П. Бабурица и другие). ЮНО также оказывала финансовую помощь Сербскому Красному Кресту, беженцам, раненым и т. д. По данным М. Колина и оценке хорватской исследовательницы З. Стефанович-Джачич, всего ЮНО послала комитету и другим учреждениям около 10 млн франков [6]. Л. Антич указывал, что за весь период войны эмигранты предоставили Комитету около 45 млн старых югославянских динаров [7].

Важно подчеркнуть, что отделы ЮНО, помимо упомянутых выплат и обеспечения собственной деятельности, поддерживали материально и работу общественных организаций эмигрантов. «Наряду со всеми этими

---

[1] AJ. Ф. 80. Фасц. 19. С. 834.

[2] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 202.

[3] Так, в 1918 г. отдел «Vuk Stefanović Karadžić» («Вук Стефанович Караджич») (Перу) жаловался Правлению ЮНО, что многие славянские эмигранты, по большей части сербы, не состояли его членами, а все, что касалось хорватов и славян их не интересовало (*Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 155).

[4] Подробнее о пропаганде И. Крстуловича см., например: *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 193–198.

[5] Ibid. S. 204.

[6] *Kolin M.* Op. cit. S. 24; *Stefanović-Đačić Z.* Op. cit. S. 527.

[7] *Antić L.* Naše iseljeništvo u Južnoj Americi... S. 168.

inslav

расходами на нашу пропаганду за границей,... не следует забывать, что наши колонии... выдавали большие суммы для внутренней пропаганды и организации... Так, например, каждый ее "отдел" должен был выплачивать арендную плату за помещение для своей канцелярии и поддерживать или "Сокол", или "Škola" ("Школу" — *Ю.Л.*)", или "Вспомогательное общество" и т.д.», — писал М. Колин [1].

Подводя итог, отметим, что до 1914 г. решение социально-экономических вопросов и сохранение этнической и культурной самобытности были основными направлениями в деятельности переселенцев и их национальных организаций. При этом уже тогда часть эмигрантов заняла антиавстрийскую позицию, а некоторые из них были сторонниками идей югославянского единства.

Обстоятельства Первой мировой войны внесли существенные изменения в привычную жизнь диаспоры, обусловив возникновение и становление политического югославянского движения эмигрантов. Существенное влияние на его развитие и оформление организационной структуры колоний в Южной Америке оказала деятельность югославянских эмиссаров из Европы. В обстановке военного времени одним из негативных последствий было появление и/или обострение разногласий между переселенцами по политическим и национальным вопросам.

В годы войны югославянские эмигранты в Южной Америке неоднократно выступали в поддержку государственного объединения всех югославян. Главным их вкладом в развитие югославянского движения в Европе и образование Королевства сербов, хорватов и словенцев в 1918 г. было солидное финансирование Югославянского комитета. Значительные суммы были также выданы на Сербско-Черногорский Красный Крест, югославянских сирот, военнопленных и другие благотворительные цели.

[1] *Kolin M.* Op. cit. S. 19.

inslav

В. Б. Каширин
(Москва)

Взятие горы Маковка русскими войсками: неизвестный эпизод боевых действий в Карпатах весной 1915 года[1]

Войны и вооруженные конфликты — одна из исторически неизбежных и закономерных форм сосуществования славянских народов. В XX в. они не раз и не два оказывались разделены линиями фронтов и воевали друг с другом в рядах как мультиэтнических армий европейских империй, так и вооруженных сил своих национальных государств. Нередко славяне сражались между собой с особым упорством и ожесточением. Однако попытки некоторых политических сил в настоящее время использовать эти военные столкновения прошлого для выстраивания национальной идеологии, пропаганды и даже государственной политики представляются совершенно неоправданными.

К сожалению, негативные примеры такого рода до последнего времени встречались на Украине. За последние 20 лет в этой стране в ранг государственной идеологии были возведены прославление и монументализация вооруженной борьбы с одним из славянских соседей — а именно с Россией. Как важнейшие события всей украинской истории преподносились сражение под Конотопом 1659 г., взятие и разорение Батурина 1708 г., «битва под Крутами» 1918 г., бои УПА с частями Красной армии во время и после Второй мировой войны. Заметное место в этом перечне занимает еще один военно-исторический эпизод — бои за гору Маковка в Карпатах, шедшие в апреле 1915 г. между русскими войсками и частями австро-венгерской армии. Среди последних сражался и Легион украинских сечевых стрельцов (Легион УСС, иначе Украинский легион, Ukrainische Legion, Freiwillige Ukrainische Schützen) — вооруженное формирование в составе австро-венгерской армии.

До последнего времени на Украине подвиги Легиона УСС и особенно его «перемога» на Маковке прославлялись на государственном уровне. На самой горе Маковка в августе 1999 г. был открыт величественный белокаменный мемориал-некрополь сражавшимся там сечевым стрельцам (художники отец и сын Евгений и Ярема Безниски, архитектор Василий

[1] Данная статья представляет собой фрагменты вышедшей в конце 2010 г. монографии автора «Взятие горы Маковка: неизвестная победа русских войск весной 1915 года». М.: Regnum, 2010.

inslav

Каменщик). Третий президент независимой Украины В.А. Ющенко 6 января 2010 г., незадолго до своего ухода в отставку, подписал Указ № 5 «О мероприятиях по празднованию, всестороннему изучению и объективному освещению деятельности Украинских сечевых стрельцов». В преамбуле указа отмечалась весомая роль Легиона УСС в возрождении национальных военных традиций, активное участие этих формирований в украинской революции 1917–1921 гг. и становлении украинской государственности в начале XX в. Согласно указу, в апреле 2010 г., к 95-летней годовщине победы Легиона УСС на Маковке, следовало организовать ряд посвященных этому событию научных и просветительских мероприятий, в том числе в частях вооруженных сил Украины. На самой горе Маковка должна была состояться молодежная патриотическая акция. Предполагался также выпуск почтовой марки и конверта в память победы на Маковке, создание документального фильма по истории Легиона УСС, организация цикла теле- и радиопередач. Правительству и местным органам власти Украины предписывалось рассмотреть вопрос о переименовании ряда улиц, площадей, воинских частей и учебных заведений в честь сечевых стрельцов начала XX в. С избранием президентом В.Ф. Януковича и сменой политического курса официального Киева широкое празднование 95-й годовщины боев на Маковке было молчаливо отменено, однако на Западной Украине националисты все же отметили эту дату на региональном уровне. Состоялась и историческая реконструкция битвы на самой горе, и выпуск благотворительным фондом «Україна-Русь» во Львове почтовой открытки «95 років перемоги над москалями». Таким образом, в наши дни вопрос о боевых действиях на горе Маковка в 1915 г. и о роли в них Украинского легиона сохраняет не только научное, но и весьма актуальное политическое звучание.

Истории создания и боевого пути Легиона УСС посвящена обширная литература на украинском языке. Бытует меткая шутка о том, что об Украинском легионе написано больше работ, чем насчитывалось бойцов в его рядах. Уже к 1965 г. библиография опубликованных источников, исторических исследований и публицистических работ по истории Легиона УСС насчитывала 1 330 наименований[1]. В это число входили такие широко цитируемые работы, как монографии О. Думина[2], С. Рипец-

[1] *Великочий В.С.* Українське січове стрілецтво як феномен української історіографії // Волинський державний університет ім. Лесі Українки. Збірник навчально-методичних матеріалів і наукових статей історичного факультету. Луцьк, 2008. Вип. 14. С. 65.

[2] *Думін О.* Історія Лєгіону Українських січових стрільців 1914–1918. З 99 світлинамі и 23 схемами. Львів, 1936.

inslav

кого[1], книга-альбом под редакцией Б. Гнатевича[2] и др. В периодической печати и специальных сборниках публиковались воспоминания бойцов Легиона УСС. За последние два десятилетия, когда прославление «усусов» стало важной частью идеологии руководства независимой Украины, этот перечень существенно удлинился. Каноническая «стрелецкая» версия боев за гору Маковка, восходящая непосредственно к ветеранам УСС, изложена уже довольно давно и практически не подвергалась существенным исправлениям и дополнениям в последнее время. Причины тому достаточно просты: во-первых, большинству людей, превозносящих победы императорско-королевских украинских легионеров, не особенно интересны подлинные военно-исторические факты, а во-вторых, некоторые из них справедливо подозревают, что углубленные архивные изыскания могут серьезно обесценить и развенчать подвиги «идейного стрелецтва» на горе Маковка.

Перед исторической наукой встает задача — дать ответ на вопрос, что же на самом деле происходило в районе высоты 958 весной 1915 г. В имеющейся отечественной историографии Первой мировой войны упоминания о боях за Маковку единичны, лапидарны и неточны[3].

В семитомной официальной австрийской истории войны, знаменитом «Österreich-Ungarns letzter Krieg», а именно в его 2-м томе, посвященном событиям первой половины 1915 г., о горе Маковка не говорится ни слова[4]. Нет в этом томе и упоминаний об Украинском легионе (хотя там называются польские легионы). Борьба за Маковку справедливо расценивалась австрийскими военными историографами как бои местного значения, а Украинский легион, бывший в то время частью австровенгерской 55-й пехотной дивизии, не считался воинским формированием, заслуживающим отдельного упоминания.

---

[1] *Ріпецький С.* Українське січове стрілецтво. Визвольна ідея и збройний чин. Нью Йорк, 1956.

[2] Українські січови стрільці 1914–1920 / Третій наклад. Монтреаль, 1955.

[3] Так, в 4-й части «Стратегического очерка войны» 1922 г. издания говорится: «В 11 армии 20 апреля (2 мая) противник атаковал высоты Макувка, контрударом был выбит с потерею 40 офицеров, 2.000 н[ижних] ч[инов] и 8 пулеметов пленными (XXII корпус); 22 апреля (4 мая) и 23 апреля (5 мая) идут бои за хребет Яворник, который остается в наших руках» (Стратегический очерк войны 1914–1918 / сост. А. Незнамов. М., 1922. Часть IV. С. 38).

[4] Österreich-Ungarns letzter Krieg / Herausgegeben vom Österreichischen Bundesministerium für Heereswesen und vom Kriegsarchiv. Zweiter Band. Das Kriegsjahr 1915. Erster Teil. Wien: Verlag der Militärwissentschaftlichen Mitteilungen, 1931.

inslav

В 2009 г. в Вене вышла монография австрийского военного историка Э. Рутковского «Императорско-королевский Украинский легион», написанная преимущественно по документам венского Кригсархива и подробно излагающая историю формирования и боевого пути Легиона УСС в годы Первой мировой войны[1]. Несомненным достоинством книги Рутковского является использование документальных источников, а также независимость автора от «стрелецких» воспоминаний, полных неточностей и искажений. Большую ценность представляют и биографические приложения, в которых содержатся извлеченные из архивов сведения о службе в австро-венгерской армии большого числа офицеров и нижних чинов Украинского легиона. Однако боям за Маковку в книге Рутковского уделено всего лишь две страницы.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) нами были обнаружены богатейшие документальные материалы о борьбе за Маковку в 1915 г. — приказы, журналы военных действий, оперативные и разведывательные сводки, срочные донесения (телеграммы, телефонограммы, полевые записки) штабов частей и соединений русской армии, действовавших на том участке фронта и непосредственно штурмовавших высоту. Ход боев за Маковку заслуживает подробного военно-исторического исследования; в настоящей статье ограничимся лишь критическим разбором основных постулатов украинской националистической версии истории тех событий и попытаемся, опираясь на архивные документы, показать степень их соответствия действительности. Но вначале изложим очень кратко ближайшую предысторию штурмов Маковки в апреле 1915 г.

* * *

Гора Маковка (высота 958 на австрийской карте 1914 г.) находится на территории нынешнего Сколевского района Львовской области Украины (в начале Первой мировой войны — Сколевский повет королевства Галиция и Лодомерия в составе Австро-Венгерской монархии), в той части горной полосы Карпат, где сходятся Восточные Бескиды и Лесистые Карпаты (условной границей между ними считается, по одной версии, долина р. Стрый, а по другой — долина р. Опор). Эта часть Карпат также известна под названием Сколевские Бескиды[2].

[1] *Rutkowski E.* Die k.k. Ukrainische Legion 1914–1918. Wien, 2009.

[2] Австро-Венгрия. Военно-статистическое описание. Восточно-Галицийский район / под общ. ред. генерального штаба полковника Самойло, сост. генерального штаба полковник Потоцкий. Спб., Ч. 1. С. 90.

inslav

Маковка была расположена между двумя наиболее важными путями на Стрыйском направлении — железной дорогой в долине р. Опор и шоссе в долине р. Орава. Обе эти дороги пролегали все же в стороне от Маковки, которая никак не могла считаться господствующей над ними высотой. Но во время апрельских боев 1915 г. Маковка оказалась укрепленным пунктом, прикрывавшим фланг и коммуникации австро-германских сил, которые действовали в долине р. Орава. В силу этого обладание Маковкой могло оказать ощутимое влияние на весь ход боев на Стрыйском направлении к северу от главного хребта Карпат.

Легион украинских сечевых стрельцов изначально не был «иностранным легионом» в общепринятом современном смысле этого слова, т.е. вооруженным формированием из числа подданных других государств. В легионе УСС российские подданные украинцы в 1914–1915 гг., если и были, то — считанные единицы. В УСС записывались подданные Австро-Венгрии из числа галицийских украинцев. Естественно, все военнообязанные жители Галиции подлежали призыву в обычные части австро-венгерской армии, согласно общему законодательству и мобилизационному расписанию. Австрийские власти дали разрешение на прием в Легион УСС только добровольцев, числившихся в ландштурме[1]. В идеологическом отношении Легион УСС, в значительной мере состоял из галицийской интеллигенции и учащейся молодежи, практически поголовно убежденных националистов и русофобов. Эта идейная крепость галицийских добровольцев во многом компенсировала имевшиеся недочеты в их боевой подготовке.

Еще накануне Великой войны власти Габсбургской монархии разрешили военизированным «стрелецким» и «сокольским» организациям,

[1] Ландштурм (*Landsturm*), т. е. ополчение, в австро-венгерской армии состоял из людей в возрасте от 19 до 42 лет, не находившихся на службе в общеимперской армии или в австрийском ландвере и венгерском гонведе. Таким образом, в ландштурм зачислялись люди, полностью отбывшие положенный общий 12-летний срок службы под знаменами, в резерве армии и в ландвере (гонведе), а также те, кто по какой-то причине вообще не проходил воинской службы, получив льготу или попав «в излишек» ежегодного призыва новобранцев в армию (в Австро-Венгрии такой «излишек» всегда был довольно значительным из-за финансовых трудностей). Иными словами, к ландштурму принадлежали как прошедшие полный срок армейской службы люди в возрасте от 33 до 42 лет, так и совершенно необученные, в возрасте от 19 до 42 лет. В военное время из вполне обученных ландштурмистов формировались ландштурменные бригады, а из необученных — местные батальоны и рабочие отделения. Подробнее об устройстве военной мощи Габсбурской монархии см.: Вооруженные силы Австро-Венгрии. Организация, мобилизация и состав вооруженных сил. (По данным к 1 января 1912 г.). СПб., 1912. Часть I.

inslav

многие члены которых вошли затем в УСС, упражняться с боевым огнестрельным оружием, включая магазинные винтовки Манлихера[1]. Это было частью большой работы Австро-Венгрии по подготовке в Галиции националистических польских и украинских кадров для военной борьбы против России. Некоторым из членов союза «Сичь» на теоретических и практических занятиях преподавался офицерский курс военных наук[2].

Формирование Легиона УСС началось во Львове в первые же дни войны по решению «Головной украинской рады», объединившей представителей галицийских украинских партий и политических организаций. Ею же была создана «Боевая Управа». Представители украинских организаций провели переговоры в военном министерстве в Вене, однако там они получили холодный прием. Зато их идеи полностью поддержали в Эвиденц-бюро Генерального штаба (военная разведка Австро-Венгрии); глава бюро полковник Оскар Хранилович фон Цветашин и руководитель агентурного отделения подполковник Макс Ронге обещали свое содействие. В итоге Вена все же дала согласие на формирование украинских национальных подразделений. С этого момента командование австрийского XI (львовского) армейского корпуса содействовало создателям Легиона УСС. Для замещения командных должностей в Легионе была направлена группа кадровых и запасных офицеров-рутенов австро-венгерской армии[3]. Командиром Легиона первоначально был избран и утвержден Теодор Рожанковский, затем его сменил лейтенант ландвера австрийской армии Михайло Галущинский[4].

Набор добровольцев в будущий Легион УСС производился по всей Галиции. По утверждениям некоторых западноукраинских историков, изначально на призыв о наборе добровольцев в Украинский Легион откликнулось 28 тыс. человек. Из-за быстрого продвижения русских войск к Львову собравшиеся добровольцы были направлены в расположенный южнее Стрый. Этого пункта достигло лишь около 10 тыс. добровольцев[5].

---

[1] *Думін О.* Указ. соч. С. 14–22.

[2] Австро-Венгрия. Военная подготовка населения в Галиции // Главное Управление Генерального Штаба. Сборник. СПб.,1914. Вып. LXII. Июль 1914 года. С. 26–27.

[3] Список батальонных и ротных командиров Украинского легиона первоначального состава, с указанием их прежних чинов и должностей в австро-венгерской армии, см.: *Rutkowski E.* Op. cit. S. 20.

[4] *Думін О.* Указ. соч. С. 23–28.

[5] Там же. С. 37. *Величко М.* Маківка. З Карпатських боїв У.С.С.-ів. Реферат, виголошений на сходинах членів станиці Братства УСС-ів в Нью Йорку, з нагоди 35-ої річниці боїв на Маківці. Накладом Станиці УСС. Нью Йорк, 1951. С. 9–11.

inslav

Но и этого количества, как оказалось, было слишком много. Австрийское командование по-прежнему относилось к созданию украинских подразделений как к сомнительному эксперименту и потому дало разрешение сформировать отряд только из 2 000 «интеллигентных добровольцев»; вождям Легиона удалось добиться увеличения этого числа до 2 500 человек[1]. После непродолжительных препирательств части Легиона 21 августа (3 сентября) 1914 г. в Стрые были приведены к присяге Австро-Венгерской монархии. «Стрелецкие» авторы подчеркивают, что в тот же день легионеры принесли и присягу на верность «украинским князьям, гетманам, Запорожской Сечи, могилам и всей Украине». Однако, при всем пафосе и символизме эта церемония не могла иметь никакого практического значения. И де-юре, и де-факто Легион УСС с самого начала был частью вооруженных сил Австро-Венгрии.

22 августа (4 сентября) галицийские легионеры были перевезены по железной дороге из Стрыя в Закарпатье, где формирование Легиона продолжилось. В итоге были сформированы два с половиной куреня (батальона) УСС. Каждый курень состоял из 4 сотен (рот); каждая сотня — из 4 чет (взводов). Общая численность Легиона УСС не превышала 2 000–2 500 человек. Первоначально стрельцам были выданы устаревшие однозарядные 11-мм винтовки Верндля образца 1867/1873 гг., и лишь позднее их перевооружили современными магазинными винтовками Манлихера, состоявшими на вооружении у большей части пехоты Австро-Венгрии. Весьма скудно Легион был обеспечен и обмундированием. Сами «усусы» осенью 1914 г. не без юмора пели о себе, на мотив «Ой зацвіла черемшина»: «Машерують добровольці через Мезетеребеш, чи то військо, чи то банда, ні руш розбереш»[2]. Некоторое время спустя австрийское интендантство обеспечило украинских легионеров стандартным пехотным обмундированием серо-голубого цвета. Боевое крещение сечевые стрельцы получили в сентябре 1914 г., в столкновениях с частями 2-й Кубанской казачьей дивизии в районе села Верецке-Вышне, у карпатских перевалов на путях в Мункач. Однако это были лишь незначительные стычки передовых и разведывательных отрядов; большие бои были впереди.

К концу декабря 1914 г. общее военное положение Австро-Венгрии стало крайне тяжелым, однако австрийское командование продолжало мыслить в активно-атакующем духе и считало необходимым начать большое зимнее наступление в Карпатах с целью спасения крепости

[1] *Думін О.* Указ. соч. С. 38–39.

[2] *Думін О.* Указ. соч. С. 46.

inslav

Перемышль, осажденной русскими войсками. Трудности зимних наступательных операций в горах в расчет не принимались, за что позднее австрийцам и их союзникам пришлось заплатить огромными потерями. Для усиления фронта в Карпатах и проведения зимнего наступления австрийское военное руководство обратилось за помощью к германскому союзнику.

Германское командование после некоторых сомнений приняло решение о направлении в Лесистые Карпаты управления II армейского корпуса и трех дивизий пехоты: 1-й пехотной, 48-й резервной и 3-й гвардейской, а также 5-й кавалерийской дивизии[1]. Вместе с несколькими австро-венгерскими дивизиями эти соединения образовали смешанную Императорскую германскую южную армию (Kaiserliche Deutsche Südarmee) под командованием генерала пехоты Александра фон Линзингена, выдающегося полководца второго рейха, «особенно предусмотрительного и деятельного начальника», по оценке Людендорфа[2]. Южная армия была непосредственно подчинена австро-венгерскому Верховному главнокомандующему эрцгерцогу Фридриху и заняла участок фронта правее 2-й армии генерала кавалерии Эдуарда барона фон Бем-Эрмолли и левее армейской группы генерала кавалерии Карла барона фон Пфлянцер-Балтина, действовавшей в Лесистых Карпатах и Буковине. Начальник германского генерального штаба генерал Эрих фон Фалькенгайн и его штаб считали целесообразным, чтобы Южная армия наступала в Карпатах к западу от Ужокского перевала, так как восточнее движение германской артиллерии и обозов зимой было затруднено. Однако начальник австрийского генштаба генерал Франц Конрад фон Гетцендорф настоял, чтобы армия Линзингена была сосредоточена именно на Мункач — Стрыйском направлении[3].

С момента образования германской Южной армии в ее состав входил австро-венгерский Корпус Гофмана (Korps Hofmann; это соединение официально называлось по имени его командира, генерала П. фон Гофмана), частью которого, как и прежде, оставался Легион УСС. Подразделения Легиона в разные моменты включались в 129-ю и 130-ю бригады 55-й пехотной дивизии Корпуса Гофмана. Так Украинский легион оказался в составе Южной армии, наиболее боеспособного объедине-

[1] Германский имперский архив. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1941. Т. 7. Сухопутные операции 1915. События в течение зимы и весны. С. 11–12.

[2] *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.; Минск, 2005. С. 115.

[3] Германский имперский архив. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 7. С. 63–64.

inslav

ния на всем австро-венгерском участке Русского фронта. Как и предполагалось, прибытие трех германских дивизий в район Мункача оказало цементирующее воздействие на весь Карпатский фронт австрийцев. После сформирования германской Южной армии на направлении Стрый — Мункач появилась новая мощная сила, которая должна была стать одним из главных таранов наступления австро-германских войск в Карпатах. И русским войскам, прикрывавшим Стрыйское направление, с января 1915 г. пришлось иметь дело с самой крепкой и боеспособной группировкой противника к югу от Вислы.

В ходе так называемого Пасхального сражения, в последних числах марта по старому стилю, после двух месяцев бесплодных и кровопролитных атак на позиции русского XXII корпуса генерала А.Ф. Бринкена, Южной армии фон Линзингена, наконец, удалось добиться ряда важных местных успехов. 27 марта (9 апреля) под натиском элитных германских войск корпуса Ботмера пали русские оборонительные позиции на хребте Звинин. Главная честь победы того дня принадлежала полкам германской 1-й пехотной дивизии генерала Рихарда фон Конта. Самым болезненным ударом, который они смогли нанести XXII корпусу, стал внезапный захват высоты 992 германским 3-м гренадерским полком дивизии Конта. Русское командование предприняло попытку парировать этот успех противника, однако австро-германцы опережали в скорости перегруппировки сил и накопления резервов. Проведя короткую подготовку, германская Южная армия возобновила свой натиск на позиции XXII корпуса и 11 (24) апреля, спустя две недели после взятия хребта Звинин, добилась нового, не менее важного успеха. В этот день части восточно-прусской 1-й пехотной дивизии при мощной поддержке артиллерии взяли штурмом гору Острый (высота 1026) и соседнюю высоту 910[1].

Положение русских войск на Стрыйском направлении резко ухудшилось. Фактически, весь центральный участок обороны XXII корпуса оказался взломан противником, который вплотную приблизился к окончательному установлению контроля над шоссе в долине р. Орава. Это вынудило бы корпус генерала Бринкена к отступлению по всему фронту. Кроме того, падение хребта Звинин, горы Острый и высоты 910 имело важное психологическое значение, поскольку эти географические пункты уже стали символами стойкости русских войск в Карпатах. Теперь XXII корпусу надо было во что бы то ни стало добиться возвращения утраченных важных позиций на своем центральном участке. 12 (25)

[1] Schlachten des Weltkrieges. Band 2. Karpathen- und Dniester-Schlacht 1915. Korps Bothmer (3. Garde-Inf. Div., 1. Inf. Div., 38 Honved-Div.) von Munkacz bis zur Zlota Lipa / Bearbeiter Friedrich von Friedeburg. Berlin, 1928. S. 63–76.

inslav

апреля генерал Бринкен отдал приказ войскам левого фланга участка генерала Обручева перейти в атаку для восстановления положения у Козиово. И одновременно правому флангу колонны генерала Альфтана было приказано, для оказания содействия колонне Обручева, перейти в наступление и овладеть селом Головецко и высотой 1019 (Плишка)[1]. Здесь первым препятствием перед атакующими войсками Альфтана была как раз высота 958 (Маковка), расположенная непосредственно к востоку от Головецко и к северо-востоку от высоты 1019.

Подразделения Украинского легиона располагались в непосредственной близости от Маковки с 8 (21) марта 1915 г., причем оба куреня УСС тогда были включены в состав 130-й бригады. Чередуясь с другими частями этой бригады, сотни УСС занимали укрепленные позиции на северо-западной вершине и на западной части северных склонов Маковки; правее стоял сводный ландштурменный батальон гауптмана Георга Дрозда[2]. Сечевым стрельцам также была поставлена задача оборонять долину горного ручья между Маковкой (958) и Плишкой (1019). Последняя была занята уже частями германской 1-й пехотной дивизии. Таким образом, в обязанность стрельцов входило поддержание связи между 55-й пехотной дивизией и соседним германским соединением.

4 (17) апреля, за 12 дней до начала русской атаки на Маковку, сотни УСС были сменены на передовых позициях другими австрийскими частями и отведены на отдых в ближайший тыл. 1-й курень под командованием отамана (майора) Сеня Горука находился на отдыхе в селе Головецко, откуда его сотни поочередно выходили на прежние позиции и вахтовым методом несли там службу. Также в селе Головецко находился и штаб командира Легиона УСС отамана Гриця Коссака[3]. 2-й курень под командованием сотника (гауптмана) Василя Дидушка стоял в резерве 130-й бригады в селе Грабовец к югу от горы[4]. Здесь находился штаб бригады Витошинского; подразделения 2-го куреня обеспечивали его охрану. Стоявшие в Грабовце сечевые стрельцы занимались плете-

[1] РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Ед. хр. 501. Л. 178–178 об. Альфтан — Матвееву. Телефонограмма. С хутора севернее Тухлы. 12 апреля 1915. 3 час. 40 мин. дня. № 477/1.

[2] *Яримович О.* Картини з боїв за Маківку // За волю України. Історичний збірник УСС. В 50-ліття збройного виступу Українських Січових Стрільців проти Москви. Нью Йорк, 1967. С. 288.

[3] *Гнатевич Б.* Четар Андрій Мельник — герой Маківкі. (Бойовий спогад) // Непогасний огонь віри. Збірник на пошану полковника Андрія Мельника, голови проводу українських націоналістів. Париж, 1974. С. 14.

[4] *Яримович О.* Указ. соч. С. 288.

inslav

нием «козлов» (т.е. рогаток) из колючей проволоки и по ночам относили их на позиции на Маковке. Часть 2-го куреня находилась в подчинении коменданта высоты 958 гауптмана Дрозда[1].

В тот момент гора Маковка представляла собой выдвинутый опорный пункт на правом фланге австро-германских сил, действовавших против Козиово на участке генерала Обручева. Тактическое значение горы Маковка было достаточно велико, однако нет ни малейших оснований называть ее «ключом» всех позиций германской Южной армии, всего фронта в Карпатах и чуть ли не важнейшим пунктом на всех фронтах Великой войны, как это нередко можно прочитать в литературе.

Прямая и непосредственная цель русского контрнаступления на участках Обручева и Альфтана была весьма ограниченной, хотя и труднодостижимой — вернуть утраченные позиции. Войскам колонны Обручева предстояло штурмовать те высоты, на которых они в течение многих дней перед этим отражали ожесточенные атаки противника, с огромным для него уроном. А задача колонны Альфтана была еще сложнее, потому что ее войска должны были вести не контратаку для быстрого возвращения своих перепаханных вражескими снарядами окопов, а атаковать высоты, укреплявшиеся противником в течение двух с половиной месяцев.

А теперь перейдем непосредственно к разбору тезисов украинской историографии, относящихся к истории боев за гору Маковка.

Тезис 1-й и главный: «Легион УСС одержал победу в боях за Маковку»[2]. Это не соответствует действительности. После двух неудачных штурмов 16 (29) апреля и 17–18 апреля (30 апреля–1 мая) гора Маковка в ночь с 20 на 21 апреля (с 3 на 4 мая) была взята русскими войсками — тремя батальонами 147-го пехотного Самарского полка и 4-м батальоном 148-го пехотного Каспийского полка. Всего при атаке 21 апреля на Маковке в плен к русским попали 53 офицера и 2 250 нижних чинов противника, было захвачено 8 пулеметов, 100 ящиков пулеметных лент, 100 походных вьючных кухонь, несколько тысяч винтовок, много патронов и снаряжения, телефонные аппараты, несколько «аппаратов для обливания горящим бензином» (т.е. германских огнеметов, которые были абсолютным военно-техническим новшеством для весны 1915 г.)[3]. Трофеи

[1] *Ріпецький С.* Українське січове стрілецтво. С. 101.

[2] Для всей западноукраинской историографии этот тезис является общим и неоспоримым постулатом (см., например: *Думин О.* Указ. соч.; *Ріпецький С.* Указ. соч.; и др.).

[3] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Ед. хр. 281. Л. 294–295.

inslav

русских войск на Маковке возросли благодаря чистосердечной помощи взятого в плен нижнего чина 80-го пехотного полка австрийской армии, русина Константина Герасимова, который в штабе 78-й дивизии указал, где на Маковке австрийцами были закопаны 4 пулемета, 2 телефонных аппарата, батарея, проволока. Полностью подтвердились и все показания Герасимова о расположении позиций австрийцев и их артиллерии[1]. Целый ряд частей противника был уничтожен на Маковке полностью.

После первого взятия русскими войсками Маковки 18 апреля австрийское командование нагнало на эту гору многочисленные разношерстные подкрепления отовсюду, откуда только могло. Достойно упоминания, что среди взятых на Маковке пленных из 19-го ландверного полка был и молодой галичанин Евген Коновалец (1891–1938), в будущем — командир частей и соединений сечевых стрельцов на службе Центральной рады гетмана П.П. Скоропадского и Директории Украинской народной республики (УНР)[2]. Находясь в эмиграции, с 1929 г. он возглавлял созданную им Организацию украинских националистов (ОУН), и 23 мая 1938 г. был ликвидирован в Роттердаме в результате спецоперации, осуществленной советским чекистом П.А. Судоплатовым. По иронии судьбы, на Маковке Евген Коновалец, будущий вождь галицийских националистов, сражался не в рядах Легиона УСС, а в одном из маршевых батальонов львовского 19-го ландверного полка, в который он попал по призыву. Затем до осени 1917 г. Коновалец находился в русских лагерях военнопленных, где к тому времени оказалось много бывших украинских легионеров австро-венгерской армии и иных галичан.

По телефону русским частям, взявшим Маковку, были переданы благодарности от командира корпуса, командующего армией и самого Верховного главнокомандующего[3]. Уцелевшие при штурме Маковки 21 апреля ее защитники были деморализованы. К утру 22 апреля разведчиками Самарского полка в северной части Цу-Головецко были захвачены (видимо, без сопротивления) 1 офицер и 44 нижних чина противника[4]. По

[1] РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Ед. хр. 696. Л. 162. И.д. коменданта штаба 78-й пехотной дивизии прапорщик Кулицкий — этапному коменданту города Сколе. Сопроводительное письмо. 22 апреля 1915. № 193.

[2] *Головацький І.* Сторінки історії Українських січових стрільців. Василь Дідушок. Полковник, отаман; хроніка життя і діяльності (1889–1937). Львів, 1998. С. 22.

[3] РГВИА. Ф. 2408. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 123–125. Журнал военных действий 78-й пехотной дивизии. 22 апреля 1915.

[4] РГВИА. Ф. 2408. Оп. 3. Ед. хр. 58. Л. 402. Шелехов — Матвееву. Телефонограмма. С Макувки. 22 апреля 1915. 9 час. утра. № 320/а.

inslav

показаниям пленных, настроение в войсках было тяжелым: «*Галичане поголовно хотят сдаваться в плен. В окопах их удерживает только страх перед мадьярами* (курсив мой. — *В.К.*). В общем же все ждут с нетерпением мира, офицеры постоянно обещают нижним чинам сроки заключения перемирия»[1].

Со стороны русской армии гору Маковка вначале штурмовал 309-й пехотный Овручский полк 78-й пехотной дивизии XXII армейского корпуса 11-й армии Юго-Западного фронта, при содействии соседнего 311-го пехотного Кременецкого полка той же 78-й дивизии. Затем, после первого неудачного штурма, в атаке Маковки были задействованы 148-й пехотный Каспийский и 147-й пехотный Самарский полки 37-й пехотной дивизии, временно переданной в подчинение командиру XXII армейского корпуса из резерва командующего армиями Юго-Западного фронта.

Все перечисленные русские пехотные части перед штурмом Маковки участвовали в тяжелых боях и имели в своих рядах в среднем не более половины штатного состава. К примеру, перед началом штурма 18 апреля 1915 г. силы атакующих составляли 1 200 штыков Овручского полка и 500 штыков 4-го батальона Каспийского полка, тогда как, по оценке русского командования, со стороны противника в обороне Маковки в тот день участвовали не менее 3 тыс. человек[2].

Потери русских войск за все три штурма Маковки могут быть подсчитаны лишь приблизительно. Донесения штаба корпуса о потерях составлялись по документам, которые поступали с запозданием, и потому в вышестоящие штабы иногда докладывались неверные сведения. Но все-таки можно установить, что общие потери русских войск на Маковке с 16 по 21 апреля приближались к числу в 3 тыс. человек убитыми и ранеными, но вряд ли превышали его. Почти столько же русские взяли на Маковке только пленными. А учитывая ожесточенность и кровопролитность боев за высоту 958, можно предположить, что австро-венгерские части понесли большие потери убитыми и ранеными. Итак, русские войска, атаковавшие неприступную Маковку, потеряли меньше, чем ее защитники. Этим результатом можно гордиться, хотя цена победы была чрезвычайно высока.

По версии легионерской историографии, накануне окончательного взятия русскими Маковки подразделения Легиона УСС были отведены с самой горы в резерв, как бы — непобежденными. Позиция была удер-

[1] РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Ед. хр. 696. Л. 165–166. Иванов. Сводка сведений о противнике к 24 апреля 1915. № 3063.

[2] РГВИА. Ф. 2408. Оп. 3. Ед. хр. 58. Л. 514–515об.

inslav

жана стрельцами до прихода помощи, следовательно, их миссия была выполнена. Такую трактовку предлагают некоторые украинские историки, предпочитающие на этой триумфальной ноте заканчивать историю боевых действий Украинского легиона на Маковке. Вечером 20 апреля (3 мая) сотни УСС были отведены с высоты 958 в село Грабовец, в резерв 130-й бригады.

Но сразу же после взятия русскими Маковки на рассвете 21 апреля (4 мая) австрийское командование обратилось к уже не раз успешно применявшемуся средству и вновь бросило стрелецкие курени в контратаку, которая, однако, на сей раз была отбита. Высота 958 осталась за русскими. И даже «стрелецкая» историография, хотя и вскользь, как бы нехотя, признает несомненный факт — 21 апреля 1915 г. гора Маковка была штурмом взята русскими войсками. Они сумели отразить контратаки противника и закрепиться на горе. В списках Рипецкого называются имена сечевых стрельцов, убитых и раненых во время штурма 21 апреля[1]. Таким образом, для куреней УСС история обороны Маковки закончилась отнюдь не с их отводом на отдых в Грабовец 20 апреля (3 мая), а именно после окончательного успешного взятия горы русскими войсками на следующий день.

Тезис 2-й: Оборона на Маковке спасла весь Карпатский фронт австрийцев и не позволила русским армиям форсировать Карпаты на направлении Стрый — Мункач и вырваться на Венгерскую равнину, на прямой путь наступления на Будапешт и Вену[2]. Это и подобные утверждения, часто встречающиеся в работах по истории Легиона УСС, не соответствуют действительности. Бои за Маковку, при всей их ожесточенности и кровопролитности, остались боями местного значения. Русские войска в Карпатах не имели достаточных сил для развития успеха даже на тактическом уровне, не говоря уже об оттеснении частей Южной армии обратно к перевалам Бескид и Верецкий и о вторжении на Венгерскую равнину. Атака Маковки преследовала местную цель — оказать содействие действовавшей правее колонне генерала Н.А. Обручева, которая вела контратаки для возвращения потерянных ранее высот в районе села Козиово.

Намеченные цели контрнаступления колонн Обручева и Альфтана не были достигнуты в полной мере. Но можно ли говорить об оперативном

---

[1] *Ріпецький С.* Про тих, що полягли та проляли кров в боях на Маківці // За волю України. Історичний збірник УСС. В 50-ліття збройного виступу Українських Січових Стрільців проти Москви. Нью Йорк, 1967. С. 302–311.

[2] *Величко М.* Указ. соч. С. 22.

inslav

неуспехе XXII корпуса? Начиная атаку, корпусное командование было убеждено, что в случае неуспеха русским войскам не удастся удержать свою линию и придется отходить. Бои за Маковку притянули все наличные резервы австро-венгерского Корпуса Гофмана, создали серьезную угрозу центральному участку всей Южной армии. Официальный труд германского Рейхсархива признает: «2 мая частям Корпуса Гофмана блестяще проведенным штурмом удалось взять высоту, вытянувшуюся в долине северо-восточнее Остры (т.е. высоту 927. — *В.К.*), но эта территория два дня спустя была отбита исключительно настойчивыми контратаками русских; восточнее этого района русские опять оттеснили назад австро-венгерскую линию и утвердились на южном берегу Головчанки (имеется в виду взятие Маковки. — *В.К.*). Только вмешательство соседних корпусов смогло предупредить более глубокое вторжение»[1]. Сил для продолжения натиска вдоль шоссе через Козиово у противника больше не было. И после взятия русскими Маковки и их неудачной атаки на Плишку обе стороны, обессиленные, остановились, и линия фронта на Стрыйском направлении больше не двигалась целую неделю, вплоть до начала большого отступления русских из Карпат. Иными словами, именно тактическая победа на Маковке позволила русскому командованию свести «вничью» борьбу с армией Линзингена, ход которой с начала «Пасхального сражения» был весьма неудачен для корпуса Бринкена. Однако теперь опасность была предотвращена; русские удержались. А ведь если бы одновременно с прорывом Макензена на Дунайце армия Линзингена смогла дебушировать из Карпат у Стрыя, это создало бы угрозу всему тылу Юго-Западного фронта и сильно затруднило бы организованный отход русских войск из Западной Галиции.

В журнале военных действий штаба XXII корпуса от 23 апреля подчеркивалось: «Не добившись полного успеха в своем наступательном движении и понеся тяжелые потери, командир корпуса решил остановить наступление и временно перейти к обороне. Тем не менее, главная задача — удержаться в занимаемом положении и не дать противнику увести часть своих сил с нашего фронта на Дунаец была, несомненно, достигнута. И если бы не подавляющее превосходство артиллерии противника, располагавшей неограниченным количеством снарядов, то частный успех на Макувке (так в тексте. — *В.К.*) несомненно удалось бы развить до гораздо более крупных результатов»[2]. Вышеизложенное

[1] Германский имперский архив. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 7. С. 311.

[2] РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Ед. хр. 589. Л. 41об.–42об. Журнал военных действий штаба XXII армейского корпуса. 23 апреля 1915.

inslav

приводит к заключению о том, что те авторы, которые хотят уподобить достижения украинских легионеров на Маковке подвигу 300 спартанцев в Фермопильском проходе, откровенно лукавят и искажают истину.

Тезис 3-й: «В этом бою (на Маковке. — *В.К.*) принимали участие и другие части союзных армий (австро-венгерской и германской. — *В.К.*), но бремя и весь дух победы в этом бою лежали на стороне УСС»[1].

Но и в данном случае мы имеем дело с явным преувеличением. Австрийский гарнизон самой горы Маковка составлял сводный батальон ландштурма гауптмана Георга Дрозда, который официально назывался по имени своего командира. Он состоял из семи маршевых рот полков 14-го, 22-го, 24-го, 33-го и 35-го ландверных, 9-го и 51-го пехотных. Батальон Дрозда, как и Легион УСС, входил в состав австро-венгерской 130-й пехотной бригады 55-й пехотной дивизии Корпуса Гофмана. Этнический состав батальона Дрозда был чрезвычайно пестрым, напоминая состав вооруженных сил Габсбургской монархии в миниатюре: мадьяры, русины, чехи и поляки. В кровопролитных боях за Маковку друг с другом сражались преимущественно представители славянских народов, в чем и заключался особый трагизм тех событий.

По мере развития боевых действий в районе Маковки для усиления обороны горы сюда были переброшены общие и частные резервы Корпуса Гофмана. Впоследствии русское командование, путем опроса взятых на Маковке пленных, установило, что в обороне горы участвовало до 30 австро-венгерских рот из состава 19-го и 35-го ландверных (австрийская пехота), 1-го и 12-го гонведных (мадьярская пехота), 33-го ландштурменного полков и различных маршевых и ландштурменных батальонов[2].

Между прочим, русское командование было осведомлено о том, что на стороне противника в районе Маковки действуют и украинские легионеры. 20 марта начальник штаба 78-й дивизии генштаба подполковник Л.К. Соколов телеграфировал в штаб корпуса: «Кременецким полком в районе Макувки взяты 2 русина из батальона Долара (позднее батальона Дрозда. — *В.К.*). Они показали, что на той же высоте находятся две роты украинцов Сечевиков (так в документе. — *В.К.*), у которых некоторые офицерские должности заняты женщинами»[3]. Последние слова в тексте телеграммы кто-то из старших чинов корпусного штаба подчеркнул карандашом. Присутствие женщин на офицерских должностях в

[1] *Ріпецький С.* Українське січове стрілецтво. С. 108–109.

[2] РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Ед. хр. 649. Л. 406–410.

[3] РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Ед. хр. 649. Л. 142. Соколов — Зарину, Фалееву, Белоусову. Телеграмма. Из Тухлы. 20 марта 1915. 3 час. 45 мин. дня. № 230/2.

inslav

сражающихся подразделениях действительно выглядело диковинным курьезом с точки зрения военных людей того времени. А вот тот факт, что против них в рядах австрийской армии действуют роты каких-то «украинцов Сечевиков», явно не производил на русских воинов особого впечатления. Они имели дело с «усусами» с осени прошлого 1914 г. и уже давно привыкли к борьбе против частично или целиком славянских подразделений австро-венгерской армии, в том числе волонтерских и ополченских — польские легионы, Рутенский, иначе Буковинский, добровольческий батальон (Ruthenische Freiwilligenbataillon, Bukowinär Freiwilligenbataillon), действовавший в составе отряда полковника жандармерии Э. Фишера в Буковине и позднее переименованный в Гуцульскую роту (Huzulen-Kompanie)[1]. Кстати, в Легионе УСС действительно служили, в том числе и на строевых офицерских должностях, несколько жінок, самыми известными из которых были хорунжие Олена Степанив (1893–1963) и София Галечко (1891–1918). Обе они участвовали в боях за Маковку, а позже стали культовыми фигурами для западноукраинских националистов.

Ни в одном из русских документов не говорится о том, что «усусы» как-то выделялись своими боевыми качествами по сравнению с другими защитниками высоты 958. Отдавая должное упорному сопротивлению противника, русские офицеры отмечали, прежде всего, мадьярские части. Утром 21 апреля командир корпуса генерал А.Ф. Бринкен докладывал в вышестоящие штабы: «Бой продолжается и сейчас, противник на южных и юго-западных склонах Макувки продолжает оказывать упорное сопротивление, мадьяры дошли до озверения, приходится брать каждого в отдельности, снимая их с деревьев, с которых они расстреливают наши части, доблестно продвигающиеся вперед. Дух войск прекрасный»[2].

Из документов следует, что основным гарнизоном Маковки русские считали австрийский ландштурменный батальон Дрозда. Костяк Легиона УСС в дни тех боев не нес постоянной службы на оборонительных позициях на высоте 958. Вместо этого командование 130-й бригады использовало его — и, надо признать, весьма умело — как резерв для контратак с целью отбить Маковку. Оба раза, когда русские захватывали высоту и брали там сотни пленных (18 и 21 апреля), на позициях находились лишь небольшие подразделения УСС, или же их там не было вовсе. Зато потом они контратаковали при мощной поддержке артиллерии, и этим-то и следует объяснять сравнительно небольшие потери Легиона

[1] *Rutkowski E.* Op. cit. S. 15.

[2] РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Ед. хр. 281. Л. 286–287.

inslav

на Маковке. Общие потери Украинского легиона в боях за Маковку с 16 (29) апреля по 19 апреля (2 мая), по точным данным самих стрельцов, составили 42 убитых, 76 раненых и 35 пленных[1]. А всего австро-венгерские защитники Маковки за пять дней боев потеряли, кроме примерно 3 тыс. пленными, весьма значительное число убитыми и ранеными. По русским документам, после взятия высоты она была буквально завалена трупами русских и австро-венгерских солдат.

Тезис 4-й: «С одной стороны наступали инертные, механично вымуштрованные, несознательные жертвы российского империализма, которых царская власть по принуждению массами гнала на верную смерть, а с другой стороны на обороне стояла маленькая горстка УСС, которые добровольно пошли на войну, готовые жертвовать своими жизнями за идею»[2].

Но так ли было на самом деле? Первоначально, летом 1914 г. Легион УСС действительно был сформирован из добровольцев, сознательных галицийских украинских националистов. Однако в зимних боях 1915 г. в Карпатах Украинский легион, как и все другие части австрийской армии, понес тяжелые потери, причем не только убитыми и ранеными, но и обмороженными. В плачевном состоянии находилась санитарная часть Легиона. Численность некоторых сотен упала до 50 человек; боевой состав 1-го куреня сократился до 250 штыков. Теперь в рядах Легиона состояла всего треть его первоначального состава. Фактически, первоначальный и наиболее обработанный идеологически костяк Легиона был выбит осенью 1914 и зимой 1915 г. С огромным трудом вожди Легиона добились разрешения на создание в Мункаче своего тылового подразделения — «Коша УСС»; по-немецки он назывался «Эрзац-ротой Украинского легиона» (Ersatzkompagnie der Ukrainischen Legion)[3].

В апреле, непосредственно перед боями на Маковке, в Легион прибыло несколько сотен «добровольцев» из Гуцульщины. Главная заслуга в этом принадлежала тогдашнему командиру Украинского легиона Грицю Коссаку, который в нарушение приказа забрал партию новобранцев у австрийской призывной комиссии в Мункаче и взял с собою на фронт. Эти новые стрельцы большей частью были гуцулами, набранными в окрестностях села Жабье (ныне поселок городского типа Верховина, на берегу реки Черный Черемош в восточной части Карпат), где взводный командир Микола Саевич сумел хитростью вырвать их из рук коман-

[1] *Думін О.* Указ. соч. С. 121; и др.

[2] *Ріпецький С.* Українське січове стрілецтво. С. 108–109.

[3] Там же. С. 99–100

inslav

дования польских легионов австрийской армии[1]. Бывший офицер УСС Степан Рипецкий преподносит это как пример тех трудностей, которые нарочно создавали Украинскому Легиону австрийские военные власти. Но данная история невольно заставляет задаться вопросом — а так ли уж сильны были национальное сознание и добровольческие устремления упомянутых рекрутов-гуцулов из горных сел, большинство которых и не слыхали про довоенные «стрелецкие» общества и которых теперь командиры разноплеменных частей обманом и хитростью выкрадывали друг у друга? Генерал Людендорф вспоминал о своей службе в Карпатах в январе 1915 г.: «Теперь, как и в сентябре при поездке в Ней-Сандец, я получил впечатление о полной отсталости народностей, которые не принадлежали к числу господствующих. Во время одной поездки я попал в деревню, населенную гуцулами. Убогие жилища этого несчастного племени навсегда останутся в моей памяти. Насколько иначе благодаря мудрым мероприятиям государей обстояли дела в Германии и насколько выше стояли культура и развитие у нас по сравнению с Австро-Венгрией! Когда я увидел хижины гуцулов, мне стало ясно, что это племя не могло понимать, за что оно воюет»[2].

Главная сила обороны Маковки заключалась отнюдь не в идейности части защитников — украинских сечевых стрельцов. К началу русской атаки на Маковку эта высота (ее средняя и северо-западная вершины) непрерывно находилась под контролем австро-венгерских войск в течение двух с половиной месяцев. Австрийцы имели достаточно времени, чтобы хорошо изучить саму Маковку и прилегающую местность, и впоследствии это помогло им во время обороны. Гора была укреплена тремя рядами окопов, проволочными заграждениями, густыми засеками, волчьими ямами, фугасами и различными изощренными техническими средствами, включая даже огнеметы. За десятинедельный срок Маковка была превращена, по существу, в малоприступную горную крепость, и именно поэтому взятие высоты русскими потребовало больших потерь и многодневного штурма.

Реляции полков о боях за Маковку рисуют картину того, как русские солдаты штурмовали эту гору под убийственным ружейным и пулеметным огнем, подрываясь на фугасах, сжигаемые из огнеметов. Чрезвычайная следственная комиссия, изучавшая случаи нарушения немцами законов и обычаев войны, констатировала: «В ночь на 22 апреля (точнее, на 21 апреля. — *В.К.*), при атаке высоты „958” Макувки, чинами нашей

[1] Там же. С. 100–101.

[2] *Людендорф Э.* Указ. соч. С. 117.

inslav

пехотной дивизии были найдены около 100 обуглившихся трупов наших солдат, подвергшихся действию огневыбрасывателей, и у австрийцев захвачено 8 таких аппаратов. Кроме того, многие нижние чины получили тогда серьезные ранения от ожогов»[1]. Борьба пехоты на высоте 958 имела эпический характер. «Неприступная, по заявлению самих пленных офицеров, Маковка была взята после ожесточеннейшего, упорного и длительного штыкового боя, причем противник был буквально разгромлен, хотя превосходил силами атакующего, особенно в момент перехода в штыковой бой, после больших потерь, понесенных штурмующими ротами от пулеметного и ружейного огня противника. На всем районе высоты 958, особенно на северном и северо-западном скатах ее, борьба шла уже не за обладание окопами, а буквально за кусок земли. Груды тел, наваленных повсюду, и наших, и австрийских, красноречиво свидетельствуют о той ожесточенной, длительной борьбе, которая происходила при штурме и закреплении за собой этой сильной, оборудованной противником позиции», — докладывал вечером 2 апреля командир Самарского полка полковник Шелехов.[2] Также в его реляции говорилось: «*Потери противника убитыми и ранеными огромны*, ибо благодаря проявленному упорству при штыковой работе масса приколота в окопах (курсив мой. — *В.К.*)»[3]. Взятие Маковки стало настоящей победой духа русских воинов, купленной огромными усилиями и жертвами.

Особенно важен и неоднозначен вопрос о настроениях славянских солдат Австро-Венгрии, защищавших Маковку, и прежде всего — галичан. Именно так почти всегда называются «стрелецкими» авторами австро-венгерские солдаты русинской и украинской национальности, не входившие в состав Легиона УСС. Сами «усусы» обычно не называли их ни украинцами, ни русинами, что неудивительно. Понятие «украинец» использовалось стрельцами и их историками для обозначения сознательного националиста русофобского толка. Ну, а говорить о русинах и вовсе было невозможно — ведь, по мнению этих людей, такого славянского народа просто не существовало, как не было в годы Первой мировой войны массовых репрессий против него со стороны австрийских властей и австрофильского «украинства».

Очень интересное свидетельство приводится в некрологе генералу Йозефу Витошинскому, бывшему командиру 130-й пехотной бригады,

[1] Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. М., 1942. С. 44–45.

[2] РГВИА. Ф. 2408. Оп. 3. Ед. хр. 58. Л. 392–394. Шелехов — Матвееву. Полевая записка. С Маковки. 21 апреля 1915. 10 час. вечера. № 317.

[3] Там же.

inslav

умершему во Львове в 1931 г. Однажды во время стояния на Маковке весной 1915 г., в часы затишья, тот заговорил на позиции с одним пожилым «ляндштурмаком» из Галиции; почти наверняка — русином, так как даже поздоровались они по-русински: «Слава Ісусу Христу! — Слава на віки!». Собеседник Витошинского, не зная, что говорит с самим бригадным командиром, откровенно высказал ему, что в продолжении войны виноваты «паны да еще эти украинцы». И пояснил: «Каждый народ имеет украинцев. Москаль своих, наш своих. Немец своих, француз своих. Вот от них вся беда. Они добровольно пошли на войну, они молоды, не женаты, детей нет, им все равно»[1]. Т.е. в представлении немолодого галицийского ландштурмиста слово «украинец» означало принадлежность не к этносу, а к группе пылких и воинственных экстремистов, сторонников войны. Вот потому и не могли «стрелецкие» историки определить подобных «ляндштурмаков» ни как «украинцев», ни как «русинов». И это дает еще один маленький повод задуматься — что же представляло собой национальное и этническое самосознание галицийских и карпатских малорусов в начале XX в.?

К этому стоит добавить, что у русинского населения Карпат и Галиции с первых же месяцев Великой войны появились новые поводы для лютой ненависти к Австро-Венгерской монархии. С августа 1914 г. австрийские власти, их армия, жандармерия и полиция приступили к систематическому уничтожению русинской интеллигенции. В отношении собственных подданных Австро-Венгрия фактически ввела режим военной оккупации, притом весьма жестокой[2]. Об этом же вспоминал выдающийся русинский деятель Василий Ваврик (1889–1970): «Жажда славянской крови запоморочила помыслы военных и мирских подданных Габсбургской монархии. Наши братья, вырекшиеся Руси, стали не только ее прислужниками, но и подлейшими доносчиками и палачами родного народа»[3].

События тех недель запечатлел в своем романе «Марш Радецкого» австрийский писатель Йозеф Рот (1894–1939), галицийский еврей по происхождению, кстати, до самой смерти остававшийся убежденным приверженцем павшей монархии Габсбургов. Потому его художественное свидетельство ценно для нас вдвойне. Рот так писал о происходившем в

[1] «Дзядзьо» (Памяти ген. Вітошинського) // Літопис Червоної Калини. Ілюстрований журнал історії та побуту. IV. Річник. 1932. Січень. Число 1. С. 9.

[2] Подробнее о политике Австро-Венгрии в Галиции см. статью М.Э. Клоповой в этой книге.

[3] Цит. по: *Айрапетов О.Р.* Трагедия русин Галиции (рукопись статьи).

inslav

Галиции в августе 1914 г.: «Из штаба армии поступали многочисленные и весьма разноречивые приказы. Большинство их касалось эвакуации городов и деревень и мероприятий против русофильски настроенных украинцев, попов и шпионов. Торопливые полевые суды выносили опрометчивые приговоры. Тайные шпики строчили бесконтрольные доносы на крестьян, учителей, фотографов, чиновников. Времени было мало. Приходилось спешно отступать и так же спешно карать предателей. И в то время, как санитарные повозки, обозы, полевая артиллерия, драгуны, уланы и пехотинцы, увязая в грязи размытых дождем дорог, спутывались в неожиданно возникающие и безнадежные клубки, стремглав носились курьеры и жители маленьких городков нескончаемыми вереницами тянулись на запад, охваченные белым ужасом, нагруженные белыми и красными тюфяками, серыми мешками, коричневой мебелью и голубыми керосиновыми лампами, — в это время в церковных дворах сёл и в деревушках раздавались выстрелы торопливых исполнителей опрометчивых приговоров, и мрачная барабанная дробь сопровождала монотонные, зачитываемые аудиторами решения судов; жены расстрелянных, вопя о пощаде, валялись перед выпачканными в грязи сапогами офицеров, и пылающий, красный и серебряный огонь вырывался из хижин и овинов, сараев и скирд. Война австрийской армии началась с полевых судов. По целым дням висели подлинные и мнимые предатели на деревьях церковных дворов, наводя ужас на всех живущих. А живые разбегались куда глаза глядят»[1].

В 1914 г. русские войска ненадолго освободили русинов Галиции, однако большая часть их духовной и интеллектуальной элиты в это время уничтожалась в лагерях Талергоф и Терезин, а карпатские и закарпатские русины продолжали испытывать все тяготы войны и зверства австрийской армии, особенно со стороны мадьяр. Офицер русского Генштаба А.Е. Снесарев[2] в письме к жене от 16 февраля делился впечатлениями от общения с карпатскими русинами (лемками или бойками): «Жителей стояла сегодня целая масса, и я разговорился с ними. Нищета страшная и лишения несказанные. Особенно их возмущает ненужная и дикая жестокость мадьяров. „Мы понимаем, — говорит один, — что война не игрушка, но зачем делать из нее сплошное страдание и для мирных жителей? Пули убивают и нас, снаряд случайно подожжет и дом,

[1] *Рот Й.* Марш Радецкого. СПб., 2008. С. 365–366.

[2] Снесарев А.Е. — крупный военный востоковед и известный философ войны, с октября 1914 г. командовал 133-м пехотным Симферопольским полком, зимой и весной 1915 г. сражался в Карпатах в составе 34-й пехотной дивизии VII корпуса, примыкавшего справа к Стрыйскому отряду и XXII корпусу.

inslav

но зачем делать это с умыслом? Ваши солдаты живут среди нас, и мы только подкармливаемся около, а мадьярские тащат из деревень к себе в окопы все, что найдут, даже наших жен". „Ну, что же, — шутит один из офицеров, — возьмут какую-либо старуху, меньше ртов останется". „Нужна им старуха, — вставляет со смехом молодой русин, — они выбирают красивую да толстую". Оказывается, я запрещаю приезд супруг офицерских на театр войны, а мой соперник, какой-либо командир венгерского полка, смотрит сквозь пальцы на то, что его офицеры и солдаты устраивают из окопов дома свиданий... Оказывается, несчастные бабы живут в окопах — на холодах и ветру — по нескольку дней, выполняют хозяйственные работы, а ночью служат утехой своих жестоких победителей... Характерен идеал венгров — толстая баба... в чем проскальзывает их азиатская натура»[1].

А в письме от 4 апреля Снесарев, после взятия вражеских позиций и осмотра жилищ мадьярских офицеров, оставивших по себе страшную память у женского населения и множество пустых винных бочек, писал: «В общем наш враг сух, жесток и распутен... Жизнь их офицеров поражает пустотой, безудержным бахвальством, постоянным выпячиванием наружу животных инстинктов»[2]. Во время боев в Карпатах и Галиции главной жертвой мадьярских насилий были русины, между прочим, такие же подданные Габсбургской монархии. Даже бойцы Украинского легиона отмечали, что, находясь на постое в русинских селах, мадьяры вытворяли отвратительные вещи. Так, в селе Славско зимой 1915 г. всем местным жителям-бойкам было приказано собраться вместе с семьями около церкви. Те послушно явились, а в это время мадьярские солдаты растащили их домашний скот и птицу. Причем в том же самом селе стоял штаб 55-й пехотной дивизии Фляйшмана[3]. Американский историк Г. Тунстолл, много работавший с документами австрийских военных архивов, пишет, что войска Австро-Венгрии, действуя в Карпатах, чувствовали себя во враждебной местности и, как следствие, у них нарастали параноидальные настроения, которые вели к арестам и казням со-

[1] *Снесарев А.Е.* Фронтовые письма и дневники. Письма. М., 2005. Т. 1. С. 60.

[2] Там же. С. 77–78. «На балконе, где я часто теперь гуляю, стоит 5 больших бочонков (ведер 20 каждый), когда-то наполненных вином и ромом, а теперь пустых: это остатки офицерского ежедневного пиршества. Но мне говорят, что это далеко не все, много их разбросано, много увезено. И курьезно, мадьяры бросили массой свое снаряжение, оставили три орудия, провиант, но хмельное или постарались увезти, или выпустили содержимое бочек в землю», — отмечал Снесарев (Там же. С. 77).

[3] *Думін О.* Указ. соч. С. 106–107.

inslav

тен людей[1]. Шпиономания в отношении русинов была распространена не только в австро-венгерской армии, но и в германских частях, которые действовали в Карпатах. К примеру, 19-летний русин Николай Лещий, сдавшийся русскому дозору около Тухлы в феврале 1915 г., сообщил в штабе XXII корпуса, что германцы были особенно подозрительны и что в селе Опоржец они повесили священника, за алтарем у которого якобы обнаружили телефонный аппарат[2]. Естественно, в таких условиях многие местные жители не только сочувствовали русской армии, но и активно помогали ей. Перебежавший к русским в первых числах января 1915 г. шофер генерала Петера Гофмана сообщил, помимо прочего, что австрийские шпионы боялись переходить линию фронта по дороге на Сколе, так как местное население выдавало их русским войскам. Для заброски своих агентов в русский тыл австрийцы были вынуждены использовать обходные горные пути[3]. Не было ничего удивительного и в частых случаях добровольной сдачи солдат-русинов в плен Русской армии.

Вышеизложенное, безусловно, должно облегчить ответ на вопрос — сражался ли Украинский легион австро-венгерской армии на стороне защитников славянского населения Галиции и Карпат. А следовательно, и вопрос — за какие идеалы сражались на Маковке «несознательные жертвы российского империализма» и «маленькая горстка УСС» и на чьей стороне было неоспоримое моральное преимущество в той борьбе.

* * *

Итак, 21 апреля (4 мая) 1915 г. русские войска взяли гору Маковка, одержав трудную победу. Она стала последним громким тактическим успехом русских войск в ходе великой битвы за Карпаты, длившейся, с небольшими перерывами, с октября 1914 по май 1915 г. Взятие Маковки было куплено ценой жизни многих сотен русских воинов.

Оборонительные бои на Маковке стали единственным значимым эпизодом в боевой истории Украинского легиона, в котором он сколько-нибудь успешно — до поры до времени — противостоял русским вой-

[1] *Tunstall Graydon A*. Blood on the Snow. The Carpathian Winter War of 1915. Lawrence, Kansas, 2010. P. 34.

[2] РГВИА. Ф. 2222. Оп. 1. Ед. хр. 696. Л. 61–61 об. Поручик Дубенко (из штаба корпуса) — Никитину, Лазареву, Соколову, Обручеву, Нотбек, Волкобою, Селивачеву, Альфтану и Гаврилову. Телеграмма. Из Стрыя. 26 февраля 1915. 12 час. 30 мин. дня. Б.н.

[3] РГВИА. Ф. 2408. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 28. Журнал военных действий 78-й пехотной дивизии. 3 января 1915.

inslav

скам, опираясь на сильные заблаговременно укрепленные позиции, на богатые технические возможности германцев и особенно на подавляющее превосходство Южной армии в артиллерии и боеприпасах к ней. И оборона неприступной Маковки никоим образом не может считаться торжеством «идейного стрелецтва» над «московскими ордами в серых шинелях и папахах». Напротив, истинную победу духа одержали как раз русские полки, взявшие высоту 958 ценой огромных усилий и жертв.

Великая битва в Карпатах 1914–1915 гг. завершилась неудачно для Русской армии, коль скоро после Горлицкого прорыва та была вынуждена начать отход с Карпат и из Галиции. В свете этого ни одна частная тактическая победа, такая, как на Маковке, не может считаться полной и абсолютной, если рассматривать ее в оперативном и стратегическом контексте всей той кампании. Но если смотреть на события 20–21 апреля (3–4 мая) 1915 г. как на самостоятельный и самоценный акт вооруженного противостояния русских воинов и их врагов, мы можем повторить еще раз: бои за Маковку закончились победой русских войск, которые сломили упорное сопротивление ее защитников, взяли и закрепили за собой эту гору, захватив множество пленных и трофеев.

Победа русского оружия на Маковке оказалась запоздавшей и во многом напрасной. Однако мы обязаны внимательно изучать страницы своей военной истории и освещать ее в соответствии с исторической истиной.

Клопова М. Э.
(Москва)

Восточнославянское население Галиции в годы Первой мировой войны

События Первой мировой войны, изменившие карту Европы и судьбы многих ее народов, на протяжении десятилетий являются предметом пристального научного интереса. Многие эпизоды до сих пор остаются малоизученными. Одной из таких страниц большой войны можно считать судьбу «руського» (восточнославянского) населения Галиции, Буковины и Угорской Руси.

Эти земли вошли в состав Габсбургской империи в конце XVIII — начале XIX вв. Население их было неоднородным: в Галиции проживали поляки (около 60 % населения), русины, евреи, немцы; в Буковине наряду с русинами жили румыны, евреи, немцы, армяне. Угорская Русь

inslav

входила в состав Венгерского королевства, здесь основными национальностями были русины, венгры, евреи. Специфика исторических судеб этих регионов, принципов политики имперского центра в отношении каждого из них, имела следствием то, что развитие национального самосознания восточнославянского населения в каждом из регионов шло по собственному пути. Наиболее динамично процесс вызревания национального самосознания восточнославянского населения и формирования его национально-культурных, а позднее национально-политических движений шел в Галиции. Основное соперничество развернулось между украинским и пророссийским, получившим наименование русофильского, направлениями. В основе идеологии русофильского движения лежала концепция, согласно которой Восточная Галиция, а также другие «руські» земли Габсбургской империи считались неотъемлемой частью единого русского мира, сегментом общего русского культурно-исторического пространства. Участниками украинского движения Галиция воспринималась как элемент единой «соборной» Украины, своего рода лаборатория, где нарабатывался опыт культурной, общественно-политической, экономической деятельности, который затем предстояло перенести на российскую часть Украины. Именно конкуренция между двумя этими проектами нациостроительства, на рубеже XIX–XX вв. оформившимися в полноценные национально-политические движения, находилась в центре общественной жизни восточнославянского населения Галиции. Оба движения имели политические представительства в общеавстрийском и провинциальных законодательных учреждениях, многочисленные печатные издания, культурно-просветительские, хозяйственные конфессиональные объединения. К началу мировой войны среди активистов украинского движения в Австро-Венгрии окончательно утвердились проавстрийские настроения. Лидеры украинского движения отчетливо осознавали, что только помощь имперских властей обеспечит достижение основных целей украинского движения, прежде всего, консолидацию всего восточнославянского населения империи вокруг идеи самостоятельного украинского народа. Антироссийская направленность украинского движения, подчеркнутая лояльность его лидеров по отношению к Габсбургам, и, одновременно, его зависимость от благожелательного отношения имперского центра, способствовали тому, что украинское движение в Австро-Венгрии все чаще воспринималось, причем не только в Вене, но и в Петербурге как возможный инструмент в борьбе против России. По мере роста напряженности в австро-российских отношениях в 1912–1914 гг., в Вене все более позитивно относились к украинскому движению.

inslav

Эскалация напряженности в австро-российских отношениях не могла не сказаться и на судьбе русофильского движения в Австро-Венгрии. В 1909–1910 гг. в результате внутренних противоречий, а также усиления негативного отношения со стороны галицийской и общеимперской администрации русофильское движение лишились сколько-нибудь заметного политического влияния. Его представители сосредоточились на культурной и религиозной деятельности, что во многом отвечало изначальным установкам русофилов, считающих политическую борьбу вредной для культурного развития «руського» населения Австро-Венгрии. Кроме того углублению именно культурно-религиозного направления в работе русофилов способствовали их контакты со своими единомышленниками в России. Это послужило толчком к переходу русофильского движения на новый уровень развития, осознанию русофилами себя как части единого русского народа. Следствием усиления пророссийских симпатий в среде русофилов стало обострение подозрительности по отношению к ним со стороны австро-венгерских властей. На фоне роста напряженности в отношениях между двумя монархиями, Вене было очень выгодно обвинить Россию во вмешательстве в ее внутренние дела и скомпрометировать как самих русофилов, так и их российских единомышленников. Имперскими властями были организованы два политических, «шпионских» процесса — в 1913 г. в венгерском Мармарош-Сигете и в 1914 г. в Львове. Обвиняемыми на этих процессах выступали как активные деятели русофильского движения, так и его рядовые участники. Вина подсудимых в обоих случаях заключалась в их приверженности православию и контактах с Русской православной церковью. И хотя в обоих случаях подсудимые были оправданы судом присяжных, для русофильского движения в Австро-Венгрии это был тяжелый удар. Практически, русофилы лишились возможности открытой, легальной деятельности в «руських» провинциях Габсбургской монархии. Но подлинной трагедией для русофильского движения стали события Первой мировой войны.

Австро-Венгрия объявила войну России 6 августа 1914 г. С этого момента судьба жителей Галиции, прежде всего это относится к русинам, зависела от того, к какому из национально-политических движений они принадлежали. Представители украинского движения активно выступили в поддержку Габсбургов. Уже 3 августа 1914 г. была создана Главная украинская рада, во главе с председателем украинского парламентского клуба К. Левицким, в программной декларации объявившая Россию главным врагом украинского народа[1]. Тогда же, 4 августа 1914 г.

[1] *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 170.

inslav

во Львове группой украинцев-эмигрантов из России — Д. Донцовым, Н. Зализняком, В. Дорошенко— был создан Союз освобождения Украины (СВУ), также связывавший будущее украинского народа с разгромом России. По инициативе Рады были созданы добровольческие военные формирования — «Украинские Сичевые стрельцы» (УСС). Украинские активисты говорили о 30 тыс. добровольцев, однако правительство ограничило их число 2,5 тыс. Следует отметить, что австрийское командование, вопреки ожиданиям украинцев, не торопилось использовать их на фронте в качестве самостоятельных соединений. Фактически, можно говорить лишь об одной военной операции, в которой «сичевики» принимали участие — это взятие гора Маковка в Карпатах весной 1915 г. в рамках контрнаступления австрийской армии[1]. Австрийское командование, с осторожностью относясь к «сичевикам», считало полезным поддерживать их проавстрийские настроения, которые возможно было бы использовать против России. Следует отметить, что деятельность Главной украинской рады, Союза освобождения Украины, Украинских сичевых стрельцов нашли отражение в достаточном количестве публикаций, как научных, так и публицистических, в то время как судьбы русофилов в эти годы остаются по сей день практически неизученными, несмотря на то, что это, несомненно, одна из самых трагических страниц истории мировой войны.

С первых дней войны в отношении русофилов и их единомышленников Вена проводила максимально жесткую политику. Уже в ночь с 30 на 31 июля 1914 г. арестованы были депутаты рейхсрата Д. Марков и В. Курилович, ряд других активистов русофильского движения. Несколько месяцев они провели в тюрьме в ожидании суда, который начался 11 июня 1915 г. Суть обвинений сводилась к тому, что подсудимые после начала войны и объявления мобилизации продолжали состоять в русских организациях, что являлось, по мнению обвинения, государственной изменой. На суде Д.А. Марков настаивал на лояльности русофилов, подчеркивая, что они не выступали ни против династии, ни против государства, и «никто из нас, даже никто из депутатов не выступал никогда с антимилитаристской пропагандой».[2] Марков доказывал, что вся деятельность русофилов была направлена лишь на сохранение национального самосознания руського населения Австро-Венгрии, что ни

[1] *Каширин В.* «Усусам» по сусалам, или взятие Маковки // Родина. № 4. 2010.

[2] Талергофский альманах. Пропамятная книга австрийских жестокостей, изуверств и насилий над карпато-русским народом во время всемирной войны 1914–1917 гг.// Русская Галиция и мазепинство. М., 2005. С. 199.

inslav

в малейшей степени не могло нести угрозу безопасности и целостности империи. Свидетелями обвинения выступали также депутаты, но уже «Украинского клуба» — К. Левицкий, А. Колеса, другие видные представители украинского направления, указывавшие, что деятельность подсудимых носила антигосударственный характер и направлена была на отторжение Галиции от Австро-Венгрии. Как заявил один из свидетелей обвинения: «Кто употребляет русский язык, тот не может бытъ хорошим австрийцем»[1]. В то же время, никаких реальных примеров антигосударственной деятельности русофилов их противниками приведено не было. Обвиняемые были приговорены к смертной казни, которая, по ходатайству российского императора Николая II при посредничестве испанского короля, была заменена пожизненным заключением. На свободу Марков и другие смогли выйти лишь после смерти императора Франца Иосифа.

Еще более суровой была участь рядовых русофилов. С первых дней войны в Галиции начались массовые репрессии. Составители «Талергофского альманаха», самого полного на сегодняшний день собрания воспоминаний очевидцев и участников событий писали: «Весь ужас и мучения, перенесенныя русским населением в Австро-Венгрии, главным образом, на первых порах войны, т.е. до момента вытеснения русской армией австро-мадьярских войск за Дунаец и по ту сторону Карпатскаго хребта, не имели предела: это была сплошная полоса неразборчивого в средствах, бессистемного террора, через которую прошло поголовно все русское население Прикарпатья»[2]. «Талергофский альманах» содержит подробные сведения о расправах над мирным населением. Арестам и казням подвергались крестьяне, учителя, священники. Далеко не все из них были сознательными сторонниками идеи «общерусского единства». Многие были просто подписчиками русофильских изданий, членами просветительского Общества им. Качковского. По словам очевидцев, «много народа погибло только за то, что не научилось говорить по-немецки»[3], носили православные кресты, просто стали жертвами наветов. По свидетельству одного из переживших австрийские репрессии, незадолго до своего ареста он ознакомился со служебной инструкцией галицийского жандармского управления, в которой содержались указания из Вены за арест неблагонадежного интеллигента выдавать сумму в 50 крон, за крестьянина — 8 крон, а за изобличение диверсантов или лиц, могущих совершить диверсию, предлагалось вознаграждение

[1] Талергофский альманах… С. 215.

[2] Там же.

[3] Талергофский альманах… С. 250.

inslav

в 200 крон[1]. Как горько заметил автор воспоминаний: «Темные личности, желающие выручить грош хотя бы ценой жизни своего ближнего, находятся везде в изобилии». Активную и притом весьма неприглядную роль в расправе над своими политическими конкурентами сыграли украинские активисты. Если лидеры украинского парламентского представительства, обвиняли своих недавних коллег по парламентской деятельности в государственной измене, то рядовые участники движения не только доносили на своих соседей-русофилов, но и принимали участие в арестах и расправах над ними. Как свидетельствовал один крестьянин: «Наша жизнь и свобода зависели от священника-„украинца"...Он был всесилен, арестовывал и освобождал по своему усмотрению. Предавали нас и свои же братья-крестьяне, украинофилы»[2].

Одним из самых кровавых эпизодов первых недель войны стало массовое убийство арестованных русофилов в г. Перемышль. Здесь, во время отступления австрийской армии, 15 сентября 1914 г. на группу из 46 человек, которых вели в городскую тюрьму, напали венгерские солдаты. Сначала арестованных избивали палками и камнями, затем в дело пошли сабли и огнестрельное оружие. Как писал В.Р. Ваврик, участник русофильского движения, переживший австрийские репрессии: «Из тел изрубленных людей образовалась сплошная груда разможенного мяса»[3]. Только двоим из арестованных удалось выжить.

Большинство было казнено без суда и следствия. Но и те, кто предстал перед судом, были обречены. Наиболее известным и в то же время показательным стал процесс в Новом Сонче, когда 26 августа перед судом предстали семь человек, обвиняемые в государственной измене. Все подсудимые были активистами русофильского движения, некоторые из них, еще до войны, были подвергнуты судебному преследованию по обвинению в государственной измене. Но если судебный процесс во Львове весной 1914 г. проходил в соответствии с общепринятыми нормами правосудия, что и привело к вынесению оправдательного приговора, то теперь обвинявшиеся русины были лишены всяческих прав. Они не имели возможности защищаться, суд заслушал лишь свидетелей со стороны обвинения, заявлявших о том, что подсудимые придерживались русофильской ориентации и вели агитацию «против украинства». Суд увидел в этом признаки государственной измены и на этом основании

[1] Там же. С. 364

[2] Там же. С. 283.

[3] *Ваврик В.Р.* Терезин и Талергоф. К 50-летней годовщине трагедии Галицкорусского народа. М., 2001. С. 73.

inslav

вынес смертный приговор обвиняемым. По аналогичному сценарию проходили и другие судебные процессы. Нередко австрийские судейские чиновники сами высказывали недоумение по поводу неубедительности доказательств вины.

Свою жестокость по отношению к мирному населению австрийские власти объясняли соображениями безопасности. Один из руководителей австрийской контрразведки М. Ронге писал: «Мы столкнулись с враждебностью, которая не снилась даже пессимистам. Пришлось прибегнуть к таким же мерам как в Боснии — брать заложников»[1]. В подтверждении своих слов о крайней неблагонадежности русофилов Ронге приводил брошюру «Современная Галиция» отдела военной цензуры при штабе Юго-Западного фронта. В брошюре, составленной как справочник по политическим группам и организациям Галиции, перечислялись, среди прочих и русофильские организации, помощь которых могла бы быть полезной в случае вступления русской армии на территорию провинции. Однако стоит отметить, что брошюра попала в руки австрийской контрразведки только в 10-х числах октября, в то время как репрессии против населения начались с первых дней войны.

От карательных мер также страдало городское население. Во Львове с началом военных действий были закрыты все русофильские учреждения — организации, приюты, редакции газет — имущество их было разграблено. Активно шли аресты, и уже к концу августа 1914 г. в тюрьме оказались около 2 тыс. человек. Многие из них были повешены. В.Р. Ваврик вспоминал, что «в темном углу Бригидок (известной Львовской тюрьмы. — *М. К.*) шла экзекуция за экзекуцией»[2], в которых участвовали палачи-добровольцы. Как правило, казнили крестьян, заподозренных в симпатиях к приближавшимся русским войскам. Нередкими были случаи, когда людей арестовывали прямо на улицах города по малейшему подозрению в русофильстве. Часто арестам подвергались дети 12–13 лет. По мнению представителя австрийской военной комендатуры в Львове, эти меры были продиктованы необходимостью «как острастный пример одним и доказательство другим, что австрийское правительство имеет власть и силу для того, чтобы наказать виновных и охранять невинных»[3]. С началом наступления русской армии в Галиции террор приобрел новый размах. Как отмечал автор приведенного выше донесения «продвинувшиеся на восточной границе русские войска... произвели

[1] *Ронге М.* Разведка и контрразведка. Спб., 2004. С. 104.

[2] *Ваврик В.Р.* Указ. соч. С. 68.

[3] Талергофский альманах. С. 229.

inslav

на русофильское население Восточной Галиции, находящееся уже издавна в изменнических сношениях с Россией, огромное впечатление»[1], что, по его мнению, служило лучшим доказательством необходимости принятия строгих мер.

Местные власти с трудом размещали огромное, к тому же постоянно возраставшее, количество арестованных. Опасаясь эпидемий, а также вероятного общественного возмущения, они поспешили организовать вывоз арестованных вглубь страны. Такой поспешности способствовало, безусловно, и стремительное продвижение по территории Галиции русской армии. Условия, в которых ехали арестованные, были чудовищными. Помимо скученности, духоты, отсутствия еды и воды, они вынуждены были переносить резко негативное отношение, а нередко и просто ненависть, польского и венгерского населения. Практически на каждой станции около вагонов с арестованными русофилами собиралась толпа, выкрикивающая оскорбления. Конвоиры не только не препятствовали этому, но и принимали участие в оскорблениях, а нередко и избиении несчастных[2].

Первым лагерем, куда были привезены арестованные, стал Терезин, крепость в северной Чехии. До начала мировой войны крепость использовалась в качестве казармы, а также, как место заключения для военных и политических преступников. 3 сентября 1914 г, в день, когда русскими войсками был взят Львов, туда прибыли первые заключенные, которые находились там до весны 1915 г. Заключенные Терезина вспоминали, что, несмотря на полную неприспособленность старой крепости к тому, чтобы в ней находилось несколько сотен человек разных возрастов, условия содержания здесь были относительно мягкими[3]. Этому способствовало не в последнюю очередь и благожелательное отношение местного чешского населения. Как впоследствии вспоминали заключенные Терезина, еще в пути они встретили горячее сочувствие и поддержку со стороны как мирных жителей, так и чешских солдат, едущих на фронт: «На пути через Чехию не было станции, где бы нам не дали кое-чего, по крайней мере, братского привета и доброго слова»[4]. В самом Терезине заключенные также ощущали доброжелательное отношение чешского населения, в том числе части администрации лагеря. Именно благодаря снисходительности администрации, позволявшей местным жителям оказывать помощь

[1] Там же.

[2] Там же. С. 322.

[3] *Ваврик. В.Р.* Указ.соч. С. 83.

[4] Талергофский альманах… С. 324.

inslav

заключенным, жизнь в Терезине была относительно легкой. Несмотря на постоянные допросы, а также ужесточившийся после развития наступления русской армии в Галиции режим, смертных случаев в лагере было немного. Недалеко располагался также лагерь русских военнопленных, с которыми заключенным в Терезине изредка удавалось контактировать. С особым чувством вспоминали заключенные Терезина о праздновании Пасхи в 1915 г., объединившим всех русских в лагере, как российских, так и австрийских подданных. Однако уже через несколько месяцев основной контингент заключенных был отправлен в другой лагерь, Талергоф, условия содержания в котором были намного хуже.

Лагерь Талергоф находился в Штирии, в предгорьях Альп. В начале существования он представлял собой участок невозделанного поля в виде длинного прямоугольника. На первых порах эту площадь солдаты отделили деревянными кольями и колючей проволокой. Первые заключенные, около 2 тыс. человек, прибыли уже в начале сентября 1914 г. К концу осени, согласно официальному рапорту фельдмаршала Шлеера, в Талергофе находилось 5700 русофилов. Имеются сведения о том, что осенью того же года в лагере всего числилось 8 тыс. человек[1].

Условия пребывания в Талергофе были крайне тяжелыми. Первые дни заключенные находились под открытым небом, позднее их стали размещать в ангарах (ранее неподалеку находилась летная часть). В каждом помещалось несколько сотен человек. Скученность, а также несоблюдение каких-либо санитарных норм, стали причиной постоянных эпидемий и высокой смертности среди заключенных. Практически во всех воспоминаниях бывших узников упоминается громадное количество вшей, трудности борьбы с ними. По словам В.Р. Ваврика, «смерть в Талергофе редко была естественной. Там ее прививали ядом заразных болезней. О каком-либо лечении не было и речи. К заключенным враждебно относились даже врачи»[2]. Уже в конце октября в Талергофе вспыхнула первая эпидемия тифа, продолжавшаяся до конца марта. Свирепствовали также грипп, дифтерия, холера, другие инфекции. Еще одним источником постоянных страданий был голод. О крайне скудном рационе вспоминали практически все бывшие узники лагеря. Смертность в таких условиях была чрезвычайно высокой. В течение полутора лет умерло 15 % талергофцев, т.е. свыше 3000 галичан и буковинцев[3].

---

[1] *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX — XX вв. М., 2007. С. 107.

[2] *Ваврик В.Р.* Указ. соч. С. 90.

[3] *Ваврик В.Р.* Указ. соч. С. 91.

inslav

Тяжелым был также моральный настрой интернированных. Постоянные издевательства охраны, допросы военных следователей, тяжелый физический труд подрывали душевные силы узников. Многие из них с горечью вспоминали: «Мы подняли народ на значительный культурный уровень, а теперь, когда австрийское беснование завело нас, русскую интеллигенцию и наше, будто бы к лучшему преобразованное простонародье, сюда... с изумлением увидели, что многие из них с враждебностью к нам относятся и даже досаждают нам всячески. Лишь малая, лучшая часть прихожан осталась нам верною, хорошо понимая, что терпят вместе с нами за народ, за обряд, за народную русскую речь, за русскую историю, за правду, за идею»[1]. Многие из узников упрекали священников, бывших активными участниками русофильского движения, в том, что именно они виноваты в злоключениях своих прихожан. Таким настроениям способствовало и то, что находившиеся в лагере сторонники украинского направления были относительно быстро освобождены, благодаря активным действиям украинских политиков. К. Левицкий вел активную борьбу за освобождение из Талергофа «сознательных украинцев», поскольку, согласно его заявлению на втором Венском процессе, «те, кто принадлежат к этому направлению со своей стороны не допустили никакой измены». Его инициатива нашла поддержку у центральных властей, и зимой 1915 г. в Грац прибыла комиссия, в составе которой находился, наряду с представителями военных и полицейских властей, видный украинский политик И. Ганкевич. Задачей комиссии было выявить среди заключенных членов украинской партии, а также ее сторонников. По воспоминаниям одного из узников лагеря, священника Г. Полянского, уже в начале зимы 1914 г. украинские агитаторы вели работу среди русинов, убеждая их «вписаться на украинскому листе»[2], то есть признать себя сознательными украинцами. Часть заключенных сделала это и через какое-то время была освобождена из лагеря, так как якобы «эти личности попались только по ложному недоразумению или же ложным доносам»[3]. Нахождение этих лиц в лагере было признано нецелесообразным, поскольку их принадлежность к украинской партии являлась, по мнению властей, гарантией благонадежности. Всего усилиями комиссии было освобождено из лагеря около 200 человек.

Постепенно заключенные добились постройки церкви, ставшей, несмотря на скудность убранства, центром духовной жизни лагеря. Нала-

[1] Талергофский альманах… С. 470.

[2] Там же. С. 480.

[3] Там же. С. 504.

inslav

живался и быт. Родные находившихся в лагере узников получили возможность присылать им деньги и вещи, были построены новые бараки, проведены электричество и водопровод. В начале 1916 г. Талергоф, по словам одного из его бывших узников, священника Григория Макара, «принял европейский вид»[1].

Первые освобождения заключенных начались летом 1915 г. Освобождались, помимо признанных благонадежными украинцев, женщины, старики, больные. Но на протяжении 1915–1916 гг. продолжалось и пополнение лагеря новыми заключенными. После того, как русские войска оставили Галицию, репрессии возобновились с новой силой. Были арестованы практически все имевшие какие-либо связи с русской военной или гражданской администрацией — не только сторонники русофильской ориентации, но также и поляки, евреи,украинцы. В Талергоф попадали даже те, кто сам принимал участие в арестах русофилов в 1914 г. К началу 1917 г. в лагере осталось около 3 тыс. человек, «наиболее стойких русских, насколько сот поляков, столько же румын и евреев»[2]. В марте 1917 г. в Талергофе пронесся слух о возможном скором освобождении. Вскоре он был подтвержден рескриптом нового императора Карла I от 8 марта 1918 г. В нем император объявил о своем желании освободить всех интернированных лиц, к которым относились и узники Талергофа. В конце апреля была освобождена первая группа заключенных, а 10 мая 1917 г. лагерь прекратил свое существование. Все бывшие узники были разделены на несколько групп — с правом проживания в Галиции или без такового, а также имеющие материальные средства или не имеющие. Не все смогли вернуться в родные места, но большинство бывших узников, особенно представителей интеллигенции и священников, уже 10 мая были дома.

Значительная часть населения Галиции, в том числе и русинов, покинула родные места в качестве беженцев. Вместе с отступавшей австрийской армией Галицию оставили не только активисты украинского движения или лица по тем или иным причинам опасавшиеся преследования со стороны российских оккупационных властей. Более многочисленную категорию представляли эвакуированные в качестве потенциальной рабочей силы, которая могла бы быть использована на австрийских предприятиях. Предполагалась также эвакуация материальных ценностей, в том числе и предприятий, однако вследствие стремительного наступления русских войск, эти меры осуществлены не были.

[1] Талергофский альманах… С. 439.

[2] Там же С. 501.

inslav

Размах переселенческих процессов и опасность потери контроля над потоком беженцев вынудили австрийские власти приступить к организации лагерей для перемещенных лиц. Уже в августе 1914 г. было создано «Центральное представительство опеки над беженцами из Галиции и Буковины», выпущены инструкции по размещению и трудоустройству беженцев. В начале января 1915 г. был создан «Украинский комитет помощи» во главе с видным украинским политиком Ю. Романчуком, который вскоре был признан государственной структурой, и которому оказывалась серьезная материальная поддержка. Важно отметить также, что при организации переселенческих лагерей венское правительство стремилось создавать лагеря, исходя из национальной принадлежности перемещенных лиц. Несколько лагерей были созданы исключительно для русинов, которых именовали уже украинцами. Лагеря беженцев были сравнительно хорошо обустроены, соблюдались санитарные нормы. Для удовлетворения духовных нужд открывались национальные школы, театры, издавались газеты[1]. В этом просматривался и определенный политический расчет. С точки зрения официальной Вены, только украинский вариант национальной идентичности русинов мог быть признан приемлемым для Габсбургов, отсюда и настойчивое стремление убедить людей, оторванных от привычной культурно-национальной среды в том, что они являются именно украинцами.

Потоки беженцев направлялись и в обратном направлении, вглубь России, вместе с отступавшей весной 1915 г. русской армией. Стоит отметить, что «руськое» население в массе своей встретило приход русской армии положительно. Близость языка, веры, а, как правило, различиям между православным и греко-католическим обрядами, ни русинами, ни русскими солдатами в расчет не принимались, послужили основой для возникновения взаимной симпатии и ощущения этнического родства. Этому способствовала и достаточно мягкая по отношению к населению политика, проводимая российской военной и гражданской администрацией на оккупированных территориях. В ее основе лежала сложившаяся к началу войны концепция, согласно которой, одной из главных, если не основной задачей России в начавшейся войне являлось завершение исторической миссии собирания русских земель[2]. Галиция, Буковина, Угорская Русь воспринимались в рамках этой

[1] История Украины. Киев, 2008. С. 428.

[2] *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 125.

inslav

концепции не как оккупированные провинции Австро-Венгрии, а как исконные русские земли[1]. Соответственно, восточнославянское населения Австро-Венгрии рассматривалось, в рамках этой концепции, как часть единого русского народа, а не как население враждебной державы. Вследствие этого, легальными представителями интересов «руського» населения признавались сторонники общерусского единства — русофилы, участники украинского движения оказывались вне закона. Были закрыты украинские школы, издания, многочисленные украинские общественные и хозяйственно-экономические организации. В отношении украинских активистов также применялись репрессивные меры. Наиболее ярким примером стал арест и высылка митрополита Галицкого А. Шептицкого. Его как в Галиции, так и вне ее, воспринимали не только как иерарха Греко-католической церкви, но и как крупную политическую фигуру. Несмотря на то, что он не занимал открыто антироссийской позиции, ряд его выступлений был воспринят российскими властями как враждебный. 19 сентября А. Шептицкий был выслан в Киев, затем в Нижний Новгород, Курск. В то же время был арестован и сослан вернувшийся в Киев в начале войны видный деятель украинского движения М.С. Грушевский. С началом Горлицкой операции — наступления австро-германских войск весной-летом 1915 г. — русская армия вынуждена была оставить Восточную Галицию. Вслед за ней родные места покинули и многие тысячи мирных жителей, бежавших от боевых действий или опасавшихся новой волны репрессий со стороны австрийцев. Только за последнюю неделю до того, как был оставлен Львов, канцелярией генерал-губернатора было выдано 10 926 пропусков. Важно отметить, что пропуска выдавались мужчинам призывного возраста, а в пропуске указывалось количество членов его семьи. Всего Галицию покинуло более 100 тыс. жителей. О стихийном и трагическом отступлении из Галиции вспоминал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты»: «За войсками стихийно двигалась, сжигая свои дома и деревни, обезумевшая толпа народа, с женщинами, детьми, скотом, скарбом»[2]. После долгого, мучительного для многих пути около 6 тыс. беженцев осели в Ростове-на-Дону. Во главе беженцев встал один из лидеров Русско-народной партии В.Ф. Дудыкевич, незадолго до начала войны покинувший Австро-Венгрию. Он приложил немало усилий к тому, чтобы для беженцев были созданы

[1] Там же.

[2] *Деникин. А.И.* Очерки русской смуты.// *Антон Деникин*. Путь русского офицера. М., 2002. С. 132.

inslav

приемлемые условия существования. Тем не менее, жизнь беженцев была нелегкой. Большинство жило во временных жилищах, отношение местного населения было неоднозначным, иногда прямо враждебным. После революции 1917 г., а затем и распада в 1918 г. Габсбургской империи основная часть беженцев вернулась на родину. Многие не сразу покинули Россию, разделив с нею многочисленные испытания революции и Гражданской войны.

Таким образом, восточнославянское население Галиции понесло за годы войны серьезные потери. Около 35 тыс. человек погибли в первые месяцы войны, несколько тысяч умерли в лагерях. Война серьезно повлияла не только на демографическую ситуацию, но и на расстановку национально-политических сил в регионе. Практически утратило свое влияние русофильское движение. Помимо физического уничтожения значительного числа его сторонников (а как уже отмечалось, большинство погибших в первые недели войны и интернированных в Терезин и Талергоф, были именно русофилами), движение лишилось практически всей своей материальной базы. Были уничтожены все русофильские институции, газеты, общества. Практически отсутствовала какая-либо политическая структура, да и в целом, по словам Н.М. Пашаевой, «собственно русское движение в межвоенной Галичине не имело политических союзников — ему было не по пути с коммунистами, ориентировавшимися на III Интернационал. Полонизаторская политика польского правительства была явно враждебна русским галичанам, тем более чужд им был украинский национализм. Не по пути им было и с русской эмиграцией»[1]. Основными, если не сказать единственными выразителями интересов восточнославянского населения в межвоенной Польше стали представители украинского движения. Таким образом, исчезла существовавшая вплоть до начала Первой мировой войны реальная альтернатива в определении национальной идентичности восточнославянского населения бывших провинций Австро-Венгерской монархии.

[1] *Пашаева Н.М.* Указ. соч. С. 123.

inslav

Д. Кодаева
(Братислава)

Война — это смерч. Чрезвычайное положение и стратегия выживания в период Великой войны (на примере Словакии)

Словакия до и в годы Первой мировой войны входила в состав Австро-Венгрии. Части австро-венгерской армии вступили в боевые действия сразу же после начала войны и воевали до ее последних дней. Солдаты, мобилизованные в словацких регионах Северной (Горной) Венгрии, воевали на всех фронтах. Некоторые из них, ставшие легионерами, закончили военные действия и вернулись домой через год, а то и два после окончания войны. Количество семей, непосредственно затронутых Первой мировой войной, которую в то время называли Великой, в Словакии было весьма велико. Тот факт, что каждый второй солдат, участник мировой войны, либо был убит, скончался от болезни, был ранен, либо пропал без вести[1], еще долгое время травмировал не только военное поколение, но и все словацкое общество.

Общественность была удивлена не началом войны, а ее длительностью и жестокостью. В газетах много писали о войне как об экстремальном способе решения конфликтов между великими державами. Ее также связывали и с возможностью определенным образом решить судьбы народов, недовольных своим положением в рамках существовавших государственных образований. Представители этих народов часто вспоминали результаты Парижской мирной конференции после Крымской войны или Берлинского конгресса, когда в рамках соглашений великие державы решали вопросы границ и положения иных народов. В Словакии были и те, кто верил, что после великой военной конфронтации согласно мирному договору словацкий вопрос в монархии либо вне ее границ найдет более справедливое решение. Несмотря на все это, война явилась неожиданностью. Особенно никто не мог предусмотреть ее масштабов: огромную территориальную протяженность фронтов, разрушительную силу и длительность конфликта. После объявления мобилизации в июле 1914 г. во многих деревнях кормильцы расставались со своими семьями, будучи уверенными, что быстро «побьют» сербов и до начала осенних работ на полях успеют вернуться домой.

[1] *Lipták Ľ.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 1998. S. 50.

inslav

По приказу о мобилизации постепенно из Словакии на фронты Первой мировой войны были отправлены 400 000 мужчин — т.е. седьмая часть тогдашнего населения Словакии[1]. В войну включился и тыл, став ее органической частью, и там происходила мобилизация, причем в таких размерах, что требовала новых механизмов управления. Решающую роль призвано было здесь сыграть государственное вмешательство[2]. Пропаганда неустанно твердила о «едином фронте». Параллельно с фронтом тыл трактовался как место, где решался исход боев, причем подчеркивалась их взаимозависимость. Идеология «единого фронта» давала право военному командованию требовать обязательной трудовой повинности гражданского населения для бесперебойного производства на объектах стратегического значения. Уже в конце 1914 г. эта повинность касалась свыше 600 000 мужчин[3]. Военное командование имело право мобилизовать на трудовой фронт мужчин, которые по возрасту не подлежали воинской службе, т.е. были старше 55 лет, а также женщин и молодежь.

Мужчины сражались и умирали на фронтах, но война затронула и их семьи, которые, лишившись кормильцев, должны были как-то выживать, а кроме того выполнять повинности в пользу государства и армии. Именно на этот внутренний фронт хочется обратить внимание. В статье будет рассмотрено как изменилась жизнь семей, жен и детей, как им удавалось в этих ухудшавшихся условиях справляться с отсутствием мужской силы при том же объеме труда, недостатком продуктов питания, дороговизной, голодом, болезнями, реквизициями в пользу армии и мириться с известиями, получаемыми с фронта. В печати того времени писали о «домашнем фронте», апеллировали к женщинам как к «бойцам за родину и своих мужей». Речь пойдет о стратегии, которую эти «бойцы» были вынуждены реализовывать в каждодневной жизни, чтобы обеспечить детей и себя и не вступить в противоречие с жесткими законами военного времени и чрезвычайным положением, введенным в государстве.

Основным источником для исследования данной темы явилась публицистика военного времени. Автор не ограничивалась сообщениями

[1] *Hronský M.* Slováci na frontoch prvnej svetovej vojny // Slovensko na začiatku 20. storočia (Spoločnost,štát a národ v súradniciach doby / Eds. Podrimavský M., Kováč D. Bratislava, 1999. S. 279.

[2] *Holec R.* Vojna a ekonomika // *Kováč D. a kol*. Prvá svetová vojna 1914–1918. Slovensko v 20.storočí. sv.2. Bratislava, 2008. S. 99–100.

[3] *Dudeková G.* Každodenný život za vojny // *Kováč D. a kol.* Ref. 3. S. 176.

inslav

информационного порядка, а в значительной мере использовала статьи и рассказы о судьбах отдельных людей. Периодические издания в начале войны пережили настоящее потрясение в силу ряда причин. Политические лидеры словаков, которые организовывали национальное движение и особенно издание печатных органов на словацком языке, после провозглашения войны попали в деликатную ситуацию. Одни из них по возрасту подлежали призыву в армию, другие были интернированы, либо подверглись полицейскому преследованию и допросам, так как в Венгрии активность невенгерских национальных деятелей рассматривалась как антипатриотическая, направленная на дестабилизацию обстановки, и с 90-х годов XIX в. была поставлена вне закона[1]. В связи с началом балканских войн 1912–1913 гг. был принят специальный закон военного времени о печати № 63/1912, который в момент вступления страны в войну отменял все другие законы о печати. На его основе в 20 жупах Венгрии были выявлены 526 словаков, которых считали подозрительными, и за ними либо была установлена слежка, либо они были просто интернированы. 169 из них являлись священниками обеих конфессий. Понятно, что если на младшие возраста распространялась мобилизация, а более старшие или священники, не подлежавшие призыву, подпадали под действие законов чрезвычайного положения и становились объектами преследования, то число активных национальных деятелей, ранее насчитывавших более 2000 имен, намного сократилось, а их деятельность была парализована[2].

Большинство газет и журналов перестали выходить, так как вступили в действие военные законы о печати. Уже закон № 63/1912 о чрезвычайных мероприятиях на случай войны предоставлял министерству справедливости широкие полномочия, если возникнут подозрения об угрозе военным интересам страны. Ужесточилась цензура печати и корреспонденции, подорожала бумага, а многие редакции лишились с уходом на фронт не только редакторов, но и прежде всего читателей. В семьях читателями газет в основном были мужчины. С их уходом на фронт жены отказались от газет с целью экономии денег. К тому же некоторые издания в силу изменившихся условий военного времени переста-

[1] Не только политическую, но и культурную деятельность невенгерских национальных движений сильно ограничивал закон № 31/1897, согласно которому ее можно было трактовать как «непатриотическую». См.: *Chmelár E.* Uhorská tlačová politika (so zreteľom na slovenskú tlač). Nitra, 1998. S. 120.

[2] Список преследуемых и интернированных словаков приводится в работе: *Šrobár V.* Oslobodené Slovensko. Pamäti z rokov 1918–1920. Praha, 1928. S. 159–183.

inslav

ли привлекать читателей и прекратили существование[1]. Журналистика представляла собой скорее военную пропаганду, часто манипулировала общественным мнением и не стремилась запечатлеть картину ежедневной жизни. Сообщения, указы и распоряжения, о которых должны были знать обыватели, часто распространялись в форме письменных объявлений, вывешиваемых в общественных местах, либо в сельской местности устно зачитывались гласными, печать для этого не использовалась. Газеты, которые удержались в период войны, подчинялись распоряжениям и военным законам о печати и ничего кроме пропагандистских ура-патриотических статей публиковать не могли. Их издание и дальнейшая судьба напрямую зависели от заявлений о лояльности к государству, которые редакции были обязаны публиковать.

Большая часть населения накануне и сразу после начала войны оказалась под влиянием военной шовинистической пропаганды. Печать должна была отражать, прежде всего, военный энтузиазм населения и патриотизм, даже преувеличенный до «ура-патриотизма». Из словацких газет и журналов без значительных изменений сумели обойтись в основном церковная печать и женский журнал «Živena». Именно они стали источниками информации, на основе которых возможно описать атмосферу того времени, каждодневную жизнь, реакцию на различные военные распоряжения и постановления.

Война – это справедливая месть за смерть наследника

В первые месяцы войны во всех газетах Австро-Венгрии, включая и те, которые выходили на словацком языке, преобладала точка зрения, что убийство наследника престола Франца Фердинанда д'Эсте является справедливым поводом для того, чтобы отомстить врагам и покарать их. «Наша монархия требует отмщения за невинно пролитую кровь»[2],

[1] В первой половине 1914 г. на словацком языке издавалось 77 названий газет и журналов. Во второй половине года, т.е. после объявления войны, выходило 33 издания. В первые военные годы их число колебалось от 29 до 33. Половину из них составляли церковные журналы. И хотя они не содержат политическую информацию, в них можно найти множество материалов, которые служат прекрасным дополнением для описания военных лет, см.: *Kodajová D.* Reflexia vojnových udalostí v rokoch 1914–1918 v cirkevnej tlači // Vojenská historia. 2006. Roč. 10. Č. 2. S. 31–42.

[2] Vojna Srbsku už vypovídaná // Slovenské ľudové noviny. 1914. Roč. 5. Č. 31 (31.07.1914).

inslav

— это было единым комментарием к информации об объявлении войны, а также единственным мотивом многих статей. Образ неприятеля был ясный и конкретный. Это были «коварные сербы», от которых ниточки вели к великим братьям сербов — русским, которых сербы «по-сыновьи слушали»[1]. Официальная печать и публичные собрания, связанные с отправкой мобилизованных солдат в свои части, были полны антисербских и антирусских лозунгов. С ними словацкое общество мирилось с трудом, так как несколько поколений словаков воспитывалось на литературе и культуре, пронизанной идеей славянской взаимности[2]. В первые недели войны антисербская истерия сильно подпитывалась правой печатью и во многих местах монархии приводила к прямым нападениям на населенные пункты, где проживало сербское меньшинство. Преобладали статьи шовинистического провенгерского, верноподданнического плана, организовывались выступления и манифестации с выражением лояльности и солидарности с Венгрией, апостольским королем Францем Йозефом и совместной армией имперско-королевской монархии Австро-Венгрии. Исполнялись гимны, устраивались смотры с речами в оправдание войны и патриотическими песнями. Создавался образ мученика, т.е. убиенного наследника престола, который изображался как великая надежда народов империи, как выдающийся военный предводитель, прилежный католик и мученик католической монархии. Лояльность к официальному государству, Австро-Венгрии, выражалась и в сочувствии к стареющему монарху, которому судьба уготовила еще одну тяжкую рану — потерю наследника престола, а также в поддержке совместной армии. Для простых людей в печати постоянно повторялись объяснения сути патриотизма и необходимости обороны общего государства. Для большей действенности и наглядности употреблялись местоимения первого лица — «я» и «мы». «Народ и страну составляю я со многими своими братьями и сестрами, так я могу и с остальными близкими трудиться на благо ее развития». И именно эта активная позиция, эта личная заинтересованность делает из «страны, в которой я живу, мою родину»[3].

Мужчины уходили на фронт, и в печати появились первые статьи «военной почты». Они печатались в форме писем с фронта, которые могли быть действительными письмами солдат, а могли быть и написанными

[1] Smrť dediča trónu // Jednota katolíckeho ľudu. 1914. Roč.8. Č. 6. S. 207–210.

[2] *Dangl V.* Slovanská idea a antimilitarizmus v radoch vidieckého obyvateľstva, mládeže a vojska v čase balkanskych vojen 1912–1913 // Vojenská história. 2003. Roč. 7. Č. 4. S. 18–40.

[3] Jednota a vojna // Jednota katolíckeho ľudu. 1914. Roč. 8. Č. 6. S. 210.

inslav

кем-то из редакции. Они сообщали о стойкости бойцов, их несокрушимой вере, что справедливая война в скором времени кончится победой тех, на чьей стороне правда и справедливость.

Война — это смерч

Когда просматриваешь эту печать, то удивляешься, что в первые месяцы войны о женщинах вообще не писали, она как бы была чисто мужским делом. Кроме оперативных сводок с мест боевых действий публиковались комментарии к чрезвычайным распоряжениям правительства или военного командования. Разъяснялись лозунги в духе «Общие интересы выше интересов частных!». Военным целям должны были служить не только солдаты, но и гражданское население, но не как индивидуумы, а как члены общины или горожане, призванные нести коллективную службу родине. На практике это означало, что общины должны были освобождать для армии здания, предоставлять участки для строительства госпиталей и складов, обеспечивать солдат продуктами питания, армию лошадьми, а также выполнять работы, необходимые для армии, такие как покос и подвоз материалов. За большую часть такого рода работ армия платила либо сразу же, либо предоставляла бумагу с подтверждением о выполненной работе, на основе которой гражданские лица могли требовать уплаты от государственных органов.

В случае призыва мужчины-кормильца на войну (отца, мужа, брата и т.п.), по закону семьям призывников положена была финансовая помощь государства. Прошение о ее предоставлении подтверждалось представителями общины или города. Эта помощь не распространялась на родственников солдат, призванных по действительному призыву, т.е. на призывников от 18 лет до 21 года, так как считалась, что они несут обычную обязательную службу. Но и в случае с другими возрастами, все было не так просто с выплатой положенной помощи. Вспомоществование выплачивалось дважды в месяц из расчета 58–80 галлеров в день, причем на детей до восьми лет эта сумма сокращалась вдвое. Кроме того выплата всем членам семьи призывника не могла превышать его «дневной заработок»[1]. Это общее правило, распространенное на всех, многократно подвергалось критике как несправедливое. Совершенно без поддержки оказались семьи единолично трудившихся крестьян и ремесленников, те семьи, кормильцы которых в мирное время не работали за плату, а

[1] Výnimočné poriadky v dobe vojny // Jednota katolíckeho ľudu. 1914. Roč. 8. Č. 6. S. 216.

inslav

потребляли то, что вырастят или произведут. Так как непонятно было, как им исчислять «дневной заработок», то их семьям выплачивалась чисто символическая сумма. Права на помощь семья лишалась в случае дезертирства солдата. Начиная с зимних месяцев первого года войны ура-патриотические настроения стали постепенно исчезать. В рубриках «Военная почта» или «Письма с фронта» нельзя было открыто писать об ухудшавшимся положении на фронтах, наоборот, требовалось поддерживать и воодушевлять солдат. А между тем жертвы австро-венгерской армии после летне-осенней кампании 1914 г. насчитывали уже десятки тысяч. Тогда еще никто не мог предполагать, что это еще только первый год Великой войны. Но лозунги о том, что «и война имеет хорошие стороны», так как люди начинают жить скромнее, и обнажается пустота лозунгов международной социал-демократии[1], быстро сменились словами о бессмысленности разрушительной войны. «Война это — смертоносная буря, свидетельство жестокосердия, грозный бич божий»[2]. Через полгода военных действий появились статьи о войне как «затее господ, в которой умирают бедняки» и не только на фронте, но и в тылу от болезней и перенапряжения. В печати появились статьи о женщинах и для женщин. Это были статьи, обращенные к женщинам — матерям и женам солдат и офицеров, гражданкам своей родины. Стали больше писать о роли женщины-матери, женщины-христианки и женщины-гражданки. При этом подчеркивалось, что женщины должны справиться с ролью воспитательниц детей, хранительниц семейного очага, а также примерных гражданок, выполняющих повинности в пользу государства и богобоязненных и прилежных христианок, которые хранят верность мужу и исполняют заповеди Господни. Звучали призывы к женам, что лучшую помощь они окажут мужьям, если не будут их оплакивать, а будут трудиться и за них. «Он воюет с саблей, штыком или пушкой, она должна работать так, чтобы воспитать новое поколение, которому обязана внушить любовь к родине. Пусть не жалеет кровь, пот, деньги — будущее родины заслуживает любые жертвы!» Своим трудом женщины должны были доказать, что являются верными венгерскими патриотками, что «приносят жертвы на алтарь родины»[3]. Матерей призывали выдержать двойную роль, уготованную им войной — роль матерей и одновременно трудолюбивого и работящего главы семьи — отца, который исполнял свой гражданский долг, сражаясь на фронте.

[1] Vojna má aj dobré následky // Svätá rodina. 1914. Roč. 7. Č. 12. S. 379–380.

[2] Válka je búrka // Svätá rodina. 1915. Roč. 8. Č. 12. S. 370–371.

[3] Vojenská pošta // Jednota katolíckeho ľudu. 1914. Roč. 8. Č. 9. S. 269–271.

inslav

Заслуга женщин в том, что голод не стал союзником врагов

Вступление в войну сильно повлияло на все стороны жизни и экономики страны. Производство зерна в Венгрии превышало внутренний спрос и составляло основу венгерского экспорта. В 1914 г., однако, страну постиг неурожай, и уже в первую военную зиму в Австро-Венгрии появились проблемы. В 1915 г. монархия не обеспечивала одну пятую спроса, а в 1916 г. производство зерна в стране покрывало внутренние потребности рынка лишь на 63 %, т.е. не хватало двух пятых[1]. Стране, которая до войны являлась экспортером зерна, грозил голод. В дальнейшем оказалось, что голод стал реальностью и отличительным знаком военных лет. Страх перед голодом очень быстро сумела использовать военная пропаганда в качестве аргумента для мобилизации трудовых ресурсов. В качестве пропаганды в печати появились статьи, в которых утверждалось, что неприятелям не удалось разбить императорско-королевскую армию, поэтому якобы «они придумали аморальный план выместить неудачу на гражданском населении, женщинах и детях, которых хотят обречь на смерть, чтобы нужда и голод ослабили тыл и чтобы страх за своих близких ослабил войска, размягчил сердца твердых бойцов». Поэтому правительство издало приказ об экономии запасов зерна, муки, кукурузы и других продуктов питания. Патриотической обязанностью каждого была экономия продуктов. Это был лозунг дня. Те, кто не принесли жертвы в военных интересах, укрывали продукты, определялись как непатриоты. Наоборот, бережливость считалась признаком патриотичности. «Наши бойцы сражаются на фронте с оружием в руках, а женщины дома — самоограничением и бережливостью. На фронте грехом является трусость, дома грех — это расточительность»[2]. Эта мысль в связи с идеей «единого фронта» все время повторялась в печати. По мере того, как росли военные страсти, тот же журнал констатировал, что бои идут не только на фронте. «Сегодня местом битвы является каждая пядь земли, на которой мы в поте лица должны вырастить хлебушек для армии и оставшихся дома»[3].

В большинстве статей женщинам навязывались все новые обязанности, которые они как истые патриотки должны были выполнять. Но

[1] *Holec R.* Hospodárstvo Uhorska v podmienkach vojny // *Kováč D. a kol*... Ref. 3. S. 109.

[2] Vojna vyžaduje sporivosť // Jednota katolíckeho ľudu. 1915. Roč. 9. Č. 3. S. 87–88.

[3] Už vyše roka zápasíme // Jednota katolíckeho ľudu. 1915. Roč. 9. Č. 6. S. 208.

inslav

нашлись и такие авторы, которые не только указывали и множили обязанности женщин, но и ценили их труд. «Когда вступили в работу орудия и пушки, многие крестьяне оставили свои занятия, чтобы покарать тех, кто непрестанно угрожал покою нашей родины... Огромная работа пала на стариков и женщин. То, чем столетиями занимались мужчины, теперь должны делать женщины. И хлеба хватает. Почему? Потому что лица женского пола выполняют за них и вместо них тяжелую полевую работу!»[1] Таким образом, прежде всего это заслуга женщин, что в первые месяцы голод не стал союзником неприятелей. После того, как была пережита первая зима, условия обеспечения продуктами ухудшились, но они ухудшились во всех воюющих странах, поэтому аргумент голод-союзник врагов пропаганда стала использовать меньше.

В первые дни солдат, отправлявшихся на фронт, провожали словами об их быстром возвращении домой. Однако скоро эта атмосфера улетучилась. Уже после военных поражений летом и осенью 1914 г. газеты оставили шовинистический тон и начали готовить читателя к возможности того, что война не будет «молниеносной». «Настают сложные времена, — писала „Словацкая народная газета", — так как «руки производителей далеко, а руки маленьких будут просить хлеба»[2]. Автор статьи не писал нейтрально, что требуется насытить всех, он использовал образ детских рук, тянущихся за хлебом. Когда мужские руки дома отсутствуют, обязанность насытить детей падает на женщин. Это был эмоциональный призыв к женщинам-матерям. Для каждой матери трудно вынести, что ее ребенок страдает, поэтому им пришлось в лихое время подчиниться чрезвычайным трудовым повинностям. Статья далее требовала от женщин, чтобы они «помнили о слове, данном их мужьям перед алтарем, чтобы работали, ограничивали себя и жертвовали собой». Кроме этих универсальных христианских призывов в печати в конце первой военной зимы стали появляться и практические советы женщинам. Уже упоминавшаяся газета открыла рубрику «Быт и хозяйство», где объяснялось, как лечить долго болеющих, как предохранить их от пролежней, советовали, что делать при кашле и температуре, а также как сажать растения, сеять семена, ухаживать за животными, какие распоряжения обязательно надо выполнять, чтобы не оказаться не в ладу с законом. Печаталась информация о том, что такое Красный Крест, какие существуют международные соглашения о военнопленных, давались практические советы, как переписываться с пленными, на какие бесплатные по-

[1] *Kováč D. a kol...* Ref. 11. S. 88.

[2] *Juriga F.* Naše ženy // Slovenské ľudové noviny. 1914. Roč. 5. Č. 48.

inslav

сылки для солдат на фронте можно рассчитывать. Давались советы, как просить поддержки у государства, как и где дают скидки на проезд, если они едут навестить солдата после окончания сборов или укомплектования части перед ее отправкой на фронт. Те, кто ехал навестить больных или раненых в госпиталях на расстояние более 50 км, могли требовать от железной дороги 50 % скидки для проезда в вагонах 3-го класса, если у них имелся документ, подтверждавший, что действительно больной находился в данной больнице и к нему допускали посетителей[1]. Вместе с информацией о требованиях, которые необходимо было соблюдать, публиковались сведения о том, какие наказания и взыскания ждут тех женщин, которые уклоняются от помощи государству.

Несмотря на все усилия, «домашний фронт» не мог обеспечить достаточное количество продуктов, что приводило к их удорожанию. Недостаток продуктов и их дороговизна стали неотъемлемым признаком войны.

Удел женщин в войну — работать, экономить, вязать, делать заготовки

В первые месяцы войны в печати доминировали в основном статьи политического характера, целью которых было разъяснить, почему страна ведет войну, возбудить боевой дух мужчин, отправлявшихся на фронт, и обеспечить лояльность гражданского населения. В качестве практических советов женщин призывали быть экономными в расходовании продуктов и сохранять их на будущее. Правительство пыталось организовать центральное управление обеспечением[2] и установить максимум цен на продукты. Но эта его инициатива на практике привела к совершенно иным последствиям. Рынок отреагировал таким образом, что продукты исчезли, и их за еще более высокие цены стали продавать на черном рынке. И хотя меры, принимаемые в отношении торговцев на черном рынке и спекулянтов, были весьма жесткие, все-таки ограничить

[1] Slovenské ľudové noviny. 1915. Roč. 6. Č. 24.

[2] Проблему обеспечения населения в ходе войны исследовала в нескольких работах историк Г. Дудекова. См.: *Dudeková G.* Sociálne aspekty vojnového hospodárstva // Slovensko na začiatku 20.storočia. Ref. 2. S. 415–434; Stravovanie a zásobovanie mesta za prvej svetovej vojny // Dobrou chuť velkoměsto / Zostavili *Fejtová O, Ledvinka V., Pešek J.* Praha, 2007. S. 343–372; Stratégie prežitia v mimoriadnej situácii. Vplyv Veľkej vojny na rodinu na území Slovenska // www.forumhistoriae.sk/FH1_2009/texty_1 _2009/dudekova.pdf. Из ее выводов я исхожу и беру фактический материал.

inslav

рост черного рынка не удалось. Наиболее дефицитными продуктами, на которые постепенно вводились продуктовые карточки, стали пшеничная мука, мясо, сливочное масло, молоко, сахар. Система распределения продуктов была постепенно установлена к апрелю 1915 г., но начиная с 1917 г. люди не были уверены, что получат товар даже при наличии на него карточек. Поэтому очереди перед магазинами часто становились местом беспорядков и драк. С июля 1915 г. в Венгрии были введены два так называемых постных дня (вторник и пятница), что означало, что в эти дни запрещено не только потреблять мясо, но и торговать им. С 1917 г. вводились и два дня «без мучного», а качество хлеба продолжало ухудшаться, так как вместо пшеничной муки использовались заменители. Ситуация с обеспечением настолько ухудшилась, что постепенно стали открываться так называемые «народные столовые». До войны в такого рода заведениях ели лишь беднейшие люди. Во время войны обычным стало встретить там представителей мещанства и чиновников, хотя качество предоставляемой еды было невысоким, а так как использовались заменители, то оно все время падало[1].

Работа, которую всегда выполняли хозяйки — заготовки на зиму — теперь считалась формой патриотической сознательности. Кулинарные рецепты советовали «военным хозяйкам» собирать и сушить грибы, чтобы использовать для питания все, что можно найти в саду и лесу. «Будьте рачительны» — повторялось в журналах, когда действительно со снабжением стали большие проблемы. Собирали фрукты и овощи и дети. Во главе с учителями они ходили также собирать каштаны, которые шли на корм для армейских лошадей, рвали и сушили полевые и лесные цветы и травы для приготовления «чайной смеси», которую посылали солдатам.

Печать призывала содействовать Красному Кресту. Это можно было делать в разной форме. Не прямо, посредством культурных представлений, различных благотворительных базаров, сборы от которых шли на финансирование деятельности Красного Креста, либо прямо, поступая в госпиталя медсестрами и нянечками. Этот призыв в основном касался незамужних девушек. Еще одной формой была «вязальная акция в пользу родине». «Женщины, женушки и девчата! Ваш гражданский долг — вязать шапки и носки солдатам!»[2] Ассортимент вязанной продукции расширялся за счет варежек и шарфов. В журналах сообщалось

[1] *Dudeková G.* Každodenný život za vojny // *Kováč D. a kol.* Prvá svetová vojna 1914–1918. Ref. 4. S. 179.

[2] Domácnosť a hospodárstvo // Slovenské ľudové noviny. 1915. Roč. 6. Č. 5.

inslav

об отправке готовой продукции, а получали вязальщицы мотки шерсти цветов императорско-королевской армии посредством Красного Креста либо через женские общества.

Начиная со второго года войны стало очевидным, что война не будет быстрой. Многие временные или одноразовые мероприятия заменялись постоянным военным положением. Отсутствие мужчин, отцов и мужей, вынуждало женщин в городах искать работу за плату либо за рабочие карточки. В деревнях положение женщин было еще тяжелее, так как им приходилось заботиться об урожае, сдавать продукты для армии и заготавливать корм для армейских лошадей, кроме того армия немилосердно реквизировала домашний скот, в основном лошадей и коров. Многие столетия было заведено, что в официальные контакты с государственными органами вступали вместо женщин мужчины-опекуны, т.е. отцы, мужья, братья или сыновья вдов. Суровые жизненные обстоятельства, военная действительность и отсутствие мужчин привели к тому, что женщины стали сами обращаться в государственные органы, обрели бóльшую самостоятельность. Многие семьи были вынуждены продать землю, так как не могли на ней хозяйствовать (управляться без взрослых мужчин), или нужны были деньги для выплаты аренды за землю, за квартиру, на лекарства и т.п. Женщины заняли более независимое положение в семейном хозяйстве. Недостаток продуктов часто заставлял искать их дополнительно на черном рынке, хотя за это полагались суровые наказания либо арест.

Великая война, кроме самых первых месяцев, когда она рисовалась как справедливый акт отмщения за смерть наследника престола, изображалась как зло, смерч, смертоносная буря, божье наказание, в котором свою жатву собирает смерть, опустошение, несчастье, бедность, болезни, тяготы и испытания. Удивительно, что, несмотря на такие оценки войны как бедствия, цензуре, удавалось противодействовать тому, чтобы на страницы газет просачивались антивоенные, пацифистские взгляды. Действовавшие законы о печати не позволяли публиковать иные материалы, кроме тех, которые отвечали стратегии поддержания боевого духа и морали. Это привело к тому, что даже в летние и осенние месяцы 1918 г., когда уже раздавались призывы окончить войну, прекратить сражения и установить мир, этот мир в печати представлялся как победный, т.е. мир, достигнутый силой оружия. И проигрывавшая армия имела своих героев. Поэтому описания различных вариантов военных подвигов мужчин-воинов не сходили со страниц тогдашней печати, а также в них прямо и косвено постоянно присутствовал и образ врага, солдата неприятельских армий. Совсем по-другому

inslav

было в случае женщин и детей. При описании обязанностей, которые война навалила на плечи женщин, и способах, с помощью которых они с этим справлялись, не делалось разницы между своими женщинами и женщинами неприятеля. Не возник образ женщины-врага. В случае женских тягот и испытаний подчеркивалась универсальность страданий. Также мать и жена врага страдала, плакала, боялась, трудилась и приносила жертвы. Также и «дети врагов» изображались как субъекты страданий наравне с «нашими детьми», многочисленные сироты воспринимались как невинные жертвы войны. Считалось, что женщины всех национальностей бывшей монархии вполне справились со своими сдвоенными женско-мужскими трудовыми обязанностями на благо собственной семьи и родины. И именно эти их заслуги в войне трактовались в послевоенной публицистике возникшей Чехословацкой республики как причина изменения положения женщин в обществе, их уравнивания в правах с мужчинами, признанного Конституцией, а в скором времени и избирательным правом.

Перевод со словацкого языка
Е. П. Серапионовой

Е. П. Серапионова
(Москва)

К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны

О Чехословацком корпусе в России написано много, если не сказать очень много. Начало историографической традиции восходит к самим легионерам[1], опубликовавшим в межвоенное двадцатилетие воспоминания, исследования и документы. После Второй мировой войны в Чехословакии интерес к этой теме временами усиливался, временами ослабе-

[1] Еще 24 ноября 1918 г. распоряжением министра национальной обороны Чехословацкой республики (ЧР) «О возвращении легионеров» предусматривалось создание «Канцелярии свидетельств чехословацких легионов», задача которой состояла в ведении полного учета легионеров, сборе и подготовке материала для будущей литературной обработки и изданию книг об их судьбах (Národní archiv (NA). F. Prezidium Československé místodržitelství (PM) Kart. 5017. inv. č. 1883. Sl. 8-1-78 // č.j. 36631).

inslav

вал, но никогда не иссякал полностью. И сейчас в Чешской и Словацкой республиках легионерской тематике уделяется достаточно пристальное внимание[1].

Из отечественных исследований следует упомянуть работу А.Х. Клеванского, с точки зрения фактологии до сих пор не потерявшую значения[2]. Кроме того, практически ни одно серьезное исследование по истории Гражданской войны в Сибири не могло не затрагивать тему чехословацких легионеров. При этом основное внимание уделялось причинам «мятежа чехословаков», начавшегося в мае 1918 г., ходу боевых действий частей корпуса с большевиками[3]. В настоящее время в России ведется разработка и других проблем, связанных с формированием корпуса и его обеспечением[4].

---

[1] Из последних работ, опубликованных в ЧР и СР, следует назвать монографию трех авторов: *Pichlík K., Klípa B., Zabloudilová J.* Československí legionáři. Praha, 1996; перевод на чешский язык книги Виктора Мирослава Фица в трех томах, изданных на английском языке в США еще в 1960–1970-е годы: *Fic V.M.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918 Díl. I. Praha, 2006. Díl. II–III. Brno, 2007–2008; переиздание воспоминаний Радола Гайды: *Gajda R.* Moje paměti. Střet českých legií s rodící se bolševickou mocí. Brno, 2008; монографию Яна Михла, посвященную судьбам легионеров после возвращения на родину: *Michl J.* Legionáři a Československo. Praha, 2009; а также сборник статей, подготовленный на основе материалов научной конференции, организованной Южночешским музеем в Чешских Будеевицах 9 ноября 2001 г.: Československé legie a první světová válka. České Budějovicí, 2002; сборник докладов научного коллоквиума, проведенного Славянской библиотекой 9 мая 2001 г. в Праге: Československé legie v Rusku. Sborník příspěvků z kolokvia 9.5.2001 v Praze. Praha, 2003; словарь первого чехословацкого Сопротивления: Slovník prvního československého odboje 1914–1918 / ed. J. Galandauer. Praha, 1993; к 80-летию битвы у Зборова вышел сборник статей под ред. Яна Галандауэра, Петра Гофмана и Ивана Шевидого: Zborov 1917–1997. Praha, 1997; статью *М. Даниша* Чехословацкие легионы в России в контексте развития их словацкого элемента (в печати) и др.

[2] *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М., 1965.

[3] Трактовался мятеж исключительно как часть запланированной Антантой интервенции против советской России.

[4] См. например: *Татаров Б.* «Мы чехи! Убейте нас, если можете». Чехословаки в русской армии в годы Первой мировой // Родина. 2008. № 9. С. 67–71; *Васильченко М.А.* Чехословацкий корпус в истории российской Гражданской войны: экономика и финансы //Новый век: История глазами молодых. Сб. научн. трудов. / под ред. В.Н. Данилова и Л.Н. Черновой. Саратов, 2009. Вып. 8. Ч. I. С. 85–95.

inslav

В 2008 г. в Москве и в Праге состоялись две большие выставки архивных документов и материалов, специально посвященные Чехословацкому корпусу в России[1].

При этом в некоторых чешских (чехословацких) исследованиях как еще довоенных, так и более поздних утверждалось, что российские правительства (царское и Временное) ровным счетом ничего не сделали, для решения так называемого чехословацкого вопроса, не помогли возникновению независимого государства — Чехословацкой республики (ЧСР), всячески противодействовали развертыванию воинских формирований из чехов и словаков в России в годы Первой мировой войны[2]. Иногда основная «вина» возлагалась целиком на царское правительство, подчеркивалось, что увеличение численности чехословацких войск стало возможным лишь после свержения самодержавия и прихода к власти Временного правительства.

Во многом это объяснялось тем, что вскоре после окончания Великой войны (как тогда называли Первую мировую) чехословацкие политические лидеры президент республики Т.Г. Масарик и министр иностранных дел Э. Бенеш опубликовали мемуары и ряд публицистических статей, посвященных заграничному Сопротивлению и своей деятельности в годы войны. В них-то и говорилось, что Россия не оказала никакой помощи в решении «чешского» («чехословацкого») вопроса, а, наоборот, только ставила препоны в развертывании воинских частей на своей территории[3]. И этот тезис утвердился в историографии[4].

---

[1] См. каталоги выставок: Чехословацкий корпус в России 1914–1920 гг. Československé legie v Rusku 1914–1920. Каталог выставки. М., 2008; Československá legie v Rusku 1914–1920. Katalog k výstavě. Praha, 2008.

[2] В работе А.Х. Клеванского дается более взвешенная оценка: «Если царские военные и гражданские власти до известной степени шли навстречу Союзу (имеется ввиду Союз чешских, в дальнейшем, чехословацких обществ в России, возникший в декабре 1914 г. — *Е.С.*), стремившемуся расширить свою пропагандистскую и военно-разведывательную антиавстрийскую деятельность, то всякие попытки чехословацких организаций приобрести хотя бы частичную самостоятельность в организационных, финансовых, а тем более внешнеполитических вопросах, заручиться конкретными политическими обязательствами царского правительства на будущее встречали решительный отпор».(*Клеванский А.Х.* Указ. соч. С. 25).

[3] Подробнее о дискуссии между Э. Бенешем и К. Крамаржем относительно «славянской политики» и отношения к России см. : *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. М., 2006. С. 382–403.

[4] Об этом с горечью писал бывший министр иностранных дел России С.Д. Сазонов в воспоминаниях, вышедших в эмиграции: «В Чехии по сей день есть люди, которые утверждают, что монархическая Россия ничего не сделала для

inslav

Но противодействие российских властей созданию чехословацкой армии как бы противоречит самой логике действий: почему бы царскому, а затем Временному правительству и не использовать чешских и словацких добровольцев (сначала из числа колонистов, живших в России, а затем и военнопленных) для военных действий против Центральных держав? Либо этому должны быть какие-либо объяснения, либо это частично или полностью не соответствует действительности. В исторической литературе и публицистике существуют различные точки зрения на этот счет.

Документы, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИ) во многом помогают разобраться в этом вопросе.

Напомним, что практически сразу с началом войны часть чешских и словацких политиков осознали необходимость военного выступления на стороне России[1]. Спустя всего несколько дней после объявления войны чешские общества в России[2] проявили инициативу и стали ходатайство-

возрождения Чехии, но даже ему мешала…» Сазонов же утверждал, «что по отношению к чехам ни у русского правительства, ни у русского народа не было и тени какого бы то ни было недружелюбия… Россия отдавала себе отчет, что в славянах Австро-Венгрии она находила драгоценных союзников в борьбе с германизмом в лице Гогенцоллернов и Габсбургов. Отталкивать от себя этих союзников не было ни смысла, ни расчета» (цит. по: http://www.mysteriouscjuntry.ru/wiki/index.php/Сазонов_Сергей). В критическом отзыве о книге Ф. Сиржисте о Зборове (6 августа 1928 г.) генерал Я. Червинка утверждал, что в 1916 г. новые чехословацкие части не удалось сформировать не по вине российского правительства либо под влиянием Распутина, и не из-за того, что чехов подозревали в симпатиях к западным союзникам и ненависти к самодержавию, т.е. не из-за интриг и злой воли, как это утверждал автор книги, а в силу того, что до лета-осени 1916 г. положение в самой Русской армии было критическим, затем шли обсуждения и согласования, поэтому и решение о дальнейшем пополнении частей было принято уже в 1917 г. Он указывал: «После Зборова русское военное командование само инициировало создание чехословацкой армии ввиду изменившейся политической ситуации и начавшегося разложения Русской армии» (NA. F. Národní Rada Česká (NRČ). Kart.185. Sl. P-1056/14).

[1] Чешские земли и Словакия входили в состав Австро-Венгрии, а чехи и словаки как подданные габсбургской монархии подлежали мобилизации в имперско-королевскую армию для борьбы против Антанты. Однако некоторые чешские политики, такие как Т.Г. Масарик, Э. Бенеш, К. Крамарж и др. заняли антигабсбургскую позицию.

[2] К началу мировой войны в России проживали по разным данным от 60 до 100 тыс. чехов и словаков, имевших свои общества в разных частях Российской империи. Самые крупные центры землячеств находились в Киеве, Петрограде, Москве и Варшаве. См. об этом подробнее: *Vaculík J.* K počátkům

inslav

вать о сформировании особых войсковых частей из чехов-добровольцев для совместных действий против Австрии, с тем чтобы, — как указывалось в донесении на имя начальника штаба Верховного командующего от 27 июля (8 августа) 1914 г., — «вторгнувшись с нашей (российской. — *Е.С.*) армией в Австро-Венгрию, поднять там восстание среди своих единоплеменников и освободить свою родину от австрийского порабощения»[1]. На заседании 30 июля (11) августа 1914 г. Совет министров единогласно признал формирование чешских добровольческих частей «вполне целесообразным»[2].

В соответствии с этим военный министр приказал в зависимости от числа явившихся добровольцев, сформировать в Киеве, в распоряжении штаба Киевского военного округа, один или два пехотных полка или отдельный батальон. Организация Дружины была поручена генералу Н.А. Ходоровичу, начальнику штаба армии Киевского военного округа[3]. В детальных указаниях по осуществлению этих мероприятий признавалось необходимым ввиду того, что чехи-добровольцы явятся для поступления на службу совершенно не обученными военному делу, «предварительно отправлению чешских воинских частей в действующую армию, дать им хотя бы некоторую боевую подготовку»[4].

7 (20) августа 1914 г. Военный совет одобрил Представление об организации чешских добровольческих частей и в тот же день поста-

---

českého zemědělského vystěhovalectví do Ruska ve 2.polovině 19.století // 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a součastnost. Sborník referatů z vědeckého kolokvia 11 června 1998 v Praze. Praha, 2000. S.195; *Robek A.* K problematice českého vystehovalectví do Ruska v druhé polovině 19. století (první část) // Češi v cizině. №. 2. Praha, 1987. S. 64–76; *Ненашева З.С.* Начало эмиграции чехов в Россию в середине XIX века // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2006. Т. III. С. 7–37; *Doubek V.* Česká emigrace do Ruska v druhé polovině 19. století. Dobové interpretace. // 150 let Slovanského sjezdu (1848). Historie a součastnost. Sborník referatů z vědeckého kolokvia 11 června 1998 v Praze. Praha, 2000. S.181; *Klíma S. Čechové* a slováci za hranicemi. Praha, 1925. S. 144; *Герчикова И.А.* Чехи в России: история продолжается // Славяноведение. 2002. № 5. С. 67; *Серапионова Е.П.* «Лица чешской национальности» // Родина. 2006. № 4. С.107–109; *она же* Чехи в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 196–205 и др.

[1] Российский государственный исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп.2. Д. 323 (1). Переписка с генерал-квартирмейстером Ставки. Л. 3.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп.2. Д. 323 (1). Л. 3.

[3] *Magid S.* K prehistorii vzniku československých legií na Rusi // Československé legie v Rusku. Sborník přispěvků z kolokvia 9.5.2001 v Praze. Praha, 2003. S. 56.

[4] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (1). Л. 3об.

inslav

новил сформировать на время войны особые войсковые части из чехов-добровольцев, установить в составе этих частей кадры чинов действительной русской службы в составе командиров этих частей (в каждой роте не менее 1/3 офицеров, начальствующих и нестроевых нижних чинов части), а остальные офицерские должности разрешить замещать чехами-добровольцами, служившими раньше в иностранных армиях (т.е. пленными), если они изъявят такое желание. Всем чехам-добровольцам предписывалось определить оклады содержания по чинам, должностям и званиям, соответственно установленным окладам в частях Русской армии, и производить всем чинам чешских добровольческих частей по существующим законоположениям добавочное содержание и все прочие виды довольствия на общих основаниях. В этом же документе говорилось об обеспечении чешских частей имуществом, снаряжением, о выделении дополнительных пособий «на заготовление необходимого, но не предусмотренного действующими табелями имущества»[1], об ассигнованиях средств на расходы по организации набора (5 тыс. руб.), выдачу пособий на проезд в пункт формирования части и содержание до зачисления на службу (10 тыс. руб.) При этом предписывалось отнести все расходы по формированию и содержанию чешских частей на российский военный фонд[2]. Газета «Русское слово» 9 (22) августа 1914 г. сообщала о депутации чешских колонистов в составе А. Грабе, С. Коничека и Л. Тучека к российскому императору с выражением лояльности и желанием заручиться поддержкой в деле создания Дружины[3].

Приказом от 2 сентября 1914 г. задача формирования Дружины была поручена подполковнику Лотоцкому[4]. А уже 12 сентября 1914 г. в телеграмме на имя начальника штаба Юго-Западного фронта генерала М.В. Алексеева генерал Н.А. Ходорович сообщал, что Чешская дружина в Киеве сформирована[5]. В ее состав вошли 720 добровольцев (позднее получивших название «стародружинников»). 28 сентября 1914 г. 1-й батальон Чешской дружины принес присягу знамени (подарок земляков-киевлян) перед Софийским собором в Киеве[6]. После краткого обучения

[1] Из расчета 1 000 руб. на полк и 500 руб. на отдельный батальон (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (1). Л. 6об.).

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (1). Л. 6– 6об.

[3] Русское слово. 1914. 9 (22). VIII.

[4] *Magid S.* Op. cit. S. 56.

[5] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (1). Л. 18.

[6] Čechoslovan (Киев). 1914. 28. IX (11. X.); *Gregorovič M.* První československý odboj. Čs. legie 1914–1920. Praha, 1992. S. 20.

inslav

и прохождения боевой подготовки в начале ноября дружина была отправлена на фронт[1] в распоряжение 3-й армии генерала Радко Димитриева. Ее командиром стал русский полковник И.В. Созентович.

Отряды дружинников были распределены по полкам армии, их предполагалось использовать в качестве агитаторов и переводчиков в готовившемся наступлении на словацкую и чешскую территорию. Во главе чешских частей стояли русские офицеры, которых планировали замещать чехами, добровольно перешедшими на сторону России из австрийской армии, в случае их на то согласия.

Уже в сентябре 1914 г. Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич (младший) разрешил зачислять в дружину пленных-добровольцев, при условии принятия их в российское подданство, приведения к присяге и ручательства за них представителей чехословацких организаций в России[2]. В декабре по ходатайству видных чешских деятелей в России было получено разрешение зачислять в дружину чехов-добровольцев тотчас по взятию их в плен[3]. Набор осуществляли деятели Союза чешских обществ в России. Состав бригады пополнился еще двумя сотнями так называемых «новодружинников».

Одновременно с формированием воинских подразделений в России создавались и политические центры по руководству чехословацким национально-освободительным движением. Между отдельными организациями и обществами развернулась упорная борьба за лидерство и подчинение своему влиянию основной массы легионеров. На первом этапе войны наметилось соперничество между двумя политическими центрами чехословацкого движения сопротивления — Киевским и Петроградским. В дальнейшем борьба за политическое влияние на чехословацкое движение за рубежом стала вестись по линии заграничного парижского Чехословацкого национального совета (ЧСНС) во главе с Т.Г. Масариком, образовавшим в России свое Отделение (ОЧСНС)[4], и российско-

[1] Československá legie v Rusku. Katalog k výstavě. Praha, 2008. S. 30.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (1). Л. 20–21.

[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (1). Л. 36.

[4] Отделение Чехословацкого национального совета в России (ОЧСНС / Odbočka československé národní rady v Rusku, OČSNS) было основано в Киеве на III съезде Союза чехословацких обществ в России в апреле 1917 г., на котором ЧСНС был признан высшим органом чехословацкого национального движения за границей. Его председателем должен был быть тот из членов ЧСНС, который находился в России: в начале М.Р. Штефаник, с мая 1917 по март 1918 г. — Т.Г. Масарик. Заместителем председателя являлся Б. Чермак, секретарями Й. Клецанда и И. Маркович. Членами Отделения были представители наиболее

inslav

го, созданного МИД России, Чехословацкого национального совета Й. Дюриха[1].

В марте 1915 г. по решению съезда Союза чешских обществ в России[2] его правление обратилось в Совет министров с новым ходатайством — разрешить начать формирование особого войска из чехов и словаков[3]. В докладной записке, подписанной председателем Союза Богумилом Чермаком (1870–1921), петроградским предпринимателем и российским подданным, в частности, говорилось: «Массовые сдачи чешских солдат наводили нас на мысль, что явление это нельзя считать последствием трусости, а только как сознательную пассивную помощь братскому оружию»[4].

В документе содержалась просьба освободить всех пленных чехов и словаков, пожелавших вступить в ряды чехо-словацких войск, и считать их русскими подданными лишь временно, а «после объявления самостоятельности чешско-словацкого государства признать их гражданами оного»[5]. На организацию и содержание войска правление Союза испрашивало у российского правительства необходимые денежные средства в форме займа будущему чехо-словацкому государству.

Военное министерство поддержало эту идею, хотя некоторые российские военные косо смотрели на солдат и офицеров, нарушивших во-

---

крупных землячеств, чехословацких войск и военнопленных. В августе 1918 г. ОЧСНС был реорганизован. С этого времени он должен был исполнять решения революционного сейма, отвечать перед ним и состоял из президиума и 12 членов, возглавлявших отделы, ведавшие финансами, военными делами, набором военнопленных, пропаганды, просвещения, материального обеспечения, управления, словацким, социального обеспечения, здравоохранения, хозяйственным, по делам землячеств. Деятельность ОЧСНС была прекращена после образования Чехословацкой республики решением Штефаника от 14 декабря 1918 г., его функции взяло на себя отделение военного министерства в России.

[1] Чехословацкий национальный совет на Руси, ЧНС (Národní rada československá na Rusi, NRČ) был окончательно сформирован в феврале 1917 г. по решению российского правительства на государственные средства с целью нейтрализовать влияние прозападного ЧСНС. Его председателем стал Й. Дюрих. Однако Февральская революция не позволила ему развернуть практическую деятельность.

[2] Союз возник в то же время на 1-м съезде земляческих организаций в Москве. Его председателем был избран Б. Чермак, а секретарем Й. Клеканда, через два месяца он был переименован на Союз чешско-словацких обществ в России.

[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (2). Л. 118.

[4] Там же. Л. 120.

[5] Там же. Л. 120об.

inslav

енную присягу, считая, что, если они могли так поступить в отношении собственного отечества, то на них нельзя положиться. Вместе с тем, Главное управление Генерального штаба и военный министр обращали внимание на то, что в условиях военного времени затруднения встречаются не столько в изыскании денежных источников, сколько в получении необходимых средств ведения войны: обученного личного состава и имущества всевозможных категорий. Кроме того, в донесении начальнику штаба Верховного главнокомандующего от 27 апреля 1915 г. выражались и некоторые сомнения в целесообразности удовлетворять выше названные ходатайства, в документе указывалось: «В то время, как чешские общества в России выносят целый ряд резолюций о необходимости добиться политической самостоятельности, чехи и словаки, подданные Австро-Венгрии, продолжают спокойно выполнять свой верноподданнический долг перед Монархией и не выказывают никаких стремлений к активным выступлениям с целью добиться своей независимости с оружием в руках»[1]. Там же отмечалась необходимость учитывать неблагоприятное впечатление на русское общество от появления в рядах армии чехов и словаков, «еще так недавно храбро сражавшихся за интересы Австро-Венгрии»[2]. Там же утверждалось, что по свидетельству участников боев, «австро-венгерские войска, в том числе чехи и словаки, сдаются в плен лишь тогда, когда все средства сопротивления исчерпаны»[3].

Против расширения дружины выступили представители МИД и МВД. Министерство иностранных дел занимало очень осторожную позицию, стараясь не брать на себя никаких обязательств относительно послевоенного устройства Европы (а образование независимого чехословацкого государства не было согласовано с союзниками по Антанте). К тому же ведомство внешней политики объясняло свою отрицательную позицию еще и тем, что использование пленных противоречит международным нормам и договоренностям, и тем, что в случае повторного пленения эти люди в Австро-Венгрии будут казнены за предательство и вооруженное восстание против собственного правительства. Это же разъяснял в письме председателю министров И.Л. Горемыкину министр юстиции И. Щегловитов 5 мая 1915 г., ссылаясь на § 6 и § 23 Гаагской конвенции о военнопленных: «Наш противник справедливо бы считал такую армию (чехословацкую. — *Е.С.*), действующую в России незаконной и несоответствующей военным обычаям, а следовательно преступ-

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (3). Л. 157.

[2] Там же. Л. 157об.

[3] Там же.

inslav

ной бандой. Это, безусловно, вызвало бы ряд серьезных сложностей»[1]. Министерство внутренних дел было заинтересовано в использовании пленных в качестве рабочей силы, поэтому также негативно расценило такие планы. Его представители высказали сомнение в том, что все пленные оказались таковыми из «идейных побуждений», подчеркивая, что, вероятно, большинство из них, выражая желание вступить в ряды чехословацких добровольцев, желало лишь избавиться от условий, в которых содержались военнопленные либо руководствовались надеждой таким путем достичь родины[2]. Таким образом, дальнейшее увеличение чехословацких частей натолкнулось на ряд препятствий объективного и субъективного характера.

Чехословацкие формирования с самого начала (в отличие, скажем, от польских) имели особый «союзнический» характер в составе Русской армии[3], собственные знаки отличия[4] и знамена[5]. Дружинники носили русскую военную форму, но имели красно-белую ленточку на фуражках[6]. В качестве языка приказов и распоряжений в корпусе был разрешен чешский[7]. Чешская дружина, возникшая как часть Русской армии, постепенно приобретала национальный характер.

В донесении на имя начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева от 20 января 1915 г. исполняющий обязанности начальника канцелярии по гражданскому управлению князь Н. Оболенский сравнивал польские и чехословацкие добровольческие части. И если первые формировались из не подлежавшего призыву в ряды армии населения губерний Царства Польского, входившего в состав Российской империи, имели характер государственного ополчения, а следовательно, не могли именоваться легионами, и в них не допускались собственные хорунжии, то в отношении чешских частей говорилось

---

[1] Цит. по: *Fic V.M.* Op. cit. Díl I. S. 274.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп.2. Д. 323 (1). Л. 41–42.

[3] Там же. Д. 323 (1). Л. 52; 84.

[4] Об отличительных чертах в военной форме и нашивках чехословацких солдат и офицеров, об особых наградах (1917–1918 гг.) см. подробнее: Československá legie v Rusku. Katalog k výstavě. Praha, 2008. S. 24–25, 22–23.

[5] Знамя Дружины, врученное при принятии присяги в Киеве, с одной стороны имело цвета российского государственного флага, а с другой — традиционные бело-красные чешские цвета с вышитой короной Св. Вацлава, а позднее с гербами Чешских земель и Словакии (*Татаров Б.* Указ. соч. С. 68–69).

[6] *Gregorovič M.* Op. cit. S. 20.

[7] Из Чехии на край света… С. 3.

inslav

дословно следующее: «Чешские дружины находятся в ином положении, они и могут, и должны быть рассматриваемы как небольшая часть в союзе с нами борющегося чешского народа, ни политически, ни органически с Россией не связанного. Поляки же суть и будут нераздельной частью русского государства, и, следовательно, характера союзников иметь не могут»[1]. В дальнейшем, после прихода к власти в России большевиков, чехословацкий корпус был объявлен частью французской армии. А после образования Чехословакии «революционная добровольческая армия» была реорганизована в регулярные части вооруженных сил ЧСР.

Между тем, процесс развертывания чехословацких частей, хоть и с задержками, продолжался, и пополнение Дружины за счет военнопленных позволило в середине января 1915 г. реорганизовать ее в Чехословацкий стрелковый полк. Позже в Дружину смогли вступить и военнопленные словаки. В донесении на имя министра внутренних дел от 9 апреля 1915 г. указывалось: «В настоящее время Его Императорское Высочество признал в равной мере возможным разрешить прием в означенную дружину на одинаковых основаниях с чехами, также и военнопленных словаков»[2].

Дружинники прекрасно зарекомендовали себя в боевых действиях. В связи с чем 8 мая 1915 г. в телеграмме в Ставку генерал Саввич указывал: «Опыт почти 5 месячной разведывательной работы чешской дружины на фронте 3-й армии показал, что чешские разведчики добывают весьма ценные сведения благодаря умению владеть языками большинства различных народов, сражающихся в рядах неприятельской армии. Кроме того, командующий армией признает чешских дружинников отличными рядовыми бойцами, неудержимо стремящимися вперед с глубокой верой в окончательное торжество русского оружия и с полным сознанием, что борются за правое дело. Пленные чехи и словаки весьма охотно изъявляют желание служить в рядах единоплеменной им чешской дружины и по боевым качествам мало отличаются от коренных дружинников»[3].

В конце июня 1915 г. командование дружиной принял подполковник В.П. Троянов[4]. Благодаря проявленной доблести чехов и словаков на фронте в начале июля 1915 г. было принято очередное решение о пополнении

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (1). Л. 52.

[2] Там же. Д. 323 (3). Л. 169об.

[3] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323(3). Л. 174.

[4] *Татаров Б.* Указ. соч. С. 69.

inslav

чехословацких воинских частей [1]. В донесении начальнику штаба Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта от 5 июля 1915 г. говорилось: «По некоторым сведениям, дошедшим до Штаба Верховного Главнокомандующего, представляется желательным увеличение состава Чешской добровольческой дружины, которая выказала себя с очень хорошей стороны в боевом отношении и для расширения которой имеется необходимый личный состав»[2].

18 мая 1916 г. с созданием второго полка появилась Чехословацкая стрелковая бригада, а 15 марта 1917 г. был сформирован ее третий полк.

Однако дальнейшее развертывание чехословацких воинских формирований Временным правительством, поменявшим свой состав, было приостановлено. В связи с чем председатель Чехословацкого национального совета (ЧСНС) профессор Т.Г. Масарик, прибывший в мае 1917 г. в Россию, направил письмо на адрес нового военного министра А.Ф. Керенского с объяснением политического значения чехословацких войск в России. В этом же послании он просил разрешить переброску некоторых чехословацких воинских частей и пленных во Францию[3].

Дальнейшее значительное пополнение стало возможным лишь после успешных действий чехов и словаков под Зборовым в июле 1917 г., явившихся первым серьезным сражением чехословацких частей как отдельных боевых единиц на стороне России[4]. В ходе этой операции чехи и словаки проявили беспримерный героизм, сумев преодолеть, казалось бы, неприступные укрепления противника[5]. Умелые действия и проявленная чехословацкой бригадой храбрость изменили отношение к ней военного командования, общественности и российского правительства. Положение чехословацкой бригады в составе Русской армии изменилось. Это произошло после поездки Т.Г. Масарика к командиру южного участка фронта генералу А.А. Брусилову 23–27 июля 1917 г. Их встреча закончилась соглашением, согласно которому бригада получила название «революционной армии в состоянии войны с Централь-

---

[1] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323 (4). Л. 224–224об.

[2] Там же. Л. 224.

[3] *Vaněk O.* Čechoslováci v Rusku. Praha. S. 33–36.

[4] Подробнее см.: *Серапионова Е.П.* Битва у Зборова // Rossica. 2010–2011 (Прага) (в печати). Чехословацкая бригада в составе 49-го армейского корпуса 11-й армии в этом сражении захватила в плен 62 офицера, более 3 тыс. солдат, 15 орудий, множество пулеметов (*Она же.* Чехи и словаки в огне Первой мировой войны // Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 1. С. 67.

[5] РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 64. Л. 2–7.

inslav

ными державами»[1]. Фактически это означало, что во всех военных делах чехословацкая «революционная армия» продолжала подчиняться русскому верховному командованию, а во всех политических и дипломатических отношениях подчинялась ОЧСНС в России, которое являлось частью главного центра чехословацкого национально-освободительного движения в Париже.

Осенью 1917 г. бригада была реорганизована в дивизию, а затем в связи с приливом добровольцев из лагерей военнопленных 9 октября 1917 г. приказом № 603 начальника штаба Верховного главнокомандующего российской армии генерала Н.Н. Духонина[2] возник 1-й Чехословацкий корпус (численностью более 40 000 бойцов)[3] в составе восьми стрелковых полков, двух запасных полков, артиллерийской батареи, технических и тыловых служб. Командиром корпуса стал генерал В.Н. Шокоров. В число добровольцев-легионеров входили и женщины, их было немного, в основном они исполняли обязанности медсестер[4].

После большевистского переворота 1917 г. Чехословацкий корпус стал считаться частью автономной чехословацкой армии во Франции, и было принято решение о его скорейшей переправке на Западный фронт. Т.Г. Масарик, сумевший к тому времени подчинить своему влиянию чехословацкое сопротивление в России, объявил о нейтралитете чехословацких воинских частей в политическом противоборстве в России. Однако коммунистическая пропаганда в чехословацком корпусе велась активно, в результате чего возникли интернациональные отряды Красной гвардии. Но и основной массе легионеров сохранить нейтралитет в Гражданской войне в России не удалось. Вспыхнувший стихийно в конце мая 1918 г. конфликт легионеров с советской властью быстро перерос в широкомасштабные боевые действия. Чехословацкий корпус сражался на стороне союзников и во взаимодействии с антибольшевистскими

---

[1] *Fic V. M.* Československé legie v Rusku a boj za vznik Československa 1914–1918. Brno, 2007. Díl. II. S. S. 22.

[2] Из Чехии на край света. Жизнь чехословацких легионеров в России в 1914–1920 гг. и ее отражение в чешском искусстве. Каталог выставки. Прага, 2000. С. 3.

[3] Всего же на территории России в годы Первой мировой войны находилось около 250 тыс. военнопленных чехов и словаков. Данные о численности корпуса несколько расходятся. В Словаре первого чехословацкого Сопротивления 1914–1918 гг. указывается, что до декабря 1918 г. в чехословацкие легионы в России вступили 61 тыс. солдат, более 4 тыс. из них погибли (Slovník prvního československého odboje 1914–1918). Praha, 1993. S. 26.

[4] Из Чехии на край света… С. 10.

inslav

вооруженными силами, в том числе с армией адмирала А.В. Колчака, хотя отношение к последнему со стороны легионеров было весьма неоднозначным[1].

Дальнейшая реорганизация чехословацких войск в России и их руководящих органов была связана с заключением перемирия, образованием Чехословацкой республики 28 октября 1918 г. и проводилась по распоряжению военного министра М.Р. Штефаника в начале января 1919 г.

Возвращение из России на родину стало возможным лишь много позже. Эвакуация продолжалась около года (с ноября 1919 по сентябрь 1920 г.). Последний транспорт из Владивостока отправился в Чехословакию осенью 1920 г., спустя почти два года после окончания боевых действий на фронтах Первой мировой войны и образования Чехословацкой республики[2].

Многие легионеры провели в России несколько лет. Они жили собственной внутренней жизнью, у них традиционно умело был налажен быт и отдых, несмотря на нередко сложные условия жизни на колесах[3]. Среди легионеров оказались люди различных профессий и образования. Постепенно при корпусе стали создаваться ремесленные мастерские[4], помогавшие наладить повседневную жизнь легионеров. Появились пекарни, кузницы, сапожные и портняжные мастерские. На старых фотографиях можно видеть легионеров, выполняющих сокольские[5] гимнастические упражнения. Возникли также творческие объединения и кружки. В Борисполе в 1917 г. был создан Просветительский отдел. Только в одном Иркутске выходило 10 легионерских изданий. Легионерские типографии печатали произведения чешской классической литературы. Хорошо известны имена чешских и словацких писателей-легионеров: Я. Гашека, Ф. Лангера, Р. Медека, В. Каплицкого, Й. Копты, Г. Тайовского, Я. Есенского и др. Существует поговорка : «Что ни чех, то музыкант», и действительно почти в каждой части был свой музыкальный

[1] Колчаковскй переворот ноября 1918 г. был воспринят большинством легионеров негативно. (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1. С. 197–198).

[2] Всего на 42-х судах из России были вывезены 72 644 человека, из них 4 914 инвалидов, 3 004 офицеров, 53 455 солдат и унтер-офицеров, 1 726 жен и 717 детей (Československá legie v Rusku 1914–1920. Katalog k výstavě. S. 108).

[3] Подробнее о жизни в теплушках см.: *Vácha D.* Těplušky a ešelony. Českoslovenští legionáří na ceste napříč Ruskem // Soudobé dějíny XV / 3–4. S. 607–638.

[4] Вернее первые из них стали появляться еще в лагерях военнопленных.

[5] Сокольское спортивно-патриотическое движение стало развиваться в Чешских землях с 1862 г. по инициативе М. Тырша и Й. Фигнера.

inslav

ансамбль. Из легионеров был сформирован симфонический оркестр под руководством композитора Р. Карела, из числа легионеров создавались театральные коллективы, осуществлявшие постановки спектаклей чешских авторов. Среди актеров, режиссеров и театральных художников были профессионалы: З. Штепанек, В. Менгр, Э. Прул. С осени 1918 г. действовал передвижной легионерский театр во главе с Я. Еничеком. Женские роли в основном исполняли мужчины, причем мастерски. Художники, графики, фотографы запечатлели путь легионеров через Поволжье, Урал, Сибирь на Дальний Восток, а затем эвакуацию на родину. Скульпторы и каменотесы трудились, создавая памятники и плиты на могилах павших[1].

За эти годы чехи и словаки успели хорошо освоить русский язык, а приобретенный опыт общения с местным гражданским населением и совместные боевые действия с русскими позволили лучше узнать Россию и ее народ. В донесении Верховному главнокомандующему Николаю Николаевичу от 30 ноября 1914 г. чешский представитель Рейман писал о том, что «чехи гордятся тем обстоятельством, что им была дана возможность участвовать в боевых действиях совместно с Русской армией; понесенные уже ими потери убитыми и ранеными создают новое братство по крови и по оружию между чешским народом и русской армией». Там же подчеркивалось , что «эти жертвы, хотя и ничтожные, имеют громадное моральное значение»[2]. Совместный боевой опыт Русской армии и чехословацких соединений, причем не только взаимодействие, но и непосредственное вхождение русских в чехословацкие части, а также чехов и словаков в российские, существование чехословацко-русских отрядов лучше всякой пропаганды способствовали взаимопониманию. Неслучайно даже легионеры, хватившие лиха в Сибири, воевавшие с большевиками и в большинстве своем не принявшие переворот А.В. Колчака, вынесли любовь к России, русской культуре, языку, вообще к русским. Недаром, несмотря на первоначальный запрет командования, заключались многочисленные межнациональные браки, вместе с легионерами в Чехословакию прибыли и их русские жены. Русскую жену вывез известный писатель Я. Гашек, женился на русской и генерал Р. Гайда. Уже в межвоенной Чехословакии бывшие легионеры сотрудничали с русскими эмигрантами, посещали их вечера, концерты. Некоторые легионеры,

[1] В настоящее время на основе российско-чешского соглашения о военных захоронениях от 1999 г. ведется работа по восстановлению памятников и памятных досок чехословацким легионерам.

[2] РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 323(1). Л. 34об.

inslav

например, словак М. Гацек, автор романа «Сибирские записки» (1936), стали профессиональными переводчиками с русского языка. Сибирская эпопея отражена в многочисленных произведениях искусства.

В заключении подведем итоги:

Сразу после начала Первой мировой войны чешские и словацкие политические деятели осознали значение военного сотрудничества с Россией.

Российское правительство в кратчайшие сроки рассмотрело и, одобрило ходатайство о сформировании Чешской бригады, при этом взяв на себя расходы по ее обучению, снабжению и обмундированию. Командование частями в основном осуществлялось русскими офицерами. При этом не делалось никакой разницы в размерах довольствия либо в окладах между солдатами и офицерами Русской армии и чехами-добровольцами.

Первые боевые части на российской территории были сформированы достаточно быстро, но увеличение чехословацких частей в силу указанных субъективных и объективных причин проходило постепенно. Однако, несмотря на трудности, этот процесс продолжался, и осенью 1917 г. в России был сформирован Чехословацкий корпус, численность которого (40 000–60 000) на много превышает количество чехословацких легионеров в других странах — во Франции и Италии (соответственно около 10 000 и 20 000[1]).

В основном формирование чехословацких войск шло на добровольческих началах[2]. До января 1918 г. они входили в состав Русской армии, однако с самого начала имели собственные знаки отличия и знамена, постепенно в ходе развертывания частей их национальный характер усиливался.

Наряду с военными подразделениями в России после упорной борьбы сформировалось и политическое руководство национально-освободительным движением, принявшее ориентацию на ЧСНС во главе с Т.Г. Масариком. Было образовано Отделение ЧСНС в России (ОЧСНС). Февральская революция стала причиной того, что противостоящий ОЧСНС Национальный совет Й. Дюриха сошел со сцены.

---

[1] Slovník prvního československého odboje 1914–1918… S. 26. Вообще сведения о численности чехословацких легионеров очень различаются. Так Т.Г. Масарик в своих воспоминаниях «Мировая революция» называл такие цифры: в России — 94 тыс., во Франции –12 тыс., в Италии –24 тыс.; в литературе встречаются и другие: в России –53 тыс., во Франции 6 700, в Италии 14 тыс., в сербских частях — 1 150 (*Auský S.A.* Dobrovolnicí a druhá světová válka. Praha, 2007. S. 31).

[2] Иногда этот принцип нарушался. Так, Р. Гайда в августе 1918 г. в Сибири объявил о мобилизации военнопленных чехов и словаков.

inslav

Во многом благодаря успешным действиям чехословацких легионеров против большевиков в Сибири летом-осенью 1918 г. ЧСНС удалось получить международное признание в качестве временного правительства (еще до создания чехословацкого государства). А позднее чехословацкой делегации на Парижской мирной конференции — отстоять почти все свои требования в отношении государственных границ Чехословакии.

Несмотря на сложные перипетии, тяжелые условия их пребывания в России, легионеры (причем не только те, кто был из числа «русских чехов», но и бывшие военнопленные) уже будучи в Чехословакии мечтали вернуться в эту страну...

Принимая во внимание все выше сказанное, вряд ли стоит преуменьшать роль и значение России в создании чехословацких воинских частей, являвшихся основной опорой ЧСНС в усилиях создать независимую Чехословацкую республику.

Я. Висьневски
(Торунь)

«Военные жёны» в чехословацких и польских войсках в Сибири во время Гражданской войны в России

Первая мировая война — не только период крупных военных столкновений, безжалостных и кровавых, это затяжная окопная война, время крушения авторитетов, ухудшения бытовых условий гражданского населения, роста различных заболеваний. Эти причины сыграли решающую роль в росте революционных настроений и увеличении общественных беспорядков, в стремлении к независимости среди некоторых европейских народов. Наиболее существенные изменения произошли в тогдашней России.

Как следствие недовольства царским правлением и ввиду военных поражений в 1917 г. произошла Февральская революция, которая впервые в истории России ввела республиканское устройство. Однако в результате последовавшей за ней Октябрьской революции к власти пришли большевики, которые были сторонниками самых решительных социальных перемен и выхода из Великой войны, несмотря на огромные людские и материальные потери в годы войны и возможную утрату значительной части территории. Против них выступили различные силы — в большинстве своём опирающиеся на кадры бывшей царской армии, получившие в дальнейшем название «белых». Конфликт, который начал-

inslav

ся в конце 1917 и длился до 1921 г., характеризовался невиданной для того времени жестокостью. Обе конфликтующие стороны, и «красные» (большевики), и «белые», вели действия, сильно отличавшиеся от тогдашних военных стандартов. Нормой для той войны были расстрелы и карательные акции против гражданского населения, осуществлявшиеся как Красной армией, так и белогвардейскими силами. Политику террора сопровождали также разного рода контрибуции и реквизиции. Они провоцировали голод и массовые миграции гражданского населения[1].

Подобная ситуация сложилась не только в европейской части России, но также на Урале и в Сибири. Несмотря на множество общих черт, оба театра военных действий отличали степень вмешательства и численность иностранных войск, которых в Сибири и на Урале было значительно больше. Наиболее многочисленными войсками, подчинявшимися командованию союзников, были чехословацкие части, которые в середине ноября 1919 г. насчитывали 50 258 солдат и офицеров[2]. Наряду с ними, второй по численности силой были польские части, в середине сентября насчитывавшие 11 602 солдата[3]. Помимо этих сил, здесь были расквартированы более малочисленные части: румынские, югославянские, сербские[4], французские, итальянские, украинские[5], британские и

[1] См. наиболее важные работы: *Bunyan J.* Intervention, Civil War and Communism in Russia 1918. Baltimore, 1936; *Carr E. H.* The Bolshevik Revolution 1917–1923. New York, 1952; *Kucharzewski J.* Od białego do czerwonego caratu. Warszawa, 1991; *Pipes R.* Rewolucja rosyjska. Warszawa, 2006; *Шукман Г., Патрикеев Ф.* Гражданская война и иностранная интервенция: русское общество, роль отдельных личностей. Британский взгляд // Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны С. 161–185.

[2] Archiv Ministerstva zahraničních věcí ČR (AMZV). Fond «Sibírské archívý» (FSA), Archív V. Girsů, k. 4, č. 25, vykaz bovojových částí čs. arm. sboru ku dni 15 listopada 1919 r. (личный состав и вооружение чехословацких войск в России на 15 ноября 1919 г.)

[3] Centralne Archiwum Wojskowe (CAW). Wojsko Polskie na Syberii (WP na Syberii). 122.91.8, Stan Wojsk Polskich we Wschodniej Rosji i na Syberii z 15 września 1919 r. (состояние польских войск в Восточной России и в Сибири на 15 сентября 1919 г.)

[4] В Сибири существовало различие между сербскими и югославянскими частями, последние состояли из пленных хорватов и словенцев, бывших солдат и офицеров австро-венгерской армии.

[5] Украинские войска делились на две части: карпато-русские (пленные солдаты австро-венгерской армии) и украинские (солдаты и добровольцы царской армии). Первоначально карпато-русские части находились в ведении чехословацкого командования, а с 1919 г. –командования русской армии (Колчака).

inslav

латышские[1]. Кроме этого, на русском Дальнем Востоке были размещены японские части (примерно 30 000) и американские (8 000), а также небольшие контингенты, в том числе из Канады[2].

Стечение различных причин — о чём речь пойдёт дальше — привело к тому, что у служивших в этих же войсках спасения от голода, болезней и смерти искали прежде всего российские женщины, которые, зачастую смиряясь с унижениями, решались на сожительство с солдатами. «Военные жёны», как называли таких женщин, часто разделяли тяготы службы со своими покровителями-солдатами. Наибольшей «популярностью», по разным причинам, пользовались чехословацкие и польские солдаты. В их «пользу» говорили такие аргументы, как: похожий язык, и, как следствие этого возможность понимать друг друга, менее строгая дисциплина в этих войсках — по сравнению, например, с американскими частями, — пребывание солдат из этих же войск по нескольку лет вдали от своих родных мест и домов, а также финансовая обеспеченность легионеров[3].

Убедительную, и при этом очень подробную картину жизни в польских частях представил в воспоминаниях Станислав Богданович. Этот сын польского ссыльного в середине октября 1918 г., будучи восемнадцати лет отроду, решился вступить в Войско Польское в Восточной России и в Сибири — так официально звучало название польской армии в Сибири. В воспоминаниях, написанных в межвоенные годы, он описал первые минуты вступления в польскую армию: «Итак, 15 октября 1918 г. я вступил в польскую армию в Сибири. Когда я уже подписал добровольческую декларацию, комендант сборного пункта велел ординарцу проводить меня к вагону и отдать под начало капрала Жака... Капрал приказал мне влезть в вагон. Вагон был товарный, кое-как приспособленный для размещения

[1] Подробнее о национальных войсках в Сибири см.: *Висьневски Я.* Возникновение и организация национальных формирований при чехословацких войсках в Сибири (июнь 1918 — март 1919 гг.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск, 2010. Ч. I. С. 288–298.

[2] Японские и американские части не подчинялись командованию сил союзников, во главе которых стоял французский генерал Пьер Морис Жанен. Подробнее на эту тему см.: *White J.A.* The American Role in the Siberian Intervention // Russian Review. 1951. Vol. 10. № 1; *Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. М., 1957; *Bradley J. F. N.* Allied intervention in Russia. Lanham; New York; London, [1984]; *Hosoya Ch.* Japanese policy toward Czarist Russia and the U.S.S.R., 1890–1941: Its historical analysis with an emphasis on policy-making process... //The agenda for research. Tokio, 1963.

[3] *Wiśniewski J.* Problém «vojenských žien» na príklade národných vojsk (československého, poľského a rumunského) na Sibíri v rokoch 1918–1920 // Forum Historiae. 2009. № 1.

inslav

в нём людей. В центре стояла печка из литого железа, а по обе стороны помещались нары, на которых сидели солдаты... Я заметил, к своему удивлению, что в вагоне находились не только солдаты, но также четыре женщины, которые сидели на главных нарах... Я познакомился с остальными солдатами, однако женщинам меня никто не представил. Кумушки проинформировали меня об обязанностях и сказали, которая с кем живёт. Одна из них, блондинка, была полная, здоровая, простая девка, сидела в одной рубахе и гладила мужское бельё. Возле окна сидела худая женщина с выразительными чертами лица и ссорилась со своей подругой напротив. Та была очень молодой, производила впечатление ребёнка и если бы не сочные выражения, которые она использовала, чтобы заставить подругу мыть котелки, вполне могла сойти за школьницу. Четвёртая лежала с каким-то солдатом, поэтому я не мог к ней хорошо присмотреться. Мне сказали, что она находится в вагоне всего лишь пару дней, и её нынешний владелец пользуется почти каждой свободной минутой»[1]. Для молодого мальчишки, который был воспитан на романтической литературе, где солдаты были представлены практически как истинные рыцари, это должно было быть шокирующим. Как впоследствии оказалось, эти женщины не были жёнами или же невестами живущих в вагоне солдат, а так называемыми «военными жёнами», которые в обмен на еду и небольшую сумму денег выполняли обязанности портних и работниц на кухне, а также удовлетворяли сексуальные потребности находившихся там вояк. В следующей части воспоминаний Богдановича можно найти и такой фрагмент: «Две недели я ждал отъезда. За это время я прошёл некоторую боевую подготовку с винтовкой, научился различать ранги и звания, а также докладывать и подавать рапорты. А женщины всё крутились по вагону, то и дело какой-нибудь из солдат приводил какую-нибудь надолго или не совсем. Не стеснялись ни окружения, ни времени суток... Мне тоже предлагали привести себе какую-нибудь барышню. Один из коллег даже предложил мне, что он всё устроит, если я стесняюсь. Стоит только пойти на железнодорожный вокзал, там немалый выбор. Я поблагодарил...»[2] Подобные переживания — хотя в несколько завуалированном виде — изобразил также чешский легионер Карел Фабих, который спустя несколько лет писал: «Больше всего нам нравились русские женщины и девушки. Стайки прелестных девушек и молодых замужних женщин осаждали нас и проявляли интерес»[3]. Этот интерес, как правило, ограничивался сексуальным

[1] *Bohdanowicz S.* Ochotnik. Warszawa, 2006. S. 11–12.

[2] Ibid. S. 16.

[3] *Fibich K K.* Povtalci II. Mogila. Praha, 1938. S. 269.

inslav

сближением. Иногда женщина, которая «подцепила» солдата, могла также рассчитывать на то, что он какое-то время будет в ней заинтересован и некоторым образом оказывать ей покровительство и относиться как к «военной жене».

Здесь следует задуматься, что мы вкладываем в понятие «военная жена». К этой категории сложно отнести женщин, именуемых проститутками, которые продают свои сексуальные услуги случайным партнёрам, или женщин, насильно склоненных к покорности один раз, либо многократно. Это были женщины, которые из-за трудного материального положения, либо же по причинам личного характера, были вынуждены «отдаться» под покровительство офицерам либо солдатам (или же другим мужчинам). Взамен они были вынуждены оказывать солдатам различного рода услуги, от починки одежды, приготовления пищи и уборки, и вплоть до оказания сексуальных услуг. Благодаря этому они получали средства к существованию, покровительство и зачастую убежище на случай идущих военных действий. Их партнёрами по преимуществу были военные, которые в течение длительного времени пребывали вдалеке от дома. В значительной степени это понятие близко к определению, касающемуся маркитанток, однако здесь налицо определённая разница, например, маркитантки занимались ранеными, а посредством торговли пополняли снаряжение и запасы солдат. Они, как правило, следовали за перемещавшимися частями, к которым были определённым образом приписаны либо связаны с ними[1].

Почему женщины отваживались на такого рода «работу» и судьбу, которая несёт унижения, и зачастую заканчивается болезнью или побоями? В контексте продолжавшейся русской Гражданской войны это было выходом, который часто давал возможность сохранить жизнь либо же, благодаря материальным средствам, давал возможность прожить женщине, либо лицам, находившимся у неё на содержании (нередко бывали случаи, когда «военные жёны» имели детей от прежних связей). «Там тянулись рассказы солдат, — писал Богданович, — об их приключениях, а потом начала говорить одна из женщин... Как сначала она была служанкой на все руки у какого-то русского офицера, как он её изнасиловал, какие беды она переживала потом, когда была беременна, пока старая бабка не избавила её от плода, а также чего она при этом натерпелась. У неё нечем было заплатить бабке, та предложила ей любовника и так от одного к другому... , пока во время революции не забрали её чехи с одного полустанка на

[1] Маркитанткой была главная героиня драмы Бертольда Брехта «Мамаша Кураж и её дети», а также Мария, «дочь полка» из одноимённой оперы Гаэтано Доницетти.

inslav

Украине и привезли в Сибирь, а сейчас она среди нас, польских солдат[1]. «Военными жёнами» становились женщины, происходившие не только из маргинальных или низших слоёв русского общества. Бывали случаи, что женщины из высших сфер, в царское время занимавшие высокое положение в свете, были вынуждены, из-за утраты имущества либо смерти тех, у кого они находились на содержании (мужа, отца), решиться именно на такой шаг. Однако обычно их покровителями становились скорее офицеры либо чиновники[2]. Зачастую случалось, что партнёршами солдат становились женщины, имевшие проблемы с законом, и они соглашались на «покровительство» солдат с тем, чтобы избежать наказания либо же ответственности за противоправную либо антигосударственную деятельность, обычно революционную[3]. Среди женщин встречались как одинокие, так и замужние[4]. Бывали и случаи более длительных отношений. Как следствие того, что часть рекрутов, вступавших в чехословацкие и польские части, составляли пленные солдаты и офицеры австро-венгерской армии, которые в ходе Первой мировой войны попали в русский плен и находились в лагерях в Сибири. Достаточно часто они пользовались большой свободой передвижения, поскольку часто работали на промышленных предприятиях либо в земледельческих хозяйствах. Там они завязывали знакомства, которые иногда перерастали в длительные связи с прекрасным полом. Несколько удивительно, что в этом преуспевали главным образом ополченцы постарше возрастом, которые попадали в тёплые крестьянские хаты, разбросанные по всей Сибири. Подобные знакомства продолжались даже по 3–4 года (первые пленные попали в Сибирь уже в 1914 г.). Когда они вступали в армию (безусловно, зачисление во многом зависело от национальности пленного), иногда они забирали с собой и своих «вторых» жён[5].

---

[1] *Bohdanowicz S.* Op. cit. S. 13.

[2] Государственный Архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 147. Оп. 8. Д. 50. (рапорт капитана милиции Русьянова в штаб Охранки от 9 июня 1919 г.).

[3] CAW. WP na Syberii. I.122.91.752. Raport szefostwa żandarmerii WP we Wschodniej Rosji i na Syberii z 22 lutego 1919 r. (рапорт командования жандармерии Войска Польского в Восточной России и в Сибири от 22 февраля 1919 г.).

[4] *Fibich K.* Op. cit. S. 269.

[5] Согласно подсчётам Датского Красного Креста, в Сибири и на Дальнем Востоке в начале ноября 1918 г. должно было находиться 16 689 офицеров и 70 170 военнопленных солдат из армии бывшей Габсбургской монархии. (AMZV. FSA. Archiv dr Pavlů, Kart. 6, přenosu udaje do Československého červeného kříže od kpt. Cramera s května 1919 r. (данные, переданные Чехословацкому Красному Кресту капитаном Крамером в мае 1919 г.).

inslav

Тема «военных жён» стала неотложной проблемой для командующих национальными войсками лишь весной-летом 1919 г.[1] До этого времени союзы между женщинами и солдатами были редким явлением, может, лишь за исключением пребывания чехословацких легионеров на Украине осенью и зимой 1917 г.[2] До лета 1919 г. солдаты пользовались скорее услугами проституток, которые «профессионально» занимались оказанием подобного рода услуг[3]. Впоследствии, впрочем, это обернулось множеством случаев венерических заболеваний, которые коснулись не только солдат, но также и офицеров. Можно считать, что были инфицированы около 25–30 % солдат, служивших в чехословацком легионе осенью 1918 г.[4] Многочисленные случаи получения переносимых половым путём заболеваний в чехословацкой армии в Сибири имели также место и в более поздний период, в том числе в одном только апреле 1919 г. 2 404 солдат прошли специализированное лечение от такого рода недугов. Впрочем, не одни венерические заболевания являлись проблемой для чехословацких войск в России. В непростых климатических условиях, недостаточно обеспеченные соответствующим обмундированием, после зачастую четырёх-пяти лет пребывания в лагерях для военнопленных, в окопах или вагонах[5], неся изнурительную службу,

[1] Данное заключение опирается на анализ количества и тона приказов командования национальных войск, в которых в период июня–июля 1919 г. обращалось внимание отдельных командиров на подобную практику. Это также может свидетельствовать о том, что в процессе подготовки к эвакуации хотели избавиться от ненужных пассажиров, хотя первый тезис, как представляется, более убедителен.

[2] Ústřední vojenský archiv — Vojenský historický archiv (ÚVA — VHA). Odbočka Československé národní rady v Rusko (OČSNR). MV — OvR, Kart. 78. Č. 27543, dopis płk Wajbla do Vojenskeho odboru OČSNR z 14 grudnia 1918 r. (письмо полковника Вайбеля в Военный отдел отделения Чехословацкого национального совета в России, ОЧНС, — от 14 декабря 1918 г.).

[3] Это отдельный вопрос, которого мы в настоящей статье не затрагиваем.

[4] ÚVA — VHA, OČSNR — VO. Kart. 37. Č. 23424. Zprava dr Suchánka do Zdravotni odboru OČSNR z 23 srpna 1918 r. (рапорт др. Суханека в санитарный отдел ОЧНС от 23 апреля 1918 г.); ÚVA — VHA. OČSNR — VO, Kart. 37. Č. 23425. Lékařská zpráva 1 HDStrzel. do Zdravotni odboru OČSNR z 29 prosinca 1918 r. (рапорт дивизионного врача 1-й стрелковой дивизии им. Яна Гуса в санитарный отдел от 29 декабря 1918 г.).

[5] Значительная часть легионеров провела последние 18 месяцев в товарных вагонах, переделанных во временные «казармы». Это были знаменитые «теплушки». В каждом из таких вагонов находились от 15 до 20 солдат. Жизнь в подобных условиях, еще к тому же при низкой или высокой температуре, была очень изнуряющей (AMZV. FSA. Archív V. Girsů.Kart. 21. Zpráva delegace II kongres

inslav

чехословацкие солдаты были легко восприимчивы к различного рода болезням, свирепствовавшим в то время: сыпной тиф, холера, дизентерия, ветряная оспа, а также лёгочные, венерические и нервные заболевания[1]. До января 1919 г. около 57 % всех солдат были вынуждены прибегать к амбулаторной помощи. После отвода частей с фронта, этот процент значительно увеличился, достигнув примерно 73 % в июле 1919 г. В начале января примерно 3 500 солдат страдали хроническими заболеваниями. Это положение не изменилось в течение 1919 г. Однако самым большим бедствием для Чехословацкой армии в России (ЧСА — (Československé vojsko na Rusi, ČVnR), стали нервные расстройства. Их симптомы имелись почти у 42 % всех чехословацких легионеров[2]. Чехословацкое командование пыталось бороться с этим, издавая многочисленные инструкции, касающиеся гигиены, обращения с больными либо же предотвращения распространения некоторых болезней, а также была создана сеть дивизионных и армейских госпиталей[3]. Несмотря на эти усилия, процент больных солдат до конца пребывания ЧСА в Сибири не уменьшился[4]. К примеру, на 15 ноября списочный состав трех стрелковых дивизий, входивших в состав ЧСА, должен был составлять 35 301 солдат, однако реально на службе находились всего 22 234 легионера[5]. Похожее

---

orgánům Československé republiky na 7. srpna 1919 г. (рапорт делегации II Съезда властям Чехословацкой Республики от 7 августа 1919 г.); S. Bohdanowicz. Op. cit. S. 45 i nast.

[1] ÚVA — VHA. MV — OvR. Kart. 80. Č. 13589. Zprava plk dr Raše pro Ministerstvo války s 27 července 1919 г. (рапорт полковника д-ра Раше в военное министерство от 27 июля 1919 г.).

[2] ÚVA — VHA. OČSNR — Zdravotní odbor. Kart. 59. Pismo Naczelnika Wydziału Zdrowia do sztabu Inspektora Wojsk Czeskosłowackich z 8 marca 1919 г. (письмо Начальника санитарного отдела в штаб Инспектора чехословацких войск от 8 марта 1919 г.). ÚVA — VHA. MV — OvR. Kart. 80. Č. 13589. Zprava plk dr Raše pro Ministerstvo války z 27 července 1919 г. (рапорт полк. д-ра Раше в военное министерство от 27 июля 1919 г.).

[3] ÚVA — VHA. OČSNR — Zdravotní odbor. Kart. 59. Dopis vedoucí Odboru zdravotnictví v Inspektorat Československé armády na Rusi 8. března 1919 г. (письмо Начальника Отдела здоровья в штаб Инспектора чехословацких войск от 8 марта 1919 г.).

[4] ÚVA — VHA. MV — OvR. Kart. 80. Č. 13593. Zprava plk dr Raše pro Ministerstvo války s 12 września 1919 г. (рапорт полк. д-ра Раше в военное министерство от 12 сентября 1919 г.).

[5] AMZV. FSA. Archív V. Girsů. Kart. 4. Č. 25. Vykaz bovojových částí čs. arm. sboru ku dni 15 listopada 1919 г. (личный состав и вооружение чехословацких войск в России от 15 ноября 1919 г.).

inslav

санитарное состояние было господствующим и в польских частях, хотя там случаев заболевания венерическими болезнями отмечено меньше.

Появление в казармах и эшелонах национальных войск весной-летом 1919 г. бóльшего количества «военных жён» было вызвано двумя факторами. Одним из них был переход чехословацких и частично польских частей к гарнизонной и караульной службе[1]. К концу марта 1919 г. командование союзников приняло решение о занятии чехословацкими войсками участка Транссибирской железной дороги вместе с боковыми ветками на протяжении от Омска до станции Култук на Байкале. Так, наиболее выдвинутая на восток 1-я стрелковая дивизия им. Яна Гуса (с командованием в Иркутске) должна была прикрывать участок от станции Култук на востоке до Нижнеудинска на западе. От этого города на восток, вплоть до Ачинска задачу охраны должна была принять 3-я стрелковая дивизия (с командованием в Красноярске). В свою очередь, 2-я стрелковая дивизия получила для защиты участок от Ачинска до Омска (ее штаб располагался в Томске)[2]. Впоследствии, после протестов командующего чехословацких войск в России ген. Сырового, чехословацкие силы были пополнены польскими[3] и румынскими частями[4].

---

[1] Румынские войска не принимали активного участия в военных действиях против большевиков летом и осенью 1918 г.

[2] *Klecanda V.* Operace československého…, mapa №. 7.

[3] Польские части, объединённые в 5-ю польскую стрелковую дивизию, а также небольшие охранные подразделения к концу апреля 1919 года насчитывали 10 772 солдат и офицеров, однако, в большинстве своём плохо вооружённых и экипированных. Командование польских войск в Сибири (а в особенности полк. Валериан Чума) стремилось избежать непосредственного участия польских войск в военных действиях против сил большевиков. Однако под влиянием настойчивых требований и угроз со стороны союзников поляки были вынуждены уступить. На основании приказа командующего 5-й польской стрелковой дивизии полк. Казимежа Румши от 6 мая 1919 года, 2-й и 3-й стрелковые полки должны были взять на себя оборону железной дороги на трассе Татарская — Новониколаевск, а также боковой участок транссибирской дороги Славгород — Татарская. Остальные же части 5-й Польской стрелковой дивизии должны были составить охранную группу для находящихся под угрозой участков дороги. На деле же польские части взяли под охрану закреплённые за ними железнодорожные пути лишь в начале июня 1919 г. (CAW. WP na Syberii. I.122.91.756. Rozkaz płk Rumszy z 6 maja 1919 r. (приказ полк. Румши от 6 мая 1919 г.); *Wiśniewski J.* Udział wojsk polskich w walkach z bolszewikami na Syberii w 1919 roku // Od armii komputowej do narodowej (II), Dzieje militarne Polski i jej wschodnich sąsiadów od XVI do XX wieku. Toruń, 2005. S. 404–417.

[4] В то же самое время, что и польские части, в действия по прикрытию транссибирской магистрали были вовлечены румынские части. Ген. Жанен

inslav

Расположение частей национальных войск вдоль Транссибирской магистрали и начало их охранной и гарнизонной службы, спорадически прерываемое походами против партизан — большевиков и крестьян, позволило солдатам вести более регулярный и «более спокойный» образ жизни. Некоторые из них, находясь третий, четвёртый, а то даже и пятый год вне дома, не чувствовали уже такой связи с семьёй, с собственной средой на родине. Зачастую отсутствие информации о судьбах близких на родине также провоцировало решение начать «новую» жизнь. Иногда, несмотря на то, что на родине оставались семья, жена и дети, они решались на жизнь со своими «военными жёнами». К тому же весной и летом 1919 г. произошли выступления чехословацких солдат, требующих ускорить их возвращение домой. Это серьёзно ослабило дисциплину в отдельных частях, а также дало больше возможностей для контактов с женщинами. Более заметно это было в небольших, локальных гарнизонах, тыловых и интендантских частях чехословацких легионов. В свою очередь, в польских войсках особенно заметно это было в тыловых частях и вербовочных конторах, остававшихся на значительном отдалении от польского командования, а потому испытывавших более слабый контроль с его стороны[1].

Другим фактором, который повлиял на увеличение численности женщин, готовых отдать себя под покровительство солдат национальных войск, было военно-политическое положение в Сибири весной и летом 1919 г. Власть «белых» в Сибири всё расширяла и возраст призывников при мобилизации и усиливала давление на гражданское население, зачастую проводя беспощадные реквизиции продовольствия и фуража[2].

в начале мая издал приказ, адресованный командующему Трансильванско-Буковинским легионом (как с февраля 1919 г. назывались румынские отряды) полк. Кадлецу, чтобы тот направил находившиеся у него в подчинении силы для прикрытия транссибирской линии от Нижнеудинска до станции Тайшет. Ввиду сложностей с вооружением и экипировкой линейные румынские части, собранные в 1-й румынский стрелковый полк, и насчитывавшие в то время 3 457 солдат и офицеров, взяли на себя задачи прикрытия лишь в начале июня 1919 г. (РГВА. Ф. 39 499. Оп. 1 с. Д. 243 (письмо полк. Кадлеца в штаб Омского военного округа от 5 июля 1919 г.); ГА РФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 40 (рапорт подполк. Русьянова начальнику Охранки в Омске от 29 мая 1919 г.); *Fidler J.* Generálové legionáři, Brno, 1999. S. 129.

[1] *Wiśniewski J.* Udział wojsk polskich w walkach z bolszewikami na Syberii w 1919 roku // Od armii komputowej do narodowej (II), Dzieje militarne Polski i jej wschodnich sąsiadów od XVI do XX wieku... S. 403–420. S. 518–549.

[2] *Стишов М. И.* Большевистское подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1962; *Гольцев В. А.* Сибирская Вандея. Судьба атамана Анненкова. М., 2009.

inslav

Бывали случаи, что части, отправленные с целью добыть продовольствие, чинили насилие и разбой среди гражданского населения. Тут задавали тон в первую очередь казацкие отряды, хотя свою лепту внесли также чехословацкие и польские войска[1]. Отправленные в карательные экспедиции против большевистских партизан отряды также вели себя жестоко и беспощадно по отношению к гражданскому населению. Здесь очень красноречиво свидетельство Густава Петруса, представителя Польского военного комитета на востоке России и в Сибири (ПВК) при чехословацком военном министерстве в Иркутске, который, сообщая об экспедиции одного русского отряда, писал президенту ПВК Зигмунту Садовскому: «Они убивают население и жгут деревни, не убедившись перед этим, провинилось ли данное население в чём-либо. А по вечерам молятся за царя и поют: „Боже, царя храни”»[2] В результате такого поведения адмирал Колчак терял поддержку местного населения, а пробольшевистское крестьянское партизанское движение с каждым днём набирало силу и стало представлять угрозу для железнодорожных путей –единственного транспортного средства обеспечения фронтовых войск. Кроме того, армии «белых» начали терпеть поражения в столкновениях с войсками большевиков. С начала апреля 1919 г. было продолжено большое наступление большевистских войск, в результате которого они заняли значительную территорию. Были взяты такие города, как Бугуруслан, Белебей и Уфа. К концу июня 1919 г. началось общее наступление Красной армии на Восточном фронте. На протяжении нескольких недель войска «красных», под командованием С. Каменева вынудили колчаковские войска к поспешному и нескоординированному отступлению. В результате этих боёв к середине августа весь Урал, вплоть до реки Тобол, оказался в руках большевиков[3]. Эти поражения привели к тому, что во время большой смуты и возраставших трудностей со снабжением, более безопасным местом становились казармы и эшелоны на-

[1] *Wiśniewski J.* Postawa żołnierzy Wojska Polskiego wobec ludności wiejskiej na Syberii 1918–1920 // Сибирская деревня: история, современное, состояние, перспективы развития. Омск, 2008. С. 240–246.

[2] CAW. PKW. 1.122.97.14. Pismo przedstawiciela PKW przy czechosłowackim Ministerstwie Wojny Petrusa do PKW w Nowonikołajewsku i prezesa PKW Sadowskiego z 28 VI 1919 r. (письмо представителя ПВК при чехословацком военном министерстве Петруса в ПВК в Новониколаевске и президента ПВК Садовского от 28 VI 1919 г.).

[3] Radzieckie siły zbrojne. S. 97–103. *Wojna R.* W ogniu rosyjskiej wojny wewnętrznej 1918–1920. Warszawa, 1975. S. 122–129; *Какурин Н. Е., Вацетис И. И.* Гражданская война 1918–1921. СПб., 2002. С. 193–228.

inslav

циональных войск. Помимо тяжелых жизненных условий и отсутствия чувства безопасности русских женщин к проведению времени с солдатами склоняло также то обстоятельство, что чехословацкие легионеры и польские солдаты получали очень высокое, в условиях тогдашних реалий, жалование. Оно позволяло даже простому солдату союзнических войск иметь весьма высокий уровень жизни, несопоставимый с уровнем аналогичных русских социальных слоёв. Это было особенно заметно с весны 1919 г., когда чехословацкие и польские солдаты, помимо повышения жалованья, начали частично получать деньги французскими франками, вместо прежних, быстро терявших свою ценность рублей[1]. Чтобы воспрепятствовать «швырянию» денег солдатами и офицерами, которые тратили жалование преимущественно на плотские удовольствия — водку и женщин, — чехословацкое и польское командования пытались создать различного рода сберегательные кассы (в том числе чехословацкую Военную сберегательную кассу чехословацкой армии в России — Vojenská spořitelna čs. vojska v Rusku), куда солдат склоняли откладывать часть своего жалованья[2].

Одновременно с ухудшением военного положения, а также со всё более заметным ослаблением дисциплины в рядах армии, начало лавинообразно расти количество заключаемых супружеских союзов между солдатами и русскими женщинами. В ряде случае это были браки, основанные на взаимных чувствах. Здесь можно привести пример Бендржиха Оплетала, который женился на польке, живущей в Сибири[3]. Как вспоминал Богданович: «В городе практически каждый день совершались браки и свадьбы. Женились прежде всего наши офицеры... Некоторые ввиду отсутствия полек женились на русских, и поэтому к нам присоединялись также исконно русские семьи»[4]. Однако часть таких супружеских союзов была связана с финансовыми договорённостями женщин (либо их семей) с будущими мужьями[5].

---

[1] *Bagiński H.* Wojsko Polskie na Wschodzie 1914–1918, Warszawa, 1990 (reprint). S. 561; *Zabloudilová J.* Vojenská spořitelna čs. vojska v Rusku // Historie a vojenství. 1999. č. 1. S. 103–104.

[2] CAW. WP na Syberii. I.122.91.752. Protokół z konferencji odbytej w sztabie WP na Syberii w dn. 11 kwietnia 1919 r. (протокол конференции, состоявшейся в штабе Войска Польского в Сибири 11 апреля 1919 г.); *Zabloudilová J.* Op. cit. S. 103–104.

[3] *Opletal B.* Anabáze hanáckého medika 1914–1920. Zápisky z velké války, Praha;Litomyšl, 1998.

[4] Bohdanowicz S. Op .cit. S. 61.

[5] ГА РФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 40. (рапорт подполк. Русьянова начальнику Охранки в Омске от 29 августа 1919 г.).

inslav

Командование отдельных войск (чехословацкое, польское) пыталось воспрепятствовать такого рода практике. Ген. Сыровы издавал распоряжения о необходимости получения согласия на брак командующего дивизией либо полком. Подобного рода приказы издавал также польский командующий полковник Чума[1]. Обеспокоен был и один из высших чехословацких чиновников в Сибири д-р Глосс, который обратил внимание, что все больше добровольцев имеют русских жён. Он требовал «увеличения» сложностей, касавшихся заключения супружеских союзов между чехословацкими солдатами и русскими женщинами[2]. Ему было известно не только количество заключаемых браков, но также и цена содержания жён, денежное пособие которым выплачивали чехословацкие власти. Так, например, в письме от 24 августа 1919 г. из 8 женщин, ходатайствовавших о помощи, 5 точно были русского происхождения[3]. Безусловно, это могли быть жёны чехословацких добровольцев, вступившие в брак ещё до начала Великой войны, что, однако, мало правдоподобно.

«Антибрачные» средства должны были затруднить, а то и попросту сделать невозможными такого рода браки. Вероятно, существовали опасения, связанные не только с ценой эвакуации, с ослаблением дисциплины в военных частях, но также со сложностями, которые могли возникнуть после возвращения солдат на родину. Трудно сказать, стали ли запреты причиной снижения количества заключаемых браков. Значительной части «военных жён», вероятно, удалось заключить брачные союзы (особенно это касалось офицеров) со своими «покровителями», и впоследствии они были эвакуированы с солдатами и офицерами в Европу. Согласно официальным данным чехословацкого Министерства национальной обороны, с 1919 по 1920 г. из Сибири и с Дальнего Востока были эвакуированы 72 644 человек, среди которых оказалось 1 726 жён и 717 детей. Гораздо хуже сложилась судьба «военных жён», которым не удалось заключить формальных брачных союзов. Во время эвакуации чехословацких войск из Сибири в конце 1919 г. чехословацкое командо-

[1] CAW. WP na Syberii. I.122.91.752. Rozkaz płk Czumy z 23 lipca 1919 r. (приказ полк. Чумы от 23 июля 1919 г.).

[2] AMZV. FSA. Archív plnomocníka Odbočky Čs. Národnej Rady na Rusi v Tomsku a Novo-Nikolajevsku dr. Glossa. Kart. 3. Č. 359. Dopis dr Glossa F. Suchomela s 6 listopadu 1919 r. (письмо д-ра Глосса Ф. Сухомеле от 6 ноября 1919 г.).

[3] AMZV. FSA. Archív plnomocníka Odbočky Čs. Národnej Rady na Rusi v Tomsku a Novo-Nikolajevsku dr. Glossa. Kart. 3. Č. 350. Dopis od důstojníka Nově-Nikolayevsk do úřadu zástupce OČSNR v Tomsku dne 24. srpna 1919 r. (письмо штабного офицера из Новониколаевска в канцелярию представителя ОЧНС в Томске от 24 августа 1919 г.).

inslav

вание достаточно радикальным образом разрешило эту проблему. Часть женщин просто выгнали из эшелонов, зачастую оставляя их без средств к существованию. Зато другую часть «русских жён», согласно некоторым источникам, оставили в закрытых вагонах на очень сильном морозе. Позже замёрзшие останки приходилось просто вырубать из вагонов[1].

Командование польских войск не отважилось на столь радикальные действия. К сожалению, отчасти это привело к катастрофе польских войск. 5-я стрелковая дивизия получила задачу прикрывать отход союзных войск из Сибири. В польском штабе, к тому же, назрели существенные разногласия между некоторыми офицерами — в особенности между полковником Чумой и полковником Румшей. В то же время произошёл конфликт между польским и чехословацким командованием, и в результате чехословацкое командование не оказало 5-й стрелковой дивизии никакой помощи во время отступления. Поляки, ведя ожесточённые бои как с партизанами, так и с регулярными частями большевистской 5-й армии, достигли станции Тайга. Здесь в трёхдневном бою арьергард под командованием капитана Юзефа Веробея задержал противника. Однако бедственное техническое состояние железной дороги, постоянное отсутствие топлива, а также физическое и моральное истощение, и к тому же задержка в движении чехословацких эшелонов привели к катастрофе. Под станцией Клюквенная польские эшелоны полностью остановились. Командование, посовещавшись, решилось приступить к переговорам с большевиками. 10 января 1920 г., согласно заключённым условиям капитуляции, польские отряды сложили оружие. Безусловно, на капитуляцию поляков повлияло то, что вместе с польскими солдатами эвакуировались также их законные жёны и дети и «военные жёны». Просьбы выслать гражданских лиц перед военными эшелонами были отклонены руководством союзников. В польском случае также сложно установить, сколько «военных жён» путешествовали вместе со своими покровителями. Как позже написал Богданович, «иногда разговор шёл о нашей Сибирской дивизии, и все согласно утверждали, что самой большой нашей бедой и погибелью были бабы»[2]. Возможно, польские части, не отягощённые женщинами и детьми, решились бы пробиваться дальше на восток, подобно тому, как это сделали остатки армии адм. Колчака под командованием ген. Владимира Оскаровича Каппеля.

---

[1] *Montandom G.* Deus ans chez Koltchak et chez les Bolcheviques. Pour la croix-rougde de Geneve (1919–1921). Paris, 1923.

[2] *Bohdanowicz S.* Op. cit. S. 99.

inslav

А. Ф. Носкова
(Москва)

Национальные меньшинства в Восточной Европе: геополитический ракурс проблемы (от Первой ко Второй мировой войне)

Проблемы нации, национального государства, национального меньшинства в смысле политико-практических решений имеют давнюю историю. Они возникли значительно раньше XX в. Когда-то основанием для этнических разграничений служили династические, географические, этнические, конфессиональные, исторические, экономические и другие отличия и особенности. С Великой Французской революцией связано появление многих демократических норм, в том числе идеи суверенности нации, как источника власти в государстве. Со временем оформилась теория государства, как главной формы существования нации, где все его жители — одна политическая нация.

В центральном и восточном регионе Европы в XIX в. существовали крупные многонациональные державы. По мере самоидентификации этнических групп здесь активизировались национально-освободительные движения, что перечеркивало усилия государственнообразующих или титульных наций устранить возникавшие трудности путем ассимиляции иных этносов и формирования единой политической нации. Прав российский историк Г.Ф. Матвеев, который считает, что главным препятствием решения национальных проблем в регионе было «нежелание великих держав идти на нарушение существовавшего в Центральной Европе стратегического равновесия как основы общеевропейской стабильности»[1].

В канун Первой мировой войны и в ее ходе проявилась потребность в балансе прав нации, личности, с одной стороны, и обеспечения безопасности государства в его границах, — с другой. Стала актуальной идея защиты прав национальных меньшинств как некой международно-правовой нормы. Она развивалась от обещаний Великобритании, Франции, России и Италии, сочетая этнический принцип и задачи создания устойчивого послевоенного мира, исправить карту Европы к обнародованию разными политическими силами общих принципов признания за

[1] *Матвеев Г.Ф.* К вопросу о возникновении института международной защиты национальных меньшинств. (Статья в печати).

inslav

всеми нациями права на самоопределение и собственную государственность до превращения этого права в реальную политику в качестве одного из средств предотвращения войн и конфликтов.

Провокативную роль в постепенном продвижении лозунга права нации на самоопределение и ее международного признания играл польский вопрос. Царская Россия выдвинула один из приемлемых путей решения национальных проблем после войны в многонациональных государствах.

Судя по воззванию Российского правительства «К полякам» (август 1914 г.) и приказу Николая II (25 (12) декабря 1916 г.), речь шла о создании Польши из всех ее трех разрозненных частей. Поляков могло ожидать национальное самоуправление под скипетром русского царя[1]. Провозглашение Временным правительством России права поляков на независимость превратило польский вопрос в проблему, требующую территориального переустройства региона, что вызвало беспокойство «далекосмотрящих» Великобритании, а также США.

Чем ближе было окончание войны, тем явственней выступала особая роль США при определении пути достижения прочного мира в Европе. Применительно к восточноевропейскому региону с неоднородным национальным и конфессиональным составом населения и уровнем самосознания многих этносов это была архисложная задача. Уже на конференции в Версале обнаружилась невозможность найти оптимальные варианты разграничения территорий, опираясь лишь на этнический принцип. На Парижской мирной конференции достаточно четко обозначились два направления на пути совмещения национальных претензий и государственно-территориальных интересов.

Суть первого составлял американский универсализм, который покоился на интересе США в европейской социально-политической и территориальной стабильности при отсутствии здесь американских территориальных претензий. Для США, не отягощенных внутренними национально- территориальными противоречиями, речь шла о том, чтобы ввести столь демократический, сколь и непростой для восприятия на континенте, принцип права наций на самоопределение в инструментарий мировой политики. Обращаясь 9 июня 1917 г. к российскому Временному правительству, президент США В. Вильсон писал: «Мы сражаемся за свободу самоуправления и свободное развитие всех народов... Никакой народ не должен быть принуждаем признавать верховную власть, под

[1] См. подр.: *Яжборовская И. С. , Парсаданова В.С.* Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. Гл. 1.

inslav

управлением которой он не может находиться. Никакая территория не должна переходить в другие руки, исключая того случая, когда целью является обеспечение ее обитателям благоприятных условий жизни и свободы...» [1] Такая оговорка имела глубокий смысл.

Российский историк В.Л. Мальков полагает, что знаменитые «14 пунктов» В. Вильсона, являясь частью послания Конгрессу от 8 января 1918 г., были ответом на ленинскую концепцию мировой революции и идею интернационализма[2]. Эта идея содержалась в программе всеобщего мирного урегулирования, представленной советской делегацией на мирной конференции в Брест-Литовске 22 декабря 1917 г. Согласно программе, всем нетитульным этносам должны были гарантироваться свобода решения о принадлежности к конкретному государству или о государственной самостоятельности путем референдума. Национальным меньшинствам предоставлялось право культурно-национальной автономии вплоть до «автономии административной» [3].

Таким образом, большевики выдвинули два взаимосвязанных положения — принцип права нации на самоопределение, включая право на отделение, и гарантии национальных прав меньшинства. Ни большевики, ни представители Белого движения не участвовали в Версальской конференции, однако недаром крупный чешский политик и участник конференции К. Крамарж указывал на то, что «все здесь (в Париже. — *А.Н.*) крутится вокруг русского вопроса»[4].

Сутью второго подхода на конференции к проблеме национально-территориального урегулирования был не только «поиск всеобщей гармонии» прав больших и малых наций, как анестезии от большевистской версии переустройства мира, но и заинтересованность континентальных

---

[1] Цит. по: *Матвеев Г.Ф.* Указ. соч.

[2] В.Л. Мальков разделяет суждения британского исследователя Дж. Бараклоу: «Ленинский лозунг мировой революции вызвал рассчитанный контрудар — вильсоновские „14 пунктов", призыву к солидарности пролетариата и борьбе с империализмом был противопоставлен лозунг национального самоопределения и призыв сделать XX век веком простого человека» (Цит. по: Мировые войны XX века.. М., 2002. Книга 1. Первая мировая война. Исторический очерк. С. 611.

[3] Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). М.,1963. Т. 1. С.193 На ряде спорных территорий, например, в Силезии и Каринтии, референдумы состоялись не в пользу их инициаторов — Польши и Югославии, а в Восточной Галиции и Тешинской Силезии были запланированы, но не состоялись вообще.

[4] Цит. по: *Серапионова Е. П.* Чехословацкий вопрос на Парижской мирной конференции // Восточная Европа после «Версаля». М., 2007. С. 103.

inslav

государств, прежде всего, в гарантиях собственной безопасности. Это означало неизбежное изменение европейских границ соответственно их национально-государственным интересам и задачам нейтрализации новой германской угрозы.

Итак, на первом плане для одних, США, было стабильная Европа и признание права на независимость пока только за поляками (в большей мере как дань настроениям американских поляков, вспомним учет настроений американских поляков Ф.Д. Рузвельтом на заседаниях «большой тройки»). Для других, прежде всего Франции, главное — международно-правовые гарантии государственной безопасности, в том числе путем национально- территориального перераспределения. Еще раз прав российский историк Г.Ф. Матвеев, когда заключает, что ни Париж, ни Рим «не верили в вильсоновскую утопию всеобщего, справедливого мира на принципах самоопределения, предпочитая придерживаться более привычного мышления категориями национальных интересов и стратегической необходимости»[1].

Но были на международных форумах и третьи интересанты — представители тех народов Европы, кто вступил или рассчитывал вступить в ходе и по итогам войны в отдельное государственное существование. Для них были важны оба подхода, хотя американский проект выглядел предпочтительней, поскольку в нем совмещались идея равноправия народов и стран и принцип самоопределения наций. «14 пунктов» В. Вильсона получили чрезвычайно широкую популярность, и абсолютизировались общественным сознанием, особенно «малых» народов Европы, как основа для справедливого разрешения национально-территориальных противоречий.

В конце войны в октябре-ноябре 1918 г. последовала череда заявлений «малых» народов о создании независимых государств. Появились Польша, Венгрия, Чехословакия[2], возникло Королевство словенцев, хорватов и сербов[3]. Заявили о намерении создать государство в составе

---

[1] *Матвеев Г.Ф.* Указ соч.

[2] По мнению некоторых исследователей, это была внешняя картина и «Чехословакия, по сути дела, также являлась совокупностью меньшинств, управляемых чехами, где даже словаки чувствовали себя не очень уютно» . — см.: *Сыч А. И.* Национальный аспект Версальской системы // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 127.

[3] Новое государство на Балканах имело многонациональный характер (три титульных нации — сербы, хорваты, словенцы и значительное число национальных меньшинств). Оно объединило народы, различавшиеся в культурно-историческом и конфессиональном отношении, а также структурой как ком-

inslav

Австро-Венгрии украинцы, о своем праве на государственность заговорили литовцы, латыши, сербы-лужичане, раздавались требования австрийцев о присоединении к Германии, настаивали на самоопределении немцы Силезии, Судет и Моравии. Румыны Трансильвании, Баната, и Венгрии объявили 1 декабря 1918 г. об объединении «всех населенных ими территорий с Румынией», затем последовал соответственный декрет румынского короля[1].

Анализируя Версальские договоры, следует признать справедливость суждения ученых, считающих, что применительно к интересующему нас вопросу речь в них шла «скорее о защите прав личности, принадлежащей к меньшинству». Обращение «к меньшинственному вопросу, — полагает российский историк Р.П.Гришина, — имело в качестве сверхзадачи не буквальную задачу защиты неких групп общества от дискриминации и угнетения, ибо специальные меры в этом отношении могли бы способствовать формированию сепаратистских настроений, а, наоборот, создание в каждой стране условий для интеграции этих групп в одну государственно-национальную общность при сохранении некоторых культурных, этнических или религиозных традиций»[2].

Иными словами, меньшинства не получали обеспеченных международными документами инструментов отстаивания коллективных прав своих общностей в условиях инонациональной власти. Что и понятно, ведь побеждало стремление победителей реконструировать Европу, руководствуясь интересами собственной безопасности. Для этого в практической политике использовались нравственные категории возмездия и наказания побежденных, а вовсе не принцип права других, тем более малых наций на самоопределение. Ближайшее будущее показало, что на пути реализации вписанных в «пакет» Версальских договоров специаль-

пактного, так и «чересполосного» расселения, прежде всего, сербов. Это накладывало существенные различия на представления национальных элит о роли в государстве, ограничивало возможность исключить межнациональные противоречия и рост сепаратистских настроений. В итоге власть короля Александра все больше становилась основным фактором внутренней стабильности (*Аникеев А.С.* Национальные проблемы в межвоенной Югославии // Власть и общество. Непростые отношения. М. ,2008. С. 96–121.)

[1] Трансильвания — многонациональная область, населенная преимущественно румынами и особой этнической ветвью венгров, а также немцами, евреями и др. этносами, со сложной конфессиональной структурой (*Чуканов М.Ю.* К истории венгеро-румынских переговоров о будущем Трансильвании в ноябре 1918г. // Восточная Европа после «Версаля». С. 55).

[2] *Гришина Р.П.* Версаль и вопрос о меньшинствах в Болгарии // Восточная Европа после Версаля. С. 111–112.

inslav

ных разделов о правах наций стояли серьезные препятствия. В Уставе Лиги наций отсутствовали четкие международные правила определения самого исторического феномена национальных меньшинств, принципов их признания национальной общностью, обязательных для государства.

Важнейшим и болезненным способом наказания побежденных стало нарушение территориальной целостности, прежде всего, Австро-Венгрии и Германии, во имя создания новых независимых государств. Это сопрягалось с осознаваемой победителями задачей формирования из цепи государств-буферов кордона от большевизма. Утверждение в Версале «принципа национальностей» и суверенного их существования, перекройка границ и парад суверенитетов государств-наций создали проблему национальных меньшинств как элемента практической политики.

Изменение границ в пользу победителей и «малых» государств повлекло за собой не только увеличение численности европейских стран, но и появление ряда новых межгосударственных и межнациональных противоречий. Если представить себе карту до и послеверсальской Центральной и Восточной Европы, то налицо будет существование многочисленных мелких и крупных инонациональных «очагов» на приграничных территориях всех или почти всех как «старых», так и новых государств. Раньше или позже эти «очаги» превращались в конфликтогенные зоны, где сталкивались интересы разных внутренних и внешних сил, проявлялся и реваншизм «униженных и оскорбленных», и стремление обрести и утвердить самодостаточность новых государств, и борьба национальных меньшинств за свои права. Европа после Первой мировой войны постепенно, но по историческим меркам быстро, превращалась в Европу предвоенную.

С точки зрения интересующей нас проблемы межвоенный период — это время утверждения «молодыми» европейскими странами своей субъектности. Доказательством этого служат как внутренняя политика титульной нации, направленная на завершение процесса создания моногосударства и «поглощение» меньшинств, так и внешнее преломление, когда при выдвижении территориальных претензий к соседям на основании ряда, в основном исторических аргументов, все активней использовалась дипломатия в сочетании с военной силой.

Первый «пик» действия дипломатии в связке с силовым «аргументом» пришелся на рубеж 10–20-х годов XX в. Тогда в регионе непрерывно вспыхивали «большие» и «малые» конфликты и войны. Второй «пик» — это канун и начальный этап новой мировой войны, когда крупные «игроки» развернули реальную борьбу за передел европейского геопо-

inslav

литического пространства[1]. Одним из поводов для этого передела стали проблемы национальных меньшинств.

Среди российских историков при сохранении многообразия позиций и выводов обозначилась тенденция анализировать в одном историко-дипломатическом «пакете» два главные события — Мюнхенское соглашение четырех держав 1938 г. и советско-германский пакт о ненападении вкупе с Договором о дружбе и границе 1939 г.[2].

Нашей задачей не является обсуждение корректности такого «объединения», роли этих событий в разрушении Версальского мира или определение персональной ответственности тех, кто подписывал эти документы, за развязывание войны. Здесь среди историков имеются порой полярные суждения, но никто не оспаривает того, что «Мюнхен» и пакт 1939 г. легализовали на международной арене неспровоцированное разрушение территориальной целостности «слабых» стран с целью лишения их государственности. Результатом этого стало уничтожение субъектности титульных наций нередко по воле национальных меньшинств, проживавших, как правило, на спорных территориях со смешанным населением. Великие державы и претенденты на величие не спрашивали ни тех, ни других, реализуя свои национально-территориальные интересы. Причем, как геополитическое «оружие» использовался или сепаратизм национальных меньшинств или сам факт их существования в условиях инонациональной власти.

Недавно рассекреченные в России документы 1930-х годов, добытые тогда советской внешней разведкой[3], подтверждают обостренное внима-

---

[1] См. подр.: *Михутина И.В.* Польско-советская война 1919–1920 гг. М. 1994; *она же.* Украинский Брестский мир. М. 2007; *она же.* Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919–1920 гг. // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 159–186; *она же.* Западно-украинская народная республика // Славяноведение. 2006. № 6. С. 29–38; *Чуканов М.Ю.* Указ соч.; *Станков Н.Н.* Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии. 1918–1924 гг. Волгоград ,2007. С. 93–144; *Морозов С. В.* Чехословацко-польские отношения. 1933–1939 гг. М., 2005.

[2] См. напр.: Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941. М., 2000; *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина: Советский Союз и борьба за Европу, 1939–1941: Документы, факты, суждения. М., 2000; Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007; *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 2008; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. М., 2008; Международный кризис 1939 года в трактовке российских и польских историков. М., 2009 и др.

[3] Документы опубликованы как приложение в специальном выпуске Вестника МГИМО — Университет к 70-летию начала Второй мировой войны под названием: «Завтра может быть уже поздно…». М., 2009.

inslav

ние политиков разных стран к проблеме национальных меньшинств. Они свидетельствуют, что накануне войны выдвигались разные варианты их использования в качестве национального фактора, сдерживавшего, или, напротив, направлявшего и подпитывавшего агрессивные устремления.

Так, в середине сентября 1938 г. финские «наблюдатели» в Варшаве констатировали некоторую динамику к улучшению длительное время неустойчивых польско-чехословацких отношений из-за неудовлетворительного, по мнению Варшавы, положения польского меньшинства в Чехословакии. В связи с этим излагались суждения отдельных польских политиков о том, что «если бы венгерскому и польскому меньшинствам в Чехословакии дали присоединиться к своим государствам, то было бы лишь вопросом времени, когда между Чехословакией, Венгрией и Польшей состоится сближение в противовес Германии». Одновременно отмечались заметное ухудшение польско-германских отношений, рост неприязни польских властей к немецкому меньшинству в стране из-за «растущей военной мощи Германии», и опасения Варшавы, что «Германия вскоре может стать опасной для Польши», что после «получения Германией немецких областей Чехословакии настала бы очередь Польши»[1]. Такое предположение летом 1939 г. оправдалось в полной мере.

Из тех же финских источников в Москву поступала информация об обсуждении в европейских столицах накануне встречи в Мюнхене разных вариантов решения судьбы Чехословакии. Речь шла о распространении права самоопределения «на все действительные национальные меньшинства», о проведении плебисцита в Судетах, то есть о получении «решения народа — единственного средства спасения мира». Автор информации отмечал «возбуждение», наблюдавшееся в Югославии и Румынии, по соседству с которыми возрастала венгерская опасность. Из собранных сведений он делал вывод, что, несмотря на то, что вопрос о расчленении Чехословакии не был поставлен как общий, принципиальный, а поднят по требованию судетского меньшинства, поддержанного Германией, перед рядом «малых» государств со всей серьезностью встал вопрос их территориальной целостности, и «здесь сила означала больше, чем справедливость»[2].

Иронией судьбы называли финские дипломаты, работавшие в Риме, что «теперь ведущие „тоталитарные" государства (Германия и Италия. — *А.Н.*) выступают в роли защитников права наций и меньшинств на самоопределение», хотя «именно они не раз относились с высокомери-

[1] Там же С. 472–478.

[2] Там же. С. 480–482.

inslav

ем к этому праву». Был осознан субъективный и избирательный подход к провозглашенному в Версале праву наций на самоопределение и бесполезность Лиги Наций, призванной защищать это право: «Ныне те же державы сами выступают рыцарями этого принципа, хотя и только там, где сопротивление слабо и где собственные интересы говорят в пользу такой политики. На сей раз нет недостатка и в красивых лозунгах...возникает мысль, сколь большие услуги делу мира и международной справедливости могла бы уже и может еще оказать статья 19 устава Лиги Наций, если бы изложенный в ней принцип был развит в практически пригодное политически-юридическое руководство и если бы дух и существо его были применены с помощью возможно более компетентного и объективного органа»[1]. Таким образом, то, что казалось несущественным в 1918–1920 годах, теперь было понято и пересмотрено, но с опозданием.

Конкретная история кануна войны известна историкам и особенно та разрушительная роль, которую в руках Гитлера сыграли немецкие меньшинства при расчленении Чехословакии и разделе Польши. Недостаточно изучены проблемы других национальных меньшинств, добровольно или принудительно менявших свою государственную принадлежность в период кризиса. Например, украинского населения в Чехословакии и, особенно в Польше, где вследствие политики властей нарастал антагонизм между польским государством, поляками, с одной стороны, и украинцами-гражданами этого государства, — с другой, питая подъем украинского национально-освободительного движения в Польше.

20–30-е годы XX в. — это время создания Организации украинских националистов (ОУН), ее организационно-политического центра в Берлине, оформления идеологии и программных документов различных политических течений в этом движении. Польский ученый Р. Тожецкий еще в 1970–1990-е годы исследовал историю украинского движения, цели и ориентацию его лидеров. Он сделал вывод о превращении польских Восточной Галиции и Волыни не только в арену острого столкновения украинского и польского национализмов, но и в стартовую территорию борьбы радикального течения в ОУН за создание соборной Украины[2].

[1] Там же. С. 482–483.

[2] *Torzecki R.* Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej. Warszawa., 1993. S. 266. См.: *Он же.* Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy (1933–1945) Warszawa., 1972.

inslav

Оформление и подъем украинского движения за рубежом, как, впрочем, и всей антисоветской эмиграции, его локализация в соседней Польше не могли не рассматриваться в Москве как серьезная угроза для стабильности СССР и советской Украины, в особенности. В этой связи среди известных побудительных причин, которыми ученые объясняют действия И.В. Сталина летом 1939 г., на мой взгляд, не достает такого мотива как намерение нейтрализовать опасное влияние ОУН на подъем украинского сепаратизма в УССР путем включения в состав СССР тех территорий, где украинцы составляли значительную часть смешанного населения[1].

В пользу такого предположения «говорят» новые документы. Осенью-зимой 1938 г. Москва получала немало оперативных писем, агентурных данных из дипломатических кругов и сведений из печати некоторых стран, спецсообщений и прочей информации. Наркомы внутренних дел СССР Н.И Ежов и Л.П. Берия докладывали Сталину, как оправдавшиеся вскоре прогнозы, так и недостоверные версии. Из потока новостей следовало, что гитлеровское руководство имеет в своих планах такое решение украинского «вопроса», которое в первую очередь противоречит интересам СССР.

Документы свидетельствуют, что у Москвы были основания беспокоиться за целостность государства и прочность украинского отрезка советской границы, ибо накануне и после «Мюнхена» «украинский вопрос» занял весьма заметное место в дипломатических «сражениях» политиков разных стран вокруг населенных украинцами территорий, находившихся тогда в составе нескольких государств. Он обсуждался в столицах европейских стран «в связке» с итогами «Мюнхена» и замыслами Гитлера о нападении на СССР в 1939 г. Так, 17 октября 1938 г. дипмиссия Чехословакии в Риге известила Прагу о позиции МИД Латвии: «Необходимость нападения на Россию может явиться довольно скоро... Чехословацкая республика и, главным образом Прикарпатская Русь означают для Гитлера кристаллизационный центр будущей Украины». Что же касается Польши, то, по мнению Риги, «Гитлер лично заинтересован в Польском пакте...Польша еще понадобится ему при дальнейших планах на Востоке»[2].

В ситуационном рапорте финского дипломата в «свой» МИД на середину октября 1938 г. приводились жесткие оценки политиками Латвии соглашения в Мюнхене. Они говорили «о крахе идеи коллективной

[1] На подавление этой угрозы направлялась террористическая деятельность советских спецслужб за пределами страны, что выразилось, в частности, в убийстве одного из лидеров украинского движения Е. Коновальца.

[2] Там же. С. 495–496.

inslav

безопасности и политики Лиги наций», утверждали, что «с точки зрения малых государств Восточной и Северной Европы, Францию нельзя более принимать в расчет», поскольку «Франция опустилась до уровня второстепенного государства, „гарантии" и обещания которого ничего не значат». Столь же нелицеприятной была характеристика и позиции Великобритании: «Лишний раз стало яснее ясного, что восточноевропейские дела и сохранение статус-кво на восток от германских границ отнюдь не интересуют Англию настолько, чтобы от нее в случае нужды можно было ожидать какой бы то ни было действенной помощи... Англия, конечно, будет заботиться о сохранении мира, пока малых государств будет достаточно для раздела». В Латвии признавали, что «ошибка и несчастье Чехословакии состояли в том, что она слепо доверилась Франции и Англии и не постаралась вовремя добиться модус вивенди со своим великим и могучим соседом, ... что при первом же испытании ось Рим — Берлин оказалась решительно сильнее, чем ось Париж — Лондон, и Гитлер теперь управляет судьбой Средней Европы» [1].

Позднее, 3 декабря, Берия получил спецсообщение «Эстонские впечатления и отзывы о мюнхенской конференции четырех держав», где итальянским посланником в Эстонии констатировались как одобрение, так и настороженность стран Балтии в связи с «мюнхенскими» договоренностями: «Соглашение в Мюнхене приветствовалось также в балтийских странах с чувством действительного облегчения. Русское наступление в помощь Чехословакии не исключалось совершенно в случае конфликта. Оно могло повлечь проход советской армии через балтийские страны и опасность их окончательной военной оккупации, а вследствие этого потерю их независимости»[2].

Особую важность для Москвы представляла информация, раскрывавшая оценку итогов мюнхенского соглашения самим руководством Германии и его дальнейшие намерения. Такие сведения содержала выписка из оперативного письма от 17 декабря 1938 г., представленная Сталину. В документе сообщалось, что на совещании высшего политического руководства и военного командования Германии, состоявшемся вскоре после «Мюнхена», «Гитлер публично обрушился на Геринга и на представителей рейхсвера, которые в момент чешского кризиса призывали его к умеренности. Он заявил, что во всем были правы Риббентроп, Геббельс и Гиммлер и если бы он, Гитлер, их послушался полностью, то не пришлось бы отдавать части Чехословакии другим (Польше

[1] Там же. С. 484–488.

[2] Там же. С. 422–423.

inslav

и Венгрии. — *А.Н.*), оставлять Прикарпатскую Русь и ныне терять время для подготовки дальнейшего продвижения...». Далее сообщалось, что «систематическая пропаганда о слабости Красной армии делает свое дело. Рейхсвер поэтому мирится с подготавливаемой украинской авантюрой и рассчитывает на одновременное выступление Японии». Позиция германского генералитета была уточнена: «Сейчас нельзя уже сказать, что военные круги против интервенции на восток — против нас. Они считаются с реальной невозможностью остановить агрессивный пыл Гитлера и лиц, непосредственно на него влияющих. Из двух зол рейхсвер предпочитает, мол, выбрать меньшее. Менее опасно сейчас заняться украинской авантюрой, чем нападать на Францию, вызвать вмешательство Англии и, следовательно, европейскую войну» [1].

Материал, поступавший в НКВД СССР агентурными каналами в конце 1938 г. становился все тревожней. 21 декабря он был представлен в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, председателю совнаркома В.М. Молотову и наркому обороны К.Е. Ворошилову, поскольку касался германских планов захвата советской Украины и позиции Англии, Франции и Польши. По сведениям, которые передавал финский посланник в Варшаве 22 ноября в МИД Финляндии, Польша была обеспокоена нарастанием внимания Берлина к украинским меньшинствам: «В Варшаве считают, что Германия в своих собственных интересах хочет сохранить Закарпатскую Украину как автономное государство при Чехословакии. В польских кругах уверены, что ближайшей целью Германии в ее внешней политике является отторжение от СССР Украины и создание из нее самостоятельного государства. Для этого базой должна явиться Закарпатская Украина». Понятно, говорилось в документе, что Польше этот план не нравится, ибо в случае осуществления «станет весьма актуальным вопрос польских украинцев, которые недовольны своим положением и оппозиционно настроены к польскому правительству» [2].

Из современных научных исследований и документальных публикаций известно, как Варшава отреагировала на интерес Германии к национальным меньшинствам вообще (напомним аннексию Польшей чехословацкой части Тешинской Силезии[3]), и к украинскому меньшин-

[1] Там же. С. 420– 421.

[2] Там же. С. 460–461.

[3] См. подробнее: *Волокитина Т.В.* Польско-чехословацкий пограничный конфликт (1944–1947 гг.) // Вопросы истории 1998. № 6. С.118–128; *Badziak K., Matwiejew G., Samuś P.* «Powstanie» na Zaolziu. Polska akcja specjalna w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskiego. Warszawa,1997.

inslav

ству Чехословакии, в частности. В 1938 г. с помощью армии спешно проводилась «ревиндикация» или принудительное возвращение в католицизм православных украинцев Волыни и Подляшья, воцерковленных еще в XVIII в. Стремясь обезопасить южные рубежи страны, польское руководство подыгрывало реваншистским устремлениям Венгрии, развернув диверсии в Подкарпатской Руси (операция «Лом») [1]. Из новых документов мы узнаем, что и советская сторона в это же время изучала ситуацию и пыталась создать свою агентуру в украинском Подкарпатье[2].

Пройдет несколько военных лет и президент Чехословакии Э. Бенеш, находившийся в Лондоне, упорно добиваясь союзного договора с Москвой во имя послевоенной безопасности страны, в беседе с советским послом А. Н. Богомоловым в феврале 1942 г. предложит Закарпатскую Украину Советскому Союзу со словами: «Пусть СССР объединит всех украинцев», а он, Бенеш, не хочет «возиться с этим народом». Это произойдет в 1945 г. [3].

Итальянские источники, материалы которых поступали Сталину от Берии в течение декабря 1938 г., акцентировали нарастание германской угрозы для СССР на украинском направлении: «Гитлер и Риббентроп стоят за решительное ускорение интервенции против Советского Союза... итальянские умеренные тенденции в отношении Советского Союза не нашли отклика в Берлине. Гитлер в этом вопросе целиком солидаризируется с японцами. Из нынешней Чехословакии и Прикарпатской Украины он собирается сделать плацдарм похода против СССР. Растерянность и неподготовленность Франции и Англии Гитлер собирается использовать не для выступления против этих стран, а для выступления против СССР... В этих целях он, якобы, не остановится перед нарушением румынских границ, а случае нужды — и польских». И далее: в Германии «решительно подготавливают нападение на Советскую Украину весной будущего года, для чего в качестве основного плацдарма будет использована Прикарпатская Украина». Источник связывал с этим намерения Гитлера «произвести решительный нажим

[1] *Matwiejew G.* Akcja «rewindykacji» na Wołyniu w końcu lat 30-ch XX wieku // |Przegląd Wschodni. 1999. T. V. Z. 4. S. 679–700; *Samuś P., Matwiejew G., Badziak K.* Operacja «Łom». Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w świetle dokumentów Oddziału II Sztabu Głównego Wojska Polskigo. Warszawa., 1998. См. подр.: *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения в 1933–1939 гг. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004.

[2] «Завтра уже может быть поздно…» С. 595–597.

[3] Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д.363. Л. 19.

inslav

на Варшаву», потребовав от нее прекращения «двойной игры» [1]. Допустимо предположить учет Гитлером трудностей Варшавы со «своим» украинским населением.

2 декабря финский дипломат передавал из Лондона на родину: «Германское правительство теперь уже готовится к созданию самостоятельного украинского государства и к активной деятельности в отношении Советской Украины, которая (деятельность. — *А.Н.*), может быть, приведет к военным осложнениям между Германией и Советской Россией». От этого источника, ссылавшегося на слова Ю. Бека, Москва получила известия, касающиеся как намерений Польши, так и планов Германии: «Внешняя политика Польши имеет своей целью оказать сопротивление стремлениям Германии и препятствовать организации самостоятельного украинского государства... ввиду недружелюбной политики полковника Бека... планы Германии в отношении Советской России будут осуществлены ... за счет Польши». Источник констатировал: «Варшавское Министерство иностранных дел добивается раздела Закарпатской Украины и установления общей польско-венгерской границы»[2].

В донесениях, которые поступили в Москву агентурными каналами на рубеже 1938–1939 гг., неоднократно указывалось, что в Германии «подготавливается осуществление планов в отношении Советской Украины». Так, в японских кругах высказывались предположения, что «ближайшей целью Германии является создание самостоятельного государства из Советской Украины». В начале января 1939 г. из Франции доносили, что в декабре 1938 г. И. Риббентроп, посетив Париж, будто бы добился от Ж. Бонне «одобрения плана, предоставляющего Германии свободу действий в отношении Украины» в обмен на сохранение Эльзаса и Лотарингии за Францией[3].

Финский автор перехваченного советской разведкой сообщения из Парижа писал: «Германо-советские отношения обостряются. Германия с целью интервенции будет провоцировать беспорядки на Украине до тех пор, пока они не дадут повода для интервенции». И далее: « Советский вопрос стоит на первом плане во внешней политике Германии. Германская интервенция против СССР должна начаться в 1939 г.» . Не менее важным для Москвы было сообщение финского посланника из Лондона, где со слов члена английского правительства излагалась подтвердив-

[1] «Завтра уже может быть поздно…». С. 427– 428.

[2] Там же. С. 498.

[3] Там же. С. 461–462, 542.

inslav

шаяся в 1941 г. позиция западных держав: Англия и Франция «не будут препятствовать германской экспансии на восток... пока не возникнет большой конфликт между Германией и СССР» [1].

Суждения о том, что Гитлер «теперь уже готовится к созданию независимого украинского государства и к активной деятельности в отношении Советской Украины», приходили в Москву в конце 1938 г. из среды английских политиков и американских журналистов в Лондоне. Ссылаясь на мнение английского МИД, финский дипломат доносил в Хельсинки, что в Лондоне «резкое выступление» против Англии и Франции считают «как будто возможным, хотя и не вероятным», и что «английское правительство не обидится, если руководители Германии и в самом деле направят свое внимание на возможности, открывающиеся перед ними в Советской России» [2].

Итак, документы показывают, что в информации, поступавшей советскому руководству на рубеже 1938–1939 гг. постоянно фигурировали советская Украина и украинские меньшинства в Польше, Чехословакии и Венгрии. Вне зависимости от того, была ли такая информация в ту пору пропагандистским прикрытием подлинных намерений Германии, или имела под собой уже реальные основания, советское руководство не могло исключать того, что украинское население разных стран может быть использовано в качестве предлога для вовлечения СССР в новый международный конфликт, и было обязано воспринимать сигналы нарастания опасности на украинском направлении.

Конфликт в Европе стал развиваться в 1939 г. по несколько иному сценарию, но в Москве, видимо, думали о противоядии намерениям Гитлера и замыслам украинских националистов оторвать советскую Украину от СССР. Поэтому имеет смысл рассматривать пакт Сталина с Гитлером как возможность по-своему решить украинский вопрос. Не случайно объектом советских претензий стала Восточная Галиция, которая ранее не входила в состав Российской империи. Тем самым, летом 1939 г., Сталин, стремясь обезопасить советские границы и попирая во имя этого целостность территории суверенного государства, объединял в рамках советской государственности почти все территории, населенные преимущественно украинцами. Одновременно вставала проблема польского меньшинства в СССР, но подавление польского сопротивления, как и украинского национального движения, становились для НКВД делом «техники» и времени.

[1] Там же. С. 461–462.

[2] Там же. С. 498–499.

inslav

Следствием соглашения между Германией, Италией, Великобританией и Францией в Мюнхене в сентябре 1938 г., античехословацких действий Германии весной 1939 г. и затем советско-германских договоренностей в августе-сентябре 1939 г. стало совершенное силой решительное изменение геополитической карты Европы. Но вместо обещанного умиротворения национальных отношений, снижения уровня межнациональных противоречий в регионе, включая их национально-конфессиональный контекст, Европа вступила в новую войну, когда речь шла уже не только о правах меньшинств, но и о физическом выживании многих «расово неполноценных» титульных наций.

О. Л. Рябченко
(Харьков)

«Мысли эмигрантского студенчества тянутся к Золотой Праге»: дороги и бездорожья украинских студентов в послевоенной Европе (1920-е годы)

События 1914–1920-х годов не оставили безучастными и пассивными большинство граждан, в душах которых, по словам одного из современников, «боролся массовый обыватель с совестью». В политических реалиях того времени человеческое сознание безустанно пыталось осмыслить происходившее вокруг. Одни активно отстаивали свои идеалы, другие навсегда оставляли родину или занимали выжидательные позиции в надежде на стабилизацию ситуации. Многие студенты украинских вузов были призваны в армию в годы Первой мировой войны, например, студенты Харькова были объединены в специально созданный студенческий отряд имени проф. П.И. Шатилова и в 1917 г. отправлены на Турецкий фронт[1].

Большинство молодых людей в последующий период революций и Гражданской войны не смогло спокойно продолжать занятия и, следуя зову совести, без колебаний покинуло уютные стены своей альма-матер и, рискуя собственной жизнью, отстаивало интересы тех политических сил, которым симпатизировало. Разные правительства по-разному воспринимались студентами. Установление советской власти во многих

[1] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 166. Оп. 3. Спр. 494. Арк. 25.

inslav

вузах считалось попыткой узурпации власти[1], украинская Центральная рада, как и последующие правительства, пользовалась большей поддержкой среди студенчества Надднепрянщины. Студенты Украинского университета в Киеве, например, «постановили выступить активно против советских войск, а всех студентов, не выступивших активно, подвергнуть товарищескому бойкоту»[2]. В 1920 г. в Киеве, вместо 18–20 тыс. осталось только 4–5 тыс. студентов, которым в нестабильной обстановке того времени также часто бывало не до посещения занятий[3]. В вузах юго-восточного региона Украины преимущественно поддерживались сражавшиеся за «единую и неделимую», поэтому лозунг Деникина: «Пускай учится тот, у кого нет родины!» — воспринимался многими очень серьезно, и на студенческой скамье осталось незначительное количество молодежи. Например, в осеннем семестре 1919 г. профессорам Харьковского университета приходилось читать лекции практически в пустых аудиториях, так как большинство студентов находилось в Добровольческой армии[4], еще какая-то часть — в Красной и армии УНР[5]. Установить численность воевавших в разных армиях или отстаивавших идеи национального возрождения Украины студентов практически невозможно, но все же имеющиеся в нашем распоряжении документы освещают позиции непосредственных участников событий 1917–1921 гг., и позволяют на конкретных примерах очертить основные контуры их «дорог и бездорожий» в последующие годы.

Большинство воевавших в Белой и армии УНР студентов в начале 1920-х годов оказалось в эмиграции, где их основной целью стало завершение прерванного образования. В Европе было четыре зоны, где концентрировались украинские студенты: Балтийская, Австрийская, Чешская и Немецко-польско-балканская[6]. Но самые приемлемые условия были созданы в Чехословакии, куда и устремились «мысли эмигрантского студенчества». Эта страна стала значительным центром как украинской, так

[1] Харківський національний університет імені В.Н.Каразіна за 200 років. Харків, 2004. С. 281.

[2] Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-2306. Оп. 18. Д. 141. Л. 5.

[3] ЦГАВО Украины . Ф.166. Оп.1. Д. 152. Л. 118.

[4] Харківський національний університет імені В.Н.Каразіна за 200 років. С. 291.

[5] УНР –Украинская народная республика возникла в 1918 г. с центром в Киеве.

[6] *Дуднік О.Я.* Студентство як основна складова української політичної еміграції у 20-ті рр. XX ст.// Наук. Записки Вінницького держ. пед. університету ім. М.Коцюбинського. Вінниця, 2002. Серія: історія. Вип. 4. С. 105.

inslav

и российской эмиграции. Относительно количества студентов исследователи приводят разные цифры: по мнению А. Дудника, в академических центрах Европы в межвоенный период находились около 6,5 тыс. организованных украинских студентов, половина из них — в ЧСР[1].

Часть эмиграции была и национальной, и политической по своему характеру. Большевистский режим на Украине не соответствовал их взглядам. По своему духу они были сродни российским студентам-эмигрантам, декларировавшим, что «не вернутся в Россию, пока там при власти будут коммунисты». Студенты украинских вузов, воевавшие в армии УНР — «люди проверенные, но обессиленные», 6 января 1923 г. создали в Праге Громаду (союз. — *ред.*) студентов — эмигрантов из Большой Украины в ЧСР. Всего в ее составе было 210 студентов, председателем Совета Громады был избран К. Осауленко[2]. Студентов украинских вузов, воевавших в составе Белой армии, можно было встретить среди российской эмиграции, много их числилось в составе «Союза галлиполийцев», промонархистская и антибольшевистская идеология которых объединяла бывших офицеров и отделяла их от другой части эмигрантов.

Современники отмечали, что экономическое положение студенчества было сравнительно хорошим, «если и бывают упреки, то они не оправданы, потому что всегда большинство украинских студентов, в довоенные времена, у себя в Киеве или Харькове, обучалось в намного худших материальных условиях»[3]. Это отмечали и сами учащиеся: «Из всей украинской эмиграции мы, попавшие в Чехословакию, находимся в самых благоприятных условиях, наше существование нельзя даже сравнивать с тем, как бедствуют наши братья в других государствах Европы»[4].

Письма о помощи в Прагу, в Громаду украинских студентов-эмигрантов, приходили из разных стран. Одни писали в надежде получить материальную помощь, как, например, студент Данцигского политехнического института П. Пидгаец, единственный выходец из Наддне-прянской Украины в Данцигской студенческой колонии[5]. В своем пись-

---

[1] *Дуднік О.* Суспільно-політичне життя та громадянська позиція українських студентів-еміграптів у Чехословаччині в міжвоєнний період // Проблеми слов'янознавства. 2003. Вип. 53. С. 242.

[2] Центральный государственный архив общественных организаций Украины (дальше — ЦГАОО Украины). Ф. 269. Оп. 1. Д. 269. Л. 64.

[3] Там же. Д. 685. Л. 21.

[4] Там же. Д. 869. Л. 194.

[5] Там же. Д. 871. Л. 3, 184.

inslav

ме он нарисовал картину страшной нищеты, в которой он находился все три года обучения. Некоторых студентов Люблянского университета не устраивало отсутствие национально-культурной жизни, украинской профессуры в этом университете. В своих письмах они жаловались, что украинское студенчество из Надднепрянщины в Югославии, не получая необходимых знаний, «забитое, униженное, загнаннное в подполье, смотрит на Прагу, как на возрождение своей культурно-национальной жизни»[1].

К середине 1920-х гг. в Чехословакию перекочевали легально и нелегально практически все украинские студенты из Польши, в которой с начала 1923 г. условия жизни стали просто невыносимыми, и многим пришлось оставить учебу[2]. Например, в Варшаве из 72 студентов осталось только 44, которые ни за что не хотели прекращать занятия из-за материальных трудностей[3]. Понимая всю тяжесть положения украинских студентов в Польше, переехавшие в Чехословакию и попавшие в лучшие условия украинцы не забыли о своих земляках и ежемесячно пересылали им помощь. При Громаде украинских студентов-эмигрантов был создан Комитет временной помощи академическим громадам в Польше. Президиум комитета подготовил специальное обращение к студентам: «Уважаемые товарищи! Тяжелые времена переживает человек, когда он на чужбине и нет у него никаких материальных средств к жизни; еще хуже, когда он — эмигрант и вокруг него все чужие, а еще тяжелее, когда голодный, холодный, не одетый, не обутый, а стремится к науке, к школе, которую уже давно оставил. Кто из вас, дорогие товарищи, этого не чувствовал, кто в последние годы свои не переживал? В таких условиях тяжелых оказались наши дорогие товарищи, которые сейчас учатся в высших школах Польши. Практически все они из лагерей, а кому не известно, что за уютное, теплое место — лагеря польские! Условия тяжелые, и студенчество наше бедствует. Наше задание, потому что нам судьба немного облегчила нашу одиссею с материальной стороны, чтобы помочь им, чтобы они закончили этот летний семестр текущего академического года — всего четыре месяца.

---

[1] Там же. Д. 869. Л. 131. На самом деле Королевство СХС оказывало огромную помощь выходцам из России, но при этом все они считались «русскими», и никаких отличий между украинцами и русскими (как в ЧСР) не делалось (— *прим. ред.*).

[2] *Рябченко О.Л.* «…А ви у сусідів шукаєте долі». Українські студенти-емігранти з Наддніпрянщини у Польщі (перша половина 1920-х років) // Науковий вісник Ужгородського університету. 2009. Серія: Історія. Вип. 23. С. 125–135.

[3] ЦГАОО Украины. Ф. 269. Оп. 1. Д. 872. Л. 88.

inslav

Кто имеет любовь в сердце, помнит еще, как ему эмигранту приходилось тяжело жить, так не забывайте своих товарищей, которым еще и сейчас приходится жить в таких условиях, о которых вы уже начали забывать. Дайте ежемесячно 5 крон в фонд помощи с марта по июль текущего года нашим товарищам академических громад в Польше»[1].

Для украинских студентов в Польше добровольное пожертвование товарищей по несчастью было очень ценным. Благодаря этой помощи был образован фонд стипендий, ссуд и поддержки, из которых выделялись деньги на оплату образования, экзаменов, на помощь больным студентам и т.д. Несмотря на то, что эта сумма могла удовлетворить только 3,5 % потребностей, она все же давала возможность молодежи продолжить учебу и сдать экзамены до получения разрешения на выезд в Чехословакию[2].

Руководство Союза украинских студентов-эмигрантов в Польше ежегодно подавало анкеты и списки студентов, изъявивших желание учиться в ЧСР, в Громаду студентов-эмигрантов из Большой Украины в Праге. Например, 27 июня 1923 г. был отправлен список и анкеты 26 студентов[3].

Представители дипломатической и военной миссий неоднократно указывали на то, что желающие получить высшее образование в Чехословакии часто убегали туда без необходимых документов, надеясь на помощь Громады студентов-эмигрантов с Большой Украины. Поэтому правительство этой страны с начала 1923 г. начало вводить строгие правила против тех эмигрантов, которые прибывали на чехословацкую территорию нелегально. В частности, им запретили выдавать здесь документы на право пребывания в стране и лишали материальной поддержки[4]. Но это обстоятельство не останавливало молодежь, что иногда приводило к трагическим последствиям. Так, например, не получив разрешения на выезд, доведенный до отчаяния нищенской жизнью в Валоминском интернате и обессиленный «вынужденной диетой», весной 1924 г. нелегально убегает в Чехословакию заместитель председателя Союза украинских студентов-эмигрантов в Польше М. Тернопильский[5]. Судьба ему не очень-то улыбалась: Киевский университет не дала окончить Первая

[1] Там же. Д. 872. Л. 107.

[2] *Шишацький М.* Економічний екскурс по Варшавській Громаді // На чужині (Варшава). 1924. Ч. 1. С. 14.

[3] ЦГАОО Украины. Ф. 269. Оп. 1. Д. 878. Л. 1–29.

[4] Умови переїзду до Чехословаччини // Трибуна України (Варшава). 1923. Ч. 5–7. С. 182.

[5] Д–ль. Микола Тернопільський // На чужині (Варшава). 1924. Ч. 2. С. 2–3.

inslav

мировая война, потом революция. Варшавский университет, студентом которого Николай стал после выхода из лагеря в 1923 г., — материальная необеспеченность. Необходимость «ежедневно бороться за право и возможность жить» обессиливала студента, подорвала и без того слабое здоровье. Пятого мая 1924 г. М. Тернопильский умер, так и не получив высшего образования. Его судьба была типичной для многих молодых людей, которых война и революция застали на студенческой скамье и которые без сомнения оставили ее, чтобы бороться за идею.

Попытки нелегально перебраться в Чехословакию делали и студенты из советской Украины, убегавшие от преследований большевистского режима. Им приходилось пересечь не одну границу на своем пути к свободе: чаще всего убегали через Румынию и Польшу. В Польше, если студент попадался в руки полиции, его арестовывали и отправляли назад на верную погибель. Так, например, пытались поступить с Г. Клименком, бывшим студентом Киевского политехнического института, которого на родине преследовали и арестовали большевики, но он смог скрыться в Польше. Там его опять арестовали, но выслать назад не успели — Г. Клименку удалось бежать в Чехословакию в ноябре 1923 г., где он и обратился в Совет Союза студентов — эмигрантов из Большой Украины с просьбой принять его в эту организацию[1]. Так же поступил и Ф. Антонович-Лещинский, который в период с 1918 по 1921 г. был казаком в украинской армии, а затем попытался окончить обучение, начатое в 1918 г. на физико-математическом факультете Киевского университета Святого Владимира (в советские времена реорганизованного в Киевский институт народного образования), но вынужден был нелегально перебраться в Польшу, а позднее в 1923 г. также нелегально покинуть Польшу, спасаясь от преследований полиции[2].

Но не всем выпадало счастье избежать или преодолеть тюремные застенки. Так, например, студента Каменецкого сельскохозяйственного иститута Й. Черного, который в 1922 г. попытался нелегально через Польшу добраться до Праги с надеждой учиться в университете, «поляки поймали во Львове и вернули в Советскую Россию», где он, просидев два месяца в ГПУ, был «возвращен для продолжения образования»[3]. Но это совсем не значит, что его «грехи» были забыты, поскольку уже в следующем году Й. Черный был исключен из института. О дальнейшей его судьбе также несложно догадаться.

---

[1] ЦГАОО Украины. Ф. 269. Оп. 1. Д. 870. Л. 126.

[2] Там же. Л. 42.

[3] ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 5. Д. 604. Л. 109.

inslav

После введения новой экономической политики, вхождения Наддне-прянщины в состав СССР и провозглашения курса на украинизацию в эмиграции активизировали свою деятельность разные агенты советского правительства и коммунистические агитаторы. Советское правительство предпринимало разнообразные меры для раскола эмиграции. Например, в лагеря интернированных приходило много писем от казаков, которые возвратились на Украину после провозглашенной большевиками амнистии. В этих письмах рассказывалось о прекрасной жизни на родине и ни слова не было о голоде, терроре, бедствиях населения. Когда начали сравнивать эти письма, то оказалось, что все они были написаны по одному шаблону[1]. Журнал «Трибуна Украины» предупреждал эмигрантов об этой провокации и приводил в пример строки из письма, полученного из Полтавы, автор которого советовал ни в коем случае не возвращаться на Украину: «Пока что каждому из политических эмигрантов, которые возвращаются к большевикам, угрожает, если и не террор, заключение в концентрационные лагеря, чека, то ужасные условия жизни „на свободе”»[2].

В Берлине, как отмечал Оттон Христианович Ауссен в донесении в Наркомпрос УССР 16 июля 1924 г., удалось объединить существующие отдельно организации украинских, российских, закавказских, татарских и туркестанских студентов в один Союз студентов из СССР. Интересна характеристика, данная этим студентам: «Публика очень разношерстная. Явно разложившаяся эмигрантщина, однако далеко еще не определившаяся. Русские студенты, главным образом сменовеховского толку, сыновья эмигрантов, отставшие от беспочвенных родителей и льнущие к СССР за неимением ничего им более подходящего. Закавказские и туркестанские студенты — это стипендиаты меньшевистских эсеровских правительств, только теперь в последнее время лишившиеся своих стипендий за истощениеем эмигранстких касс. Татары не ясны. Прямо же жуткое впечатление голодным блеском лихорадочных глаз производят украинские студенты. Все сплошь отчаянная беднота. Эту особенность украинского студенчества в Берлине, резко отличающую его от других, я определенно подчеркиваю. Подчеркиваю также и несомненную лояльность их по отношению к Советской России. И желание ехать на Украину, если бы деньги были на проезд. (В последнее время они просили у меня хоть 60 долларов, чтобы проехать во Францию на работу. К сожалению, я и этого им дать не могу)[3].

[1] Провокаторські листи // Трибуна України. 1923. Ч. 2–3. С. 116.

[2] Там же. С. 117.

[3] ЦГАВО Украины.Ф. 16. Оп. 1. Д. 148. Л. 102.

inslav

В целом же, констатировал О.Х. Ауссен, «разложение украинского эмигрантского студенчества вполне удалось и закончено. Упорно контреволюционные элементы отшиблены и большей частью перекочевали в Париж и Прагу. Большая часть принявших Советскую власть уже взяло себе гражданство СССР и вернулось на Украину. Осталась небольшая кучка (человек 12–15) глубоких пролетариев, мечты которых как нибуть добыть денег для возврата на Украину»[1].

В Чехословакии советским представителям работать было труднее, для начала они попытались привлечь на свою сторону группу студентов — коммунистов и немногих профессоров. «Пока удалось привлечь медиков Сусака, Дидунека, ботаника Просакевича. Это всё тот тип заграничного коммуниста, у которого где-то далеко в мозгу сохранились желто-блакитные клеточки. Намечены, но ещё не втянуты химик Горбачевский и географ Рудницкий», — сообщал О.Х. Ауссен, которого специально для этой работы перебросили из Берлина[2]. Для «приобретения почвы под ногами» он предлагал украинским профессорам-эмигрантам писать для чешских, немецких и в будущем для французских журналов рецензии на выходящие на Украине книги. Кроме того, издавать на родине книги тех авторов, которые не могут найти издателя, например, «Географию Украины» проф. Рудницкого»[3].

С октября 1923 г. в ЧСР создавались специальные организации, например, Союз студентов — граждан УССР, члены которых не только в публичных выступлениях опровергали «всяческую клевету» на советскую власть, рассказывали об успехах советских республик, но и устанавливали связи с пролетарским студенчеством Харькова, распространяли советскую прессу[4]. Симпатизировавшие СССР эмигранты, и сменовеховцы, и коммунисты, прекрасно понимали, что советская пресса не дает объективной картины жизни на родине. Например, студенческий юмористический журнал «Вихоть» с иронией писал, что газету «Вісти» по предложению О. Вишни переименовали в «Свісти» из-за того, что «хор ее корреспондентов потерял голос от рьяного пения о „комммунистическом благополучии”»[5]. Поэтому Совнаркому предлагалось ассигновать средства на издание журнала, указывая, что наполовину издание себя окупит.

[1] Там же. Л. 103.

[2] Там же. Д. 155. Л. 123.

[3] Там же. Л. 120.

[4] ЦГАВО Украины.Ф. 16. Оп. 1. Д. 155. Л. 126.

[5] ЦГАОО Украины. Ф. 269. Оп. 1. Д. 688. Л. 91.

inslav

Расчитывая, что это им зачтется советской властью по возвращении домой, некоторые студенты в эмиграции поддерживали деятельность просоветских организаций. Коммунистическим агитаторам, пожелавшим вернуться на Родину и поступить в вузы, как свидетельствуют анкеты таких студентов, за их «революционные заслуги» предлагалось не только содействовать поступлению, но и безотлагательно предоставлять жилье и стипендию[1]. Поэтому ректоры украинских вузов неоднократно получали приказы такого содержания, как, например, ректор Одесского института народного образования в сентябре 1925 г. от заместителя Наркома образования Украины Я.П. Ряппо: «Ректору ИНО лично секретно. Управление Упрофобра НКО УССР командирует для поступленя на основной курс ИНО тов. Щерева Ивана Николовича и предлагает принять во внимание во время приема следующее:

1. Не устанавливать требований, указанных в правилах для поступлення в вузы УССР в 1925/26 г. № 4 п.п. а.б.в.е.

2. Во время вступительных экзаменов принять во внимание то, что этот товарищ учился за пределами СССР, потому ему необходимо в отдельных случаях сделать послабления во время поступлення с тем, чтобы он смог сдать экзамены на протяжении 1 триместра, приняв его условно.

3. Обязательно зачислить тов. Щерева после приема на государственную стипендию. Зав. профобром Ряппо»[2].

Интересно, что вся эта хорошо организованная советская агентура не имела даже своего помещения для работы. О.Х. Ауссен сообщал, что торговое и дипломатическое представительства не могут выделить ни одной комнаты для этой цели. «Приютился пока в заброшенном, невероятно грязном и совершенно не обставленном общежитии советском, в котором не то что профессора чешского, а самого захудалого учителя чешского принять нельзя — все уважение к советской власти сразу же потеряет (с этой их психологией считаться приходиться). Поэтому пока ограничиваюсь сношениями с украинскими кругами»[3].

Эмигрантская пресса называла действия просоветских организаций «сознательной акцией для разложения студенческой массы» и призывала не поддаваться «сладким словам идейного оружия в опытных руках»[4].

---

[1] Государственный архив Одесской области (ГАОО). Ф. Р-1593. Оп. 1. Д. 506. Л. 4,11,73.

[2] Там же. Л. 3.

[3] ЦГАВО Украины. Ф.16. Оп.1. Д. 155 Л. 123.

[4] ЦГАОО Украины. Ф. 269. Оп.1. Д. 685. Л. 9.

inslav

Но все же деятельность коммунистических агитаторов и организаций способствовала появлению симпатий к советскому правительству Украины, отмечалось, что у части студентов появилось «искреннее желание понять психологию советского общества ... почти восторженное отношение к пролетарскому государству и желание приобщиться к нему»[1]. Некоторые студенты поверили агитаторам и мечтали вернуться на родину. Об этом свидетельствует, например, автобиография Александра Шатилова — сына известного в Харькове профессора П.И. Шатилова. А. П. Шатилов был студентом Харьковского университета, незадолго до занятия города красными уехал в Крым, где в конце января 1919 г. был мобилизирован в армию Деникина[2]. Принимал участие в боях на Крымском фронте и 30 октября 1920 г. на пароходе «Владимир» в составе армии Врангеля эмигрировал в Турцию, сначала в Константинополь, а потом на полуостров Галлиполи. В составе этой же армии эвакуировался и его родной брат Дмитрий[3]. До 1921 г. Аллександр служил фельдшером в инженерном полку, а в сентябре того же года, как и многие другие студенты, воспользовался предложением чехословацкого правительства и президента Томаша Гарриг Масарика и поехал продолжать образование на медицинском факультете Карлова университета в Праге. Его брат Дмитрий после окончания гимназии поступил на физико-математический факультет Белградского университета. На Украину он в отличие от своего старшего брата больше не вернулся.

Александр же стал одной из жертв работы красных эмиссаров в Чехословакии. Позже он писал: «Пока я считал, что вернуться домой невозможно, что это будет верная погибель, я сидел за границей и спокойно учился. Но когда узнал от знакомого Астермана М.А. (Михаил Абрамович Астерман был сотрудником Наркомпроса Украины.– *О. Р.*), что можно вернуться в Харьков, я потерял покой и стал рваться в Харьков, где у меня остались мать, брат (Николай. — *О. Р.*) и сестра (Анна. — *О. Р.*)»[4].

---

[1] ЦГАВО Украины.Ф.16. Оп.1. Д. 148. Л. 155.

[2] *Рябченко О.Л.* На роздоріжжях долі: від офіцера Добровольчої армії до студента радянського ВНЗ (спроби інтеграції Олександра Шатілова в радянське суспільство у 1920-ті роки) // Вісник Харк. нац. ун-ту ім. В.Н.Каразіна. 2009. № 852: Історія. Вип.41. С. 326–338.

[3] Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. Р. 6452. Оп. 5. Д. 825. Л. 5–7.

[4] Там же. Л. 7.

inslav

А.П. Шатилов подал заявление в советскую миссию и в марте 1923 г. получил разрешение на возвращение домой. Что его ждало на родине? Он мечтал окончить образование. Но как оказалось, путь в высшее учебное заведение ему, как бывшему офицеру Белой армии, который к тому же участвовал в боях против красных, был закрыт. Преградой для поступления в вуз было и дворянское происхождение. Но поскольку отец его был известным врачом, мать Александра — Мария Васильевна Шатилова, ходатайствовала в ГПУ о пересмотре его дела и о разрешении поступить в Харьковский медицинский институт, в результате чего он был зачислен на третий курс[1].

В дальнейшем его судьба сложилась трагически — сыну известного профессора, чье имя носила первая на Украине студенческая больница, не нашлось места ни в советском вузе, ни в новой жизни[2].

Многочисленные рассказы, опубликованные письма реэмигрантов свидетельствуют о том, что на Украине случай А.П. Шатилова был отнюдь не уникальным. Те, кому удавалось бежать из страны второй раз, говорили о том, что в лучшем случае реэмигранты были обречены на «моральную смерть»[3]. Поэтому студенты из Надднепрянщины, даже те, которые не были политэмигрантами, отказывались возвращаться домой после окончания учебных заведений.

Как отмечают исследователи, со второй половины 1920-х годов. Советский Союз с пропагандистской целью начал отдавать предпочтение при возвращении на родину видным политическим фигурам[4]. Но люди, получившие право вернуться, встречались в советских миссиях с трудностями морального порядка, унижавших достоинство человека.

Таким образом, после окончания национально-освободительной борьбы многие студенты украинских вузов оказались за пределами родины, где они столкнулись с тяжелыми материальными и психологическими проблемами. Самые приемлемые условия в 1920-е годы были созданы в Чехословакии, куда и пытались попасть многие молодые люди из разных стран в надежде получить помощь и окончить прерванное образование. В это же время среди эмигрантов активизировалась деятельность ком-

[1] Там же. Л. 25.

[2] Подробнее о его жизни см.: *Рябченко О.Л.* На роздоріжжях долі… С. 335–338.

[3] *Дуднік О.* Еміграія та реемігрaція українського студентства (1920-ті роки) // Український історичний збірник. Київ., 2002. С. 290.

[4] *Трощинський В.* Міжвоєннаукраїнська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. Київ, 1994. С. 43.

inslav

мунистических агитаторов и ряда просоветских организаций, которую поддерживали эмигранты, расчитывавшие, что это им зачтется при возвращении домой. Эта пропаганда, действенность которой усиливалась страшной нуждой большинства студентов, способствовала идейной разобщенности и разложению украинского эмигрантского студенчества в большинстве стран. Однако возвращение на родину, как показал опыт многих реэмигрантов, грозило опасностью потерять не только свободу, но и жизнь. Этот опыт стал предостережением для тех, кто еще верил в прощение «грехов» советской властью.

А. Н. Канарская
(Москва)

Поляки-коммунисты в СССР: судьба людей и партии (20–40-е годы XX в.)

Результаты Первой мировой войны, распад четырех империй и социально-экономические потрясения, сопутствовавшие геополитическим катаклизмам, привели к широкому распространению в Центральной и Юго-Восточной Европе на рубеже 1910-1920-х годов крайне-правой и крайне-левой идеологии. Одной из носительниц последней стала Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП)[1], созданная в декабре 1918 г. Однако уже в первой половине следующего года организация перешла на нелегальное положение. Результатом массовых репрессий, обрушившихся на политическую оппозицию в Польше, стал исход польских коммунистов за границу — в Бельгию, Германию, Францию и Советскую Россию.

Формирование польской коммунистической эмиграции в Советском Союзе заняло несколько десятилетий. Условной датой ее возникновения можно считать февраль 1919 г., когда, по свидетельству С.С. Дзержинской[2], из Берна в Москву прибыла первая группа польских политэми-

[1] В 1925 г. КРПП переименована в Коммунистическую партию Польши (КПП).

[2] Дзержинская Софья Сигизмундовна (урожд. Мушкат) (1882–1968) — жена Ф.Э Дзержинского, функционер СДКПиЛ, КПП, РКП(б), сотрудница аппарата ИККИ.

inslav

грантов[1]. В последующие десятилетия пополнение «диаспоры» проходило на регулярной основе, в результате чего ее численность неуклонно возрастала.

Одними из первых в Москву прибыли высокопоставленные функционеры КРПП для участия в работе Коминтерна и его родственных организаций: Международной организации помощи революционерам (МОПР), Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна), Коммунистического интернационала молодежи (КИМ) и пр.

Основной причиной переезда в СССР активистов и рядовых партийцев являлась репрессивная политика польских властей в отношении коммунистов. «За принадлежность к КПП и коммунистическую деятельность» сотни ее членов находились в розыске. Однако, в отличие от партийной элиты, представители среднего и низшего партийных звеньев не могли годами скрываться от преследования дефензивы[2] в Центральной Европе, поскольку средства для проживания в Швейцарии, Франции, Австрии и др. странах, предусматривались для партруководства и их семей. Поэтому для большинства рядовых членов КПП «выезд» в Москву был единственно приемлемым вариантом.

В начале 1920-х годов при Коминтерне действовала сеть международных коммунистических университетов и национальных партшкол, в которых готовили кадры для иностранных компартий, повышая их теоретический и практический уровни. Так называемые «польские кадры» — поляки, евреи, полонизированные украинцы и белорусы из КПП, Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ), Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ), а так же РКП(б) — составляли наиболее многочисленные группы в советских партийных и военных учебных заведениях. Руководство этих партий ежегодно направляло на учебу в Москву своих лучших молодых активистов. Так, только в одной Международной ленинской школе (МЛШ), готовившей партфункционеров «высшего звена», с 1926 г. по 1934 г. обучались 197 студентов, из которых в Союзе осталось 62, что составляло ≈ 31,5 % руководящей смены КПП[3]. Назад, на работу в Польшу, возвращалась лишь часть выпускников, оставшиеся же пополняли ряды политэмигрантов.

---

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 65а. Д. 99. Л. 4–6.

[2] Дефензива (defenzywa) – польская политическая полиция, существовавшая с 1918–1939 гг. Ее приоритетной задачей являлась борьба с проникновением в Польшу коммунистического влияния.

[3] РГАСПИ. Ф. 531. Оп. 1. Д. 55. Л. 28, 36.

inslav

Росту польской колонии способствовала и распространенная в Коминтерне практика воссоединения семьи. По личным просьбам партийных функционеров, в основном, высокопоставленных, но не только, в Советский Союз могли приезжать их близкие родственники. В Москву перебирались целыми семьями, включая родителей и прочих родственников. Наиболее распространенным способом въезда в СССР была нелегальная «переброска» через «зеленую границу»[1]. Однако существовали и менее рискованные пути, например, через советские полпредства, торгпредства, миссии, Красный Крест и иные официальные учреждения.

Рекомендации на въезд в СССР, лицам пожелавшим эмигрировать, выдавались польскими отделами МОПРа, совместно с ЦК КПП[2], а организацией переезда и их дальнейшим обустройством в стране (получение вида на жительство и паспортов, трудоустройство, расселение и т.д.) занимался Отдел международной связи (ОМС).

На положительное решение вопроса об эмиграции того или иного лица в СССР большое влияние оказывало его членство в партии или, по меньшей мере, заявление о желании вступить в ее ряды. В результате возникла практика, когда члены семей, ожидавшие утверждения на въезд, зачастую формально, приписывались к КПП, КПЗУ, КПЗБ. Таким образом, в числе «подшефных» Коминтерна оказались сотни польских граждан из различных социальных слоев: и полуграмотные крестьяне-бедняки, и образованные выходцы из богатых буржуазных семей, представители интеллигенции и мещанских кругов, истовые католики и члены сионистских организаций, лица, служившие в Русской (белой) армии, и сторонники «враждебных» коммунистам политических объединений. Все они также относились к коммунистической диаспоре, численность которой к середине 1930-х годов достигала нескольких тысяч. Как вспоминала Ц. Будзинская[3], поляки в Москве представляли собой одну большую дружную семью, тесно связанную крепкими родственными узами, а центр ее размещения в шутку назывался «польским Кремлем»[4].

---

[1] «Зеленая граница» – специально подготовленное спецслужбами место нелегального перехода государственной границы.

[2] Подобная практика существовала до января 1936 г. В результате начавшейся борьбы с проникновением на советскую территорию «шпионов и диверсантов» МОПР был лишен права выдавать разрешения на въезд.

[3] Будзинская Целина — член КПП; с 1926 г. находилась в СССР. Была арестована НКВД в 1938 г., освобождена в январе 1945 г. В послевоенное время функционер ППР–ПОРП, проректор Высшей партийной школы ЦК ПОРП. Реабилитирована в 1956 г. *Budzyńska C.* Strzępy rodzinnej sagi. Warszawa, 1997. S. 215.

[4] Ibid.

inslav

Советское руководство охотно принимало поляков-коммунистов на партийную работу, используя их профессионализм, авторитет и влияние в интересах государства и партии. Кроме того, сам факт наличия политической эмиграции в СССР — «убежища для гонимых» широко использовался коммунистической пропагандой как внутри страны, так и за рубежом для опровержения сложившегося на Западе негативного образа Советской России — государства, в котором царят политический террор, бесправие, голод и нищета. Личный опыт выехавших в Россию товарищей служил наилучшим агитационным примером для партийных масс. На протяжении длительного периода в сознании иностранных коммунистов, в том числе и польских, образ Советской России — родины первой пролетарской революции виделся своего рода землей обетованной, в которой каждый угнетенный смог бы обрести счастливую жизнь. Политэмигранты, оказавшись в стране своих идеалов, активно включались в ее общественно-политическую жизнь, а принятие советского гражданства и переход в ряды РКП(б)–ВКП(б) способствовали их скорейшей адаптации и интеграции в советском обществе.

В условиях материальной нужды советских граждан иностранные сотрудники Коминтерна жили лучше основной массы советских партработников. Дополнительная работа (преподавание, переводы, написание статей и пр.) являлась хорошим подспорьем к заработку и льготам, положенным партфункционерам соответственно их статусу[1]. Члены семей трудоустраивались в коминтерновские и профинтерновские структуры, органы госбезопасности, в партийные и научные учреждения. Дети направлялись в лучшие учебные заведения Москвы, Ленинграда, Киева, а лицам пожилого возраста полагались пенсии и разного рода социальные пособия.

Почти за два десятилетия Советский Союз превратился в крупнейший центр польской политэмиграции, в котором были сосредоточены основные кадры КПП, КПЗУ, КПЗБ — функционеры высшего звена, известные активисты и часть «кадрового резерва партии» молодежь, прошедшая подготовку в советских коммунистических вузах.

Нараставший в 1930-е годы сталинский террор прервал первую волну политэмиграции. Репрессии в отношении польских коммунистов, начались в 1933–1934 гг.[2], однако тогда они еще не носили того массово-

[1] *Ватлин А.Ю.* Коминтерн: Идеи, решения, судьбы. М., 2009.

[2] См. подр.: *Хаустов В.Н.* Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х гг. // www.memo.ru

inslav

го характера, какой приобрели с весны 1936 г., достигнув своего пика в июле-августе 1937 г.[1]

В январе 1936 г. стало действовать распоряжение «об ограничении притока политэмигрантов в СССР». «Зеленые границы» были закрыты, а международным организациям и партвузам было запрещено оставлять на советской территории иностранцев, за исключением случаев, когда на это имелось соответствующие указание органов НКВД[2].

По итогам кампании по проверке партийных документов 1935–1936 гг. было выявлено, что Коминтерн «засорен врагами и шпионами иностранных разведок, которые пролезли под видом политэмигрантов и членов братских компартий»[3]. 28 января 1936 г. Секретариат ИККИ, рассмотрев ситуацию в КПП, пришел к выводу, что в партии сложилось «крайне серьезное положение, требующее срочных радикальных мер по оздоровлению и укреплению руководства в центре и на местах»[4]. Польским коммунистам инкриминировалась принадлежность к Польской военной организации (ПОВ)[5], занимавшейся шпионажем и диверсиями в СССР[6], а также причастность к троцкистско-бухаринской оппозиции. Вопрос о роспуске КПП был рассмотрен и фактически решен Сталиным к ноябрю 1937 г.[7], однако официальная ликвидация организации состоялась в августе 1938 г. в Париже, где на тот момент находились еще остававшиеся на свободе члены Политбюро КПП[8].

---

[1] *Cimek H.* Poglądy Komunistycznej Partii Polski na kwestię narodową. Sprawa rozwiązania partii. // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa, 1989. S. 119.

[2] Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы. М., 2004. С. 729.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1985. Т. 6. С. 297.

[4] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн … С. 730.

[5] Polska Organizacja Wojskowa — тайная организация, созданная в Варшаве по инициативе Ю. Пилсудского в августе 1914 г. В ее задачи входили поддержка Легионов и разведывательная деятельность на территории России и Германии. В 1918 г. организация была объединена с Войском Польским. На Украине деятельность ПОВ продолжалась до 1921 г.

[6] См. подр.: *Хаустов В.Н.* Указ. соч.

[7] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн … С. 757.

[8] *Nazarewicz R.* Od KPP do PPR (1938-1942). Kryzys polskiego ruchu komunistycznego w świetle dokumentów Międzynarodówki Komunistycznej // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa, 1989. S. 151.

inslav

Поскольку данные о численности польской политэмиграции в Советском Союзе до настоящего времени отсутствуют, то невозможно точно назвать количество репрессированных из ее числа. Российские историки говорят примерно о пяти тысячах пострадавших[1]. В польской же мемуарной литературе упоминается о двадцати тысячах, однако столь большая цифра вызывает сомнения в ее достоверности[2]. В настоящее время документально установить численность всех политэмигрантов на территории СССР не представляется возможным.

Первыми жертвами репрессий стали представители «старой гвардии» польских коммунистов, работавшие в Коминтерне, ВКП(б), НКВД. По подсчетам Л. Кешчиньского, было уничтожено 69 % руководящего актива КПП[3]. Как вспоминал А. Шафф[4], «из старого руководства КПП живыми остались только те, кому санационное[5] правительство оказало приют в своих тюрьмах, храня от палачей Сталина»[6]. Участь партэлиты разделили и тысячи рядовых представителей политэмиграции, оказавшись вовлеченными в политические судебные процессы по всей стране.

В это время в Польше компартия переживала сложный период существования, находясь в состоянии идеологического, организационного и управленческого кризиса.

Политическая платформа КПП, ориентированная на всеобщую революцию и радикальный путь преобразования страны, не находила широкой поддержки в массах. Так, газета Польской социалистической партии

---

[1] *Пятницкий В. И.* Заговор против Сталина. М., 1998. С. 341.; *Firsow F., Jażborowska I.* Międzynarodówka Komunistyczna a Komunistyczna Partia Polski // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa, 1989. S. 63.

[2] По данным современных польских историков в 1936 г. в рядах КПП числилось около 6,9 тысяч членов и еще около 4 тыс. активистов находились на советской территории. (См.: Mały słownik historii Polski. Warszawa, 1991. S.67.; *Nazarewicz R.* Od KPP do PPR (1938−1942). Kryzys polskiego ruchu komunistycznego w świetle dokumentów Międzynarodówki Komunistycznej // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa, 1989. S. 146).

[3] *Kieszczyński L.* Represje wobec kadry kierowniczej KPP // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa, 1989. S. 198.

[4] Шафф А. (1913–2006) — довоенный функционер Польской социалистической партии, работавший на Коминтерн. В послевоенный период член ППР, ПОРП, философ, историк.

[5] Санационный режим (от лат. sanatio − оздоровление) − существовал в Польше с 1926−1939 гг. Санация рассматривалась советским руководством, как реакционный и враждебный режим.

[6] *Schaff A.* Notatki kłopotnika. Warszawa., 1995. S. 89.

inslav

(ППС) «Роботник» в апрельской статье 1937 г. «Польский коммунизм на бездорожье» писала об «организационной и идеологической слабости» компартии: «Мы видим, как КПП в важнейших вопросах отступает на позиции социальной демократии. ... Массы теперь отлично видят, что все предыдущие, традиционные лозунги КПП обанкротились. Притягательная сила польского коммунизма быстро слабеет»[1].

Многолетняя политика польского правительства, направленная на борьбу с «красной заразой», также приносила свои плоды. По сообщениям советских дипломатических источников, с 1936 по 1938 г. обыски, аресты и массовые коммунистические процессы стали повседневным явлением. Только за 1937 г. по обвинению в «коммунистической деятельности и принадлежности к КПП» было осуждено 852 человека, из которых один был приговорен к смертной казни, трое к пожизненному заключению и 713 к тюремному. Более 40 % осужденных получали сроки по 10–15 лет[2].

Эти данные в целом подтверждает официальный отчет министра юстиции польского правительства В. Грабовского. Выступая на заседании Бюджетной комиссии в Сейме, министр констатировал, что «основным средством обезвреживания коммунистов» является их заключение в концентрационный лагерь в Березе-Картузской. Начиная с 1934 г., в него было отправлено 725 человек из них 410 коммунистов. ... Всего же в Польше до 30 сентября 1936 г. было арестовано 10 794 коммуниста[3], из которых свыше 52 % были переданы судебным властям»[4]. В результате действий полиции в стране остались преимущественно функционеры среднего звена КПП, а также рядовые активисты и «низовой» партактив.

Управленческий кризис проявлялся во взаимоотношениях между Политбюро, находившимся в эмиграции, и функционерами, работавшими в стране. В среде краевых управленцев, многие из которых учились в СССР и рассчитывали на быстрое продвижение по партийной лестнице, долгие годы зрело недовольство своим партийным начальством и методами руководства, о чем они регулярно напрямую сообщали в Коминтерн.

---

[1] Архив Внешней Политики МИД РФ. (АВП РФ). Ф. 122. Оп. 20. П. 63. Д. 2 9 Л. 73.

[2] Там же. Оп. 21. П. 65. Д. 17. Л. 11.

[3] Следует принять во внимание, что речь идет не только о членах КПП, но и о лицах, арестованных по подозрению в коммунистической деятельности, многие из которых были лишь сторонниками компартии и не являлись ее фактическими членами.

[4] Там же. Оп. 20. П. 63. Д. 28. Л. 26.

inslav

«Организационная политика ЦК КПП плоха, — сообщалось в одном из отчетов в Москву. Мы, активисты КПП, объясняем это оторванностью руководящей группы от работы внутри страны, незнакомством (так в тексте. — *А.К.*) с условиями партийной работы в Польше (большинство не видело по существу страны со времен войны 1914–1918 г.). ... Политбюро КПП конкретно не руководит работой партии и не оказывает достаточной помощи секретариату. Практическое руководство подменено критикой “post faktum”, письмами, в которых умничает задним числом Генриховский[1]. Партийные документы большой политической важности приходили, когда в них не было уже никакой необходимости. Часто приходили противоположные указания. К кадрам было отношение чрезвычайно неровное»[2].

В связи с внутренней разобщенностью членов КПП важным представляется вопрос, знали ли в Польше о положении и судьбе своих товарищей в СССР. Долгое время в литературе, в том числе и научной, бытовало утверждение, что польские коммунисты пребывали в неведении, всецело доверяя советской пропаганде[3]. Ставшие доступными новые архивные материалы позволяют утверждать обратное.

Массовым источником информации о ситуации в СССР являлась польская и иностранная пресса. Несмотря на откровенно русофобский тон большинства польских печатных изданий, их материалы, во многом отражали реальную картину советской действительности. Десятки газет регулярно сообщали читателям о голоде, коллективизации, уровне жизни простого советского гражданина, о внутрипартийной борьбе в ВКП(б), чистках, политических процессах, репрессиях и многом другом. С осени 1936 г. в прессе появилась информация об арестах польских и немецких коммунистов и уничтожении Сталиным старой кадровой элиты ВКП(б) и Коминтерна[4]. «В связи с процессами в Советском Союзе, вспоминал один из членов КПП, — буржуазная и социалистическая пресса подняли страшную травлю. Видно было, как в результате этого интеллигенция, стоявшая близко к нам, от нас отходит. Среди же рабо-

[1] Генриховский Генрик (Амстердам Саул) (1898–1937) – функционер КПП. Секретарь Еврейского бюро ЦК КРПП (фактически возглавлял одну треть членов партии), член ЦК и Политбюро КПП. С 1930 г. на работе в Коминтерне. Репрессирован.

[2] РГАСПИ. Коллекция документов.

[3] *Schaff A.* Notatki kłopotnika … S. 212-213; Celina Budzyńska // *Torańska T.* Oni. Warszawa, 2004. S. 14–15.; *Kieszczyński L.* Op. cit. S. 199–200.

[4] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 20. П. 63. Д. 28. Л. 33, 35, 61, 108; Д. 29. Л. 120.

inslav

чих и крестьянских масс подобного процесса не было, хотя, разумеется, что на них эта кампания тоже оказывала соответствующее влияние»[1].

Кроме буржуазной прессы существовали и другие источники информации. Поскольку межпартийные и межличностные контакты в европейских компартиях не прерывались, то в партийной среде постоянно происходил обмен разного рода новостями. «В Праге у меня сложилось впечатление, — вспоминал один из современников, — что как среди поляков, так и среди чехов... пользуются сведениями, поступающими из Польши. О роспуске КПП ... здесь узнали из польских социалистических газет. Более точные сведения привез сюда Эдмунд, который приезжал в ЦК чешской партии. ... Из Парижа я никаких сведений не имею, хотя полагаю, что там разговоров о событиях в КПП больше, чем где бы то ни было. ... Из Польши и людей из КПП в Париже очень много»[2].

Сведения о том, что происходит в партии, доходили и до заключенных в польских тюрьмах. «Осенью (1937 г. — *А. К.*) — вспоминал Ф. Мазур, — начали проникать отдельные сведения о разоблачении провокаторов среди людей, стоящих близко к Политбюро и находившихся на центральной работе. ... Сведения эти проникали, главным образом, путем частных писем»[3].

Но наиболее достоверная информация поступала от очевидцев, сумевших покинуть Советский Союз. Так, на страницах «Роботника» в январе 1937 г. были опубликованы статьи «О процессе над Радеком»[4] и «Показания поляка-коммуниста, вернувшегося из СССР»[5]. Об истинном положении дел в Союзе свидетельствовали и советские граждане. Как вспоминал В. Гомулка, один из членов ВКП(б) в 1939 г., отговаривая его эвакуироваться вглубь Советского Союза, рассказывал ему то, о чем на протяжении многих лет писала вся европейская пресса: «Он утверждал, что ни одна власть не может быть хуже, преступней, нежели власть советская, сосредоточенная в руках Сталина и НКВД. ... Слушал я откровения ... с каменной душой, в полном молчании. Из того, что я услышал, кое-что было мне уже известно»[6].

---

[1] РГАСПИ. Коллекция документов.

[2] РГАСПИ. Коллекция документов.

[3] Там же.

[4] Процесс Пятакова–Радека (январь 1937 г.) проходил как дело «антисоветского троцкистского центра». Массовые аресты поляков, обвинявшихся в причастности к троцкистской оппозиции, начались еще на этапе следствия.

[5] АВП РФ. Ф. 122. Оп. 20. П. 63. Д. 28. Л. 33.

[6] *Gomułka W.* Pamiętniki. Warszawa, 1994. T. II. S. 80.

inslav

Известие о роспуске КПП получило широкий резонанс в Польше. Как вспоминал очевидец событий, «живо реагировали не только коммунисты. Целыми часами шли дискуссии среди беспартийных рабочих, интеллигенции и даже обывателей. В профсоюзах это стало самой горячей темой, обсуждаемой со всех сторон. ... Вообще-то разговоров, слухов, сплетен и раньше было много, но после этих известий люди как бы почувствовали себя ничем не связанными и в поисках объяснений рассказывали невероятные вещи. ... Спустя некоторое время в Варшаву прибыли стенограммы процесса и продавались в магазине “Gebethner i Wolf”. Среди политически активной интеллигенции это была ходкая книга»[1].

Уполномоченные представители ЦК КПП в краевых организациях первое время пытались опровергать и, по возможности, пресекать стремительно распространявшиеся слухи о якобы существующем предательстве среди членов Политбюро и их окружения. Была даже предпринята попытка издать листовки против роспуска партии и Коминтерна, одна из которых была подписана «старые члены КПП»[2]. Но когда им стало ясно, что на кону стоит не только честное имя товарищей, а существование всей организации, пришлось отступить. Как сообщал в Москву один из коминтерновских информаторов, после получения сведений о последних событиях в партии, в частности о том, что «предательство в партии очень серьезное и захватило политбюро, ... они (краевые руководители. — *А. К.*) сразу заявили, что готовы выполнить все, что от них потребует ИККИ. Работают только для того, чтобы сохранить организацию и готовы передать все руководству, которое КИ назначит»[3]. Отчаянная борьба краевого руководства за сохранение партии «любой ценой» была заведомо обречена, поскольку ее судьба (о чем они не могли знать) была уже решена в Москве осенью 1937 г.

Что касается рядовых членов КПП, особенно на периферии, то среди них, как сообщал источник, «встречались только редкие исключения активных возражений», но, тем не менее, и они требовали «более глубокого обоснования причин роспуска, как шага единственно верного. ... Рассуждали, искали причин[ы], и приходили к выводу, что при условии такого серьезного предательства, когда даже неизвестно, как широко оно раскинуло свою сеть, нужно распустить (партию. — *А.К.*) чтобы все изучить, очистить и построить новую здоровую организацию»[4]. Следует

[1] РГАСПИ. Коллекция документов.

[2] РГАСПИ. Коллекция документов.

[3] Там же.

[4] Там же.

inslav

отметить, что «низовой актив» курировали в большинстве своем бывшие московские ученики, придерживавшиеся линии Коминтерна.

После ликвидации КПП всем ее «честным» членам рекомендовалось найти себе применение в профсоюзах или других легальных общественных организациях[1]. Однако выполнить это предписание было весьма не просто. Профсоюзы находились под контролем различных политических партий, наиболее влиятельной из которых была ППС, (ее Коминтерн на протяжении многих лет рассматривал, как потенциально враждебную), а зарубежные представительства МОПРа уже были укомплектованы. Кроме того, бывшие члены КПП после ее роспуска и сопровождавших его скандальных разоблачений оказались дискредитированными в глазах общественности.

В результате, как сообщалось в Москву, в июне 1939 г. представители верхнего и среднего партзвена начали «отходить от политической жизни и погружаться в мещанский быт». «Люди эти возможно даже очень честные, но им не хватает устойчивости и закалки. Не приходится этому даже удивляться, если принять во внимание, что люди эти предоставлены сами себе, некому им помочь»[2].

Что же касается рядовых членов КПП, то по сообщениям того же источника, «низовой актив пошел активно к работе в своем большинстве, а понятие “верный солдат Коминтерна” воспринял в известной степени как пароль и знамя»[3].

По сути, речь идет о том, что лица, не относившиеся к профессиональным революционерам, смогли вернуться к своей обычной, допартийной жизни и работе. Гораздо труднее в новых условиях было адаптироваться партийным функционерам, для которых партия являлась делом и смыслом всей жизни и источником средств к существованию.

Коминтерн оставил своих «верных солдат» на произвол судьбы. Десятки людей, находившихся на нелегальном положении, после роспуска партии были вынуждены скитаться по Европе. Приведем один из типичных примеров того, в каком положении оказались бывшие партфункционеры: «В Праге из КПП находятся 13 человек, — сообщалось в Коминтерн. — Живут они в очень тяжелых условиях, а длительная бездеятельность и неопределенность действуют разлагающе. Свидетельствуют об этом личные дрязги, которые занимают в их жизни значительное место, и то, что почти никто не работает над собой. Положение

[1] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн … С. 760.

[2] РГАСПИ. Коллекция документов.

[3] Там же.

inslav

у них действительно тяжелое. Некоторым приходится проводить ночи на улице, потому что не было где спать. Передали им, что они находятся в распоряжении КИ и должны ждать. Прошло 1,5 года, а изменений никаких. Полагаю, что теперь большинство провалилось, потому, что их нелегальщина была очень примитивной»[1].

Сфальсифицированные обвинения в отношении тысяч соратников по партии, уничтожение руководящей элиты, роспуск организации, безответственное и безразличное отношение со стороны коминтерновского руководства к судьбам сотен людей, как к отработанному «материалу», деморализующе подействовали на многих членов КПП, что оставило свой след в истории польского коммунистического движения.

* * *

С началом Второй мировой войны открылась новая страница в истории польской политэмиграции в СССР. В сентябре 1939 г. возникла ее «вторая волна», когда тысячи членов бывшей КПП, освободившись из польских тюрем и лагерей, оказались перед непростым выбором — остаться в стране, защищая свою Родину, или присоединиться к беженцам, устремившимся на восток. Через много лет В. Гомулка написал: «Мы, польские коммунисты, совершили ошибку, уйдя после сентябрьского поражения из Польши в Советский Союз. Следовало остаться в стране с польским народом, вместе с ним вести борьбу с немцами, организовывать ее в таких формах, какие в условиях оккупации необходимы и возможны»[2].

Точные сведения о численности перешедших на советскую сторону польских коммунистах отсутствуют. С первых дней войны и до первой половины 1940 г. границу перешли приблизительно 2–3 тысячи функционеров КПП[3*4]. Для учета прибывающих коммунистов в приграничных

---

[1] Там же.

[2] *Gomułka W.* Op. cit. S. 64.

[3] * Следует отметить, что в Польше оставались небольшие группы польских коммунистов (преимущественно рядовые члены КПП и комсомольцы), участвовавшие в антифашистском сопротивлении. См. подр.: *Malinowski M.* Geneza PPR. Warszawa. 1975.; *Nazarewicz R.* Od KPP do PPR (1938–1942). Kryzys polskiego ruchu komunistycznego w świetle dokumentów Międzynarodówki Komunistycznej // Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa, 1989.

[4] *Сизова Т.И.* Польская коммунистическая эмиграция в СССР в годы Второй мировой войны (конец 1939 — середина 1943) // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1978. С. 117.

inslav

городах МОПР организовала пункты регистрации. Согласно данным этой организации, только во Львове было зарегистрировано 1200, а в Белостоке около 1000 человек[1].

В историографии СССР и ПНР «уход» польских коммунистов из страны объяснялся их желанием сохранить партийные кадры и воссоздать при поддержке Коминтерна марксистско-ленинскую организацию[2]. Однако в воспоминаниях самих участников, в первую очередь, выступают соображения личной безопасности и желание «переждать» войну. «КПП уже была распущена, — вспоминал бывший член КПП М. Клайман, — не было возможности обсудить ситуацию. ... Я должен был сам задуматься, с чего начать в случае войны, куда идти и что делать, чтобы обеспечить безопасность себе и семье. .... Единственной возможностью пережить войну, было добраться до границы СССР»[3]. Схожими мотивами в то время руководствовался и Гомулка: «В оккупированной немцами Польше я не видел для себя места. КПП перестала существовать. Средств к жизни не имел. В Кросно, в родной дом, вернуться не мог. ... Переход в зону, занятую советскими войсками, представлялся мне наилучшим и, пожалуй, единственным выходом из ситуации. Поэтому переход Буга, прибытие на территорию, занятую советскими войсками, чтобы начать новую, спокойную, хоть даже и очень скромную жизнь, наполнял меня глубоким удовлетворением и даже чувством радости после всего, что я пережил в осажденной Варшаве»[4].

Осенью 1939 г. в присутствии представителей Коминтерна и НКВД бывшие функционеры КПП откровенно рассказывали о своем бегстве из осажденной Польши при первой представившейся возможности. «С 15 сентября, — сообщал Ян Турлейский сотруднику КИ, — ППС поручили организацию рабочих батальонов, в которых было много коммунистов. Эти батальоны редко посылались в бой, главным образом, использовали на разных работах. Большое количество [людей] в них погибало во время бомбардировок. ... 23 сентября в Варшаве [мы] услышали по радио Москвы об установлении демаркационной линии между Германской и Красной армиями. После того, как об этом узнали коммунисты из рабочих батальонов, они решили дезертировать. Поскольку это не так лег-

[1] *Nazarewicz R.* Op. cit. S. 173.

[2] *Malinowski M.* Geneza PPR. Warszawa, 1975. S. 96.; *Сизова Т.И.* Указ. соч. С. 117.

[3] *Klajman M.* Pod sanacyjnymi rządami. Wspomnienia więźnia politycznego z lat 1932–1938 oraz dalsze jego losy w latach 1939–1970. Warszawa. 1991. S. 36.

[4] *Gomułka W.* Op. cit. S. 35.

inslav

ко было осуществить, так как их держали в казармах как в тюрьме, [то] они дезертировали в то время, когда их посылали на фронт. ... Создалось две группы коммунистов для перехода на территорию, занятую Красной Армией, следовавшие на восток вслед за германской армией, преследовавшей остатки польских войск, шедших к установленной советско-германской границе»[1].

Тезис о намерении польских коммунистов уже в сентябре 1939 г. на советской территории возродить компартию также не выдерживает критического рассмотрения. Так, еще в августе 1938 г. руководство ИККИ предостерегало бывших членов КПП от любых самостоятельных попыток по организации новой «лжекоммунистической» партии Польши. Лиц, не подчинившихся указаниям КИ, следовало рассматривать как «агентов польского фашизма», стремившихся создать «новую шпионско-провокаторскую организацию»[2]. Все вопросы, связанные с возрождением КПП, оставались исключительно прерогативой Коминтерна. В 1939 г. ИККИ были предприняты определенные шаги по воссозданию организации, но они остались нереализованными, о чем будет сказано ниже[3]. Что касается самих партийцев, то им оставалось только ждать и надеяться на скорейшее решение этого вопроса.

Оказавшись на присоединенных к СССР территориях бывшей Восточной Польши функционеры КПП, наравне с остальными польскими гражданами, согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. приобретали советское гражданство.

Перед советским руководством в это время стояла первостепенная задача — в кратчайшие сроки создать на Западной Украине и в Западной Белоруссии органы местной власти, провести ряд «революционных» мероприятий (экспроприация, национализация и пр.), наладить экономические связи и хозяйственную деятельность, а главное провести выборы в Национальные собрания республик.

Включение новых областей в политико-экономическую систему советского государства требовало немалых человеческих ресурсов. Прибывшие из центра представители советской администрации столкнулись с проблемой дефицита национальных кадров, способных на должном уровне проводить в жизнь решения партии и правительства. Требовались проверенные или, по меньшей мере, лояльные к новой власти люди для работы, как с «титульными» народами (украинцами и белорусами),

[1] РГАСПИ. Коллекция документов.

[2] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн … С. 760.

[3] См. подр.: Tragedia Komunistycznej Partii Polski. Warszawa, 1989.

inslav

так и с нацменьшинствами (поляками, армянами, евреями и др.). Выход из сложившегося положения был очевиден. Прагматичное решение советского руководства использовать польских коммунистов в качестве кадрового резерва оправдало себя. Функционеры с готовностью откликнулись на предложения администрации, дававшие им шанс вернуться к нормальной жизни, вновь включиться в общественно-политическую деятельность. Так, в письме к Г.М. Димитрову в мае 1940 г. активистка КПП Романа Гранас писала: «Я была и до последней минуты моей жизни буду честным бойцом Коминтерна. Я всегда готова выполнять все решения партии и Коминтерна, работать там, где партия прикажет. Я никогда не разделяла антипартийных взглядов, решительно боролась против троцкистов-бухаринцев, против примиренческого отношения к антипартийным группировкам. Теперь, пребывая на освобожденной земле Западной Украины, я и впредь сумею честной работой доказать свою преданность делу партии Ленина-Сталина»[1].

Активисты КПП В. Гомулка, Б. Берут, Я. Турлейский, Я. Берман и многие другие принимали участие в выборах и работе Национальных собраний, представляли интересы польского нацменьшинства и голосовали за вступление в состав СССР[2].

Вероятно, в Москве оценили преданность и усердие отдельных представителей КПП, о чем свидетельствует их дальнейший карьерный рост, перевод (или восстановление) в ряды ВКП(б) и относительно благополучное существование.

Комиссии МОПР «по опеке над бывшими политзаключенными» совместно с местными партийными комитетами ВКП(б) занимались трудоустройством и расселением функционеров КПП и их семей, оказывали материальную и социальную помощь. Приведем несколько характерных примеров: Ян Турлейский вошел в состав Ломжинского исполнительного комитета партии БССР, а вскоре был избран членом Полномочной комиссии Народного собрания и депутатом Совета Национальностей Верховного Совета СССР. В. Гомулка получил место директора Дома для бывших политзаключенных[3], позднее стал руководителем львов-

[1] РГАСПИ. Коллекция документов.

[2] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. С. 183–186.

[3] Дома для бывших политзаключенных были организованны МОПРом на Западной Украине и в Западной Белоруссии для прибывавших политэмигрантов. Однако на практике они использовались местными властями в качестве домов отдыха для местной партэлиты, куда попадали по заранее утвержденным обкомом спискам. См.: *Gomułka W*. Pamiętniki. Warszawa., 1994. T. II. S. 36–37.

inslav

ской фабрики бумажных изделий. Л. Касман (тов. Штукевич) возглавил во Львове плановый отдел спиртоводочного треста, а в сентябре 1941 г. был направлен на работу в Коминтерн; Р. Гранас (тов. Орлинская) совмещала работу переводчицы в львовской тюрьме НКВД № 2 с работой инструктора обкома МОПРа и областного лекционного бюро; Б. Берут занял должность заместителя председателя комиссии МОПРа в Ковеле, Т. Данишевский, получив положительную характеристику из львовской тюрьмы НКВД № 1, где работал переводчиком, был переведен на должность заведующего библиотекой Маркса-Энгельса «Оссолинеум»[1], С. Ендриховский занял место председателя плановой комиссии Виленского горисполкома, а позднее был избран депутатом Верховного Совета Литовский ССР.

При назначении на должность профессиональная квалификация кандидата не имела значения, главным критерием была его идеологическая надежность. По свидетельству М. Клаймана, одного из активистов «среднего звена» КПП, назначение проходило следующим образом: «Вызвали в комитет партии, где спросили: “Какая работа меня наиболее интересует? Кем работал?”. Я ответил: “На автобусах”. Мне предложили принять руководство над городским и междугородним транспортом»[2].

Немаловажную роль в получении «хороших» мест играли личные связи и родственные узы, широко распространенные в номенклатурной среде. Поляки — члены КПЗУ и КПЗБ, работавшие в МОПРе и подведомственных ей организациях, старались поддерживать своих товарищей из КПП. Не последнее место во взаимоотношениях партфункционеров занимал и хорошо известный принцип «позже сочтемся».

Судьба большинства рядовых членов КПП сложилась иначе, чем у их товарищей, обладавших более высоким партийным статусом. В июле 1940 г. Г. Димитров сообщал Г. Маленкову: «Во Львове советские паспорта даются лишь бывшим активистам КПП. ... Из 1000 бывших политзаключенных во Львове получили паспорта лишь 100 человек. Остальные — в своем большинстве бывшие рядовые члены КПП и Коммунистического союза молодежи Польши — несмотря на наличие справок обкома МОПРа, высылаются вместе с подозрительными, спекулянтами и всеми враждебными элементами вглубь СССР, получая паспорта

[1] «Ossolineum» – библиотека заложенная в 1817 г. графом Йозефом Максимилианом Оссолинским во Львове.

[2] *Klajman M.* Op. cit. S. 38–39.

inslav

с § 11[1], по которому они часто не могут получить работу»[2]. Аналогичная картина складывалась и в Западной Белоруссии. Так, в северные и восточные районы страны к концу 1939 г. из Белостока вместе с беженцами было вывезено 600 бывших членов КПП[3].

Причин, объясняющих политику властей в отношении поляков-коммунистов немало, приведем наиболее очевидные из них. Во-первых, советскому руководству, и в первую очередь, руководству республик, для реализации планов по украинизации и белорусификации новых территорий не требовалось такого количества польских парткадров (ведь счет шел на тысячи, включая членов семей). Преимущество должно было отдаваться национальным кадрам титульных народностей.

Во-вторых, сказывались последствия «разоблачительных» политических процессов 1936–1937 гг. В советской партийной среде отношение к бывшим членам КПП было весьма настороженным и враждебным, как к «провокаторам, шпионам, подозрительным элементам»[4].

В результате представители «второй волны» политэмиграции оказались разделенными на две неравные части: относительно небольшую группу лиц, располагавших доверием высшего руководства СССР, и основную массу членов КПП, разделивших со своими соотечественниками все трудности эвакуации и, в том числе выселение вглубь страны.

В этой связи возникает вопрос, по какому принципу шло разделение фактически на «своих» и «чужих» и кто за этим стоял? Анализ личных дел польских коммунистов позволил нам выделить основные критерии кадрового отбора.

В первую очередь под подозрение попадали лица, имевшие родственные или дружеские связи с репрессированными членами ЦК КПП. Однако размах репрессий был столь велик, что полностью исключить у кандидата наличие родственников, причастных к политическим процессам, не удавалось. Во-вторых, отсеивалась все те,

---

[1] Граждане, имевшие в паспорте § 11, приравнивались к подозрительным или раскулаченным элементам, не допускались к участию в общественной жизни, не принимались в профсоюз. Им запрещалось находиться в стокилометровой пограничной зоне, а также проживать в областных центрах. Основным местом их расселения были организованные властями т.н. трудовые лагеря и колхозы в отдаленных районах СССР.

[2] Коминтерн и Вторая мировая война. М. 1994. Ч. I. С. 399.

[3] Там же. С. 340–341.

[4] РГАСПИ. Коллекция документов.

inslav

кто когда-либо обвинялся во фракционной деятельности[1], внутрипартийных «уклонах» и принадлежности к «троцкистской оппозиции». Былое членство во «враждебных» партиях (ППС, Поалей Цион[2] и др.) также являлось отрицательным фактом биографии. Любые сомнения в «правильности» роспуска КПП, советско-германского пакта, «законности» присоединения польских территорий к СССР трактовались как нарушение внутрипартийной дисциплины и неподчинение решениям ИККИ.

Учитывались малейшие нюансы биографии: социальное происхождение, стаж и положение в партийной иерархии, период пребывания в тюрьме и отзывы товарищей о поведении на суде, членство в ВКП(б) и наличие «канонического» марксистко-ленинского образования, которое возможно было получить только в Москве. Лица, учившиеся в Европе, или занимавшиеся самообразованием, считались идеологически ненадежными. Среди сотрудников коминтерновских структур было распространено мнение, что только выпускники советской системы партобразования «безоговорочно» дисциплинированы и готовы «беспрекословно выполнять указания партии и Коминтерна».

Заметим, что советское руководство в рассматриваемый период, в отличие от польской практики, не делило членов КПП, КПЗУ и КПЗБ по национальному признаку. В личных делах имелось указание на национальную принадлежность, однако это не играло существенной роли при принятии кадровых решений. Только в исключительных случаях, к примеру, если речь шла о подпольной работе в немецком тылу, учитывалась национальность кандидата: «В 1943 г., — сообщал о себе А. Альстер, — выехал в Москву, и там мне сообщили, что в связи с моей еврейской внешностью не могу ехать в страну. ... Было принято решение направить в Польскую армию ... в политический отдел»[3].

Отбор кандидатов начинался в областных комиссиях МОПРа, в которые входили представители Коминтерна и НКВД. Основную работу по сбору и проверке информации, систематизации данных и составлению общих персональных характеристик на политэмигрантов вели задействованные в комиссиях функционеры КПП. Так, по сообщениям Б. Бе-

[1] С 1926 по 1929 г. в КПП проходила дискуссия по вопросу прихода к власти Ю. Пилсудского. В результате дискуссии партия раскололась на две фракции – «большинства», поддержавшего политику Пилсудского и «меньшинства», стоявшего на позиции Коминтерна.

[2] Поалей Цион – еврейская социал-демократическая партия.

[3] Archiwum Akt Nowych. Teczka osobowa 237 / XXIII — 425.

inslav

рута, он совместно с Ф. Юзвяком[1] по специальному заданию с сентября по ноябрь 1939 г. «прослушал несколько десятков польских товарищей» с Западной Украины[2]. На территории Белоруссии аналогичную работу выполняла Регина Каплан-Кобринская[3]. В письме к заведующему отделом кадров ИККИ П.В. Гуляеву в июне 1940 г. Каплан-Кобринская сообщала: «В свое время имела Ваше поручение присматриваться к кадрам бывшей КПП. Думаю, что теперь следовало бы кое-что подытожить. ... Хотела бы иметь возможность помочь в этом деле и поговорить по этим вопросам непосредственно»[4].

Важнейшие данные из личных дел дублировались и направлялись в отдел кадров ИККИ (ОК ИККИ). Дальнейшая судьба и партийная карьера сотен бывших функционеров КПП, а также КПЗУ и КПЗБ, профессиональных революционеров, прошедших подполье, тюрьмы, войны, с этого момента находились в руках двадцативосьмилетнего кадровика, старшего референта ОК ИККИ (с августа 1939 г.) Я.Ф. Дзержинского.

Важную роль в польских делах играла и С.С. Дзержинская, работавшая с ноября 1937 г. политреферентом ИККИ. Дзержинская, будучи одной из ключевых фигур польской политэмиграции «первой волны», лучше всех из оставшихся в живых представителей «старой гвардии» КПП, знала ее кадры. На протяжении 1920-х годов именно она по линии Польбюро при Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) курировала студентов из КПП, КПЗУ и КПЗБ, прибывавших на партучебу. Многих из них Дзержинская знала лично, поскольку преподавала в Коммунистическом Университете Нацменьшинств Запада им. Ю. Мархлевского и польской военной школе Красных Коммунаров[5].

На должность второго старшего референта ОК ИККИ в августе 1941 г. был приглашен «человек из страны» — молодой перспективный функционер КПП, депутат Совета Национальностей Верховного Со-

[1] Юзвяк Ф. — функционер КПП, выпускник МЛШ. В послевоенный период — вице-министр Министерства общественной безопасности, в 1949 по 1956 г. – председатель Центральной комиссии партийного контроля ЦК ПОРП, в 1955–1956 г. – председатель Совета министров ПНР.

[2] РГАСПИ. Коллекция документов

[3] Каплан-Кобринская Регина (Цитрин Зося) — польская коммунистка, член КПЗБ, выпускница МЛШ. В 1930-е годы по заданию Коминтерна занималась организацией нелегальных партийных школ на территории Польши.

[4] РГАСПИ. Коллекция документов.

[5] Там же.

inslav

вета СССР Ян Турлейский, успевший за короткий период (с сентября 1939 г.) зарекомендовать себя в глазах советского руководства наилучшим образом. Однако, ему не суждено было сыграть значительной роли в истории польского рабочего движения. Турлейский трагически погиб в сентябре 1941 г. при выполнении партийного задания, а на его место был назначен другой представитель КПП — Леон Касман. Руководству Коминтерна Касман был хорошо известен еще по работе в СССР. Занимая должность заместителя заведующего польским сектором МЛШ, весной 1936 г. он был направлен в Польшу со специальным заданием по проверке кадров КПП[1].

Именно в кругу вышеуказанных представителей политэмиграции, начиная с 1939 г. и на протяжении последующих лет, рассматривались кадровые вопросы и решались судьбы бывших функционеров компартии Польши.

Первые шаги по возрождению польской компартии руководство ИККИ предприняло в начале 1939 г. В Париже была сформирована «Инициативная группа по польским вопросам», переформированная в июне во Временный руководящий центр КПП. Однако, начавшаяся в Европе война внесла свои коррективы, и в январе 1940 г. деятельность парижского центра была прекращена, а ее организаторы отозваны в Москву. От лица коминтерновского руководства С.С. Дзержинская сообщала возвратившимся из Парижа М. Росснеру и Б. Молоецу о том, что вопрос воссоздания партии в Польше неактуален[2].

Тем не менее реализация намеченного плана была продолжена. В январе того же года ОК ИККИ затребовал от областных инструкторов МОПРа сотни личных дел, характеристики, послужные списки, рекомендации, отзывы и данные о местонахождении польских коммунистов. «К сожалению, отдел кадров меня недостаточно сориентировал, — уточняла задание Каплан-Кобринская у Дзержинского, — о каких людях надо писать? Только ли о людях из этнографической Польши, или же о людях с КПЗБ. ... Сейчас написала только маленькую частичку людей, которых знаю: 1. люди из этнографической Польши и КПЗБ, которых знаю хорошо и продолжительное время; 2. люди, которых знаю лично, но коротко; 3. люди о которых имею компрометирующие сведения»[3]. Подобная практика сбора информации в партийной среде была обычным делом. Таким путем отделы кадров получали все необходимые им све-

[1] Там же.

[2] См. подр.: *Nazarewicz R.* Op. cit. S. 157–162.

[3] РГАСПИ. Коллекция документов.

inslav

дения, а члены партии оказывались «повязанными» круговой порукой. В подобные моменты особенно ярко проявлялись личные симпатии и антипатии людей.

Уже к весне 1940 г. в военно-политические школы Коминтерна были направлены первые группы поляков. Предпочтение отдавалось молодым активистам, в особенности выпускникам советских партийных вузов. Впитавшие в себя марксистко-ленинскую теорию они представлялись коминтерновскому руководству наиболее социально и ментально близкими. Кроме этого, в силу возраста и положения в партийной иерархии молодежь не успела обзавестись тесными личными и профессиональными связями с прежним руководством КПП. Москва явно делала ставку на «среднее звено» и «низовой партактив», успешно зарекомендовавший себя на Западной Украине и в Западной Белоруссии.

На встрече с членами одной из групп в июле 1941 г. Г. Димитров сообщил о том, что они будут отправлены в страну для создания и руководства новой организации — Польской рабочей партии (ППР)[1].

Однако начавшаяся Великая Отечественная война отсрочила реализацию намеченного плана и все средства, и силы были направлены на решения первоочередных задач Советского Союза по разгрому врага.

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что советское руководство для реализации своих планов рассчитывало на самых проверенных, надежных и преданных людей, а отбором кандидатов и подготовкой конкретных кадровых решений занимались непосредственно поляки из «первой» и «второй» волн политэмиграции. Членам так называемой инициативной группы предстояла непростая задача — создание коммунистической партии Польши «нового типа», соответствующей сталинским представлениям о партийном строительстве.

Спустя несколько лет московские кадры из польской коммунистической эмиграции в СССР не только воссоздали компартию — Польскую рабочую партию, получили власть в стране, но и впервые сформировали партийно-государственную номенклатуру советского типа. Что касается рядовых членов КПП, включая репрессированных в 1930-е годы, то, по мере необходимости, они использовались советским руководством для работы по организации национальных общественно-политических и военных структур на территории СССР, а с конца 1944 г. в массовом порядке кооптировались в состав органов местного управления новой польской власти.

[1] *Nazarewicz R.* Op. cit. S. 185.

inslav

С окончанием Второй мировой войны и приходом к власти в Польше коалиционного правительства польская коммунистическая эмиграция завершила свое существование в Советском Союзе. Большая ее часть вернулась на Родину в 1945–1946 гг. В эти годы вместе с репатриантами стали возвращаться и освобождаемые из мест заключения представители «первой волны» политэмиграции. В середине 50-х годов XX в. последние группы репрессированных поляков-коммунистов покинули СССР[1].

С. З. Случ
(Москва)

Власть и террор в Советском Союзе в период становления тоталитарного режима

Как известно, советский режим просуществовал более 70 лет, пройдя в своем развитии несколько фаз, и рухнул только 20 лет тому назад. Это, разумеется, не могло не сказаться на восприятии этого режима и его преступлений в сознании нескольких поколений советских людей. На протяжении всей их жизни официальная пропаганда и историография делали все возможное, чтобы создать совершенно искаженное представление о новейшей истории собственной страны.

Вопрос, как функционирует государственная власть, является центральным как для политической, так и исторической науки. Его всестороннее и адекватное освещение в научных трудах, школьных и вузовских учебниках представляет собой важный компонент формирования политической культуры общества, свидетельствует о степени политической социализации его членов. В условиях тоталитарной диктатуры в Советском Союзе не могло быть речи не только об изучении процессов, связанных с функционированием государственной власти, прежде всего — с принятием и реализацией политических решений, но даже об исследовании собственной истории XX в. Эта сторона научной деятельности находилась под исключительно жестким контролем партийных инстанций, определявших, что можно и что нельзя знать советскому человеку.

Формы и масштабы насилия над российским / советским обществом в ходе становления тоталитарного режима — тема, которая давно ин-

[1] См. подр.: *Ольчак-Роникер И.* В саду памяти. М., 2006.

inslav

тересует российских историков[1]. В последние годы ее исследование получило новый импульс в виде многотомной публикации, содержащей справки и информационные сводки ОГПУ о положении и настроениях в разных общественных слоях и группах, а также о принимаемых мерах в связи с теми или иными «антисоветскими» высказываниями и «контрреволюционными» действиями[2]. Используя этот источник, исследователям еще предстоит оценить, в какой мере совокупная внутренняя политика большевистского режима определяла общественные настроения и насколько неадекватна была реакция властей в тех случаях, когда градус недовольства в обществе повышался.

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые аспекты взаимозависимости между взглядами и публичными высказываниями большевистских лидеров, с одной стороны, и реальной политикой, возглавлявшегося ими режима — с другой, по таким вопросам, как «диктатура пролетариата», «диктатура партии», место репрессий в построении «нового общества». Начну с того, что кратко представлю, как характеризовали новый политический режим, становление которого связано с Октябрьским переворотом[3] в России, тогдашние большевистские лидеры.

В.И. Ленин в 1920 г. вполне определенно разъяснил суть нового режима, названного новой властью «диктатурой пролетариата»: «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, не-

[1] См.: Формирование административно-командной системы, 20–30-е гг.: Сб. статей / отв. ред. В.П. Дмитренко. М., 1992; *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998; Власть и общество в СССР: Политика репрессий (20–40-е гг.). Сб. статей / редкол.: В.П. Дмитренко и др. М., 1999; *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; Общество и власть. Российская провинция. 1917–середина 30-х годов / сост. А.А. Кулаков и др. М., 2002. Т. 1; *Колодникова Л.П.* Советское общество 20-х годов: по документам ВЧК–ОГПУ. М., 2009 и др.

[2] «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1–8. М., 2001–….

[3] Использование понятия «переворот» применительно к событиям конца октября 1917 г. в России не содержит в себе идеологически окрашенной оценки, а воспроизводит широко распространенную характеристику этих событий до периода их канонизации. См., например, доклад секретаря ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинского об организационной работе Центрального комитета (Девятый съезд РКП(б). Март-апрель 1920 года: Протоколы. М., 1960. С. 28).

inslav

посредственно на насилие опирающуюся власть»[1]. Годом ранее, другой теоретик большевизма, Н.И. Бухарин определил революционную диктатуру пролетариата как «форму власти, наиболее резко выражающую классово-репрессивный характер этой власти»[2]. Эти характеристики аккумулировали не только повседневную практику первых лет нового режима, но и по сути дела предначертали всю его последующую историю.

При этом никакой диктатуры пролетариата в советской России никогда не было. Она существовала исключительно в форме партийной диктатуры. Явно для вуалирования реального положения вещей в резолюции XII съезда РКП(б) констатировалось: «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе, как в форме диктатуры его передового авангарда, т.е. компартии»[3]. Спустя несколько лет, а именно в 1927 г., И.В. Сталин дополнил и уточнил эту характеристику, заявив, что партия большевиков «не делит и не может делить руководства государством с другой партией. Это и называется у нас диктатурой пролетариата»[4]. В том же году член Политбюро ЦК и председатель ВЦСПС М.П. Томский поставил, можно сказать, все точки над i, сформулировав без обиняков на длительную перспективу по-настоящему большевистский подход к определению роли, которую должна играть правящая партия в СССР: «В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме. Кто этого не понимает, тот ни черта не понимает в диктатуре пролетариата, тот ничего не понимает, что такое большевистская партия»[5].

---

[1] *Ленин В.И.* К истории вопроса о диктатуре // Полн. собр. соч. (ПСС). М., 1958–1965. Т. 41. С. 383.

[2] *Бухарин Н.И.* Теория пролетарской диктатуры // Избр. произведения. М., 1988. С. 19.

[3] Двенадцатый съезд Российской Коммунистической партии (большевиков): Стенографический отчет. 17–25 апреля 1923 г. М., 1923. С. 618.

[4] *Сталин И.В.* О трех основных лозунгах партии по крестьянскому вопросу: Ответ Ян-скому // Соч.: В 13 т. М., 1946–1951. Т. 9. С. 215.

[5] Стенографический отчет Первой областной конференции ВКП(б). 15–19 ноября 1927 г. М.; Л., 1927. С. 28. Цит. по: *Гимпельсон Е.Г.* НЭП и советская политическая система 20-е годы. М., 2000. С. 152. При всей афористичности это высказывание Томского не содержало ничего нового, а было лишь перефразированием высказанного Лениным еще в 1921 г.: «Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно как открытых, так и перекрашенных в “беспартийных”, в тюрьме» (*Ленин В.И.* О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) // ПСС. Т. 43. С. 242).

inslav

Однако «диктатура партии» остается такой же абстракцией, как и «диктатура пролетариата», если не уяснен механизм ее реализации. Если в первые годы большевистской диктатуры еще могло создаться впечатление, что ее возглавляет «единый, сильный, мощный ЦК, который руководит всем»[1], то потребовалось не слишком много времени, чтобы стало очевидно, что при столь огромной централизации руководства партией исключительная власть сконцентрировалась у ее высших органов: Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. Именно эти структуры Ленин фактически отождествлял с реальной властью, употребив формулировку «государство — это мы»[2], разумеется, не для печати.

Так на практике выстраивалась особая система управления огромным государством, в котором коммунистической партии, этому, по выражению Сталина, «ордену меченосцев»[3], отводилась роль организатора, надзирателя и идейного вдохновителя поступательного движения в направлении создания полностью управляемого и манипулируемого общества. По мере развития упомянутого процесса партия из силы внутри государства превращалась в мощный надгосударственный механизм, но не в качестве массовой организации, а прежде всего как партийно-аппаратный монстр, т.е. внутри массовой партии была создана особая «партия аппарата», через которую высшее партийное руководство осуществляло свою диктатуру над государством и обществом. Как отмечал на XVI съезде ВКП(б) секретарь ЦК Л.М. Каганович: «Наша партия руководит ... всеми сторонами деятельности пролетарской диктатуры, начиная с подавления классовых врагов и кончая вопросами конопли, льна, свиноводства»[4]. В этих словах не было никакого преувеличения, и чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к перечню вопросов, по которым Политбюро принимало свои решения[5].

Причем ставка именно на такое развитие событий была сделана уже в первые годы после захвата власти большевиками. Так, осенью 1920 г. Сталин обращал внимание на то, что «страной управляют на деле не

---

[1] Двенадцатый съезд… С. 207.

[2] *Ленин В.И.* О задачах Наркомюста в условиях Новой экономической политики: Письмо Д.И. Курскому // ПСС. Т. 44. С. 398.

[3] *Сталин И.В.* О политической стратегии и тактике русских коммунистов // Соч. М., 1947. Т. 5. С. 71.

[4] XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1930. С. 90.

[5] См.: Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952: Каталог. М., 2000–2001. Т. I–III.

inslav

те, которые выбирают своих делегатов ... на съезды Советов... Страной управляют фактически те, которые овладели исполнительными аппаратами государства, которые руководят этими аппаратами»[1]. Действительно, на протяжении более семи десятилетий это «управление» являло собой не что иное, как совершенно нелегитимное по форме и преступное по содержанию насилие абсолютного меньшинства над абсолютным большинством граждан советской России / Советского Союза.

Удержание, поддержание и расширение этой власти в аграрно-индустриальной стране, 75 % населения которой к моменту захвата власти большевиками составляли крестьяне, а в городах проживало менее 18 % населения, представляло собой непростую задачу. Особенно если принять во внимание, что численность большевистской партии к тому времени составляла около 350 тыс. человек[2]. А о степени ее популярности в России убедительно свидетельствуют состоявшиеся уже после Октябрьского переворота в Петрограде выборы в Учредительное собрание, на которых большевики получили около 24 % голосов[3]. Да и сама большевистская партия, хотя и стала очень скоро единолично правящей, не представляла, по крайней мере на протяжении большей части 1920-х годов, сплоченного, управляемого из единого центра монолита.

Конечно, это положение менялось как в количественном, так и качественном отношении. Численность партии росла, и к началу 1934 г. в ее рядах насчитывалось 1 872 488 членов и 935 298 кандидатов[4] (общая численность населения СССР к этому времени достигла 156 797 тыс. человек)[5]. Вместе с тем образовательный и культурный уровень членов партии оставался крайне низким: в 1927 г. неграмотные коммунисты и коммунисты с низшим (в том числе домашним) образованием составляли более 90 % партии[6]. Подавляющее большинство тогдашних партийных и государственных аппаратчиков разных уровней по существу отражали

---

[1] *Сталин И.В.* Речь при открытии I Всероссийского совещания ответственных работников РКИ // Соч. Т. 4. С. 366.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 3. Кн. 1. С. 243.

[3] *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 273.

[4] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971. Т. 4. Кн. 2. С. 262.

[5] См.: Население России в XX веке: В 3-х т. М., 2000. Т. 1 / отв. ред. В.Б. Жиромская. С. 340.

[6] См.: *Гимпельсон Е.Г.* Указ. соч. С. 128.

inslav

не только культурный и образовательный уровень этой партийной массы, но и (что вполне естественно) генерировали ее менталитет. Именно на них в первую очередь был рассчитан стиль публичных выступлений Сталина в 1920–1930-е годы, очень простых, порой даже примитивных — одним словом, очень доходчивых. И в этом обращении с партийными функционерами, как и в организационно-кадровых вопросах, Сталин переиграл своих явных и мнимых более образованных оппонентов в процессе создания тоталитарного режима в СССР и утверждения своей единоличной власти на вершине его вертикали.

Как Сталин реализовывал свою власть? Главным его «изобретением» была система подбора руководящих кадров для партийного и государственного аппарата, вылившаяся в формулу: «Кадры — решают всё». Свои соображения на этот счет он изложил еще на XII съезде партии в 1923 г.: «Необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие их проводить в жизнь. В противном случае политика теряет смысл»[1]. Основная идея Сталина сводилась к тому, чтобы на ответственные посты всех уровней подобрать ретивых исполнителей его директив. Спустя почти 15 лет он, выступая на мартовском (1937) пленуме ЦК, положившем начало Большому террору в Советском Союзе, подвел некоторые итоги своей кадровой политики: «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3–4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30–40 тысяч средних руководителей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100–150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство»[2]. Хотя приведенные Сталиным цифры, скорее всего, не отражали истинной картины, в этих словах была сформулирована иерархическая концепция, положенная в основу создания партийно-государственной номенклатуры — одной из основных опор его диктаторской власти. Высшему слою этой номенклатуры, а по сути партийно-государственной олигархии принадлежала власть в СССР. Другой его опорой являлись репрессивные органы.

Очевидно, что тоталитарное государство не может существовать без разветвленного аппарата насилия и прежде всего без тайной политиче-

[1] Двенадцатый съезд … С. 56.

[2] *Сталин И.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников: Доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК ВКП(б), 3–5 марта 1937 г. М., 1937. С. 28.

inslav

ской полиции. Уточню, не только не может существовать, но и не может быть создано. Это прекрасно понимал Ленин, сделавший важнейшим инструментом внутренней политики большевистского режима Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, деятельность которой находилась под его личным контролем. Сеть чрезвычайных комиссий покрыла всю советскую республику. Руководство ВЧК, опираясь на поддержку Ленина, стремилось максимально расширить круг полномочий своей организации, и это ему удалось. Как отмечал в начале 1920-х годов заместитель председателя ВЧК М.Я. Лацис: «Нет такой области жизни, на которую бы не распространялась деятельность ВЧК»[1].

Уже в первые месяцы после Октябрьского переворота большевистское руководство сделало ставку на террор, причем на массовый террор, как средство обеспечения своего господства. Руководство ВЧК в первое время даже не стремилось скрывать этого. В интервью газете «Новая жизнь», ставшей в 1918 г. рупором независимого антибольшевистского рабочего движения (основной издатель, редактор и автор — А.М. Горький), председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский говорил: «Общество и пресса не понимают правильно задачи и характер нашей комиссии. Они понимают борьбу с контрреволюцией в смысле нормальной государственной политики и поэтому кричат о гарантиях, судах, о следствии и т.д. Мы ничего не имеем общего с военно-революционными трибуналами, мы представляем организованный террор. Это нужно сказать открыто»[2]. Все это было декларировано за два с лишним месяца до покушения на Ленина и официального объявления о начале красного террора[3]. Его суть, изложенную опять-таки не в служебной инструкции, публично представил заместитель Дзержинского Лацис: «Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов, что обвиненный действовал делом или словом против Советов. Первый вопрос, который вы ему должны предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образо-

[1] Цит. по: *Измозик В.С.* Глаза и уши режима: Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 гг. СПб., 1995. С. 61.

[2] Цит. по: Политическая история. Россия–СССР–Российская Федерация: В 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 72. Не прошло и месяца как «Новая жизнь» была закрыта в ходе реализации курса на правильное понимание мероприятий, связанных с осуществлением новой властью террора.

[3] См.: Приказ ВЧК «О Красном терроре» от 2. 09. 1918 г. // История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов: В 7 т. М., 2004–2005. Т. 2: Карательная система: структура и кадры / отв. ред. и сост. Н.В. Петров; отв. сост. Н.И. Владимирцев. Док. 1. С. 523.

inslav

вания или профессии. Эти вопросы должны определять судьбу обвиняемого ... В этом смысле и сущность красного террора» (подчеркнуто мной. — *С. С.*)[1].

Нелегитимной власти для ее удержания были необходимы предельно простые и броские пропагандистские клише, доходчиво объясняющие массам смысл тотального террора. И тогда, спустя лишь месяц после переворота в Петрограде, в оборот было введено словосочетание «враг народа»[2], ставшее на десятилетия синонимом преступной ленинско-сталинской политики в отношении народов бывшей Российской империи. В ходе Гражданской войны это понятие наполнялось конкретным содержанием, включая в себя применение все более жестоких мер. Может создаться впечатление, что террор был обусловлен исключительно самим фактом этой войны и является формой самозащиты от конкретных враждебных новой власти лиц или их объединений. Однако уже в ходе Гражданской войны стало ясно, что красный террор носит не просто государственный характер, он имманентен ему, будучи направлен не против отдельных лиц и даже не против отдельных партий. Его объект — целые социальные группы, целые классы и в итоге все общество. Вот некоторые вполне типичные свидетельства на этот счет. 24 января 1919 г. Оргбюро ЦК РКП(б) одобрило текст циркулярного письма ЦК об отношении к казачеству, в котором предписывалось: «1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»[3]. 19 февраля 1919 г. Совет обороны принял постановление, касающееся решения сугубо хозяйственной задачи — расчистки снега. В нем, в частности, давалось указание «взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны»[4]. И, наконец, еще один весьма показательный факт. 25 декабря 1919 г. Ленин в письме особоуполномоченному Совета обороны по топливным главкам и члену коллегии НКВД РСФСР А.В. Эй-

[1] Красный террор. 1918. 1.10. Цит. по: *Кудрявцев В.*, *Трунов А.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 103.

[2] См.: Декрет СНК СССР от 28 ноября 1917 г. «Об аресте вождей гражданской войны против революции» // Декреты Советской власти. М., 1957– … Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. Док. 111. С. 162.

[3] См. Протокол заседания Организационного бюро ЦК РКП (большевиков) от 24. 01. 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 178.

[4] Цит. по: *Латышев А.Г.* Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 54.

inslav

дуку выразил неудовольствие по поводу темпов погрузки дров на железнодорожном транспорте в течение недели, на которую приходился православный праздник «Николин день» (19 декабря) и потребовал принять следующие меры: «Надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за “Николы”»[1]. Не трудно догадаться в отношении представителей каких социальных слоев должна была осуществляться эта «высшая форма социальной защиты»...

С окончанием Гражданской войны, укреплением большевистской диктатуры, созданием унитарного государства, казалось, исчезала реальная основа для осуществления не только массового террора, но и массовых судебных преследований. Действительно в первые годы нэпа кривая репрессий резко пошла вниз: в 1923 г. число осужденных на территории РСФСР сократилось почти в 7,5 раз по сравнению с 1921 г., в том числе осужденных на смертную казнь — почти в 23,5 раза, соответственно 4794 и 414 человек[2]. Это вызвало резко отрицательную реакцию, в частности, со стороны руководящего состава ГПУ при НКВД РСФСР. Как информировал один из ответственных работников этого ведомства Дзержинского: «У наших чекистов ностальгия по годам, когда сажать, грабить, налагать огромные контрибуции на буржуазию было хлебом насущным. Они переживают свое положение мелких чиновников как опалу... В настоящий момент мы присутствуем при прогрессирующем вырождении наших людей. Если ничего не будет сделано, государство рискует оказаться без аппарата»[3].

И этот призыв был услышан, хотя, по всей видимости, он и не требовался. Еще в марте 1922 г. Ленин писал члену Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменеву: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому»[4]. Очевидно, что реализация всей внутренней политики большевиков была невозможна без перманентного террора в отношении той или иной общественной группы, причем как для подрыва позиций или полного устранения последней, так и для оправдания возраставшим числом мнимых врагов советской власти фантастически высокой цены социального эксперимента в целом. К тому же ни Ленин, ни его ближайшее окру-

[1] Там же. С. 156.

[2] См.: *Попов В.П.* Государственный террор в Советской России в 1923–1953 гг. Источники и интерпретация // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 28. Табл. 3.

[3] Цит. по: *Верт Н.* Террор и беспорядок: Сталинизм как система / пер. с фр. М., 2010. С. 60.

[4] *Ленин В.И.* Письмо Л.Б. Каменеву, 3. 03. 1922 г. // ПСС. Т. 44. С. 428.

inslav

жение не ограничивали рамки насилия и террора только буржуазией и имущими слоями населения, а точнее — уже лишенными собственности людьми. Именно Ленин в 1922 г. настаивал на включении в Уголовный кодекс статьи, предусматривавшей суровое наказание для всех «содействующих или способных содействовать» мировой буржуазии[1]. А среди них, естественно, могли быть не только представители бывших имущих классов, которых Ленин вовсе не упускал из виду, полагая, что «революционное насилие не может не проявляться и по отношению к шатким, невыдержанным элементам самой трудящейся массы»[2]. В том же письме наркому юстиции Д.И. Курскому Ленин не только предлагал «расширить применение расстрела (с заменой — высылкой за границу)», но и обосновывал неотложность узаконить в Уголовном кодексе широкое использование террора как инструмента внутренней политики. По его мнению, следовало «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически — узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого»[3].

Здесь налицо заинтересованность правящей верхушки большевистского режима в юридическом оформлении и «обосновании» репрессивной политики, причем в максимально расплывчатой форме. Этот подход в полной мере нашел отражение в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., который заложил основы всех последующих советских уголовных кодексов. В его «Особенной части» к числу государственных преступлений были отнесены не только контрреволюционные (ст. 57–73), но и «преступления против порядка управления» (ст. 74–104), что открывало большие возможности для их политизации и соответствующей переквалификации, влекущей более суровое наказание[4].

---

[1] *Ленин В.И.* Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР и письму Д.И. Курскому // ПСС. Т. 45. С. 191.

[2] *Ленин В.И.* Речь на IV конференции губернских чрезвычайных комиссий 6 февраля 1920 г. // ПСС. Т. 40. С. 117.

[3] *Ленин В.И.* Дополнения… С. 189, 190.

[4] См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 13–16.

inslav

Красный террор становился важнейшей частью новой «социалистической законности», в основе которой лежало, во-первых, отрицание правового государства (как констатировал Л.М. Каганович в ноябре 1929 г.: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие “правового государства” к советскому государству, то это значит, что он идет на поводу буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве»[1]); во-вторых, следование исключительно принципу революционной целесообразности или указаниям высшего партийного руководства (по заявлению прокурора РСФСР Н.В. Крыленко на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г.: «Наши законы... есть не что иное, как указания партии»[2]); в-третьих, важнейшим из таких указаний партии стал тезис ее генерального секретаря, согласно которому классовая борьба по мере продвижения к социализму обостряется, что явилось теоретической основой и оправданием перманентного террора против всего населения Советского Союза не только в качестве «задачи дня», но и на перспективу[3]; и, наконец, в-четвертых, издание специальных законов и постановлений, которые не только дополняли перечень «преступных деяний», но и способствовали резкому увеличению числа осужденных в стране[4].

---

[1] Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 84.

[2] XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 351.

[3] Выступая с докладом на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г., Сталин заявил: «Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление, необходимое для того, чтобы добить остатки умирающих классов и организовать оборону против капиталистического окружения, которое далеко еще не уничтожено и не скоро будет уничтожено» (*Сталин И.В.* Итоги первой пятилетки // Соч. Т. 13. С. 211). Вопрос об исключительных «авторских правах» Сталина на тезис об обострении классовой борьбы в ходе строительства социализма представляется, по меньшей мере, дискуссионным. Еще в 1920 г. Ленин утверждал: «На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон (подчеркнуто мной. — *С.С.*), что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуазии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления» (Девятый съезд РКП(б)… С. 18).

[4] Например, в ходе реализации Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», предусматривавшего в качестве наказания «за хищения (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с

inslav

Надо отдать должное и юристам-правоведам: многие из них не только уловили «дух времени», но и внесли свою лепту в наукообразную интерпретацию партийных указаний, нередко даже их опережая. Некоторые из таких теоретических экзерсисов легли в основу последующей государственной террористической практики. Например, еще в 1924 г. был сформулирован тезис, ставящий фактически знак равенства между советским правосудием и репрессией: «Противопоставление расправы суду абсолютно неправильно. Всякая расправа, произведенная в результате решения того или иного органа, будет заключать в себе, в той или иной степени, элемент судебного решения, точно так же, как и всякий суд ... явится только формой расправы»[1] (подчеркнуто мной. — *С.С.*). Фактически неограниченные возможности для реализации широкомасштабного террора открывал и следующий юридический постулат: «Для того чтобы бороться с нарушениями общественного порядка, совершенно не нужно, чтобы какой-нибудь представитель своего или чужого класса совершил какое-нибудь действие, описанное в уголовном законе, с неизбежной санкцией наказания. Для этого достаточно констатировать, что данный представитель враждебного или своего класса представляет социальную опасность»[2]. Тем не менее о кодификации всех возможных преступлений граждан СССР не забывали, особенно, если это касалось действий, прямо или косвенно направленных против существующего режима. В УК РСФСР 1926 г., действовавшем на всем протяжении пребывания у власти Сталина, печально известная 58-я статья, касающаяся антисоветских деяний или в качестве таковых интерпретируемых, имела уже 18 пунктов, из них 13 — «расстрельных»[3]. Однако при характеристике «социалистической законности» ни в коей мере не следует преувеличивать значение даже таких правовых (по сути

конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества» (см.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание 1927–1939: Документы и материалы: В 5 т. М., 1999–2006. Т. 3: Конец 1930–1933 / под ред. В.П. Данилова и др. Док. 160. С. 454) было осуждено в 1932–1934 гг. только в РСФСР 163,5 тыс. человек (см.: *Попов В.П.* Указ. соч. С. 26).

[1] *Берман Я.Л.* Основные вопросы теории пролетарского государства. М., 1924. С. 119.

[2] *Старосельский Я.В.* Принципы построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 2. С. 85. Цит. по: *Кудрявцев В.*, *Трунов А.* Указ. соч. С. 58.

[3] См.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях… С. 22–26.

inslav

— противоправных) документов, как Уголовный кодекс. Канадский исследователь П. Соломон заметил по этому поводу: «Приверженность политического руководства правовым учреждениям и процедурам была условной... как только руководство ставило перед страной более радикальные цели и соответственно открывало новые нюансы в применении права, незамедлительно падали все барьеры, защищающие правовые ценности и учреждения»[1].

Состоявшийся в начале 1934 г. XVII съезд ВКП(б) был назван «съездом победителей» не только в связи с полным завершением внутрипартийной борьбы (по выражению Сталина, «на этом съезде — и доказывать нечего, и бить некого»[2]), а прежде всего вследствие трагической победы над собственным народом в ходе коллективизации, увенчавшейся полным установлением в Советском Союзе преступного режима. Какова же была цена этой победы на то время? Приведу некоторые цифры. За время Гражданской войны в России, (конец октября 1917 г. — 1920 г.), ставшей прямым следствием большевистского переворота, ее население сократилось на 10 887 тыс. человек, что далеко не исчерпывает всех демографических потерь, которые по оценкам специалистов увеличивают приведенную цифру, по меньшей мере, вдвое[3]. Жертвами голода 1921–1922 гг., обусловленного разорением деревни в годы Гражданской войны, стали около 1 млн человек[4]. Численность людских потерь в результате голода начала 1930-х годов[5], вызванного насильственной коллективизацией сельского хозяйства, колеблется в зависимости от используемой методики подсчета между 7,2 и 10,8 млн человек[6].

---

[1] *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. 2-е изд. М., 2008. С. 41.

[2] XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет. М., 1934. С. 28.

[3] Население России в XX веке. Т. 1. С. 95.

[4] Там же. С. 133.

[5] Подробнее см.: *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008; *Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009; Голод в СССР. 1930–1934 гг. Подборка документов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива экономики, Российского государственного военного архива, Архива Президента Российской Федерации, Центрального архива ФСБ России о проблеме голода в СССР в начале 30-х годов XX века. М., 2009.

[6] Население России в XX веке. Т. 1. С. 276.

inslav

В результате этого искусственно организованного голода[1] общая численность населения СССР в 1933 г. сократилась с 162 902 тыс. до 156 797 тыс., т.е. на 6 105 тыс. человек[2]. Не оставались без работы в ходе борьбы с народом и репрессивные органы. По данным ОГПУ, в 1930–1931 гг. на спецпоселение были отправлены 381 173 крестьянские семьи общей численностью 1 803 392 человека[3]. Именно в это время (1930) советская лагерная, а точнее — концлагерная система обрела тот зловещий облик, который навсегда вошел в историю в виде аббревиатуры ГУЛАГ[4]. Всего же с 1921 по 1933 г. включительно только органами ВЧК–ОГПУ были осуждены 979 211 человек, из них 59 125 — к высшей мере наказания[5]. На 1 января 1934 г. в исправительно-трудовых лагерях СССР находилось 510 307 человек[6]. Разумеется, ни одна из этих цифр не прозвучала и не могла прозвучать на «съезде победителей». Ведь за ними стояли сотни тысяч и миллионы человеческих жизней и судеб, которые оборвались или были сломаны, исковерканы преступным по отношению к народам Советского Союза режимом, а не впечатляющие плановые показатели, нередко не имевшие ничего общего с реальностью. В отчетном докладе Сталина говорилось, что «трудовое крестьянство, наше советское крестьянство окончательно и бесповоротно стало под красное знамя социализма»[7]. О том, какими методами оно было туда поставлено, красноречиво свидетельствовала инструкция, направленная в закрытом

[1] «В контексте голодных лет в истории России своеобразие голода 1932–1933 годов заключается в том, что это был первый в ее истории “организованный голод”, когда субъективный, политический фактор выступил решающим и доминировал над всеми другими… В комплексе вызвавших его причин отсутствовал природный фактор, как равноценный другим, характерный для голодов 1891–1892, 1921–1922, 1946–1947 годов» (*Кондрашин В.В.* Указ. соч. С. 331).

[2] Население России в XX веке. Т. 1. С. 340.

[3] Там же. С. 277. О спецпоселенцах подробнее см.: *Бердинских В.А.* Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005.

[4] См.: *Stettner R.* „Archipel GULag“: Stalins Zwangslager — Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant; Entstehung, Organisation und Funktion des sowjetischen Lagersystems 1928–1956. Paderborn u.a., 1996; *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997;О*на же*. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006.

[5] Подсчитано по: ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960 / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров; под ред. А.Н. Яковлева. М., 2000. Док. 100. С. 432–433.

[6] См.: История сталинского Гулага. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания / сост. И.В. Безбородова (отв. сост.), В.М. Хрусталев; Отв. ред. А.Б. Безбородов, В.М. Хрусталев. Док. 49. С. 130.

[7] XVII съезд… Стенографический отчет. С. 21.

inslav

порядке партийно-государственному аппарату Сталиным и председателем Совнаркома СССР В.М. Молотовым несколькими месяцами ранее. В ней, в частности, констатировалось: «ЦК и СНК считают, что в результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы уже не нуждаемся в массовых репрессиях, задевающих, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников»[1].

Таким образом, возглавлявшие режим лица признавали факт проведения массовых репрессий в отношении значительной части крестьянства, все еще составлявшего подавляющую часть населения СССР. И хотя признавалась необходимость некоторого смягчения репрессивной политики, что нашло отражение в некотором сокращении числа арестованных по политическим статьям в 1934–1936 гг., но это продолжалось недолго. Как резюмировал Каганович: «Мы подводим на XVII съезде итоги побед не для упоения нашими успехами, не для того, чтобы почить на лаврах... Мы оглядываемся на пройденный путь, чтобы на уроках прошлого проверить, отточить наше оружие для предстоящих еще боев»[2]. И они, как известно, не заставили себя долго ждать.

В классическом труде Х. Арендт о происхождении и сущности тоталитаризма очень точно подмечено, что наличие реальной оппозиции является лишь предлогом для тоталитарного режима при осуществлении им политики репрессий[3]. Иными словами, широкомасштабный террор начинается после того, как ликвидирована оппозиция и завершен процесс консолидации режима. Советский опыт полностью подтверждает этот вывод. Спустя всего несколько лет после проведения «съезда победителей» над закабаленным народом, в том числе над внутрипартийной оппозицией курсу на форсированную индустриализацию и тотальную коллективизацию в деревне, правящая верхушка обрушила на страну беспрецедентные репрессии, вошедшие в историю под названием «Большой террор»[4]. По мнению исследователей, имевших доступ к архивам

---

[1] История сталинского Гулага. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / отв. сост. И.А. Зюзина; отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко. Док. 26. С. 175.

[2] Доклад Л.М. Кагановича «Организационные вопросы (Партийное и советское строительство)» // XVII съезд… Стенографический отчет. С. 565.

[3] *Arendt H.* Elemente und Ursprünge totaler Herrschaft. München; Zürich 1986. S. 691.

[4] О масштабах Большого террора свидетельствуют следующие данные, опирающиеся на официальную статистику: в 1937–1938 гг. было арестовано по линии НКВД СССР 1 575 259 человек (см.: ГУЛАГ… Док. 100. С. 433), из них приговорено к расстрелу — от 750 до 800 тыс. человек (данные приведены с учетом поправок к официальной статистике НКВД, см.: *Верт Н.* Введение // История

inslav

органов госбезопасности, накануне Большого террора «не существовало угрозы непосредственного военного нападения на СССР. В исследуемые годы спецслужбы иностранных государств не проводили акций по непосредственному подрыву экономического и оборонного потенциала СССР, а их разведывательная деятельность носила ограниченный характер... В стране отсутствовали и предпосылки к формированию организованной оппозиции, которую Сталин рассматривал в качестве угрозы своей единоличной власти. Стихийные и немногочисленные проявления протеста и инакомыслия подавлялись»[1]. Таким образом, для широкомасштабных репрессий, стоивших жизни многим сотням тысяч людей и чрезвычайно ослабивших страну и вооруженные силы перед грядущими испытаниями, не было никаких реальных оснований, если к таковым только не относить преступную «приверженность Сталина к репрессивным методам решения любых проблем»[2].

Очевидно, террор играл в становлении и функционировании тоталитарного режима огромную роль, причем преимущественно не в качестве реакции на оказываемое властям сопротивление, а прежде всего как основная форма отношений между режимом и обществом, для поддержания общества в состоянии перманентного напряжения. При этом речь шла не только о физическом уничтожении миллионов людей самыми различными способами (расстрел, концлагерь, депортация, голодомор и т.д.), но и о психологическом воздействии уже на десятки миллионов людей, насильно вовлеченных в строительство «нового мира», каждый кирпич в здании которого нес на себе клеймо несвободы. Страх перед тоталитарным левиафаном, наряду с отсутствием какой-либо правовой защищенности, ставшие неотъемлемой частью жизни советского человека, были одной из важнейших сторон психологического террора. Страх не быть принятым в комсомол, в партию или высшее учебное заведение

сталинского Гулага. Т. 1. С. 71). Подробнее см.: *Юнге М., Биннер Р.* Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М., 2003; *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль Большого террора: История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008; обширную библиографию по теме см. Там же. С. 756–778. О новейшей российской историографии на эту тему см.: *Кропачев С.А.* Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 годах // Российская история. 2010. № 1. С. 166–172.

[1] *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 326.

[2] *Хлевнюк О.В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 461.

inslav

из-за непролетарского происхождения или каких-либо «неясностей» в анкете; страх перед очередной чисткой в партии в связи с выдвинутыми когда-то обвинениями о поддержке не той резолюции, в мещанских настроениях; страх из-за знакомств или служебных контактов с бывшими участниками «оппозиции» или «врагами народа»; страх по поводу контактов с иностранцами, получения писем или посылок из-за рубежа, в связи с наличием родственников за границей; страх за судьбу детей и близких, вынуждавший давать ложные показания, оговаривая ни в чем неповинных людей, и т. д., и т.п. Лагерная империя — Архипелаг ГУЛАГ и атмосфера страха, затронувшая значительную часть граждан, вынужденных поклоняться мнимым ценностям и влачивших жалкое существование, находились в некоем, не всегда заметном, единстве, обеспечивавшем стабильность тоталитарной системы, задача которой определялась Сталиным как «строительство социализма в отношении всего общества»[1].

В заключение хочу обратить внимание на следующую сторону затронутой проблемы — об ответственности за преступления, осуществлявшиеся на протяжении нескольких десятилетий ленинско-сталинского режима. Их масштабы не имели прецедента в истории. И тем не менее никто из руководителей этого во всех отношениях преступного режима не был осужден и не понес наказания в то время (в юридическом смысле и по настоящее время) не за фиктивные, выдуманные в Кремле или на Лубянке преступления, а за реальный физический и духовный террор в отношении более чем полутора сотен миллионов человек. К счастью, не все они стали жертвами физического насилия (не были расстреляны, отправлены в концлагерь или на поселение, депортированы, ограничены в правах), хотя и таких насчитывались десятки миллионов[2], но все граждане Советского Союза, причем не в одном поколении, подверглись духовному террору. Последствия этой травмы, закрепившейся едва ли не генетически в новых поколениях, наблюдаются по сей день, свидетельствуя о так и непреодоленном прошлом в сознании очень многих граждан России и об отсутствии недвусмысленной государственной политики в наши дни, связанной с правдивым отношением к прошлому страны. А ведь по сути дела речь идет о необходимости хотя бы не придавать забвению в повседневной образовательно-просветительской прак-

[1] *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 9-е изд. М., 1933. С. 164.

[2] По оценке специалистов, только за послевоенное десятилетие (1945–1954) через ГУЛАГ прошли от 10 до 13,5 млн человек (см.: *Безбородова И.В.* Введение // История сталинского Гулага. Т. 4. С. 39).

inslav

тике постановления Конституционного суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 г., в котором констатировалось, что в СССР «в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в политбюро ЦК КПСС... Руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах — зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей, в том числе депортированных народов. Так продолжалось десятилетиями»[1]. И в этом случае вряд ли стала бы возможна популяризация тезиса об «эффективном менеджере» Сталине, который в действительности стоял во главе преступного режима в течение трех десятилетий.

Е. Ю. Борисенок
(Москва)

«Мародерство подрывает достоинство воина РККА»: Красная армия и население Западной Украины в 1939 году

«Освободительному походу» Красной армии 1939 года в настоящее время уделяется особое внимание, однако в специальной литературе ряд проблем до сих пор остается малоисследованными, особенно в современной российской историографии. К числу последних можно отнести и проблему взаимоотношения Красной армии и населения: если специалисты проявляли интерес к действиям советских военнослужащих в отношении польских военнопленных, то мародерство красноармейцев в отношении мирных граждан до сих изучено значительно хуже. Между тем анализ реакции армейского начальства касательно случаев мародерства и барохольства может выявить отношение Красной армии к населению «восточных кресов» в условиях все более активизировавшихся межнациональных антагонизмов.

На настроения рядовых красноармейцев оказала немалое влияние развернувшаяся пропагандистская подготовка предстоящего похода. 14 сентября 1939 г. в газете «Правда» появилась статья «О внутренних причинах военного поражения Польши». В статье говорилось о том, что «польское государство оказалось настолько немощным и недееспособ-

[1] Вестник Конституционного суда РФ. 1993. № 4–5. С. 54–56. Цит. по: *Кудрявцев В.*, *Трусов А.* Указ. соч. С. 344.

inslav

ным, что при первых же военных неудачах стало рассыпаться»[1]. Причина внутренней слабости Польши крылась в области национальных отношений. Там указывалось на многонациональный характер польского государства и политику подавления и угнетения национальных меньшинств, особенно украинцев и белорусов. «Положение украинцев и белорусов характеризуется режимом национального угнетения и бесправия, — говорилось в статье. — Правящие круги Польши ... сделали все, чтобы превратить Западную Украину и Западную Белоруссию в бесправную колонию, отданную польским панам на разграбление. В этом отношении политика Польши ничем не отличается от угнетательской политики русского царизма»[2]. Политика насильственного ополячивания украинцев и белорусов привела к тому, писала «Правда», что национальные меньшинства Польши не стали надежным оплотом государственного режима: «Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих его народов, а, наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы»[3].

17 сентября 1939 г. по радио была передана речь председателя СНК СССР В.М. Молотова (на следующий день эта речь была опубликована в «Правде»). Глава советского правительства заявил о том, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать и, в силу такого положения, заключенные между Советским Союзом и Польшей договоры прекратили свое действие. В этих условиях советское правительство считает своей священной обязанностью «подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу[4].

Положения речи В.М. Молотова были доведены до сведения рядовых красноармейцев, а на митингах личного состава были приняты резолюции, одобряющие мероприятия правительства. Таким образом, красноармейцы должны были почувствовать себя освободителями братского украинского и белорусского народа, угнетенного польскими помещиками и капиталистами. Нельзя сказать, что такого рода агитация оказы-

[1] Правда. 1939. 14 сентября.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Речь по радио Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В.М. Молотова. 1939 г., сентября 17. // Воссоединение украинского народа в едином украинском советском государстве (1939–1949 гг.). Сб. док. и матер. Киев, 1949. С. 25–26.

inslav

валась бесполезной, хотя и преувеличивать ее воздействие, вероятно, не следует. Однако в ряде случаев развернутая пропагандистская кампания имела несомненный успех. Например, трое демобилизованных в 1938 г. военнослужащих Красной армии в своем письме на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева писали о своем намерении вернуться в ряды РККА, поскольку не могут находиться в стороне от величайших исторических событий, переживаемых страной в связи с той миссией, которую выполняла Красная армия «по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии и выполняет сейчас по освобождению финского народа от капиталистического рабства»[1].

Впрочем, были настроения и другого рода. Например, красноармейцы Сидоренко, Кашевский и Дуденко, побывавшие на «освобожденных землях», высказывались иначе: «Партия доруководилась, что нет в стране ни хлеба, ни мяса, ни даже спичек. В Польше раньше лучше жили, чем после освобождения советской властью. С западных украинцев скинули ярмо, а хомут надели. Партия кинула лозунг „Прочь войну!", а сама воюет за чужие земли...»[2]

Действительно, красноармейцы с удивлением обнаруживали, что внушенные им представления о Западной Украине не всегда соответствовали действительности: тех, кого они освобождали, жили лучше, решил красноармеец Черняк[3]. Командир взвода разведки 274-го тяжелого корпусного артиллерийского полка П. Горелик вспоминал: «Я думал, что еду в какую-то глушь, — Польша представлялась мне страной на обочине Европы, а Западная Украина — захолустьем Польши. Но Львов оказался городом европейским... Изобилие товаров и улыбок, несмолкаемость „шума городского"– все это поразило нас в те дни раннего бабьего лета»[4]. Особенно поражали не только людные улицы («улицы были полны с утра до поздней ночи»), но и магазинные прилавки. Горелик вспоминал прилегавшие к центру улочки, маленькие лавчонки, «ломившиеся от мануфактуры, обуви, парфюмерии и косметики»[5].

---

[1] *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 98.

[2] *Гриневич В.А.* Суспільно-політичні настрої населення України в роки Другої світової війни (1939–1945 рр.) Київ, 2007. С. 171.

[3] Там же. С. 172.

[4] *Горелик П.* Из книги воспоминаний «Дружба и служба» // Звезда. 2002. № 5. Текст доступен в Интернете. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/zvezda/2002/5/goreli.html Время доступа: 30.10.2009.

[5] Там же.

inslav

Между тем на фоне этого «изобилия» бойцы «армии-освободительницы», которые должны были продемонстрировать лучшие качества советского человека, выглядели не лучшим образом. Население «кресов всходних» было удивлено внешним видом красноармейцев, что было зафиксировано в воспоминаниях очевидцев «освободительного похода» 1939 года: «Трудно было поверить, что большевистские солдаты так оборваны. Винтовки висели на веревочках, а вместо ремней солдаты были подпоясаны тряпками. Лошади выглядели как скелеты... Солдаты ели картофельные очистки, а офицеры картошку»[1].

Действительно, армейские части отнюдь не всегда были должным образом обеспечены не только обмундированием, но и питанием. Так, начальник политотдела 41-й стрелковой дивизии батальонный комиссар Катасонов докладывал 3 декабря 1939 г., что личный состав, обмундированный «летней одеждой разных сроков носки», оказался неподготовленным к наступлению холодов. «Теплое зимнее обмундирование частично выдано, но не всему личному составу, — говорилось в документе. — Примерно 50 % личного состава не получили шлемов и теплого белья. Сейчас в связи с похолоданием у красноармейцев, у которых отсутствуют шлемы, теплое белье, появляются различные болезни, вследствие простуды, как-то: головные боли, нарывы в ушах, чири, ангина, грипп и т.д., имеются и нездоровые настроения вокруг вопроса отсутствия теплой одежды... Питание красноармейцев налаживается, большинство частей приготавливают пищу из двух блюд, однако есть части, где еще пищу готовят из одного блюда. Заготовка овощей на зиму идет плохо... Военторг как таковой до сих пор не организован»[2].

Подобные случаи были не единичны. Так, по данным начальника политотдела 10-й армии, в частях недоставало 8 тысяч пар обуви, 4,5 тысяч шинелей, 5 тысяч гимнастерок, 6 тысяч шароваров[3]. Исследователи указывают на проблемы не только с материальным обеспечением красноармейцев, но и на хронические перебои с продовольственным обеспечением: походных кухонь не хватало, а те, что имелись, не успевали за войсками. Не хватало горячей еды, и даже хлеба[4].

---

[1] *Тихомирова В.Я.* Советский человек на Кресах в 1939–1941 годах: свидетельства очевидцев и художественные образы // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб, 2011. С. 295.

[2] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 9. Оп. 36. Д. 3591. Л. 3–4.

[3] *Гриневич В.А.* Указ. соч. С. 182.

[4] Там же. С. 183.

inslav

Неудивительно, что плохое снабжение армейских частей (а также воспоминания о пустых магазинных полках дома) вызывало у красноармейцев желание улучшить свое положение. В магазины выстроились длинные очереди. Возникали и следующие ситуации. 10 октября командование 146-й стрелковой дивизии разрешило покупки в городе и «военнослужащие весь день закупали в городе все, что попадалось под руки». Население, увидев, что для них ничего не останется, стало в очереди у всех магазинов, чтобы остатки закупить для себя. Цены поднялись, горожане стали высказывать недовольство, а о Красной армии и Советском Союзе стало складываться плохое мнение. Командование в тот же день было предупреждено о недопустимости подобных действий («барахольства»). Спустя три дня была произведена проверка, но «грубых случаев барахольства» отмечено не было[1].

Бывало, однако, и откровенное мародерство. Так, 24 ноября 1939 г., «днем, приблизительно в 14.00 красноармейцы запаса 2-го дивизиона Барабаш Гавриил Григорьевич, б.п., колхозник и Крупинин Семен Сергеевич, б.п., колхозник, оба уроженцы с. Костромна Апостоловского района Днепропетровской области, в городе Рава-Русская у сапожника взяли по паре сапог без денег и пытались удрать... Барабаш и Крупинин сейчас находятся арестованными органами прокуратуры»[2].

Следует отметить, что мародерство было особенно распространено в отношении имущих слоев населения. Это было не случайно: в массовое сознание активно внедрялся образ «классового врага», а для красноармейцев — участников «освободительного похода» 1939 года — таким врагом был «польский пан»: польский офицер, помещик, осадник. Вообще стереотип «панской Польши», колонизировавший украинские земли, был весьма распространен в советском обществе 1920–1930-х годов. Как пишет известный литературовед В.А. Хорев, своей кульминации антипольская кампания достигла осенью 1939 г.[3] В это время были широко распространены и литературные произведения, и кинофильмы, создававшие «негативный образ польских панов — угнетателей рабочих и крестьян»[4]. Так, в течение года перед вторжением Красной армии в Польшу, на экраны Советского Союза вышли

[1] РГВА. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 50. Л. 13.

[2] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3591. Л. 4–5.

[3] *Хорев В.А.* Польские писатели в украинском Львове (осень 1939 — лето 1941) // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 241.

[4] Там же. С. 243.

inslav

картины «Одиннадцатое июля», «Кармелюк», «Щорс», «Шел солдат с фронта», в которых поляки и Польша представали отнюдь не с положительной стороны. Исследователи пришли к выводу, что они формировали враждебно-сатирический портрет поляка «панской» Польши, которому были присущи «гонор, лицемерие, алчность, национальная спесь и неприязненное отношение к другим народам, склонность к паразитизму и стяжательству»[1].

Неудивительно, что навязанный общественному мнению образ врага в лице польского помещика в условиях похода Красной армии на Западную Украину актуализировался, принося не всегда благоприятные для армейского руководства результаты. Случаи грабежей и насилия в отношении богатых поляков, главным образом помещиков, были, несомненно, более распространены, нежели мародерство в отношении бедного люда. Немалое воздействие на настроения красноармейцев оказывала и развернувшаяся на Западной Украине борьба с «конртрреволюционными элементами». В этом плане большую роль сыграло постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 октября «О порядке утверждения приговоров военных трибуналов в Западной Украине и Западной Белоруссии», согласно которому военные советы фронтов получили право утверждать приговоры трибуналов к высшей мере наказания «по контрреволюционным преступлениям гражданских лиц Западной Украины и Западной Белоруссии и военнослужащих бывшей польской армии»[2]. Достаточно известен факт обращения военного прокурора 6-й армии Нечипоренко от 8 октября 1939 г. к И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову по поводу случаев «грубейшего произвола» и «преступных действий», допущенных на территории Западной Украины в ходе боевых действий.

Как пишет российский исследователь М.И. Мельтюхов, военный прокурор докладывал, что Военный совет 6-й армии принял решение о расстреле 10 человек в здании тюрьмы в г. Злочув, где содержались арестованные охранники польской тюрьмы, полицейские и др. Это преступное решение, писал Нечипоренко, привело к тяжелым последствиям, когда ряд командиров, военкомов и даже красноармейцев по примеру своих командиров начали производить самосуды над пленными, задержанными подозрительными лицами и имели место случаи расправ, в том

[1] *Токарев В.А.* «Карáпанам! Карá!»: польская тема в предвоенном кино (1939–1941 гг.) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 47, 54.

[2] См. Катынь. Пленники необъявленной войны: Документы и материалы. М., 1997. С. 129; *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. 2-е изд. М., 2009. С. 76.

inslav

числе и «над мирными жителями кулацкого происхождения». По приказу наркома обороны было проведено расследование, действительно установившее «случаи расправы над офицерами и чинами полиции бывшего польского государства, а также над отдельными лицами из гражданского населения». Как выяснилось, получив донесение о действиях банды, состоявшей из жандармов, офицеров и «польских буржуазных националистов», устроивших «резню украинского и еврейского населения», Военный совет дал «ошибочную, неконкретную, а потому недопустимую» директиву подвергнуть погромщиков высшей мере наказания. Поскольку в поступках виновных не было «преднамеренной злой воли», все это происходило в обстановке боевых действий и «острой классовой и национальной борьбы местного украинского и еврейского населения с бывшими польскими жандармами и офицерами», то нарком лишь предупредил о недопустимости повторения в будущем всяких самочинных действий и приказал наложить дисциплинарные взыскания на виновных[1].

В условиях борьбы с «классовыми врагами», олицетворением которых в сознании красноармейцев выступал «польский пан», естественно, находились желающие улучшить свое материальное состояние за счет «кровавого угнетателя» западных украинцев. Нередко грабежи осуществлялись в состоянии алкогольного опьянения. 8 октября 1939 г. политрук 680-го стрелкового полка 169-й стрелковой дивизии Котченко вместе с членами крестьянского комитета «самочинно выселили с квартиры семью помещика Скваряжня и стали производить обыск». Во время обыска «были обнаружены вина и члены крестьянского комитета напились пьяными». Воспользовавшись этим, «политрук Котченко похитил шкатулку с ценностями». Котченко в преступлении признался, командованием дивизии было возбуждено ходатайство об увольнении его из РККА и предании суду Ревтрибунала[2].

Во Львове в ночь с 19 на 20 октября 1939 г. красноармеец 323-го стрелкового полка 81-й стрелковой дивизии Фелюк бросил свой пост и вместе с милиционером местной милиции «распили бутылку вина и в нетрезвом виде вошли в дом ксендза под видом обыска, забрали разные вещи и около 130 рублей денег». Красноармеец Фелюк был арестован, а дело передано военному прокурору армии[3].

---

[1] *Мельтюхов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001.С. 376–379.

[2] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 143.

[3] Там же. Л. 143.

inslav

Вечером 30 ноября 1939 г. в селе Обнижи был ограблен «крупный кулак Коссинский», причем первоначально подозрение пало на местных бандитов, которые якобы «с целью провокации РККА сделали вооруженный налет». Военный комиссар 217-го артиллерийского полка Грищенко и уполномоченный особого отдела Рольщиков провели проверку, и 5 декабря преступники были обнаружены. Ими оказались красноармейцы Иван Ефимович Журахов (1916 г.р., русский, рабочий, комсомолец, в 1931 г. судился за воровство) и Афанасий Григорьевич Лаврентьев (1917 г.р., русский, беспартийный). Организатором же был сапожник из Турийска Штыляга, который и предложить план грабежа. У Коссинского забрали «три пальто, двое часов, платья шерстяные, костюмы мужские, всего 18 вещей» и отдали Штыляге. Все трое в своем преступлении сознались, вещи у Штыляги были отобраны и переданы владельцу. Дело красноармейцев Журахова и Лаврентьева было передано в ревтрибунал, а Штыляга арестован милицией, а его дело передано в прокуратуру[1].

Любопытно, что в вышеприведенном случае организатором преступления был местный уроженец, пожелавший поживиться за счет богатого соседа. Вообще случаи сведения счетов, особенно между украинцами и поляками, были довольно распространены осенью 1939-го года: в этот период межэтническая борьба на Западной Украине стала приобретать все более острый характер. Начальник Политуправления РККА Л.З. Мехлис уже 22 сентября писал о вспыхнувшем глобальном украинском терроре в отношении польских крестьян и о том, что он написал три листовки против взрыва враждебности на национальной почве, с намерением объединить трудящихся разных национальностей против «польских панов»[2]. Несмотря на предпринятую попытку снизить накал межнациональных противоречий на Западной Украине и перевести их в область классовой борьбы, политработники продолжали фиксировать в своих рапортах примеры такой вражды, как, например, это было сделано в докладе о работе среди населения в зоне дислокации 72-й стрелковой дивизии от 31 октября 1939 г.: «В особенности была развита национальная вражда между поляками и украинцами. При польской власти на работу в заводе украинцев совершенно не принимали. В настоящее время украинцы с недоверием и враждой относятся к полякам. Также сильно развит антисемитизм»[3]. В политдонесении начальника политотдела 99-й стрелковой дивизии от

[1] Там же. Д. 3591. Л. 1.

[2] *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Указ. соч. С. 75.

[3] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3774. Л. 81.

inslav

20 октября 1939 г. сообщалось: «В с. Пикулинцы сильна национальная рознь. Поляки не разговаривают с украинцами»[1]. Руководство 72-й стрелковой дивизии 31 октября 1939 г. сообщало об инциденте, произошедшем на собрании молодежи в местечке Долина 18 октября. «Бывший жандарм-поляк Найгель», заявивший, что «поляки никогда не притесняли евреев и украинцев и были великодушны к народу», был «освистан участниками на собрании и удален с собрания»[2]. В сложившейся ситуации найти общий язык бедняку-украинцу со своим «братом-красноармейцем» против помещика-поляка не составляло труда.

В сложившихся условиях важно было установить контакт с трудящимся населением Западной Украины. Армейское руководство предприняло меры в борьбе «с мародерством и барахольством», причем довольно жесткие. Как правило, этим мерам уделяется недостаточное внимание в исторической литературе: если о случаях мародерства, барахольства и пр. пишут подробно, то о том, как боролось армейское руководство с подобного рода явлениями, говорится вскользь. Между тем, уже 21 сентября 1939 г. начальник политуправления украинского фронта дивизионный комиссар Е. Пожидаев распорядился «мобилизовать на борьбу с мародерством всех коммунистов и комсомольцев, разъяснять каждому бойцу и командиру, что мародерство подрывает достоинство воина РККА, гражданина советского государства». Мародерство расценивалось как «тормоз в нашей работе по взаимоотношению с населением». «Нельзя присваивать в личное пользование какое-либо имущество и снаряжение, захваченное у пленных польской армии, тем более политически вредное присвоение имущества граждан», — говорилось в документе. Каждый случай мародерства предписывалось рассматривать как чрезвычайное происшествие, виновных судить и о принятых мерах доносить в политуправление немедленно. При этом Пожидаев подчеркивал, что за мародерство реально было получить не менее 3-х лет, а при наличии тягчайших обстоятельств виновный мог быть приговорен к «высшей мере социальной защиты — расстрелу с конфискацией имущества». Предлагалось предупредить каждого бойца и командира, что «за присвоение трофейного имущества виновные будут привлекаться к судебной ответственности». Снабжение частей предписывалось организовывать централизованным порядком через закрытую сеть[3].

Через несколько дней, 30 сентября 1939 г. вышла директива за под-

[1] Там же. Д. 3587. Л. 191.

[2] Там же. Д. 3774. Л. 78.

[3] Там же. Д. 3586. Л. 2–3.

inslav

писью командующего украинским фронтом командарма первого ранга С.К. Тимошенко, членов Военного совета Н.С. Хрущева, корпусного комиссара В.Н. Борисова, бригадного комиссара Кожевникова, начальника политуправления фронта дивизионного комиссара Е. Пожидаева. В этом документе были определены направления работы политорганов соединений и комиссаров частей украинского фронта по работе среди населения и по работе среди своих войск.

Среди населения полагалось развернуть массово-политическую работу, «добиться, чтобы ни один населенный пункт не оставался без нашего политического влияния». Цель состояла в том, чтобы разъяснить населению национальную политику советской власти, «призывать трудящиеся массы города и деревни Западной Украины к изжитию национальной вражды», а «ненависть трудящихся масс необходимо направлять против... помещиков, против эксплуататоров». «Всех лиц, замеченных в сознательном разжигании национальной вражды между поляками и украинцами, рассматривать, как врагов трудящегося народа и применять к ним суровые меры репрессии»[1], — говорилось в директиве.

В разделе «работа среди своих войск» особо подчеркивалось, что случаи мародерства и «барахольства» (и со стороны красноармейцев, и отдельных командиров), несмотря на указания политуправления фронта, не прекращались. Военному прокурору и трибуналам предписывалось «по-настоящему включиться в борьбу с мародерством и барахольством», применять суровые меры наказания, «не тянуть следствия» и проводить «показательные процессы с выездом в части»[2].

Борьба с мародерством в Красной армии не была фиктивной. В частях искоренять порочащее советского человека явление принялись со всей строгостью. Согласно сводке о чрезвычайных происшествиях и аморальных явлениях в частях Киевского военного округа за период с 17 сентября по 1 ноября 1939 г. было выявлено 72 случая мародерства и 7 случаев самочинных расстрелов (расстреляно 35 человек)[3]. Лейтенант Ратьков,

[1] Там же. Д. 3588. Л. 447–447об.

[2] Там же. Л. 448.

[3] В сводке сообщалось, что было зафиксировано контрреволюционных вылазок — 9; диверсий и вредительства — 3; самоубийств — 7; покушений на самоубийство — 4; убийств — 9; самочинных расстрелов — 7; мародерства — 72; несчастных случаев и ранений — 126; членовредительства и саморанений — 32; катастроф — 8; аварий — 39; дезертирств — 63; отказ от принятия присяги и брать оружие — 7; трусость — 3; рукоприкладство — 2; нарушений караульной службы — 8; пропажа оружия — 18; пьянка с дебошем — 15; пожары — 10; разные — 18. Итого — 460 (РГВА Ф. 9. Ф. 36 Д. 3370 Л. 321).

inslav

на глазах у бойцов отобравший у двух пленных солдат часы и две банки консервов, решением партийного собрания был исключен из членов ВКП(б)[1]. Младший политрук 15-го стрелкового корпуса Загорульский, который 21 сентября в селе Александровке «зашел в дом помещика, где в это время врач оказывал помощь больному помещику, застрелил больного помещика в кровати», был осужден Военным трибуналом на 6 лет тюремного заключения[2]. Политрук школы 131-го кавалерийского полка Бердников, «самочинно» расстрелявший 2 октября «семью помещика в количестве 6 человек», был приговорен к расстрелу[3].

21 сентября младший командир 358-го стрелкового полка Шаматеев и красноармеец-приписник Васильченко на станции Немовичи ограбили две семьи, при этом один человек был убит и один ранен. Васильченко был осужден к 10 годам, а Шаматеев — к 3-м[4]. Курсант отдельного зенитного эскадрона армейской кавалерийской группы Харченко произвел обыск у учительницы села Добровланы и забрал у нее двое часов и велосипед. Военным трибуналом Харченко был приговорен к расстрелу[5]. Кстати, весьма часто, упоминая о подобного рода случаях, исследователи не пишут, какие меры наказания были приняты[6]. Между тем, информация об этом имеется.

За полтора месяца (с 17 сентября по 1 ноября) военной прокуратурой были приговорены к расстрелу 16 человек (трое из высшего командного состава, один из младшего командного состава, 12 рядовых), к разным срокам заключения приговорили 88 человек (семеро из высшего командного состава, 19 — младшего командного состава, 62 рядовых), проведено следствие и переданы суду военного трибунала 25 человек (соответственно 12, 5, 8), еще в 74-х случаях следствие еще не было окончено. Кроме того, была истребована санкция на отдачу под суд 13-ти человек (все из командного состава), «суд чести» разбирал 12 дел (все — из командного состава), еще 9 человек получили дисциплинарные взыскания[7].

Нарком обороны К.Е. Ворошилов и начальник Политуправления РККА Л.З. Мехлис вынуждены были предупредить командование ча-

[1] РГВА. Ф. 9. Д. 3370. Л. 323.

[2] Там же. Л. 321.

[3] Там же. Л. 322.

[4] Там же. Л. 323.

[5] Там же.

[6] См., например, *Гриневич В.А.* Указ. соч. С. 184–185.

[7] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3370. Л. 331.

inslav

стей о недопустимости увлекаться карательными мерами, об имеющихся в данном отношении перегибах. После получения директивы высшего руководства, которая была обсуждена на совещании с начальниками политорганов соединений, работниками прокуратуры и трибунала, большое количество дел было прекращено. В результате количество привлеченных к судебной ответственности сократилось[1].

Итак, командование Красной армии добивалось, чтобы бойцы вели себя с населением Западной Украины корректно, с самого начала пыталось жестко пресечь случаи неподобающего поведения. Армейское руководство отнюдь не закрывало глаза на случаи мародерства, «барахольства», самочинных расстрелов и т.п. При этом очевидно, что инициативу проявил Военный совет и политуправление Украинского фронта, причем сразу же, буквально через четыре дня после вступления на территорию Западной Украины. Наказания были достаточно жесткими: осенью 1939 г. армейское руководство не ограничивалось исключением из партии или товарищеским судом. Дела передавались Военному трибуналу, и наказания, сколь можно судить из имеющихся документов, следовали незамедлительно. За полтора месяца, как уже упоминалось, были приговорены к разным срокам заключения — 88 человек, а к расстрелу — 16 человек. По-видимому, тяжесть наказания зависела не только от тяжести содеянного, но и от личности потерпевшего. Так, политрук Бердников был приговорен к расстрелу за убийство семьи помещика из 6 человек; а курсант Харченко был также приговорен к расстрелу за то, что отобрал двое часов и велосипед у учительницы. Наказания за содеянное следовало незамедлительно.

По-видимому, столь строгие меры руководство Украинского фронта принимало не случайно. По крайней мере, возможны две причины. Прежде всего, борьба с мародерством должна была служить налаживанию отношений с местным населением. Это было необходимо для того, чтобы последнее как можно быстрее и прочнее усвоило ценностные ориентиры советской власти в условиях подготовки к официальному включению западноукраинских и западнобелорусских территорий в состав УССР и БССР. Известно, что Красная армия осенью 1939 г. взяла на себя, в том числе, и пропагандистские функции. Например, политотдел 5-й кавалерийской дивизии (163 агитатора) только за три дня (18–20 октября 1939 г.) провели 24 митинга, 22 собрания, 89 бесед и 3 лекции[2]. Офицеры соединений 11-й армейской группы в пунктах постоянной дислока-

[1] Там же. Л. 332.

[2] Там же. Д. 3358. Л. 96, 97.

inslav

ции на 17 октября провели в деревнях 50 собраний и групповых бесед[1]. Политотдел 62-й стрелковой дивизии в период подготовки к выборам в Народное собрание Западной Украины провел среди местного населения 1197 бесед[2].

Помимо лекций и бесед, в воинских частях проводились и другие мероприятия, рассчитанные на личный эмоциональный контакт красноармейцев с местным населением. Например, во время празднования годовщины Октябрьской революции во всех школах в распоряжении частей 97-й стрелковой дивизии были проведены детские утренники, раздавались праздничные подарки, было организовано катание детей на автомашинах. Политработники с гордостью докладывали в центр: «О проведенных утренниках родители отзывались положительно. Так, например, присутствовавшая на детском утреннике гр. Ковальчук заявила: “Одна Влада червоних так турбуеться за дитей, я сколько живу на свете, такой заботы о детях еще не видела”»[3].

Целью проводимых мероприятий было создание положительного образа советской власти. Армейское руководство добивалось от населения реакции, подобно высказанной Ильей Кихтошем в селе Страшницы на одном из собраний: «Нам попы говорили, что Красная армия это есть черти, грабители, грубые и не культурные, а мы теперь сами видим, что Красная армия не грабит как немец или поляк, что в Красной армии люди вежливые и культурные и культурно обращаются, что командиры Красной армии доступны и всегда можно с ними говорить»[4].

Нельзя забывать и то, что борьба с мародерством укрепляла дисциплину в армии, препятствовала ее разложению. Скорее всего, определенных успехов армейскому руководству удалось достичь. Любопытно, что исследователи, занимающиеся анализом представлений о Красной армии и красноармейцах у населения «кресов» в 1939–1941 гг., отмечают, прежде всего, яркие впечатления от внешнего вида и «барахольства» бойцов, а отнюдь не от случаев мародерства. А исследователь из Белоруссии И.Э. Еленская, изучив устные свидетельства очевидцев «освободительного похода», пришла к выводу, что респонденты редко рассказывают о различных происшествиях, связанных со вступлением

[1] *Репко С.И.* Организация пропагандистской деятельности Красной Армии в период боевых действий осенью 1939 года // Журналистика. История и современность. Сб. науч. трудов. М., 1993. С. 57.

[2] РГВА Ф. 9. Оп.36. Д. 3774. Л. 66.

[3] Там же. Д. 3587. Л. 57.

[4] Там же. Д. 3774. Л. 68.

inslav

частей Красной армии — перестрелках, грабежах, убийствах. Но если и упоминают о некоторых случаях, то «подчеркивают, что в насильственных действиях участвовали не красноармейцы, поскольку в Красной армии была жесткая дисциплина, а местные жители, которыми двигали различные мотивы (идейные соображения, бытовая месть, жажда наживы)»[1].

В заключении хочется привести цитату из уже приводившихся воспоминаний П. Горелика. Один из офицеров (майор Голубев), напившись, учинил разгром в шинке. История могла дойти до полкового начальства, и офицеры попытались ее замять, что, им и удалось. «Если бы слухи о происшествии просочились и дошли до сведения полкового начальства, особенно до политработников, ему (офицеру, улаживавшему конфликт — *Е.Б.*) грозили большие неприятности. Дело попахивало мародерством, которое, надо отдать должное нашему командованию, в предвоенные годы жестко преследовалось»[2].

Таким образом, взаимоотношения Красной армии и населения Западной Украины складывались в непростых условиях. С одной стороны, развернутая пропаганда «освободительной миссии» Красной армии в отношении братского народа, страдающего под ярмом «польского пана», приводила к жестоким действиям в отношении представителей имущих классов, воспринимаемых часто в качестве «врагов народа». В то же время, красноармейское руководство, вынужденное действовать в обстановке усиливавшихся межнациональных противоречий, пыталось снизить накал украинско-польской борьбы и перевести ее в классовую плоскость. То, что иногда польской стороной воспринималось как грабеж или натравливание национальностей друг на друга, другой стороной трактовалось как явление совсем иного порядка: конфискация помещичьих имений в соответствии с постановлениями Народного собрания Западной Украины и уничтожение «классового гнета». Распространяя на Западной Украине идеи и символы социализма, Красная армия являлась в глазах местного населения олицетворением советской власти. Хорошо понимая это, армейское руководство вынуждено было бороться с проявлениями в своих рядах мародерства и «барахольства», как явлений, наносящий ущерб имиджу не только Красной армии, но и Советского Союза в целом.

---

[1] *Еленская И.Э.* События 1939–1941 гг. в западных областях Белоруссии: устная история // Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб, 2011. С. 106–107.

[2] *Горелик П.* Указ. соч.

inslav

О. В. Петровская
(Москва)

Восприятие Красной армии населением Западной Белоруссии в 1939–1941 годах

Пришедшая на землю Западной Белоруссии осенью 1939 г. Красная армия являлась олицетворением советской системы, ее рекламным проспектом. Поэтому практически все социальные и национальные группы местного населения, независимо от их политических пристрастий, проявляли неподдельный интерес к советским воинам как носителям иной культуры, обычаев, взглядов, образа жизни, бытовых привычек. Важны были внешний облик, техническое вооружение, внутренние взаимоотношения, речь, поведение, настроения военнослужащих. По ним выстраивались представления о советском человеке и стране социализма, плюсах и минусах новой системы.

Вместе с тем местное население воспринимало Красную армию неоднозначно: сквозь призму личного исторического опыта, мировоззрения, уже сложившихся стереотипов, а также сведений, которые черпались из польских и белорусских газет и книг, с одной стороны, советского радио и агитационной пропаганды членов Коммунистической партии Западной Белоруссии, с другой. Важнейшей предпосылкой формирования отношения к Красной армии у жителя Западной Белоруссии были перспективы его дальнейшего существования. Общество «кресов всходних» было неоднородно и не только в социальном, идеологическом, но и в этническом плане. Приход Красной армии обострил противоречия внутри социума.

С предубеждением, настороженностью и враждебностью встретили военнослужащих представители политической и экономической элиты восточной Польши, польское население в целом. Для них приход Красной армии расценивался как нашествие варваров, людей, стоявших на более низкой ступени цивилизации. В листовках польских подпольных организаций, появившихся осенью 1939 г., говорилось: «Мы разбиты и разделены дикими варварами», «пришел враг и грабитель, ниже нас на целое небо культурой»[1] и т.д. Польские исследователи показали, что осознание поляками своей более высокой культуры было для них важно, так как давало аргумент в пользу быстрого окончания оккупа-

[1] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 35086. Оп.1. Д. 256. Л. 12, 230.

inslav

ции. Негативное восприятие «чужих» помогало им лучше относиться к «своим»[1]. Следовательно, однозначно негативный образ Красной армии, запечатленный в многочисленных польских мемуарах, весьма мифологизирован, далек от реальности и не может быть экстраполирован на все население западных областей БССР.

Совершенно иначе встречали Красную армию белорусское крестьянство и городская еврейская беднота, давно ожидавшие перемен, и надеявшиеся на лучшее будущее: приветствиями, цветами, революционными лозунгами, песнями. Большая часть населения была настроена дружелюбно и выражала готовность к совместным с Красной армией действиям как в борьбе с «поработителями», так и в наведении нового порядка.

Жители воспринимали Красную армию и ее личный состав, отталкиваясь от своего материального и культурного уровня. Бедный белорусский крестьянин, который даже в ноябре ходил босиком (факт, отмеченный многими, кто побывал осенью 1939 г. в Западной Белоруссии), мог только восхищаться внешним видом и культурой красноармейца и приходил в полное смятение от технической оснащенности Красной армии. Позитивно настроенное население легко принимало и новые образцы поведения, которые предлагала населению Красная армия: митинги, собрания, организованные выборы, подчинение личности коллективу. «Надо встретить Красную армию хорошим порядком. У них в стране любят порядок» — говорили крестьяне [2].

Негативные предубеждения, напротив, вели к недоверию и критическому восприятию военнослужащих. Отсталость отдельных офицеров и солдат РККА, по мнению контактирующих с ними поляков, проявлялась в том, что они не знали простых приспособлений, облегчающих повседневную жизнь, например, был случай, когда радио спутали с нагревательным прибором[3]. Для некоторых военнослужащих были непривычны отдельные квартиры, они не знали приспособлений в ванной и кухне[4].

---

[1] *Ślęszyński W.* Ocupacja sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939–1941: propaganda i indoktrynacja. Białystok, 2001. S. 298.

[2] *Котенко И.* На освобожденной земле: Путевые записки на Белорусском фронте. Ростов на Дону, 1939. С. 35.

[3] *Kaźmierska K.* Doświadczenia wojenne Polaków a kształtowanie tożsamości etnicznej: Analiza narracji kresowych. Warszawa, 1999. S. 59.

[4] *Ślęszyński W.* Polacy wobec władzy sowieckiej i Białorusinów w latach 1939–1941 // Stosunki polsko-białoruskie w województwie Białostockim w latach 1939–1956. Warszawa, 2005. S. 35.

inslav

Ходили разные слухи. В деревне Вансош, например, считали, что Красная армия «ездит и собирает голоса, так как Англия и Франция предложили ей немедленно уйти с польской территории. Если не наберет голосов, то и уйдет, а тех, кто голосовал за советскую власть, будут вешать»[1].

Отношение местного населения к Красной армии зависело также от наличия непосредственных контактов с военнослужащими. Востребованность общения с красноармейцами со стороны всех без исключения групп местного населения, желавших контактов с обыкновенными живыми людьми другой политической системы, была очень велика. Красноармейцев и офицеров останавливали у объявлений, витрин магазинов, у театров, кинопередвижек, в парикмахерских, в ресторанах. Крестьяне специально выходили на дороги, по которым двигались части Красной армии. Старались выпытать все: о семье, жилище, зарплате. Ответы слушали с большим вниманием, пытаясь из конкретных примеров составить реальную картину жизни в СССР.

Однако определенные препятствия на пути взаимного познания создавали изолированное размещение красноармейцев, их насыщенный трудовой день и политика советского руководства, которое рассматривало марш в первую очередь как политическую кампанию, призванную обеспечить благоприятное отношение населения к новому режиму. Согласно сценарию, жители Западной Белоруссии должны были видеть в бойце Красной армии освободителя, защитника, представителя сказочной страны социализма. Перед военнослужащими ставилась задача показать «парадное лицо». В докладе на партконференции Белорусского особого военного округа (БОВО) говорилось: «Мы новые люди в Западной Белоруссии. О Красной Армии слышали по радио, по печати, по отдельным сведениям, а вот в лицо не знали, и сейчас мы обязаны будем показать свое лицо, как полагается большевикам»[2]. В силу этого пропаганда в РККА носила тотальный характер, а красноармейцы находились под постоянным контролем. Политорганы и особые отделы стремились регламентировать не только нормы их поведения, но и речевой коммуникации. С переходом советско-польской границы стала формироваться атмосфера подозрительности. Политуправление (ПУ) Белорусского фронта (БФ) ближе к концу военных действий выпустило листовку, призывающую бойцов к бдительности, сохранению военной тайны и пресечению болтливости[3]. Прямые индивидуальные контакты с мест-

[1] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 298; Д. 3774. Л. 123.

[2] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 82.

[3] Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 686.

inslav

ными жителями не приветствовались. Военнослужащим запрещалось бесцельно бродить по городу[1]. Основной формой устной агитации в Западной Белоруссии стали митинги, на которых по шаблону принимались письма и приветствия товарищу Сталину, выражалось единодушное желание установить советскую власть на территории Западной Белоруссии и т.д.

В итоге местные жители были обескуражены, тем, что красноармейцы «сдержанные, будто бы настороженные к „тутэйшим". В разговор вступают неохотно, с оглядкой»[2]. Согласно воспоминаниям, «среди солдат было много лиц старшего, непризывного возраста... Они вели себя сдержано, на вопросы отвечали вяло»[3]. Другой очевидец свидетельствует: «Отцы спрашивали бойцов как живут люди за границей. Ни один из них ничего конкретного не сказал, только повторяли: "Поживете, увидите"»[4]. Потом пошли слухи, что командиры запрещают рядовым вступать в контакты с местным населением: «Недалеко от нас в деревне Петровщина стояли красноармейцы, какое-то не очень большое подразделение. И с Бабичей люди специально ездили туда, чтобы посмотреть, что они за такие — советские люди. Так, все удивлялись: военные тутэйших избегают, отворачиваются и отходят, будто боясь. Говорили будто бы им приказ от командиров — с местным населением никаких дел не иметь»[5].

Однако, вопреки стараниям руководства, Красная армия на территории Западной Белоруссии не стала полностью закрытым для местного населения институтом и не смогла сохранить требуемое официальное лицо. Несмотря на пристальный контроль, в частях шла подпольная, неформальная жизнь. Это хорошо осознавало и руководство БОВО, которое жаловалось, что «красноармейцы с утра до вечера обсуждают все то, что им заблагорассудится, часто обсуждают не то, ...но никто об этом не знает: не знает ни командир, ни комиссар, ни политорганы»[6]. Некоторые сведения о наличии настроений и действий красноармейцев, не отвечающих официальной идеологии, просачивались через военкоров, комсомольский актив, младших командиров, осведомителей особого отдела.

---

[1] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 166.

[2] Гарт. З успамінаў пра Саюз Беларускіх Патрыётаў. (Глыбокае, Паставы. 1945–1947 г.). Мінск, 1997. С. 60.

[3] *Данилов И.* Записки западного белоруса. М., 2006. С. 57.

[4] *Весялкоўскі Ю.* Няясна мроіліся новыя дарогі. Лёндан, 1997. С. 15

[5] Гарт. З успамінаў пра Саюз Беларускіх Патрыётаў. С. 219.

[6] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 35.

inslav

Красная армия в 1939 г. не отличалась строгой дисциплиной. Лозунги «Нет места в наших рядах дезорганизаторам дисциплины», «Приказ командира — высший закон РККА» и т.д. оставались лишь призывами и до начала кампании[1]. С приходом на территорию Западной Белоруссии ситуация лишь ухудшилась. Сначала было отмечено снижение дисциплины «из-за увлечения успехами»[2]. После размещения на территории Западной Белоруссии, а особенно в связи с «демобилизационными настроениями» в ноябре 1939 г. увеличилось количество самовольных отлучек. Новая волна снижения дисциплины была обусловлена омоложением личного состава в 1940 г., когда в войсках БОВО молодое пополнение составило 185 тысяч человек против 65 тысяч в 1937 г.[3] Систематически фиксировались пьянство, пререкания, оскорбления, грубость с начальниками, самоволки[4]. За попустительство и бездействие к массовым самовольным отлучкам, пьянству, дебошу нарком обороны в приказе № 0231 отстранил от должности командиров и комиссаров трех стрелковых дивизий, пяти полков и объявил выговоры членам военного совета БОВО и начальнику политуправления[5]. Один из жителей Западной Белоруссии вспоминает: «Я видел, как из столбцовских казарм шли через наше местечко два бойца с гармониками и сержанта, который приказывал им вернуться, но они его не послушали»[6].

Таким образом, отсутствие у командиров РККА до лета 1940 г. действенных дисциплинарных наказаний облегчало контакты военнослужащих и местных жителей. Ушедшие из подразделения солдаты признавались дезертирами только на седьмые сутки. Поэтому, как отмечалось на партконференции БОВО, красноармейцы смело совершали «шестидневные экскурсии» по Западной Белоруссии[7].

В результате, несмотря на доминирование у солдат советской армии оптимистического мировоззрения, к местным крестьянам просачивалась информация, которая разрушала миф о благополучии и социальной справедливости в стране Советов: «К моей маме прибежала соседка и сказала, что она кормила солдата и спросила “Правда ли, что в их кол-

[1] Там же. Оп. 29. Д. 505. Л. 689.

[2] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 131.

[3] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 88; Д. 3973. Л. 44.

[4] Там же. Д. 3779. Л. 69; Д. 3979. Л. 776.

[5] Там же. Д. 3979. Л. 79.

[6] *Весялкоўскі Ю.* Указ. соч. С. 15.

[7] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 113.

inslav

хозе женщины шьют себе юбки и другую одежду из мешков, как об этом писали поляки?". И он сказал, что это правда, и в его, и в других колхозах люди постоянно голодают». Другой солдат сообщил, что все «забирают в государство... и не разрешают покидать колхоз»[1].

Напротив, у негативно настроенных к приходу Красной армии лиц близкие контакты однозначно меняли образ военнослужащих в лучшую сторону: будивший страх красноармеец превращался в трезво оценивающего ситуацию человека, с которым разговаривали, шутили, пили водку[2]. Тесные взаимоотношения с местными жителями на бытовом уровне порицались руководством, которое опасалось, что «отдельные командиры, напившись пьяными, распускают нюни и разбалтывают то, что знают»[3]. Однако обоюдное влечение и устоявшиеся в советской армии способы релаксации делали подобные связи в западных областях Белоруссии весьма распространенным явлением. Так, в политдонесениях сообщалось, что редактор газеты 4-й армии Фадеев «связался с недостаточно чистым элементом» и «пьянствовал в его среде»[4]. А в местечке Видзы младшие командиры устроили пьянку на квартире зубного врача, арестованного позже НКВД[5].

Особенно тесные и насыщенные взаимоотношения складывались у военнослужащих и жительниц Западной Белоруссии. Первые два месяца боевых действий были относительно спокойными с точки зрения межполовых контактов, но по мере оседания в районах дислокации «позорные факты» общения с проститутками и женами бывших офицеров[6] приобретали все более массовый характер.

Стремление к противоположному полу у представителей РККА было обусловлено рядом обстоятельств: характерным для войны освобождением от чувства статусной иерархии семейной жизни[7], широким предложением местного населения в сфере интимных услуг, небольшим сексуальным довоенным опытом красноармейцев, ощущением себя героями-освободителями,

---

[1] *Данилов И.* Указ. соч. С. 57.

[2] *Śleszyński W.* Polacy wobec władzy sowieckiej i Białorusinów w latach 1939–1941. S. 36.

[3] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 72.

[4] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 195.

[5] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 59.

[6] Там же. Д. 257. Л. 441.

[7] *Асташов А.Б.* Сексуальный опыт русского солдата на Первой мировой и его последствия для войны и мира // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2006/2007. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 367.

inslav

благосклонно принимавшими знаки внимания от женщин. Переезду в западные области Белоруссии семей военнослужащих препятствовал сложный «квартирный вопрос». В августе 1940 г. командир 155-й стрелковой дивизии, например, писал первому секретарю Барановического обкома партии И.П. Туру, что несмотря на указания и решения республиканских организаций и Совнаркома до сих пор не предоставлена ни одна квартира для семей начальствующего состава частей гарнизона. Потребность же в жилплощади составляла 110 комнат для размещения штаба дивизии и 500 комнат для размещения начсостава частей гарнизона[1].

Девушки и женщины являлись центральным предметом интереса, оторванных от семей военнослужащих в Западной Белоруссии. Лейтенант А.И. Матвеев, писавший во время освободительного похода дневник, оценивал обстановку по наличию в данной местности симпатичных девушек: «Ровно в 7 утра ступил ногой на рыхлую полосу земли, обозначающую границу... Вижу первый хутор, девушек, но далеко, и лица не различить... Временная остановка, пришло много крестьян... Заинтересовали две красивые девушки, но времени мало... Деревня Бенгоны — опять вижу красивых девушек... Находимся недалеко от города Вильно... девушек не видно, скучно»[2]. Стремление представить себя защитниками, прежде всего, женского населения выразилось и в красноармейском творчестве: «Эх, милая хорошая, кровь с молоком / За тебя моя хорошая панам в зубы надаем»[3].

Влечение к женщинам являлось и одним из основных побудительных мотивов, помимо желания найти алкоголь, для самовольных отлучек и нарушений дисциплины. Например, «командир и политрук роты 6-й дивизии пошли в город к местной женщине, пьянствовали там два дня и политрук сорвал занятия». Тон задавал комсостав, который имел больше всего возможностей вступать в контакты с женщинами, так как проживал в городах и местечках среди населения. Офицерам легче было и скрыть нежелательную связь. Так, в 32-й танковой бригаде о сожительстве лейтенанта с местной гражданкой командование узнало только через два месяца и то от бойцов[4]. Командиры селились в квартирах бывших чиновников и полицейских. Вместе с квартирами им доставались и жены.

---

[1] Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 7580. Оп.1. Д. 211. Л. 7.

[2] «Продолжаем продвигаться вглубь безуютной страны» : дневник лейтенанта Красной армии А.И. Матвеева // Источник. 1993. № 3. С. 30–32.

[3] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 182.

[4] Там же. Ф. 9. Оп. 36.Д. 3979. Л. 62, 196.

inslav

В письме красноармейцев артсклада Николаева и Михайлова в апреле 1940 г. сообщалось, например, что военком Слесарев на глазах подчиненных с осени 1939 г. сожительствует с женой бывшего директора лесозавода, убитого местным населением в 1939 г. А комендант склада Чегарев посещал жену помощника директора лесозавода, в прошлом офицера русской армии на глазах мужа, который спрашивал у начальника склада: «Что мне будет, если я вашего командира выгоню от своей жены?». Начальству подражали и красноармейцы по принципу: «Почему военкому можно, а нам нельзя?»[1].

К женам польских офицеров и чиновников тянуло советских военнослужащих не случайно. Жительницы городов и местечек Западной Белоруссии отличались одеждой и манерами от женщин восточных регионов СССР. Так, лейтенант А.И. Матвеев подметил в Августове: «Очень много красивых девушек в шляпах с зонтиками»[2]. В Польше существовал высокий образовательный и культурный ценз для претенденток на замужество с офицером. Эти женщины были воспитаны, видели Европу и мир, хорошо вели хозяйство. «Обольстительные польки» умели обращаться с мужчинами. «Она буквально им заворачивает» — возмущались сослуживцы, глядя на помощника командира батальона охраны 4-й армии, который вступил в связь с женой офицера и внятного ответа на вопрос партийного руководства, зачем он это сделал, дать не смог[3].

Романы завязывались стремительно еще во время похода. «Пришел домой в 4.00. Все в порядке, только не хотелось так быстро расставаться с красивой, честной девушкой... Извещаю, что уезжаем. Прощай! Появились слезы на глазах... Успокаивать не имею времени. Наши уехали» — писал лейтенант А.И. Матвеев[4].

На местных горожанках очень охотно и скоропалительно женились. Партийное руководство недоумевало, например, как мог кандидат в члены ВКП(б) через месяц жениться на местной гражданке[5]. Вслед за комсоставом подделывали справки о семейном статусе и венчались с местными и красноармейцы[6].

---

[1] Там же. Оп. 29. Д. 546. Л.126.

[2] «Продолжаем продвигаться вглубь безуютной страны». С. 32.

[3] РГВА. Ф. 9. Оп. 36.Д. 3979. Л. 196.

[4] «Продолжаем продвигаться вглубь безуютной страны». С. 36.

[5] РГВА. Ф.9. Оп. 36.Д. 3979. Л. 382.

[6] Там же. Д. 3574. Л. 62.

inslav

Первое время заключению браков мешали слухи о том, что в СССР женятся только на один год[1], а также ксендзы, которые требовали принятия католичества. Постепенно проблема была решена: с 20 апреля 1940 г. регистрация браков, рождений, смертей и т.д. перешла к органам НКВД, которые получили и церковные метрические книги[2].

Интерес к противоположному полу не был односторонним. Для многих женщин, внезапно оставшихся без мужей, материальной и моральной поддержки связь с офицерами Красной армии, как и чиновниками-восточниками, являлась возможностью выжить, защитить не только себя, но и детей. Бывшие гражданки Польши, используя связи с командным составом Красной армии, активно решали свои хозяйственные проблемы: получали лошадей, запасались дровами[3]. В целом, таким образом, они повышали свой общественный статус. Для западнобелорусских невест появление многотысячного мужского контингента в несколько раз увеличило шансы создать семью. В условиях резких перемен, неопределенного будущего совместное времяпровождение было средством релаксации.

Однако уже 29 ноября 1939 г. политорганы армий и военных подразделений получили указания с требованием разъяснения каждому бойцу и командиру политической вредности и опасности морально-бытового разложения. В документе говорилось, что «отдельные бойцы, командиры, политработники общаются с классово-чуждыми элементами, пьянствуют с женами офицеров и полицейских, с проститутками, а в отдельных случаях женятся на них»[4]. Взаимодействие военнослужащих с женским контингентом Западной Белоруссии, по мнению политического и военного руководства, таило в себе много опасностей и поэтому не приветствовалось.

Во-первых, согласно советской морали сексуальные искушения считались буржуазным грехом, а женщины являлись только товарищем второй категории[5]. Военнослужащие же польской армии пользовались

---

[1] *Котенко И.* Указ. соч. С. 46.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 22. Д. 202. Л. 2.

[3] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 352.

[4] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3730. Л. 137, 142.

[5] *Jasiewicz K.* Aparat sowiecki na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej jako model patologiczny funkcjonowania klasy politycznej (1939–1953) // Tygiel narodów. Stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939–1953. Warszawa; Londyn, 2002. S. 64.

inslav

порножурналами, а в одном только Белостоке, согласно официальным данным, было 350 проституток[1]. Население городов и местечек болело венерическими болезнями. Поскольку красноармейцы обладали низкой сексуальной культурой, а связи чаще были случайными и эпизодическими с 1 сентября 1939 г. по март 1940 г. в частях БОВО было официально зарегистрировано 572 случая венерических заболеваний. Причем больше всего заболевших являлись комсомольцами[2]. В целях пересечения вспышки венерических заболеваний в западных округах нарком обороны С.К. Тимошенко 27 августа 1940 г. даже издал приказ устанавливавший, что «начсоставу, находящемуся на излечении в госпиталях от венерических заболеваний, время пребывания на излечении засчитывается в очередной отпуск»[3]. А проституток депортировали с территории Западной Белоруссии вторым эшелоном в апреле 1940 г.[4] Опасность связей виделась также в самоволках и попадании военнослужащих в опасные ситуации. Например, шофер Хрулев обманом поехал на машине к девушке, но на обратном пути наехал на машину колхозника с женой[5].

Во-вторых, контакты с местными женщинами создавали непосредственную угрозу офицерской семье, на защите которой стояла коммунистическая партия. Парткомиссией БОВО в 1939–1940 гг. был рассмотрен 31 случай некоммунистического отношения к семье, и 10 человек были исключены из партии. Начальник ПУ БОВО Иванов на окружной партконференции призывал покончить с пьяницами и развратниками. Наибольшие претензии он предъявлял к армейской элите, которая подавала разлагающий пример всей армии. Иванов негодовал: «Бывший прокурор Васильев имеет жену и двух детей. На территории бывшей Польши знакомится с женой бывшего начальника жандармерии. Васильеву 43 года, он влюбляется, забывает, что он член партии, что занимает высокий пост. Он часто ездит к ней в Барановичи. На все увещевания начальства Васильев отвечает: “Что я могу поделать, куда я не езжу, что ни делаю, а сердце меня влечет в Барановичи”»[6].

Вместе с тем строгих наказаний за само блудодеяние ни партийные, ни тем более правоохранительные органы не применяли. Причины хо-

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 222. Л. 126.

[2] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 73.

[3] Там же. Ф. 9. Оп. 40. Д. 70. Л. 189.

[4] Всего до 22 июня 1941 года было проведено четыре крупные акции по депортации.

[5] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 75.

[6] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 346, 352–353.

inslav

рошо отражает ответ любвеобильного комиссара Тархова, которого прорабатывали за страсть к 17-летней девушке при наличии жены и двух взрослых детей: «Это мое личное дело, это ведь не троцкизм»[1]. Однако порочащие связи с лицами женского пола всегда учитывались как отягчающее обстоятельство при рассмотрении других противоправных деяний.

В-третьих, главная опасность контактов, по мнению советского руководства, определялась как потеря бдительности. В стране с тотальной шпиономанией считалось, что женщины рядом с командирами могли оказаться исключительно с диверсионной целью. В прессе сообщалось о том, как политработники выдают сожительницам «все военные тайны»[2]. На партийных собраниях приводились наиболее скандальные примеры. Был предан суду военного трибунала техник-интендант 2-го ранга Анашкин, который на своей квартире вместе с мастером по вооружению Печениковым систематически пьянствовал с двумя женщинами, одна их которых являлась дочерью бывшего коменданта Пружан, а у другой, из местечка Шерешево, муж находился под арестом[3]. В 10-й армии особое внимание к общению личного состава с местным населением стали проявлять после скандального случая совместного перехода госграницы с Германией лейтенанта В.Н. Романюка и гражданки Плятек[4]. Следующий случай был представлен на партконференции БОВО как типичный для частей, расположенных в западной Белоруссии: «Инструктор политотдела 36-й кавалерийской дивизии Савельев бросил свою жену с тремя детьми и связался с женой бывшего польского офицера. Парторганизация ставила вопрос о том, чтобы он ушел от этой женщины, хотя у нее и мягко спать. Он долго ломался... А когда пришли ее выселять... и когда у нее спросили, кому она поручает свои вещи, она, указывая на Савельева, сказала: вот это самый близкий мне человек, ему и поручаю. Таким образом, этот инструктор попал в руки не только чуждого, но и враждебного элемента». Подобный пример был отмечен в Гродно в ходе депортации: пришли на квартиру, на стене гимнастерка и ночует лейтенант[5]. Иначе говоря, подобное «нехорошее поведение» военнослужащих в городах Западной Белоруссии было распространенным явлением.

---

[1] Там же. Л. 352

[2] *Сморыго Г.* Буржуазные перерожденцы // Красная звезда. 1938. № 187. 15.08.

[3] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3730. Л. 138.

[4] Там же. Ф. 35078. Оп. 1. Д. 2. Л. 219, 223.

[5] РГВА. Ф.9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 72–73.

inslav

Бывшие жены польских офицеров и жандармов априори считались чуждым элементом, шпионками, которые втираются в доверие и стараются пролезть в штаб — голову части. Беспокоило политорганы то, что «эти гражданки, на которых женятся наши командиры, получают право доступа в расположение армейских частей, приходят на собрания, совещания жен начсостава, слушают все наши вопросы». Бдительных политработников, осознающих разницу в ментальности и культуре, беспокоили близкие контакты с женщинами из другого мира: «А как они реагируют? Они могут реагировать совершенно по-своему»[1].

Однако, несмотря на все старания, оставить все особенности быта, жизни, взаимоотношений военнослужащих за стенами казарм, под охраной караула не удалось. Тщетно в праздничном первомайском приказе 1940 г. командующий 10-й армией А.Н. Черников призывал: «Будьте бдительны, помните о капиталистическом окружении, свято храните военную тайну»[2].

Достаточно интенсивные контакты с населением во время освободительного похода (особенно с отставшими в дороге), в местах размещения военнослужащих (преимущественно в городах), на строительстве оборонных объектов, в ходе агитационной и военно-патриотической работы давали возможность жителям Западной Белоруссии рассмотреть за маской созданного армейской пропагандой «парадного лица» красноармейца живого носителя советской цивилизации.

В ходе бытовых и производственных контактов образ Красной армии в сознании местного населения складывался из трех основных составляющих: технического вооружения, внешнего облика личного состава, поведения, настроений и разговоров военнослужащих.

При формировании представления о Красной армии у жителей Западной Белоруссии значительную роль играла сравнительная шкала оценки. Параметры поведения и внешнего вида сопоставлялись со знаниями о российской армии, привычными образцами польских вооруженных сил, новыми примерами немецких войск в оккупированных районах, с собственными представлениями о культуре быта. В результате местные жители увидели много особенностей, которые вызывали у них разные, иногда противоречивые эмоции. Многие наблюдения, нашедшие отражение в мемуарах, имеют фактическое подтверждение в архивных документах тех лет. Сопоставление разных видов источников предоставляет возможность восстановить реальную картину того образа Красной армии, который складывался у жителей Западной Белоруссии в 1939–1940 гг.

[1] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 196, 382.

[2] Там же. Ф. 35078. Оп. 1. Л. 39.

inslav

Однозначное уважение и восхищение вызывала советская техника. Даже авторы польских мемуаров признают, что «советы» были хорошо вооружены[1]. Мощь РККА, как один из главных козырей советской пропаганды, фиксировалась в качестве постулата на всех митингах, удивляла население[2]. Действительно, техническое оснащение частей Белорусского фронта отражало достаточно высокий уровень вооружения советской армии. В составе Белорусского фронта на 17.09.39 числилось 2 436 танков и 3 167 орудий и минометов[3]. Техника восхищала местных жителей не только количеством, но и своим видом: «Мы таких больших машин не видели»[4]. Состоявшие на вооружении в польской армии французские танки на фоне советских выглядели жалко. Из Брестской крепости их, например, тащили тракторами, грузили на платформы и отправляли в глубь СССР на металлолом[5].

Советские самолеты в воздухе, орудия, танки, машины, двигавшиеся по дорогам Западной Белоруссии, производили ошеломляющее впечатление, на видевших их людей. Белорус, настроенный оппозиционно, вспоминает: «Можно было удивиться их моторизации: танкам, танкеткам, массе машин и другой техники. Ничего подобного мы при поляках не видели»[6]. Эффект умножался дискредитацией польской пропаганды о советских «танках из фанеры» и растянутостью колонн. Последнее обстоятельство, правда, было обусловлено недостатками технического обеспечения советской армии. В частности, 75 % танков на дорогах от Новогрудка до Волковыска стояло из-за [отсутствия] горючего»[7]. По этой же причине в срок не был взят город Гродно. А.И. Еременко, командир кавалерийского корпуса, вспоминал, как он приказал в Новгрудке из каждых трех машин одну оставить без горючего и передать его двум другим[8].

Не отличалась советская техника и надежностью. Машины посто-

---

[1] *Śleszyński W.* Ocupacja sowiecka na Białostocczyźnie w latach 1939–1941. S. 297.

[2] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 700.

[3] *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 118.

[4] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264. Л. 145.

[5] *Сарычев В. В.* В поисках утраченного времени. Брест, 2007. Кн. 2. Брест, 1939–1941. С. 84.

[6] *Весялкоўскі Ю.* Указ. соч. С. 15.

[7] *Осьмачко С.Г.* Красная армия в военных конфликтах (1929–1941 гг.): боевой опыт и военная политика. Ярославль, 1999. С. 87.

[8] *Еременко А.И.* Помни войну: автобиографический очерк. Донецк, 1971. С. 13.

inslav

янно ломались. Участник «освободительного похода» В.В. Куликовский свидетельствовал: «В роте были лишь легкие танки Т-26. В основном они были исправны, но проявился один существенный недостаток. Как только была пройдена госграница, и началось движение на запад, у некоторых танков перестало поступать горючее из бака в мотор, и они останавливались. Это происходило довольно часто. Тогда я приказывал высаживать башенного стрелка на корпус машины, вручать ему ведро с бензином, чтобы он лил горючее прямо в карбюратор»[1]. Не было и службы регулирования движения. Поэтому на пересечении дорог колонны сталкивались и задерживали продвижение[2].

Об особенностях советской системы можно было догадаться по авариям. За время похода было поломано много бричек, тачанок, автотранспорта. Водители засыпали, сваливались в канавы, наезжали на пни, выбивали дышлами задки впереди идущих бричек, падали с орудий, попадали под танки и колеса пушек[3]. В сентябре 1939 г. было зафиксировано 32 автокатастрофы, в октябре — 72[4]. Основными причинами аварий были «ухарство» и нарушение правил дорожного движения[5]. Самая большая аварийность была в авиации[6]. За период боевых действий, несмотря на отсутствие воздушных боев, было зафиксировано 75 случаев летных происшествий, в числе которых 7 катастроф, 13 аварий, 7 поломок, 32 вынужденные посадки, 2 аварии моторов, 14 потерь ориентации на местности[7]. Из-за недисциплинированности и поломок в сентябре 1939 г. в один день и час потерпели аварии 4 самолета. 12 декабря при перелете из Пружан в Бобруйск произошло 2 катастрофы, 3 аварии, 35 вынужденных посадок. Одной из основных причин командование считало переоценку опытными летчиками своих сил. Так, командир полка Шубин разбился, совершая перелет из Белостока в Пружаны. Он не повернул назад, обнаружив облачность, потому что жена написала: «Приезжай во что бы то ни стало»[8].

---

[1] *Куликовский В.В.* Воспоминания и некоторые суждения. 1939–1941 годы // Военно-исторический архив. 2006. № 6. С. 57.

[2] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3417. Л. 368.

[3] Там же. Д. 3575. Л. 183; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 128.

[4] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 425, 475.

[5] Там же. Л. 421; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 268. Л. 17–19.

[6] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 36.

[7] Там же. Оп. 29. Д. 505. Л. 626.

[8] Там же. Оп. 36. Д. 3979. Л. 250–251.

inslav

Однако эти данные для населения были закрыты. Мощь вооружения, его количество были основным доказательством силы, прочности и надежности той социальной системы, которую несли с собой советские танки. Они являлись аргументом бесполезности сопротивления и залогом будущей стабильности.

Внешний вид красноармейцев контрастировал с техническими достижениями Красной армии, что свидетельствовало об утилитарном отношении к человеку в СССР. По внешнему виду РККА проигрывала польским, и, тем более, немецким солдатам. «Брестчане сохранили следующее воспоминание о сентябрьском советско-немецком параде: «Немцы шли начищенные, бравые, ладные... Показавшиеся следом красноармейцы смотрелись на этом фоне невыгодно. Грязные сапоги, запыленные шинели, щетина на лицах»[1]. Ю. Веселковский пишет: «Вид советского бойца резко отличался от внешности польского солдата. Временами стыдно было смотреть на бойца, у которого из шинели тянулись нитки»[2].

О бедном, запущенном и неряшливом виде бойцов Красной армии, особенно часто, с нескрываемым удовлетворением, говорят польские мемуары, которые формируют скорее образ собрания случайных людей, нежели регулярной армии. Оборванный вид не только солдата, но и советского специалиста констатировали откомандированные на фронт писатели, которые, разумеется, находили оправдание в том, что главное не внешний вид, а содержание, умения, интеллект и т.д. Тот факт, что внешний вид бойцов Красной армии оставлял желать лучшего подтверждается и архивными данными о снабжении Красной армии.

Особой бедностью и неопрятностью поражала пехота. Обмундирование часто поступало старым, заплатанным, «сборовым», непригодным для использования. К винтовкам привязывали веревки, потому что не было ремней. У многих красноармейцев не было и поясных ремней. У начсостава отсутствовали кобуры, и револьверы они носили в кармане[3]. И без того непрезентабельный внешний вид представителей «новой революционной армии» в походно-боевой обстановке, под дождем, еще больше ухудшился. Пропагандируемое высокое техническое оснащение РККА не избавило пехотинцев от чрезмерных физических нагрузок во время красноармейского блицкрига по территории Западной Белоруссии. По существующим в то время нормам летняя нагрузка вооруже-

[1] *Сарычев В. В.* Указ. соч. С. 97.

[2] *Весялкоўскі Ю.* Указ. соч. С. 14.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 18. Л. 5; РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358; Л. 10, 48; Д. 3979. Л. 192.

inslav

ния и снаряжения на одного бойца составляла 30 кг. 849 г.[1] Участники похода жаловались: «В СССР столько машин, а нас заставили ходить. Нам положено ехать на машинах»[2]. «За вчерашний и сегодняшний день крепко изменился наш боевой обоз своим качеством и формой» — записал в дневнике лейтенант А.М. Матвеев[3]. А один из очевидцев так описывает первую встречу с красноармейцем: «Выглядел он молодо, ... на голове шапка буденовка с большой звездой над козырьком. Вместо ремешка с винтовки свисал грубый толстый шнур. Красноармеец стоял босиком с волдырями на пятках, а связанные веревкой сапоги висели через плечо»[4].

Облик красноармейцев отражал внутренние бытовые проблемы похода, которые в свою очередь были обусловлены не только пороками социально-экономической системы, но и контрастами культурного развития страны социализма. Во время мобилизации («Больших учебных сборов») выяснилось, что катастрофически не хватает обмундирования. Особенно плохо одетыми оказались части прибывшие из-за пределов Белорусского особого военного округа (Калининского, Московского, Орловского и др. военных округов). Не доставало шинелей, шлемов, плащпалаток, белья и многих других предметов экипировки[5]. Между тем ответственные лица спешили доложить о боевой готовности. В итоге на границе были задержаны необмундированные части двух стрелковых дивизий. 33-й дивизии удалось проблему решить, а в 121-й дивизии 853 босых красноармейца оставались в тылу до 10 октября[6]. Первый секретарь ЦК КПБ(б), П.К. Пономаренко писал командующему Белорусским фронтом (БФ) М.П. Ковалеву, что части 4-й армии, двигавшиеся из Слуцка в Брест, идут «в чем попало, в тапочках, без кепок»[7]. Из подразделений БФ шли сообщения, что нет возможности выдать всем красноармейцам обмундирование. Баз снабжения 4-й армии БФ на практике не оказалось. В результате 143-я дивизия не имела обуви[8].

---

[1] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4248. Л. 6.

[2] Там же. Д. 3358. Л. 191.

[3] «Продолжаем продвигаться вглубь безуютной страны». С. 32.

[4] *Сарычев В. В.* Указ. соч. С. 71.

[5] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 39.

[6] Там же. Оп. 29. Д. 433. Л. 373; Оп. 36. Д. 335. Л. 48.

[7] Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4П. Оп. 1. Д. 14755. Л. 4.

[8] РГВА. Ф. 9. Оп. 36.Д. 3979. Л. 192.

inslav

316-я телеграфно-эксплутационная рота с 13 сентября до конца октября ходила в шинелях и нательных рубашках[1].

Позже ЦК ВКП(б), проанализировав ход мобилизации по Московскому и Орловскому военным округам, пришел к выводу, что непомерно высокие потребности в обмундировании были вызваны «негодностью существующего порядка, при котором от мобилизованных в армию и флот не требовалось, чтобы они являлись в доброкачественной и вполне пригодной к носке одежде и обуви и с надлежащим запасом белья»[2]. Дефицит обмундирования усугубляло и то, что в ходе мобилизации в каждую запасную часть было прислано по 1 000 человек сверх нормы. Данный факт был обусловлен перестраховкой военкоматов в условиях запущенного учета военнообязанных (переучет не проводился с 1927 г.), боявшихся не выполнить план[3].

Присущее советской системе снабжения отсутствие порядка вело к тому, что кавалерийские шинели получала пехота, а пехотинские — кавалерия[4]. Командир 117-го запасного полка майор Поповский и комиссар Щитков писали главе политуправления РККА Л.З. Мехлису: «Вопреки нашим возражениям обозно-вещевой отдел БОВО выдал на обмундирование молодого пополнения 2 500 пар хромовых ботинок на резиновой подошве гражданского образца малого размера»[5].

Положение с обмундированием и после расквартирования улучшилось незначительно. В силу специфики советской системы снабжения и транспортировки вагоны с сапогами месяцами ходили по территории Белоруссии, а адресаты сидели босые в казармах.

В привилегированном положении не было даже руководство. Как пишет участник похода, партработник Климов, будущий первый секретарь Вилейского обкома партии: «Шинель, брюки и гимнастерка не подходили по росту, но я не обращал на это внимания»[6]. Подобный подход к внешнему виду у старшего поколения, воспитанного на традициях революционного и постреволюционного аскетизма, был типичным. «Наши потребности скромны. Приспособляемость колоссальна», — подметил Вс. Вишневский»[7].

---

[1] Там же. Д. 3358. Л. 48; Д. 3424. Л. 85.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 18. Л. 5.

[3] РГВА. Ф.9. Оп. 36.Д. 3358. Л. 105; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 18. Л. 2, 4.

[4] Там же. Д. 3979. Л. 295.

[5] Там же. Д. 3575. Л. 198.

[6] *Климов И.Ф.* Далекое и близкое. Минск, 1987. С. 23.

[7] Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1038. Оп. 1. 27. Д. 2075. Л. 45.

inslav

Однако у более молодых военнослужащих форма одежды, по мере сравнения с представителями других армий, начала вызывать дискомфот. В Перемышле редакция «Правды» получила анонимные письма от лица командиров РККА на имя Сталина, в них говорилось: «Даже совестно вспомнить насчет формы. Мы ведь командиры, стесняемся показаться куда-нибудь в культурное общество. Комсостав грязный и даже оборван»... средств одеться не имеем и, кроме того, купить негде»[1]. Действительно, в строевых частях РККА в то время не было предусмотрено парадного обмундирования. Единственная шинель, которую имели командиры, сильно занашивалась в поле и на строевых занятиях[2]. Вс. Вишневский в марте 1940 г. не случайно записал в дневнике: «На фронте меня мучило то, что мы выглядели "окопниками". Небритые, неуклюжие, рваные халаты, шинели... "Прибираемся" для парадов раза два, три в год, как выходит»[3]. Молодые кавалеры в Западной Белоруссии очень стеснялись обмоток.

Более всего военнослужащие страдали от того, что их форма проигрывала на фоне вражеской. Виктор Шкловский, участвовавший в походе на Западную Украину, отмечал на собрании писателей в ноябре 1939 г.: «Идут пленные, в свежих еще не стоптанных сапогах, шинели на них еще со складками... У поляков хорошие шинели... Поляк, пусть он хоть с голоду умирает, а складка на костюме у него остается»[4].

Такой диссонанс внешнего вида военнослужащих польской и советской армий не мог не удивлять жителей Западной Белоруссии, которые могли подойти к офицеру РККА на улице и предложить постирать рубашку[5].

Бросалась в глаза худоба и бледность красноармейцев. Поляки сравнивали их с трупами[6]. «У вас солдаты худые согнувшиеся, а вот немцы, так те каждый солдат весит 9 пудов» — говорил крестьянин деревни Пилики Бельского уезда[7]. Минимальные физические параметры годности к военной службе в СССР были снижены еще в 1920-е годы[8]. В числе

[1] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 542. Л. 266–267.

[2] Там же. Оп. 36. Д. 4248. Л. 3.

[3] РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 28.

[4] Там же. Л. 30–34.

[5] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 542. Л. 267.

[6] *Kaźmierska K.* Doświadczenia wojenne Polaków… S. 57.

[7] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3575. Л. 179.

[8] *Рожков А.Ю.* «Казарма хуже тюрьмы»: Жизненный мир красноармейца 1920-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 261.

inslav

прибывавших на «Большие учебные сборы» приписных велик был удельный вес больных, но стремление выполнить план набора в минимальные сроки вело к тому, что в рядах военнослужащих оказались даже инвалиды. Было много лиц с грыжей, разной длиной ног, негнущейся рукой, не единичными были и случаи туберкулеза[1].

Для армии были характерны те же проблемы в снабжении продовольствием, что и для всей страны. Отставание же тыловых служб во время марша привело к тому, что ощущался недостаток даже хлеба и соли. В ряде частей во время похода были случаи, когда красноармейцы не получали хлеба по 2 дня, и вынуждены были заходить просить его у крестьян. Особенно трудно со снабжением было в 10-й армии, управление которой выделилось из Московского военного округа и ее тыловые учреждения оказались особенно далеко. В одной из жалоб группа красноармейцев из Москвы писала, что во время похода они ни разу не получили второго блюда за обедом, часто ели один раз в сутки, покупали в Западной Белоруссии все, что можно было найти, но в основном это были яблоки[2]. Житель Западной Беларуси И. Данилов вспоминает: «Во время остановок солдаты умудрялись заскочить в деревенские хаты, что-то купить из съестного, особенно охотились за салом и хлебом. Платили рублями или жульничали облигациями, в которых местное население не разбиралось. Часто их просто угощали, отрезая кусок сала в дорогу»[3].

Белорусское крестьянство относилось к солдатам очень благожелательно. Красноармейцам несли хлеб, картошку, дичь, давали обувь[4]. Крестьянка деревни Пшелуки привела в полк корову со словами: «Это для Красной Армии»[5]. Даже негативно настроенные к советской власти поляки смотрели на солдат с жалостью: «Они забрали нашу страну, но, глядя на них, просто боль в сердце, как они выглядели»[6]. Когда церковь была обложена большим налогом, один из сборщиков денег для ксендза говорил: «Давайте дадим нищим деньги, потому что в СССР денег нет, нечем кормить Красную армию, и если мы им не дадим все помрут с голоду»[7].

---

[1] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 153.

[2] Там же. Д. 3575. Л. 71, 204.

[3] *Данилов И.П.* Указ. соч. С. 57.

[4] *Сарычев В. В.* Указ. соч. С. 121.

[5] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 644.

[6] *Kaźmierska K.* Doświadczenia wojenne Polaków… S. 57.

[7] ГАБО. Ф. 7580П. Оп. 1. Д. 35. Л. 214.

inslav

Не меньшее изумление, чем внешний вид красноармейцев, вызывало состояние кавалерии РККА. Кони, как и люди, были мобилизованы из колхозов, которые в уборочную кампанию совсем не хотели отдавать тягловую силу. В итоге конский состав прибывал «неудовлетворительной» и «ниже средней упитанности», значительный процент браковался и отправлялся обратно[1]. В политдонесениях сообщалось, что в военной части № 4482 «около 35 % принятых лошадей имеют побитые плечи и холки», а конный взвод, догнавший 4-ю армию в Бресте, оказался таким, что сесть на коня было нельзя[2]. Житель Западной Белоруссии И. Данилов приход Красной армии запомнил таким: «Пушки разного калибра тащили очень тощие и заморенные лошади. К хвосту каждой из них была прикреплена медной проволокой фанерная дощечка с надписью: колхоз им. Сталина, Молотова, Шверника, Кагановича и т.д.»[3] .При этом особенно поразило крестьян то, что такие тощие лошади могли быть в колхозе имени Сталина! С. Мирецкий, описывая парад в Бресте 23 сентября, вспоминает: «Кони, тянувшие советские орудия, были малорослы и неприглядны, упряжь лишь бы какая»[4]. О колхозных конях с веревочной упряжью свидетельствует и Ю. Веселковский[5]. Негодность мобилизованного конского состава позже была признана высшим партийным руководством, усмотревшем причину в расслабленности партийных и советских органов, которые «забыли предупреждение ЦК ВКП(б) о том, что нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности»[6].

В глазах местных жителей внешний вид красноармейцев контрастировал не только с представителями других армий, но и с носителями иных ветвей власти, пришедших на землю Западной Беларуси. Пинский школьник сохранил такое впечатление: «НКВД должен быть самым важным, потому что их мундиры элегантные, новые, будто прямо из-под иглы. Армия ходит оборванная, вместо рюкзаков полотняные мешочки, чаще всего пустые, связанные каким-нибудь шнурочком, и ботинки, видимо, никогда в жизни не чистившиеся, зато если идёт кто-то из НКВД, на километр бьет от него голубое зарево»[7].

---

[1] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 6; Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 87.

[2] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 87; Ф.9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 192.

[3] *Данилов И.* Указ. соч. С. 54.

[4] *Сарычев В. В.* Указ. соч. С. 98.

[5] *Весялкоўскі Ю.* Указ. соч. С. 14.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 18. Л. л. 6.

[7] *Kapuściński. R.* Imperium. Warszawa, 1993. S. 11–12.

inslav

Однако совсем иначе воспринимали внешний вид красноармейцев люди старшего возраста и бедные белорусские крестьяне. У них был свой критерий сравнения — с царской Россией: «Я в России раньше видел только лапти, а вы приходите в сапогах». Женщины говорили солдатам: «Как хорошо вы одеты»[1].

Горожане же негативно воспринимали особенности культуры быта и гигиены Красной армии: «В СССР нет культуры, люди грязные, не моются[2]». Поскольку неприспособленные для стремительных переходов дезкамеры почти все пришлось оставить в пути, повсеместная вшивость личного состава БФ колебалась в среднем от 2 % до 35 %[3]. Мыло и в армии и у населения осенью 1939 г. было в ограниченном количестве. В 10-й армии, например, его стали варить сами[4]. «Борьбу с вшой» затрудняло плохое снабжение бельем, обмундированием и санитарными принадлежностями во всех без исключения армиях. Второй пары белья, как правило, в частях не было, поэтому после бани одевали грязное. Об антисанитарных условиях похода и жизни красноармейцев на территории Западной Белоруссии свидетельствуют их письма-жалобы. Согласно письму лейтенанта Румянцева, 204-й саперный батальон, прибывший из г. Рыльска Орловского военного округа, не мылся в бане 25 дней. В результате вшивость охватила даже начсостав и медперсонал. Красноармейцы, призванные из Москвы, жаловались, что в Западной Белоруссии спали на сеновалах, в сараях, на полу, не раздеваясь и не разуваясь. В бане были один раз, и то не все[5].

В то же время гигиена быта многих сел Западных областей Белоруссии не отличалась от армейской. Санитарная разведка доносила о наличии педикулеза во многих поселениях. Однако люди надеялись увидеть преимущества советского социализма перед польским капитализмом, о которых твердили агитаторы. Но в быту их так и не появилось. У большинства советских солдат не было элементарных предметов быта. Мобилизованные вопреки правилам прибывали без кружек, ложек, зубных щеток[6]. Котелки тоже были в дефиците. По свидетельствам очевидцев их чаще заменяли консервные банки. Бытовые наблюдения вели к разо-

[1] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 184; Д. 255. Л. 34.

[2] ГАБО. Ф. 7580П. Оп. 1. Д. 35. Л. 201.

[3] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264. Л. 83; Д. 255. Л. 63.

[4] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3575. Л. 173.

[5] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3575. Л. 25, 70, 186, 203–204.

[6] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 208.

inslav

чарованиям: «Я думал, что и правда в СССР имеется большая культура, как говорят по радио, но теперь я не верю, потому что они только хвалятся своей культурой, на самом деле ее нет»[1].

Эти особенности советского быта полностью соответствовали начальной стадии «культуры» советского общества конца 1930-х годов, которую, по мнению Вс. Вишневского, характеризовали «грамотность, газеты (часто написанные плохим языком), кино, песни, радио, гораздо меньше театры, еще меньше живопись и т.д», но не элегантность и комфорт личного, семейного и общественного быта[2].

Следовательно, условия армейского быта в Западной Белоруссии для самих советских граждан были привычными. Советская пропаганда внедряла иное понятие культуры. Носителем новой культуры, которую олицетворяла РККА, по словам командующего 10-й армией А.Н. Черникова, являлась ленинская палатка в лагере[3]. Поэтому красноармейцы уверенно идентифицировали себя с культурной армией, которая несла свет в темную и забитую белорусскую деревню.

Уровень знаний и грамотности красноармейцев вызывал уважение местного населения: «У вас боец разбирается в больших вопросах. Его не застанешь врасплох». «Тутэйшие», которые помнили жизнь в Российской империи, очень радовались прорыву в культурном и образовательном уровне красноармейцев: «В моем уме не укладываются изменения, произошедшие за 20 лет в воспитании русских солдат». Сравнение с царской армией оказывалось в пользу красноармейцев: «Мата, как было в царской армии, и не слышал»[4].

Для более эффективного пропагандистского воздействия на население личный состав Красной армии, использовал показ кинофильмов, радио, патефоны, концерты армейской художественной самодеятельности, разучивание советских песен, и т.д. Эта деятельность РККА производила сильное впечатление на население. Житель Вильно, портной Литунский, говорил танкистам в октябре 1939 г.: «Без вас мы жили как в тюрьме, ни газет не читали, ни кино не видели. А вы все рассказываете правду, читаете нам газеты, и даже мы имеем возможность посмотреть кино»[5]. Ошеломляющий успех в западных областях Белоруссии имела армейская художественная самодеятельность. В отличие от географи-

[1] ГАБО. Ф. 7580П. Оп. 1. Д. 35. Л. 91.

[2] РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 29.

[3] РГВА. Ф. 9. Оп. 36.Д. 3979. Л. 177.

[4] Там же. Оп. 29. Д. 505. Л. 743–744, 796.

[5] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264. Л. 17.

inslav

ческих карт, музыкальные инструменты были во всех подразделениях. Каждая рота, по крайней мере, была обеспечена гармошкой. Большой популярностью пользовались оптимистические советские песни, которые воспроизводились в граммофонной записи. В Белостоке, например, 4000 человек слушали концерт советских песен в граммофонной записи, пять раз подряд просили завести песню «Если завтра война» и каждый раз аплодировали[1]. Совместные песни и пляски были особенно популярными у молодежи[2].

Жизнь местного населения благодаря армии, несомненно, стала ярче и веселее. Тутейшие считали: «Немцы несли с собой бомбы, пожары, смерть, а большевики принесли радость, веселье, счастье». Песенно-танцевальное выражение эмоций советского человека расценивалось как наглядное проявление удовлетворенностью жизнью. «Я увидела счастье большевицкое!» — говорила старушка Сара Шмурлевич. Вторил ей 65-летний крестьянин Страхов: «Нас сделали темными, лишили всякой культуры, работай на пана — вот и вся твоя жизнь. Спасибо красным командирам и красноармейцам за счастье». Глядя на задорные песни и танцы красноармейцев, крестьяне заявляли: «Нам хочется жить также счастливо, как и вы». Утверждался тезис о том, что так петь и танцевать может только человек свободного творческого труда. Успехи армейского самодеятельного искусства расценивались как позитивная черта советской системы: «Вот это народ, вот это сила, вот это армия!»[3]. Они воспринимались как доказательство пропагандируемой высокой культуры советского общества.

Особенности поведения военнослужащих Красной армии в западных областях Белоруссии определялись обстановкой военных действий, четкими инструкциями командования, применением дисциплинирующих наказаний, незнакомой обстановкой «враждебного капиталистического окружения», присущими советскому человеку комплексами, политикой снабжения и обеспечения войск. Конкретные поступки и действия в отношении местного населения зависели от уровня образования, социального положения, армейского статуса военнослужащего.

В целом поход развеял опасения местного населения об агрессивности РККА (большевики — варвары все уничтожат). По мирному населению не стреляли, домов не разрушали — войскам были запрещены бомбардировки и артиллерийские обстрелы городов. В большинстве

[1] Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 716.

[2] Там же. Оп. 36. Д. 3316. Л. 430; Д. 3774. Л. 120.

[3] Там же. Оп. 29. Д. 505. Л. 716–718, 794.

inslav

случаев поведение военнослужащих на территории Западной Белоруссии вызывало позитивную реакцию: «Это такая культурная армия, пришли и никого пальцем не тронули»[1].

Красноармейцы, попавшие в незнакомую обстановку, придерживались предписаний вести себя образцово и примерно, как подобает освободителям[2]. Пункт: «быть культурным и вежливым во взаимоотношениях с населением и вести среди него разъяснительную работу» — был включен в положения о соцсоревновании между частями[3].

Влияние на поведение военнослужащих оказывали не только приказы, но и пропаганда. Политорганы усиленно разъясняли бойцам великую миссию, которую доверила им страна[4]. В результате личный состав проявлял в отношении жителей Западной Белоруссии доброжелательность. Фронтовой корреспондент отмечал: «Наши бойцы ведут себя превосходно. Своей дисциплиной, вежливостью, толковыми беседами они завоевывают огромные симпатии населения»[5]. Красноармейцы угощали крестьян папиросами, учили курить советскую махорку. Польский исследователь К. Лишевский (Р. Шавловский) назвал эти действия политикой «улыбок и угощения»[6]. Самые недоверчивые из местных жителей в 1939 г. искали подвох: «Красная Армия и Советы сейчас ведут свою политику — за все расплачиваются, обращаются с населением хорошо, но это только потому, что им нужно, чтобы население голосовало за Советы. А вот как только установится советская власть, так они покажут свои рога»[7].

Случаи, когда во время остановки на привал красноармейцы бросились в помещичий сад за яблоками или, выломав в амбаре осадника окно, забрали 8 пудов яблок, или лейтенант раздал бойцам изъятые у помещика несколько головок сыра[8] не имели массового характера, расценивались как мародерство и строго карались. Со свойственными советской системе крайностями наказывали даже за поломку чернильного

[1] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264. Л. 23.

[2] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 82.

[3] Там же. Оп. 29. Д. 505. Л. 616.

[4] *Ильенков В.* С именем Сталина // Красная армия — армия героев. Новосибирск, 1940. С. 41; РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 619.

[5] *Котенко И.* Указ. соч. С. 71.

[6] *Liszewski K.* Wojna polsko-sowiecka 1939 r. Warszawa, 1987. S. 179.

[7] Назаўсёды разам: да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. Мінск, 1999. С.182.

[8] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 80; Д. 3574. Л. 122, 350.

inslav

прибора в доме крестьянина во время обыска[1]. Голод красноармейцев, который можно было объяснить трудностями походной жизни, «тутэйшим» был понятен. Один из них пишет: «Поскольку у нас была довольно большая хата, на ночлег остановились солдаты. Им долго не давали есть. Видимо что-то случилось с кухней. Тогда моя мать приготовила им кое-что „пошамать" как они говорили»[2].

Действия, которые можно квалифицировать как мародерство, имели место только по отношению к пленным и представителям враждебных классов и были более характерны для рядового и младшего командного состава, поскольку поведение во многом определялось уровнем образования и воспитания. Обращение к опыту Гражданской войны и изъяны в обмундировании в сознании военнослужащих оправдывали «изъятие» вещей: шинелей, одеял, гражданских костюмов, и т.д. К простым же труженикам, в соответствии с предписаниями, относились вежливо и предупредительно, но было много случаев, когда у крестьян из-за плачевного состояния конского состава забирали лошадей или меняли их на своих. Кроме того, пользуясь доверчивостью и благожелательностью крестьян, как уже говорилось, жульничали. Например, старались заплатить облигациями, в которых местное население ничего не понимало, иногда оставляли фиктивные расписки за изъятый товар. Так, красноармеец Романцев из 319-го стрелкового полка поехал в деревню Рокосовщина, зашел к председателю крестьянского комитета и сказал, что он и еще 26 бойцов отстали от части. Крестьяне собрали ему 189 руб. 50 коп. денег на питание[3].

Массовыми эти явления не стали и негативного следа в сознании крестьян не оставили. Гораздо большее впечатление произвело на жителей городов и местечек стремление военнослужащих, прибывших из страны хронического дефицита, к скупке промышленных товаров, которая в сводках политических и правоохранительных органов получила название «барахольство».

В отличие от мародерства, в отношении которого применялся комплекс превентивных и карательных мер, «барахольство» оказалось непредвиденным для командования событием. Ни накануне похода, ни в его первые дни военнослужащие не получили никаких предостережений. Политуправление позже вынуждено было признать такое положение своим упущением[4].

---

[1] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 67.

[2] *Весялкоўскі Ю.* Указ. соч. С. 15.

[3] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 142.

[4] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3575. Л. 165; Д. 3417. Л. 351.

inslav

Вместе с тем уже 19 и 20 сентября начальник специального отдела НКВД Бочков сообщал Берии, что были задержаны командиры и красноармейцы, производившие закупки шерсти, хрома, сукна, велосипедов, часов[1]. Польские мемуары сохранили образ советского офицера пакующего в карманы все подряд. С мест шли политдонесения: «При занятии м. Столбцы наблюдаются массовые закупки на советские деньги красноармейцами и командирами часов (покупали по 10 штук сразу), и т.д.»[2]. Очевидцы вспоминают: «Пошли наши освободители подметать чуть не подчистую полки в магазинах». Особый спрос был на конфеты, обувь, одежду, ситец, на мануфактуру в целом[3]. В приграничных районах за товарами ходили на немецкую территорию[4].

Поскольку для приобретения товаров необходимы были свободное время и денежные средства, «барахольство» явилось деянием более типичным для командующего состава Красной армии. Злотый был приравнен к рублю, а оклады дневного содержания пехотного и кавалерийского состава РККА, введенные с 1 ноября 1938 г. составляли у командира взвода 600 рублей, командира роты — 725, командира батальона — 850, командира полка — 1200, командира дивизии — 1600, командира корпуса — 2000[5]. В скупке товаров участвовали и коммунисты и политработники. На партконференции БОВО весной 1940 г. признали, что случаи «барахольства» носили массовый характер среди коммунистов, особенно молодых[6]. Потребительская активность в силу финансовых возможностей была также более высокой у призванных из запаса, покупавших по 40–50 метров мануфактуры[7]. Донесения в политуправление показывают, что солдаты с завистью смотрели на командиров, которые покупали товары. Красноармейцы жаловались: «Командиры говорят нам, что не надо покупать ненужных вещей, а сами покупают»[8].

---

[1] Wydarzenia i losy ludzkie. Zachodnia Białoruś 17.IX.1939 — 22.VI.1941. Warszawa, 1998 . T.1. Rok. 1939. S. 135.

[2] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д 3358. Л. 49.

[3] Гарт. З успамінаў пра Саюз Беларускіх Патрыётаў. С. 219.

[4] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3358. Л. 103.

[5] *Токарев В.А.* Дестабилизация советской распределительной системы и «потребительская интервенция» в Польшу 1939 г. // Экономические проблемы в истории России и пути их решения. СПб., 2003. С. 131.

[6] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 381.

[7] Там же. Д. 3358. Л. 85–86.

[8] Там же. Д. 3574. Л. 374.

inslav

Страсть к скупке товаров вела к потере авторитета военнослужащих и в глазах личного состава, и в глазах населения. Так, комиссар одной из дивизий на второй или третий день похода обзавелся узелками и так и ходил с ними[1]. Военный следователь в Воложино и Гольшанах бродил по магазинам, покупая вещи для жены, и на глазах у солдат примерял на свою голову женский берет[2].

Опустевшие полки магазинов и жадное внимание к товарам военнослужащих и других восточников были одним из главных аргументов антисоветской пропаганды в листовках: «Наше освобождение началось освобождением наших магазинов от товаров, наших фабрик от машин»[3]. Потребительская активность освободителей диссонировала с теми представлениями об СССР, которые формировала советская, в том числе армейская пропаганда: «Наши люди удивлялись: неужели там, в Советском Союзе всего этого нет? Что тогда там такого особенного, чем мы будем осчастливлены. Чего-чего у западных белорусов не хватало, но этих товаров повседневного спроса было вволю. Как кто ни жил, а на них средства находил»[4].

Удивляли жителей Западной Белоруссии и некоторые черты взаимоотношений в самой РККА, особенно между командирами и красноармейцами. Местные жители сразу же пришли в замешательство от того, что ни форма, ни головные уборы красноармейцев не имели эмблем, не было никаких погонов[5], а петлицы были не у каждого военнослужащего. До 1940 г. в РККА не было и твердого порядка отдавать честь. В силу этого определить статус и звание часто не представлялось возможным. Крестьяне спрашивали: «Кто из вас офицер? Кто из вас большевик?». Не менее странным выглядело отсутствие дифференциации в поведении военнослужащих при их контактах друг с другом. Жители Западной Белоруссии очень удивлялись тому, что красноармеец может запросто попросить прикурить у командира, а командир с шофером в ресторане садятся за один стол[6]. Отсутствие субординации резко контрастировало с положением в польской армии и будило противоречивые эмоции. Тем более что за фасадом равенства командиров и солдат, которое превоз-

[1] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 381.

[2] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 255. Л. 262.

[3] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 419.

[4] Гарт. З успамінаў пра Саюз Беларускіх Патрыётаў. С. 219.

[5] *Kaźmierska K.* Doświadczenia wojenne Polaków... S. 57.

[6] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 714.

inslav

носилось как главное отличие от царской армии, и лозунгами уважения личности человека[1] скрывалось отсутствие уважения к вышестоящим по службе. Не добавляло авторитета командирам вмешательство в руководство военными действиями политорганов.

Широкомасштабный процесс создания новых воинских формирований, происходящий в 1939–1940 гг. и резкое несоответствие между потребностью армии в кадрах и их подготовкой в период 1928–1938 гг., привели к дефициту комсостава[2]. Самым слабым звеном на Белорусском фронте были младшие командиры. Большинство из них были призваны из запаса и назначены на должность без всякой подготовки[3]. Многие командиры отделения получили должность за два дня до перехода[4]. Усугубляла ситуацию неорганизованная мобилизация. В военкоматах при нехватке грамотных политработников, не задумываясь, зачисляли партийных и советских функционеров в рядовой состав. Например, заведующий районо г. Проскуров товарищ Мироненко, имеющий высшее образование, был зачислен коноводом артиллерийского дивизиона, а заместитель председателя горсовета г. Каменец-Подольский Ойфе — буфетчиком военторга[5]. Некомпетентность была характерна даже для высшего командного состава. Так, генерал-майор Рыбалко сетовал в 1940 г: «Армией командуют неграмотные люди — командиры эскадронов, вахмистры без образования и опыта... И в то же время сотни образованных офицеров, окончивших Академию, сидят в штабах на второстепенных должностях. Держат их в черном теле»[6].

Из-за недостатка жилья командиры спали вместе с бойцами[7], использовались вместе с красноармейцами на погрузке и разгрузке. Нежелание подчиняться командирам вызывало и отсутствие разницы в возрасте между командирами и бойцами[8] или совместное гражданское прошлое: «Я работал на заводе вместе с политруком и получал больше его. А теперь он будет получать больше меня»[9]. Командиров не уважа-

[1] *Ильенков В.* Указ. соч. С. 42.

[2] *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. С. 365.

[3] РГВА. Ф.9. Оп. 36. Д. 3973. Л. 3,5.

[4] *Котенко И.* Указ. соч. С.5.

[5] РГВА. Ф.9. Оп. 36. Д. 3417. Л. 346.

[6] *Новобранец В.* Накануне войны // Знамя. 1990. № 6. С. 180.

[7] РГВА. Ф. 35086. Оп.1. Д. 256. Л. 187.

[8] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18373. Л.107.

[9] РГВА. Ф. 9. Оп.36. Д. 3358. Л. 113.

inslav

ли, не любили, писали на них доносы и жалобы[1]. «Были бы деньги, взял бы еще водки, — говорил один из младших командиров — и напился до бессознания, чтобы разбить морду первому попавшемуся командиру». Малейшая дифференциация в армии вызывала возмущение: «Почему комсостав гуляет по выходным дням, а нас в город не пускают»; «пускай ходят в наряд командир и политрук батареи, они же едут на лошадях»[2]; «уборка красноармейцем помещения, где живет комсостав, есть эксплуатация, а говорят у нас в СССР нет эксплуатации»[3] и т.д.

Не имея реального авторитета над подчиненными, младшие командиры выбирали, как правило, один из двух наиболее типичных сценариев поведения: «ассимилятивный» или «фельдфебельский»[4]. Первый состоял в абсолютном отсутствии статусной идентичности, их полной конвергенции с рядовым составом. В частности, в политдонесениях указывалось, что младший командный состав «растворился в красноармейцах»[5]. Второй тип младшего командира изощрялся в издевательствах над красноармейцами, пытаясь доказать свое превосходство при помощи унижений. Подобные действия формировали отталкивающий образ командира. Красноармейцы жаловались на бездушное отношение младших командиров, которые дают прозвища, матерят, проводят издевательские шуточные действия[6]. Красноармеец Петров писал невесте: «Жизнь в рядах РККА чуть отличается от старой армии лишь только тем, что нет мордобоя, а остальное все применяется»[7]. По сообщениям 10-й армии, были отданы под суд военного трибунала лейтенант Харитоненко, который угрожал наганом и кричал «застрелю» красноармейцу, который не хотел идти в наряд[8], а также младший лейтенант Козлов, который во время марша взял под подозрение отставшего красноармейца и убил его на глазах у населения[9].

При контакте с немецкой и польской армиями сами командиры РККА начали по-новому осмысливать свою роль и проблемы сложившейся в

[1] Там же. Д. 3979. Л. 117.

[2] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 23, 58, 173.

[3] Там же. Д. 257. Л. 301.

[4] *Рожков А.Ю.* Указ. соч. С. 278.

[5] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 23.

[6] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3314. Л. 28 –29.

[7] Там же. Д. 3574. Л. 58.

[8] Там же. Д. 3358. Л. 66.

[9] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 257. Л. 41.

inslav

РККА субординации. Прибыв на территорию Польши, военнослужащие почувствовали, каким может быть социальный статус офицера: «Интересно, когда мы только появились на территории бывших капиталистических государств — командиру некоторое время было уважение». В анонимных письмах Сталину они писали: «Почему-то в других армиях комсостав, офицеры кроме шикарной жизни имеют громадный авторитет. А у нас красноармеец командира обругает, оскорбляет, бьет в лицо кулаком»[1].

Местное население эти особенности взаимоотношений в советской армии интерпретировало в зависимости от взгляда на советскую власть. Но чаще жители недопонимали нежелание подчиненных выполнять приказ. Ю. Веселовский вспоминал: «Когда солдаты утром покидали наш дом, никто не хотел нести ручной пулемет»[2]. Листовка подпольной польской организации, появившаяся в Вильно в октябре 1939 г. подчеркивала слабые стороны РККА: «Красная армия, которая вошла на наши земли, совершенно деморализована. Нам знакомы акты непослушания и расстрела комиссаров и офицеров своими же бойцами, не говоря уже о моменте общего развала дисциплины»[3]. Осознавало необходимость дисциплины и субординации в армии и руководство страны, которое в августе 1940 г. ужесточило ответственность за воинские преступления[4].

В контексте перспективы установления советской власти для жителей Западной Белоруссии наиболее важными были гарантии жизни и собственности, сохранение или упрочение имущественного положения, возможность ведения самостоятельного хозяйства, налаживание нормальной мирной жизни и бытовых условий. По мнению польского исследователя К. Лишевского (Р. Шавловского) как минимум два миллиона поляков знали большевизм из собственного опыта польско-советской войны 1920 г., к тому же на территории Польши было много репатриантов, которые пережили революцию и Гражданскую войну в СССР[5]. Много внимания Советскому Союзу в 1930-е годы уделяли польская пресса и радио. Наибольшие опасения у населения западных областей вызывали колхозы и религиозная политика. Более пожилые жители боялись, что их лишат религиозных обрядов. Крестьяне говорили: «Все хорошо, толь-

[1] Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 542. Л. 266, 271.

[2] *Весялкоўскі Ю.* Указ. соч. С. 15.

[3] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 12.

[4] Там же. Ф. 9. Оп. 29. Д. 541. Л. 137–153.

[5] *Liszewski K.* Op.cit. S. 25.

inslav

ко бы колхозов не делали, а как мы жили, так и оставить»[1]. Они добивались от военнослужащих развенчания тезисов польской пропаганды о том, что в колхозе все едят из общего корыта, спят под общим одеялом, а жены обезличены. На станции Олехновичи крестьянин показывал польскую брошюру, в которой на примере одного села рассказывалось о том, как колхозники померли с голоду, предварительно съев всех кошек и собак[2]. Однако приход Красной армии, основную массу которой составляли колхозники, внес некоторое смятение в умы крестьян и заставил переосмысливать многое, о чем писали польские газеты. По воспоминаниям жителя Западной Белоруссии И. Данилова его отец коммунист очень переживал, видя как ломается миф о нормальном благополучии и социальной справедливости в СССР[3].

Не воспринималось однозначно жителями западных областей Белоруссии отношение красноармейцев к религии. С одной стороны, сверху предписывалось до поры не трогать священнослужителей и костелы в Западной Белоруссии. Не случайно, крестьянин Мацкевич из д. Соловьи удивлялся: «Нам говорили, что большевики — это варвары, что они срывают в домах иконы, разрушают церкви, убивают ксендзов, насилуют женщин. А на самом деле Красная Армия самая культурная армия из всех проходивших на этой земле»[4]. С другой стороны, в лице Красной армии на территорию Западной Белоруссии пришло поколение с устоявшимися атеистическими убеждениями, что вызвало много трений с местным населением. Большое недоверие у красноармейцев было к костелам, которые использовали в Пинске и Вильно для обороны польские офицеры. Было зафиксировано много насмешек красноармейцев над иконами, которые в СССР «уж давно сожгли в печке». Вызывало раздражение жителей и пожелание красноармейцев как можно скорее превратить костелы в клубы или гаражи. Подобную агитацию, признанную позже политическим руководством «несоответствующей задачам дня», вели в 139-й стрелковой дивизии 3-й армии: «У нас давно церквей нет, и у вас не будет, вместо церкви будет клуб». В листовке 4-й стрелковой дивизии содержался призыв к захвату церковных земель[5]. 28 ноября 1940 г. красноармейцы воинской части № 9604 сожгли придорожный крест. Ксендз В. Крассовский с верующими вытащили остатки, отнесли в костел и на-

[1] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 2.

[2] Там же. Ф. 9. Оп.36. Д. 3360. Л. 279.

[3] *Данилов И.* Указ. соч. С. 54, 57.

[4] РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 744.

[5] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 156; Ф. 9. Оп. 29. Д. 505. Л. 653, 715.

inslav

писали коллективную жалобу в прокуратуру[1]. С приходом Красной армии в западных областях Белоруссии перестали звонить колокола, а батюшек стали называть попами[2]. В целом религия была одной из наиболее болезненных проблем в отношениях населения с новой властью.

Военнослужащие продемонстрировали жителям Западной Белоруссии и новые негативные элементы армейского быта: склонность к застольям и обильным возлияниям. Употребление алкоголя представляло собой традиционный ритуал, характерный для всех структур советской власти. Оно являлось способом релаксации, возможностью удержаться на поверхности, сделать карьеру[3]. Пьянство а армии было также хорошим защитным средством против отправки на фронт в действующую армию, направления в школу младших командиров, продления срока службы. Приказ наркома обороны Ворошилова № 0219, изданный декабре 1938 г., призывавший бороться со злом Красной Армии — пьянством, игнорировался.

7 ноября 1939 г. — первый советский праздник в Западной Белоруссии — отмечали с особым разгулом. Только в 164-й стрелковой дивизии с 7 сентября по 20 ноября 1939 г. было зафиксировано 80 случаев пьянок , 4 — хулиганства и 166 — самовольных отлучек[4]. При этом пороку были подвержены все, независимо от ранга, начиная с работников штаба и заканчивая красноармейцами. Причем начальник ПУ БОВО Иванов основными виновниками пьянства считал командование и политработников, у которых было больше свободы и возможностей для приобретения спиртного. Так, командование 36-й кавалерийской дивизии с женами в количестве 150 человек на празднование Нового (1940) года дало заявку на 100 литров водки и 400 бутылок пива. Военторг смог достать только 60 литров, выпили меньше, но все равно ранили лейтенанта Филилеева[5]. Пьяная нецензурная брань, хулиганство и рукоприкладство являлись типичными преступлениями для начсостава РККА[6].

Пьянство в казарме было явлением распространенным и серьезным наказаниям не подлежало[7]. Однако как приобретение спиртного, так и

[1] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18375. Л. 3; «Ты с Заходняй, я з Усходняй нашай Беларусі…». Верасень 1939 г. — 1956 г.: дакументы і матэрыялы. У 2 кн. Мінск, 2009. Кн.1. Верасень 1939 г. — 1941 г. С. 234–235.

[2] *Сарычев В. В.* Указ. соч. С. 122.

[3] *Jasiewicz K.* Aparat sowiecki na ziemiach wschodnich… S. 54.

[4] РГВА. Ф.9. Оп. 36. Д. 3730. Л. 138; Ф. 35086. Оп.1. Д. 256. Л. 271, 302.

[5] Там же. Д. 3979. Л. 348–349.

[6] НАРБ. Ф. 4п. Оп.1. Д.18377. Л. 28, 30.

[7] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3979. Л. 196.

inslav

последствия его употребления были чреваты правонарушениями. Например, «10. 10. 1940 г. выпивший младший лейтенант Алдошик В.В. из 50-й стрелковой дивизии на почве личной мести стрелял в политрука Нефедова Н.А.»[1]. Контакты с нетрезвыми военнослужащими представляли опасность и для местных жителей. Пьяные и торопившиеся из самовольных отлучек красноармейцы совершали наезды на местных жителей. В частности, шофер 101-го стрелкового полка при проезде деревни на большой скорости умудрился наскочить на группу людей, смотревших кино[2]. Чаще всего военнослужащие под алкогольными парами вытаскивали оружие и стреляли. Так, «из 143 с.д. была направлена автоколонна во главе с младшим командиром Тимофеевым. В пути бойцы этой автомашины обменяли ведро бензина на спирт, перепились, в городе организовали дебош, открыли по городу стрельбу. При попытке усмирить пьяных, водители Шаповалов и Долгих оказали вооруженное сопротивление. Во время этого хулиганства были утеряны две винтовки»[3]. Согласно сообщениям, пьяные командиры стреляли на улицах Вильно, лейтенант Попов в Глубоком ранил местного жителя[4] и т.д. Несмотря на предписание сдать боевые патроны после расквартирования, многие оставили их на память. Неосторожность обращения с оружием вела к несчастным случаям. Как сообщалось, казаки комендантского эскадрона, принимая выгодную позу в фотоателье, произвели случайный выстрел, и попали фотографу, находящемуся в соседней комнате, прямо в ухо[5]. Пьянство и непристойное поведение начсостава в Западном особом военном округе[6], по сообщениям НКВД, продолжались и в 1940 г.[7]. Спрос рождал предложение. С приходом советской власти западнобелорусская деревня стала активно осваивать самогоноварение, которое из-за больших штрафов и государственной монополии было крайне затруднено в межвоенной Польше[8].

Красные командиры не всегда вели себя порядочно и достойно чести офицеров по отношению к женщинам, с которыми вступали в связь. На-

[1] Там же. Ф. 35078. Оп. 1. Д. 2. Л. 240.

[2] Там же. Ф.9. Оп. 36. Д. 3574. Л. 93.

[3] Там же. Д. 3730. Л. 139.

[4] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 177, 180.

[5] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3360. Л. 259.

[6] Приказом НКО СССР № 0141 от 11. 07. 1940 Белорусский особый военный округ был переименован в Западный особый военный округ.

[7] РГВА. Ф. 9. Оп. 39. Д. 91. Л. 78.

[8] *Данилов И.* Указ. соч. С. 60.

inslav

пример, в ночь с 6 на 7 ноября 1939 г. три комсомольца из 52-й стрелковой дивизии наняли извозчика и велели ему отвезти их в притон, где забрали у проститутки 100 рублей[1]. Более того, военнослужащие использовали в своих интересах негативное отношение власти к местным женщинам. Так, политработник 33-й дивизии Аличкин начал жить с «нехорошей женщиной», которая, как оказалось при проверке, ходила через границу в Германию и обратно. Сначала он заявил, что так он ее лучше узнает и перевоспитает, но когда она забеременела, Аличкин, имевший семью в Ленинграде, написал заявление: «Я попал в руки врага, я обманут ... Пусть меня покарает родина»[2].

Происшествия из-за пьяных приставаний к местным женщинам были частым явлением и не прекращались до начала Великой Отечественной войны[3]. В политдонесениях сообщалось, что пьяные красноармейцы приставали к жене, чем вызвали ревность мужа, который нанес 5 ножевых ранений[4], 19. 09. 40 г. капитан Тарасенко из 151-го стрелкого полка, употребивший самогон, размахивая пистолетом, приставал к трем девушкам работницам, лейтенант Любчик требовал от женщины: «Давай согласие, иначе застрелю»[5] и т.д.

В условиях острого дефицита жилья представители РККА часто самовольно занимали квартиры. Сотрудник издательства «Правда» Жук сообщал в конце 1939 г. в ЦК ВКП(б): «В г. Белостоке... особенно дикую картину представляет работа по распределению жилищной площади, складов и помещений под учреждения. В этом вопросе кто сильнее, тот и хозяин»[6]. Например, начальник 2-го КПП 17-го КПО Фомин, угрожая револьвером, выкинул вещи и жену владельца комнаты[7]. Драки с использованием оружия были особенно характерны для функционеров НКВД и РККА при поселении или выселении из квартир. Так, в Барановичах лейтенант 77-го артполка Рыбко самовольно занял квартиру работника РКМ Бочарова. Действовал он силой: вызвал по тревоге 10 красноармейцев и «предложил посторонним очистить помещение»[8]. Польский

[1] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3730. Л. 138.

[2] Там же. Д. 3979. Л. 195, 382.

[3] Там же. Л. 3316. Л. 472.

[4] Там же. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 256. Л. 61.

[5] Там же. Ф. 9. Оп. 39. Д. 91. Л. 78.

[6] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 117. Д. 69. Л. 195.

[7] НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 18377. Л. 29.

[8] ГАБО. Ф. 7580П. Оп. 1. Д. 35. Л. 159.

inslav

историк К. Ясевич подметил, что победителями при разбирательстве в партийных органах скандалов между двумя силовыми структурами всегда выходила армия[1]. Отдельные командиры к тому же получали взыскания за грубость к хозяевам квартир, на которых они проживали[2].

Вместе с тем, несмотря своеобразную культуру быта, Красная Армия обеспечивала определенные гарантии безопасности, поскольку в условиях военных действий, массовых перемещений, беженства, отсутствия стабильной власти и органов правопорядка в западных областях Белоруссии резко возрос бандитизм. Каждый день приходили сообщения о грабежах, налетах, погромах[3]. Вооруженные «польские банды» не только нападали на подразделения Красной Армии, но и грабили местное население[4].

«Только в присутствии наших бойцов крестьяне чувствуют себя спокойно, уверенно[5]», — писал корреспондент. Не случайно женщины местечка Радунь в день выборов в Народное собрание пришли на избирательный участок и потребовали, чтобы Красная Армия не уходила из местечек[6].

Таким образом, на протяжении 1939–1941 гг. население Западной Белоруссии, изолированное от остальной части СССР, под влиянием пропаганды, собственных наблюдений и общения с военнослужащими сформировало свой стереотип Красной Армии, который воспроизводился и воспроизводится до сих пор в воспоминаниях. Перемещение акцентов на те или иные детали зависит от социальной и этнической принадлежности авторов мемуаров, перипетий дальнейшей судьбы. Вычленить из них реальность и создать обобщенное представление позволяет обращение к другим видам источников, прежде всего к архивным документам.

Для местного населения Красная Армия была носителем иного культурного типа — советского, к которому большая часть населения стремилась приспособиться. Взаимодействие с военнослужащими на неформальном уровне облегчало задачу адаптации к новому режиму. В ходе взаимных контактов местные жители выстраивали реальную картину

---

[1] *Jasiewicz K.* Aparat sowiecki na ziemiach wschodnich… S. 51.

[2] РГВА. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 264. Л. 160.

[3] Там же. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3575. Л. 81.

[4] Там же. Д. 3358. Л. 81.

[5] *Котенко И.* Указ. соч. С. 15.

[6] РГВА. Ф. 9. Оп. 36. Д. 3316. Л. 437.

inslav

представлений о самой армии и о Советском Союзе, а военнослужащие постигали особенности быта, обычаев, культуры пространства Западной Белоруссии. Вместе с тем поведение красноармейцев в быту не всегда совпадало с устоявшимися традициями и нормами морали. Происходящая ломка культурных моделей провоцировала конфликты.

«Тутейшие» восхищались мощью машин, формами воспроизведения массовой советской культуры, жалели простых красноармейцев, сомневались в надежности механизмов и правдивости лозунгов. Красная Армия в чем-то превзошла, в чем-то не оправдала ожиданий местного населения. Но большая часть жителей Западной Белоруссии воспринимали Красную армию как освободительницу и защитницу. Ее роль увеличивалась с усилением военной угрозы и активизации польского националистического подполья. Однако по мере советизации и нарастания разочарования новой социально-экономической системой восторженное отношение, как к освободительному походу, так и к его участникам угасало.

inslav

Раздел II

Вторая мировая война и послевоенный мир

Л. Я. Гибианский
(Москва)

Многонациональная Югославия в Апрельской войне 1941 года: позиции этносов, этнических движений и их элит (некоторые аспекты истории и историографии)

6 апреля 1941 г. гитлеровская Германия напала на Югославию. К агрессии присоединились Италия и Венгрия, а Болгария стала одним из основных плацдармов немецкого вторжения. Уже к середине апреля югославская армия потерпела полное поражение. Четыре упомянутых государства «оси» разделили и оккупировали Югославию.

Столь катастрофический для нее итог стал следствием комплекса причин. Сказались количественное неравенство югославской армии перед намного превосходившими ее армиями агрессоров, ее военно-техническая отсталость в сравнении с вооруженными силами Германии и даже Италии, большие упущения в подготовке югославских войск в канун нападения. Наряду с этим, на ход и исход Апрельской войны повлияли внутренние общественные противоречия Югославии, особенно в сфере межэтнических отношений, игравших огромную роль в этой самой, после СССР, многонациональной из стран тогдашней Европы.

Для значительных слоев несербского населения Югославия отнюдь не была государством, за чье существование они были готовы сражаться и рисковать жизнью. Для таких крупных по численности нацменьшинств, как немцы или венгры, насчитывавших от 400 тыс. до примерно полумиллиона каждое, среди государств, напавших на Югославию, вообще были этнически «свои» Германия и Венгрия. Их ожидавшаяся

inslav

победа воспринималась значительной, если ни подавляющей частью этих национальных групп как освобождение из-под инонациональной, преимущественно сербской, власти и воссоединение с этническим отечеством. Что касалось югославских немцев, такое положение очень усугублялось действовавшей в их среде сетью национальных организаций, которые к тому времени в большинстве управлялись спецслужбами «третьего рейха» и являлись нацистской «пятой колонной»[1].

Позиция этих и некоторых других крупных этнических компонентов, отнесенных в тогдашней Югославии к категории нацменьшинств, складывалась примерно так, как и опасались югославские власти еще до Апрельской войны. Задолго до нее генштаб и министерство армии и флота выражали тревогу по поводу ненадежности и даже настроений враждебности, свойственных «опасным национальным меньшинствам». В секретных служебных документах к ним причислялись прежде всего немецкое, венгерское и примерно столь же крупное албанское, обозначавшиеся как «неславянские меньшинства». К «опасным» было отнесено и вполне славянское «болгарское меньшинство»: в основном имелось в виду то преобладавшее в Вардарской Македонии (в официальном лексиконе — «Южной Сербии») многочисленное (чуть ли ни свыше 800 тыс.) славянское население, значительная часть которого была склонна самоидентифицироваться в качестве «македонских болгар» либо, по меньшей мере, ощущала себя связанной с болгарами общностью языка и культуры[2].

Вместе с тем оправдалось опасение, которое югославское военное командование, преимущественно сербское по составу, тайно испытывало и по поводу того, как в случае войны поведут себя в армии хорваты, второй по численности народ в Югославии, составлявший около ¼ ее населения и являвшийся одним из трех основных, официально признаваемых этносов[3].

Сербский военный переворот 27 марта 1941 г., реакцией на который и стало нападение Германии и ее союзников по «оси» на Югославию, был воспринят большинством хорватского общества с чувствами насто-

[1] См.: *Biber D*. Nacizem in Nemci v Jugoslaviji 1933–1941. Ljubljana, 1966. S. 211–263; *Kačavenda P*. Nemci u Jugoslaviji 1918–1945. Beograd, 1991. S. 18–27.

[2] См.: *Tešić D*. Vojska Kraljevine Jugoslavije i nacionalne manjine u godinama uoči Aprilskog rata // Istorija 20. veka. 1996. Br. 2; Aprilski rat 1941: Zbornik dokumenata (далее AR). Knj. 1 / Red. D. Gvozdenović. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1969. Dok. br. 120. S. 400–402; Dok. br. 127. S. 423–424; Dok. br. 288. S. 863–866.

[3] Эти три этноса — сербы, хорваты и словенцы — были отнесены в документах военных властей к категории «югославы» (*Tešić D*. Op. cit. S. 85).

inslav

роженности либо негативного отношения[1]. Отрицательно он был встречен и руководством Хорватской крестьянской партии (ХКП), ведущей национально-политической силы Хорватии. Ее лидер В. Мачек опасался как того, что переворот спровоцирует Гитлера на агрессию против Югославии, так и того, что новая власть, следуя настроениям, распространенным в сербской среде, может поставить под вопрос существование автономной Бановины Хорватия. И хотя в ответ на предложение генерала Д. Симовича, возглавившего путч, Мачек в итоге согласился на участие ХКП в правительстве Симовича и на свое назначение первым вице-премьером, однако он оговорил условия, чтобы сохранялось присоединение Югославии к Тройственному пакту и не только подтверждался, но и расширялся автономный статус Бановины Хорватия[2]. Более того, он стал добиваться введения институциональных изменений в верховном государственном управлении Югославией, которые могли бы служить страховкой от произвольных действий сербских политиков и военных, подобных произошедшему перевороту[3].

Когда же 6 апреля произошло нападение на Югославию, в глазах большой части хорватского общества те сербские круги, которые осуществили или поддержали переворот 27 марта и в результате него возглавили государство, стали выглядеть виновниками удара «оси», спровоцировавшими его этим переворотом, произведенным своевольно, не учитывая интересов и мнения хорватов. Между тем в этот момент резко оживилась в хорватском обществе активность и пропаганда радикально-сепаратистского движения усташей, ожидавших, что война приведет к крушению Югославии и позволит осуществить идею государственной самостоятельности Хорватии. Сепаратистская пропаганда получила важное подкрепление в виде радиопередач усташской эмиграции из Германии, а особенно из Италии, где, с разрешения Муссолини, через радио Флоренции началось под руководством вождя («поглавника») усташей

[1] О перевороте, его причинах, характере, последствиях и, в частности, оценке с точки зрения хорватского вопроса и сербско-хорватских отношений см.: *Гибианский Л.Я.* Военный переворот в Белграде 27 марта 1941 года: Общественные устремления и внешнеполитические условия // Славяноведение. 2010. № 5.

[2] См.: Там же. О создании автономной Бановины Хорватия и отношении к этому в сербском обществе см.: *Гибианский Л.Я.* Общественные противоречия и вопрос об изменении государственной модели в Югославии в начале Второй мировой войны // Studia Slavica — Polonica (К 90-летию И.И. Костюшко) / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2009.

[3] *Petranović B., Žutić N.* 27. mart 1941.: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1990. S. 490–491.

inslav

А. Павелича вещание от имени якобы находившейся в Хорватии «Радиостанции Велебит». На этих волнах передавались ложные сообщения о боевых действиях за «освобождение Хорватии», будто бы развернутых «вооруженными силами» усташей, и призывы ко всем хорватам присоединиться к «освободительной борьбе», ведущейся в сотрудничестве с войсками государств «оси»[1]. Обстановка разразившейся войны вкупе с подобной агитацией способствовали росту сепаратистских чувств в хорватском обществе. Как всегда, когда речь идет об оценке массовости каких-то общественных настроений, сложно определить, насколько в этих чувствах присутствовали целенаправленно сепаратистские устремления, а насколько — более спонтанный всплеск негативного отношения к югославской власти и сербским лидерам, которых считали виновниками войны, спровоцированной переворотом 27 марта.

Но какой бы из факторов усиления сепаратизма ни являлся преобладающим, важно было само усиление. И оно в огромной мере определило отрицательное отношение большой части хорватского населения к участию в войне. У югославских военных властей возникли в Хорватии наибольшие сложности с проведением тайного призыва (активизации) в армию до начала войны, а затем и общей мобилизации. Явка призванных была весьма низкой[2]. А среди того хорватского контингента, который оказался в рядах армии, с первых же дней войны начались быстро нараставшие дезертирство, неисполнение приказов, сдача в плен, случаи фактического пособничества противнику, перехода на его сторону. Возникли и бунты в воинских частях под лозунгом хорватской независимости, наиболее известным примером чего стали выступления 8 апреля в некоторых полках в районе города Беловар на севере Хорватии[3].

Впоследствии имели место разные оценки того, какими были размах всех этих действий и степень их реального влияния на ход Апрельской войны 1941 г.

---

[1] *Krizman B.* Ante Pavelić i ustaše. Zagreb, 1986. S. 372–375, 388–392. Усташские радиопередачи из Германии были организованы без участия Павелича. См.: *Jonjić T.* Hrvatska vanjska politika: 1939–1942. Zagreb, 2000. S. 257; *Kisić Kolanović N.* NDH i Italija: Političke veze i diplomatski odnosi. Zagreb, 2001. S. 45.

[2] См.: *Тешић Д.* Војска Краљевине Југославије пред Априлски рат // Историја 20. века. 2003. Бр. 1. С. 65.

[3] См.: *Terzić V.* Slom Kraljevine Jugoslavije 1941: Uzroci i posledice poraza. Drugo izdanje. Ljubljana; Beograd; Titograd, 1984. Knj. 2. S. 333–335, 336–337, 349–353, 506–508; *Jonjić T.* Op. cit. S. 265–266; *Matković H.* Povijest Nezavisne Države Hrvatske. Drugo, dopunjeno izdanje. Zagreb, 2002. S. 61.

inslav

Почти сразу за поражением Югославии получила распространение интерпретация, что упомянутые действия не только носили массовый характер, но и стали чуть ли ни решающей причиной катастрофы югославской армии. С одной стороны, такая интерпретация возникла в некоторых кругах сербских политиков и военных, в частности тех, кто после поражения оказался в эмиграции и стремился к удовлетворительному для себя объяснению случившегося[1]. С другой стороны, сходная версия культивировалась пропагандой усташей, хотевших приписать себе как можно большую роль в разрушении Югославии[2]. Но если в сербском варианте эта интерпретация сопровождалась обличением «хорватского предательства», то в усташском варианте, наоборот, — возвеличиванием «патриотических усилий» во имя «хорватского национального освобождения».

После Второй мировой войны каждый из вариантов получил продолжение в публицистической, мемуарной и претендовавшей на историографический характер литературе, издававшейся соответствующими кругами сербской либо хорватской эмиграции. В самой Югославии при коммунистической власти, как правило, в историографии господствовала официальная резко негативная оценка сепаратистских действий хорватских националистов в апрельской катастрофе 1941 г. Но долгое время не допускалось исследовать, сколь широкий размах приобрели названные действия, сколь значительную поддержку они имели в хорватском обществе, среди хорватского контингента армии[3]. Когда же позднее в Югославии все-таки начали появляться работы, преимущественно сербских историков, где не только ставились подобные вопросы, но и высказывалось мнение о значительном масштабе сепаратистской активно-

[1] Одним из первых проявлений этого стал проект заявления Симовича для печати, рассматривавшийся уже в эмиграции, на заседании югославского правительства 17 апреля 1941 г. в Афинах. Хотя в результате возражений некоторых членов правительства, прежде всего хорватов, положение о хорватской ответственности за поражение было изъято, оно затем продолжало выдвигаться рядом сербских деятелей в эмиграции, из-за чего возникали конфликты. См.: *Stefanovski M*. Srpska politička emigracija o preuređenju Jugoslavije 1941–1943. Beograd, 1988. S. 117–120.

[2] Об этом, в частности, см.: *Terzić V*. Op. cit. Knj. 2. S. 664.

[3] Как правило, дело ограничивалось, самое большее, глухим — без объяснения, как это могло произойти, — указанием на то, что «подрывные действия усташских элементов» привели к «расстройству частей», а затем и «полному распаду» армии на территории Хорватии. Например, см.: Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945. Prva knjiga (Od sloma stare Jugoslavije do Drugog zasedanja AVNOJ-a) / odg. red. V. Terzić. Beograd, 1957. S. 26.

inslav

сти и ее поддержки населением, это мнение вызывало возражения среди хорватских исследователей[1]. Вместе с тем, при коммунистическом правлении даже в работах, где сепаратистской активности придавалось весьма серьезное значение в разгроме 1941 г., она считалась отнюдь не решающим фактором, приведшим к апрельской катастрофе Югославии, а только одним из обстоятельств, способствовавших поражению югославской армии[2]. В современной постюгославской историографии можно встретить в том или ином виде большинство упомянутых выше версий. Причем те, что прежде культивировались в сербской либо хорватской эмиграции, теперь, перенесенные каждая, соответственно, в посткоммунистическую историографию ставших самостоятельными Сербии либо Хорватии, во многом слились там с течениями, тяготеющими к изображению Апрельской войны под националистически окрашенным «сербским» или, наоборот, «хорватским» углом зрения.

Налицо, таким образом, не только разброс имеющихся мнений, но и очевидная политико-идеологическая ангажированность большинства из них. Да и сами апрельские события 1941 г. в Хорватии, о которых идет речь, рассматривались до сих пор в историографии почти исключительно на основе столь ненадежных источников, как сведения тогдашней националистической пропаганды и политически пристрастные свидетельства участников событий, в том числе и мемуарные. Все это очень затрудняет выяснение реальной исторической картины.

Вместе с тем в историографии обращалось внимание на то, что катастрофа югославской армии в Апрельской войне 1941 г. началась прежде всего на юго-восточном направлении в результате атаки германских войск из Болгарии. Эта атака привела к стремительному отступлению югославских сил и распаду их фронта в Македонии, а затем в южной,

---

[1] Особенно возражения возникли в связи с книгой об Апрельской войне 1941 г., чьим автором был один из ведущих в коммунистической Югославии официальных военных историков генерал В. Терзич: *Терзић В.* Југославија у априлском рату 1941. Титоград, 1963. Хорватские исследователи упрекали его в том, что рисовавшаяся им картина размаха бунтов, вызванных усташами в войсках, является следствием некритического использования им свидетельств самих хорватских радикал-националистов, участвовавших в апрельских событиях 1941 г., и последующих утверждений усташской пропаганды. См.: *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska 1941–1945. Zagreb, 1977. S. 77; *Николић К.* Прошлост без историје: Полемике у југословенској историографији 1961–1991. Главни токови. Београд, 2003. С. 34 (см. также: *Терзић В.* Указ. соч. С. 464–466).

[2] Наиболее характерный пример — общие выводы, сделанные по этому поводу Терзичем: *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 621, 656, 657, 662–663 etc.

inslav

восточной и центральной Сербии[1]. К данным событиям «хорватский фактор» не имел прямого отношения, ибо, ввиду преимущественно территориального принципа комплектования армии, на этом направлении не было частей с хорватским составом.

Войска, укомплектованные в большой мере хорватами, находились на противоположном — северо-западном и западном направлении вторжения германских, а затем также итальянских сил. Оно в очень значительной части проходило по территории Хорватии. И как раз там имели место те действия хорватского контингента югославской армии, о которых говорилось выше. Фигурирующие в историографии сведения оставляют неясным, преобладал ли при этом отказ воинских частей с большим хорватским составом от подчинения югославскому командованию (более скрытый, в виде саботажа приказов, либо прямой, вплоть до выступлений под сепаратистскими лозунгами) или же преимущественно шло «голосование ногами», когда военнослужащие-хорваты расходились по домам. Но что бы ни превалировало, в историографии очень выражен взгляд, что эти действия сыграли чрезвычайно существенную роль в подрыве боеспособности югославской армии и затем ее фактическом распаде на указанном направлении[2].

Германия и Италия активно стимулировали этот фактор. Принимая решение о нападении, Гитлер рассчитывал, что «хорваты встанут на нашу сторону», и предусматривал поощрить их «политическими обещаниями», возможностью будущей автономии[3]. В том же направлении действовал Муссолини, распорядившийся о вещании «радиостанции Велебит». Речь шла об использовании этнических противоречий не только в военном разгроме Югославии, но и при создании иного порядка на месте подлежавшего уничтожению югославского государства.

Получив от Гитлера предложение о совместном ударе по Югославии, Муссолини с конца марта предпринял шаги, чтобы Павелич и возглавлявшаяся «поглавником» группа усташей, находившаяся в Италии (примерно 250 чел.), были, когда начнется нападение, переброшены в Хорватию, где выступили бы с заявлением о ее отделении. Это было продолжением планов Рима по созданию во многом марионеточной

[1] Ход этих событий см. в: *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 294–297, 307–310, 311, 327–332, 345–348, 361–364, 387–388.

[2] Ibid. S. 299–300, 312–317, 333–337, 349–353, 365–368, 370–372, 377–378, 390–391, 393.

[3] AR. Knj. 2 / Prired. A. Miletić. Odg. ured. F. Trgo. Beograd, 1987. Dok. br. 125. S. 344; Dok. br. 126. S. 346.

inslav

«хорватской государственности», которая находилась бы под итальянским контролем. Путем «соглашения» с ней намечалось включить в состав Италии Далмацию[1]. А Берлин в эти же дни, последовавшие за переворотом 27 марта, через своих представителей в Загребе пытался склонить Мачека к сотрудничеству в качестве наиболее подходящей политической фигуры, которая могла бы выступить во главе акции по отделению Хорватии от Югославии. Но Мачек в итоге отверг немецкое предложение и отправился в Белград, где 4 апреля занял пост первого вице-премьера в правительстве Симовича[2]. Тогда германская сторона основное внимание переключила тоже на усташей, но находившихся в самой Хорватии. Речь шла о круге усташских деятелей в Загребе, группировавшихся вокруг отставного полковника С. Кватерника.

Эта группа, с которой у нацистов и до того имелись некоторые тайные контакты, рассчитывала воспользоваться германской помощью, так же как Павелич — итальянской, для создания отдельного хорватского государства. По договоренности между немецкими эмиссарами и Кватерником, руководящие участники группы подготовили документ, составленный от имени, как утверждалось, состоявшегося 31 марта собрания «большой части» хорватских депутатов последней скупщины Королевства Югославия, представителей администрации бановины Хорватия, культурных и экономических институций «из всех исторических краев Хорватии». В документе говорилось, что собрание приняло резолюцию, в которой провозглашалось создание хорватского государства, включающего также Прекомурье, Боснию и Герцеговину и «хорватскую часть Воеводины». Излагавшаяся резолюция содержала обращение к правительству нацистского рейха с просьбой об оказании новому государству «непосредственной защиты и помощи», о содействии его признанию державами «оси». Документ был подписан 5 апреля Кватерником и двумя активистами из его группы, а также двумя деятелями ХКП из тех, кто стоял на ее крайнем националистическом фланге, занимая позиции, близкие усташам, и был против решения Мачека, отказавшегося предпринять сепаратистские действия и вошедшего в правительство Симовича. В тот же день, 5 апреля, это обращение тайно передали германским

[1] *Krizman B*. Op. cit. S. 368–375; *Kisić Kolanović N*. NDH i Italija. S. 45–46, 49; *Matković H*. Op. cit. S. 56–57.

[2] *Maček V*. In the Struggle for Freedom. New York, 1957. P. 220–221. Различное освещение и оценку позиции Мачека и его мотивов см., например: *Boban Lj*. Sporazum Cvetković — Maček. Beograd, 1965. S. 360–370; *Terzić V*. Op.cit. Knj. 1. S. 494–505, 507–510.

inslav

представителям, сообщившим его текст в Берлин[1]. Оно было призвано дать нацистскому руководству повод для вмешательства в Хорватии[2]. Но когда обращение достигло Берлина, оно уже вряд ли имело значение, ибо 6 апреля началась агрессия против Югославии.

Между тем даже в условиях произошедшего нападения Германии, быстрого отступления и развала югославской армии Кватерник и его сообщники по усташскому подполью не обладали силами для самостоятельного сепаратистского выступления, имея в виду возможность ответных мер югославских войск. Лишь 10 апреля, когда формирования югославской армии отступили из Загреба и его покинули некоторые местные руководители во главе с хорватским баном И. Шубашичем, а к городу подошли передовые части германских войск, готовясь либо начав входить, Кватерник, действуя в контакте с нацистскими эмиссарами, предпринял шаги по взятию власти и созданию Независимого государства Хорватия (НГХ). По его требованию, оставшиеся деятели силовых структур и ад-

---

[1] *Boban Lj*. Sporazum Cvetković — Maček. S. 374–376; *Terzić V*. Op. cit. Knj. 1. S. 498; *Krizman B*. Op. cit. S. 362–364; *Petranović B*., *Zečević M*. Jugoslavija 1918–1988: Tematska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 450–451.

[2] Впоследствии этот документ неоднократно публиковался в нескольких стилистически чуть отличающихся друг от друга вариантах. В югославской, а затем и в постюгославской историографии велись дискуссии о том, было ли на самом деле собрание, чья резолюция будто бы излагалась в документе. Мемуарные свидетельства некоторых из тех, кто его подписывал 5 апреля 1941 г. (об этих свидетельствах см., в частности: *Boban Lj*. Sporazum Cvetković — Maček. S. 374–376; *Krizman B*. Op. cit. S. 363–364; *Kisić Kolanović N*. NDH i Italija. S. 155), дают основания для противоречивых толкований. Ряд хорватских историков еще при коммунистической власти доказывал, что, скорее всего, собрания не было, а документ представлял собой намеренно созданный фальсификат (*Boban Lj*. Sporazum Cvetković — Maček. S. 375–376; *Idem*. Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941: Iz povijesti hrvatskog pitanja. Zagreb, 1974. Druga knjiga. S. 407–409; *Jelić-Butić F*. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. S. 67–68; *Eadem*. Hrvatska seljačka stranka. Zagreb, 1983. S. 26; *Krizman B*. Op. cit. S. 362–364. Наоборот, ряд сербских авторов проявлял склонность считать истинными содержавшиеся в документе сведения о собрании и принятой там резолюции. См.: *Терзић В*. Указ. соч. С. 51; *Terzić V*. Op. cit. Knj. 1. S. 498; *Казимировић В*. Србија и Југославија 1914–1945. Крагујевац, 1995. Књ. II. С. 624). Некоторыми из этих авторов собрание и его резолюция объявлялись даже — без необходимых доказательств — делом Мачека и возглавлявшегося им руководства ХКП (*Терзић В*. Указ. соч. С. 51–52, 154; *Terzić V*. Op. cit. Knj. 1. S. 498). Очевидно, в продолжение подобной линии данный документ был в постюгославской сербской историографии при описании полемики, происходившей по этому поводу в конце 1980-х годов, вообще назван «Декларацией ХКП» (*Николић К*. Указ. соч. С. 112).

inslav

министрации бановины и города в возникшей ситуации изъявили готовность подчиниться новой власти. В резиденции бана, а затем по радио Загреба, ставя тем самым в известность население, Кватерник зачитал декларацию об образовании НГХ[1]. Он выступал в роли заместителя «поглавника», с тем, что Павелич, возвратившись на родину, займет пост главы государства. Из усташских деятелей, сгруппировавшихся вокруг Кватерника, было временно сформировано т.н. Хорватское государственное руководство и назначены уполномоченные для руководства наиболее важными объектами жизнеобеспечения и экономики[2]. Новая власть быстро устанавливалась на местах националистическими активистами или путем перехода локальных органов администрации в подчинение усташскому руководству НГХ.

После создания НГХ отказ военнослужащих-хорватов от участия в действиях югославских вооруженных сил стал повсеместным; в частях, где большинство составляли хорваты, подвергался аресту командный состав из числа сербов[3]. Следствием стал полный распад югославских линий обороны в Хорватии, отступление оттуда войск, в которых оставались военнослужащие-сербы.

Павелич был встревожен, что рождение НГХ произошло без него и без участия патронировавшего ему Рима, а исключительно под эгидой Берлина, серьезных связей с которым у «поглавника» не было. Муссолини не меньше тревожился, опасаясь, как бы контроль над Хорватией ни уплыл в руки Гитлера. Дуче поторопился отправить Павелича с отрядом усташей-эмигрантов в Хорватию, часть которой уже заняли к тому времени и итальянские войска. «Поглавник» прибыл 15 апреля в Загреб и вступил на пост главы НГХ. Он же возглавил и сформированное им на следующий день правительство, заменившее прежний временный орган. А Кватерник, которому Павелич присвоил звание «полководец» (маршал), стал заместителем «поглавника» и руководителем начавших

---

[1] Декларацию см: *Krizman B*. Op. cit. S. 386; частично опубликовано в: *Petranović B*., *Zečević M*. Jugoslavija 1918–1988. S. 484. Различные версии истории тайных контактов германских эмиссаров с загребской группой усташских деятелей и провозглашения образования НГХ, излагавшиеся хорватскими историками при коммунистической власти, см., например, в: *Jelić-Butić F*. Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. S. 66–71; *Krizman B*. Op. cit. S. 378–386, а в посткоммунистической Хорватии: *Kisić Kolanović N*. Uvod // Vojskovođa i politika: sjećanja Slavka Kvatrenika / Uvod napisala i uredila N. Kisić Kolanović. Zagreb, 1997. S. 28–30; *Jonjić T*. Op. cit. S. 251–262, 269–277.

[2] *Krizman B*. Op. cit. S. 398.

[3] См., в частности: AR. Knj. 2. Dok. br. 225. S. 628–630.

inslav

создаваться вооруженных сил НГХ[1]. 15 апреля НГХ официально признали Берлин и Рим.

В условиях катастрофы, какой являлась для Югославии агрессия со стороны «третьего рейха» и его союзников, этнический фактор порождал сложности и внутри югославского правительственного лагеря. У ряда его несербских участников проявилось стремление найти какой-то выход из складывавшегося трагическо-тупикового положения, прибегнув к тем или иным обособленным маневрам в интересах лишь своего собственного этноса.

Еще в канун нападения такое стремление возникло у лидеров Словенской народной партии (СНП), наиболее влиятельной и фактически управлявшей в Словении (Дравской бановине). Почти сразу после переворота 27 марта, когда возникла и день ото дня становилась все очевиднее угроза, что в ответ на переворот Югославия подвергнется атаке государств «оси», руководство СНП стало вырабатывать позицию партии в грядущих событиях. Эта позиция была двойственной. С одной стороны, на случай, если в результате вероятной агрессии Словения вместе с остальной Югославией подвергнется оккупации, предусматривалось, что СНП должна послать некоторых своих ведущих деятелей на Запад, чтобы они представляли словенские интересы в антигитлеровском лагере (тогда это были Англия со странами Британского содружества и поддерживавшие их — но еще не воевавшие с «осью» — США). А в самой Словении ни один функционер партии не должен был политически сотрудничать с оккупационными властями[2]. Целью было обеспечить наилучшие позиции для Словении и сохранения в ней ведущей роли СНП в случае победы противников «оси». Но с другой стороны, верхушка партии искала возможности сепаратно договориться с Берлином, чтобы под его эгидой Словения отделилась от Югославии и получила самостоятельный или какой-то автономный статус, при котором избежала бы опасностей войны и оккупации. Лидеры СНП надеялись, что им удастся объединиться в реализации подобного плана с Мачеком, которого как раз в те дни германские эмиссары в Загребе усиленно склоняли к про-

[1] *Krizman B.* Op. cit. S. 394–396, 398–413; *Kisić Kolanović N.* NDH i Italija. S. 49–50.

[2] *Arnež J.* SLS: Slovenska ljudska stranka, 1941–1945. Ljubljana — Washington, 2002. S. 31–32. См. также: *Čepič Z. et al.* Ključne značilnosti slovenske politike v letih 1929–1955: Znanstveno poročilo. Ljubljana, september 1995. S. 31, 40; *Godeša B.* Odnos SLS do vprašanja rešitve državnopravnega položaja Slovenije po napadu sil osi na Jugoslavijo // Prispevki za novejšo zgodovino. Let. XLI (2001). Št. 2: Slovenci in leto 1941. S. 83–84.

inslav

возглашению независимости Хорватии. Руководство СНП было готово на комбинацию с образованием объединенного хорватско-словенского государства под покровительством «оси», рассчитывая, что в связке с Хорватией у маленькой Словении будет больший шанс удержаться от падения в пропасть, которая разверзлась перед Югославией[1].

Из известных до сих пор документальных данных и из довольно фрагментарного рассмотрения этой проблемы, имевшего место в историографии, не ясно, как ведущие деятели СНП полагали совместить намеченные отношения с западным антигитлеровским лагерем и возможную договоренность с «третьим рейхом». Но надежды на объединение усилий с Мачеком лопнули уже к 3 апреля, когда тот ответил в итоге германской стороне отказом и отправился в Белград занять свой пост в правительстве Симовича. Тогда лидер СНП Ф. Куловец и его коллега М. Крек, представлявшие свою партию и Словению в том же правительстве, решили вступить в переговоры с Берлином самостоятельно. Их тревога по поводу судьбы Словении крайне усилилась при получении сведений о нацистских планах ее раздела[2]. Куловец и Крек тайно обратились через дипломатическую миссию Словакии в Белграде к германской дипломатической миссии с предложением, чтобы Германия помогла Словении спастись путем сепаратистского решения — выхода из состава югославского государства, обреченного на гибель в неизбежной войне. Они указывали на два возможных варианта отделения от Югославии: либо Словения получит статус самостоятельного государства, либо станет частью государства, составленного из Словении и Хорватии. Об этом германский временный поверенный в делах сообщил из Белграда в Берлин 5 апреля 1941 г.[3]

Ответа из Берлина не последовало: на следующий день началась война, Куловец погиб при первых же бомбардировках Белграда, а Крек 6 апреля вместе с правительством покинул югославскую столицу и затем 15 апреля — Югославию.

Но нападение на Югославию поставило перед политической верхушкой в самой Словении с еще большей настоятельностью тот же вопрос: что делать в сложившейся ситуации? Он был тем более актуален, что с первого дня войны Любляна оказалась практически отрезанной от центральных югославских властей. В этой обстановке под руководством бана Дравской бановины М. Натлачена, тоже одного из видных деяте-

[1] См.: *Godeša B.* Op. cit. S. 83–86.

[2] Ibid. S. 84–85.

[3] *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 465.

inslav

лей СНП, был 6 апреля создан Национальный совет из представителей легальных политических партий, действовавших в Словении. Он стал играть роль своего рода высшего представительного органа на территории Дравской бановины. И в первые несколько дней вместе с администрацией бана в основном направлял усилия на то, чтобы предотвратить намеченное командованием отступавшей югославской армии разрушение ряда промышленных, энергетических объектов, мостов, военных складов. Национальный совет и бан считали, что разрушение ничего не даст с точки зрения исхода войны, но нанесет огромный ущерб населению Словении, условиям его жизни, состоянию экономики[1].

Характер деятельности Национального совета радикально изменился 10 апреля, с известиями об отступлении югославских войск со значительной части территории Хорватии, а затем — о провозглашении создания НГХ. Последнее выглядело из Любляны, для Натлачена и объединившихся вокруг него политиков, актом, означавшим фактически ликвидацию Югославии. Тем более, что к тому времени югославские войска покинули и большую часть словенской территории, а соединения, там еще остававшиеся, были хорватскими событиями отрезаны от остальной югославской армии и ее вышестоящего командования[2]. Произошедшее в Загребе оказалось для бана и Национального совета последним сигналом к немедленным действиям. И они предприняли усилия в двух направлениях.

Целью одного было сохранить на территории бановины порядок и не допустить выступлений населения, тем более вооруженных, против германских войск при ожидавшемся в ближайшие дни, а то и часы занятии ими Любляны и всей Словении. Тем самым предполагалось избежать нацистских репрессий в отношении мирных граждан и одновременно создать обстановку, дающую шансы на переговоры с германской стороной о статусе Словении. Поэтому 10 апреля, помимо соответствующих указаний бановинским властям на местах, был заготовлен текст специального обращения бана и Национального совета к словенцам, прежде всего к жителям Любляны, на случай оккупации. В нем говорилось, что вскоре словенская столица будет занята «иностранной военной силой», и содержался настоятельный призыв к сохранению спокойствия в отношении этой силы, указывалось на недопустимость любых враждебных проявлений против нее. Подчеркивалось также, что подобных проявле-

[1] Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju med 6. aprilom in 14. junijem 1941 // Prispevki za novejšo zgodovino. Let. XLI (2001). Št. 1. S. 122–124.

[2] Ibid. S. 125–126.

inslav

ний не должно быть и в отношении живущего в Словении «национального меньшинства», под которым подразумевалось относительно заметное немецкое меньшинство[1]. Обнародование обращения должно было произойти лишь тогда, когда бан счел бы, что наступил необходимый момент. Но сведения об обращении и его содержании стали растекаться по Любляне прежде, чем Натлачен решил, что пришло время его опубликовать[2].

Другое направление усилий Национального совета во главе с баном состояло в том, чтобы официально выступить в качестве верховной власти в Словении, которая заменит собой фактически прекратившуюся государственную власть Югославии. Важной частью данной задачи было подчинить Национальному совету еще остававшиеся на словенской территории соединения югославской армии. Все это должно было придать Словении и ее верховному органу положение субъекта, обладающего атрибутами своего рода самостоятельности, что, как надеялись, было способно повысить шансы в переговорах, которые Натлачен и его сотрудники рассчитывали вести с германским командованием. Соответственно, 10 апреля было подготовлено заявление от имени бана и Национального совета о том, что они берут в свои руки верховную власть в Словении (Дравской бановине). Предварительно ознакомив с ним командира дивизии, оставшейся в Словении, и командующего Дравской дивизионной областью, Натлачен убеждал обоих генералов в необходимости подчинить находившиеся под их началом войска Национальному совету, а тому из генералов, к кому перейдет общее командование, вступить как можно быстрее в контакт с германской стороной и добиться перемирия на наиболее благоприятных условиях. Это, по мнению бана, позволило бы распустить по домам военнослужащих, мобилизованных в Дравской бановине, и создать базу для достижения как можно более приемлемого для Словении решения вопроса о характере управления в обстановке оккупации ее территории[3].

Из документов не ясно, являлось ли главной целью Натлачена и Национального совета, чтобы при оккупации Словения избежала раздела между странами-агрессорами и осталась единой территорией под единым управлением, по возможности — с использованием существующей словенской администрации. Или же главным было создать под гитлеровской эгидой формально самостоятельное государственное образование,

[1] Ibid. S. 124–125.

[2] Ibid. S. 125.

[3] Ibid. S. 127–128; *Terzić V*. Op. cit. Knj. 2. S. 488–489; *Godeša B*. Op. cit. S. 80.

inslav

подобное НГХ, а еще лучше — подобное Словакии, которое бы стало участником «оси». В историографии фигурируют разные версии на сей счет. К тому же, согласно одним интерпретациям, каждая из названных целей была обусловлена словенскими национальными интересами, стремлением защитить Словению от жестокостей оккупации. А согласно другим интерпретациям, эти цели, а особенно создание государства, диктовались исключительно интересами сохранения в той или иной мере власти прежнего правящего слоя, «предательской буржуазии», как формулировалось при коммунистическом режиме официозной югославской, в том числе и словенской, историографией[1]. Но какими бы ни были цели и их мотивы, переговоры Натлачена, а затем делегации Национального совета с обоими югославскими генералами, продолжавшиеся до раннего утра 11 апреля, закончились ничем: генералы-сербы отвергли предложения бана и Национального совета, ссылаясь на воинский долг и присягу. Впрочем, подчиненные им части к тому времени уже начали распадаться: военнослужащие, призванные с близлежащих территорий, стали расходиться по домам[2].

В этой ситуации утром 11 апреля Натлачен и объединившиеся вокруг него политики решили опубликовать заявление, что с провозглашением НГХ «все связи между Словенией и югославским правительством сделались невозможными» и «верховная государственная власть Королевства Югославия над Словенией фактически больше не может осуществляться». А потому бан и Национальный совет «взяли на себя исполнение верховной власти на нашей территории и тем самым заботу о порядке и спокойствии и о дальнейшей судьбе нашего народа». Было принято и несколько предназначенных для обнародования постановлений о поддержании порядка и деятельности властей. Офицерам и солдатам «нашей армии» в Дравской бановине предписывалось оставаться, до дальнейших распоряжений, в своих воинских подразделениях и соблюдать дисциплину. Полиции, персоналу органов безопасности и военнослужащим «словенских частей» вменялось в обязанность поместить на свою униформу «словенские кокарды и ленты». Одни из этих заявлений

[1] Об этих версиях и интерпретациях см.: *Godeša B*. Op. cit. S. 78–82; *Mikuž M*. Pregled zgodovine narodnoosvobodilne borbe v Sloveniji. Ljubljana, 1960. Knj. I. S.49–50; *Terzić V*. Op. cit. Knj. 2. S. 376–377; *Petranović B*. Istorija Jugoslavije 1918–1988. Beograd, 1988. Knj. 1. S. 398–399; *Idem*. Pojam izdaje u Jugoslaviji — između proizvoljnosti, realizacije i naučne analize // Istorija 20. veka. 1993. Br. 1–2. S. 209.

[2] Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju… S. 127–128; см. также: *Terzić V*. Op. cit. Knj. 2. S. 489 (Nap. 186).

inslav

и постановлений, включая упомянутое выше и заготовленное 10 апреля обращение бана и Национального совета по поводу предстоявшей оккупации, были обнародованы 11 апреля, другие — на следующий день[1].

Весь день 11 апреля Натлачен пытался установить связь и вступить в переговоры с германским командованием. Он продолжил эти попытки даже 12 апреля, хотя уже вечером 11 апреля в Любляну начали входить итальянские войска, ставшие занимать южную часть Словении. Гитлеровцы, занявшие северную часть Словении, отвергли переговоры с баном и Национальным советом. Вопреки стремлению словенской политической элиты, сохранить территориальное единство Дравской бановины с тем или иным собственным административным управлением, Словению разделили между государствами-агрессорами, а банская администрация и Национальный совет были упразднены оккупантами[2].

Обособленные маневры стали в ходе Апрельской войны предприниматься и в хорватской части югославского правительственного лагеря, представленной деятелями ХКП.

Вначале Мачек, являвшийся первым вице-премьером, и остальная четверка министров-хорватов эвакуировались из Белграда вместе со всем правительством. На правительственных заседаниях 6 и 7 апреля, которые происходили в отсутствие Симовича, находившегося в Штабе Верховного Командования, председательствовал Мачек[3]. Но уже на заседании утром 7 апреля он объявил о намерении предложить, чтобы в правительство был включен еще один представитель ХКП, ее генеральный секретарь Ю. Крневич, который в случае отсутствия Мачека замещал бы его в правительстве[4]. Цель такого шага стала очевидной, когда в тот же день лидер ХКП, посетив Симовича, а затем короля Петра II, известил их о своем решении покинуть правительство, где его заменит Крневич, и вернуться в Загреб. Попытки отговорить Мачека от намеченного шага были безрезультатными[5].

8 апреля, когда германские войска еще только вели бои на севере Хорватии, а основная ее территория оставалась под контролем югос-

---

[1] Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju… S. 125 (Opom. 23), 128–129; см. также: *Mikuž M*. Op. cit. Knj. I. Med S. 48 in 49 (фотокопия газетной страницы).

[2] Dr. Marko Natlačen o svojem delovanju… S. 129–135; *Godeša B*. Op. cit. S. 80–81.

[3] AR. Knj. 2. Dok. br. 153. S. 465; Dok. br. 162. S. 492.

[4] Ibid. Dok. br. 162. S. 492.

[5] *Maček V*. In the Struggle for Freedom. New York, 1957. P. 226–227; *King Peter II of Yugoslavia*. A King's Heritage. New York, 1954. P. 95.

inslav

лавских властей, лидер ХКП прибыл в Купинец под Загребом, где было его имение, и провел там совещание с заместителем председателя ХКП А. Кошутичем, генсеком Крневичем и баном Шубашичем. Как говорилось в мемуарах Мачека, эта тройка информировала его о распространившихся среди хорватского населения «ужасном огорчении и возмущении в отношении сербов», которые «навлекли на нас» войну. Было решено, что вечером того же дня он выступит по радио Загреба с короткой речью, чтобы успокоить хорватов[1]. В речи, обращенной ко всему хорватскому народу, глава ХКП подчеркнул, что в условиях того величайшего несчастья, каким является война, хорватам особенно нужно быть «едиными и дисциплинированными». И призвал следовать по-прежнему его, Мачека, наставлениям. Заявив, что вернулся в Хорватию, чтобы в тяжелое время делить с людьми «все хорошее и плохое», он предупредил, что будет «по каждому необходимому случаю» давать хорватскому народу указания через организации ХКП или специальных своих представителей. А в данный момент ожидает от всех соблюдения «полного порядка и дисциплины на каждом месте, будь то дома или в армии»[2].

Историография, в сущности, не располагает достаточно надежными документальными данными о том, какими целями были обусловлены уход Мачека из правительства и возвращение в Хорватию. В своих мемуарах он утверждал, что такой оборот предусматривался руководством ХКП еще в самом начале апреля, перед тем, как он поехал в Белград, чтобы занять пост в правительстве Симовича. Уже тогда имелось в виду, что если в случае войны правительству придется эмигрировать, то место Мачека займет там Крневич. А поскольку с началом Апрельской войны Мачеку стало ясно, что эмиграция правительства — дело ближайших дней, он и предпринял такой шаг. Но в мемуарах ничего не говорилось, каковы при этом были планы его деятельности в Хорватии[3].

Если судить по упомянутой выше краткой речи Мачека по радио вечером 8 апреля, то его решение вернуться в Загреб было вызвано ожидаемым в ближайшее время поражением Югославии и задачей сохранить в хорватском обществе даже при столь драматических обстоятельствах доминирующее влияние ХКП, ее руководства, свою собственную роль политического «отца нации». На это и было направлено его радиообращение. Ко времени произнесения речи было еще не совсем ясно, как

[1] *Maček V*. Op. cit. P. 227.

[2] *Boban Lj*. Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941. Druga knjiga. S. 409–410; *Petranović B*., *Zečević M*. Jugoslavija 1918–1988. S. 468.

[3] См.: *Maček V*. Op. cit. P. 226.

inslav

конкретно развернутся события в последующие дни и какие порядки будут установлены в Хорватии в результате предстоящей победы держав «оси». Видимо, потому Мачек предпочел воздержаться как от сколько-нибудь определенной характеристики сиюминутного положения, так и от какого-либо обозначения перспектив. Тем более, что происходивший подъем активности радикальных сепаратистов и волна негативного отношения в хорватском обществе к политике «сербов», считавшихся виновниками войны, не могли не усиливать осторожности лидера ХКП, озабоченного тем, чтобы не утратить общественную поддержку. В итоге он вообще не упомянул ни о Югославии, ни о хорватских национальных интересах, сказал о «несчастье войны», но не назвал агрессоров. Однако в тогдашних условиях сделанный Мачеком упор на необходимость соблюдения в данный момент «порядка и дисциплины», в том числе «в армии» (без обозначения, в какой именно, но всем было ясно, что речь идет о соединениях югославских вооруженных сил, укомплектованных хорватами), фактически был приспособленным к обстановке пропагандистским противопоставлением развертыванию усташской сепаратистской агитации и распространению антисербских/антиюгославских настроений. А выработка дальнейшей линии поведения должна была, как можно понять из речи, зависеть от последующего развития событий.

Пока же Мачек придерживался позиции, выразившейся в предпринятой им по просьбе югославского военного командования попытке прекратить упоминавшийся выше сепаратистский бунт в воинских частях в районе Беловара, начавшийся ночью с 7 на 8 апреля и набиравший силу. Но его личные телефонные обращения к предводителям бунтовщиков с целью их урезонить и миссия посланного им с той же целью в Беловар Дж. Кемфели, верховного командующего военизированными добровольческими формированиями ХКП — Крестьянской и Гражданской защиты, окончились безрезультатно[1]. Нараставшая

[1] Об этих событиях см.: *Maček V*. Op. cit. P. 227–228; *Jelić-Butić F*. Hrvatska seljačka stranka. S. 46; *Jonjić T*. Op. cit. S. 268–269; *Jareb J*. Pola stoljeća hrvatske politike: povodom Mačekove autobiografije. Zagreb, 1995 (перепечатка книги, впервые опубликованной как эмигрантское издание в 1960 г. в Буэнос-Айресе). S. 82. Впоследствии в мемуарах Петра II утверждалось, будто Мачек, информируя короля вечером 7 апреля (в мемуарах ошибочно указывалось 8 апреля) о решении вернуться в Загреб, уже тогда мотивировал свой шаг необходимостью попытаться поднять мораль военнослужащих-хорватов, которые отказываются сражаться и дезертируют (*King Peter II of Yugoslavia*. Op. cit. P. 95). Однако нет никаких других данных, которые бы подтверждали, что Мачек говорил Петру нечто подобное.

inslav

сепаратистская волна становилась фактором, определенным образом лимитировавшим политические возможности верхушки ХКП во главе с Мачеком.

А уже 10 апреля, когда германские войска вошли в Загреб и Кватерник декларировал создание НГХ, Мачек оказался перед необходимостью определить публично свою позицию по отношению к столь радикальным переменам. Тем более, что и сам Кватерник, и германские эмиссары, в контакте с которыми он действовал, посетили в тот день Мачека, находившегося в своей загребской квартире, и стали добиваться, чтобы он немедленно сделал заявление, адресованное хорватскому народу, в поддержку образования НГХ. Предъявленное фактически требование аргументировалось необходимостью сохранения спокойствия и порядка и предотвращения эксцессов. Хотя в свидетельствах разных лиц, присутствовавших при этом, происходившее рисовалось несколько по-разному, однако из всех подобных источников видно, что Мачек, споря об отдельных аспектах содержания и частных формулировках, которые должны быть в таком заявлении, тем не менее почти сразу согласился его сделать. С участием находившегося у него Кошутича он составил текст, в итоге, после внесения некоторых поправок, ставший приемлемым для немцев и Кватерника. Этот окончательный вариант был передан Кватернику, который распорядился зачитать его по радио Загреба сразу после своего собственного радиовыступления с декларацией о создании НГХ[1]. Заявление Мачека начиналось указанием на то, что «полковник Славко Кватерник, вождь националистического движения в стране», провозгласил «свободное и независимое хорватское государство на всей исторической и этнографической территории Хорватии и взял на себя власть». А затем глава ХКП призвал «весь хорватский народ подчиняться новой власти», а «всех приверженцев ХКП, находящихся на управленческих постах» всех уровней администрации или в органах местного самоуправления, «искренно сотрудничать с новым национальным правительством»[2].

В историографии многократно оценивалось это заявление. И даже авторы, далеко не одинаково рисовавшие в целом политику Мачека, в большинстве случаев сходились так или иначе на том, что оно оказывалось выгодно как захватчикам, так и устанавливавшемуся под их

[1] Различные описания произошедшего см.: *Maček V.* Op. cit. P. 228–229; Vojskovođa i politika: sjećanja Slavka Kvatrenika / Uvod napisala i uredila N. Kisić Kolanović. Zagreb, 1997. S. 150–151; *Boban Lj.* Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928-1941. Druga knjiga. S. 410–412; *Jareb J.* Op. cit. S. 83–86.

[2] *Petranović B., Zečević M.* Jugoslavija 1918–1988. S. 484.

inslav

эгидой правлению усташей. Ибо нацеливало хорватское население по меньшей мере на лояльность тем и другим, а весь существовавший в бановине Хорватия управленческий и полицейский аппарат — на то, чтобы пойти на службу НГХ. Однако в исторической литературе существуют серьезные различия во мнениях о причинах такой позиции лидера ХКП.

При коммунистическом режиме в Югославии, для которого Мачек, ставший с 1945 г. эмигрантом, являлся злейшем политическим врагом, идеологическая установка, исходившая от власти, была нацелена на дискредитацию председателя ХКП. Существенно влияя на югославскую историографию, такая установка особенно сказывалась в сербской историографии, где это еще и усиливалось, преимущественно с 1960-х — 1970-х годов, постепенно все более проявлявшимся взглядом, согласно которому накануне и в ходе Апрельской войны 1941 г. хорватское общество представляло собой средоточие наиболее мощных и массовых сепаратистских, антиюгославских устремлений. В одних случаях дело рисовалось, без всяких доказательств, таким образом, будто само возвращение Мачека в Хорватию было вообще актом сознательного предательства — «бегством навстречу агрессору», а соответственно, заявление 10 апреля — столь же сознательным актом помощи созданию НГХ[1]. В других случаях использовались чуть менее прямолинейные определения, однако тоже ставившие это заявление в контекст действий «пятой колонны» либо указывавшие, что оно являлось согласием с установлением усташского режима и поддержкой ему[2]. Такое изображение получило продолжение и в постюгославской сербской историографии, вплоть до утверждений, что создание НГХ приветствовалось Мачеком[3]. В отдельных работах, выходивших еще в коммунистический период, давалась иная характеристика, согласно которой лидер ХКП своим поступком лишь «объективно играл роль соучастника» в образовании НГХ. Но при этом ничего не говорилось о причинах самого поступка[4]. Не говорилось о них и теми историками как в стране, так и в сербской антикоммунистической эмиграции, которые ограничивались тезисом, что заявление Мачека от 10 апреля, фактически подтверждая сепаратистский акт уста-

[1] Из наиболее крупных работ это особенно рельефно проявилось в: *Терзић В.* Указ. соч. С. 472, 487, 500; *Terzić V.* Op. cit. Knj. 2. S. 320, 373–375, 719.

[2] Например: Oslobodilački rat naroda Jugoslavije 1941–1945. Prva knjiga. S. 33; Преглед историје Савеза комуниста Југославије. Београд, 1963. С. 311–312.

[3] Укажем, в частности: *Казимировић В.* Указ соч. Књ. III. С. 729.

[4] См.: *Morača P.* Jugoslavija 1941. Beograd, 1971. S. 42.

inslav

шей, являлось государственной изменой в отношении Югославии, ибо та в указанный момент еще вела войну с агрессорами[1].

Между тем в хорватской историографии, где, в отличие от сербской, еще при коммунистическом правлении стало специально уделяться внимание исследованию политики ХКП, авторы наиболее значительных работ, рассматривая вопрос о целях Мачека, когда он делал заявление, склонялись к мнению, что в основе его призыва к подчинению усташским властям лежало убеждение в тщетности и опасности для довольно небольшого по численности хорватского народа оказывать сопротивление мощным силам оккупантов, принявших решение в пользу создания НГХ[2]. Такая интерпретация получила в той или иной мере продолжение и в ряде публикаций постюгославской хорватской историографии[3].

Подобное объяснение своего шага, в сущности, давал и сам Мачек, когда писал в мемуарах, что в обстановке победы держав «оси» над Югославией и оккупации Хорватии, у хорватского народа «не было никакого другого выбора», кроме как «мирно принять» случившееся[4]. Согласно свидетельствам некоторых функционеров ХКП, контактировавших в эти дни и несколько позже с Мачеком непосредственно или через кого-то, они получали от него то же объяснение: главная задача — избежать кровопролития; западные державы выиграют войну, и надо дождаться ее окончания, не допуская напрасных жертв. А необходимость не только подчинения власти НГХ, но и сотрудничества с нею приверженцев ХКП, работавших в органах бановинской администрации и местного самоуправления, он аргументировал важностью иметь какую-то возможность защищать население от произвола[5].

---

[1] Из работ сербских историков в самой стране см. прежде всего: *Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Knj. 1. S. 395–396; *Idem.* Srbija u drugom svetskom ratu 1939–1945. Beograd, 1992. S. 121; *Петрановић Б.* Стратегија Драже Михаиловића 1941–1945. Београд, 2000. С. 35; из работ сербских эмигрантских авторов см.: *Вукчевић Р.* На судбоносној раскрсници. Београд, 2004. С. 69 (переиздание опубликованного в эмиграции четырьмя с половиной десятилетиями раньше).

[2] *Boban Lj.* Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941. Druga knjiga. S. 412–413; *Jelić-Butić F.* Hrvatska seljačka stranka. S. 44. Ввиду требований «разоблачения» Мачека исследователи прибегали к формулировкам, характеризовавшим его заявление как шаг, который «объективно означал почти отождествление» лидера ХКП «с новосозданным положением», т.е. с образованием НГХ.

[3] Например: *Bilandžić D.* Hrvatska moderna povijest. Zagreb, 1999. S. 122–123; *Kisić Kolanović N.* Uvod // Vojskovođa i politika: sjećanja Slavka Kvatrenika. S. 29.

[4] *Maček V.* Op. cit. P. 229.

[5] *Boban Lj.* Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941. Druga knjiga. S. 412–413; *Jelić-Butić F.* Hrvatska seljačka stranka. S. 68; *Jonjić T.* Op. cit. S. 270.

inslav

Если эта аргументация отражала подлинные мотивы лидера ХКП, то позиция, выраженная в его заявлении 10 апреля 1941 г., во многом сходна со стремлением словенской политической элиты (а затем то же проявилось и в Сербии) уберечь, насколько возможно, собственный этнос от людских потерь, тягот и жестокостей оккупации, которая стала неизбежной в условиях поражения Югославии. Но в отличие как от Куловеца и Крека, которые сами предложили Берлину сепаратистско-коллаборационистское решение для Словении, так и от Натлачена с Национальным советом, попытавшихся двинуться в подобном же направлении, Мачек отказался от того, чтобы он или другие руководители ХКП, а таким образом и партия как целое выступили в качестве участников сепаратистского решения в Хорватии и сотрудничества с захватчиками. Но хотел он того или нет, та конкретная форма, в которую глава ХКП посчитал возможным облечь свое заявление 10 апреля[1], выглядела выражением согласия с установлением усташского режима и на практике играла роль фактора, ориентировавшего хорватские массы на восприятие НГХ как национального государства.

Из остальной четверки хорватов-членов югославского правительства (все они представляли ХКП) трое тоже покинули кабинет Симовича и вернулись в Хорватию, а министр финансов Ю. Шутей остался. К правительству присоединились посланный Мачеком Крневич, ставший вместо Мачека первым вице-премьером, и бан Шубашич. Все они 15 апреля эвакуировались с правительством в Грецию.

---

[1] По свидетельству Кошутича, при составлении заявления Мачек начал текст тезисом, что «германская армия вошла в Загреб и передала власть полковнику Славко Кватернику». Сам Мачек утверждал в мемуарах, что именно на таком тезисе он и настоял перед немецкими эмиссарами. Но согласно Кошутичу, глава ХКП, по их требованию, наоборот, согласился убрать это из заявления (*Boban Lj*. Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941. Druga knjiga. S. 412; *Maček V*. Op. cit. P. 229). Действительно, в обнародованном заявлении нет упоминания о получении Кватерником власти из немецких рук. Между тем наличие подобного упоминания придавало бы документу существенно иную окраску. Уступчивость Мачека, как следует из свидетельства Кошутича, привела и к оказавшейся в заявлении формулировке о провозглашении НГХ на всей хорватской «исторической и этнографической территории», что, в соответствии с радикальной националистической позицией усташей, имело в виду, кроме Хорватии, также всю Боснию и Герцеговину и часть Воеводины (Срем). Лидер ХКП согласился внести эту формулировку по требованию Кватерника (*Boban Lj*. Maček i politika Hrvatske seljačke stranke 1928–1941. Druga knjiga. S. 412). Если верить тем же источникам, немецкие представители хотели, чтобы в заявлении Мачека говорилось также о передаче им Кватернику руководства хорватским народом и ХКП, но Мачек это отверг (Ibidem; *Maček V*. Op. cit. P. 229).

inslav

В один из последних дней перед эвакуацией кабинет Симовича покинул и министр Дж. Куленович, председатель Югославской мусульманской организации (ЮМО). Его шаг был выражением общей позиции, которую заняли возглавлявшиеся им влиятельные круги в руководстве ЮМО. В условиях, когда усташский режим после своего возникновения 10 апреля 1941 г. стал быстро распространять контроль и на территорию Боснии и Герцеговины в ходе отступления югославской армии и занятия данной территории германскими и итальянскими войсками, эти мусульманские круги посчитали необходимым срочно сделать выбор в пользу НГХ. Он был обусловлен их заинтересованностью в обеспечении как своего собственного положения, так и вообще положения боснийско-герцеговинских мусульман в ситуации разгрома и оккупации Югославии. Согласно ряду авторов, этот выбор объяснялся и тем, что Дж. Куленович и часть деятелей ЮМО, к которой он принадлежал, получив образование в хорватских учебных заведениях, тяготели к Хорватии, вплоть до самоощущения некоторых, в частности как раз семьи Куленовичей, в качестве хорватов исламской веры. В свою очередь, усташское руководство усиленно призывало мусульман Боснии и Герцеговины встать на сторону НГХ, и один из идеологических постулатов усташей объявлял мусульманское население этнически неотъемлемой частью хорватского народа, в котором одни являются католиками, а другие исповедуют ислам. Результатом таких встречных устремлений усташского движения и части руководящих деятелей ЮМО стало включение этих деятелей в структуру власти НГХ. В том числе вслед за тем, как Дж. Куленович покинул югославское правительство, его брат О. Куленович стал вице-премьером в сформированном Павеличем 16 апреля правительстве НГХ. В ноябре 1941 г. Дж. Куленович сменил брата на этом посту[1]. А югославское правительство с уходом Дж. Куленовича лишилось единственного представителя мусульманских политических сил.

Межэтнические противоречия, устремления различных национальных движений, маневры этнических элит, сопровождавшие ход Апрельской войны, явились прологом того ожесточенного этнополитического конфликта, который в полную силу вспыхнул в многонациональной Югославии после ее захвата и раздела агрессорами. Он стал важнейшей составляющей развернувшейся четырехлетней гражданской войны.

[1] См.: *Hurem R.* Pokušaj nekih građanskih muslimanskih političara da Bosnu i Hercegovinu izdvoje iz okvira Nezavisne Države Hrvatske // Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine. God. XVI. 1965. Sarajevo, 1967. S. 195–196; *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. S. 196–199; *Matković H.* Op. cit. S. 132–134, 211, 262.

inslav

С. С. Беляков
(Екатеринбург)

Идеологи Усташского движения о католицизме, исламе и православии: к истории одного мифа

Миф о клерикальной природе идеологии усташского движения и — шире — хорватского национализма занимал прочное место в югославской историографии усташского движения и перешел от нее к современной сербской историографии. Возникновение этого мифа относится к середине — второй половине 1940-х годов. Уже в 1944 г. в Белграде вышла книга, посвященная разоблачению преступлений католического духовенства в Независимом государстве Хорватия (НГХ), созданном в 1941 г. хорватскими радикальными националистами — усташами — под германским и итальянским протекторатом. Автор (или авторы?) был обозначен как Псуньский, что очевидно являлось псевдонимом[1]. Одним из источников, которые использовались, послужили свидетельства сербских беженцев из НГХ. Согласно этим свидетельствам, католические священники, монахи и даже епископы активно сотрудничали с усташами, принимали участие в истреблении сербского населения, оскверняли и уничтожали православные церкви и монастыри. При этом фашизм и нацизм анонимный автор книги считал всего лишь инструментом в руках Ватикана, якобы стремившегося чужими руками расчистить католицизму путь на Балканы и в Россию[2]. Столь экстравагантная, если не сказать абсурдная, интерпретация событий Второй мировой, как ни парадоксально, вскоре получила развитие в трудах многих югославских исследователей.

В 1948 г. в Загребе вышла книга Виктора Новака «Магнум кримен: полвека клерикализма в Хорватии»[3]. Она стала одной из наиболее заметных вех в процессе складывания мифа о католическом клерикализме как основе хорватского национализма и о зловещей роли Ватикана в организации геноцида православного населения на территории НГХ в годы Второй мировой войны. Книга превратилась в своеобразную «Библию»

[1] *Псуњски.* У име Христа: светиње у пламену. Београд, 2004. Књ. 2. (репринт издања 1944).

[2] Там же. С. 3– 9.

[3] *Novak V.* Magnum Crimen: Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Zagreb, 1948.

inslav

для борцов с «клерофашизмом». В 1960 г. в Сараево вышел сокращенный вариант книги в «карманном формате»[1].

«Магнум кримен» — произведение спорное. С одной стороны, Новаку удалось собрать столь обширную коллекцию источников — главным образом материалы католической прессы, что его многочисленные последователи с 1950-х годов до начала XXI в. в своих трудах опирались почти исключительно на эти материалы. В то же время монография Новака отличается крайней ангажированностью. Цель ее не столько изучение, сколько изобличение деятельности католического духовенства Хорватии и политики Ватикана. С точки зрения Новака, хорватский национализм в целом, и усташское движение в частности, были всего лишь инструментами в руках Ватикана, пытавшегося добиться максимального расширения сферы влияния католицизма на Балканах. В основе сербофобии хорватских националистов Новаку виделся именно религиозный фанатизм католиков.

Концепции Новака суждена была долгая жизнь. Сам Новак, видный масон и убежденный югославист, был злейшим врагом и католического клерикализма, и хорватского национализма. Его взгляды нашли отклик и у традиционно враждебной католицизму сербской интеллектуальной элиты и, в определенной степени, у режима Тито. В интересах югославских коммунистов было снять с хорватского народа ответственность за организацию массового уничтожения сербского и еврейского населения в НГХ и переложить ее на Ватикан. Не случайно, еще в 1946 г. был издан сборник «Документы об антинародной деятельности и преступлениях части католического духовенства»[2], в 1953 г. вышел в свет сборник «Тайные документы об отношениях Ватикана и усташского НГХ»[3], а еще пять лет спустя появились работы С. Симича, посвященные разоблачению деятельности Ватикана и хорватского католического духовенства[4].

Новак же, характеризуя усташскую идеологию, ввел в научный оборот термин «клерофашизм», прежде использовавшийся лишь титовской пропагандой. Миф о «клерофашизме» был воспринят большей частью

[1] *Novak V.* Velika optužba. Sarajevo, 1960. Dilo 1–3.

[2] Dokumenti o protunarodnom radu i zločinima jednog dijela katoličkog klera. Zagreb, 1946.

[3] Tajni dokumenti o odnosima Vatikana i ustaške NDH. Zagreb, 1953.

[4] *Симић С.* Ватикан против Југославије. Титоград, 1958; *Он же.* Прекрштавање Срба за време Другог светског рата. Титоград, 1958; *Он же.* Туђинске комбинације око НДХ. Титоград, 1958.

inslav

югославской историографии, особенно сербскими историками. Он оказал влияние, в частности, на Б. Петрановича[1], чьи труды заняли важнейшее место в историографии Народно-освободительного движения в Югославии и проблематики, связанной с этим.

Вместе с тем в 1970-е — начале 1980-х годов в югославской исторической науке появляются фундаментальные работы хорватских исследователей Б. Кризмана[2] и Ф. Елич-Бутич[3], отличавшиеся богатой источниковой базой и фактически отрицавшие клерикальный или «клерофашистский» характер усташства. На время миф о клерофашизме в какой-то мере отошел в тень, однако уже в середине восьмидесятых он обрел новую жизнь. Показательным стало переиздание в Белграде в 1986 г. книги Новака[4] и выход в 1988 г. работы Д. Живоиновича и В. Лучича[5], ставшей своеобразным дополнением к «Магнум кримен», а также публикация трудов Б. Станоевича, посвященных судебным процессам над бывшим министром внутренних дел НГХ А. Артуковичем[6] и кардиналом А. Степинацем[7], в годы Второй мировой войны возглавлявшим католическое духовенство страны. Выход в свет этих работ знаменовал собой реанимацию мифа о клерофашизме и о зловещей роли Ватикана в поддержке хорватского национализма и организации усташского террора против сербского народа и православной церкви.

Развитие сербской историографии усташства в 1990-е годы и в первые годы XXI в. шло по пути, намеченному еще в югославской историографии во второй половине 1980-х годов. Н. Жутич предпринял достаточно смелое исследование роли католической церкви не только в формировании идеологии хорватского этнического национализма, но и в «конструировании» самой хорватской нации, в формировании хор-

---

[1] *Petranović B.* Istorija Jugoslavije. 1918–1978. Beograd, 1980*; Petranović B.* Revoljucija i kontrarevoljucija u Jugoslaviji (1941–1945). Beograd, 1983.

[2] *Krizman B.* Ante Pavelić i ustaše. Zagreb, 1978; *Krizman B.* NDH između Hitlera i Mussolinija. Zagreb, 1986; *Krizman B.* Ustaše i Treći Reich. Zagreb, 1983. Knj. 1–2.

[3] *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. 1941–1945. Zagreb, 1977.

[4] *Novak V.* Magnum Crimen: Pola vijeka klerikalizma u Hrvatskoj. Beograd, 1986.

[5] *Živojinović D., Lučić V.* Varvarstvo u ime Hristovo: Prilozi za Magnum Crimen. Beograd, 1988.

[6] *Станоевич Б.* Усташский министр смерти: Анатомия преступлений Андрии Артуковича. М., 1989.

[7] Stanojević B. Alojzije Stepinac: Zločinac ili svetac (Dokumenti o izdaji i zločinu). Beograd, 1986.

inslav

ватского национального самосознания[1]. В Югославии межвоенного периода католическая церковь активно поддерживала хорватский национализм, разжигала ненависть к православным сербам и к югославскому государству[2]. Создание усташского НГХ, где вскоре началось массовое обращение православных сербов в католицизм, Жутич трактует как осуществление плана Ватикана о создании обширного католического государства на Балканах, и отмечает, что идеология усташства не противоречила принципам католического клерикализма[3].

Сама идея о клерикальном характере хорватского национализма, в целом, и усташской идеологии, в частности, превратилась в некий постулат, который большинством авторов принимается без критики. «Клеро-нацистским созданием» назвала НГХ Р.Д. Гойо[4], создавшая свой труд главным образом на основе уже известного нам сборника о преступлениях католического клира и «Магнум кримен» В. Новака. Милан Булаич посвятил изучению (точнее — разоблачению) деятельности католической церкви в НГХ двухтомную монографию[5]. П. Мандич в своей монографии, посвященной июньскому восстанию сербов в Герцеговине (1941 г.), называет Ватикан «духовным и политическим штабом», который планировал и руководил разрушением Югославии и созданием НГХ. «Политические цели НГХ основывались на целях и интересах... католической церкви»[6]. НГХ, по мнению Мандича, создала именно католическая церковь «при помощи» держав Оси. По «идейному характеру» усташская Хорватия представляла собой «католическую диктатуру, чья функция состояла в осуществлении программы и целей католической

[1] *Жутић Н.* Римокатоличка црква и хрватство: Од илирске идеје до великохрватске реализације. 1453– 1941. Београд, 1997; *Žutić N.* Rimokatolička crkva i hrvatstvo: Nastanak i razvoj velikohrvatske ideje // Vojnoistorijski glasnik. 1996. № 1–2. S. 74–90; *Жутић Н.* Срби римокатолици такозвани Хрвати. Београд, 2006.

[2] О деятельности католического клира в Югославии 1920–1930-х годов см. монографию Л. Димича и Н. Жутича: *Димић Љ., Жутић Н.* Римокатолички клерикализам у Краљевине Југославији. 1918–1941. Београд, 1992. См. также уже ставшее классическим исследование Л. Димича: *Димић Љ.* Културна политика Краљевине Југославији. 1918–1941. Београд, 1997. Књ. 2. С. 317–515.

[3] *Жутић Н.* Римокатоличка црква и хрватство. С. 211–236.

[4] *Гойо Р.Д.* Буди католик или умри: Геноцид над Србима у Независној Држави Хрватској. Београд, 1995. С. 32. См. также: С. 11, 324.

[5] *Bulajić M.* Misija Vatikana u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj. Beograd, 1992. Knj. 1–2.

[6] *Мандић П.* Јунски устанак срба у Херцеговини 1941. Гацко, 2003. С. 50.

inslav

церкви[1]. В историко-политологическом исследовании Милевича и Суботича, несмотря на декларированное авторами применение современных политологических методов, взгляды на характер хорватского этнического национализма изменений не претерпели. Ответственность за усташский геноцид возлагается на католическую церковь[2]. Сходных же взглядов на хорватский национализм и католический клерикализм придерживался и Д. Живоинович[3]. В отличающейся, мягко говоря, вольной интерпретацией источников работе В. Джуретича клерикальный характер идеологии усташства также не подвергается сомнению[4].

Следует отметить, что ряд западных авторов, как журналистов, так и ученых, восприняли у югославских и сербских исследователей взгляд на усташство, как на «хорватский клерофашизм»[5].

Между тем, центральное место в идеологии усташского движения занимал этнический национализм[6]. Основоположники хорватского национализма, Анте Старчевич и Эуген Кватерник, не считали религию фактором, влияющим на национальную принадлежность. Старчевич, основатель Партии права, прямо писал о том, что вера — личное дело каждого человека, а нацию нельзя разделить по религиозному признаку. Нация может быть разнородна по религиозной принадлежности, но оставаться единой. Религиозные распри в Хорватии на руку лишь ее врагам[7]. Отдавая католичеству предпочтение перед православием, Старчевич оставался убежденным противником участия церкви в политике и считал, что религия ни в коем случае не должна влиять на политическую жизнь. Вряд ли можно считать сторонником клерикализма и Ква-

[1] Там же. С. 68.

[2] *Миљевић М., Суботић Д.* Српско-хрватски односи у XX веку. Београд, 1997. С. 121–186, 251–281.

[3] *Живојиновић Д.Р.* Ватикан, католичка црква и југословенска власт. 1941–1958. Београд, 1994.

[4] *Джуретич В.* Развал Югославии. Основные течения 1918–2003. М., 2003 .

[5] *Manhatten A.* Terror over Yugoslavia: The threat to Europe. London, 1953; *Manhatten A.* The Vatican's holocaust //http://www.reformation.org. 14.03.2000; *Paris E.* Genocide in Satellite Croatia. 1941–1945. Chicago, 1961; *Ривели М.. А.* Надбискуп геноцида. Монсињор Степинац, Ватикан и усташка диктатура у Хрватскоj. 1941–1945. Никшић, 1999; *Cornwell J.* Hitler's Pope. The Secrete History of Pius XII. London, 1999; *Уэст Р. Йосип* Броз Тито: Власть силы. Смоленск, 1998; *Singleton F.* Twentieth-century Yugoslavia. New York, 1976.

[6] *Беляков С.* Усташи: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург, 2009.

[7] *Starčević A.* Izabrani spisi. Zagreb, 1945. S. 504, 505.

inslav

терника, несмотря на то, что последний, несомненно, был убежденным католиком[1].

Старчевич решительно отказался от распространенной на Балканах идентификации национальной и религиозной принадлежности. Касаясь проблемы идентичности населения Боснии и Герцеговины, Старчевич писал о принадлежности к хорватскому народу «босняков всех трех вер» (то есть католиков, православных и мусульман)[2]. Особенно же выделял он боснийских мусульман, называя их «самым благородным дворянством, которое только знала Европа», не имеющим ничего общего «с турецким мусульманским племенем»[3].

Возникновение клерикальной версии хорватского национализма антиклерикально настроенные праваши встретили враждебно, в частности, подвергнув критике И. Продана и его сторонников[4]. Позднее, уже в начале XX в., даже сторонники ультранационалистической Чистой партии права не связывали хорватскую идентичность исключительно с католицизмом и признавали возможность существования православных хорватов[5].

Усташская идеология генетически восходит к национализму Партии права, хотя усташи далеко ушли от антиклерикализма правашей, однако их отношения с католицизмом в целом, и с католическим клиром в частности, были довольно сложны. Уже в 1930-е годы югославские власти с тревогой наблюдали широкое распространение националистических настроений в рядах хорватского католического духовенства[6]. Францисканские и иезуитские гимназии и теологический факультет Загребского университета стали настоящими школами по подготовке усташских

[1] Попытавшись поднять в октябре 1871 г. близ Раковицы в Кордуне восстание против «швабско-мадьярского господства», Кватерник призвал, в частности, и католических, и православных священников учить народ жить «в христианской любви и согласии». Само Раковицкое «восстание» носило ярко выраженный национальный, но ни в коем случае не религиозный характер. См.: *Gross M.* Izvorno pravaštvo: ideologija, agitacija, pokret. Zagreb, 2000. S. 317–318.

[2] *Starčević A.* Izabrani spisi. S. 429.

[3] Ibid. S. 430.

[4] *Gross M.* Op. cit. S. 723.

[5] Цит. по: *Крестић В.* О времену настанка, узроцима и циљевима геноцидне политике у Хрватској // Геноцид у 20. веку на просторима Југословенских земаља: Зборник радова са научног скупа (Београд, 22– 23 април 2003). Београд, 2005. С. 16.

[6] Архив Југославије. Фонд 74 (Канцеларија краља). Ф. 11. Л. 618–621.

inslav

кадров[1], равно как и «Великое братство крестоносцев», католическая организация, объединявшая в конце 1930-х годов 540 местных организаций, насчитывавших до 30 000 членов[2]. Созданное усташами НГХ опиралось не только на националистически настроенную часть хорватского населения, но и на поддержку влиятельного католического духовенства Хорватии и Боснии.

Католические богослужения сопровождали многие важные государственные мероприятия. Например, открытие Хорватского государственного сабора 23 февраля 1942 г. начиналось торжественным богослужением, которое проводил архиепископ Загребский Алойзие Степинац. Лидер усташей, фактический глава НГХ, Анте Павелич приложил немало усилий, чтобы добиться дипломатического признания Хорватии Ватиканом.

Историческую миссию хорватского народа усташи связывали со служением интересам Европы и католической церкви. Еще в 1933 г. известный писатель, один из крупнейших идеологов усташства, Миле Будак подчеркивал, что хорватский народ, несмотря на все испытания, сохранил «веру своих дедов» и что неоспоримые заслуги хорватов признал и Святой Престол[3]. Крунослав Драганович, занимавший до 1941 г. различные, достаточно высокие должности в аппарате Верхнебосанской архиепископии, а позднее преподававший на богословском факультете Загребского университета, убежденный хорватский националист, близкий к усташам, касаясь темы создания НГХ, писал о том, что именно благодаря принятию католицизма хорваты вошли в «сообщество культурных европейских народов»[4]. «Из рук Римских пап, — продолжал Драганович, — хорваты приняли бесчисленные духовные и материальные богатства»[5]. В усташской листовке, распространявшейся в Югославии накануне Апрельской войны 1941 г., говорилось о том, что хорватский народ веками стоял на границе «Востока и Запада, Византии и Западной Европы, православия и католицизма»[6]. Публицист Иво Губерина писал

[1] *Basta M.* Agonia i slom Nezavisne Države Hrvatske. Beograd, 1971. S. 24.

[2] *Colić M.* Takozvana Nezavisna Država Hrvatska. 1941. Zagreb, 1973. S. 176.

[3] *Budak M.* Hrvatski narod u borbi za samostalnu i nezavisnu hrvatsku državu. [б.м.] 1933. S. 183.

[4] Цит. по: *Stanojević B.* Alojzije Stepinac: Zlocinac ili svetac. S. 34–35.

[5] Цит. по: *Жутић Н.* Римокатоличка црква и хрватство. С. 213.

[6] Цит. по: *Ademović F.* Novinstvo i ustaška propaganda u Nezavisnoj Državi Hrvatskoj: Štampa i radio u Bosni i Hercegovini. (1941–1945). Sarajevo, 2000. S. 41–42.

inslav

о заслугах Хорватии в деле защиты католицизма и папства «от его векового врага — Византии». Для И. Губерины «религия — сущностный атрибут всякой национальной, и в первую очередь хорватской мысли»[1]. Газета «Католички лист» также писала о хорватском мессианстве, отмечая заслуги не только перед Европой, но именно перед католической церковью: «В нашем историческом прошлом мы исполняли в Европе миссию, которая отразилась в честном имени «Antemurale christianitas» — бастион христианства. Западная Европа могла развивать культуру, развиваться духовно и материально, в то время как мы погибали в борьбе, отражая натиск варваров и нехристей»[2].

В то же время, называть НГХ «католической диктатурой», как это делает Милорад Экмечич[3], вряд ли справедливо. В программных документах усташства, таких как «Устав», «Принципы хорватского Усташского движения», «Уложение о задачах, устройстве, деятельности и направлениях “Усташе” — Хорватского освободительного движения», нет даже упоминания о католической церкви, догматах католицизма и т.п. Усташская система тоталитарного государства, складывавшаяся в НГХ, не оставляла места для клерикализма. Что касается поддержки усташского режима со стороны значительной части католического духовенства, то она говорит не о клерикализме усташей, а о широком распространении идей хорватского этнического национализма в среде хорватского католического духовенства (особенно это касается Верхнебосанской архиепископии).

Даже у И. Губерины и К. Драгановича, на чьи высказывания любят ссылаться те историки, что убеждены в клерикальном характере усташства[4], католицизм исполнял всего лишь служебные функции. На первом месте для них стоял хорватский национализм, а католицизм лишь дополнял идею хорватского мессианства. Ярким примером хорватского националиста в сутане был Сараевский архиепископ (глава той самой Верхнебосанской архиепископии) Иван Шарич. Сам И. Шарич утверждал, что завязал связи с усташами еще в 1934 г., когда принимал участие в Евхаристическом конгрессе, проходившем в Буэнос-Айресе[5]. И.

[1] Подробнее см.: *Guberina I.* Ustaštvo i katolicizam // Hrvatska smotra. 1943. № 7–10. S. 435–446.

[2] Цит. по: *Novak V.* Magnum Crimen. S. 1012.

[3] *Екмечић М.* Црква и нација код Хрвата // Зборник о Србима у Хрватској / уред. В. Крестић. Београд, 1999. Књ. 4. С. 28.

[4] См.: *Жутић Н.* Римокатоличка црква и хрватство. С. 211–215.

[5] Sarajevski novi list. 1941. 11. 05.

inslav

Шарич говорил о себе: «Я сам усташ... каждый сын [хорватского] народа должен быть усташем»[1]. Павелича он называл «хорватским Леонидом» (имея в виду царя Спарты, героя битвы при Фермопилах) и сравнивал поглавника с Николой Зринским[2]. В 1941 г., в рождественском выпуске газеты «Хрватски народ» вышла в свет «Ода поглавнику», написанная Шаричем[3]. Под стать И. Шаричу были и многие священнослужители Верхнебосанской архиепископии. Помимо уже известного нам К. Драгановича, нельзя не упомянуть священника церкви Св. Иосифа в Сараево Божидара Брало. Последний однажды заявил: «После всех тяжких жертв, после всей пролитой крови Бог не был бы Богом, если б не вознаградил наши жертвы, если б не даровал свободу хорватскому народу, если б не даровал нам Независимое государство Хорватию»[4]. Как видим, речь здесь идет не о клерикализме, но о самом настоящем хорватском национализме. Видимо, права И. Любомирова, утверждая, что многочисленные заявления усташских лидеров о верности католической вере были связаны с национальной, а не религиозной идентичностью. Католицизм имел значение для усташей как часть хорватской национальной традиции[5].

Католический клерикализм был несовместим и с этно-расовыми представлениями о национальной идентичности, которых придерживались идеологи усташства. Особенно наглядно проявился этно-расовый подход в тех статьях и речах усташских идеологов, что были обращены к боснийским мусульманам. Идеологи усташства отказались от распространённого в Хорватии и Боснии понимания религии как главного нацио- дефинирующего фактора. Миле Будак, почти дословно повторяя Анте Старчевича, писал в 1933 г.: «Боснийские мусульмане — в расовом отношении наичистейшие, наименее испорченные хорваты!... Даже в соматическом отношении они сохранили все особенности своей хорватской расы, если не считать очень редких азиатских примесей»[6].

После создания НГХ Будак, уже министр и заместитель Павелича в Усташском движении, писал: «Религиозная связь, несомненно, прекрас-

[1] Novi list. 1944. 29. 07.

[2] *Novak V.* Magnum Crimen. S. 558.

[3] Hrvatski narod. 1941. 25. 12. Полный текст оды см. также в книге: *Novak V.* Magnum Crimen. S. 557–558.

[4] *Novak V.* Magnum Crimen. S. 732 — 733.

[5] *Любомирова И.* Национализъм и национална политика в Независимата Хърватска Държава (1941–1945). София, 2001. С. 171–172.

[6] *Budak M.* Op. cit. S. 35.

inslav

ная связь, но это не кровная связь. Одна лишь кровь связывает народы, пусть даже разделенные на несколько конфессий»[1]. Будак полагал, что можно не осознавать своей национальности, но «придет час, когда заговорит кровь. Кровь заговорит тогда, когда придется защищать дедовы могилы и детские колыбели, когда придется спасать... родной очаг»[2]. Павелич в программной речи в Хорватском государственном саборе заявил, что в Хорватии, мол, нет и не может быть мусульманского вопроса: «Мусульманский вопрос есть у тех государств, что имеют колонии. Жители этих колоний по плоти и крови отличаются от народа метрополии. Кровь наших мусульман — это хорватская кровь»[3]. Усташская пресса неустанно пропагандировала эту идею: «В жилах хорватов-мусульман течет наичистейшая хорватская кровь», — писала газета «Хрватски народ»[4]. Несмотря на религиозные различия, хорваты-католики и хорваты-мусульмане «принадлежат к одному этническому и расовому типу»[5]. «Хрватскому народу» вторила газета «Усташа»: «Ислам сохранил исконную хорватскую кровь. Эта кровь — причина единства национального самосознания хорватов и мусульман». Приняв ислам, хорваты сохранили свою идентичность: «Бошнятство есть не что иное, как сохраненное хорватство, которое нашло свою защиту под покровительством ислама, ...отгородившись от своих исламских братьев с Востока»[6]. Усташская пропаганда называла боснийских мусульман «исламскими хорватами», «хорватскими мусульманами», «хорватами исламской веры», «кровными братьями», «самой здоровой и жизнеспособной частью хорватской нации», «цветом хорватской нации»[7]. Сараевское отделение Государственного департамента по информации и пропаганде даже издало сборник статей под говорящим названием: «Кровь заговорила: Исследования и статьи о жизни хорватов исламской веры»[8]. Целью книги называлось

[1] Цит. по: *Ademović F.* Op. cit. S. 303.

[2] Ibid. S. 303.

[3] Govor Poglavnika dr. Ante Pavelića u Hrvatskom Državnom Saboru // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu / Prired. P. Požar. Zagreb, 1995. S. 240–241.

[4] Hrvatski narod. 1941. 17. 06.

[5] Hrvatski narod. 1941. 09. 08.

[6] Ustaša. 1941. № 19. S. 1.

[7] *Lorković M.* Narod i zemlja Hrvata. Zagreb, 1939. S. 289; *Bogdan I.* Poglavnik — obnovitelj Hrvatskoj Drzavnosti i Nezavisnosti // Doktor Pavelić riješio Hrvatsko pitanje. Zagreb, 1942. S. 4–5; Hrvatski narod., 1941. 17. 05.

[8] «Krv je progovorila: Razprave i članci o životu Hrvata islamske vjere». Sarajevo, 1943.

inslav

«ознакомление хорватов с наичистейшей частью нашего народа, с нашими мусульманами».

Разумеется, касаясь проблемы отношений усташей к мусульманам, не следует забывать, что идеология здесь тесно переплеталась с текущими политическими интересами. Привлекая на свою сторону боснийских мусульман, усташи, во-первых, выбивали почву из-под ног мусульманских автономистов, во-вторых, получали доказательство своих прав на Боснию, в-третьих, вместо возможного врага получали в лице боснийских мусульман союзника.

Положение мусульман в НГХ было неоднозначным. С одной стороны, усташские лидеры не упускали возможности продемонстрировать свои симпатии к исламу и подчеркнуть, что религиозная принадлежность ни в коем случае не может являться помехой национальному единству хорватского народа. Славко Кватерник, провозгласив создание НГХ, обратился к «хорватским мусульманам», призвав их «повернуть оружие против наших врагов — сербов». Ссылаясь на Старчевича, С. Кватерник объявил Боснию и Герцеговину частью Хорватии, а боснийских мусульман — частью хорватской нации[1]. В листовке, распространявшейся от имени Павелича в хорватских землях Югославии во время Апрельской войны 1941 г., содержалось обращение: «Хорватские воины, католики и мусульмане!»[2]. Культуру мусульман Боснии и Герцеговины усташская пресса называла культурой, которая лишь по форме является мусульманской. На самом же деле — это хорватская культура[3].

Осенью 1941 г. в Загребе началось строительство мечети, вызвавшее недовольство католического клира, в частности, Загребского архиепископа Алойзие Степинаца[4]. Усташская пропаганда разъясняла населению идеологическое значение этого строительства: «Поглавник, дабы показать всем, насколько мы едины, показать, что вера не может нас разделить, воздвигнет в столице — в Загребе — красивейшую в государстве мечеть с тремя минаретами, чтобы символически показать, что мусульмане Хорватии — сыны хорватского народа, а их вера, по словам поглавника, хорватская вера»[5].

В то же время реальное положение мусульман в НГХ было очень далеким от идеала национального единства, провозглашавшегося усташами.

---

[1] Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 135.

[2] Ibid. S. 129.

[3] Hrvatski narod. 1941. 29. 12.; Hrvatski narod. 1942. 22. 04.

[4] *Любомирова И.* Указ. соч. С. 281.

[5] Hrvatski narod. 1941. 22. 10.

inslav

Спустя несколько недель после создания НГХ, боснийские мусульмане поставили вопрос об издании закона, определяющего статус ислама в стране. В июне 1941 г. в Сараево была создана шариатская комиссия. В июле она передала «Проект исламского закона и устава» Павеличу. Но проект так и не стал законом. Неспособность усташского режима навести порядок в охваченной войной стране оттолкнула от него многих мусульман. Отрицательную реакцию, как мусульманских политиков, так и мусульманского населения вызывала ассимиляторская установка усташей, отрицавшая этническую самобытность боснийских мусульман. Кроме того, равноправие ислама оставалось во многом на бумаге. Во влиятельных католических изданиях появлялись статьи, где НГХ объявлялось католическим государством, мусульман же порой называли «безбожниками» и «язычниками» (poganima)[1]. Мусульмане были недовольны тем, что при назначении на ответственные посты в государственном и усташском аппарате великих жуп и стожеров[2], находившихся на территории Боснии и Герцеговины, усташи предпочитали боснийских хорватов, а не боснийских мусульман. Не состоялась и любезная многим мусульманам идея перенесения столицы в Баня Луку. Все это привело к росту сепаратистских и автономистских настроений среди мусульман[3]. В ноябре 1942 г. несколько мусульманских политиков направили Гитлеру меморандум с предложением создания в Боснии и Герцеговине особого административно-политического образования, которое находилось бы под германским протекторатом. При этом мусульмане жаловались на неспособность правительства НГХ обеспечить мир и порядок в Боснии и на привилегированное положение католической церкви[4].

Совершенно иным было отношение усташей к православному населению. На полиэтничных территориях Хорватии, Боснии и Герцеговины религиозная принадлежность выступала в качестве нацио–дефинирующего фактора. Интересно, что многие «отцы-основатели» национальных идеологий в XIX в. не признавали религию в качестве фактора, определяющего этническую или национальную принадлежность. Досифей Обрадович и Вук Караджич причисляли хорватов-

[1] См. *Любомирова И.* Указ. соч. С. 262 — 302; *Ademović F.* Op. cit. S. 306.

[2] Великие жупы — административные единицы, на которые было разделено НГХ. Стожеры — крупнейшие территориальные подразделения усташского движения. В каждой великой жупе НГХ был организован усташский стожер.

[3] *Любомирова И.* Указ. соч. С. 294–297.

[4] *Matković H.* Povijest Nezavisne Države Hrvatske: Kratak pregled. Zagreb, 1994. S. 184–187.

inslav

католиков и мусульман к сербскому народу, Анте Старчевич говорил о «хорватах греко–восточной веры» и о «хорватах-мусульманах». Однако объективные закономерности становления наций в полиэтничных и поликонфессиональных районах Боснии и Хорватии оказались сильнее искусственных интеллектуальных конструкций.

Особенно ярко роль религии в формировании национальной идентичности была выражена у сербов: «Симбиоз церкви и нации был у сербов само собой разумеющимся, и никому в голову не приходила мысль отделить их друг от друга»[1]. Это обстоятельство определило отношение усташей к православию. С мая по сентябрь 1941 г. были закрыты православные школы, конфисковано церковное имущество, запрещено само словосочетание «сербская православная церковь». Вместо него было введено понятие «греко-восточная вера»[2]. Православие было фактически поставлено вне закона.

Особо следует сказать о политике насильственного обращения православного населения в католицизм. В югославской, и в особенности в современной сербской историографии этой проблеме уделялось особое внимание. Массовые перекрещения считались одним из подтверждений того, что именно католическое духовенство Хорватии (с подачи Ватикана) несет ответственность за организацию геноцида сербского народа в НГХ[3].

Но инициатором перекрещений выступало не католическое духовенство, а сами усташи. Сербов в католицизм обращали не из-за заботы о спасении душ «схизматиков», и даже не из-за стремления увеличить католическую паству. В данном случае мы разделяем положение болгарской исследовательницы И. Любомировой о том, что православие в НГХ преследовалось не по религиозным, а по национальным причинам, то есть как элемент «сербизма», а не как религиозная доктрина. «Борьба против православия означала борьбу против сербов, а не против православных теологических догматов»[4]. Несмотря на то, что в усташской идеологии национальная идентичность рассматривалась как этно-расовый фено-

[1] *Вяземская Е. К.* Край трех религий — Босния и Герцеговина // История Балкан: Век восемнадцатый / отв. ред. В.Н. Виноградов. М., 2004. С. 400.

[2] Ministarska naredba o nazivu «grčko-istočne vjere» // Ustaški zakoni / prired. G. Babić. Beograd, 2000. S. 118; *Živojinović D., Lučić* V. Varvarstvo u ime Hristovo. S. 551.

[3] См.: *Екмечић М.* Црква и нација код Хрвата. С. 7–36; *Novak V.* Magnum Crimen.

[4] *Любомирова И.* Указ. соч. С. 172–173.

inslav

мен, в реальности продолжали действовать утвердившиеся в массовом сознании стереотипы. Сербство ассоциировалось с православием, хорватство — с католицизмом. Поэтому усташи, стремившиеся к созданию хорватского моноэтничного национального государства, избрали перекрещение православных в католицизм в качестве метода ассимиляции сербов.

Стремясь сохранить концепцию этно-расовой природы нации, усташские идеологи обратились к идее, выдвинутой Старчевичем еще в XIX в. Суть ее заключалась в том, что в эпоху турецкой оккупации в XVI–XVII вв. часть хорватов вынуждена была принять православие, которое якобы подвергалось меньшим гонениям в Османской империи, чем католицизм[1]. Таким образом, часть сербского населения НГХ — это хорваты, принявшие православие, следовательно, их можно вернуть в лоно хорватской нации[2]. Будак утверждал, что «девять десятых тех жителей хорватских земель, что называют себя сербами, не имеют ни капли сербской крови»[3]. Павелич разъяснял представителю вермахта в НГХ генералу Г. фон Хорстенау, что не только мусульманское, но и большая часть сербского населения НГХ на самом деле принадлежит к хорватскому народу (это сербизированные хорваты)[4]. Министр юстиции Мирко Пук, выступая 23 февраля 1942 г. в Хорватском государственном саборе, повторил утверждение Старчевича о том, что в Средние века часть хорватского народа из-за «террора греко-восточных попов» и привилегированного, в сравнении с католиками, положения православных в Османской империи перешла в православие. Теперь же, с созданием НГХ, пришло время вернуть православных к «дедовой вере»[5].

Непосредственно процедурой крещения «на местах» занимались католические священники, нередко опиравшиеся на помощь вооруженных отрядов усташей. При этом священники действовали не как миссионеры, заинтересованные в том, чтобы обратить «заблудших» в «истинную» веру, и даже не как религиозные фанатики, а именно как хорватские шовинисты, стремящиеся уничтожить все нехорватское. Так, в июне

[1] *Starčević A.* Op. cit. S. 414–415.

[2] См. Dokumenti o protunarodnom radu i zločinima jednog dijela katoličkog klera. S. 65, 93–94; Novak V. Magnum Crimen. S. 798.

[3] *Budak M.* Op. cit. S. 175–176.

[4] *Kazimirović V.* NDH u svetlu nemačkih dokumenata i dnevnika Gleza fon Horstenau. 1941–1945. Zagreb, 1987. S. 106.

[5] *Ademović F.* Op. cit. S. 296.

inslav

1941 г. в селе Будимцы появился священник Сидония и заявил сербским крестьянам, что он-де пришёл сюда «как Бог и начальник усташей» и что всех, кто будет противиться его решению, он отправит туда, куда отправляют всех сербов, то есть в концлагерь Ясеновац... «Тот, кто собирается жить в хорватском государстве, — сказал священник, — должен быть хорватом, а для этого надо креститься»[1]. Сходным образом проповедовал капеллан Дионишич, заявивший сербам: «В этой стране не может жить никто, кроме хорватов, и кто не перекрестится, не может жить»[2]. Священник Орлич крестил сербов с револьвером в руках[3]. Священник Антун Джурич говорил сербским крестьянам, что в Хорватии сербам нет места: «Видите, как сербы (точнее, сербские трупы. — *С.Б.*) плывут по рекам в Белград, так будет с каждым, кто ощущает себя сербом»[4]. Таким образом, проусташски настроенные представители католического духовенства проводили в жизнь усташскую идею хорватского моноэтничного национального государства[5].

Позиция высшего клира была противоречивой. Сама идея перекрещений прямо не осуждалась, однако архиепископ Степинац и многие епископы выражали недовольство тем, что сугубо религиозное дело обращения в католицизм было фактически узурпировано светскими властями[6] (крестившие сербов священники подчинялись не столько епископам, сколько усташским логорникам и стожерникам[7]). Важно было взять дело перекрещения сербов в свои руки. 17 ноября 1941 г. на состоявшейся под председательством Степинаца епископской конференции была принята резолюция, которую затем разослали по всем римско-католическим и греко-католическим приходам. В ней говорилось о том, что вопрос обращения в католицизм находится в исключительной компетенции церкви, что никто, кроме церкви, не имеет права направлять «миссионеров» для обращения «греко-восточных» в католицизм, что в лоно католической церкви будут приняты лишь те, кто добровольно,

---

[1] *Stanojevic B.* Alojzije Stepinac: Zlocinac ili svetac. S. 176, 177, 188.

[2] Ibid. S. 172.

[3] Dokumenti o protunarodnom radu i zločinima jednog dijela katoličkog klera. S. 79, 80.

[4] Ibid. S. 131.

[5] Подробнее об участии католических священнослужителей в кампании по обращению сербов в католицизм см.: *Novak V.* Magnum Crimen. S. 637– 660, 662–664, 667–671, 673–700, 709–784.

[6] *Matković H.* Povijest Nezavisne Države Hrvatske. S. 112.

[7] Логорники, стожерники — военные чины усташских вооруженных сил.

inslav

без принуждения, но единственно по внутреннему убеждению принял католицизм. Также указывалось на необходимость обеспечить защиту гражданских прав «греко-восточного» населения, на недопустимость беззакония, насильственных действий против людей, исповедующих «греко–восточную» веру, на недопустимость разрушения православных храмов и часовен[1].

Какой-либо связи между насильственными обращениями сербов в католицизм и действиями Ватикана установить не удается. Власти НГХ стремились заручиться поддержкой папской курии, получить признание Ватикана. 18 мая А. Павелич посетил Папу. Однако его встреча с Папой была оформлена не как официальный визит главы государства, а как личная встреча рядового католика с главой католической церкви[2]. Ватикан, сохраняя дипломатические отношения с эмигрантским правительством Югославии, не пошел на официальное признание усташского государства, но направил в Хорватию своего представителя, аббата Д. Маркони, который, однако, получил статус не нунция (как этого требовала должность представителя Папы в суверенном государстве), а более низкий статус легата. Официального признания Ватикана правительству НГХ получить так и не удалось[3].

Отношение усташей к православной церкви определялось не столько интересами католицизма, сколько националистической идеей строительства моноэтничного хорватского государства. Показательна история создания так называемой Хорватской православной церкви. Усташский террор против сербов спровоцировал массовое вооруженное сопротивление сербского населения, которое стало ресурсом для формирования четнических и партизанских отрядов. Террор завел НГХ в кровавый тупик. Сил для того, чтобы справиться с четниками и руководимыми коммунистами партизанами, не хватало. Тогда усташское руководство пошло на решительный пересмотр политики в отношении сербов. Эуген (Дидо) Кватерник в феврале 1942 г. направил Павеличу письмо, в котором отметил всю серьезность военно-политической ситуации в НГХ и указал на неизбежность катастрофы в том случае, если не удастся подавить «коммунистическое восстание»[4].

---

[1] *Novak V.* Magnum Crimen. S. 628–630.

[2] Actes et dokuments du Saint Siège et la relatifs à la Seconde Guerre Mondiale. Vaticano, 1969. Vol. 4. P. 491–492, 493– 494, 498–499, 502–503, 504, 520–521.

[3] *Jelić-Butić F.* Ustaše i Nezavisna Država Hrvatska. S. 416–417.

[4] *Kvaternik E.* Rijeći i činjenice. Prilog povijesti hrvatsko-talijanskih odnosa u Drugom svjetskom ratu // Hrvatska revija. 1955. Sv. 1. S. 69–70.

inslav

В качестве средства умиротворения сербов Павелич избрал создание Хорватской православной церкви. В своей речи в Хорватском государственном саборе 28 февраля 1942 г. Павелич заявил: «В Хорватии никто ничего не имеет против православия. Каждый по-своему молится Богу... Не наше дело вторгаться в такую сокровенную сторону жизни человека, как спасение его души». Павелич утверждал, что хорватское государство будто бы никого не заставляет переходить в католицизм. «Но, — продолжал поглавник, — в хорватском государстве не может быть Сербской православной церкви... Потому что во всем мире православные церкви — национальные церкви. Сербская православная церковь является составной частью сербского государства. То, что может быть в Сербии, что было в несчастной Югославии, не должно быть в хорватском государстве»[1]. Следовательно, православие в НГХ рассматривалось как проблема церкви, а не веры. Личные религиозные убеждения людей не интересовали Павелича и его соратников, важнее была лояльность православных хорватскому государству, которую должна была обеспечить Хорватская православная церковь.

Павелич подписал указ о создании автокефальной Хорватской православной церкви 3 апреля 1942 г. Во главе новой церкви был поставлен русский митрополит Гермоген[2]. Понемногу стали открываться православные храмы. Усташская пресса заговорила о возвращении православных в хорватскую нацию, о том, что они связаны «судьбой и кровью» с хорватской землей[3]. Православных стали принимать на службу в государственный аппарат, мобилизовать в армию, их представителей ввели в сабор, а в октябре 1943 г. православный Сава Бесарович, университетский товарищ Павелича, вошел в правительство НГХ в качестве министра без портфеля[4]. В закон о государственных и религиозных праздниках, наряду с тринадцатью католическими, восемью евангелистскими и четырьмя мусульманскими, вошли и восемь православных праздников (религиозные праздники отмечались в соответствии с религиозной

[1] Govor Poglavnika dr. Ante Pavelića u Hrvatskom Državnom Saboru // Ustaša: Dokumenti o ustaškom pokretu. S. 241–242.

[2] Гермоген — в миру Григорий Иванович Максимов. Бывший митрополит Екатеринославский и Новомосковский. После революции эмигрировал. Жил в Греции, с 1921 г. — в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. В июне 1942 г. стал митрополитом Загреба и главой Хорватской православной церкви. Его возведение в сан патриарха так и не состоялось. В июне 1945 г., уже в титовской Югославии, военный суд приговорил его к смертной казни.

[3] Nezavisna Država Hrvatska. 1942. 05. 03.

[4] *Любомирова И.* Указ. соч. С. 249.

inslav

принадлежностью)[1]. Таким образом, православное население НГХ было причислено к хорватам, но права сербского народа в стране не были признаны. Один из идеологов усташства и высокопоставленный чиновник НГХ Младен Лоркович подчеркивал, что Хорватская православная церковь — национальная церковь, а «православные хорваты» полностью равноправны с хорватами-католиками и мусульманами. «Хорватская государственная власть не проводит различия между приверженцами различных религий», — писал он[2].

Уже упоминавшаяся программная речь Павелича в Хорватском государственном саборе стала своеобразной квинтэссенцией взглядов усташских идеологов на соотношение религиозной и национальной идентичности: «Значительная часть нашего населения, — говорил Павелич, — исповедует католическую веру. Есть мусульмане, есть евангелисты. Есть и православные. Государственный интерес состоит в том, чтобы в государстве не было никаких раздоров, прежде всего — религиозных раздоров». Павелич отмечал, что люди различаются по национальностям, а не по религиям, характерное же для балканских народов различие по религиозной принадлежности для хорватов нехарактерно: «Сейчас мы все едины в одном государстве, так как у нас есть национальное самосознание... и мы не можем и не должны допустить того, чтобы другие факторы, в том числе религиозные, вносили раздор в нашу общность»[3].

Таким образом, обращение к религиозной политике усташского режима НГХ и к идеологии самого усташского движения позволяет нам не только отрицать клерикально-католический характер усташской идеологии, но и показывает, что религиозный вопрос для усташей играл сугубо подчиненную, служебную роль по отношению к собственно национальному вопросу. На полиэтничных территориях Хорватии, Боснии и Герцеговины религиозная принадлежность выступала в качестве нацио−дефинирующего фактора. Антиправославная политика усташей (апрель 1941 — февраль 1942 гг.) была частью антисербской политики. Эта политика не была инспирирована Ватиканом или хорватским католическим епископатом. Изменение религиозной политики НГХ в начале 1942 г., прежде всего создание Хорватской православной церкви и предоставление православным гражданских прав, свидетельствует об этом.

---

[1] Zakonska odredba o blagdanima // Ustaški zakoni. S. 282–284.

[2] Lorković M. Hrvatska u borbi protiv boljševizma. S. 57.

[3] Govor Poglavnika dr. Ante Pavelića u Hrvatskom Državnom Saboru. S. 240.

inslav

Отношение усташей к исламу подтверждает тезис об отсутствии в усташской идеологии сколько-нибудь заметного влияния католического клерикализма. Последовательное утверждение хорватско-мусульманского единства и возврат в феврале 1942 г. к идее хорватов как «нации трех религий» свидетельствуют против мифа о клерикально-католической природе усташской идеологии.

А. Ю. Тимофеев
(Белград)

Идеологическая, культурная и образовательная политика недичевской Сербии

После поражения в Апрельской войне 1941 г. Югославия была разделена на несколько частей между сопредельными странами, союзниками третьего рейха. Сербский народ, разорванный между оккупационными зонами, оказался в очень тяжелой ситуации. В некоторых зонах (в оккупированной Венгрией Воеводине, в захваченной Болгарией Южной Сербии, в присоединенном к Албании Косово) имели место многочисленные убийства представителей сербской интеллигенции, а в Независимом государстве Хорватии начал осуществляться геноцид — полное истребление сербов в ходе погромов и в лагерях смерти. В крупнейшем из этих лагерей — Ясеновце были убиты десятки тысяч человек[1]. Сербский народ, который уже понес колоссальные жертвы в Первой мировой войне (тогда погиб каждый десятый житель Сербии), вновь оказался в жерновах физического уничтожения.

Сама «оккупационная территория Сербия», о которой идет речь в данной работе, включала в себя большинство территорий бывшего Королевства Сербии (до 1912 г.), площадь ее составляла около 51 тыс. кв. км, население — 3 810 000 жителей. При этом к ней были формально присоединены еще две области, с самоуправлением национальных меньшинств: под немецким фольксдойчерским самоуправлением оказался Банат (приграничная с Румынией треть Северной Сербии — Воеводины), а албанские лидеры имели сильное влияние на немецкую администрацию северной части Косова. Хотя и в пер-

[1] На сегодняшний день известно количество убитых в этом лагере усташами (хорватскими экстремистами), из них: 45 923 серба, 16 045 цыган, 12 765 евреев, 4 197 хорватов-коммунистов, 1 113 боснийских мусульман-партизан // http://www.jusp-jasenovac.hr.

inslav

вой, и во второй областях около половины населения составляли сербы, они попали в положение подчиненного и дискриминированного меньшинства. Эти области оказались на особом положении, так как представляли собой экономически привлекательные районы, богатые пищевыми (Банат) и минеральными (Северное Косово) ресурсами, полезными для эксплуатации и способными стать разменной монетой при послевоенных договоренностях с сопредельными государствами. Тем не менее, формально эти области также включались в состав «оккупационной территории Сербия», составляли с ней единое целое, имея общую систему транспорта, связи и администрацию, имевшую ограниченный объем полномочий. С учетом этих «автономий» недичевская Сербия, в 1941–1944 гг. занимала около 60 тыс. км^2 и насчитывала 4,5 млн. жителей, 80 % которых были крестьянами[1]. Немцы подчинили эту территорию военному коменданту Сербии, который весной-летом 1941 г. опирался в своем правлении на временную оккупационную комиссарскую администрацию М. Ачимовича. А после 29 августа 1941 г. власть на этой территории перешла к сформированному немцами правительству «государства Сербии» под руководством довоенного министра обороны Королевства Югославии генерала Милана Недича. Недич управлял Сербией (под контролем немецких властей) до начала осени 1944 г. После выхода советских войск на румынско-сербскую границу он собрал членов своего правительства и охарактеризовал внешнюю и внутреннюю ситуацию. Особенно много говорилось о форсировании русскими Дуная у Кладова. После было решено прекратить все боевые действия против коммунистов; сербским вооруженным отрядам запретить где-либо применять оружие против русских войск; начать стягивать вооруженные правительственные отряды со всей Сербии к Белграду, не оказывать сопротивление и быть послушными новым властям[2]. Сам М. Недич покинул Сербию и выехал в Австрию, где был задержан, а после войны передан представителям Тито. В тюрьме он совершил самоубийство. В своей деятельности М. Недич опирался на помощь «серого кардинала» оккупационного режима — Димитрия Льотича, лидера «Збора» — малочисленной праворадикальной организации православных «фундаменталистов».

---

[1] Для сравнения упомянем, что по довоенной переписи (1931) в Королевстве Югославия проживало 13 934 000 жителей на территории в 247 542 км^2 (Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31. marta 1931. godine. Beograd, 1938. Knj. II).

[2] *Borković M.* Kontrarevolucija u Srbiji. Kvislinška uprava 1941–1944. Beograd, 1979. Knj. 2. S. 344.

inslav

В ходе Апрельской войны 1941 г. значительная часть хорватских офицеров и солдат была охвачена явно пронемецкими настроениями, что окончательно дискредитировало в глазах сербского среднего класса идею «югославянского братства», и без того значительно поблекшую вследствие довоенных политических конфликтов[1]. Немалую роль в этом сыграли кровавые погромы сербского населения на территории независимой Хорватии, после которых в Сербии появились толпы беженцев, а река Сава стала приносить в Сербию из Хорватии изувеченные трупы сербов. Неудивительно, что в недичевской Сербии была более популярна идея сербоцентристского государства. В то же время стоит отметить, что идея «югославянского» сопротивления немцам и стремление к возрождению Югославии, а не Сербии, были свойственны обоим движениям сопротивления — Югославской армии в Отечестве Д. Михайловича и партизанам Коммунистической партии Югославии Й. Тито[2]. Понимая это, немцы активно боролись с «югославским» духом в Сербии. Оккупационные власти вымарывали слово «Югославия» из статей и названий организаций[3], а наемные пропагандисты доказывали искусственность и нежизнеспособность югославянского государства[4].

Как бы то ни было, основой идеологии М. Недича и его государственного аппарата было возрождение сербского духа, замененного в меж-

---

[1] В этом аспекте характерно донесение Тито о причинах поражения в Апрельской войне, поступившее в ИККИ 28 июня 1941 г. В нем хорват Тито, хотя и не избавился от традиционного для Коминтерна поиска вины «великосербской буржуазии», честно отмечал, что «пятая колонна имела своих представителей в самых ответственных местах. В отделах по снабжению армии сидели белогвардейцы и хорваты, которые действовали так, что снабжение все время прерывалось», в то же время «моральный дух солдат, а особенно сербов был очень высок» (РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 11. Д. 371. Л. 44).

[2] И это при том, что до 1943 г. (до капитуляции Италии) даже среди партизан доминировали сербы, а среди четников сербы преобладали вплоть до самого конца войны, в состав ЮВвО входила организация словенских четников, а также незначительное число хорватов и сербов-мусульман (*Tomasevich J.* The Chetniks : war and revolution in Yugoslavia. 1941–1945. Stanford, 1975. P. 106; *Nešović S.* AVNOJ i revolucija: tematska zbirka dokumenata, 1941–1945. Beograd, 1983. S. 281; *Бајт А.* Берманов досије. Београд, 2006).

[3] Например, 10 марта 1942 г. немецкий цензор вычеркнул из статьи под заголовком «Сербская церковь против коммунизма» в сербском официозе «Наша Борба» два выражения — «государство Югославия» и «вечная, великая, славянская Россия» (ИАБ. Ф. BdS. Д. G-148. Л. 21).

[4] *Банић М.* Агонија Југославије: дани слома. Београд, 1941; *Он же.* Масонерија и Југославија, Београд, 1941; *Грегорић Д.* Самоубиство Југославије: последњи чин југословенске трагедије, Београд, 1941 и.т.д.

inslav

военный период идеями «югославянства». Уже с первых речей генерала Недича по радио и в печати зазвучало его излюбленное выражение «братья сербы» с апелляцией к общим «биологическим» целям — выживанию сербов в условиях геноцида на территории Хорватии, Венгрии, Албании, после значительных потерь в ходе Апрельской войны и в результате жесткого усмирения немцами восстания в Сербии осенью 1941 г.[1] Более развернутой формой этого выражения было обращение «Дорогие братья, сербские крестьяне», адресованное Недичем самому многочисленному сербскому сословию, которое он считал источником всех положительных качеств сербского народа, к тому же в сербских крестьянах (мелких собственниках) он видел заслон от победы коммунистической идеологии[2]. В то же время коммунистическому «обобществлению» М. Недич старался противопоставить коллективистский дух сербской крестьянской общины — «задруги», активно действовавшей до конца существования сербского королевства[3]. Именно в опоре на сербский крестьянский дух М. Недич пытался добиться возрождения сербских патриархальных идей и возобновления патриархальных взаимоотношений между жителями Сербии и ее главой[4].

В этих целях М. Недич устраивал многочисленные визиты народных, в основном, крестьянских делегаций из всех областей Сербии, которые он регулярно принимал в Белграде. Как и абсолютное большинство сербов-горожан, М. Недич и до войны поддерживал тесные контакты с деревенскими родственниками, самыми близкими из которых были братья его отца и их сыновья, проживавшие в районе Орашац в центральной Сербии. Будучи военным, он не утратил знания живого и сочного

[1] *Недић М.* Говори генерала Милана Недића, претседника српске владе. Београд, 1943.

[2] Село основа националног живота // Наша борба. 5. јул 1942; Основе задругарства у српском народу // Обнова. 22. мај 1943; Сељак је основа и снага српског народа // Српско село. 29. мај 1943; Конкурс СЗР за најбоље радове о старој српској задружности и о културном и привредном подизању // Обнова. 11. септембар 1943; Конкурс Српског народа за најбољу студију о сељачко-задружној организацији нове српске државе // Српски народ. 31. јул 1943.

[3] Специально для сербских крестьян было создано особое печатное издание, где советы по интенсивному ведению сельского хозяйства перемежались с пропагандой сербского традиционализма (Српско село: недељни лист за пољопривреду/ ур. Ј.Тановић, г. I, № 1 (6.септембар 1941) — г. IV, № 152 (1.септембар 1944).

[4] Неформальные отношения между правителем и подданными в доюгославской Сербии удивляли русских путешественников по Сербии (Русские о Сербии и сербах. / сост. А. Шемякин, СПб., 2006. Т. 1: Письма, статьи, мемуары.)

inslav

народного языка и охотно использовал его в беседах с прибывавшими делегациями. Только за первые 10 месяцев своего правления аппарат М. Недича организовал встречи 9 крестьянских делегаций с генералом, которые имели многослойный пропагандистский подтекст. К Рождеству 1943 г. М. Недич принял уже 22 делегации крестьян, эта практика продолжалась до 1944 г. Прибывших крестьян (многие из них были в столице впервые в жизни) обычно селили в специальном отеле, показывали город и крупнейшие храмы — Св. Марка и Соборную церковь. Пиком визита была аудиенция у премьера М. Недича, который обращался к прибывшим с речью, передававшейся по радио или печатавшейся в газетах. Позднее нескольких наиболее авторитетных крестьянских старейшин М. Недич принимал на личной аудиенции, где разговаривал с ними с глазу на глаз, пересыпая речь пословицами и народными выражениями. В таких личных беседах он подчеркивал враждебность оккупационного аппарата сербскому народу, вынужденный характер оккупации, указывал на необходимость потерпеть и не терять голову понапрасну. На крестьян производил впечатление не только королевский портрет, висевший на видном месте в кабинете М. Недича, но и его советы не сопротивляться насильственным реквизициям, как со стороны немцев, так и со стороны «лесных людей» (повстанцев), действовать по сербской пословице: «дать краву, а не главу» (лучше отдать корову, чем голову)[1].

Естественным продолжением идеи о построении «деревенской общинной Сербии» была пропаганда заботы о сербах-беженцах[2]. Все это в сочетании с социальной политикой недичевской Сербии (помощь беженцам продовольствием, трудоустройством и жильем, помощь военнопленным и их семьям, помощь оставшимся без жилья и имущества в результате бомбардировок, забота о сиротах) в целом производило положительное впечатление на широкие слои сербского общества. Создаваемый сусальный облик власти (т.е. главы государства) дополнялся верностью православным традициям, антикоммунизмом и критикой продажных политиков, которые ради своих партийных выгод и личных амбиций жертвовали общенациональными интересами.

В силу всего вышесказанного в коллективной памяти сербов генерал М. Недич остался как человек, шедший на вынужденное сотрудничество с оккупантами ради спасения сербов от уничтожения. Именно поэтому в

[1] *Краков С.* Генерал Милан Недић, Београд, 1995. Књ. 2. С. 233–247, 470.

[2] Изграђивање Нове Србије као сељачке државе // Српски народ. 7. јануар, 1943; Препорођено село биће темељ нове «Српске сељачке задружне државе» // Српско село. 5. јун 1943; Сачувати српске главе и створити српску сељачку задружну државу // Српско село. 4. септембар 1943.

inslav

современном сербском общественном сознании за ним закрепилось прозвище «сербская мать», в отличие от воспринимаемого как «фашиста» и «отщепенца» Д. Льотича. Этому представлению, конечно, никак не соответствует другая часть идеологии М. Недича, о чем справедливо пишут современные сербские исследователи — О. Милосавлевич и Т. Кулич, считающие ее неразрывно связанной с антисемитизмом, антидемократизмом и даже расизмом[1].

Стоит признать, что во времена М. Недича подобные высказывания (о чистоте расы, европейской семье народов, антиеврейские рассуждения и т.д.), несомненно, присутствовали. При этом справедливости ради стоит отметить, что в Сербии они не были основной направляющей идеей, а являлись скорее реверансами в пользу главенствующей идеологии Новой Европы, руководимой третьим рейхом. Многообразие фенотипов сербов делало расизм очевидно искусственной категорией (так же, как, например, в Италии). «Арийское происхождение» доказывалось, к примеру, просто самим фактом рождения от родителей христианского вероисповедания (так же, как это было и в случае с русскими эмигрантами).

Куда более сложным был вопрос об отношении режима М. Недича к евреям. Тут также, несомненно, присутствовала калька с немецких образцов, которую режим М. Недича заимствовал из идеологии третьего рейха. Имели место и обязательное ношение особых национальных повязок для евреев и цыган, и ограничение в бытовых правах, и помощь сербской полиции немцам в их мероприятиях по «ариизации» (экспроприации еврейского имущества), по переписи и арестам еврейского населения Сербии, что привело к трагедии большинства еврейского населения Сербии. Силами сербских пропагандистов осенью 1941 г. и осенью 1942 г. муниципалитет города Белграда провел Антимасонскую и Антикоммунистическую выставки, имевшие несомненную антисемитскую коннотацию[2]. Однако в самой пропаганде недичевцев и льотичевцев антисемитизм использовался намного реже, чем в нацистком, венгерском или хорватском варианте «правых идеологий» военного времени. Антисемитизм в идеологии режима М. Недича имел второстепенное значение (так же, как, например, в

[1] *Милосављевић О.* Потиснута истина: колаборација у Србији 1941–1944. Београд, 2006; *Куљић Т.* Превладавање прошлости: узроци и правци промене слике историје крајем XX века. Београд, 2002.

[2] *Јовановић Н.* Антимасонска и антикомунистичка изложба у Београду 1941 // НОР и револуција у Србији 1941–1945. Београд, 1972; *Kreso M.* Njemačka okupacijona uprava u Beogradu, 1941–1944. Beograd, 1979; *Николић К.* Немачки ратни плакат у Србији 1941–1944. Београд, 2000; АВИИ, собр. Командант Србије. Ф. Пропагандно одељење Југоисток.

inslav

идеологии итальянского фашизма), так как отсутствовал в традиционной сербской модели стереотипов[1]. При этом показательно, что, как и в ряде других восточноевропейских стран, рост антисемитизма начался еще до начала Второй мировой войны, а первые законы, ограничивающие представителей еврейского народа в правах (касающихся некоторых форм деловой активности), были приняты еще до оккупации[2]. Гораздо более выраженной в идеологии режима М. Недича была ксенофобия (закрытость ко всем инонациональным меньшинствам), что повлияло и на принятие законов о государственных чиновниках, по которым теряли работу представители всех национальных меньшинств Сербии, а также русские эмигранты. Стоит заметить, что полной последовательности в принятых ограничительных мерах не было. Например, наряду с введенным немецким комендантом Сербии запретом владеть кинотеатрами лицам цыганской национальности и их супругам, на афишах фильмов (венгерских) встречались объявления о том, что фильм наполнен цыганской музыкой и сопровождается игрой лучшего цыганского оркестра Будапешта.

Идеология М. Недича нашла наиболее четкое отражение на страницах многочисленных периодических изданий, выходивших в оккупированной Сербии. Кроме немецких оккупационных изданий, публиковавшихся на территории Сербии[3], и чисто пропагандистских изданий[4], жители Сербии[5] могли знакомиться с многими местными органами печа-

[1] Стоит отметить, что в Сербии XIX в. антисемитизм не был развит, а в межвоенную Югославию он был привнесен с территорий бывшей Австро-Венгрии и от реакционеров из рядов русских эмигрантов.

[2] *Кољанин М.* Јевреји и антисемитизам у Краљевини Југославији : 1918–1941. Београд, 2008.

[3] Службени лист за заузету југословенску територију — Verordnungesblaltt für das besezte Jugoslawische gebiet, 1941–1944; Обзнане и објаве немачких власти у Србији — Bekanntmachungen und veröffentlichungen der deutschen behörden in Serbien, 1941–1942; Amtsblatt für das Banat: amtliches Verkündungsblatt der Kreisvorstehung des Banater Kreises — Službene novine za Banat: službeni objavni list Okružnog načelstva okruga banatskog, 1941–1943.

[4] Антикоминтерна: обавештајни билтен, (Берлин), 1943; Светска служба за проучавање јеврејског питања. Франкфурт-на-Мајни, 1942–1944; Сигнал-Signal, 1942–1944.

[5] Точнее те из них, кто не оказался в лагерях военнопленных или среди «добровольных» рабочих в Рейхе, которые получали свои издания: Srpski glasnik — Serbische Lagerzeitung-Stalag II B, 1941–1943; Naši dani — Stalag XVII B, 1942–1944; Српски весник — Serbische Lagerzeitung-Stalag VIII A, 1942–1943; Српски рад: Новине српског радништва у Немачкој — Serbische Arbeit: Serbisch Arbeiterzeitung, 1943–1944.

inslav

ти. И это были не только специальные подсобные издания, публиковавшие распоряжения соответствующих властей и другую информацию[1], но и достаточно широкий круг самой разнообразной периодики. Начало этому разнообразию было положено вскоре после того, как оккупационные власти закрыли все довоенные массовые издания — близкое к правительству «Время», центристскую «Правду» и либеральную «Политику». Вместо них оккупационный аппарат начал издавать «независимую» газету «Новое время», которая выпустила больше всего номеров (1066 номеров) в оккупированной Сербии (с 16 мая 1941 г. по 5 октября 1944 г.). Летом 1941 г. Сербия получила еще два издания — «Понеделяк» и «Обнову», так же продержавшихся до 1944 г. При этом, если «Понеделяк» фактически являлся уикенд-дополнением к газете «Ново време» (она не выходила по понедельникам), то «Обнова» стала рупором сербского коллаборационисткого аппарата и, в первую очередь, М. Недича. Д. Льотич и его движение «Збор» популяризовали свои взгляды через газету «Наша борба», выходившую и после эвакуации из Белграда в Словении вплоть до смерти Д. Льотича в 1945 г. В дополнение к этому изданию в 1943–1944 гг. льотичевцы попытались действовать методом «серой пропаганды», публикуя анонимные «Записи» без места издания и издательства, которые не попадали под формальную цензуру немецких цензоров.

Вышеперечисленные издания отличались высокой степенью политизированности, поэтому наряду с ними должна была появиться более «народная» периодика, доступная и привлекательная для массового читателя, где были бы и романы с продолжениями, и статьи на бытовые темы. Таким изданием стали начавшие выходить в октябре 1941 г. «Народне новине». В начале 1942 г. они прекратили свое существование, уступив место изданию «Српски народ: недељни лист», просуществовавшему до 1944 г. Наконец, с начала 1942 г. недичевская печать обзавелась и фешенебельным изданием, полным фотографий — «Коло: недељни илустровани лист са београдским радио програмом», привлекавшим читателей не только массой иллюстраций, но и радиопрограммой. Точности ради следует сказать, что большинство фотографий в этом журнале, так

[1] Службене новине. 1941–1944; Просветни гласник. 1941–1944; Службена саопштења Трговинске, индустријске и занатске коморе у Београду. 1941–1944; Општа наређења: Министарство пошта,телеграфа и телефона. 1942–1943; Комерцијална служба Српских државних железница. 1941–1944; Службена саопштења Централе за гвожђе и метале. 1942–1943; Гласник Српске државне страже: стручно-научни часопис. 1942–1943; Заводски лист Смедеревска Паланка. 1943.

inslav

же, как и сама радиостанция, были немецкими и лишь использовались для пропаганды в Сербии[1]. Эта радиостанция передавала двухчасовые программы на сербском языке, а также по 30–60 минут осуществляла вещание на русском языке (для солдат Русского корпуса[2]). Сербское вещание состояло из обращений Милана Недича или его приближенных, транслировались также национальные песни и короткие юмористические радиопостановки[3].

Помимо «Коло», выходившего до сентября 1944 г., недичевский режим пытался привлечь внимание отдельных социальных групп, запустив ряд изданий, таких как еженедельник для крестьян «Српско село: недельни лист за польопривреду», издание для рабочих «Српски радник: Гласник српске заеднице рада», а также выходивший непродолжительное время и прекративший существование вследствие нехватки средств журнал «Наша жена: илустровани лист». В оккупированной Сербии публиковались и чисто развлекательные периодические издания: посвященный театральным новинкам иллюстрированный журнал «Српска сцена: позоришни илустровани лист» и кинообозрение «Филмске новости», причем оба издания выходили в течение всех трех лет оккупации с осени 1941 г. по осень 1944 г. Существовало и пользовалось популярностью особое спортивное приложение к газете «Ново време». Всего было выпущено 104 таких листка с собственным названием «Спорт», причем последний номер «Спорта» вышел в сентябре 1944 г., за месяц до освобождения Белграда, когда сербские власти уже вовсю готовились к эвакуации. В целом, более 30 журналов и газет (а с учетом отдельных местных городских изданий, и больше), на все лады уговаривали сербов смириться, не бунтовать, наслаждаться повседневными радостями и стоически переносить ежедневные невзгоды.

Понимание пропагандистами третьего рейха и их сербскими подопечными того факта, что оптимизм граждан воюющей страны является ценным стратегическим ресурсом, привело к тому, что индустрия

[1] Речь идет о бывшей радиостанции Белграда, которая в годы оккупации работала как радиостанция для солдат вермахта и их союзников «Soldatensender Belgrad». Эта мощная радиостанция (была слышна от Нарвика до Каира) стала широко известна благодаря раскрученному хиту третьего рейха — «Лили Марлен» в исполнении Лале Андерсен (Heimat, deine Sterne: Lili Marleen und der Soldatensender Belgrad, Verlag: Bublies, Siegfried; Auflage: 1., 1. Mai 2003).

[2] Казачий вестник. 1941. № 1. С. 7; Русское дело. 1943. № 11. С. 1, № 12. С. 3., № 13. С. 4, № 14. С. 3, № 23. С. 3, № 24. С. 3.

[3] Недељни програм Београдске радио-станице — Wochenprogramm des Senders Belgrad, 1941–1944.

inslav

развлечений в недичевской Сербии расцветала, несмотря, а точнее вопреки войне. Уже в мае 1941 г. к услугам сербских зрителей было 6 кинотеатров (один из них с двумя сценами)[1], не считая кинотеатра «Белград», превращенного в кинотеатр для солдат вермахта и открытого еще 28 апреля 1941 г. Репертуар кинотеатров ежедневно печатался в газете «Ново время». В годы войны в одном лишь Белграде число кинотеатров возросло до 21 (шесть из них премьерные), с ежедневным числом посетителей в 12–15 тысяч человек, а в выходные — около 30 тыс.! Всего в Сербии менее чем на 4 млн жителей в 1943 г. приходилось 128 кинотеатров. В кинотеатрах было по 3 сеанса, начинавшихся в 14:30, 16:45 и 19:00. В последний раз репертуар белградских кинотеатров (на тот момент 13 названий) был размещен в последнем номере газеты «Ново време» за 5 октября 1944 г., когда советские танки уже продвигались по территории Сербии по направлению к Белграду[2].

Уже в 1942 г. кинотеатр «Белград» был арендован немецкой кинокомпанией «УФА-фильм», которая полностью переоборудовала его по последнему слову техники и стала использовать для своих премьер, открытых для сербской публики. Усовершенствованный кинотеатр был торжественно пущен в эксплуатацию 29 октября 1942 г. белградской премьерой первого немецкого полнометражного цветного фильма «Золотой город» (Die goldene Stadt), мелодрамы с вариацией сюжета о блудном сыне — о несчастной девушке из Праги Анне Йобст, увлекшейся сладкой жизнью большого города[3]. Этот фильм стал самым популярным фильмом 1943 г., до конца года его посмотрели 108 тысяч зрителей. Другой кинотеатр, «Колосеум», специализировался на премьерных показах венгерских фильмов.

Хотя абсолютное большинство фильмов в прокате было немецкими, итальянскими и венгерскими, демонстрировалась и сербская кинопродукция. Первым таким фильмом был «Король воздуха», снятый в 1941 г. сербским атлетом Драголюбом Алексичем. Премьерный показ фильма

[1] Это при том, что к началу лета 1941 г. в Белграде проживало 253 729 человек (Попис 18. маја 1941 // Ново време. 25. мај 1941).

[2] Спустя две недели, сразу же после освобождения, в белградских кинотеатрах начались показы новых, советских фильмов, предоставленных Политическим отделом 57-й армии. Эти фильмы сначала шли без перевода, так как, по мнению новых властей Белграда, да и самой публики, перевод был не нужен.

[3] Успех филма у бојама «Златан град» свечана премијера у Уфином филмтеатру «Београд»/ / Нововреме. 30. октобар 1942; Филмски живот Београда // Ново време. 31. јануара 1943; Приказивање научних филмова ђаци су пратили са великом пажњом // Ново време. 15. јануар 1942.

inslav

состоялся 6 января 1942 года. В 1942 г. была снята лента «Невинность без защиты», впервые показанная сербским зрителям 15 февраля 1943 г. Ведущим актером и режиссером фильма был все тот же Драголюб Алексич, а на съемках ему помогал известный довоенный сербский режиссер и оператор немого фильма Стеван Мишкович («Бая Джора»). «Невинность без защиты» — первый сербский игровой полнометражный фильм, который в одном только 1943 г. посмотрели 62 тыс. сербских зрителей[1]. Всего белградцам за годы оккупации удалось посмотреть 430 различных фильмов (в 1941 — 148, в 1942 — 137, в 1943 — 92, в 1944 — 53)! При этом в Германии был снят 281 фильм, в Венгрии — 61, в Италии — 39, в Чехии (Богемии) — 15 , во Франции — 14, и по 1–3 фильмам из Испании, Швеции, Финляндии, Дании, Японии, Норвегии и США.[2] Среди этих фильмов был и нацистский мегаблокбастер «Титаник», на съемки которого были потрачены огромные средства, не рекомендованный Геббельсом к прокату на территории рейха из-за чрезмерно натурально показанной паники и трагического настроя. Подавляющее большинство фильмов носило чисто развлекательный характер, что, в основном, соответствовало и общему характеру кинематографии третьего рейха[3].

В конце 1942 г. при поддержке немецкой кинематографической корпорации (Reichsfilmkammer) в Сербии был открыт Отдел кинорепортажей «Уфа-фильм», где с весны 1943 г. до лета 1944 г. выпускался документальный короткометражный журнал «Недельни преглед» («Еженедельный обзор») о событиях в Сербии, обычно предварявший показ немецкого киножурнала УФА, за которым шел и сам фильм. Киножурнал «Недельни преглед» выпускался в виде мультиплифицированных фильмов. Так в оккупированной Сербии появились первые сербские мультипликационные фильмы — пропагандистский мультипликационный журнал, в котором актуальные карикатуры и плакаты на злободневные темы были анимированы и обрели движение. Сербский мультипликационный журнал был очень коротким (3–6 минут) и состоял из нескольких еще более коротких эпизодов (один-два кадра и комментарий из пары предложений), пропагандировавших победы третьего рейха и его союзников, поносивших США, СССР и Англию, кри-

[1] *Savković M.* Kinematografija u Srbiji tokom Drugog svetskog rata 1941–1945. Beograd, 1994. C. 46–59.

[2] *Јеличић Д.* Кинематографске делатности у окупираном Београду. Дипломски рад на Факултету драмских уметности. Београд, 1986.

[3] *Васильченко А.В.* Прожектор Доктора Геббельса. Кинематограф третьего рейха. М., 2010; . *Кољанин М.* Филмска пропаганда — Увод у Холокауст // Годишњак за друштвену историју, година ВИИ, свеска 1. Београд, 2000.

inslav

тиковавших партизан и четников как «наемников Москвы и Лондона». Эти мультипликационные журналы были сняты С. Мишковичем, которому в мультипликационном проекте помогала группа русских эмигрантов (оператор Михаил Иванников и профессиональные рисовальщики комиксов). Кроме того, выходил и документальный киножурнал «Нова Србия» (на базе местного представительства «Уфа-фильм»), который нес положительный заряд и пропагандировал «налаживающуюся жизнь» недичевской Сербии — ухоженные детские учреждения, спортивные и культурные мероприятия, рост промышленного производства и сельского хозяйства, сербские добровольческие части и борьбу с неприятелями «Новой Европы» в Сербии[1]. Помимо собственно сербской кинопродукции, несомненное внимание сербской публики привлекали и иностранные фильмы, где принимал участие единственный сербский актер, прославившийся в европейском кино 30–40-х годов — Светослав «Иван» Петрович (1894–1962), сыгравший к началу войны роли в 69 фильмах (в том числе в 25 фильмах, снятых в 1933–1940 гг. в третьем рейхе). Определенное рекламное значение имели и визиты немецких кинозвезд второго и третьего ряда в Белград в 1942–1944 гг. в рамках гастрольных турне[2].

Пропагандистский характер кинематографической активности в оккупированной Сербии становится ясным уже на основании анализа цен на входные билеты: несмотря на инфляцию, эти цены сохранились с довоенных времен и были предельно низкими — 15 динаров на премьеры и 5 динаров на повторный показ. С самого начала оккупации контроль над деятельностью кинематографа являлся важным элементом управления пропагандой со стороны немецких, а потом и сербских властей. Уже с 1 мая 1941 г. вступил в силу Приказ военного коменданта Сербии о работе кинотеатров и аренде фильмов, который передал надзор за выдачей разрешений на показ фильмов исключительно в ведение немецких военных властей. Лишь в феврале 1943 г. был принят Указ о регулировании аренды фильмов, согласно которому контроль над ки-

[1] Архив Југословенске кинотеке. Центар за дигитализацију.

[2] Филмска звезда Шарлота Суза игра ових дана на бини у Београду: Разговор са славном глумицом и њеним партнером Тео Шалом // Ново време. 4. март 1942; Немачке филмске звезде гостују у Београду — У Београду гостују Едита Клавунда и Ерика Хелике // Обнова. 3.октобар 1942; Маргит Симо и Урсула Дајнерт у Београду // Ново време. 22. септембар 1943; Паула Весели воли Београд и Србе // Ново време. 22 јануар 1944; Лили Валдмилер-Београд је диван оквир за филм // Ново време. 6. фебруар 1944; Илзе Вернер стигла у Београд // Обнова. 29. март 1944.

inslav

нотеатрами переходил к сербской администрации, а именно — Министерству просвещения и вероисповеданий. В соответствии с этим новым указом были приняты меры для того, чтобы сделать кинотеатры более доступными и полезными для народа. Руководство кинотеатров было обязано показывать премьерные фильмы не менее 7 дней с тем, чтобы дать возможность ознакомиться с ними как можно большему числу зрителей. Кинотеатрам бесплатно доставлялись не только копии пропагандистских киножурналов, но и коротких «культурных» (т.е. научно-популярных и образовательных) фильмов. Согласно решению сербского Министерства просвещения, киносеанс должен был обязательно содержать три части: новостной киножурнал (сербский и/или немецкий), «культурный» фильм и лишь затем художественный фильм, заявленный на афише. Кроме того, недичевский оккупационный аппарат настаивал и на других изменениях в кинематографии и кинотеатрах. В 1942 г. вместо югославянских и английских (словенский «Триглав», английский «Сити»), а также интернациональных названий («Колосеум», «Унион», «Рекс», «Метропол», «Урания») многие сербские кинотеатры получили «национально выдержанные» имена по сербским географическим названиям («Златибор», «Ядран», «Србадия», «Опленац», «Косово», «Шумадинац», «Таково») или по идеологическим штампам («Двор», «Нова Европа», «Нова Србија»). В 1943 г. было осуществлено и решение об исключительно кириллическом шрифте при переводе иностранных фильмов[1].

Сербские театры в годы оккупации развивали свою деятельность в рамках того же направления, что и кинотеатры, — «создать у населения атмосферу спокойствия, оптимизма и уверенности в завтрашнем дне».

Приказы о деятельности театров, а также о варьете и кабаре были изданы военным комендантом Сербии в одном пакете с приказом о деятельности кинотеатров. Эти учреждения так же, как и кинотеатры, попали после оккупации под контроль пропагандистского отдела «С» (Propagandabteilung «S») при военном коменданте Сербии, организационно входившем в состав Пропагандистского отделения верховного командования вермахта. Отдел «С» формально должен был контролировать все СМИ (радиостанции и печать), кинематографию и кинотеатры, музыку и театр. Разумеется, число кабаре и варьете значительно превосходило число кинотеатров, причем они существовали не только

[1] Уредба о раду биоскопа и изнамљивању филмова // Ново време. 25. мај 1941; *Војиновић М.* Биоскопи у Београду 1941–1944. године. Београд, 2008.

inslav

в столице, но и в небольших городках, что повлекло за собой необходимость привлечь к контролю и цензуре сербских полицейских агентов. Как это было принято и в довоенной Югославии, помощь по надзору за деятельностью театров осуществляло Министерство просвещения, которое, впрочем, уже с 16 августа 1941 г. делегировало эту функцию специальному Отделению пропаганды при Совете комиссаров, а позднее при Совете министров Сербии[1]. Многочисленные варьете и кабаре специализировались на коротких юмористических бытовых скетчах, песнях и танцевальных номерах, некоторые из которых носили весьма фривольный характер. С 1 октября 1941 г. возобновил деятельность крупнейший сербский культурный институт в оккупированной Сербии — Народный театр в Белграде[2]. Его директор Йовано Попович со всем энтузиазмом и энергией поддержал политику Милана Недича по созданию «Новой Сербии» в Новой Европе. В репертуаре театра присутствовала национальная и европейская классика, значительную часть (но вовсе не большинство) представлений составляли европейские драматические постановки. Кроме Народного театра, в Белграде действовали мини-театры на съемных площадках: «Веселое утро» в зале лектория «Коларац», «Юмористы» в кинотеатре «Авала», «Сашин смешной театр» в кинотеатре «Таково», «Развеселье» в кинотеатре «Косово» и т.д. Фактически это были не полноценные театры, а временные небольшие труппы, разыгрывавшие короткие театральные представления легкого, шутливого содержания, которые должны были любыми средствами создать веселое и жизнерадостное настроение у жителей недичевской Сербии и заставить их забыть о тягостной и позорной оккупации. Близки к этим местам развлечений оказались и традиционные сербские институты — кафаны — рестораны кабацкого типа. В то время как днем большинство из них предлагали лишь скромные обеды для холостяков, в вечерние часы кафаны наполнялись многочисленными компаниями «прожигателей жизни», поглощавшими вино и ракию[3] под аккомпанемент ресторанных певичек, музыкантов или целых ансамблей, как это было в знаменитой русской кафане «Казбек». В этом контексте нельзя не вспомнить слова большого знатока русского Белграда и сербской кафаны В.И. Косика: «Отличие

[1] Отделение пропаганды занималось контролем и организацией публичных мероприятий, таких как театральные постановки, лекции, выставки и др.

[2] Уредба о вођењу позоришта, Уредба о кабаретима и вариетима // Ново време, 25. мај 1941. *Марковић В.* Театри окупиране престонице. Београд, 1998.

[3] Это были ненормированные в недичевской Сербии товары, подобно пиву, которое продавалось без карточек в рейхе (*Васильчикова М.* Берлинский дневник, 1940–1945. М., 1994).

inslav

белградского ресторанного театра... состояло, прежде всего, в том, что в нем соединялись черты и элементы площадного искусства с классическим, взращенным на поле культуры» [1].

Образовательную политику недичевской Сербии можно определить как попытку приобщения сербской молодежи к национальным, традиционным и православным идеям, с одной стороны, и как попытку истребить у той же молодежи ростки интернационализма, либерализма, коммунизма и атеизма. При этом М. Недич и проводившие его политику люди не столько опирались на традиционный (достаточно либеральный) дух сербской школы, сколько пытались сконструировать нечто новое — среднее производное между казармой и монастырем. Недаром Министерство просвещения стремилось изгнать из рядов учителей не только всех несербов (о чем выпускались соответствующие законы), но и женщин (что декларировалось на страницах многочисленных специальных и популярных изданий)[2]. Среди общих приоритетов при построении «крестьянской сербской государственности Новой Сербии» стало и сокращение числа гимназий, дающих якобы «бесполезное» образование и плодящих потенциальных бунтовщиков или бюрократов. Взамен предполагалось увеличить количество учащихся в ремесленных и сельскохозяйственных училищах.

В соответствии с этими идеями было реформировано Министерство просвещения, в составе которого появлялись новые отделы и преобразовывались старые, меняя характер своей деятельности. Новые отделы оказались востребованы в связи с тем, что Министерству просвещения были переданы и другие сферы деятельности: вопросы вероисповедания (рассматривавшиеся до этого отдельным министерством) и среднее профессиональное образование (находившееся до этого в ведении министерств торговли и народного хозяйства). Вновь созданные отделы предназначались и для осуществления особых программ: отдел народного просвещения — для борьбы с неграмотностью и культурной неразвитостью, отдел физического воспитания — для заботы о здоровье

[1] Театр на ресторанных подмостках, или О том, как русские умели веселить // Косик В.И., Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции. Москва, 2007. С. 129.

[2] Наша жена данас и сутра // Наша борба. 7. јун 1942; Размишљања о будућој женској средњој школи // Просветни гласник. јануар–фебруар 1942; Светосавска школа // Просветни гласник. новембар 1942; Уредба о школама и течајевима за дома ћице // Службене новине. 12. фебруар 1943; Учена или разумна жена // Коло. 31. јул 1943; Извештај о раду Просветног одбора // Просветни гласник . новембар-децембар 1943.

inslav

народа, отдел преподавания — для улучшения методики преподавания и решения хронической проблемы сербского образования — разрыва в программах и требованиях начальной и средней школы, а также для повсеместного углубленного преподавания немецкого языка (необходимого в «Новой Европе»). Более широкое изучение немецкого языка в школах стало причиной открытия Министерством просвещения ускоренных летних курсов для лиц, знавших немецкий и желавших преподавать его в средней школе[1].

Всю эту кипучую реформаторскую деятельность развил Велибор Йонич, довоенный праворадикальный общественный деятель, который с небольшими перерывами возглавлял Министерство просвещения и при Ачимовиче и при Льотиче[2]. Его реформы сводились не только к изменению структуры Министерства просвещения, превратившегося в Министерство просвещения и вероисповедания, но и к ряду коренных перемен в учебном процессе сербских школ. Однако, в первую очередь, Министерству просвещения предстояло решить многочисленные проблемы, связанные с нехваткой школьных помещений и инвентаря, уничтоженных в ходе восстания осенью 1941 г. и при его подавлении. Проблему усугубляло и то, что немецкие и сербские воинские и полицейские части частенько реквизировали школьные здания для своего размещения. Министерство просвещения вело борьбу буквально за каждую школу, осуществляя активную переписку с М. Недичем и заклиная его помочь в обеспечении детей и учителей крышей над головой. Стоит отметить, что после оккупации на территории недичевской Сербии существовало 84 гимназии, 8 торговых академий, 4 средние технические школы (без торговых и ремесленных школ, которые не подчинялись Министерству просвещения), 2 женские учительские средние школы и 2 250 начальных школ. Однако в силу ряда причин (разрушение школьных зданий в ходе военных действий, их реквизиция для нужд оккупационных войск и др.) к 1 сентября 1941 г. действовало всего 2 112 начальных школ, в которых обучались 365 583 ученика, и 73 гимназии, в которых обучались 53 383 ученика. К 1943 г. в Западной и Восточной Сербии было выстроено 22 и отремонтировано 20 начальных школ, вместившие 575 классов,

[1] Службене новине. 6. август, 1941, 6. јануар. 1942, 17. март 1942., 15. мај 1942., 10. октобар 1942., 9. фебруар 1943; *Симић М.* Школство у Срба у 19. и првој половини 20. века. Београд, 2003.

[2] В 1946 г. на известном Белградском процессе В. Йонич предстал перед судом в титовской Югославии как высший представитель гражданской власти недичевской Сербии (М. Недич и Д. Льотич к тому времени были уже мертвы). Он был осужден и расстрелян за коллаборационизм.

inslav

а число учеников возросло на 25 132 человека[1]. Тем не менее, полностью решить проблему нехватки школьных зданий не удалось до самого конца оккупации. Значительные трудности имелись также с финансированием учителей и сотрудников министерства — их заработная плата, и без того небольшая, с началом войны полностью съелась инфляцией, что вместе со сбоями в действии карточной системы привело к вынужденному частичному переходу в 1944 г. на натуральную оплату труда. Кроме того, в зимнее время возникали постоянные проблемы с дровами, которых то и дело не хватало для нормального функционирования школ[2].

Наиболее четко основные направления политики образования недичевской Сербии можно проследить на примере тех изменений, которые вносились в образовательные планы и учебные пособия для сербской начальной и средней школы. Хотя сербские школы проработали по новым планам всего два учебных года (1942 / 1943, 1943 / 1944), эти изменения значительно повлияли на дальнейшее развитие сербского образования.

Было бы неверным считать, что все преобразования закончились лишь заменой определения «югославский» на «сербский» и чисткой «левых» и «национально-ненадежных» кадров. Изменения носили более глубокий и структурный характер. Часть мер была обусловлена оккупацией: увеличение роли немецкого языка вело к расширению и углублению его изучения, в том числе и за счет ликвидации преподавания французского. Предпринимались также попытки ввести широкое преподавание итальянского языка. Существовали проблемы с преподаванием политической и национальной географии в условиях неясных границ «Новой Европы». Причем эти проблемы с «землеописанием» имели столь глубинный характер, что географию было решено вовсе исключить из образовательных предметов и соединить ее с историей в единую учебную дисциплину «Отечество и его прошлое». Но и по этому предмету учебник так и не был написан до конца оккупации. Чтобы занять детей и отвлечь их от «вредных» идей увеличивалось число уроков гимнастики, больше внимания уделялось внеклассным занятиям (кружкам). Для девочек был впервые в Сербии введен предмет «Домоводство и материнство». Любопытно, что преподавание этого предмета сохранялось в сербских (югославских школах) и в послевоенное время, пока не было отменено на волне эмансипации на закате титовской Югославии.

[1] Ново време. 8. септембар, 1941; Обнова. 11. јуни, 1943; Просветни гласник. новембар-децембар 1943.

[2] *Шкодрић Љ.* Министарство просвете и вера у Србији, 1941–1944. Судбина инсттуције под окупацијом. Београд, 2009. С. 69–165.

inslav

Впервые сербские дети получили предмет «Гражданское образование и воспитание» для прямой индоктринации детей в нужном для государства направлении (этот предмет существует в сербских школах до сих пор)[1].

Еще одним нововведением стала коренная реформа изучения сербской литературы и изменение списка книг для обязательного чтения. При этом дело не ограничивалось критикой либерального довоенного учебника Йована Скерлича. В школьную программу были впервые включены произведения сербских литераторов XX в. Многое из того, что ввел в школьную программу недичевский министр В. Йонич (а точнее его заместитель В. Велмар-Янкович) в настоящее время считается классикой сербской литературы: стихи Исидоры Секулич, Десанки Максимович, Владислава Петровича-Дича, проза Милоша Црнянского, Иво Андрича, Владимира Велмар-Янковича. Наряду с ними в программу включили и произведения правых писателей-почвенников: М. Кашанина, Г. Божовича, С. Стефановича, Б. Лазаревича, подвергшихся после 1944 г. преследованию титовского режима[2]. В лучших традициях тоталитарного государства школы были, по личному указанию М. Недича, украшены лозунгами и призывами: «Мир, порядок, труд и единство — это спасение Сербии», «Только единство спасет Сербию», «Все ради Сербии» и т.д.[3]

Стоит отметить, что полных оборотов недичевская образовательная политика так и не достигла: ни Академия наук, ни Университет, формально подчинявшиеся Министерству просвещения и вероисповедания, до конца оккупации так и не начали полноценно работать из-за запрета со стороны немцев. И дело тут вовсе не в левацко-либеральных настроениях, по словам недичевско-летичевских пропагандистов, якобы пропитавших эти учреждения. Руководство рейха не желало допускать возрождения деятельности этих опор национального духа страны так же, как до самого конца оккупации не позволило М. Недичу создать полноценные вооруженные силы. В Университете была проведена чистка преподавателей и студентов, но оставшиеся так и не приступили к работе. Единственной учебной деятельностью в Университете была сдача государственных и очередных экзаменов студентами последнего

[1] При смене властей в 1944, 1990, 2000 гг. в Белграде этот предмет радикальным образом менял свое содержание, но упорно выживал в учебном плане. В настоящее время он называется «гражданское воспитание».

[2] *Шкодрић Љ.* Утицај окупационих власти на ревизију наставних програма и уџбеника у Србији 1941–1944 // Војно-историјски гласник. Бр. 1, 2009.

[3] Решение Совета министров от 22 мая 1942 г. (*Borković M.* Kontrarevolucija u Srbiji. Kvislinška uprava 1941–1944. Beograd, 1979. Knj. 2. S. 92).

inslav

года обучения. Особо заслуженные лица (участники подавления восстания осени 1941 г.) или их родственники могли получить высшее образование в университетах рейха по стипендии правительства М. Недича (200–250 рейхсмарок в месяц). Этой возможностью воспользовались свыше тысячи человек. Лишь в декабре 1943 г. было получено согласие немецкого коменданта Сербии на возобновление деятельности университета, однако число лиц, решивших поступать на философский, юридический, богословский, технический, медицинский, сельскохозяйственный факультеты оказалось немногим больше (414), чем число прошедших чистки и оставшихся на факультетах преподавателей (322)[1].

Как уже отмечено выше, попытка индоктринации сербской молодежи соседствовала с борьбой с «вредными» для построения «Новой Сербии» идеями и взглядами. Эта борьба проводилась не только полицейскими, но и «воспитательными» мерами. Они выражались в деятельности Института по принудительному воспитанию молодежи в г. Смедеревска-Паланка, основанному Министерством просвещения. Показательно, что создание этого учреждения было одним из ключевых обвинений в судебном процессе над В. Йоничем. Титовская историография однозначно характеризовала это учреждение как «концентрационный лагерь для молодежи» и «молодежную тюрьму»: в учреждении присутствовал карцер, заключение в Институт было насильственным, периметр огорожен колючей проволокой, а у входа находились ДЗОТы. Институт использовал территорию и бараки предыдущего учреждения — лагеря для интернирования, где довоенное правительство Д. Цветковича держало своих политических противников[2].

Объективности ради стоит привести и мнения бывших сотрудников Министерства просвещения недичевской Сербии, работавших в Институте в г. Смедеревска-Паланка. Согласно воспоминаниям воспитателя Института М. Кубуровича, поводом к основанию этого учреждения стало то, что среди сербской молодежи (14–18 лет) имелось значительное число малолетних сторонников партизан. Немецкий способ решения этой проблемы был слишком жестоким — расстрел в случае вооруженного сопротивления и концентрационный лагерь в случае проявления симпатий к коммунистам. По словам сотрудника Министерства просве-

[1] *Ђорђевић Б.* Универзитет у Београду 1863–1963 // Годишњак града Београда, књ. 10 (1963). С. 5–79; *Borković M.* Op.cit. S. 95–102.

[2] *Borković M.* Kontrarevolucija u Srbiji. Kvislinška uprava 1941–1944. Beograd, 1979. Knj. 2. S. 92; см. о практике политзаключения в лагеря в предвоенной Югославии: *Милорадович Г.* Карантин идей: Лагеря для изоляции «подозрительных лиц». М., 2010.

inslav

щения Р. Павловича, Льотич инициировал создание Института, потрясенный известием о том, что в апреле 1942 г. немцы вывезли из сербского лагеря Баница 700 человек (17–25 лет) и отправили их без объяснений в концентрационный лагерь в Норвегии. Институт начал работу с сентября 1942 г. Его руководитель М. Попович так сформулировал цели деятельности Института: спасти от смертной казни тех молодых людей, кто участвовал в партизанском движении; изолировать индоктринированную коммунистами молодежь от прямого влияния пропагандистов КПЮ; путем педагогических мер и образования перевоспитать эту молодежь; активизировать перевоспитанную молодежь в борьбе за идеалы Новой Сербии. Согласно положению об учреждении Института, он был создан как интернат для молодых людей обоего пола (учеников средних школ, студентов и неучащихся) в возрасте 14–25 лет, которые «своим поведением не продемонстрировали достаточного чувства порядка и дисциплины или неправильно поняли свои национальные обязанности» и направлялись в Институт Министерством внутренних дел, Министерством просвещения либо родителями (опекунами). Пребывание в Институте ограничивалось сроком от 6 месяцев до 3 лет. Преподавателей и воспитателей поставляло Министерство просвещения, а охрану, на случай внешнего нападения, без права вмешательства во внутренние дела Института — Министерство внутренних дел.

Находясь в Институте, молодые люди были обязаны участвовать в образовательном процессе по одной из программ: курсы начальной грамотности; основная школа и гимназия; средняя педагогическая, торговая, сельскохозяйственная школы (время для занятий в классе 7.30–12.15, для выполнения домашнего задания 15.00–16.00, 19.30–20.30). Для повышения образовательного уровня питомцев при Институте имелась библиотека с читальным залом, террариум, аквариум, экспериментальная ферма, работали научные кружки. Молодежь Института выпускала журнал (несколько раз в год) и газету (еженедельно). Действовали ученические клубы: литературный, театральный, музыкальный, спортивный и шахматный (время для организованного отдыха и спорта 17.15–18.45). Для приучения молодежи к труду (во внеурочное время) молодым людям предлагалось получить трудовую специальность в подсобном хозяйстве Института или в какой-то из 14 ремесленных мастерских: столярной, слесарной, плетения из прутьев, рисовальной, швейной, обувной, переплетной, фотографической и т.д. (одно занятие с 14.15 до 15.00). Доход от работы в этих мастерских вкладывался в ученический кооператив, который способствовал разнообразию рациона питания. Еще одним стимулом в воспитании было право на каникулы, предоставлявшееся от-

inslav

личившимся питомцам. Пропаганду осуществляли политические курсы и семинары, на которые приезжали читать лекции самые авторитетные пропагандисты недичевской Сербии, в том числи и сам Д. Льотич. (время политзанятий 16.00–17.00). Этот четкий, нормированный распорядок дня оставлял питомцам от самого момента побудки (в 6.00 утра) очень мало незанятого свободного времени — всего полчаса перед отбоем, который был сравнительно рано в 21.00. Лишь по выходным и праздникам воспитанникам разрешалось поспать до 7.15 и лечь в 22.15. В такие дни в дообеденное время они могли (по желанию) посетить церковь или позаниматься спортом, а после обеда организованно отправлялись в город в кино или на футбольный матч местных команд (15.00–19.00). Перед сном организовывались танцы или театральная постановка (20.00–22.00). При этом и в будние, и в выходные дни в Институте был введен обязательный тихий час с 13.00 до 14.00.

Питомцы Института были поделены не только по половому признаку: женское и мужское отделения с раздельным проживанием и обучением. Внутри каждого отделения, в свою очередь, имелось три группы: студенты, старшеклассники, рабочая молодежь из города и деревни. Эта образовательная классификация влияла на то, какой курс «политического семинара» они проходили в школе (расширенный, средний или сокращенный с особым вниманием к рабочему и крестьянскому вопросу). Программа политической подготовки питомцев первых групп включала следующие дисциплины:

1.Философия: введение в философию (психология и логика); история философии (Аристотель, Платон, Декарт, Спиноза и др.); школа психоанализа; исторический и диалектический материализм; русская религиозная и философская мысль (славянофилы, Достоевский и Бердяев); 2. Политика: Макиавелли, Каутский, Бернштейн, Манн, Маркс и славянство, Энгельс — «Анти-Дюринг», «Коммунистический манифест 1848», «История ВКП(б)», Ленин — о государстве и религии, Сталин — вопросы ленинизма, Конституция СССР; Коминтерн и КПЮ против Югославии и Сербии; Тито и партизанское движение; Недич и его роль под оккупацией; 3. Социология и экономика: основы социологии (по Питириму Сорокину); основы экономики (экономические термины); марксистская социология и экономика; Маркс — «Капитал» — теория о накоплении капитала; критика марксистской социологии и экономики; христианство и органическое понимание общества; 4. Национальная история: история Югославии; культурные и исторические проблемы народов Югославии; критика диалектического материализма в истории; антропогеография; Балканский полуостров и его население по Й. Цвии-

inslav

чу; 5. Национальная и мировая литература: народная поэзия и ее роль; критика диалектического материализма в литературоведении; сербская художественная литература XIX и XX веков; главные тенденции развития мировой литературы XVIII–XX вв.; советская литература — Есенин, Горький, Островский и Эренбург.

Для того чтобы питомцы могли самостоятельно убедиться в том, что им говорили лекторы, на столах учеников появлялись довоенные нелегальные издания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. На политических курсах работа шла в форме лекций, дискуссий, анкетирования и письменных работ с разнообразными темами: «Мои политические убеждения», «Сильные и слабые стороны исторического материализма", «Что я думаю про Тито», «За Св. Саву или за Маркса» и т.д. При этом питомцы, выразившие политические взгляды, противоречившие тому, что рассказывал лектор, не наказывались. Единственным критерием оценки была способность логично и ясно мыслить.

За время существования Института через него прошли 1270 человек (840 учеников и 430 учениц), 120 из них получили аттестат об окончании гимназии. Большинство молодых людей по окончании положенного срока возвращались к прерванным занятиям или работе. Однако у некоторых в силу активной политической индоктринации дело дошло до полного изменения жизненного пути — они присоединились к организованной борьбе с коммунистами в аппарате недичевской Сербии (55 человек), в СДК (44), в СДС (34) и в отрядах генерала Д. Михайловича (25). Только семь молодых людей, которые вскоре после прибытия в Институт попытались организовать там вооруженное восстание в апреле 1943 г., были признаны невоспитуемыми и отправлены в «лагерь» Баница. Еще одним показателем успешной деятельности Института было то, что 6 питомцев Института были приняты на работу в Институт в качестве воспитателей с дипломом его учительской школы[1].

Нельзя не отметить, что реакция сербского общества на коллаборационистскую пропаганду была достаточно вялой. Повседневная жизнь гражданского населения (особенно в провинции) продолжала идти своим чередом, людей куда больше волновала нехватка и дефицит

[1] *Кубуровић П.М.* Васпитни завод у Смедеревској Паланци 1942–1944. Записи из добровољачке борбе. Минхен, 1954. Књ. II; Правилник о унутрашњем реду и владању у Вас. Заводу у Смедеревској Паланци, б.м., б.и.; Службене новине. 15 јула 1942; 21. јануара 1943; 19. фебруара 1943; Прослава годишњице рада Завода за принудно васпитање у Смедеревској Паланци // Обнова. 9. октобар 1943; На новом путу. Бивши питомци Васпитног завода у Смедеревској Паланци ступају у доборволјачке редове. 13. октобар 1943.

inslav

жизненно-необходимых вещей, чем идеологические потуги недичевско-льотичевских геббельсов. В целом это было обусловлено социальной закрытостью моноэтничных районов центральной Сербии, хотя на ее южных границах — в Рашской области, в Косово, в пограничных с Болгарией районах — имела место напряженность межэтнических и межконфессиональных отношений, которые, впрочем, приводили к вооруженному, а не пропагандистскому противостоянию. Исключения составляют изменения в государственно-административной структуре в Восточной Сербии, где велась активная болгарская пропаганда, однако это выходит за рамки нашей статьи. В целом отношения военной администрации, оккупационных, коллаборационистских и карательных органов к населению в недичевской Сербии после подавления восстания было спокойным. Хотя это «спокойствие» и не достигало уровня «умиротворения» Голландии или Дании, все же стабильность жизни была более высокой, чем в Хорватии или Боснии. Борясь с приверженцами левых взглядов, присущих движению Сопротивления, коллаборационистское правительство имело специфическую возможность шире опереться на идеологические рычаги, а не ограничивалось попыткой истребления противоположной стороны, как это было в соседней Хорватии. В этой борьбе идеологий велика была не только роль традиционных взглядов сербского общества, религии и общественных организаций, но и попытка придать существующему положению «вид нормальной жизни» путем активного использования развлекательных театральных представлений, киносеансов и радиопрограмм. Этот смех сквозь слезы был призван заставить население Сербии забыть о волнах беженцев, тысячах военнопленных, заточенных в лагеря и казненных. Кроме оптимистического настроения, недичевская администрация пыталась укрепить в сербах те принципы, которые считала полезными для Новой Сербии: семейные ценности; укрепление традиционной роли женщины; заботу о детях и религиозность. При всей видимой безобидности этих усилий за ними скрывалась попытка идеологически вымостить путь Сербии в «Новую Европу» и обеспечить безмятежное существование оккупационного аппарата, эксплуатировавшего сельское хозяйство и природные ресурсы Сербии. Фальшивость и бесперспективность недичевской пропаганды становились все более заметны гражданам Сербии, которые все меньше и меньше доверяли М. Недичу. В то же время нельзя не отметить, что правительство М. Недича было единственной альтернативой полного раздела сербской территории между венгерской, хорватской, албанской и болгарской зонами оккупации, в которых жизнь сербов была намного тяжелее. В этих условиях нормальное функционирование сербских

inslav

школ, помощь беженцам, сиротам и семьям военнопленных были бы невозможны. Может быть, именно поэтому сейчас, спустя семь десятилетий, деятельность генерала М. Недича в годы войны вновь привлекает внимание историков в Сербии[1].

А. Животич
(Белград)

Косовская проблема в отношениях компартий Албании и Югославии на завершающем этапе Второй мировой войны

В межвоенный период в Албании действовали малочисленные, разрозненные коммунстические группы, которые после 1937 г. стали выступать с троцкистских позиций, что дало Коминтерну повод к их роспуску. Из-за отказа подчиниться директиве спустя два года было решено поручить реорганизацию этих групп югославской компартии[2]. Таким образом, получив коминтерновский мандат, И. Броз Тито уполномочил Миладина Поповича, секретаря областного комитета КПЮ по Косово и Метохии, создать партийную организацию в Албании, но не ставить вопроса о партийном руководстве, дав ситуации созреть[3]. Попович через Фадиля Ходжу, Эммина Дуракуа и албанского студента из Белграда Танаса Зике сумел быстро установить связь со скадарской коммунистической группой. Начатая Поповичем работа была прервана в начале Второй мировой войны из-за его ареста в Албании. Когда контакты были восстановлены, областной комитет КПЮ по Косову и Метохии направил в Албанию, в духе коминтерновской директивы, Душана Мугошу, который в сентябре 1941 г. провел десять дней в Тиране. Здесь он встречался с албанскими коммунистами, за исключением недоверявших ему членов группы из Корчи[4]. Вскоре в Витомирицу под Печем, где распола-

[1] Новый научно-исследовательский проект Министерства науки Сербии (с 2011 г.), имеет особый подпроект, посвященный различным аспектам жизни недичевской Сербии, ее общества в целом и различных социальных групп.

[2] *Бартл П.* Албанци. Од средњег века до данас. Београд, 2001. С. 227.

[3] *Дедијер В.* Југословенско-албански односи 1939–1948. Београд, 1949. С. 15–17.

[4] *Mugoša D.* Na zadatku. Beograd, 1975. S. 21.

inslav

гались косовские коммунисты, прибыли албанцы с просьбой о помощи в создании партии. В это же время Мугоша, вновь посланый в Албанию, организовал бегство М. Поповича из лагеря[1].

Попович и Мугоша позднее несколько раз тайно встречались с представителями скадарской и корчанской групп, а также с членами «группы молодых». После переговоров представители трех групп высказались за участие в создании на совместной конференции партии с включением в нее всех своих членов. Учредительная конференция состоялась нелегально в Тиране 8 ноября 1941 г. На ней избрали временное руководство партии, приняли резолюцию и провозгласили манифест. Первой значительной акцией явилась организация массовых демонстраций в Тиране. Быстро была создана и молодежная организация. Дальнейшая деятельность была направлена, по советам Поповича и Мугоши, на формирование партийных ячеек в стране[2]. Зимой 1941–1942 гг. начался процесс создания албанской коммунистической партии. Работа по превращению партии в массовую партию шла очень быстро. Этому способствовала как международная обстановка, так и характер итальянского оккупационного режима в Албании. Довольно быстро были сформированы небольшие партизанские группы, которые также быстро вступили в борьбу. Югославское влияние на организацию и принципы действий албанских коммунистов росло, а югославский опыт превращался в своего рода практическое руководство и справочное пособие для будущей работы партии[3].

Достаточно быстро созрели условия для созыва первой учредительной партийной конференции, в чем сыграло роль руководство югославской коммунистической партии, сумевшее обеспечить поддержку Коминтерна. Сообщение о работе албанских коммунистов доставил Душан Мугоша, который больше двух месяцев по территории, контролируемой итальянцами, немцами и четниками добирался до Боснии. Йосип Броз принял приглашение албанской компартии прислать на конференцию своего представителя[4]. Делегатом был избран Блажо Иованович, к которому позже присоединился Войо Тодорович. Югославская делегация прибыла в Лабинот 16 декабря 1942 г. с сообщением, что Коминтерн признал албанскую компартию. Одновременно с укреплением партийной организации усиливалось и партизанское движение во главе с ал-

[1] *Дедијер В.* Указ. соч. С. 17.

[2] Там же. С. 22.

[3] Там же. С. 23.

[4] *Petranović B.* Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991. S. 53.

inslav

банской компартией. Радиостанция «Свободная Югославия» своими выступлениями и сообщениями об акциях албанских партизан вносила значительный вклад в признание их движения.

Подготовка к первой учредительной конференции продолжалась до марта 1943 г. Она проводилась через выборы на партийных форумах первичного уровня представителей для участия на конференции, которая состоялась в Лабиноте 17–22 марта 1943 г. при участии 50 избранных делегатов. На ней были определены организационные рамки партии и приняты важные решения по вопросу о создании народно-освободительной армии. Ведущую роль в организации конференции, подготовке решений и докладов, а также в формулировании резолюций имели югославские представители. Специальный югославский эмиссар Светозар Вукманович-Темпо посетил Албанию два раза — в марте и июле 1943 г., оказав влияние на организацию вооруженных отрядов и их активную борьбу против балистских (Бали комбетар) и оккупационных войск[1]. При его участии в июле 1943 г. был создан Верховный штаб Народно-освободительной армии Албании, а в августе — и действующее соединение — Первая бригада[2]. Он повлиял на формирование нового курса политики албанских коммунистов по отношению к Бали комбетар[3].

Летом 1943 г. значительно расширилась свободная территория. Капитуляция Италии придала значительный импульс усилению партизанского движения[4]. Попытка немцев совместным наступлением с националистическими албанскими формированиями зимой 1943–1944 гг. нанести поражение Народно-освободительной армии не дала результатов. В начале 1944 г. уже насчитывалось семь бригад Народно-освободительной армии Албании, а летом того же года была создана и дивизия[5]. Действия албанской партизанской армии распространились и на северные районы страны. Под влиянием коммунистов укреплялся и Народно-освободительный фронт. На первом Антифашистском кон-

[1] AJ, 507/IX — KMOB ЦК СКЈ, Албанија, I/I I-19, Директивно писмо Бироа ЦК Албаније окружним комитетима КП Албаније од 3, новембра 1943.

[2] *Дедијер. В.* Указ. соч. С. 24.

[3] *Vukmanović V.* Revolucija koja teče. Beograd, 1971. T. 1. S.172.

[4] О распаде итальянской оккупационной системы на территории Албании подробнее см.: *Bergvin Dž. H.* Imperija na Jadranu. Musolinjevo osvajanije Jugoslavije 1941–1943. Beograd, 2007; *Nenezić D.* Jugoslovenske oblasti pod italijanskom okupacijom (1941– 1943). Beograd. 1999.

[5] *Petranović B.* Op.cit. S. 55.

inslav

грессе в Пермете 24 мая 1944 г. по югославскому примеру было создано Антифашистское вече национального освобождения Албании и Национальный комитет в качестве временного албанского правительства[1].

Таким образом, процесс, начатый формированием коммунистической партии и продолженный созданием вооруженных партизанских соединений развернутого антифашистского фронта, завершился созывом временного парламента и назначением правительства. Все это происходило под определяющим югославским влиянием. Опираясь на значительную помощь, материальную и консультационную, югославских коммунистов, албанцы копировали их революционный опыт, применяя его в других условиях, совершенно не похожих на существовавшие в тот момент в Югославии.

Помимо того, что в Албании югославское партийное руководство пыталось создать крепкую партийную и военную организацию, оно, учитывая менявшуюся ситуацию на мировом театре военных действий в конце 1942 г., в свою очередь действовало в направлении расширения активности на юге Балкан. С этой целью на юг страны был послан С. Вукманович-Темпо с заданием способствовать расширению и усилению борьбы на территории южной Сербии, Македонии, Косова и Метохии и установлению связи с представителями коммунистических партий Греции, Болгарии и Албании[2]. Югославское руководство собиралось определенным образом подготовиться на случай переноса военных операций на Балканы, что могло из-за возможной союзнической помощи другим албанским антифашистским политическим движениям поставить под угрозу успехи прокоммунистического партизанского движения. О характере этой миссии знали только Броз Тито и Вукманович[3]. Помимо координации вооруженной борьбы речь шла о сохранении и обеспечении революционной перспективы. Активные действия Вукмановича достаточно быстро дали первые результаты. Договоренности о взаимном сотрудничестве представителей коммунистических движений Югославии и Албании были приняты 20 июня 1943 г. Осуществлять его планировалось путем создания общего штаба. Помимо военного взаимодействия, имелись и долгосрочные политические планы, поскольку предполагалось обеспечение победы народно-освободительных сил после уничтожения фашизма через создание необходимых условий уже в ходе войны[4].

[1] *Дедијер В.* Указ.соч. С. 25.

[2] *Petranović B.* Op. cit. S. 62.

[3] *Vukmanović S.* Op. cit. S. 168.

[4] *Petranović B.* Op. cit. S. 62.

inslav

Организация совместной борьбы сталкивалась со значительными сложностями. Особой проблемой было поведение албанцев в Косове и Метохии, которые проявляли явные признаки ненависти по отношению к местным сербам. В подходе к этому вопросу присутствовали расчеты на то, что переселение большего числа албанцев из Албании на территорию Косова и Метохии может поспособствовать мобилизации югославских албанцев на борьбу с немецкими фашистами[1]. Отсюда вытекало и югославское требование к Главному штабу народно-освободительной армии Албании направить на территорию севернее Скадара партизанские отряды. С этой целью командиром всех партизанских сил в Косове и Метохии был назначен Фадиль Ходжа. Идея состояла в том, чтобы предложить албанцам политическую перспективу участия в коммунистическом партизанском движении и предотвратить возможность их вступления в Бали комбетар. С другой стороны, существовали опасения, что эта инициатива вызовет негативную реакцию у сербов, проживавших на тех территориях.. Проблема мобилизации албанцев ставилась на повестку дня и в Македонии[2]. Предполагалось, что главный штаб Народно-освободительной армии Албании отправит в этот район Ходжи Леши, который установит тесное сотрудничество с македонскими партизанами в пределах Эльбасана с целью полного овладения этой областью и разрыва коммуникаций по линии Корча-Эльбасан[3]. Считалось, что необходимо сконцентрировать греческие партизанские отряды в районе Костурья, албанские — в окрестности Корчи, а югославские — на территории Охрид-Битоль. На новой встрече албанских, греческих и югославских представителей 12 июля 1943 г. было решено создать совместный штаб как основу будущей конфедерации. Планировалось, что в его составе будет четыре командира и четыре политических комиссара[4].

Активность Вукмановича в создании Балканского штаба встречалась с противодействием в Македонии, где существовали межнациональные трения. Уже осенью 1943 г. Броз Тито подверг сомнению идею создания такого штаба[5]. Как и почему отказались от этого решения, до настоящего времени точно не известно. Однако можно предположить, что с одной стороны, это было связано с опасением возможного распыления автохтонной югославской революции и ее завоеваний, в новом идеоло-

[1] Ibid.

[2] *Бартл П.* Албанци. Од средњег века до данас. Београд, 2001. С. 228.

[3] *Petranović B.* Op. cit. S. 62.

[4] *Vukmanović S.* Op. cit. S.175.

[5] *Petranović B.* Op. cit. S. 66.

inslav

гическом, военном и политическом окружении. С другой стороны, можно говорить о причинах внешнеполитического характера: возможной негативной реакции западных союзников, поддержка которых в условиях острого гражданского конфликта и борьбы за власть в Югославии была столь необходима Броз Тито.

Хотя югославские коммунисты усиливали свое влияние в Албании, постепенно стали оживать проблемы, которые существовали в предшествующие десятилетия. Фашистская оккупация Албании и югославских территорий, населенных албанцами, в сущности ничего не изменила в отношении старой концепции албанского этноцентризма. Все три силы сопротивления албанского народа — квислинги, ориентированные на Запад антифашисты, и, наконец, коммунисты (последние правда не ставили этот вопрос программно вследствие специфических отношений с югославской стороной), — все они выдвигали проект Великой Албании в качестве одного из национальных приоритетов[1]. Однако пропаганду в пользу албанской национальной интеграции албанские коммунисты, участвовавшие в народно-освободительном движении на территории Югославии, все же проводили. С другой стороны, албанское население в Югославии держалось в стороне от народно-освободительного движения, угадывая в нем силу, которая ставит целью восстановление прежнего механизма межнациональных отношений[2]. Межнациональные противоречия оказывали влияние и на отношения между двумя направлениями партизанского движения[3].

В период, когда ожидалось поражение Италии, в отношениях между двумя компартиями активизировался вопрос и о Косове и Метохии[4]. Тогда как большинство албанского населения Югославии публично выступало за присоединение к Албании, руководство албанских коммунистов, поскольку оно в то время было зависимо от югославского народно-освободительного движения, попыталось ускорить рассмотрение вопроса о послевоенном статусе Косова и Метохии[5]. Было очень сложно

---

[1] *Борозан Ђ.* Велика Албанија. Поријекло. Идеје. Пракса. Београд, 1995. С. 237.

[2] *Petranović B., Dautović S.* Jugoslavija, velike sile I balkanske zemlje, 1945–1948. Iskustvo «narodne demokratije» kao partijske države. Beograd, 1994. S. 82.

[3] AJ, 507/IX — КМОВ ЦК СКЈ, Албанија. I/I — 6. Проглас народу Косова из децембра 1943.

[4] Там же. Албанија, I/I- 2. Вопрос Косово (статья опубликована в «Башкими» 1943, без даты).

[5] *Коматина М.* Енвер Хоџа и југословенско-албански односи. Београд, 1995. С. 34.

inslav

найти компромиссное решение и удовлетворить оба основных народа, один из которых, сербы, были против присоединения этих областей к Албании. Албанское руководство попыталось предотвратить возможное проюгославское решение, расширив компетенцию главного штаба Народно-освободительной армии Албании на территорию Метохии[1]. Однако вследствие негативной югославской реакции, обозначенной в письме Й. Броз Тито С. Вукмановичу от 6 декабря 1943 г., в котором он выступил против возможной передачи Косово и Метохии Албании, албанское руководство было вынуждено дистанцироваться как от квислинговского проекта независимой Албании, так и от проекта Великой Албании, предлагаемого балистами[2]. Югославская партийная верхушка выступила против позиции югославского партийного инструктора в Албании М. Поповича, который был захвачен идеями интернационализма, и очевидно под влиянием этой идеологии, предлагал передать Косово и Метохию Албании[3]. Было ясно, что проблема в годы войны еще не созрела для решения. Югославские коммунисты исходили из принципа уважения права каждой нации на самоопределение, но албанцы рассматривались в качестве национального меньшинства. Кроме того, югославская сторона опасалась ставить этот вопрос в период слабости народно-освободительного движения в Албании.

Отсутствие упоминания проблемы Косова и Метохии на втором заседании АВНОЮ вызвало быструю реакцию албанцев. В то время, когда шла подготовка к съездам областных антифашистских веча, партийное руководство Косова и Метохии настаивало на созыве конференции, на которой присутствовали бы делегаты от всех трех народов, то есть собственно албанцы, косовские албанцы и сербы, а также все сословия и политические направления. По инструкции центральных органов заседание областного партийного комитета Косова и Метохии не предусматривалось[4]. Албанская сторона, в ответ на это, попыталась поставить югославское руководство перед свершившимся фактом и продемонстрировать политическую волю албанского народа. Речь шла о протесте против постановлений АВНОЮ, в которых не упоминались албанцы. Фадиль Ходжа и Исмет Шачири попытались обеспечить албанское большинство на предстоящей конференции[5]. Делегатов на нее выбирал

[1] *Petranović B.* Op. cit. S. 84.

[2] *Vukmanović S.* Op. cit. S. 191.

[3] *Petranović B.* Op. cit. S. 92.

[4] Ibid. S. 92–93.

[5] Ibid.

inslav

главный штаб Косова и Метохии. Из 61 избранников прибыли 51, из них 43 албанца, один мусульманин и 7 сербов и черногорцев. Два делегата не присутствовали на этом мероприятии, но рассматривались как присутствующие, так как накануне сообщили о своем согласии с его решениями[1]. Десять делегатов являлись гражданами Албании, а один албанец был из местечка Плава в Черногории, что должно было подчеркнуть общеалбанский характер конференции. Она проходила на албанской территории, в Буяну, с 31 декабря 1943 г. по 2 января 1944 г.[2]

Основной пункт принятой на ней резолюции противоречил главному принципу федеративной организации Югославии. Было указано на необходимость присоединения к Албании тех территорий, на которых большинство составляло албанское население. Предполагалось, что этой цели можно добиться в сотрудничестве с остальными народами Югославии[3]. Несмотря на то, что решения Буянской конференции были отменены в мартовском 1944 г. письме Политбюро ЦК КПЮ, в котором подтверждались резолюции АВНОЮ и осуждался любой вид сепаратизма, они оказали глубокое воздействие не только на отношения между двумя партиями, двумя странами и народами, но и на развитие всей балканской политики в первые послевоенные десятилетия. Вопрос о статусе Косова и Метохии в течение 1944 г. не был решен. Политика свершившегося факта, взятая на вооружение организаторами Буянской конференции, была временно отвергнута, но от этого ситуация в Косово и Метохии не стала более определенной. Летом 1944 г. до полного освобождения Сербии руководство югославских коммунистов не было готово решить данный вопрос, предполагая также, что греки и англичане могут воспротивиться проектируемой национальной интеграции албанцев[4]. Буржуазные представители сербских политиков в Народном фронте были против присоединения Косова и Метохии к Албании, в то время как коммунист Сретен Жуйович решение этого вопроса связывал с перспективой и характером эволюции албанского режима[5]. Резолюцией областной скупщины Косова и Метохии от июля 1945 г. были официально отменены решения Буянской конференции.

---

[1] *Prifti P.* Socialist Albania since 1944: domestic and Foreign Developments. Cambridge, 1978. S. 35.

[2] *Petranović B.* Srbija u Drugom svetskom ratu (1939–1945). Beograd, 1992. S. 411.

[3] Idem. Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991. S. 94.

[4] Idem. Srbija u Drugom svetskom ratu… S. 412.

[5] Idem. Balkanska federacija… S. 96.

inslav

В то время, когда бушевали страсти по вопросу о будущем статусе Косова и Метохии, в Албании, под доминирующим влиянием югославских инструкторов, усиливался албанский отпор германской оккупационной системе, которая на шаткой основе была установлена в течение 1943 г. В начале 1943 г. немцы вместе с отрядами балистов начали наступление на албанские партизанские формирования[1]. Вопреки ожиданиям, крупная группировка немецких войск не смогла потеснить албанские соединения, состоящие в большинстве случаев из албанских горцев, закаленных холодом, голодом и имевших опыт зимних военных действий на скалистых и труднопроходимых территориях[2]. В боях, которые велись до конца февраля, немцы не достигли поставленных целей, но понесли значительные потери. Мощное немецкое наступление привело к противоположному эффекту. Вместо разгрома партизанских сил произошло их укрепление. Были сформированы новые отряды, партизаны отвоевали многие из утраченных ранее территорий, кроме городов Гирокастро и Берат. К весне 1944 г. образовалась большая свободная территория, на которой проживало более 400 тыс. человек, что в то время составляло треть всего населения Албании[3].

М. Попович, югославский инструктор в Албании, и в тяжелый период немецкого наступления старался действовать в соответствии с директивами югославского партийного руководства. Сразу же после ослабления наступления он провел занятия высших партийных курсов для руководящих кадров партизанских бригад. На продолжавшихся более месяца занятиях, кроме Поповича, преподавали К. Дзодзе, Рамадан Читаку, Лири Гета и Душан Мугоша. На курсах изучались различные аспекты ленинизма и истории ВКП(б). Одновременно для партийного образования в войсках использовалась брошюра, подготовленная Блажо Иовановичем. Э. Ходжа и Верховный штаб, которые в период немецкого наступления не имели прямой связи с партизанскими бригадами, прибыли только после завершения работы курсов[4]. М. Попович, занимаясь идеологическим образованием с молодыми и политически неискушенными албанскими партийными и военными руководителями, не прямо и скорее неосознанно, чем систематически и намеренно, освещал перед албанскими слушателями югославский взгляд на основные вопро-

[1] *Pano N.C.* The People's Republic Albania. Baltimore, 1968. S. 21.

[2] *Hibert R.* Albania's National Liberation Struggle. The Bitter Victory. London, 1991. S. 123–125.

[3] *Costa N.J.* Albania. A European Enigma. New York, 1995. S. 73.

[4] *Дедијер В.* Указ. соч. С. 74.

inslav

сы марксистского представления о развитии общества. Помимо этого, Попович, в отсутствие Э. Ходжи, мог беспрепятственно идеологически воздействовать на албанских военных и партийных руководителей, которым предстояло играть ведущую роль в будущем албанском обществе. Речь шла, таким образом, о важном шаге на пути унификации двух партий и установлении постепенной югославской доминации в Албании.

Сразу же после завершения работы курсов, Албанию покинул Душан Мугоша. Накануне своего отъезда, он присутствовал на заседании ЦК компартии Албании. По его рекомендации был освобожден от должности начальник генштаба Спиро Мойсиу, а на его место назначен комиссар штаба Энвер Ходжа, что дополнительно усилило югославское влияние в албанском партийном и военном руководстве, поскольку уже тогда Ходжу можно было рассматривать как югославского ставленника в албанском руководстве[1]. На съезде в Пермете в мае 1944 г. Ходжа был утвержден на должность начальника генштаба в звании генерал-полковника. На этом же съезде Мугоша рекомендовал, опираясь на югославский военный опыт, провести укрупнение албанских партизанских отрядов и сформировать дивизии[2]. Он также предложил на должность командира Первой дивизии Мехмета Шеху, что, вначале, вызвало сильное противодействие Ходжи, который, однако, оставив личную неприязнь, отступил перед авторитетом Мугоши[3]. Миладин Попович уехал из Албании после отъезда Мугоши в Косово и Метохию[4].

В конце лета 1944 г. в Албании началась последняя фаза войны. Тогда основные силы Красной армии наступали на Балканах и в Центральной Европе, на Западе был открыт Второй фронт, где на территории Франции успешно разворачивались операции союзнических войск[5]. Перед Народно-освободительной армией Албании стояла особая задача. Требовалось собственными усилиями обеспечить блокирование коммуникаций, по которым из Греции отступала германская армия группы «Е», а также начать борьбу с крупными немецкими формированиями. В июне 1944 г. албанские партизанские силы сумели остановить наступление противника, имевшее целью полное уничтожение партизан. Одновременно необходимо было координировать действия албанских отрядов с

[1] *Дедијер В.* Указ. соч. С. 75.

[2] *Mugoša D.* Na zadatku. Beograd, 1975. S. 191.

[3] AJ, 507/IX — КМОВ ЦК СКЈ, Албанија, I/I — 7, Извештај Душана Мугоше о стању у Комунистичкој партје Албаније (без даты).

[4] *Дедијер В.* Указ. соч. С. 75.

[5] *Petranović B.* Srbija u Drugom svetskom ratu (1939–1945). Beograd, 1992. S. 504.

inslav

остальными операциями по освобождению Балкан. Красная армия после успешных операций на территории Румынии вступила в восточную Сербию и соединилась с сильной группировкой Народно-освободительной армии Югославии, которая также пробилась в Сербию. После переворота 1944 г. и болгарские войска начали операции против отступавших немецких войск[1].

В августе 1944 г. в Албанию прибыла югославская военная миссия во главе с полковником Велимиром Стойничем с задачей передать Верховному штабу Народно-освободительной армии Албании югославский опыт для ведения еще более серьезных операций, которые предстояло провести албанским силам против немецких войск, отходящих из Греции, а также установить постоянную связь между верховными штабами двух стран, организовать помощь в дальнейшем строительстве Народно-освободительной армии Албании. Сразу же после своего прибытия, полковник Стойнич рекомендовал албанскому военному руководству от имени югославского Верховного штаба перенести центр своих операций на север страны[2]. Прибытие югославской миссии в Албанию обозначило начало нового этапа в двусторонних отношениях и открыло путь к дальнейшему усилению югославского влияния в Албании, которое проявилось не только в плане строительства партийной организации, но и в плане проведения военных операций, организации и формировании вооруженных сил. Все это создавало солидный фундамент для военного присутствия в стране после окончания войны.

В конце сентября и начале октября 1944 г. почти вся южная часть Албании была освобождена. Небольшие немецкие гарнизоны в Берате и ближайших городках — Лушньи, Кучови и Фийерии, Гирокастро и окрестностях были в эти дни с легкостью нейтрализованы. На юге Албании немцы продолжали удерживать только укрепления на побережье с центром в Валлоне, быстро отходя к северу[3]. Югославская военная миссия систематически работала по укреплению и реорганизации албанских вооруженных сил. Албанской стороне были предоставлены почти все югославские материалы по различным вопросам организации Верховного штаба. Речь шла об оперативных и разведывательных данных, материалах санитарной и интендантской служб, систем связи, а также об организации тыловых военных служб, военного образования и специальных отрядов народной обороны, о распределении военных корпусов

[1] Ibid. S. 512.

[2] *Дедијер В.* Указ. соч. С. 78.

[3] *Бартл П.* Албанци… С. 228.

inslav

по территории[1]. Албанский Верховный штаб по советам югославских коллег сразу приступил к реорганизации собственных структур, начал формирование отрядов народной обороны и тыловых военных органов в соответствии с югославским опытом.

Кроме того, в связи с необходимостью планирования и проведения крупных военных операций встал вопрос о создании сильных оперативных групп. По совету югославской военной миссии были сформированы новые дивизии, а затем и корпуса, как оперативные соединения Народно-освободительной армии Албании. Проведение реорганизации албанских вооруженных формирований стало апогеем югославского военного влияния в Албании в годы войны. Речь шла не только о передаче военного опыта[2].

Югославская сторона в военном аспекте систематически расширяла свое влияние в Албании, расчищая путь к дальнейшему югославскому проникновению туда. Именно поэтому позже, во время конфликта, албанская сторона демонстрировала недовольство югославской военной миссией. Энвер Ходжа подчеркивал, что конфликт со Стойничем был вызван тем, что он являлся инструктором югославской компартии в Албании, в то время как албанская сторона считала его только главой югославской военной миссии[3]. Дополнительное сомнение в сути самой миссии вносило и то, что ее возглавлял человек, имевший выдающееся партийное прошлое, но не военный опыт. Правда, другие материалы ясно говорят, что Стойнич, помимо военных , имел полномочия и поручения политического и разведывательного характера[4]. В целом же существующие доступные источники партийного и военного происхождения не позволяют определенным образом выяснить этот вопрос. Несмотря на очевидное подозрение албанской стороны, авторитет югославской военной миссии, которым она пользовалась в албанском руководстве, остался неоспоримым.

В начале ноября 1944 г. началась завершающая операция по освобождению албанской территории. После консультаций с югославской военной миссией албанский Верховный штаб принял решение о взятии Тираны. Конкретную помощь в организации новых формирований, имев-

[1] *Dimitrijević B.* JNA od Staljina do NATO pakta. Armija u spolnoj politici Titove Jugoslavije. Beograd, 2006. S. 62.

[2] *Дедијер В.* Указ. соч. С. 80.

[3] *Hodža E.* Titoisti. Beograd, 1982. S. 133–134.

[4] AJ, 507/IX — KMOB ЦК СКЈ, Албанија, I/I — 12. Депеша Велимира Стојнича упућена Александру Ранковичу о предстојећем заседању Бироа ЦК КП Албанија послата 26 марта 1945.

inslav

ших задачу участвовать в операции по освобождению Тираны, оказывал подполковник Войо Тодорович[1]. Освобождение Эльбасана и Тираны было доверено Первому корпусу Народно-освободительной армии Албании. Албанский Верховный штаб разработал план наступления на Тирану, опираясь на помощь югославской военной миссии и лично полковника Стойнича. Подполковник Тодорович в предстоящей операции имел особую задачу и играл весьма важную роль. Он отвечал за претворение утвержденного плана военных действий совместно с командованием Первого корпуса и подчиненными ему соединениями. Он также получил задание устно сообщать специальные приказы Верховного штаба военным подразделениям, которые были отобраны для тиранской операции[2]. Битва за Тирану началась в первые дни ноября. Ожесточенные сражения продолжались несколько дней. Обе стороны понесли значительные потери. Наконец, 17 ноября 1944 г. албанские войска взяли город, и это означало завершение войны на территории Албании[3].

Освобождение Албании от немецко-фашистской оккупации представляло собой и значительный поворот в югославо-албанских отношениях. Существовавшие близкие отношения, особый их характер в контексте отношений старого и молодого, опытного и менее опытного, превращались, по мере быстрого возрастания югославского влияния в Албании, в близкое сотрудничество, которое стало устанавливаться в первую очередь в военной области.

Югославский Верховный штаб, сталкиваясь с неопределенной ситуацией в северной Албании, где албанские партизаны все еще не могли установить контроль, а также со значительной поддержкой албанцами Косова и Метохии нацистской Германии, до последних дней войны, потребовал от Верховного штаба Албании отправить на территорию Югославии, севернее от Дрины, свои войска. Их целью должна была стать мобилизация новых сил, создание новых отрядов и разгром коллаборационистов, так как, согласно югославским представлениям, на этих территориях происходило усиление сил противника[4]. В Югославию были направлены 5-я и 6-я дивизии для преследования немецких войск группы армий «Е», отступавших из Греции и Албании[5]. Югославская военная миссия в Тиране, несмотря на колебания албанского Верховного

[1] *Дедијер В.* Указ. соч. С. 80.

[2] Там же.

[3] *Marmulaku R.* Albania and the Albanians. London, 1975. P. 114–115.

[4] *Petranović B.* Balkanska federacija… S. 100.

[5] *Дедијер В.* Указ. соч. С. 82.

inslav

штаба, настаивала на том, что посылка войск в Югославию, на территории, населенные албанцами, будет иметь важное политическое значение[1]. Считалось, что присутствие албанских партизанских сил повлияет на югославских албанцев, изменив их крайне негативное отношение к коммунистическому партизанскому движению.

Части 6-й албанской дивизии участвовали близ Подгорицы в боях с частями немецкого 21-го армейского корпуса, которые пытались через Никшич продвинуться в сторону Мостара. В боях около Ветреника особо себя проявили албанские отряды, понесшие значительные потери. Совместно с частями югославского Второго корпуса албанская 6-я дивизия участвовала в преследовании албанских квислинговцев в долине Лима и в Рашской области[2]. Албанская 5-я дивизия была направлена прямо в Косово и Метохию, где вместе с югославской Народно-освободительной армией участвовала в освобождении Призрена и Джаковица[3]. Обе эти дивизии находились в оперативном подчинении 5-й югославской армии[4]. За включение этих дивизий в состав югославских вооруженных сил, их материальное обеспечение в югославском руководстве ответственность была возложена на Милована Джиласа. Кроме того, югославская сторона взяла на себя заботу и о снабжении этих войск качественным военным материалом[5]. Обе дивизии остались на территории Югославии вплоть до осени 1945 г. Они базировались на территории западной Македонии и участвовали в ликвидации остальных групп балистов[6]. В отношениях между югославскими властями и командованием этих частей часто возникало непонимание, поскольку бойцы албанской армии без предупреждения передвигались в районе Охрид-Подградец, не соблюдая пограничные правила[7]. Осенью 1945 г. албанские вооруженные отряды проводили операции в зоне Ресен — Охрид — Струга и Тетово — Гостивар — Кичево[8].

---

[1] *Dimitrijević B.* Op. cit. S. 62.

[2] *Дедијер В.* Указ. соч. С. 82.

[3] *Dimitrijević B.* Op. cit. S. 62.

[4] Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11 jun 1945 — 7 jul 1948). Beograd, 1995. S. 66–67.

[5] AJ, 507/IX — KMOB ЦК СКЈ. Албанија, I/I–4, Извештај капетана Саве Станојевића, члана Војне мисије НОВЈ при ГШ Албаније о стању у јединицама НОВ Албаније од 10 новембра 1944.

[6] Там же.

[7] Там же. Албанија, I/I–8, Материјал о раду југословенске војне мисије у Албанији. С. 39–40.

[8] *Dimitrijević B.* Op. cit. S. 62.

inslav

Между тем, помимо развития военных и политических отношений, зимой 1944–1945 гг. вновь был поднят вопрос о будущем статусе Косова и Метохии. Оживились споры 1942 г. с упоминанием сделанного М. Поповичем устного обещания о том, что после войны Косово и Метохия перейдут к Албании[1]. Еще летом 1944 г. в Албании был достаточно широко распространен тезис о будущем объединении Югославии и Албании. В новой ситуации югославские государственные интересы заставляли занять позицию, которая должна была показать, что Югославия и Албания — не равновеликие страны. В самом албанском руководстве раздумывали о присоединении Косова и Метохии к Албании, но избегали говорить об этом открыто. Албанские коммунисты подходили к данному вопросу с позиций интернационализма, права нации на самоопределение, вплоть до отделения[2]. Одновременно и представители прозападных албанских организаций говорили о необходимости присоединения Косова и Метохии к Албании. По свидетельству члена югославской военной миссии в Тиране Нияза Диздаревича, эта идея была глубоко жива в албанском народе[3].

Важный шаг в югославо-албанском сближении представляло подписание 20 февраля 1945 г. в Белграде договоров между Временным правительством Албании и Национальным комитетом освобождения Югославии[4]. Были подписаны два очень важных межгосударственных договора. Один, содержавший статьи о совместной борьбе против Германии, реально представлял собой основу будущего военного союза, связывавшего Югославию и Албанию обязательствами в случае нападения третьей стороны[5]. Второй договор был особым, и предусматривал обмен промышленными товарами, в том числе обязывал Албанию предоставлять Югославии излишки нефти, бензина и других производных нефтедобычи, а югославская сторона должна была поставлять в Албанию кукурузу, пшеницу и сахар[6].

---

[1] *Смирнова Н.Д.* Письмо Кочо Ташко в Москву // Вопросы истории. 1999. № 2. С.100–101.

[2] *Petranović B.* Op. cit. S. 101.

[3] *Dizdarević N.* Albanski dnevnik. Sarajevo, 1988. S. 59.

[4] В составе албанской делегации находились: заместитель премьер-министра и член Генштаба НОА Албании генерал-майор Муслим Пеза, министр иностранных дел д-р Омер Нишани, министр сельского хозяйства д-р Бехар Штила, министр социального обеспечения и член Генштаба НОА генерал-майор Бедри Спахиу.

[5] АЈБТ, КМЈ, I-3-b/II. Уговор о савезу и војној помоћи између Југославије и Албаније.

[6] Там же. Уговор о привредној сарадњи између Југославије и Албаније.

inslav

Оборонительным договором Югославия гарантировала независимость Албании в условиях, когда той угрожала опасность со стороны Греции. В конце войны Афины все чаще выступали с осуждением предыдущего албанского правительства за то, что оно под влиянием Италии приняло решение о вступлении Албании в 1940 г. в войну против Греции. Состояние неуверенности Тираны усиливали и намерения греческого правительства разделить Албанию между Грецией и Югославией[1]. Договор о военном союзе, привязывая Албанию к Югославии, создавал серьезные предпосылки к формированию будущей федерации.

Помимо идеи о Балканской федерации отсрочка решения косовской проблемы объяснялась и тем фактом, что косовские албанцы, вплоть до освобождения этой территории в ноябре 1944 г. совместными операциями НОА Югославии, Первой болгарской армии и частями НОА Албании, активно сотрудничали с немцами[2]. В декабре 1944 г. в центральных частях Косова вспыхнуло массовое вооруженное восстание, подавленное лишь в декабре 1945 г. при помощи присланных дополнительных вооруженных сил и специально созданного военного управления[3]. Восстание организовала и возглавила Вторая призренская лига с целью защиты этнически чистого пространства будущей Великой Албании. Помощь ей оказали немцы, вооружившие албанские отряды, чтобы, используя их, защитить собственные войска, которым приходилось отступать на неудобные стратегические позиции[4]. Одновременно, вполне можно предположить, что в этом восстании была заинтересована и британская сторона, вовлеченная в тот момент в гражданскую войну в Греции и участвовавшая в подавлении зимой 1944–1945 гг. сил ЭЛАС в окрестностях Афин. Иначе говоря, вооруженное выступление могло отвечать интересам британцев, поскольку, как считает Б. Петранович, все

[1] Подробнее и ситуации в Греции в тот период см.: *Kuniholm B.R.* The Origins of the Cold War in the Near East. Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece. New Jersey, 1994; *Улунян А.А.* Балканы. Горячий мир холодной войны 1945–1960. Москва, 2001; *Клог Р.* Историја Грчке новог доба. Београд, 2000.

[2] *Petranović B.* Op. cit. S. 102.

[3] *Борозан Ђ.* Велика Албанија. Поријекло. Идеје. Пракса. Београд, 1995. С. 376.

[4] Подробнее об албанском восстании в Косове и Метохии см.: *Petranović B.* Srbija u Drugom svetskom ratu (1939–1945). Beograd, 1992; *Petranović B.* Istorija Jugoslavije. Beograd, 1988. Tom III; *Borozan Đ.* Secesionistička pobuna na Kosovu I Metohiji 1944–1945 // Istorija XX veka. № 2. 1995. S. 63–76; *Борозан Ђ.* Велика Албанија. Поријекло. Идеја. Пракса. Београд, 1995.

inslav

это происходило в болезненной точке Балкан — в треугольнике между Сербией, Черногорией и Македонией, где существовала опасность со стороны возможных вооруженных союзников греческого ЭАМ, — югославских и албанских коммунистов[1].

Разгром албанского восстания отложил решение косовского вопроса, так как необходимо было обеспечить снижение межнациональной напряженности и навести хотя бы минимальный порядок в этой области, уничтожить существующие группы балистов, действовавших в горных районах Косова и Метохии и отступавших в Грецию, либо присоединявшихся к силам полковника Мухарема Байрактара на севере Албании[2]. По югославским военным данным, в пограничных областях вплоть до середины 1946 г. действовало около 1370 балистов, организованных в небольшие отряды[3]. Главным образом, благодаря усилиям югославских служб безопасности, а также вследствие разочарования части членов бандитских групп, к концу 1946 г. число балистов, усердно распространявших слухи о скором присоединении к Албании частей югославской территории, населенных в значительной степени албанцами, снизилось до 480 человек[4].

Весной 1945 г. внутри Югославии появился еще один фактор, влиявший на югославо-албанские отношения. Речь идет о недавно возникшей республике Сербия, для которой пространство Косова и Метохии имело особое значение как часть бывшей «Старой Сербии». Роль этого фактора особенно выросла в конце 1944 г., так как в тот момент Сербия стала основной территорией применения прокламируемой политики компромисса. Этот вопрос для сербского населения был более чем чувствителен. Особенно возражали против передачи Косова и Метохии сербские буржуазные политики, которые в конце 1944 г. вступили в единый народно-освободительный фронт. В то же время у большинства албанского населения существовал страх перед возможным возвратом к ситуации 1941 г. Подавление албанского восстания создавало живительную почву для расширения балистской пропаганды о необходимости предотвратить возвращение колонистов в Косово и Метохию силой оружия[5]. С другой стороны, ситуация порождала недовольство сербских и черногорских колонистов,

[1] *Petranović B.* Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991. S. 102.

[2] Ibid.

[3] ВА, АЈНА, ГШ — 3, к.46,ф.2, документ 1/1, Преглед одметничких банди за време од ослобођења до 31 јула 1946.

[4] Там же. Месечни извештај о стању одметничких банди на територији Југославије за месец новембар 1946.

[5] *Petranović B.* Balkanska federacija… S. 103.

inslav

которые не могли вернуться к своим наделам. Возвращение колонистов было официально запрещено 6 марта 1944 г., а департамент внутренних дел НКОЮ, который возглавлял Владо Зечевич, направил колонистов в Воеводину. Сопротивление возвращению колонистов подогревалось и со стороны албанцев, занимавших посты в органах власти[1]. С принятием специального закона о ревизии выделенных земель колонистам и аграрным арендаторам в Македонии и Косовско-метохийской области, специальные совместные комиссии начали работу по недопущению возвращения лиц, получивших землю от предыдущих режимов[2]. Около 10–11 тыс. семей колонистов остались без права возвращения. С полным основанием можно прийти к заключению, что таким образом было узаконено изгнание сербов и черногорцев с принадлежавших им до 1941 г. земель.

Вскоре приступили к проведению аграрной реформы, призванной наделить албанских крестьян землей, которая до того находилась в собственности помещиков-беков, крупных сербских землевладельцев и церкви[3]. Одновременно на территории Косова и Метохии осталось большое число албанских семей, в годы войны из-за открытых границ поселившихся здесь, хотя и не имевших югославского гражданства[4]. Так была практически завершена основная фаза албанизации территории Косова и Метохии, которая была начата апрельским поражением королевской Югославии в 1941 г., что привело, в итоге, к радикальному изменению этнической и демографической структуры этого пространства[5]. Албанское засселение Косова и Метохии было продолжено и после завершения войны[6].

Для усмирения кипящих страстей в югославо-албанском конфликте руководство югославских коммунистов использовало различные способы, при этом оно считало, что албанскую проблему нужно решать также

---

[1] О запрещении возвращения колонистов в Косово и Метохию, аграрной реформе и колонизации в Воеводине подробнее см.: *Гаћеша Н.* Радови из аграрне историје и демографије.Нови Сад, 1995; *Gaćeša N.* Agrarna reforma i kolonizacija u Jugoslaviji 1945–1948. Novi Sad, 1984; *Gudac-Dodić V.* Agrarna reforma u FNRJ i seljaštvo Serbije. Beograd, 1999.

[2] Ibid.

[3] *Петрановић Б.* Југославија на размеђу (1945–1950). Подгорица, 1998. С. 315.

[4] Точное число переселившихся в Косово и Метохию в годы войны албанцев невозможно назвать. Предполагают, что из Албании на эту территорию в годы войны переехало чуть более 100 тыс. человек албанской национальности.

[5] *Глишић В.* Албанизация Косова и Метохии 1941–1945 // Сербы и албанцы в XX веку. Белград, 1991. С. 291–292.

[6] *Vlahović P.* Useljavanje Albanaca tokom XIX i XX veka u jugoslovenski etnički proctor. Skopje, 2000, S. 96.

inslav

и в социальном плане, максимально шло навстречу албанцам в аграрном вопросе, что поддержало и албанское правительство[1]. Кроме того, КПЮ настаивала на строгом соблюдении запрета на возвращение колонистов в Косово и Метохию. Открыто указывая албанцам, что они в годы войны в большинстве сражались против НОАЮ на стороне немцев, власти в то же время подчеркивали, что возможно в основной массе они были обмануты и потому не должны страдать, более того — имеют возможность стать полноправными югославскими гражданами.

Кроме того, на учредительном съезде компартии Сербии было определенным образом заявлено, что одним из направлений работы сербских коммунистов будет и борьба против великосербского гегемонизма, что, помимо прочего, имело целью убедить албанское руководство и население в отсутствии каких-либо стремлений проводить великосербскую политику довоенной Югославии. На этом же съезде в мае 1945 г. произошло объединение партийных организаций Воеводины, Сербии и Косова и Метохии, что дополнительно повлияло на интеграцию косовско-метохийского пространства в границы Сербии и Югославии[2]. В самом Косове было решено, политикой примирения по отношению к албанским повстанцам часть их нейтрализовать, а других, виновных в меньшей степени, вернуть к нормальной жизни, даже включив в органы местной власти[3].

По сведениям из доступных источников, из 1700 членов компартии Югославии на территории Косова и Метохии в апреле 1945 г. албанцев было всего 300 человек[4]. С учетом небольшого процента албанцев в составе КПЮ были снижены критерии для новых членов. Подобная мера несла в себе зародыш будущего конфликта. Прием в партию тех, кто в годы войны имели «сомнительное» прошлое, дал возможность и дальше развиваться жесткому и бескомпромиссному сепаратизму, который в 1960-е годы проявил себя в полной мере[5]. КПЮ, в соответствии с основ-

[1] AJ, 507/IX — KMOB ЦК СКЈ. Албанија, I/I — 27. Извештај Велимира Стојнића о актуелним збиваньима у Албанији и односима са Југославијом од 12 новембра 1945.

[2] Подробнее о создании республиканской партийной организации в Сербии см.: Зборник радова. Оснивачки конгрес Комунистичке партије Србије, Београд, 1988.

[3] *Petranović B.* Balkanska federacija 1943–1948. Beograd, 1991. S. 103.

[4] *Петрановић Б.* Југославија на размеђу. Указ. соч. С. 315.

[5] Подробнее о том, что происходило в Косово и Метохии в конце 1960-х годов см.:Marković P. Služba državne bezbednosti i albanske demonstracije na Kosovu 1968 godine. Jedan document // Istorija XX veka. 1999. 1–2. S. 168–178; *Коматина М.* Енвер Хоџа и југословенско-албански односи. Београд, 1995.

inslav

ными принципами национальной политики, усердно содействовала национальной эмансипации албанцев и их включению в общеюгославский культурно-политический процесс, рассматривая также вопрос о создании организации албанского народного фронта[1]. Албанизация Косова и Метохии происходила и вследствие присутствия преподавателей из Албании, которые в трех гимназиях — в Пече, Призрене и Приштине, по просьбе областного комитета КПЮ в Косово и Метохии, преподавали албанский язык[2].

Поскольку от идеи Балканской федерации временно отказались, началось рассмотрение проблемы Косова и Метохии. Конституирование федеральной Сербии выдвинуло на первый план и вопрос о ее будущих границах. Существовало убеждение, что Метохию необходимо включить в состав Черногории, при этом выдвигался аргумент исторического характера, а именно, что по Бухарестскому мирному договору 1913 г. Метохия относилась к Черногории. Несмотря на отсутствие документированного подтверждения, можно предположить, что решение о присоединении Косова и Метохии к Сербии было принято в феврале 1945 г. на импровизированной и неформальной встрече партийной верхушки КПЮ с представителями областного комитета КПЮ по Косову и Метохии Миладином Поповичем и Фадилем Ходжей. Последние отвергали альтернативное решение о разделе этих областей между Сербией, Черногорией и Македонией, в то время как Э. Кардель выступал за их присоединение к Албании, что создало бы благоприятные политические условия[3]. С другой стороны, вопрос о положении славянского меньшинства в Албании, которое веками подвергалось исламизации, а затем и албанизации, югославская сторона не ставила. Кроме того, югославские государственные органы не располагали данными о численности, размещении на территории и общем состоянии сербского, черногорского и македонского меньшинств, населявших западные, северные и восточные части албанской территории в узком поясе вдоль югославо-албанской границы.

Намерение югославской партийной верхушки передать Косово и Метохию Албании не прослеживается в доступных документах, однако, можно уверенно утверждать, что оно существовало. Так же, нет источников относительно проекта объединения Югославии и Албании, как и

[1] *Petranović B.* Balkanska federacija… S. 103.

[2] ДАСМИП, ПА — 1945, ф.1, документ 3671. Захтев Обласног комитета Косова и Метохије НКОЈ-у од 7 марта 1945.

[3] *Petranović B.* Balkanska federacija… S. 103.

inslav

о трехчленном характере федерации (вместе с Болгарией). Во всяком случае, югославское партийное руководство, воодушевленное успехом автохтонной революции, осуществленной в годы войны, ожидало, что Югославия займет ведущие позиции на Балканах после войны. Статус Косова и Метохии, который в первые послевоенные годы осложнял отношения с Албанией, представлял собой серьезную внутреннюю проблему, когда необходимо было учитывать позицию как Сербии, так и Македонии и Черногории. С другой стороны, существовало латентное давление албанского правительства, хотевшего решить этот вопрос в свою пользу. В самом Косове и Метохии важную роль играла группа коммунистов, которые в начале войны прибыли из Албании и в течение всех лет войны, и особенно после ее завершения, постоянно выступали за включение этих областей в албанский государственный организм.

В первое время после завершения Второй мировой войны отношения между Югославией и Албанией считались дружественными, однако по существу имели ряд противоречий. Глава югославской военной миссии в Албании В. Стойнич в начале своей службы постоянно присутствовал на всех албанских партийных форумах, в том числе и на пленуме в Берате в ноябре 1944 г. Постепенно его связи с албанской партийной верхушкой были сведены к контактам с Кочей Дзодзе, организационным секретарем компартии, поскольку систематические заседания Бюро не проводились[1]. Особая роль Стойнича как представителя КПЮ в Албании была сведена на нет с установлением отношений между центральными комитетами двух компартий[2]. Вторая линия взаимосвязей шла через югославскую военную миссию, которая постепенно стала играть исключительно военную роль. Положение Стойнича в Албании существенно изменилось 30 апреля 1945 г. После признания югославским правительством албанского правительства он был назначен на пост югославского посланника[3]. Об этом назначении югославский МИД вербальной нотой оповестил советское правительство[4]. На место шефа военной миссии был поставлен

[1] AJ, 507/ IX — КМОВ ЦК СКЈ, Албанија, I/I–20, Депеша Велимира Стојнића упућена Александру Ранковићу о одржаваньу веза између ЦК КПЈ и ЦК КП Албаније од 8 августа 1945.

[2] Fjala e Velimir Stojniçit me rastin e dekoremit të tij nga Këshilli Antifashist Shqiptar, 5 sqator 1945; N. Plasari, L. Malltezi. Marredheniet shqiptaro-jugoslav 1945–1948. Tiranë, 1996. S. 21.

[3] AJ, 507/IX — КМОВ ЦК СКЈ, Албанија, I/I-20, Извештај о стању југословенске војне мисије у Албаније од 1 јануара 1946.

[4] ДАСМИП, ПА — 1945. Ф. 1, Албанија. 7055. Вербална нота југословенского МИП-а совјетском МИД-у од 29 априла 1945.

inslav

майор Кобол, быстро прибывший в Тирану, однако в июле того же года на этом посту его сменил полковник Мило Килибарда. Несмотря на серьезную подготовку, эта миссия не прибыла в Албанию, так как албанцы ожидали многочисленную советскую военную миссию, которая должна была оказать помощь в организации командования, воинских частей и учреждений албанских вооруженных сил. Четкой связи между албанским и югославским ЦК в такой системе югославского присутствия в Албании не предусматривалось, но отношения поддерживались таким образом, что в зависимости от актуализации каких-то проблем кто-то из членов албанской военной миссии или дипломатов периодически приезжал в Белград с докладами и получал инструкции для дальнейшей работы[1]. Политбюро КПЮ на заседании 11 июня 1945 г. приняло решение о том, чтобы албанские партийные руководители регулярно приезжали в Белград для консультаций по важнейшим вопросам межпартийных отношений[2]. Одновременно албанское правительство в практическом и в консультативном отношении все больше опиралось на югославскую дипломатическую, экономическую и военную помощь, что тем самым делало Албанию почти полностью частью югославской сферы интересов. Так были обозначены подлинные границы их будущего близкого сотрудничества.

Перевод с сербского языка
А. С. Аникеева.

Н. С. Пилько
(Москва)

Словенская народная партия и ее деятельность в годы оккупации (1941–1945)

Словенская партийная система стала формироваться на рубеже XIX–XX вв. Одной из первых появилась Католическая национальная партия (1895), что было вполне закономерно, поскольку церковь всегда играла важную роль в жизни словенского общества. С самого начала партия не была однородной. В ней сложились два лагеря: первый возглавил профессор богословия Горицкой семинарии епископ А. Махнич, ярый против-

[1] *Petranović B.* Balkanska federacija… S. 158.

[2] Zapisnici sa sednica Politbiroa Centralnog komiteta KPJ (11 jun 1945 — 7 jul 1948). Beograd, 1995. S. 66–67.

inslav

ник социализма; лидером второго стал профессор семинарии Я. Крек, по политическим взглядам — христианский социалист. Именно его программа, принятая Католической национальной партией за основу, обеспечила ей широкую поддержку населения. Крек выступал за всеобщее, равное избирательное право, за создание крестьянских и рабочих кооперативов, которые смогли бы спасти мелких производителей от нужды и разорения. В 1905 г. Католическая национальная партия была переименована в Словенскую народную партию (СНП). Вскоре ее возглавил А. Корошец священник, доктор теологических наук. В конце Первой мировой войны он начинает отстаивать не только интересы словенского народа, но и всех югославянских народов Австро-Венгерской империи, понимая, что только вместе они смогут достигнуть независимости. Когда словенские земли вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев, партия сохранила свои позиции в Словении и стала активно участвовать в политической жизни королевства. Хотя в ее уставе и отмечалось, что деятельность СНП базируется на христианском, национальном и демократическом фундаменте и направлена на благо не только словенского, но и югославского народа[1], Белград относился к ней весьма насторожено, поскольку партия имела репутацию католической, консервативной, клерикальной и проавстрийски ориентированной силы, с ярко выраженным тяготением к республиканскому устройству государства[2]. СНП открыто поддержала монархию, не смущаясь тем, что монарх по вероисповеданию был православным. Но при всем этом Корошец не отказался от своей идеи, что Словения рано или поздно должна получить автономию, а вместе с ней свою скупщину и правительство. Идеалом Корошеца было правовое социально-ориентированное государство, осуществлявшее жесткий контроль над капиталистической экономикой. Для рабочих он предусматривал предоставление социальных гарантий, стабильных выплат и цен, выступал за цивилизованный рынок. Партия требовала создания единого пакета социального страхования для населения, установления минимального размера заработной платы и введения единого трудового законодательства, в котором бы запрещалась эксплуатация детского и женского труда на производстве. Кроме того, СНП считала необходимым предоставить женщинам право голоса на выборах. В аграрной сфере предусматривалась реформа, согласно которой разделу между безземельными крестьянами подлежали крупные земельные владения. В программе партии 1920 г. говорилось,

[1] Arhiv Republike Slovenija. AS 1898. Politični programi SLS. F.5.

[2] Zečevič M. Slovenska ljudska stranka i jugoslovensko ujedinjenje. Beograd, 1973. S. 216.

inslav

что различия как в историческом развитии и культуре, так и в экономике отдельных частей государства, должны неминуемо привести к самоуправлению[1]. Особо отмечалось, что главным требованием партии остается создание «свободной и независимой Словении... Словения должна быть самостоятельной и равноправной составляющей частью обновленного, расширенного, федеративного Королевства Югославия»[2].

1930-е годы прошли под знаком снижения политической активности СНП. После провозглашения Октроированной конституции в сентябре 1931 г. СНП вышла из состава правительства. Таким образом, она снова оказалась в оппозиции и вернулась к отстаиванию идеи автономного устройства государства. 1 января 1933 г. была опубликована Словенская декларация или как ее еще называли Люблянские пунктуации. В них СНП сделала особый упор на то, что словенский народ продолжает оставаться разделенным между четырьмя государствами: Югославией, Италией, Австрией и Венгрией. В связи с этим выдвигалось требование предоставить Словении такое положение внутри государства, которое стало бы привлекательным для всех словенцев, проживавших за ее пределами. Это можно было сделать только при условии, что государство будет преобразовано в союз равноправных народов, одним из которых является словенский[3]. Требовалось признание самобытности словенцев, предоставление им права иметь собственный флаг, подчеркивалась необходимость обеспечения этнической целостности и права самим распоряжаться финансовыми средствами. Если бы эти требования были выполнены и в отношении других народов Югославии, то, как отмечалось в пунктуациях, это позволило бы государству стать союзом равноправных народов. В какой-то степени этим чаяниям отвечали заявления нового главы правительства М. Стоядиновича, который приступил к созданию новой политической силы — Югославского радикального союза (ЮРС). В него вошли партии, которые во времена диктатуры находились в оппозиции. На учредительном съезде, состоявшемся весной 1936 г., Стоядинович выступил в поддержку идеи децентрализации государственной власти, пообещав, что будут изданы демократические законы и введено широкое самоуправление[4]. Говоря о программе ЮРС, Стоядинович отме-

[1] Iz programa SLS 1920 / Jugoslavija 1918–1988. Temska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 207.

[2] Arhiv Republike Slovenija. AS 1898. Politični programi SLS. F. 5.

[3] Jutro. 1933.11.01.

[4] См. подробнее *Пилько Н.С.* Политическая жизнь Антона Корошца / До и после Версаля. М., 2009. С. 99–100.

inslav

тил, что идеалом союза является самоуправление и уважение равноправия и традиций трех народов государства: сербов, хорватов и словенцев[1].

После падения правительства Стоядиновича, Корошец получил место в новом правительстве, сформированным Д. Цветковичем, в котором стал министром просвещения. Он выступил против вступления Югославии в войну, поскольку понимал, что в случае нападения стран «оси», Королевство рассыплется как карточный домик, а сохранение государства является единственной гарантией для безопасности словенского народа. Но в то же время руководство СНП вело разработку планов, касавшихся не автономии, а независимости Словении. После образования Словацкой республики появились соображения о возможных переговорах с Хорватской крестьянской партией об образовании союзного словенско-хорватского государства, рассматривалась и возможность создания независимого государства под германским протекторатом. В некоторой степени на это оказали влияние переговоры Цветковича с Мачеком, результатом которых стало заключение соглашения между правительством и Крестьянско-демократической коалицией. Оно предусматривало создание Хорватской бановины, права которой значительно расширялись. Законодательная и исполнительная власти бановины получали широкие полномочия. Новое правительство Цветковича –Мачека давало гарантию хорватам, что к их мнению будут прислушиваться. Реакция СНП, которая осталась в составе нового правительства, на переговоры последовала незамедлительно. В ее новой политической программе было отмечено, что главным требованием партии остается создание «свободной и независимой Словении... Словения должна быть самостоятельной и равноправной составляющей частью обновленного, расширенного, федеративного Королевства Югославия»[2]. Особо отмечалось, что государство должно заниматься международными отношениями, защитой государственной безопасности и неприкосновенности границ, а также управлением как таковым с целью сохранения единства. Все остальные вопросы должны находиться в ведении федеративных органов власти»[3].

14 декабря 1940 г. скончался Корошец. После его похорон состоялось совещание руководства партии. На нем в качестве главы СНП был избран Ф. Куловец, а М. Крек стал секретарем. Д. Цветкович — председа-

[1] Milan Stojadinović o programu JRZ // Jugoslavija 1918–1988. Temska zbirka dokumenata. Beograd, 1988. S. 362.

[2] Arhiv Republike Slovenija. AS 1898. Politični programi SLS. F. 5.

[3] Arhiv Republike Slovenija. AS 1898. Politični programi SLS. F. 5.

inslav

тель югославского правительства был поставлен в известность о новом лидере партии. Он не был против, поскольку хорошо знал Куловца. Но некоторые представители руководства партии в Любляне были против этой кандидатуры. Большинство же, возглавляемое Натлаченом, считало, что Куловец — это человек, который сможет добиться для словенцев всего того, чего для хорватов добился Мачек.

Куловец был неискушенным в политической борьбе деятелем. Однако его позиция относительно германо-югославских отношений была весьма четкой. Он считал, что Королевство не было готово к активным военным действиям, что сопротивление югославской армии означает самоубийство. Его мнение разделял и Мачек. Большинство министров высказались против вступления в войну и за присоединение к странам «оси». Однако 27 марта произошел переворот. Куловец был автоматически включен в состав нового правительства в качестве министра строительства. 5 апреля на заседании министров Куловец осудил действия Симовича, отметив, что югославская армия не продержится и 14 дней и что он видит «миллионы гробов в нашей стране»[1]. Спустя несколько часов Куловец погиб во время бомбардировки Белграда.

30 марта из Белграда в Любляну вернулся М. Старе с новостями и указаниями от Ф. Куловца и М. Крека. Они настоятельно рекомендовали Словенской народной партии разработать стратегию на случай оккупации. В присланном письме говорилось, что словенцам предстоят тяжелые времена и необходимо сплотится для того, чтобы их пережить[2]. В этот же день в резиденции бана в Любляне состоялось совещание руководства СНП, на котором присутствовали Ю. Адлешич, И. Ахчин, И. Авсенек, Ф. Габровшек, М. Старе. На нем было принято решение, что СНП не имеет права сотрудничать с властями противника, с нацистскими или фашистскими организациями[3]. Кроме того, участники совещания приняли решение отправить за границу своих представителей для отстаивания интересов Словении в союзническом лагере. Представители СНП сперва отправились в Египет, затем в Палестину, а позже, в июне 1941 г., переехали в Лондон. 30 марта было решено направить курьера в Загреб для выработки совместной политики хорватов и словенцев в случае нападения на Югославию[4].

---

[1] *Arnež J.A.* SLS 1941–1945. Ljubljana–Washington, 2002. S.30.

[2] Arhiv Republike Slovenija. Documenti Slovenske ljudske stranke. AS 1898. F. 3.

[3] *Kuhar A.* Beg iz Beograda aprila 1941. Ljubljana–Wašington, 1998.

[4] *Godeša. B.* Slovensko nacionalno vprašanje med drugo svetovno vojno. Ljubljana, 2006. S. 210.

inslav

Политики, которые оставались в Любляне, должны были приложить усилия для сохранения независимости Словении как максимум или не допустить ее раздела как минимум. Бан Дравской бановины, предвидя тяжелую участь словенских земель после оккупации, считал, что необходимо сделать все возможное, чтобы Словению оккупировала только Германия, поскольку, раздел словенских территорий между тремя государствами мог иметь губительные последствия для народа. Когда на границах Югославии начались военные действия, по инициативе Натлачена был образован Национальный совет Словении, в который вошли шесть членов СНП (М. Натлачен, Ю. Адлешич, И. Ахчин, А. Госар, М. Краньц, М. Старе), представители Словенской народной партии, Национальной радикальной партии, Независимой демократической партии и Национальной Социалистической партии. Его председателем стал бан Дравской бановины, функции которого в качестве председателя и бана совмещались[1]. Несмотря на то, что Совет состоял из представителей нескольких политических партий, по словам давнего оппонента М. Натлачена А. Госара, побывавшего на одном из его заседаний, это было не заседание Национального совета, а заседание руководства СНП. По его мнению, в Совете должны были принимать участие все политические течения Словении, в том числе и левые[2]. Но, несмотря на эти критические замечания, образование Национального совета рассматривалось в то время представителями политической элиты, как одно из важнейших событий, доказывавшее, что словенский народ «в решающие моменты может выступить на защиту своих национальных интересов»[3]. Госар решил создать собственный совет, что не устраивало ни Натлачена, ни других руководителей СНП. Бан предпринял несколько попыток привлечь на свою сторону Госара, но они не увенчались успехом.

11 апреля итальянские войска вошли в Любляну. На окраине их встречал жупан Адлешич. Натлачен предпочел остаться во дворце бана и там ожидал представителя оккупационных властей. Когда генерал Ф. Ромеро прибыл к Натлачену, последний обрисовал ему деятельность Национального совета и попросил разрешения направить делегацию в Целье, где она могла бы встретиться с немецким генералом Ланцем для обсуждения дальнейшей судьбы словенского народа, который оказался в довольно тяжелом положении. Итальянские власти не стали пре-

[1] Arhiv Republike Slovenija. Documenti Slovenske ljudske stranke. AS 1898. F.3.

[2] Arhiv Republike Slovenija. Documenti Slovenske ljudske stranke. AS 1898. F.3.

[3] Slovenec. 1941. 8.04.

inslav

пятствовать подобным стремлениям, поскольку знали, что они не дадут результатов.

На этом Натлачен не остановился. При поддержке люблянского епископа Г. Рожмана он обратился к немецким властям в Загребе с просьбой рассмотреть вопрос о возможности предоставления словенцам некоторого вида автономии[1]. Однако, представители оккупационной администрации отказались принять делегацию, мотивируя это тем, что вопросы, связанные со Словенией, не входят в их компетенцию.

12 апреля делегация под предводительством бана направилась в Целье в штаб немецкого оккупационного руководства, занимавшегося непосредственно Словенией. Натлачен хотел заключить договор с Германией, которая как ведущая сила «оси» признала бы независимость Словении в качестве союзнического государства в рамках Тройственного пакта, к которому Югославское правительство присоединилось 25 марта[2]. В этом случае Национальный совет сохранил бы за собой власть и стал единственным законным правящим органом. Но немецкий генерал делегацию не принял. Для установления контактов в Целье был оставлен представитель Совета, но спустя несколько дней, он был вынужден покинуть город.

В середине апреля делегация Национального совета предложила германским властям подписать независимо от Югославии акт о капитуляции. Вот что об этом написал сам бан Дравской бановины: «Подобное решение могло бы стать базой, опираясь на которую, мы смогли бы добиться наилучшего результата в решении вопроса по обустройству власти на словенских территориях: бановина осталась бы единой под управлением словенцев»[3].

Все попытки Национального совета сохранить власть и целостность словенского народа, закончились крахом. Большую часть Словении захватила Германия. Верхняя Крайна, Нижняя Штирия и часть Нижней Крайны номинально вошли в состав немецких областей Каринтия и Штирия. Венгрия получила Прекомурье и словенскую часть Междумурья. Италия — Внутреннюю Крайну, большую часть Нижней Крайны с Любляной.

Натлачену не оставалось ничего иного, как налаживать связи с итальянскими властями. Вопрос об организации вооруженной борьбы или сопро-

---

[1] *Arnež J.* SLS 1941–1945. Ljubljana–Washington, 2002. S. 35.

[2] *Ahaćić D.* Osvobodilna ali državljanska vojna. Ljubljana,1992. S. 45.

[3] Dr. Marko Natlaćen o svojem delovanju med 6. aprilom in 14. junijem 1941 // Prispevki za novejšo zgodovino, 2001. Št. 1. S. 128.

inslav

тивления на данном этапе не рассматривался. Итальянцы в свою очередь знали о метаниях словенских политиков. Но в сложившейся ситуации не сочли нужным вмешиваться, поскольку прекрасно понимали: рано или поздно словенцам придется смириться и начать сотрудничество.

Национальный совет вобрал в себя далеко не все политические партии и движения Словении, и те, не желая оставаться в стороне, образовали свои группы и организации. Крупнейшим из них стал Антиимпериалистический фронт словенского народа, созданный 27 апреля на базе «Общества друзей Советского Союза»[1]. Его идейным лидером стала Коммунистическая партия Словении (КПС). Именно в этот период началось тесное сотрудничество КПС с христианскими социалистами, которых представляли члены рабочих организаций и интеллигенция, находившиеся в конфронтации с руководством Словенской народной партии. К фронту также примкнуло демократическое крыло либерального лагеря — группа «Сокол». Это объяснялось тем, что христианские социалисты и демократическое крыло «Сокола» находились в оппозиции к двум ведущим словенским политическим течениям: либерализму и клерикализму. Демократическое крыло «Сокола» всегда выступало против германского доминирования во всех сферах внутренней и внешней политики и соответственно не поддерживало курса правительства довоенной Югославии. Христианские социалисты выступали против профашистской политики руководства страны и не поддерживали Словенскую народную партию, к тому же стремительно сближавшуюся с Ватиканом. К Антиимпериалистическому фронту присоединилась также «Старая СНП», которая отрицала новый курс Словенской народной партии и выступала с программой федерализма и демократии. Возглавлял ее А. Брецель, ставший впоследствии членом Верховного пленума Освободительного фронта (ОФ).

17 апреля Национальный совет формально передал власть в руки итальянскому гражданскому комиссару Эмилио Грациоли (некоторое время Совет продолжал функционировать нелегально). Натлачен и другие представители Совета направили Муссолини в Рим благодарность «за корректное поведение итальянской армии в ходе оккупации словенских земель». В этом послании также выражалась надежда, что вся территория Словении в скором времени сможет перейти под юрисдикцию Италии[2].

[1] *Kidrić B.* Kratek oris razvoja OF in sedanja politična situacija v Sloveniji/ Ljubljana v ilegali. T.1. Ljubljana,1960. S. 46.

[2] *Mlakar B.* Slovenski «meščanski» politični tabor in okupacija / Slovenska novejša zgodovina 1841–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 1. S.601.

inslav

На это послание Муссолини ответил, что фашистская Италия уважала и будет уважать культуру словенского народа, и что скоро словенцы получат автономию схожую со словацкой. И действительно, с первых же дней оккупации итальянские власти пытались заручиться поддержкой местного населения. Для этого в отличие от Германии Италия избрала иную тактику подчинения себе захваченной территории. Итальянское правительство сразу же отказалось от военно-оккупационной системы как таковой. Граф Чиано, министр иностранных дел Италии, записал в своем дневнике: «Сегодня утром подготовили карту будущей Люблянской провинции. Она будет создана на основе либеральных принципов, что, в свою очередь, вызовет к нам симпатию в германизированной части Словении, где по слухам совершаются жестокие злоупотребления»[1].

3 мая был обнародован указ, согласно которому словенская территория, оккупированная итальянцами, преобразовывалась в Люблянскую провинцию, возглавил ее Верховный комиссар Э. Грациоли, ему в помощь 26 мая был создан Совет из 14 представителей «передовых» слоев словенского общества. Неделю спустя Любляну посетил граф Чиано, правда, для встречи с хорватскими лидерами по вопросу устройства нового хорватского государства. Но и словенская политическая элита не была обделена вниманием «высокого гостя». В этот же день состоялась беседа министра иностранных дел с Натлаченом, в ходе которой обсуждался вопрос о расчлененности словенского народа. Чиано отметил, что ничего не может сделать для словенцев, поскольку раздел совершен согласно договору, заключенному с Германией в Вене. После этой встречи министр записал в своем дневнике: «Встречался с бывшим баном, мы знакомы со времен Стоядиновича. Он обеспокоен судьбой той части Словении, которая отошла немцам. Комиссар Грациоли сказал мне, что отношение немцев к населению на самом деле более чем жестокое. Грабежи и убийства происходят каждый день. Церкви и монастыри разграблены и закрыты»[2].

Для того, чтобы обратить внимание новых властей на положение словенцев в той части Словении, которая была оккупирована Германией, Натлачен в мае составил документ, получивший название «Трагедия словенского народа» и попросил разрешения у Грациоли совершить поездку в Рим с тем, чтобы встретиться с Муссолини и папой Пием XII и лично рассказать им о постигшей его народ национальной трагедии. Грациоли эту поездку запретил, но отметил, что скоро сам собирается

[1] *Ciano G.* The Ciano diaries 1939–1943. New York, 1946. S. 344.

[2] Ibid. S. 342.

inslav

в Рим и настоятельно рекомендовал представителям Совета поехать с ним и лично выразить благодарность за столь лояльную политику итальянских властей по отношению к словенскому населению. Натлачен вынужден был согласиться.

Встреча с Муссолини состоялась 8 июня, а с папой, с которым Натлачен имел приватную беседу, 9 июня. Оба выразили понимание ситуации, в которой оказались словенцы, но не более того. Бан предал им документ «Трагедия словенского народа», который был переведен на итальянский и немецкий языки, и высказал надежду, что Гитлер в свою очередь тоже ознакомиться с ним.

14 июня Натлачен встретился с Грациоли и в беседе с ним заметил, что политика оккупационных властей его разочаровала, поскольку словенцы, оказавшиеся в заключении после 6 апреля, так и не были освобождены. Кроме того, по его словам, положение словенского народа нисколько не улучшилось после визита делегации в Рим. На это Грациоли ответил, что все эти вопросы находятся только в его компетенции, и он сам займется их рассмотрением, когда будет необходимо[1]. После этой встречи в отношениях между ними произошло охлаждение. Что касается словенской политической эмиграции, то она выразила недовольство действиями Натлачена, осудив его участие в работе Совета и визит в Италию[2]. На это в августе 1941 г. на расширенном заседании руководства партии Натлачен ответил заявлением, что лидеры СНП должны находиться в Словении, а не за границей. С критикой деятельности Натлачена в начале оккупации выступил и Госар, который создал свою группу «Объединенные словенцы». Правда он осуждал и деятельность Освободительного фронта. Его смущало то, что партизаны ведут вооруженную борьбу, и не устраивало лидерство коммунистической партии.

Совет за недолгую историю своего существования собирался всего пять раз, на заседаниях в основном обсуждались экономические вопросы. Его члены могли свободно высказываться, но были лишены права принимать самостоятельные решения в вопросах управления провинцией. Последнее заседание состоялось 5 ноября 1941 г. На самом деле Совет не имел ни законодательных, ни исполнительных полномочий, его значимость была иллюзорной, ни римское правительство, ни верховный комиссар не проявляли желания передать ему хотя бы одну из функций реальной власти. Создавая его, итальянцы хотели показать словенскому народу, что последние якобы являются полноправными гражданами

[1] *Arnež J.A.* SLS...S. 40.

[2] Ibid. S. 41.

inslav

Королевства Италия, интересы которых отстаивают их соотечественники, но идея не оправдала себя.

После того, как итальянские оккупационные власти начали проводить карательные операции, направленные на подавление становившегося все более активным движения сопротивления, Натлачен 18 сентября 1941 г. написал письмо Грациоли, в котором отмечал, что «действия итальянских властей его разочаровали, так как они принимали все более жестокие формы»[1], и в связи с этим покинул пост председателя Совета.

13 октября 1942 г. Натлачен был убит на пороге своего дома двумя выстрелами в голову[2]. Убийцу так и не нашли, но сразу же было объявлено, что преступление совершено партизанами. В ответ на это итальянские власти на следующий день расстреляли 24 заложника[3]. 14 ноября 1942 г. М. Старе направил Креку в Лондон письмо, в котором просил возглавить партию.

В конце марта 1942 г. был образован Словенский союз народного освобождения, в который вошли представители различных политических групп. Но ведущую роль играли представители СНП и ее новый лидер в Словении М. Старе. Главной целью было достижение национального единства, согласованности действий во время оккупации и подготовка к освобождению и захвату власти[4]. В одной из первых деклараций Союза говорилось, что они не хотят «возврата к старым принципам ни в общественном устройстве, ни в стиле руководства». Необходимо было изменить социальные и экономические основы общества. После капитуляции Италии влияние Союза сильно ослабло.

В октябре 1942 г. М. Крек, выступая на BBC заявил, что словенцы «должны прекратить братоубийственную войну с тем, чтобы вся национальная сила была объединена и направлена против оккупантов», он также подчеркнул, что все словенские освободительные организации должны подчиниться верховному командованию (имелся в виду Д. Михайлович) Югославской армии[5]. В конце апреля 1943 г. из Лондона последовал вопрос, адресованный Союзу, о возможности сотрудничества

---

[1] Ibid. S. 40.

[2] Jutro. 1942, 14.10. Št. 235.

[3] Зборник докумената и података о Народноослободилачком рату Југословенских народа. Београд. Т.VI. Књ.4. С. 507. Док. № 168.

[4] *Mlakar B.* Ustanovitev Slovenske zveze / Slovenska novejša zgodovina 1841–1992. Knj. 1 Ljubljana, 2005. S. 638.

[5] *Godeša B.* Poskusi pomiritve med sovražnima taboroma / Slovenska novejša zgodovina 1841–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 1. S. 681.

inslav

с ОФ для достижения единства в федеративной Югославии. М. Старе ответил, что «у руководства в Лондоне нет никакого представления о ситуации сложившейся на территории Словении». Больше всего он был возмущен тем, что его организацию равняли с ОФ. Он подчеркнул, что убивают своих сограждан только партизаны, «поэтому сотрудничество с ними для восстановления единства словенцев в федеративной Югославии в данных условиях практически невозможно. «Единственная возможность (изменить ситуацию — *Н. П.*) — если руководство партизан получит задание от Коминтерна, прекратить грабежи и убийства и исключить из своих рядов тех, кто участвовал в пролитии невинной словенской крови»[1]. В конце июня 1943 г. Словенский союз все антиреволюционные отряды переименовал в Словенскую национальную армию, ставшую составной частью Югославской армии.

После капитуляции Италии Словенская национальная армия не смогла противостоять натиску партизанских сил, поскольку командование партизанских отрядов сконцентрировало все свои главные силы в Люблянской провинции и направило их на «расправу с внутренним врагом»[2]. Словенская национальная армия терпела поражение за поражением, поэтому политическое руководство, представленное в основном членами СНП, решило усилить борьбу против партизан прибегнув к «тактическому» сотрудничеству с немецкими оккупантами, которые после капитуляции Италии заняли Люблянскую провинцию. Спустя несколько дней после этого представители руководства СНП связались с главой полиции в Любляне, высшим руководителем СС и полиции командиром оберабшнита СС «Альпенланд» Э. Резенером для обсуждения будущего словенского народа.

Люблянская провинция вошла в состав Оперативной зоны Адриатического побережья. Немецкие власти прибегли к компромиссу, смешав военное управление и псевдоавтономию. Центр остался в Любляне. Главным атрибутом провинции стало Национальное правительство. Выбор главы и заместителя (он непременно должен был быть немцем), оставил за собой высший комиссар Оперативной зоны Фридрих Райнер[3]. Правительство возглавил бывший королевский генерал югославской армии Л. Рупник[4], который до этого в течение года

[1] *Godeša B.* Poskusi pomiritve med sovražnima taboroma... S. 681.

[2] *Mlakar B.* Slovensko domobranstvo / Slovenska novejša zgodovina 1841–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 1. S. 696.

[3] Okupacijske sistemi na Slovenskem 1941–1945. Ljubljana, 1997. S.79. Doc. № 64.

[4] Ibid. S.79, doc. № 65.

inslav

занимал пост люблянского жупана. Его «советником» стал Э. Резенер. Этот орган власти не имел никаких полномочий. Он выполнял декоративную функцию и должен был послужить «успокоителем» для населения, указывая на стремление германских властей сохранить за словенцами определенный вид автономии в решении вопросов дальнейшего политического развития. В обращении к народу Рупник заявил, что решение германских властей «дало возможность словенскому народу самому решать свою дальнейшую судьбу в составе дружной семьи народов новой Европы»[1].

Подготавливая наступление на части Народно-освободительной армии, германское военное командование приняло решение организовать вооруженные отряды из числа местного населения для «поддержания мира и порядка на оккупированной территории»[2]. Немцы первоначально планировали создать словенские дивизии СС из числа коренного населения. Однако генерал Рупник сумел убедить власти, что маленькая национальная армия будет во стократ эффективнее в сложившихся условиях, поскольку игра на национальных чувствах могла привести к росту патриотизма тех, кто выступал против коммунизма, но за свободную Словению. После длительных переговоров было принято решение создать подобную организацию. Большую заинтересованность в образовании Домобранской лиги проявил епископ Любляны Г. Рожман, который вскоре стал одним из ее идеологов.

24 сентября 1943 г. в словенской печати впервые было объявлено об образовании Словенской домобранской лиги, которая была призвана защищать родину от «коммунистической заразы». В октябре 1943 г. был образован Организационный штаб словенского домобранства, который возглавил подполковник, а с 1 января 1945 г. полковник Ф. Кренер. Само название штаба свидетельствовало о том, что в его компетенции были только организационные вопросы. Командовал же Словенской домобранской лигой Резенер.

В домобранской армии не было запрещено употребление словенского языка, а руководящие должности заняли словенские офицеры[3]. Немецкие власти обязались оказывать всяческую помощь и поддержку со своей стороны. С 24 сентября, почти в каждом номере издававшихся в то время газет, печатались статьи, агитировавшие население вступать в ряды Лиги.

---

[1] Jutro. 1943. 23.09.

[2] Slovenec. 1943. 24.09.

[3] Jutro. 1943. 24.09.

inslav

На съезде духовенства, состоявшемся 12 июня 1944 г. в Любляне, епископ Рожман заявил, что домобранство стало легальной властью, которая сделала своей главной опорой оккупантов[1]. Коммунизм для народа означает смерть, победа над ним — жизнь»[2]. Рожман неоднократно проводил молебны «О даровании мира», на которые приглашались все верующие[3]. Эти молебны имели не только религиозный характер. После службы священнослужители объясняли прихожанам, что такое Народно-освободительный фронт, в чем его зло и почему необходимо бороться против него. Подобная пропаганда, а это была именно пропаганда оккупационных властей, сумевших без особого труда привлечь на свою сторону духовенство, сыграла свою роль и имела успех в основном в сельской местности, поскольку роль церкви там была наиболее сильной. Активное использование оккупантами католической церкви в Оперативной зоне Адриатического побережья являлось одной из особенностей оккупационной системы. Во время судебного процесса Ф. Райнер заявил, что «Словения единственный пример, где нацисты использовали католическую церковь для своих нужд»[4]. По его словам, епископ Рожман служил авторитетом для домобранцев. Об этом же на суде говорил и Резенер: «Они знали кто я, но духовенство пришло ко мне и попросило о помощи в борьбе с партизанами»[5].

20 апреля 1944 г. части Словенской домобранской лиги присягнули на верность «вождю Великой Германии». По исполнении гимнов домобранцы, подняв вверх руку в фашистском приветствии, произнесли присягу. Ее текст был следующего содержания: «Клянусь именем всемогущего Бога, что буду храбрым, верным и дисциплинированным. Клянусь, что плечом к плечу с немецкими вооруженными силами, отрядами СС и полицией буду бороться как против бандитов и коммунистов, так и против их союзников, честно исполнять свой долг перед Родиной. Для этой борьбы готов пожертвовать своей жизнью. Да поможет мне в этом Бог!»[6]. Как видим в присяге не упоминается ни Германия, ни Гитлер. Данное обстоятельство епископ Рожман, который отслужил мессу перед при-

[1] *Mikuž M.* Ljubljanski škof dr.Gregorij Rozman in njegova okolica v NOB / Ljubljana v ilegali. Ljubljana, 1970. D.4 S. 349.

[2] Ibid. S. 349.

[3] Jutro. 1943. 8. 12.

[4] Tednik 7 D. 1980. 9. 10, 1981. 9.04.

[5] *Križnar I.* Slovensko domobranstvo / Ljubljana v ilegali. T.4, S. 241.

[6] Arhiv Republike Slovenija. Slovensko domobranstvo. 1943–1945. AS 1877. Š.2 F. 4.

inslav

сягой, позднее использовал в качестве своего оправдания, заявив, что никогда бы не стал проводить службу, если бы в тексте упоминалось имя фюрера[1].

Руководство СНП понимало шаткость своего положения, поскольку факт сотрудничества словенских солдат с оккупационными властями был налицо, и происходило это с молчаливого согласия партийного руководства. Дабы объяснить сложившуюся ситуацию, руководство СНП направило в Лондон М. Креку сообщение, в котором говорилось, что партизаны не способны к компромиссу и продолжают вершить насилие, поэтому у партии нет возможности думать о том, как она выглядит со стороны, когда речь идет о выживании. Также отмечалось, что домобранцы поддерживают союзников, поэтому эту организацию следует рассматривать как временное тактическое образование. И только от развития событий зависит, когда наступит момент, позволяющий домобранцам действовать в соответствии со своим именем — «защитники родины». Партийное руководство просило правительство в Лондоне объяснить союзникам причины, которые побудили их к этому сотрудничеству[2]. Крек пообещал сделать все возможное, хотя и не скрывал, что создание Лиги значительно усложнило дело. К тому же союзники окончательно признали партизанское движение как главную силу в борьбе с фашизмом на территории Югославии.

СНП и ее сторонникам поддержка в лице союзников была необходима, в первую очередь для того, чтобы в случае их победы, которая уже далеко не выглядела иллюзорной, сохранить свое лицо. Для этого они пытались представить ситуацию, сложившуюся на территории Словении как исключительную, делая упор на то, что армия домобранцев в первую очередь боролась с коммунистами, что на ее территории велась гражданская война, а сотрудничество с немецкими оккупантами было временным тактическим явлением, которое позволило действовать эффективно против партизанской армии. Словенские политики всячески пытались заверить союзников в том, что они полностью ориентированы на Запад и подчеркивали, что лучшим вариантом для Словении было бы появление на ее территории союзнических войск, которые стали бы гарантом политического плюрализма и обеспечили бы демократическое устройство.

Для того чтобы заручиться союзнической поддержкой разрозненные словенские политические силы приняли решение создать некий орган,

[1] *Jan I.* Škof Rožman in kontinuiteta. Ljubljana, 1998. S. 201.

[2] *Mlakar B.* Slovensko domobranstvo / Slovenska novejša zgodovina 1841–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 1. S. 702.

inslav

который вобрал бы представителей всех словенских партий и выработал бы единую программу. Подобное образование, получившее название Национальный комитет, начало формироваться в 1944 г. В конце октября было решено, что в его состав войдут 13 человек, из которых семеро являлись членами СНП, пятеро — либералами и один — социалистом. Председателем стал Й. Босай, представитель СНП. Параллельно шла работа над так называемым «Национальным заявлением», которое было готово к декабрю 1944 г. Его подписали 290 человек, 240 из которых были членами СНП, и 40 — либералами. В заявлении «представители словенской общественной жизни требовали объединения всего словенского народа в рамках единой Словении, которая является составной частью демократической федеративной Югославии. Они требовали также экономического и социального обновления страны[1]. В январе 1945 г. Национальный комитет начал подготовку к захвату власти. Все антикоммунистические военизированные организации и группы, и в первую очередь домобранство, руководители Комитета пытались выдать за части югославской королевской армии.

3 мая состоялось заседание Национального комитета. На нем присутствовали 39 человек, среди них большинство составляли бывшие члены довоенной скупщины, кроме того участие в заседании приняли епископ Рожман и глава словенского домобранства Кренер. В итоге было провозглашено создание государства Словения в составе федеративного Королевства Югославия. Словенское домобранство было включено в состав Словенской национальной армии (СНА), которая обязалась контролировать ситуацию, обеспечивать порядок, оборонять нерушимость границ. Было составлено обращение к ОФ с призывом прекратить вооруженные действия против СНА. В конце заседания были составлены телеграммы к Креку, Трумэну, Черчиллю и Петру II, которого пригласили посетить «освобожденную словенскую землю, которую контролируют части его высочества». Но телеграммы остались без ответа. Еще в октябре 1944 г. между Советским союзом и Англией было достигнуто соглашение, в котором стороны давали согласие проводить совместную политику в Югославии с целью стабилизации внутренней ситуации в стране посредством объединения Королевского Югославского правительства и Национального освободительного движения. В начале ноября 1944 г. между Национальным комитетом освобождения Югославии (НКОЮ) и правительством в эмиграции было достигнуто соглашение,

[1] *Mlakar B.* Dileme protirevolucionarnega tabora v pričakovanju konca vojne / Slovenska novejša zgodovina 1841–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 1. S. 763.

inslav

предусматривавшее создание единого югославского правительства, хотя в нем и оговаривалось, что окончательное решение вопроса откладывается на послевоенное время. Обсуждение югославского вопроса продолжилось на Крымской конференции 4–11 февраля 1945 г. Конференция рекомендовала, чтобы Антифашистское вече национального освобождения Югославии было расширено за счет включения членов последней югославской Скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с оккупантами. На основе этого соглашения должен был быть создан временный парламент. В конце февраля 1945 г. стороны достигли договоренности о составе объединенного правительства Югославии. Национальный комитет освобождения Югославии и эмигрантское королевское правительство ушли в отставку. 7 марта 1945 г. маршал Тито сформировал временное народное правительство Демократической Федеративной Югославии. 9 марта оно опубликовало Декларацию, где была изложена программа, основой которой оставались решения Второй сессии Антифашистского веча освобождения Югославии [1].

Домобранские части сдались британским войскам 12–13 мая 1945 г. Около 12 тыс. домобранцев были помещены в лагерь под Целовцем. После визита вице-консула по средиземноморью Г. Макмиллана в Целовец Домобранская лига была признана организацией, сотрудничавшей с оккупантами. Генерал Б. Робертсон 14 мая издал указ, согласно которому все домобранские части, которые сдались в плен, необходимо было выдать правительству Тито. С тем чтобы не вызвать волнений, пленным было сообщено, что их перемещают в Италию. По прибытии в Югославию они были разделены на три группы: группа «А» не подлежала репрессиям, в основном это касалось молодежи; группа «Б» должна была предстать перед трибуналом; группа «С» подлежала уничтожению[2].

Представители словенской политической элиты к концу войны осознали тяжесть своего положения. Предпринимаемые ими попытки удержать власть в своих руках больше напоминали агонию, нежели продуманную стратегию. Стремление Словенской народной партии к лидерству оттолкнуло от нее возможных союзников из числа других политических сил. Раздробленность и отсутствие единой программы действий, неудачная ставка на идею антикоммунизма (что, по их мнению, должно было вызвать симпатии западных союзников), а также нежелание вести вооруженную борьбу с захватчиками, в итоге привели к

[1] История Югославии. М., 1963. Т. 2. С. 248–249.

[2] *Mlakar B.* Usoda domobrancev / Slovenska novejša zgodovina 1841–1992. Ljubljana, 2005. Knj. 2. S. 838.

inslav

неминуемому сотрудничеству с оккупационными властями, что вызвало и неприятие, и осуждение как со стороны союзнических сил, так и со стороны новой югославской власти.

Функционеры СНП после завершения войны оказались в эмиграции, в основном в Аргентине и США. Перед ними встал вопрос, продолжать ли свою деятельность за границей, а если продолжать, то каким образом. В конце октября 1945 г. в Риме Крек созвал заседание партийного руководства. На нем обсуждались такие проблемы как деятельность партии в годы войны, судьба домобранцев, международное положение Югославии и т.д. В итоге было решено, что руководство партии останется пока неизменным, и по возможности будет продолжать работу. Крек возглавлял партию до 1969 г. Он разработал новую программу СНП, в которой подчеркивалась необходимость достигнуть Словенией независимости. В 1952 г. партия вошла в Союз христианско-демократических партий Центральной Европы. После кончины Крека партию возглавил М. Старе.

Е. Л. Валева
(Москва)

Движение Сопротивления в Болгарии: национальная специфика

1 марта 1941 г., уступая экономическому и политическому давлению со стороны Германии, болгарское правительство подписало соглашение о присоединении страны к фашистскому Тройственному пакту. В тот же день гитлеровская армия вступила в Болгарию, чтобы с ее территории нанести удар по соседним Греции и Югославии. Усиление политического напряжения в стране не привело, однако, к вооруженному столкновению между противостоящими силами: этому не благоприятствовали ни международная, ни внутриполитическая обстановка. В целом вовлечение Болгарии в войну на стороне Германии было встречено основной массой населения вполне спокойно. Значительная часть болгар, находившаяся под влиянием правительственной пропаганды, искренне считала, что союз с такой могущественной силой, какой была Германия в 1940–1941 гг., будет способствовать ревизии несправедливого Нейисского договора и решению национального вопроса. Определенное значение имел и тот факт, что в это время Германия и СССР являлись союзниками. Как известно, пакт Молотова

inslav

— Риббентропа создал в Европе новую ситуацию, которая оказалась не в пользу антифашистских сил. Все это объясняет, почему попытки буржуазной демократической оппозиции и Болгарской рабочей партии (БРП) выступить с протестом против присоединения страны к фашистскому блоку не оказали практически никакого воздействия на внутриполитическую ситуацию.

Накануне войны оппозиционный правительству лагерь представлял собой пеструю социально-политическую палитру. В него входили как коммунисты, так и либерально-буржуазные политические группировки. Наиболее радикальную антиправительственную силу составляли БРП, Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС) (главным образом, его левое крыло «Пладне»), левые социалисты, деятели политического течения «Звено».

Против прогерманской ориентации правительства выступала и так называемая легальная (буржуазно-демократическая) оппозиция, которая объединяла сторонников, парламентской демократии. В нее входили руководящие деятели Демократической партии Н. Мушанова, Либеральной партии, Народной партии, Демократического сговора во главе с А. Ляпчевым, некоторых других буржуазных группировок, а также правые сторонники БЗНС «Врабча 1» (Д. Гичев, В. Димов, К. Муравиев и др.) и правые социалисты. В начальный период войны легальная оппозиция строго придерживалась линии нейтралитета по отношению к воюющим группировкам. Из четырех возможных для Болгарии вариантов внешнеполитической линии — союз с Германией, союз с англо-французским блоком, союз с СССР, нейтралитет — она считала единственно правильным последний и поэтому настойчиво выступала против присоединения страны к Тройственному пакту. Ее усилия оказались безрезультатными. И не только потому, что она признавала лишь легальные методы борьбы, сводившиеся к речам в парламенте и письменным протестам в адрес властей, и что ее деятели не смогли преодолеть политиканства, амбиций, личных симпатий и антипатий. Дело еще и в том, что сама тактика нейтралитета была в сложившейся к тому времени международной ситуации иллюзией, которая не могла найти отклика в болгарском обществе, охваченном националистическим угаром. Буржуазно-демократическая оппозиция выражала взгляды тех слоев болгарского общества, которые искали вариант разрешения сложных социальных и экономических проблем страны отличный от коммунистического. Слои, составлявшие социальную базу этой оппозиции, отнюдь не были малочисленными: они охватывали часть среднего крестьянства, ремесленников, интеллигенцию, антигермански настроенную крупную буржуазию.

inslav

Начавшаяся война между Советским Союзом и Германией радикально изменила международную обстановку (начался процесс ускоренной консолидации всех антифашистских сил) и оказала сильное воздействие на Болгарию. Интерес к СССР, чувство общности судеб с Россией традиционно присутствовали в широких слоях болгарского общества. В первые же дни после нападения Германии на СССР в Софийскую дирекцию полиции начали поступать сведения с мест о настроениях населения, выражавшего возмущение гитлеровской агрессией. Самую решительную позицию против гитлеровской Германии и ее болгарских союзников заняла БРП. Это предопределялось как ее идеологией, так и ее близостью и связями с ВКП (б) и СССР. Болгарские коммунисты резко активизировали свою агитационно-пропагандистскую деятельность, всемерно используя чувства симпатии и сочувствия населения по отношению к русскому народу.

Уже 22 июня 1941 г. ЦК БРП выступил с воззванием, в котором призвал болгарский народ к борьбе против германского фашизма и поддержке справедливой борьбы СССР. Определялись главные и непосредственные задачи болгарского народа — «ни в коем случае не допустить использования своей земли и своей армии в разбойничьих целях германского фашизма»[1]. Через два дня на заседании нелегального Политбюро ЦК БРП была разработана конкретная программа вооруженной борьбы, намечены действия по разложению болгарской армии, срыву снабжения германских войск, по развертыванию партизанского движения и привлечению к антиправительственной борьбе всех демократических сил. Для организации вооруженной борьбы при ЦК БРП была создана Центральная военная комиссия во главе с Хр. Михайловым. Летом 1941 г. начали работу военные комиссии при всех подпольных окружных комитетах партии.

Следует подчеркнуть, что намеченный БРП курс исходил не из реально существовавших в Болгарии условий, а из указаний Исполкома Коминтерна от 22 июня 1941 г., в разработке которых важную роль сыграл его генеральный секретарь Георгий Димитров. В день нападения Германии на СССР Димитров направил в ЦК БРП радиограмму, в которой ставил перед партией первоочередные задачи и подчеркивал: «Учтите, что на данном этапе речь идет об освобождении народов от фашистского порабощения, а не о социалистической революции»[2]. Партийная линия

[1] Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. М.,1976. Т. 1. 1917–1944. С. 559.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Кн. п. 17. Д. 7. Исх. док. за 1941 г. № 420; см. также Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 268.

inslav

была конкретизирована в резолюции Заграничного бюро (ЗБ) ЦК БРП «Нападение фашистской Германии на Советский Союз и наши задачи» (в состав ЗБ, находившегося в Москве, входили Г. Димитров, В. Коларов, Ст. Димитров и Г. Дамянов). Этот документ был направлен в Софию 1 июля по существовавшей в это время регулярной радиосвязи между ЗБ и ЦК БРП, действовавшим внутри страны. Главной задачей болгарских коммунистов было названо содействие полному разгрому Германии: «К этому делу необходимо привлечь все и вся, не ослабляя всенародного фронта выставления других, более крайних, но несвоевременных, чисто социалистических задач. На данном этапе мировой войны не стоят задачи ни пролетарской диктатуры и советской власти, ни социализма» (в тексте подчеркнуто. — *Е.В.*)[1] Определяя «борьбу против немецких фашистов и их болгарских прислужников и сообщников» как первостепенную задачу, ЗБ наметило переход к тактике широкого антифашистского фронта. В то же время резолюция ориентировала болгарских коммунистов на то, что они не должны отказываться от своей главной, стратегической цели — борьбы за социализм, а лишь перенести ее на более отдаленный момент: «В ходе событий, по мере назревания внутренних и международных условий, массовое движение народа и армии необходимо направить против болгарского правительства во главе с Борисом» и создать национальное антифашистское правительство, в котором рабочему классу и его партии посредством массовой работы и решительной и самоотверженной борьбы должно быть «обеспечено соответствующее место»[2].

1941 год был для правящих кругов Болгарии благополучным во всех отношениях. Используя специфическую международную конъюнктуру, спекулируя на тезисе о бескровном решении национального вопроса и на том, что стране удалось избежать ужасов войны и оккупации, правительство сумело, хотя и временно, расширить свое влияние на значительные круги населения. В то время, когда почти все народы Европы были втянуты в кровопролитную войну или находились под оккупацией, Болгария представляла собой относительно мирный оазис. Экономическое положение народа оставалось стабильным. Небольшая численность германских войск, находящихся на территории страны, (после начала советско-германской войны она не превышала 2–3 тыс. человек) создавала иллюзию возможности проведения Болгарией самостоятельной политики. В распоряжении правительства имелся мощный

[1] Централен държавен архив (ЦДА, София). Ф. 3. Оп. 4. А. е. 586. Л. 1.

[2] Там же. Л. 5.

inslav

государственный аппарат с хорошо организованной полицией и администрацией, а также находившейся в состоянии боевой готовности армией. Негативным фактором для развертывания антиправительственной борьбы в Болгарии были и первоначальные победы гитлеровцев на советско-германском фронте.

Таким образом, новый курс БРП был взят в крайне неблагоприятной для его реализации обстановке. Принимая курс на подготовку вооруженной борьбы, БРП сообразовывалась с общей линией мирового коммунистического движения, которая разрабатывалась в Москве. Эти особенности имеют большое значение для понимания характера движения Сопротивления в Болгарии, которое с самого начала было направлено на изменение существующего строя, на создание нового общества, в котором сначала немалую, а затем руководящую роль играла коммунистическая партия. Борьбу за правительство национального антифашистского единства болгарские коммунисты рассматривали лишь как необходимый этап к более глубоким общественным преобразованиям.

В развитии болгарского Сопротивления исключительно велика роль внешнего фактора, выражавшегося в целенаправленной политике и поддержке со стороны советского руководства, проводимой через Коминтерн, Загранбюро ЦК БРП и лично Г. Димитрова. Эта специфика движения Сопротивления в Болгарии — его направленность не против иностранного присутствия, а против собственных правителей — ограничивала его размах, не позволила ему превратиться во всенародное. Политический состав борцов болгарского Сопротивления был весьма узким: подавляющее их большинство составляли коммунисты и комсомольцы. Понимая всю сложность внутриполитической обстановки, явно неблагоприятной для начала вооруженных действий, руководители БРП подчеркивали, что в первое время борьбу придется вести исключительно силами самой партии[1].

Здесь представляется уместной небольшая историографическая справка. Если марксистская болгарская историческая литература с гордостью констатировала, что в Болгарии, единственной из стран-сателлитов Германии, антифашистское движение Сопротивления достигло значительных размеров, то после антитоталитарной революции 1989 г. стали появляться работы (прежде всего сторонников антикоммунистической оппозиции), в которых подчеркивалась противозаконность партизанской борьбы. Сегодня значительное число исследователей считает более адекватным термин «антиправительственная борьба»,

[1] См.: *Костов Тр.* Избрани статии, доклади, речи. София, 1964. С. 609.

inslav

поскольку вооруженные действия велись в основном против болгарской армии и полиции, и лишь эпизодично — против германских войск. Важной особенностью болгарского Сопротивления было и то, что оно направлялось из Москвы с далеко идущими политико-идеологическими намерениями. Так, авторы вышедшей в 1999 г. «Истории Болгарии нового времени. 1878–1944» утверждают: «Если страна имеет все необходимые атрибуты государственности, то единственным законным способом противостояния власти является легальная оппозиционная деятельность. Причем в Болгарии эта деятельность ограничивалась, но все же допускалась. Насилие противозаконно. Оно противозаконно вдвойне, поскольку руководство сопротивлением осуществлялось извне и в интересах иностранного государства. Объяснение присутствием германских войск в стране не представляется серьезным. За небольшими исключениями вооруженная борьба велась против болгарских войск и полиции. Жертвами индивидуального террора также становились болгары»[1].

В опубликованном в 1995 г. учебном пособии «История Болгарии (681–1960)» аналогичным образом констатируется, что поскольку Болгария не была оккупирована и борьба велась там против собственного правительства, то по существу это была гражданская война[2]. Тем не менее, и сегодня многие болгарские авторы широко употребляют термины «антифашистская борьба» и «движение Сопротивления», полагая, что оно включает в себя как сопротивление прогерманскому внешнеполитическому курсу болгарского руководства, так и борьбу за свержение существовавшего в стране авторитарного режима. К примеру, Й. Баев считает, что дискутируемый сегодня вопрос об уместности использования термина «антифашистское Сопротивление» не учитывает основного разделения мира в этот период на страны фашистской Оси и антифашистской коалиции[3].

В первые месяцы после объявления курса на вооруженную борьбу в БРП, в том числе в ее Центральном комитете, существовали различные взгляды по вопросу о времени непосредственной организации вооруженного восстания и методах его подготовки. Часть коммунистов призывала начать подготовку восстания немедленно. За указаниями об-

[1] См. *Стателова Е., Грънчаров С.* История на нова България. 1878–1944. София, 1999. Том III. С. 606.

[2] История на България (681–1960). София, 1995. Т. II. С. 461.

[3] *Баев И.* Някои проблеми на съветската политика към България (1943–1945 г.) // Българо-съветски политически и военни отношени (1941–1947). Статии и документи. София, 1999. С. 77.

inslav

ратились в Москву, в Загранбюро. Не решаясь действовать без консультации с «высшей инстанцией», Димитров 2 августа 1941 г. пишет Сталину: «По сведению ЦК нашей болгарской партии, положение в стране чрезвычайно напряженное... Вопрос о восстании против царя Бориса и его германских покровителей в Болгарии поставлен конкретно. В связи с этим ЦК партии запрашивает — как и в каких размерах СССР может оказать помощь в случае восстания в Болгарии (подчеркнуто в тексте — *Е. В.*). Очень прошу Ваших срочных указаний по этому поводу»[1]. 4 августа состоялся разговор Димитрова со Сталиным, в котором были получены следующие указания: «Сейчас никакого восстания. Рабочих разгромят. Сейчас мы не можем оказать никакой помощи. Попытка поднять восстание будет провокацией»[2]. На следующий день Димитров направил члену ЦК БРП А. Иванову следующую директиву: «После тщательного обсуждения вопроса в самом авторитетном месте пришли единодушно к выводу, что восстание в настоящих условиях было бы преждевременным и заранее обречено на разгром. Приступить к восстанию только тогда, когда будет возможно комбинированное действие изнутри и извне страны, что в данный момент еще невозможно. Теперь надо накоплять силы, всемерно готовиться, укреплять позиции в армии и стратегических пунктах»[3]. Через неделю А. Иванов от имени ЦК уведомил Загранбюро, что партия работает именно в таком направлении: «Готовимся всесторонне к восстанию армии и народа в подходящий момент, согласованный с внешними силами (подчеркнуто в тексте — *Е. В.*), а также к соответствующей организационной перестройке и военно-технической подготовке партии и масс. Эту подготовку сочетаем с развертыванием борьбы и расстройством фашистского тыла. С этой целью и в процессе борьбы создаются боевые группы и партизанские отряды»[4].

Болгарским коммунистам приходилось разъяснять свою линию союзникам — левым деятелям бывшей Военной лиги и политического течения «Звено». Поддержав курс БРП на вооруженную борьбу, они хотели нанести внезапный удар по правящей верхушке. По их мнению, следовало воздерживаться от отдельных разрозненных вооруженных действий, чтобы не повышать бдительности правительства. Загранбюро высказалось в поддержку линии БРП. В радиограмме от 1 сентября 1941 г. Г. Димитров подчеркнул различие между дворцовым, военным переворотом и

[1] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 87. Л. 5.

[2] *Димитров Г.* Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. София. 1997. С. 243.

[3] РГАСПИ. Ф. 495. Кн. п. 17. Д. 7. Исх. док. за 1941 г., № 567.

[4] Там же. Оп.184, № 589; см. также: Болгария в XX веке. С. 270–271.

inslav

народным восстанием: «В нынешней ситуации вопрос стоит не о таком перевороте, а о восстании армии и народа. Для успеха народного восстания такие действия, дезорганизующие базы и тыл врага и поднимающие боевой дух масс, не только не помешают, но и являются необходимым условием успеха»[1]. Помимо «звенарей», всегда готовых к заговорам и переворотам, на предложения коммунистов о сотрудничестве вначале откликнулись лишь отдельные представители левых группировок БЗНС и социал-демократической партии. Однако они не разделяли позицию БРП по вопросу о методах борьбы, признавая лишь легальные формы сопротивления. Большинство же руководителей либеральной оппозиции не пошли на установление контактов с коммунистами и не пытались создать собственные военно-политические организации для антиправительственной борьбы.

Особо следует упомянуть о деятельности представителей правого течения в БЗНС «Пладне», объединившихся вокруг д-ра Г.М. Димитрова[2]. Еще до присоединения Болгарии к Тройственному пакту они готовили государственный переворот с целью установления проанглийского, антигерманского правительства. Эта заговорщическая деятельность, проводившаяся с английской и югославской материальной и политической помощью, не нашла широкой поддержки в рядах буржуазной оппозиции. В апреле 1941 г. заговор был раскрыт, на БЗНС «Пладне» обрушились репрессии. Бежавший на Ближний Восток Г.М. Димитров объявил себя председателем болгарского Национального комитета «Свободная и независимая Болгария», созданного деятелями правого крыла БЗНС «Пладне» при содействии английских спецслужб. Комитет был формальным руководителем вещавших на Болгарию антифашистских радиостанций «Свободная и независимая Болгария», «Васил Левский» и «Станция свободы». Фактически же работой станций руководил региональный штаб Управления специальными операциями в Каире, который, в свою очередь, подчинялся министерству иностранных дел Великобритании[3]. Так же, как радиопередачи на болгарском языке с территории СССР отражали стратегические намерения советского руководства, так и работа созданных при английской поддержке радиостанций была подчинена интересам Англии на Балканах и в Болгарии. Время от времени само-

[1] РГАСПИ. Ф. 495. Кн. п. 17. Д. 7. Исх. док. за 1941 г., № 653; Коминтерн и вторая мировая война. М. 1998. Ч. 2 (после 22 июня 1941 г.). С. 150–151.

[2] Подробнее см. *Мозер Ч.* Д-р Г.М. Димитров. Биография. София, 1992.

[3] См.: *Николова А.* Антифашистката радиопропаганда на български език (1941–1944) // Векове. 1990. № 5. С. 24.

inslav

леты разбрасывали над территорией Болгарии воззвания, подписанные Г. М. Димитровым[1]. В самой Болгарии деятели «Пладне» также издали три воззвания (в июле, октябре и декабре 1941 г.). В них содержалось требование порвать с гитлеровской Германией, создать «правительство единения и спасения», выражалась солидарность со справедливой борьбой советского народа[2]. Эффект от деятельности правых лидеров БЗНС «Пладне» и представителей буржуазных оппозиционных партий в парламенте был незначителен, что объясняется прежде всего отсутствием у них широкой социальной опоры, организационного единства и четкой программы действий.

На первом этапе антиправительственная борьба БРП выражалась в саботажных действиях боевых групп, действовавших главным образом в городах. Первые боевые группы были созданы и вооружены уже в июле 1941 г. В каждую из них входило несколько бойцов, как правило, из числа коммунистов-подпольщиков. Их задачей было дезорганизовывать гитлеровский тыл: устраивать диверсии на военных объектах, проводить саботаж на предприятиях, обслуживающих гитлеровцев, добывать огнестрельное оружие и боеприпасы. Боевые группы поджигали цистерны с бензином и склады товаров, предназначенных для германской армии, нападали на немецкую охрану и болгарскую полицию, производили взрывы на железнодорожных линиях, поломку и порчу фабричного и заводского оборудования и т.д.[3] Болгарской полиции удалось раскрыть и разгромить бóльшую часть групп.

Наряду с боевыми группами БРП создавала партизанские отряды (четы), действовавшие в горах. Первыми болгарскими партизанами стали коммунисты, которые находились на нелегальном положении в связи с угрозой ареста. Однако, хотя первые партизанские группы появились уже летом 1941 г.[4], об их серьезных операциях до середины 1943 г. говорить не приходится.

Важной составной частью Сопротивления была деятельность разведывательных групп, работавших на советскую разведку. Они передавали сведения о численности германских войск в Болгарии и о находя-

[1] См.: *Димитров И.* Буржоазната оппозиция в България. 1939–1944. София, 1969. С. 59.

[2] См.: *Петрова Д.* БЗНС в края на буржоазното господство в България (1939–1944 гг.). София, 1970. С. 55–56.

[3] См.: *Стойнов Б.* Бойните групи (1941–1944). София, 1969.

[4] См. История на антифашистката борба в България. 1939–1944. София. 1976. Т. 1. С. 210–214.

inslav

щихся там военных объектах. Руководителями таких разведгрупп были просоветски настроенные интеллигенты и военные — генералы Владимир Заимов и Никифор Никифоров (Журин), Александр Пеев (Боевой), Элефтер Арнаудов (Алюр). Так В. Заимов руководил разведывательной сетью с филиалами во многих государствах Центральной Европы, в том числе и в самой Германии. Известны его сообщения советскому Центру, подписанные кодовым псевдонимом «Азорский», которые содержат важнейшую информацию о решениях гитлеровского командования[1]. В. Заимов был схвачен полицией, приговорен к смертной казни и расстрелян летом 1942 г. В 1972 г. советскому разведчику В. Заимову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза с награждением орденом Ленина. Разведывательная организация А. Пеева привлекла к сотрудничеству не только военных, но и высших дипломатических и государственных чиновников, от которых советская разведка получала важную информацию[2].

Большое значение для расширения антиправительственной борьбы имела пропагандистская деятельность компартии на радио. Заграничное бюро ЦК БРП организовало в Москве с советской помощью работу радиостанции им. Христо Ботева, передачи которой выходили в эфир (начиная с 23 июля 1941 г.) в течение трех лет. Через эту радиостанцию Загранбюро поддерживало контакты с ЦК компартии в стране. Болгарские коммунисты записывали, размножали и распространяли полученную по радио информацию[3]. С 7 октября 1941 г. по решению Загранбюро ЦК БРП на территории СССР начал работать еще один радиопередатчик — «Народен глас» («Голос народа»).

Поддержка антиправительственной борьбы в Болгарии начала осуществляться советским руководством через Коминтерн уже в первые месяцы Великой Отечественной войны. Учитывая особое положение Болгарии — с одной стороны, как союзника Германии, с другой — как страны с традиционно прорусскими настроениями и с сильной компартией, — советское руководство решило направить туда группы болгарских политэмигрантов для ведения разведывательных, боевых и саботажных

[1] См. Невидимите барикади. Очерци за българи-съветски разузнавачи. София, 1968; *Заимов С.* Генерал Владимир Заимов. София, 1988.

[2] См.: *Недев Н.* Тайната война или летопис за д-р Александър Пеев и генерал Никифор Никифоров. София, 1984; *Азаров А.* На острие меча. М., 1975.

[3] См. *Николова А.* Радиостанция «Христо Ботев» за сплотяването на антифашистките сили в България (1941–1944 г.) // Известия на института по история на БКП. 1983. Т. 50. С. 137–176; *Панайотов Ф.* Двубой в ефира. 1941–1944. София, 1975.

inslav

действий в тылу гитлеровской Германии. По его указанию Загранбюро ЦК БРП составило список, в который вошли около ста наиболее подготовленных в политическом и военном отношении кадров.

В болгарской исторической литературе долгое время господствовала официальная версия о том, что политэмигранты направлялись в Болгарию по решению Загранбюро ЦК БРП для оказания помощи партии при организации вооруженной антифашистской борьбы. Сегодня архивные документы позволяют однозначно утверждать, что болгарские эмигранты посылались на родину советскими секретными службами в качестве советских разведчиков.[1] Так, руководитель одной из групп политэмигрантов, полковник Красной армии Цвятко Радойнов незадолго до отправки в Болгарию в 1941 г. был зачислен в специальный отряд войск НКВД[2]. Многие политэмигранты находились полностью в подчинении советских служб и выполняли их задания, даже не ставя об этом в известность Загранбюро. Об этом недвусмысленно говорит записка В. Коларова Г. Димитрову от 30 августа 1941 г. Коларова, второго человека в партии, явно задело то, что «группа добровольцев из болгарских политэмигрантов со специальным назначением была сформирована НКВД мимо Представительства БКП». «К нам не обращались и для получения политической характеристики на людей. Я был уведомлен некоторыми товарищами, что они входят в такую группу, но об ее составе в целом я узнал в частном порядке лишь несколько дней тому назад после того, как группа была уже на месте своего назначения»,[3] — писал Коларов. Он настаивал, чтобы в будущем для болгарских политэмигрантов, отправляющихся со специальными поручениями, требовали также характеристику Загранбюро ЦК БРП.

По плану Генштаба первые группы политэмигрантов должны были быть переброшены на болгарский берег морем, подводными лодками[4]. Неудачи начали преследовать «подводников», высадившихся в августе 1941 г. в устье реки Камчия, с первых же часов пребывания на родной земле. Очень скоро на их след напала полиция, заранее получившая от

[1] См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Исх. и вх. телегр. за 1942 г. Л.4,7; Даскалов Д. Жан съобщава. Задграничното бюро и антифашистката борба в България. 1941–1944. София. 1991. С. 58–75.

[2] См.: Живот — борба. Книга за Цвятко Радойнов. София 1986. С. 122.

[3] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 82. Л. 181.

[4] Еще 30 болгарских эмигрантов, составивших пять групп, были сброшены с парашютами на территорию Болгарии с советских самолетов в сентябре — начале октября 1941 г. Их судьба оказалась трагичной: почти все они были сразу схвачены полицией, погибли в перестрелке или покончили с собой.

inslav

своих агентов информацию о готовящейся операции. Нередки были случаи выдачи их местным населением. В итоге из вернувшихся в Болгарию в составе различных групп 56 эмигрантов в живых и на свободе к лету 1942 г. осталось только семеро. 18 человек погибли в сражениях с полицией, трое покончили жизнь самоубийством, 28 были арестованы[1].

Провалу операции способствовали и ошибки, допущенные при организации десанта: тяжелое снаряжение и неподходящая экипировка, недостаточное количество продовольствия, отсутствие связи с болгарскими подпольщиками. Судя по всему, между советскими секретными службами существовали нестыковка и даже определенное соперничество, мешавшие осуществлению операции. Об этом недвусмысленно писал позже руководитель одной из групп «подводников» Ц. Радойнов, сумевший несмотря на неимоверные трудности добраться до Софии, где он возглавил Центральную военную комиссию при ЦК БРП (до момента своего ареста в апреле 1942 г.)[2]. В записке, полученной через партийного связного заместителем начальника 1-го отдела НКГБ П. Судоплатовым 28 апреля 1942 г., Ц. Радойнов писал: «Мною ранее уже был поставлен ряд вопросов о нашей работе. Эти вопросы не получили, однако, своего разрешения. Меня интересует, к кому следует обратиться за помощью. Кто будет руководить нашей работой и какие Вы расчеты строите? Как известно, сюда для выполнения по существу одной и той же задачи были переброшены люди двумя путями, двумя органами. Еще и тогда я высказывался о вредности такого рода параллелизма. Надо было иметь одно руководство». Отмечая тяжелые условия, в которых ему приходится работать, Радойнов просил «как можно быстрее ответить на следующие вопросы: а) кто будет нами руководить; б) какие будут каналы связи (шифры, позывные); в) на какие средства мы можем рассчитывать в различные периоды войны; г) оружие и радиоаппаратура; д) „ВВ" (взрывчатые вещества — *Е. В.*); е) люди, деньги. Мы поставили перед собой задачу подготовить пункты для выброски материалов как воздушным, так и морским путями»[3].

Первоначальный план Разведуправления Генштаба Красной армии, по которому болгарские эмигранты должны были действовать в тылу не-

[1] См.: *Ерелийска М.* Героичният подвиг на българските политемигранти през 1941 г. // Известия на Института по история на БКП. 1963. Т. 10. С. 348; см. также: *Видинский К.* Подводники. Воспоминания. София, 1987.

[2] Подробнее см.: *Валева Е.Л.* Герой болгарского Сопротивления Цвятко Радойнов // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 107–122; Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003. С. 274–277.

[3] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 85. Л. 64.

inslav

мецких войск в Болгарии в качестве бойцов Красной армии, оказался нарушенным. В связи с этим 4 апреля 1942 г. А. Иванов послал Димитрову радиограмму, в которой просил согласия Загранбюро, чтобы оставшиеся в живых политэмигранты включились в работу партийной организации: «Радионова будем называть Жеко. Он организует боевые группы и вообще руководит военной работой в центре (имеется в виду Военная комиссия при ЦК — *Е. В.*). Вообще сложившаяся обстановка заставила нас использовать всех уцелевших парашютистов. Но тем самым нарушается данный им приказ — работать в стороне от нас, что оказалось невозможным. По этому вопросу Жеко неоднократно запрашивал Косту (конспиративная связь с Москвой — *Е. В.*), но не получил никакого указания. Он хочет знать, имеется ли здесь у нас, то есть у Косты, соответствующее начальство, с которым он может связаться и получать соответствующие указания»[1]. В своем ответе от 10 апреля 1942 г. Димитров сообщил в ЦК: «Жеко и уцелевшие парашютисты должны перейти отныне в распоряжение и под руководство партии. Их начальством будет Цека. Другого начальства нет и не следует его искать. Возложенные на них задачи принимает на себя партия»[2]. Через неделю Димитров просит А. Иванова сообщить, «кто из „парашютистов" убит или арестован»[3].

Увы, на свободе их оставалось все меньше. 25 апреля 1942 г. полиции удалось схватить Ц. Радойнова. Его арест стал звеном в цепи провалов ЦК БРП и его аппарата весной 1942 г. Были арестованы около 100 видных деятелей партии, в том числе секретари ЦК Антон Иванов и Трайчо Костов. Власти организовали два судебных процесса: первый, так называемый процесс парашютистов, с главным обвиняемым Ц. Радойновым, и второй — против членов и актива ЦК БРП. 9 июня 1942 г. Софийский военно-полевой суд при закрытых дверях начал слушание дела против 27 «парашютистов» и «подводников». 14 июня начальник 1-го отдела НКВД П. Фитин, через которого шел обмен шифрограммами с БРП, сообщил Димитрову о получении сведений об этом от резидента НКГБ в Софии. «Всем обвиняемым, — говорилось в сообщении, — грозит смертная казнь. Защита постарается доказать, что подсудимые прибыли из Советского Союза в качестве разведчиков против Германии, а не для борьбы против Болгарии, поэтому их следует рассматривать в силу наличия нормальных дипломатических отношений с СССР как военнопленных на территории Болгарии и до окончания германо-

[1] Там же. Оп. 184. Д. 19. Л. 4.

[2] Там же. Д. 12. Л. 6–7.

[3] Там же. Л. 8.

inslav

советской войны интернировать и немцам не выдавать». Далее Фитин извещал Димитрова о том, что ЦК БРП обратился через своего связного к Москве с просьбой «о выпуске официального обращения по процессу» и «о выдаче адвокатам подсудимых удостоверений, свидетельствующих о том, что все обвиняемые являются советскими гражданами». Однако Фитиным было послано в Софию указание не отвечать на эту просьбу, поскольку он счел ее «провокационной»[1]. 26 июня Димитров получил записку из ГРУ Генштаба следующего содержания: «Нашему источнику в Болгарии поставлена задача изучить вопрос о возможностях помощи парашютистам. Однако источник считает, что официальное вмешательство СССР в процесс может быть использовано болгарским правительством как один из аргументов для разрыва дипломатических отношений с нами»[2]. Такое отношение сотрудников секретных служб соответствовало занятой советской стороной осенью 1941 г. позиции. Так, на приеме 17 сентября В.М. Молотов заявил болгарскому посланнику И. Стаменову, что утверждение о якобы сброшенных на болгарской территории советских «парашютистах» опровергнуто советской стороной и что возможно это было «произведено с провокационной целью агентами гитлеровской Германии».[3]

26 июня 1942 г. огласили приговор по делу «подводников» и «парашютистов». 18 подсудимых во главе с Ц. Радойновым были приговорены к расстрелу и в тот же день казнены на Софийском гарнизонном стрельбище. Семерых приговорили к пожизненному заключению. Трагическая судьба десантников лишний раз показала, что руководство БРП, связанное по рукам директивами Коминтерна, не могло адекватно реагировать на внутриполитическую обстановку в Болгарии. Тактика развития антиправительственной борьбы зачастую не отвечала реальным условиям в стране и, как следствие, обернулась большими и неоправданными жертвами.

Стремясь вывести антиправительственную борьбу из узких рамок чисто коммунистического движения, летом 1942 г. Загранбюро ЦК БРП по указанию Коминтерна разработало политическую платформу национального антифашистского фронта. 17 июля 1942 г. по нелегальной радиостанции им. Христо Ботева была передана программа Отечествен-

[1] Там же. Оп. 74. Д. 85. Л. 89–90. См. также: Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София. 1999. С. 174–175.

[2] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 86. Л. 26.

[3] Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. Д. 122. П. II. Л. 7.

inslav

ного фронта (ОФ). Приоритетными в ней были демократические задачи: разрыв с фашистской Германией, установление отношений дружбы и сотрудничества с советским и другими народами, борющимися против фашизма, свержение антинародной, прогитлеровской власти, восстановление конституции и формирование национального правительства, пользующегося доверием народа. БРП не выдвигала на этом этапе социалистических задач. В то же время, рассматривая ОФ не как стратегию, а как тактику, коммунисты не собирались отказываться от своей конечной цели — социалистической революции.

Сразу же после провозглашения программы ОФ ЦК БРП направил декларацию руководителям БЗНС, БРСДП, Демократической, Либеральной, Радикальной и других нефашистских партий, организаций и течений, предлагая принять участие в создании Отечественного фронта и в осуществлении его программы[1]. Однако объединение социально разрозненных сил в широкий союз шло достаточно медленно. До конца 1942 г. из всех руководителей либеральной оппозиции лишь двое — Н. Петков (БЗНС «Пладне») и К. Георгиев («Звено») — выразили готовность включиться в Отечественный фронт. Другие же лидеры либеральной оппозиции — Д. Гичев, В. Димов, К. Мушанов, А. Буров, Ст. Костурков, Кр. Пастухов, А. Гиргинов, П. Стоянов, — принимая в целом или частично изложенные в программе ОФ требования, отказались от взаимодействия с коммунистами. Наряду с неприемлемостью незаконных методов борьбы, важным мотивом их отказа было недоверие к компартии. Не увенчались успехом и усилия по массовому созданию комитетов ОФ на местах. До середины 1943 г. членскую массу ОФ составляют в подавляющем большинстве коммунисты.

Разгром гитлеровцев под Сталинградом оказал сильное влияние на настроения и взгляды в болгарском обществе. Ухудшение экономического положения и снижение жизненного уровня населения в результате участия Болгарии в войне вызывали все большее недовольство правительством, все чаще раздавались обращения к правительству отказаться от прогерманской политики, прекратить полицейский террор. На этом основании ЦК БРП пришел к выводу, что наступает новый этап в развитии борьбы. В феврале 1943 г. ЦК БРП издал директиву относительно перспектив перерастания вооруженной борьбы в ее высшую форму — восстание с целью свержения существующего режима[2].

[1] См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 77.

[2] См.: Антифашистката борба в България. Документи и материали. София, 1984. Т. 2. С. 5–15.

inslav

В марте-апреле 1943 г. были проведены мероприятия по реорганизации боевых сил ОФ и совершенствованию руководства ими. Все партизанские формирования и боевые группы становились подразделениями единой Народно-освободительной повстанческой армии (НОПА). Страна была разделена на 12 повстанческих оперативных зон (ПОЗ) во главе с зональными штабами, работавшими под непосредственным руководством окружных комитетов компартии. Летом деятельность партизанских отрядов несколько активизируется. Если в 1942 г. преобладали акты саботажа и диверсий, которые проводили боевые группы, то в 1943 г. не первое место выдвинулись вооруженные действия партизан, перешедших от оборонительной к наступательной тактике. Только в период с марта по август 1943 г. ими было проведено 286 вооруженных операций[1].

После победы Красной армии на Курской дуге руководство БРП решило, что она уже скоро приблизится к Балканам. В связи с этим в сентябре 1943 г. ЦК предпринял попытку сделать партизанское движение более массовым, хотя для этого не было объективных условий. Возникли трудности с вооружением, продовольствием и т.д. Для борьбы с партизанами правительство создало специальные военно-полицейские формирования, разработало план наступления на основные районы партизанского движения. Были разгромлены многие партизанские отряды: имени Антона Иванова в Родопах, часть отряда имени Христо Ботева, часть отряда «Чавдар» и другие. Несколько позже, в январе 1944 г., было образовано специальное формирование с целью ликвидации партизанского движения — государственная жандармерия. В стране реально возникла обстановка гражданской войны.

Изменившаяся в 1943 г. внутри- и внешнеполитическая обстановка вызвала активизацию либеральной оппозиции, выступавшей за реставрацию конституционного режима и в защиту буржуазной демократии в ее довоенных формах. Наиболее последовательный защитник этой линии Н. Мушанов стремился объединить либерально-демократические силы в борьбе как против существующего режима, за изменения во внутренней и внешней политике Болгарии, так и против угрозы прихода к власти коммунистов[2]. В начале августа 1943 г. царю Борису было вручено коллективное письмо пяти оппозиционных деятелей (К. Георгиев, В. Ганев, Кр. Пастухов, Н. Петков, Ц. Бобошевский), в котором они призывали монарха нормализовать отношения со странами антигитле-

[1] *Георгиев Г.* НОВА. Бойната дейност на народноосвободителната въстаническа армия. 1943–1944. София, 1974. С. 22.

[2] См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С.92–93.

inslav

ровской коалиции. Письмо стало первым коллективным выступлением лидеров буржуазной оппозиции против политики правительства. Оно вызвало настороженность со стороны руководства БРП, которому не предложили его подписать.

У коммунистов возникли опасения, что они останутся в изоляции и не смогут рассчитывать на участие в управлении послевоенной Болгарией. Поскольку БРП так и не удалось расширить Отечественный фронт за счет партий буржуазной оппозиции, она решила вовлечь в него отдельных политических деятелей, по тем или иным соображениям готовым на сотрудничество с коммунистами. 10 августа 1943 г. было сформировано основное ядро политического центра, впоследствии получившего название Национального комитета Отечественного фронта (НК ОФ) в составе К. Драмалиева (БРП), Н. Петкова (БЗНС «Пладне»), К. Георгиева («Звено»). В сентябре в НК ОФ были включены левый социал-демократ Г. Чешмеджиев и известный своей политической непоследовательностью беспартийный Д. Казасов[1]. Таким образом, НК ОФ был образован не в результате союза нескольких партий, а в результате договоренности БРП с отдельными буржуазными политиками, действовавшими как частные лица, но использовавшими имя и авторитет своих партий[2]. В коалицию партий ОФ превратился позже, уже после захвата им власти в сентябре 1944 г.

Изменение международной обстановки после выхода из войны Италии летом 1943 г. усилило внутриполитическую нестабильность в Болгарии, обострившуюся после внезапной смерти царя Бориса III, последовавшей в конце августа 1943 г. вскоре после его поездки в Берлин по вызову Гитлера. Царем был провозглашен шестилетний сын Бориса Симеон. В условиях неблагоприятных для держав «оси» событий на фронтах смерть болгарского монарха вызвала государственно-политический кризис в стране.

К августу 1944 г. война властей с партизанами достигла кульминации. Показательна статистика столкновений между правительственными и партизанскими вооруженными силами. Если в период формирования и укрепления НОПА (март–август 1943 г.) зафиксировано 286 боевых схваток, то с апреля по август 1944 г. их было 1909 — в среднем по 380 в месяц. Интенсивность боевых действий в последние 8 дней партизанской борьбы (1–8 сентября 1944 г.) достигла общей цифры 425,

[1] См.: Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985. С. 281.

[2] *Минчев М.* Отечествения фронт в България // *Минчев М.* България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999. С. 20–24.

inslav

то есть по 53 в день[1]. К этому времени в рядах НОПА насчитывалось около 30 тыс. борцов. Она состояла из одной дивизии, 9 бригад, 36 отрядов, нескольких самостоятельных чет, сотен боевых групп. Сеть ятаков (помощников партизан) разрослась почти до 200 тыс. человек[2]. Правда, эти цифры нельзя считать абсолютно достоверными, установление точных статистических данных в данном случае не представляется возможным, а в марксистской историографии и мемуаристике всегда наблюдалась склонность к преувеличению масштабов антифашистской борьбы в Болгарии. Основной формой действий партизан было овладение селами, в которых сжигались архивы, проводились собрания и карательные акции в отношении представителей власти.

Исследования болгарских историков привели к выводу о том, что социально-классовая структура партизанского движения в Болгарии не отражала адекватно социальную структуру болгарского общества в тот период. Особенностью партизанской борьбы в этой стране являлось активное участие в ней рабочего класса (различных отраслей) — 52,58 % и интеллигенции (прежде всего, студенчества и учителей) — 5 %. Участие же крестьян, составлявших в те годы большинство населения страны, представляется незначительным — 25,7 %, причем особенно слабую активность проявляло бедное крестьянство[3]. Относительная доля крестьян в партизанском движении вдвое меньше, чем рабочих. Болгарское движение Сопротивления имело ограниченный партийно-политический состав. Отрицательное отношение союзников БРП по Отечественному фронту к вооруженной борьбе имело следствием сужение ее классово-политической основы и ограничение ее масштабов. Компартия оказалась единственным организатором и руководителем вооруженной борьбы. Партизанское движение в Болгарии на протяжении всего периода объединяло в своих рядах практически только членов БРП (35,4 %), Рабочего союза молодежи (47 %) и их беспартийных единомышленников (16 %). Из союзников коммунистов по ОФ в нем участвовали только члены БЗНС «Пладне» (0,57 %) и БРСДП (0,66 %)[4].

---

[1] См.: *Баталски Г.* За антифашистката борба и гражданската война (по българския опит от 1941–1944 г.) // Военноисторически сборник 1990. № 5. С. 84.

[2] См.: Краткая история Болгарии. М., 1987. С. 405–406.

[3] *Дочев Д.* Социално-класова и политическа структура на партизанското движение в България. Автореферат докторской дисс. София. 1988. С. 9. См. также: *Дочев Д.* Семената на бурята (Социално-класова характеристика на партизанското движение във II ВОЗ). Пловдив, 1984.

[4] См.: *Дочев Д.* Социално-класова и политическа структура... С. 17.

inslav

Приближение Красной армии к Балканскому полуострову и свержение прогерманского режима Антонеску в Румынии 23 августа 1944 г. резко обострили внутриполитическую ситуацию в Болгарии. Правительство И. Багрянова все меньше контролировало ситуацию, несмотря на то, что оно сделало не демагогическую (как порой утверждалось в историографии), а искреннюю попытку изменения внешнеполитического курса страны: 26 августа 1944 г. объявило о строгом нейтралитете своей страны в германо-советской войне и потребовало от Германии вывода ее войск с территории Болгарии[1]. Но провозгласив курс на перемены, кабинет оказался не в состоянии его реализовать. Одной из причин было то, что в его состав входили как сторонники этих перемен, так и приверженцы прежнего прогерманского курса. Последние (в их числе министры внутренних и иностранных дел А. Станишев и П. Драганов), согласуя свои действия с регентами и Генштабом армии, парализовали усилия Багрянова и его сторонников осуществить поворот не только во внешней, но и во внутренней политике. Так, правительство приняло решение ослабить репрессии против политзаключенных, помощников и родственников партизан, приостановить исполнение смертных приговоров, но Генштаб и министры сопротивлялись этому решению. Сорвалось и принятие законопроекта об амнистии. Поскольку попытки Багрянова остановить братоубийственную войну, естественно, не встретили понимания и со стороны партизан, правительство вновь перешло в контрнаступление на силы Сопротивления. Истребление партизан и их помощников приняло небывало жестокий характер. Непоследовательно проводилась и внешняя политика — попытка отрыва от Германии сопровождалась уступками и компромиссами[2].

Стремясь не допустить внутреннего взрыва и его поддержки извне — со стороны Красной Армии, — власти пошли на компромисс с либеральной оппозицией. 30 августа 1944 г. был образован кабинет во главе с одним из лидеров БЗНС «Врабча» Константином Муравиевым. В него вошли 5 деятелей БЗНС «Врабча», 3 члена Демократической партии, один представитель Народной партии и один беспартийный. Для предотвращения революционного выхода из государственно-политического кризиса, правительство наметило три основные задачи: совершить поворот во внешней политике, порвав отношения с Германией, заключив перемирие с Англией и завоевав доверие СССР; вос-

[1] См.: *Димитров И.* Иван Багрянов — царедворец, политик, държавник. Исторически очерк. София. 1995. С. 89.

[2] Подробнее см.: Там же.

inslav

становить конституционные порядки и буржуазно-демократические свободы; привлечь БРП и ОФ к управлению страной[1]. В декларации от 4 сентября 1944 г. правительство Муравиева провозглашало «истинно демократическое правление», а в области внешней политики — нейтралитет Болгарии. Оно отменило нормативные акты, запрещающие деятельность политических партий, расформировало жандармерию, объявило полную амнистию политзаключенных, запретило все организации с фашистской и национал-социалистской идеологией, разорвало дипломатические отношения с Германией (6 сентября) и объявило ей войну (8 сентября), обратилось к СССР с просьбой о перемирии и приказало своим военным подразделениям не только не оказывать сопротивления Красной армии, но и содействовать ее продвижению по болгарской территории[2]. Пять дней, которые история отвела кабинету Муравиева, не дали ему возможности реализовать эти решения на практике. Но дело не только в этом.

Попытка легальной оппозиции перейти к традиционной партийно-парламентской демократической системе была бесперспективной и заранее обреченной на провал. Судьба Болгарии была решена союзниками по антигитлеровской коалиции с учетом их интересов и планов. Для Англии и США Болгария уже находилась в советской зоне. Это нашло свое подтверждение позже, в октябре 1944 г, когда на встрече Сталина и Черчилля сферы влияния на Балканах были конкретизированы в процентах (75 % преобладающего влияния в Болгарии получал СССР)[3]. Для Англии и США не было смысла поддерживать новый кабинет с риском осложнения отношений с СССР, и он остался в полной изоляции.

Пятого сентября 1944 г. Советский Союз объявил Болгарии войну с мотивировкой, что болгарское правительство фактически ведет войну в лагере Германии против СССР. Принятое 6 сентября новым кабинетом К. Муравиева решение о разрыве дипломатических отношений с Германией и немедленном начале переговоров с СССР о перемирии не было принято во внимание. 8 сентября 1944 г. части 3-го Украинского фронта вошли в Болгарию. Вступление советских войск на болгарскую территорию создало благоприятные условия для активных действий леворадикальных сил во главе с БРП, объединившихся вокруг Отече-

---

[1] См.: *Димитров И.* Буржоазната опозиция... С. 193–196.

[2] *Муравиев К.* Събития и хора. Спомени. София, 1992. С. 402–403.

[3] См. България — непризнатият противник на Третия райх. Сборник документи. София, 1995. С. 83–86, 89–98.

inslav

ственного фронта. В ночь на 9 сентября власть в стране перешла в руки ОФ, что означало радикальное изменение как внутреннего, так и международного положения Болгарии. В 6 часов утра назначенный премьер-министром нового кабинета К. Георгиев по радио объявил о том, что народное восстание победило. Смена власти в Болгарии произошла в результате акции, внешне имевший вид «военного переворота» в центре, и отдельных повстанческих действий в провинции, но в основе и того, и другого стояла БРП — организатор Сопротивления в годы войны[1]. В тот же день советское правительство согласилось на просьбу правительства ОФ начать переговоры о перемирии.

Движение Сопротивления в Болгарии не достигло, конечно, такого масштаба, какой оно имело в оккупированных германской армией странах, например в Югославии и Греции. Но оно было несравнимо более массовым, чем партизанское движение в других странах — союзницах Германия, таких как Венгрия и Румыния. Болгарское Сопротивление получило и международное признание со стороны ведущих государств антигитлеровской коалиции, которые направили своих представителей к болгарским партизанам. Эти страны рассматривали НОПА в качестве своего союзника в борьбе против общего врага — нацистской Германии. Так, Великобритания направила в штаб НОПА три военных миссии. Одну из них возглавлял майор Франк Томпсон, погибший в неравном бою в июне 1944 г. вместе со своими болгарскими товарищами. Плечом к плечу с болгарскими партизанами сражались и советские воины, бежавшие из фашисткого плена, и несколько американских летчиков, сбитых над территорией Болгарии.

И еще один немаловажный момент. Участие болгар в вооруженном Сопротивлении против фашизма имело важное значение в государственно-правовом аспекте по окончании Второй мировой войны. Благодаря движению Сопротивления, а также Отечественной войне болгарского народа против гитлеровской Германии (1944–1945 гг.), Болгария избежала третьей национальной катастрофы. Хотя при обсуждении мирного договора ей не удалось добиться статуса «совоюющей» страны, она все же не потеряла ни одного квадратного метра своей территории, а репарации и контрибуции были по возможности сокращены.

[1] См. *Калинова Е., Баева И.* Българските преходи. 1944–1999. София, 2000. С. 24.

inslav

Я. Немечек
(Прага)

Чешское общество и Советский Союз. 1939–1945 годы

Чешский народ традиционно воспринимал Россию/Советский Союз положительно, как своего славянского брата, и этот взгляд не изменился и после немецкой оккупации чешских земель и возникновения в середине марта 1939 г. протектората Чехия и Моравия. Разумеется, здесь определенную роль сыграли разочарование в политике западных демократических держав, Франции и Великобритании, также как Советский Союз осудивших немецкую агрессию против остатков Чехо-Словакии, но в отличие от СССР частично ответственных за подписание мюнхенского договора, с которого началась трагедия чехословацкого государства.

В ответ на телеграмму бывшего президента Эдварда Бенеша от 16 марта 1939 г. с протестом против насильственной ликвидации послемюнхенской Чехо-Словацкой республики в адрес президента Франклина Делано Рузвельта, председателей министров Невилля Чемберлена и Эдуарда Даладье, а также народного комиссара иностранных дел СССР Максима Максимовича Литвинова[1], советское правительство ответило Бенешу, послав копию своей ноты, врученной немецкому послу в Москве Вернеру фон Шуленбургу, в которой отказывалось признать «включение Чехии и в той или иной форме Словакии в состав Германской империи юридически правомочным и отвечавшим общепризнанным принципам международного права и справедливости, имея в виду принцип самоопределения народов»[2]. Советский Союз проявил себя как «заступник малых народов» и при обсуждении протеста Бенеша против оккупации в Лиге Наций на заседании 23 мая 1939 г. Отказ обсуждать протест Бенеша со стороны генерального секретаря Лиги Наций (ЛН) Йозефа Авенола, поддержанный британским министром иностранных дел лордом Галифаксом, по той причине, что протест исходил не из правительственных кругов, а лишь от частной персоны, парировал совет-

[1] Od rozpadu Česko-Slovenska do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940. Dokumenty československé zahraniční politiky / eds. Němeček J., Kuklík J., Nováčková H., Šťovíček. Praha, 2002. Díl B/1. Dok. Č. 1, S. 51–52.

[2] Документы внешней политики (ДВП). М., 1992. Т. 22. Кн. 1. Док. 151. С. 202–204

inslav

ский представитель в ЛН посол И.М. Майский, предложив считать протест Бенеша протестом от имени советского правительства[1].

Вместе с тем спустя несколько дней после разговора с чехословацким послом в СССР Зденеком Фирлингером Литвинов информировал И.В. Сталина о ситуации в целом, указав, что одновременно получил ноту словацкого правительства, подписанную министром иностранных дел Фердинандом Дурчанским о провозглашении независимости Словакии, датированную 14 марта, с просьбой признать новое государство[2]. Как выход из ситуации Литвинов советовал Сталину оставить как ноту Фирлингера, так и сообщение словацкого правительства без ответа: «Позднее увидим, как с этим быть»[3]. В качестве единственного конкретного действия он предложил советское посольство в Праге заменить на консульство. Этот совет был реализован в решении заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 23 марта — «Ликвидировать полпредство СССР в Праге, преобразовав его в генеральное консульство»[4].

И хотя Фирлингер еще какое-то время мог действовать в СССР как чехословацкий дипломат, советская сторона, однако, не реагировала на его предложения, внесенные, например, на его переговорах с новым руководителем отдела Центральной Европы НКИД Александром Михайловичем Александровым, и касавшиеся сотрудничества советского генерального консульства в Праге с «чехословацкими гражданами». Новый народный комиссар иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов на запрос Александрова написал от руки: «Советским консульствам за границей запрещено вести какую-либо нелегальную деятельность». В.В. Марьина, комментируя эту запись, отмечает, что трудно поверить, чтобы народный комиссар не знал, как на самом деле обстояли дела[5]. Советские дипломатические представительства —

[1] Archiwum Akt Nowych (AAN) Warszawa. F. Delegacja RP przy Lidze Narodów. T. 110. Zápis ze zasedání Rady SN z 22. 5. 1939.Сравни также: *Němeček J.* Okupace českých zemí 1939 a Společnost národů // Moderní dějiny 5. Praha, 1997. S. 149–164.

[2] Slovenský národný archív (SNA). Bratislava. F. Ministerstvo zahraničných vecí (MZV) 1939–1945. Kart. 112. Spis № 1/1939 ze 16. 3. 1939.

[3] ДВП. Док. № 168. С. 221.

[4] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Москва. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС). Оп. 162. (Политбюро ЦК 1919–1974). Д. 25. Протокол № 1 решений Политбюро ЦК ВКП(б) за период 23.03.–19.04.1939.

[5] *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 2007. Т. 1. С. 70.

inslav

на что в конце концов указывает и пример советского генерального консульства в Праге — одновременно являлись и резидентурой разведывательной службы. Так как именно пражское представительство создало на территории протектората в 1940–1941 гг. обширную разведывательную сеть, и ее раскрытие стало одним из поводов объявления Германией войны СССР. Скорее слова Молотова можно интерпретировать как выражение нежелания вмешиваться в чехословацкую борьбу за свободу.

Ситуация изменилась летом 1939 г. в связи с поворотом в советской внешней политики и подписанием советско-германского пакта 22 августа 1939 г. В этот период советский иностранный комиссариат уже открыто проявил свое действительное отношение к чехословацкому вопросу. Советский консул в Праге В.Н. Яковлев получил от заместителя Молотова В.П. Потемкина приказ: «Прекратите вашу возню с чехами»[1]. Это была реакция на призывы Яковлева к Молотову и другим советским деятелям оказать помощь чешским коммунистам, арестованным с советскими документами. Тем самым советская сторона дистанцировалась и от прямой помощи чешскому Сопротивлению внутри страны.

В декабре 1939 г. дипломатического статуса был лишен посол Фирлингер[2]. Наркоминдел решил определенным образом урегулировать вопрос с посольством ЧСР в Москве: 14 декабря чехословацкий посол был уведомлен шефом протокольного отдела НКИД В.Н. Барковым, действовавшим по приказу заместителя народного комиссара иностранных дел В.Г. Деканозова, что советское правительство сожалеет, что не может далее признавать его полномочия[3]. Барков в записи о разговоре указал, что для Фирлингера это явилось неожиданностью[4]. Приглашение на этот разговор посла явно было результатом более раннего решения относительно дипломатического статуса Фирлингера: Шуленбург информировал уже 2 декабря германское Министерство иностранных дел, что

[1] Архив внешней политики (АВП) РФ. Москва. Ф. 06. Шифр 1/20/216/69. Письмо Яковлева Молотову от 01.12.1939. Приказ Потемкина таким образом должен был прийти еще раньше, в ноябре 1939 г.

[2] Как следует из рукописной пометки на документе, явно относящейся к устным переговорам Молотова с присутствовавшими референтами 21.9.1939, окончательное решение было принято многим ранее: «В[ячеслав] М[ихайлович] сказал, что Фирлингер уже не посол» (*Марьина В.В.* Указ. соч. Т. 1. С. 72).

[3] *Firlinger Z.* Ve službách ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje. Praha, 1947. S. 313.

[4] *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос… С. 72.

inslav

«советское правительство уже не считает Фирлингера официальным лицом»[1].

Тем не менее в чешском движении Сопротивления, несмотря на такое развитие событий, проявлялись ярко выраженные просоветские тенденции. Его деятели не опасались возможного роста советского влияния в Чехословакии после войны. Как следует из немецких материалов обжалования допросов членов чешской нелегальной военной организации Сопротивления «Оборона нации» («Obrana národa»), они — военнослужащие бывшей чехословацкой армии — после 15 марта 1939 г. обращали свои взоры на Восток, на Советский Союз, который оставался державой, прямо не втянутой в борьбу в Европе, и надеялись там найти помощь. Как свидетельствовали арестованные представители «Обороны нации», они вплоть до августа 1939 г. считали, что Советский Союз использует международное давление и договор с Германией, чтобы «освободить протекторат»[2]. Командир «Обороны нации» генерал Бедржих Гомола, казненный нацистами в январе 1943 в тюрьме Берлина — Плётцензее, заявил по этому поводу: «Москва не отберет у нас ни язык, ни землю, тогда как Берлин — и то, и другое. Форма правления изменится, через 30–50 лет коммунизма не будет, однако останется народ, тогда как при правлении немцев за 20 лет народ будет уничтожен»[3]. Как точен был этот прогноз!

И такое отношение было свойственно не только военным. Густав Свобода, руководитель Центрокомиссии, филиала торгового общества Легиобанка, который принадлежал к известным финансовым деятелям, поддерживавшим внутреннее Сопротивление (казнен нацистами 1 июня 1943 г. в Берлине), в разговоре с советским дипломатом в Праге В.Н. Яковлевым 27 сентября 1939 г. заявил, возможно несколько неожиданно, что его сотрудники выражают желание, чтобы Красная армия, дошла до Кракова, и тогда бы возникла общая граница Советского Союза с чехами[4].

Между тем советско-германское сотрудничество после подписания пакта постепенно влияло и на позиции участников Сопротивления.

[1] Politisches Archiv des Auswärtiges Amts (PAAA). Berlin. Tresorebene–Alts Amt. Moskau. Sign. 529. Телеграмма Шуленбурга в Берлин от 2.12.1939.

[2] Archiv bezpečnostních složek (ABS). Praha. F. 141 (Německé soudy v říši). Sign. 141-241-1. Spis týkající se Obrany národa na Pardubicku (Запись, касающаяся «Обороны нации» в Пардубицах).

[3] Цит. по: *Benčík A.*, *Kural V.* Zpravodajové generála Píky a ti druzí. Praha, 1991. S. 17.

[4] АВП РФ. Москва. Ф. 0138. Оп. 20. Папка 130. Д. 1. Л. 186–187. Запись В.Н. Яковлева о разговоре с Г. Свободой от 27.09.1939.

inslav

Члены «Обороны нации» изменили взгляды на дальнейшее развитие событий и уже не рассчитывали на советскую помощь[1]. Связываясь с представителями движения Сопротивления за границей, во Франции и Великобритании, деятели внутреннего Сопротивления с осени 1939 г. стали задавать вопросы, как дальше относиться к «коммунизму и к России». Заграничное руководство Сопротивлением в Париже советовало: «Продолжать сотрудничество, хотя бы для того, чтобы иметь под контролем, и считаться со всеми, ни с кем в одностороннем порядке»[2].

После подписания советско-германского пакта в августе 1939 г., чешское Сопротивление внутри страны, и не только коммунистическое, а особенно военное (военная организация «Оборона нации») тесно сотрудничало с советской разведкой. Советские военные круги при этом действительно получали ценную информацию через разведывательную сеть «Обороны нации». Эти контакты шли совсем по другой линии, нежели дипломатические отношения: когда Бенеш через Фирлингера спросил Майского, является ли советское сотрудничество с внутренним чешским Сопротивлением действиями, согласованными с Москвой, советский посол ответил, что «ни о чем не знает и никаких инструкций не получал. Когда тот еще раз сказал ему, что хорошо бы иметь такое подтверждение из Москвы, Майский ему кратко ответил, что сообщил бы ему, если бы сам о том что-нибудь узнал»[3]. Советский дипломат, опасаясь превысить полномочия (а это в советских условиях было подсудным, даже смертельно опасным делом), отклонял любое сотрудничество с чехословацким Сопротивлением за границей[4]. Инициатива исходила от советского Генерального штаба, с которым Фирлингер еще до своего отъезда из Москвы договорился о координации действий.

Сотрудничество внутреннего Сопротивления с СССР шло на уровне прямых контактов, особенно членов «Обороны нации», с советскими посредниками. Чехословацкое заграничное руководство заняло в отношении этих контактов сдержанные позиции. В депеше с родины от ноября 1940 г. указывалось: «Отношение с русскими имеем с мая 1939 г. Русские

[1] ABS. F. 141. Sign. 141-241-1.

[2] Archiv Ústavu T.G. Masaryka (AÚTGM). Praha. EB II. Radiodepeše. RD 8/6. Kart. 36. Телефонограмма из Парижа в Лондон от 27.10.1939.

[3] Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Praha, 1998. Díl 1 / edit. Němeček J., Nováčková H., Šťovíček I., Tejchman M. Dok. № 58. S. 150.

[4] *Richte* K., Be*nčík A.* Kdo byl generál Píka. Portrét čs. vojáka a diplomata. Brno, 1997. S. 72.

inslav

ничего не обещают в отношении границ, Словакии, государственной формы. Упоминают лишь о планах советизации Европы, сопротивлении Германии, Англии и попыткам создать центральноевропейскую федерацию с помощью Англии... На наше лондонское правительство смотрят как на помощника Англии, возможно настроенного и против России. Поэтому — подобно тому, как это было в 1914 г. — предпринимаются попытки расколоть наше движение. Какое-либо упоминание о чешско-польском сотрудничестве усиливает их недоверие»[1]. Поэтому Бенеш в инструкциях призывал к осторожности. В целом можно обозначить все эти контакты СССР с внутренним Сопротивлением как касавшиеся сотрудничества разведслужб и не имевшие тогда прямого отношения к чехословацкому вопросу как таковому.

Предпринимались и прямые разведывательные акции советских органов, которые использовали для этого представителей чехословацкой военной группы во главе с подполковником Людвиком Свободой, интернированной после поражения Польши на территории Советского Союза[2]. Уже в декабре 1939 г. советскими разведчиками было выбрано несколько лиц, которых обучили и забросили в протекторат, где они создали собственную разведывательную сеть, а информацию передавали сотруднику советского консульства в Праге Леониду Мохову (подпольная кличка Рудольф)[3]. Гестапо напало на след этой организации в сентябре 1940 г. при помощи конфидента и через полгода слежки за работой сети в начале марта 1941 г. арестовало всех участников[4]. Германская дипломатия называет создание сети одной из причин объявления войны Советскому Союзу в июне 1941 г. В ноте Риббентропа о ней говорится следующее: «Кроме того проводилась интенсивная политика разложения на территориях, занятых Германией, особенно в протекторате и на оккупированной территории Франции... Советские представительства, и особенно генеральное консульство в Праге, оказывали при этом ценную помощь... Также член русского консульства в Праге Мохов являлся главой русской разведывательной сети, которая была растянута по всему протек-

[1] Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945… Díl. 1. Dok. № 65. S. 163.

[2] *Němeček J.* Československý odboj v Polsku. Kandidátská disertační práce. Historický ústav AV ČR.

[3] *Němeček J.* Činnost sovětské zpravodajské služby ve východních Čechách 1940–1941 // Sborník studentských vědeckých prací. Filozofická fakulta UK. Praha, 1987. S. 14–36.

[4] *Koutek J.* Tichá fronta. Praha, 1985. S. 130–138.

inslav

торату»[1]. После нападения на Советский Союз в июне 1941 г. — на территории протектората стали организовываться партизанские группы)[2].

Советское консульство в Праге поддерживало разведывательные контакты и с другими чешскими организациями Сопротивления, такими как группа «RU-DA» во главе с Рудольфом Цисаржем, которая передала советским представителям — и не только в Праге, но и в Швеции, где имела связь с тамошним советским послом А.М. Коллонтай — ряд важных донесений, касающихся дислокации и передвижения немецких частей, их переброски к советским границам и производства вооружения в протекторате[3]. Подобную информацию поставляла и левоориентированная группа Милана Реймана.

Отношение чешского общества (причем как деятелей внутреннего Сопротивления, так и более широкой общественности) к Советскому Союзу несколько изменилось после катастрофического поражения Франции летом 1940 г. В состоянии всеобщей депрессии в связи с дальнейшими немецкими успехами взгляды чешской общественности стали обращаться на до сих пор не понесшие поражение державы, которые все еще оставались «вне игры»: на Советский Союз и Соединенные штаты Америки[4]. «Во все наши слои проникла точка зрения, что только СССР может спасти народ. И те, которые ранее не признавали Советы, теперь хотят лучше их правление, чем смерть нации под немцами. Об этом говорят и обеспеченные люди, которым бы пришлось лишиться имущества. Об этом только и говорят», — телеграфировали подполковник Йозеф Балабан и доцент Владимир Краина из Центрального руководства внутренним Сопротивлением в Лондон 8 июля 1940 г.[5] Не являлись исключением и высказывания в духе уже цитировавшегося генерала Гомолы «Лучше достаться большевикам, чем лишиться собственного народа (нации)»[6]. Понятно, что бойцы из «Обороны нации», но не только они, реально представляли себе послевоенную ситуацию в Европе, где — как они верно полагали — после поражения Германии Великобритания уже не будет играть роль арби-

[1] Úřední dokumenty o vzniku války proti Sovětskému svazu. Praha, 1941. S. 24–26.

[2] См.: *Gebhart J., Šimovček J.* Partyzáni v Československu. Praha, 1984.

[3] *Koutek J* .Op. cit. S. 126–127.

[4] AÚTGM. EB II. Radiodepeše. RD 8/6. Kart. 36. Радиодепеша из Праги в Лондон от 16.06.1941.

[5] Ibid. Радиодепеша из Праги в Лондон от 8.07.1940.

[6] Депеша Балабана генералу С. Ингру от октября 1940 г. и уже упоминавшееся сообщение ген. Б. Гомолы от 20 февраля 1941 г. (цит. по: *Benčík A*., *Kural V.* Zpravodajové generála Píky a ti druzí. Praha, 1991. S. 16).

inslav

тра, как это было до войны. Военные — большая часть которых сложила головы на плахах нацистского режима — были реалистами и правильно прогнозировали будущее развитие и усиление роли Советского Союза в Европе, также как видели и проблемы, могущие при этом возникнуть. Подполковник Балабан (казненный немцами в октябре 1941 г.) в донесении от 25 октября 1940 г. писал: «Мы часто опасаемся, что поход Советов закончится здесь, и их будут приветствовать одни и принимать другие... Но потому было бы лучше сотрудничать, так как мы избежали бы многих ошибок различных слоев русского народа во время большевистской революции и, конечно, чтобы не принимали решений о нас без нас»[1], — делал заключение этот выдающийся представитель «Обороны нации» и русский легионер в годы Первой мировой войны.

Чехословацкое руководство в Лондоне предостерегало внутреннее Сопротивление в тот период, когда еще не было ясно, как поведет себя Советский Союз: «Мы опасаемся, что наше общество возлагает некритические надежды на СССР.., хотя пока еще ничего нельзя сказать по поводу способов его действий и места, которое он займет в военном раскладе сил»[2]. В начале августа оно также обращало внимание деятелей внутреннего Сопротивления, чтобы они напоминали чешской общественности о необходимости смотреть реалистично на «русскую политику»[3], что, как свидетельствуют приведенные выше цитаты, — было излишним.

Официальная советская политика, лояльная в отношении Германии и сопровождающаяся помпезным визитом В.М. Молотова в Берлин 12–13 ноября 1940 г. означала охлаждение чешских надежд на Советский Союз: «Наша широкая общественность тверда... После визита Молотова упадок русофильства»[4], — говорилось в депеше группы «Sparta I»

---

[1] *Benčík A.*, *Kural V.* Zpravodajové generála Píky a ti druzí. Praha, 1991. S. 16–17.

[2] AÚTGM. EB II. Radiodepeše. RD 8/6. Kart. 36. Радиодепеша Сука (П. Дртина) Копу и Шипу (подполковнику Й. Балабану и В. Краину) от 12.07.1940.

[3] По этому поводу Бенеш выразил свою точку зрения на политику СССР: «Россия делает свою политику… Советы будут вести чисто эгоистическую политику и изменят ее, когда это будет им выгодно. Цель их политики всегда будет двойственной. В первую очередь охрана собственной территории и собственных интересов, используя при этом народы других государств. Также и Чехословакии. Во вторую очередь, революционные, социальные цели» (Ibid. Навратил (Бенеш) в Прагу от 2.08.1940).

[4] Об отношении чешских коммунистов к визиту Молотова сообщал Краина в Лондон 18.11.1940 г.: «Наши коммунисты видят в визите Молотова психологическую подготовку завоевать симпатии немецкого народа, которые боком выйдут нацистам» (Ibid.).

inslav

в Лондон о настроениях населения протектората, непонимавшего скрытой стороны визита, результатом которого стало обострение советско-германских отношений после того, как Сталин согласился принять немецкий план раздела Европы только на определенных условиях[1].

Как выясняется из воспоминаний доцента Краины, который имел в руках посредством группы «Sparta I» радиотелеграфную связь внутреннего некоммунистического движения Сопротивления с лондонским руководством, деятели «домашнего» Сопротивления опасались, что после падения Франции под немецким напором не устоит и Великобритания. Краина в этой связи стал размышлять о том, как втянуть в военный конфликт Советский Союз, а именно, как спровоцировать Гитлера к нападению на тогдашнего восточного союзника. В этом его убеждали и донесения одного из самых известных германских агентов, работавшего на чехословацкую разведку еще в период первой республики, сотрудника Абвера Пауля Туммела, от которого в Лондон было передано сообщение: «Англия в одиночку не справится с Германией и Италией. Пока СССР будет стоять, держа ружье, но не стреляя, конца не видать. Вмешательство СССР очень ускорило бы события»[2]. Чешское Сопротивление старалось прямыми действиями вовлечь СССР в войну. 9 января 1941 г. советскому консулу в Праге тайно были переданы адреса 33 германских агентов, размещенных в Советском Союзе. Краина полагал, что советская ликвидация германской агентурной сети ускорит решение Германии напасть на СССР, так как еще раньше получил информацию из немецкого военного управления в Праге, что нападение на Советский Союз планируется на 1942 г.[3]

Решительным переломом во Второй мировой войне и в чехословацко-советских отношениях стала немецкая агрессия против Советского Союза 22 июня 1941 г., которая — если верить нелегальным донесениям — вызвала большое воодушевление чешского населения протектората: «Казалось, что в некоторых местах оно выплеснется наружу... Настроение людей прекрасное». Вместе с тем информатор указывал и на то, что после первой волны надежд проявилась и депрессия, связанная с поначалу достаточно быстрым немецким продвижением вперед[4].

---

[1] О переговорах Молотова в Берлине см.: ДВП. Т. 23. Кн. 2/1. Док. № 511–512. С. 63–79; СССР– Германия 1939–1941. Нью Йорк, 1989. Док. № 68–72. С. 94–132.

[2] *Krajina V.* Vysoká hra. Vzpomínky. Praha, 1994. S. 32.

[3] Ibid. S. 28–39.

[4] AÚTGM. EB II. Radiodepeše. RD 8/6. Kart. 36. Радиодепеша из Праги от 05.07.1941.

inslav

Почти одновременно с нападением Германии на Советский Союз советская сторона стала оказывать сильное давление с тем, чтобы в протекторате развернуть саботаж любой ценой. Полковник Г. Пика, который как шеф Чехословацкой военной миссии в СССР в конце июля 1941 г. выступил по радио с обращением к оккупированной родине, информировал об этом лондонское руководство: «В мое выступление по радио “Дядя” (надо понимать советские органы — *Я. Н.*) вынудил включить абзац о том, что народ на родине должен любыми способами противостоять немецкой деятельности на территории ЧСР. Это нельзя было отвергнуть, я только ослабил звучание, чтобы не получился призыв к более широким саботажным акциям, а осталось бы только “противостояние”»[1].

Одновременно заграничное руководство чехословацких коммунистов в Москве во всех направлениях поддерживало политику Советского Союза и призывы к саботажу. Чешское движение Сопротивления на родине в 1942 г. попало под все усиливавшееся давление со стороны СССР с целью проведения саботажных акций на территории протектората. Практически каждая беседа представителей информационных служб затрагивала этот вопрос. В ответ на слишком назойливый нажим советского резидента НКВД в Лондоне И.А. Чичаева полковние Франтишек Моравец задал ему вопрос «А взорвана ли хоть одна фабрика в Киеве или Одессе? По нашим сведениям, — добавил он, — немцы организовали их работу и там трудятся русские инженеры и русские рабочие»[2]. Чичаев не ответил и перевел разговор на другую тему. Покушение на Гейдриха в мае 1942 г. было положительно воспринято Советами, но затем опять последовали упреки: «Покушение на Гейдриха было к сожалению единичным явлением; этого недостаточно. Так называемого саботажа тоже не хватит... Речь идет об отдельных случаях, которые не имеют большого значения для хода войны. Тем временем Шкодовка, Зброевка и другие крупные фабрики бесперебойно работают на Германию», — внушал Чичаев чехословацкому представителю в сентября 1942 г.[3] В беседе с Моравцем он несколько по-другому выразил советскую точку зрения: «За Гейдриха было казнено 1700 чехов, если не больше. Не думаете ли Вы, что это слишком высокая цена, почему бы не убить 10 Гейдрихов?

[1] AÚTGM. EB II. Radiodepeše. RD 8/6. Kart. 36. Сообщение Пики в Лондон генералу С. Ингру от 30.07.1941 г.

[2] Ibid. F. SÚ MV. Kart. 15. Запись Моравца о беседе с И.А. Чичаевым от 17.03.1942.

[3] Archiv ministerstva zahraničních věcí (AMZV). Praha. F. Londýnský archiv — důvěrný. Kart. 114. Запись Стейгерхофа о беседе с И.А. Чичаевым от 20.09.1942 г.

inslav

Одновременная остановка производства на заводе Шкода стоила бы 15–20 тыс. жизней, если учитывать значение, которое имеет производство этого завода для Германии»[1]. Чехословацкое коммунистическое руководство в Москве в мае 1942 г. передало президенту Бенешу предложение выступить с манифестом к народу и призвать все слои населения вступить в борьбу с немецкими оккупантами[2]. Представители коммунистов подчеркивали необходимость не только пассивного, но и активного сопротивления на родине, но не понимали реальную ситуацию во внутреннем движении Сопротивления, которое после нацистских ударов было значительно ослаблено.

Сопротивление внутри страны призыв к широкому саботажу отвергало. Это подтверждают донесения, приходившие с родины радиотелеграфическим способом либо через курьеров («Из Праги месяц назад приехали американцы, которые отмечают бодрый дух и настрой наших в Праге и в протекторате. Наши очень просят не призывать к саботажу»)[3]. Отпор эта идея вызывала и в чехословацком заграничном Сопротивлении. Мировые информационные агентства и газеты естественно отмечали призывы московского радио по этому поводу. Так, например, «Нью-Йорк Таймс» информировала о призыве от 6 июня начать в Чехословакии вооруженное сопротивление. Чехословацкий министр иностранных дел Ян Масарик, который к тому моменту долгое время находился в США, расценил этот призыв как преждевременный[4]. Внутреннее движение Сопротивления было проинформировано о советском давлении: «По радио мы под влиянием Москвы вынуждены продолжать пропаганду саботажа, хотя сами и не считаем ее психологически удачной»[5].

Свою роль в чехословацко-советских отношениях также сыграла возрожденная славянофильская идея, которая сошла на нет после

[1] Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945… Díl. 1. Dok. № 193. S. 398.

[2] AMZV. Телеграммы, полученные в 1942 г., из Куйбышева 25 мая № 935. Сравни: Národní archiv (NA). Praha. F. 100/24. Sv. 172. A.j. 1523. Сообщение Готвальда лондонскому руководству КПЧ, в котором говорится: «Кроме того мы предложили, чтобы лондонское правительство издало манифест к народу начать вооруженное восстание против оккупантов с тем, чтобы со всех сторон парализовать военное производство и немецкие перевозки».

[3] AMZV. Телеграммы, полученные в 1942 г. № 1102 от 15 июля.

[4] Ibid. № 806. из Нью-Йорка от 7 мая.

[5] Vojenský ústřední archiv — Vojenský historický archiv (VÚA–VHA). Praha. F. 37 (Командование военной информационной службой). Sign. 37–19–45. Сообщения для «Sparty I» от 14.05.1942.

inslav

Октябрьской революции 1917 г. и вновь вышла вперед после нападения на Советский Союз. По советской привычке — решительно и энергично — ее воскресили в форме Всеславянского конгресса, который в первый раз собрался спустя всего лишь два неполных месяца после вторжения немецких частей на советскую территорию. Среди делегатов Первого всеславянского конгресса присутствовали также чехи и словаки — Зденек Неедлы и Марек Чулен, в большинстве выступлений на конгрессе звучала одна и та же мысль — противопоставить славянское единство немецкому нацизму[1]. Заключительный призыв к славянским народам упоминал о немецких планах ликвидации славян. Собственно исполнительным органом стал Всеславянский комитет, председателем которого стал генерал-лейтенант А.С. Гундоров, а его заместителем — З. Неедлы. Провозглашенная независимость этого института в советских условиях оказалась фикцией, так как он находился под влиянием как Советского информационного бюро Совета народных комиссаров, так и Коминтерна. Этому отвечала и постановка отдельных съездов, где от провозглашенного в начале славянского равенства постепенно перешли к подчеркиванию роли Советского Союза как ведущей силы этой борьбы и к укреплению советского влияния в славянских странах. Тем не менее сообщения о славянском братстве, распространявшиеся посредством радиопропаганды, имели, безусловно, воздействие на население оккупированных славянских стран.

Просоветские симпатии росли по мере развития немецкого вторжения в Советский Союз, и особенно в связи с нараставшими немецкими неудачами. Один из руководителей брненского завода по производству вооружения «Зброевки», инженер Франтишек Сатора, сообщал через чехословацкое доверенное лицо в Стокгольме Владимира Ванека лондонскому руководству: «Симпатии к Советам велики, больше чем к Англии»[2].

Подобная ситуация складывалась и в заграничном движении Сопротивления. 18 июля 1941 г. было подписано чехословацко-советское соглашение о восстановлении дипломатических отношений, взаимопомощи в войне и формировании чехословацких воинских частей в СССР. В Бузулуке было создано чехословацкое военное подразделение, получившее боевое крещение в сражениях у Соколово 8 марта 1943 г. Погибшему чехословацкому капитану Отакару Ярошу, командиру первой роты

[1] *Vlček R.* Ruský panslavismus — realita a fikce. Praha, 2002. S. 244.

[2] AÚTGM. EB II. Radiodepeše. RD 8/6. Kart. 36. сообщение из Стокгольма от 24.03.1942.

inslav

чехословацкого отдельного пехотного батальона в СССР, первому из иностранцев было присвоено наивысшее звание Героя Советского Союза. Чехословацко-советский союзнический договор, который стремился заключить Эдвард Бенеш, должен был опираться на британо-советское союзническое соглашение от мая 1942 г. Целью договора должна была стать гарантия против возможной в будущем немецкой агрессии. Важнейшим аспектом союзнического договора было стремление ограничить вмешательство Москвы во внутренние дела Чехословакии и регулировать отношения на основе этого договора. В апреле 1943 г. советское руководство дало согласие на заключение союзнического договора с Чехословакией, который и был подписан 12 декабря 1943 г. в Москве. Этот договор позднее, когда восточный фронт уже приблизился к границам довоенной ЧСР, был дополнен соглашением от 8 мая 1944 г. об отношениях между чехословацкой администрацией и советским командованием после вступления советских войск на чехословацкую территорию.

Положительное отношение чешского общества к Советскому Союзу усилилось решающей ролью Красной армии при освобождении от немецкой оккупации. И хотя и происходили отдельные эксцессы во взаимоотношениях чехов и советских частей, это не может затенить тот факт, что чехословацко-советские отношения к маю 1945 г. достигли своей кульминации.

Вскоре после освобождения 16 мая 1945 г. через Москву и Кошицы в Прагу из лондонской эмиграции вернулся президент Эдвард Бенеш. Его приезд, также как и состоявшийся ранее приезд кошицкого правительства, означал начало осознания гражданами истины, что страна, разоренная войной, эксплуатировалась немцами, а после них также Красной армией, которая после освобождения чехословацкой территории начала лишать немцев (и не только их) промышленных заводов и запасов сырья, рассматривая это как свою полноправную военную добычу. Только по возвращению Бенеша с этой практикой было покончено. Тем не менее сам Сталин, поднимая бокал на торжественном обеде в Москве 28 марта 1945 г. обратил внимание чехословацкого руководства на проблемы, могущие возникнуть из-за пребывания Красной армии в ЧСР: «Был тост за здоровье храброй, славной и героической Красной армии. И все чествуют Красную армию, когда речь идет о ее боях. Но ведь армия — это не ангелы. Как и каждая армия, так и Красная армия допускает безобразия, но к этому нужно относиться с пониманием. Мы уже мобилизовали в общей сложности более 12 млн человек, как на фронте, так и в тылу, как части армии. Эти люди бесспорно выполнили огромный героический труд. Но нужно учитывать, что они прошли от Сталинграда, вплоть до

inslav

самого Берлина. Война еще не закончена, и ни один из красноармейцев не исключает, что может не остаться в живых. И не удивляйтесь, что после всего пережитого допускаются все эти перегибы и непорядок. Каждый видит в них прежде всего героев, и они на самом деле чувствуют себя героями. А героям все прощается. Многие были свидетелями таких дел. И это не может не задевать, на этот счет было много всяких комментариев. Однако необходимо к этому отнестись с пониманием и смотреть на это благосклонно. Думаю, что всякие там недоразумения еще могут произойти, и армия на этой территории еще может допустить какие-то безобразия. Ведь в ней масса неграмотных людей, которые считают себя героями и пользуются этим. В армии не все ангелы, это нужно осознавать, и все это не должно мешать нашей взаимной дружбе. Поймите это и простите их»[1].

Вместе с материальным разорением, произошел и моральный упадок, выразившийся в насильнических действиях как против действительных, так и против мнимых коллаборантов и их имущества. Консолидация обстановки проходила под контролем коммунистической партии, которая при помощи Советского Союза — и особенно органов вездесущего НКВД — создавала сильные позиции в правительстве и в местных органах власти. И Бенеш был в курсе того, что происходит, но в силу своего надпартийного положения не хотел вмешиваться. Он надеялся, что как только коммунисты возьмут на себя груз ответственности за правительство в Чехословакии, эта их склонность к недемократическим методам ослабнет. Более того, он ясно видел, что Запад не желает никаким определенным образом связывать себя с дальнейшей судьбой Чехословакии.

Чехословацкому руководству, несмотря на эти настораживавшие тенденции, оставалось только надеяться на послевоенное сотрудничество между Востоком и Западом. События конца войны, когда бóльшая часть чехословацкой территории была освобождена Красной армией и чехословацкие коммунисты занимали все более доминантное положение как в заграничном Сопротивлении (в том числе и в новом кошицком правительстве), так и во внутреннем Сопротивлении (особенно в формировавшихся нелегальных национальных комитетах и в Чешском национальном совете), означали, что Чехословакия начинает попадать под влияние своего восточного соседа. Всего лишь по прошествии нескольких послевоенных лет риторика принципиальным образом изменилась, и западные союзники, Соединенные штаты Америки и Ве-

[1] См. речь Сталина на обеде в честь Э. Бенеша 28.03.1945: *Сталин И.В.* Сочинения. Тверь, 2006. Т. 18. С. 359–363.

inslav

ликобритания, после февральского переворота 1948 г. превратились, согласно коммунистической риторике, из освободителей Чехословакии в оккупантов.

Интересным источником, свидетельствующим об отношении чешского населения к советской армии, являются и сообщения британского посольства в Праге, особенно принадлежавшие перу посла Филиппа Боуэра Никольса. В донесении от 9 июня 1945 г. британское посольство обобщило отношение чешского населения к русским: первоначальная радость от освобождения, по их наблюдениям, длилась недолго[1]. Население склонно верить и преувеличенным слухам, особенно из Моравии о грабежах, насилии и других эксцессах. Советские части в Праге «вели себя хорошо и были готовы сотрудничать». Самое большое беспокойство среди чешского населения вызывали реквизиции, так как советские солдаты забивали на еду даже дойных коров, а каждая часть руководствовалась разными распоряжениями. Британцы обратили внимание, что у русских «нет уважения к частной собственности, и часто отбирают наручные и настенные часы и украшения». Подтвердились и опасения изнасилований, и особенно солдатами с Дальнего Востока и из Монголии (имеются в виду солдаты из азиатской части Советского Союза. — *Прим. перев.*), было много случаев венерических болезней.

Британцы также подтверждали, что ГПУ старалось установить более жесткую дисциплину и сурово наказывать за преступления. Советские офицеры однако объясняли чехословацким офицерам, что количество эксцессов связано с тем, что не все части были «элитными».

Поэтому преобладало мнение, что с Советским Союзом надо и дальше поддерживать дружеские отношения, но жизненный уровень и культура его населения много ниже, чем у чехословацкого. Одним из доводов, почему русские части необходимо как можно скорее вывести с территории Чехословакии, были опасения, что длительное их пребывание скажется негативно и на чехословацком уровне жизни. Также вывоз военных трофеев, оставшихся от немцев, создавал угрозу для чехословацкой промышленности.

Британцы в заключении констатировали, что чешский народ, систематически в течение шести лет оккупации подвергавшийся ограблению со стороны немцев, теперь грабится союзником. Появились опасения, что если русскую армию не выведут, не удастся сохранить урожай, и зимой может наступить голод.

---

[1] The National Archives (TNA). London. Foreign Office (FO) 371. 47088. № 7124. Сообщение Никольса от 09.06.1945.

inslav

Чехословацко-советских отношений касалось и обширное сообщение Никольса, адресованное Орме Саргенту из Северного департамента от 26 июня 1945 г.[1] Согласно этому сообщению русские, особенно солдаты, уже не были так популярны, однако ситуация улучшилась после того, как ушла армия маршала Малиновского. Прекратились самые тяжелые случаи грабежей, краж и реквизиций, наносившие вред экономике. Рипка говорил Никольсу, что на него большое впечатление произвел маршал Конев, который был очень интеллигентным и хорошо понимал обстановку в Чехословакии. По его мнению, чем дольше русские части оставались бы в Чехословакии, тем больше людей в Чехословакии, включая и пожилых рабочих, будут ориентироваться как на Восток, так и на Запад, и даже преимущественно на Запад (из-за поведения солдат). Исключение составят лишь молодые и фанатичные коммунисты. Для русских все же «большим соблазном» являлись наручные часы, и одна англичанка из посольства описывала, что видела русского офицера, у которого на руке были около десяти часов. Один чешский коммунист хотел объяснить этот случай тем, что якобы этот офицер хотел раздать эти часы чешским детям.

Советский Союз взял на себя обязательства, что прекратит вывоз материалов из Чехословакии, освободит предприятия и вернет товары, которые до тех пор находились под контролем Советской армии и не являются военной добычей, что облегчило бы состояние чехословацкой экономической системы и улучшило бы снабжение. Сам И.В. Сталин информировал чехословацкую делегацию о предложении стянуть советские части к границе и на места демаркационной линии с американцами. Советское командование сохранялось и на некоторых вокзалах, что должно было обеспечить контроль за переброской советских солдат. К этому председатель Совета министров добавил, что американская армия также должна отойти за демаркационную линию, то есть за «наши западные границы». Донесения Никольса до сих пор недооценивались как ценный источник информации о послевоенной ситуации, непосредственно сложившейся в Чехословакии[2].

Чехословацко-советские отношения, несмотря на все проблемы, вышли на высший уровень за всю историю их существования в XX в.: большинство чехов и словаков в освобожденной республике видели в Советском Союзе и в Красной армии освободителей от немецкой окку-

[1] Ibid. N 7487.

[2] См.: *Kuklík J., Němeček J.* Československo očima britské diplomacie. Zprávy britské ambassády v Praze v roce 1945. Praha, 2010.

inslav

пации. И это справедливо: Красная армия потеряла при освобождении 140 тыс. солдат и офицеров. Возвращение чехословацкого президента и правительства на родину означали начало нового этапа чехословацко-советских отношений, этапа, который закончился переворотом в феврале 1948 г. и окончательным включением Чехословакии в зону советского влияния.

Перевод с чешского языка
Е. П. Серапионовой

М. В. Ковалев
(Саратов)

Русское историческое общество в Праге в годы Второй мировой войны

История русской эмиграции в чешских и словацких землях в годы Второй мировой войны до сих пор изучена лишь незначительно. Причем речь идет не только о жизни диаспоры как таковой, но и о судьбах эмигрантских учреждений и организаций, столь многочисленных в межвоенной Чехословакии. Обстоятельные исследования М.Ю. Досталь и Е.П. Аксеновой, посвященные Русскому свободному университету в годы немецкой оккупации, по-прежнему остаются едва ли не единственными работами в этом направлении[1].

Представляется небезынтересным взглянуть и на судьбы других эмигрантских организаций в Чехословакии в годы Второй мировой войны. Среди них — Русское историческое общество в Праге, которое в 1920–1930-е годы было одной из самых авторитетных эмигрантских научных организаций. Оно было создано в Праге в 1925 г. по инициативе большой группы русских историков, вынужденно покинувших Россию. У его истоков стояли как видные, сложившиеся еще до революции исследователи (А.А. Кизеветтер, И.И. Лаппо, В.А. Мякотин, П.Б. Струве, А.В. Флоровский, В.А. Францев), так и молодые ученые, которые начинали свой путь в науке (Г.В. Вернадский, Б.А. Евреинов, П.А. Остроухов,

[1] *Аксенова Е.П., Досталь М.Ю.* Русский свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 1998/1999. № 2. С. 85–102; *Они же.* Русская ученая академия в Праге в годы Второй мировой войны // Славяноведение. 2001. № 4. С. 31–54.

inslav

М.В. Шахматов, П.Н. Савицкий). Первым председателем и духовным главой Общества стал член-корреспондент РАН Е.Ф. Шмурло[1]. Своей задачей оно поставило «разработку и освещение вопросов исторической науки, т.е. посильное изучение русского прошлого по всем видам и проявлениям его духовной жизни, не замыкаясь, впрочем, в рамках одной только народности, особенно, когда дело касается прошлых судеб славянского мира вообще»[2]. Его деятельность, согласно уставу 1925 г., выражалась в организации научных собраний, обработке библиографических материалов по истории, выполнении коллективных исследовательских проектов и выпуске научных изданий[3]. Оно координировало действия ученых-изгнанников, сплачивало их в единый союз, способствовало профессиональному общению, что было особенно важным на фоне конкуренции между ними и национальными кадрами. Во второй половине 1920 — начале 1930-х годов Русское историческое общество представляло собой одну из самых активных эмигрантских научных организаций. В этот период увидели свет два тома его научных трудов[4]. Однако уже с середины 1930-х годов его деятельность пошла на спад.

Вторая половина 1930-х годов ознаменовалась серьезными проблемами в жизни Общества, что было связано с общим затуханием эмигрантской научной жизни в Праге. Официальное завершение «Русской акции» чехословацкого правительства, мировой экономический кризис осложнили и без того непростое положение эмигрантов. Нестабильность материального и социального положения вызывала текучесть русских научных кадров. С конца 1920-х годов Прагу покинули Г.В. Вернадский, Е.В. Спекторский, В.А. Мякотин, И.И. Лаппо, К.И. Зайцев, Н.П. Толль. Кроме того, русское научное сообщество понесло немало тяжелых утрат: в 1930-е годы ушли из жизни Е.Ф. Шмурло, А.А. Кизеветтер, Б.А. Евреинов, Н.М. Беляев, А.Л. Петров и др. Все это больно ударило по Обществу, ситуация в котором обострялась еще и внутренними конфликтами. Его председа-

[1] О возникновении Общества и его деятельности в первые годы см.: *Яковенко С. Г.* Евгений Францевич Шмурло и Русское историческое общество в Праге // Европейский альманах. М., 1993. С. 65–80; *Серапионова Е. П.* Русское историческое общество в Праге // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М., 2008. С. 119–130.

[2] Отчет о деятельности Русского исторического общества в Праге за время его возникновения до 7 апреля 1927 года // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1. С. 5.

[3] Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5891. Оп. 1. Д. 252. Л. 2.

[4] Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1; 1930. Кн. 2.

inslav

тель профессор А.Н. Фатеев был не в силах разрешить эти трудности, и в 1937 г. сложил с себя руководящие функции. Новым главой пражского сообщества русских историков стал профессор А.В. Флоровский[1]. И именно на время его председательства пришлись наибольшие потрясения.

К моменту его избрания в Праге оставалась лишь малая группа ученых-гуманитариев. Политическая обстановка в Европе, стоявшей на пороге войны, и трагическая судьба самой Чехословакии не способствовали научным занятиям. После немецкой оккупации и образования Протектората Чехии и Моравии все эмигрантские организации были поставлены под контроль новых властей. В первое время о созыве научных заседаний Русского исторического общества не могло быть и речи. Работу осуществляло лишь его Правление.

Немецкая оккупация ухудшила и без того трудное материальное положение эмигрантов. Наглядным свидетельством этому является «Меморандум о русских ученых в Протекторате», подготовленный 5 октября 1940 г. ректором Русского свободного университета профессором В.С. Ильиным. В нем он сетовал на необеспеченность русских исследователей, которая не дает им возможности «развить свои силы на том поприще, где они были бы особенно полезны»[2]. В документе зафиксирован и резкий спад заработной платы эмигрантов, которая до оккупации составляла 2–3 тыс. крон в месяц, а в 1940 г. упала до 250–700 крон. Это особенно больно сказалось на ученых, которые имели семьи. Молодые исследователи часто вообще оставались без зарплаты и были вынуждены перебиваться случайными заработками[3].

Оккупация привела к разрыву научных связей между Прагой и другими центрами Зарубежной России. Это отражает динамика участия в работе Русского исторического общества ученых-эмигрантов, живших вне Чехословакии. Так прекратилось сотрудничество с П.Н. Милюковым, который прежде принимал активнейшее участие в жизни Общества и многократно выступал там с докладами, перестал приезжать из Софии П.М. Бицилли.

Именно в такие переломные моменты истории, каким была, несомненно, Вторая мировая война, особо остро дают о себе знать конфликты внутри научного сообщества. Конечно, сама природа научного знания

---

[1] См.: *Аксенова Е. П.* А. В. Флоровский и Русское историческое общество в Праге // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 1997. № 1. С. 77–82.

[2] Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 265. Л. 1.

[3] Там же. Л. 1об.

inslav

дискуссионна и поэтому академическая среда во все времена является благодатной средой для разногласий и споров, а сами интеллектуальные конфликты часто называют «основной формой научной коммуникации»[1]. Но интеллектуальные столкновения, как известно, далеко не всегда порождают стремление к истине и объективности. Здесь дают о себе знать научная конкуренция, борьба за власть в науке, утверждение подлинного или мнимого авторитета любой ценой или же банальная зависть. При этом всякое научное сообщество пытается как можно быстрее забыть о такого рода столкновениях, ибо, как заметил А.В. Свешников, «конфликты и скандалы в среде интеллектуалов традиционно вытеснялись ... из поля рефлексии научного сообщества»[2]. По этой же причине научные конфликты в эмигрантской среде нашли малое отражение в источниках.

В годы Второй мировой войны кризисное состояние Русского исторического общества и всей научной диаспоры обострилось. Председательство А.В. Флоровского закончилось большим скандалом, начало которому положил весьма курьезный случай. В семье Флоровских жил домашний заяц, которого сам историк и его жена Валентина Афанасьевна всемерно любили. Чувства их к этому зверьку были вполне понятны, ибо у супружеской пары не было детей. На время отъездов из Праги Флоровские передавали своего питомца друзьям и коллегам[3]. Так же случилось и 20 августа 1939 г., когда заяц был передан семье историка Е.Ф. Максимовича, жена которого — Екатерина Александровна — обязалась кормить зверька[4]. Но после возвращения в Прагу в октябре 1939 г. В.А. Флоровская обнаружила своего зайца больным, и вскоре он умер. Виновницей гибели своего питомца В.А. Флоровская объявила Е.А. Максимович, о чем прямо сказала ее мужу, пришедшему в квартиру к Флоровским для объяснений. Встреча эта закончилась скандалом, и обе стороны заявили, что прекращают между собой всякие отношения[5]. В.А. Флоровская решила потребовать материальную компенсацию, мо-

[1] См.: *Шпёрхазе К.* История науки как история конфликтов // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 9–16.

[2] См.: *Свешников А. В.* Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем (история одного профессорского конфликта) // Там же. С. 42–72.

[3] «А у меня с зайцем большая дружба», — писал 1 июля 1929 г. А. В. Флоровскому ректор Русского народного университета профессор М.М. Новиков, которому был передан заяц на время отсутствия Флоровских в Праге. См.: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 337. Л. 3.

[4] Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor. (SK). Krab. XLII. Konflikt mezi V. A. Florovskou a J. F. Maximovičem. I. Vznik a vývoj konfliktu.

[5] Ibid.

inslav

тивируя это тем, что ее заяц был дрессированным. 7 ноября 1939 г. она случайно встретила на улице свою обидчицу и стала требовать с нее деньги, обещая в противном случае обратиться в суд. Но конструктивного разговора не получилось, а вместо этого произошла публичная женская склока, сопровождавшаяся руганью и обвинениями[1]. В тот же вечер в квартиру к Флоровским снова пришел Е.Ф. Максимович, чтобы потребовать извинений. Произошел скандал, в порыве которого В.А. Флоровская обозвала своего незваного гостя «сволочью». Позже она так объясняла свой поступок: «Говорят, что он возмутился употребленным мною словом “сволочь” и потому позволил себе обзывать ... и меня этим же словом, стучаться кулаками в дверь»[2]. Событии переросли в настоящую потасовку. Причем со стороны Е.Ф. Максимовича дело дошло до рукоприкладства: он грубо схватил за руки В.А. Флоровскую, оставив тем самым синяки. За эти синяки она впоследствии и потребовала суда. Скандал двух семей принимал широкий размах.

Но какое отношение этот сугубо бытовой конфликт имеет к Русскому историческому обществу? Как связаны между собой несчастный заяц, драка на лестнице и солидная научная организация?

По иронии судьбы смерть зайца стала началом грандиозного конфликта в среде пражских историков. Конфликт этот назревал в Русском историческом обществе еще с середины 1930-х годов. После смерти А.А. Кизеветтера в 1933 г., занимавшего пост председателя Общества непродолжительное время, но пользовавшегося непререкаемым авторитетом, остро встал вопрос о новом руководителе научной организации. Профессор А.Н. Фатеев, временно исполнявший обязанности председателя, наотрез отказывался дальше осуществлять эти функции. Пост председателя мог занять А.В. Флоровский. Однако его кандидатура не устраивала Е.Ф. Шмурло — основателя Русского исторического общества и, очевидно, некоторых его коллег. Об этом отношении вскользь упомянул в своих воспоминаниях историк В.В. Саханев, писавший, что Е.Ф. Шмурло «должным образом расценивал ученый вес Флоровского, его знания и способности, но он совсем не верил в его доброжелательность к Обществу и, главное, в его искренность к интересам Общества»[3]. В результате внутренних противоречий должность председателя все же

[1] SK. Krab. XLII. Konflikt mezi V.A. Florovskou a J.F. Maximovičem. I. Vznik a vývoj konfliktu.

[2] Ibid.

[3] *Саханев В.В.* Последние дни жизни Е. Ф. Шмурло // Русская эмиграция в Европе в 1920–1930-е гг. СПб., 2005. Вып. 2. С. 289.

inslav

осталась за А.Н. Фатеевым. Председательский кризис 1934 г. продемонстрировал сложное и противоречивое отношение части эмигрантов к А.В. Флоровскому. Поэтому можно с уверенностью сказать, что бытовой конфликт 1939 г., вызванный смертью зайца, перерос в конфликт профессиональный именно из-за этого неприязненного отношения. Но чем же оно было вызвано?

Вообще Флоровские нередко являлись предметом насмешек в эмигрантской среде. Острый на язык искусствовед Б.Н. Лосский описывал А.В. Флоровского как человека с «детским ростом и скопческой наружностью»[1]. Но ведь не физиологическими причинами должна была объясняться такая неприязнь! Дело в том, что А.В. Флоровский, в отличие от большинства своих коллег, может служить примером успешной интеграции в чешскую научную среду. До революции он работал в Новороссийском университете в Одессе, где занимался изучением екатерининской эпохи. В 1922 г. историк был выслан из Советской России и после непродолжительного пребывания в Болгарии переселился в Прагу. В чешской столице в начале 1920-х годов не было достаточных условий для изучения русской истории XVIII в. Об этом свидетельствовал Г. В. Вернадский в письме к А.В. Флоровскому от 6 октября 1922 г.: «В Праге библиотеки по русской истории очень неважны — здесь нет даже Полн[ого] собр[ания] Законов... Но конечно отсюда возможны изредка поездки в Берлин или Вену, где библиотеки сравнительно хороши»[2].

Поэтому А.В. Флоровский обратился к новой для себя теме — истории русско-чешских отношений, став впоследствии крупнейшим специалистом в этой области[3]. Министерство образования и народного просвещения республики 5 апреля 1932 г. согласилось присвоить историку степень доктора философии Карлова университета за его книгу «Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг.», вышедшую еще в Одессе[4]. 3 января 1936 г. на публичном заседании Русской академической группы А. В. Флоровский защитил диссертацию «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)» на соискание степени доктора русской истории[5]. Ста-

[1] *Лосский Б.Н.* В русской Праге (1922–1927) // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 16. С. 55.

[2] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 171. Л. 1 об.

[3] *Лаптева Л.П.* Русский историк-эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник МГУ. 1994. № 1. Сер. 8. История. С. 55–63.

[4] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 5, 7.

[5] Там же. Д. 165. Л. 1–2.

inslav

тус А.В. Флоровского упрочился, когда после смерти А.А. Кизеветтера в марте 1933 г. он стал читать вместо него курс лекций по русской истории в Карловом университете[1]. Показательно, что он был единственным русским историком, приглашенным профессором Й. Шустой для участия в написании многотомной «Истории человечества от древности до наших дней» наряду с видными чешскими учеными Б. Грозным, Я. Бидло, О. Одложиликом, Б. Мендлом[2]. Такой карьерой могли гордиться лишь немногие русские историки. И хотя положение А.В. Флоровского в чехословацкой научной среде не было совершенно безоблачным, оно выгодно отличалось от положения его коллег, того же самого Е.Ф. Максимовича, который занимал скромную должность в Русском заграничном историческом архиве.

Своеобразным катализатором конфликта стало обращение В.А. Флоровской к доктору Я. Прокешу, главе Архива Министерства внутренних дел, в состав которого в 1939 г. был включен Русский заграничный исторический архив, с жалобой на поведение Е.Ф. Максимовича. Об этом эпизоде стало известно А.Ф. Изюмову, другому сотруднику архива[3]. Налицо была попытка разрешить конфликт благодаря связям в чешской среде. Поэтому негодование эмигрантов выглядело вполне закономерным. В.А. Флоровская оправдывалась позже перед Я. Прокешом: «Они начали распускать слух, что я просила Вас об увольнении г-на Максимович, а поэтому мой муж морально опорочен, что нужно было бы обращаться в суд и в полицию, но не вмешивать Вас — чеха, в это дело»[4].

Но было еще одно обстоятельство, которое заставило некоторых эмигрантов резко осудить В.А. Флоровскую и встать в оппозицию к ее мужу. Е.А. Максимович была дочерью профессора А.А. Кизеветтера, для эмигрантов остававшегося моральным образцом. 28 ноября 1939 г. А. Ф. Изюмов прямо написал Е.А. Ляцкому: «Екатерина Александровна не посторонний обществу человек, а дочь долголетнего Председателя

---

[1] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228 Л. 12.

[2] Там же. Оп. 2. Д. 495. Л. 1–3; *Blüml J.* Šustovy dějiny lidstva // Věda v Českých zemích za druhé světové války. Praha, 1998. S. 271–278; *Florovskij A.V.* Rusko Petra Velikiho a jeho nejblizšich nástupců // Dějiny lidstva od pravěku k dnešku. D. VI. Praha, 1939. S. 207–246; *Idem.* Rusko, Polsko a východní otázka v 2. polovině 18. věku // Ibid. S. 419–464.

[3] SK. Krab. XLIII. Konflikt mezi V. A. Florovskou a J. F. Maximovičem. II. Ohlas konfliktu v Ruské historické společnosti. Materiály a korespondence.

[4] Ibid. Krab. XLII. Konflikt mezi V. A. Florovskou a J. F. Maximovičem. I. Vznik a vývoj konfliktu.

inslav

о[бщест]ва и одного из его основателей. О[бщест]во собирало деньги на устройство памятника на могиле Александра Александровича [Кизеветтера]. О[бщест]во издало сборник, в котором значительная часть отведена памяти А.А., и сам проф[ессоор] Флоровский написал основную статью. Для меня все это усугубляется тем, что А.А. был моим университетским учителем»[1].

После этого случая Е.Ф. Максимович, А.Ф. Изюмов и секретарь Н.Ф. Новожилов письменно заявили, что не могут более оставаться членами Общества, которое возглавляет А.В. Флоровский. Именно его они назвали главным виновником ссоры. Сам историк всячески пытался отвести от себя обвинения. Так в письме к Е.А. Ляцкому в ноябре 1939 г. он сообщал, что конфликт между его женой и Е.А. Максимович — это конфликт граждански правоспособных людей, которые должны сами отвечать за свои поступки: «Какое это имеет отношение к Русскому историческому обществу? Работа в Обществе определяется, как я до сих пор думал, интересом к научной жизни, а не желанием общения по признаку дружбы и личных привязанностей, тем более между членами их семейств»[2]. А.В. Флоровский понимал, что конфликт полностью парализовал работу Правления. Он предложил созвать консилиум в присутствии двух членов Общества, «не обремененных участием в созданном кризисе и способных судить независимо и по существу». С этим предложением он обратился к Е.А. Ляцкому, но тот план примирения отверг, полагая, что такое «оздоровление только подливает масла в огонь»[3]. Он потребовал прямого вмешательства самого А.В. Флоровского для прекращения распри. Но уже на следующий день в своем письме от 3 декабря 1939 г. Е.А. Ляцкий рекомендует А.В. Флоровскому ... сложить с себя обязанности председателя[4]. Последний тут же выдвинул контраргумент — уход из Общества секретаря Н. Ф. Новожилова, которого он считал главным провокатором.

При посредничестве П.Н. Савицкого, Е.А. Ляцкого и А.Ф. Изюмова все же была предпринята попытка примирения сторон. И 18 декабря 1939 г. между В.А. Флоровской и Е.А. Максимович произошел обмен извинениями. Стороны заявили, что считают конфликт исчерпанным[5].

---

[1] SK Krab. XLIII. Konflikt mezi V.A. Florovskou a J. F. Maximovičem. II. Ohlas konfliktu v Ruské historické společnosti. Materiály a korespondence.

[2] Ibid.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

[5] Ibid.

inslav

Однако вскоре Н.Ф. Новожилов и Е.Ф. Максимович подали заявление о выходе из состава Правления и не явились на очередное его заседание 28 декабря 1939 г. Их уход парализовал работу Общества, ибо, согласно Уставу 1939 г. (§ 20), Правление могло функционировать лишь при наличии в своем составе четырех членов. Товарищ председателя Е.А. Ляцкий и А.Ф. Изюмов предложили созвать чрезвычайное собрание и провести довыборы членов Правления. Е.Ф. Максимович и Н.Ф. Новожилов вновь наотрез отказались работать с А.В. Флоровским. Все попытки примирения снова зашли в тупик.

Началась подготовка чрезвычайного собрания. В ответ на прошение А.В. Флоровского 15 января 1940 г. передать ему официальные документы Общества Н.Ф. Новожилов ответил отказом. Лишь повторный запрос 24 января заставил бывшего секретаря вернуть Правлению хранившиеся у него бумаги, да и то не в полном объеме. При этом Н.Ф. Новожилов заявил, что будет протестовать против созыва чрезвычайного собрания Общества, ибо оно будет проведено в отсутствие кворума в Правлении, недостачи членских взносов и т.д., и обещал обжаловать такое решение в суде. А.В. Флоровский был вынужден обратиться к адвокату, чтобы убедиться в законности своих действий[1]. Для проведения чрезвычайного собрания требовалось зарегистрировать Русское историческое общество в гестапо, а для этого нужно было предоставить список членов, немецкий текст Устава, сведения о деятельности и т.д. Но необходимые бумаги по-прежнему находились у Н.Ф. Новожилова. Лишь с большим трудом Общество удалось зарегистрировать у властей Протектората[2].

Для поиска путей выхода из кризиса было созвано специальное совещание, прошедшее 15 марта 1940 г. в кафе «Далиборка». О судьбе умершего зайца на этих заседаниях уже никто не вспоминал.

А.В. Флоровский выступил с отчетом о работе. Он признал кризис Русского исторического общества и назвал его современное положение пустым и печальным. Ученый оправдывался и доказывал, что конфликт между его женой и Е.Ф. Максимовичем возник на чисто бытовой почве и не имел никакого отношения к работе. Он видел причины кризисного состояния в «перенесении на почву Общества личных счетов» и стремлении Н.Ф. Новожилова «навязать Правлению и председателю свою волю в порядке действий, которые имели характер вредительства делу Общества, обструкции и саботажа»[3]. В действительности, за этим бытовым

[1] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 258. Л. 13.

[2] Там же. Л. 14.

[3] Там же. Л. 16.

inslav

конфликтом скрывался глубокий кризис всей организации. А. В. Флоровский пытался прекратить конфликт и вернуть себе всю полноту власти. Он предложил принять резолюцию, осуждающую своих оппонентов, и перейти к текущим делам[1].

Но аргументы А.В. Флоровского показались большинству членов малоубедительными[2]. Об этом красноречиво свидетельствует реакция С.Г. Пушкарева: «Я был первым секретарем Общества при Е.Ф. Шмурло и никогда не думал, что такого рода доклады буду выслушивать в заседании общества. Никто из нас за 15 лет не слышал здесь таких слов — “углубление революции”, “саботаж”, “обструкция”, “вредительство” и т.п. Это такой ужас и поношение, что в дальнейшем от этого избави нас Господь Бог!»[3]

По предложению А.Л. Бема общее собрание было прервано, а вместо него созвано частное совещание. Большинство участников посчитало, что выход из кризиса возможен лишь при условии выборов нового председателя. Члены Общества выдвинули три кандидатуры на этот пост — Е.А. Ляцкого, А.В. Флоровского и А.Л. Бема. Двое последних заявили о самоотводе. При безальтернативном голосовании Е.А. Ляцкий получил 10 голосов «за», 3 — «против» при двух воздержавшихся и был избран председателем[4]. «Итак мужа моего опорочили публично, в председатели Истор[ического] об[щества] не выбр[али], хотя как Вы знаете он никакого участия ни в конфликте, ни разговоре не принимал. Как нам не неприятно, но муж мой не может не защищать своего имени и должен обратиться в суд», — писала В.А. Флоровская профессору Я. Прокешу. Известно, что А.В. Флоровский не смирился с таким ходом событий и в апреле 1940 г. при поддержке крупного пражского адвоката Теодора Копецкого обратился в суд с жалобой[5]. К сожалению, сохранившиеся источники не позволяют проследить историю этой судебной тяжбы. Известно лишь, что А. В. Флоровский, очевидно в знак протеста, отказался передать новому руководству некоторые материалы Общества, находившиеся у него дома, включая оригинал устава, некоторые книги и часть бумаг Е.Ф. Шмурло. Лишь в ноябре 1940 г. после многократных официальных обращений, он смягчил свою позицию[6]. Флоровским оставалось лишь смириться со случившимся.

---

[1] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 258. Л. 5.

[2] Предложение А. В. Флоровского поддержали 5 человек, 8 выступили против и 1 воздержался (Там же. Л. 6).

[3] Там же. Л. 2.

[4] Там же. Л. 7.

[5] Там же. Д. 259. Л. 3.

[6] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 264. Л. 11.

inslav

Весной 1940 г. после избрания Е.А. Ляцкого председателем начались переговоры с Русским свободным университетом о вхождении Русского исторического общества в его структуру на правах отделения, но при сохранении «научной и организационной индивидуальности и материальной независимости»[1].

Каковы же были мотивы этого объединения? Что заставило новое руководство Русского исторического общества променять независимость на автономию? В научной литературе, в том числе в книге В.Т. Пашуто, вхождение Общества в состав университета воспринимается всего лишь как свершившийся факт, которому не дается должная аналитическая оценка. В.Т. Пашуто, а вслед за ними и многие другие авторы, констатировал, что 15 марта 1940 г. Общество вошло в состав Русского свободного университета[2]. Однако в протоколе заседания Общества от данного числа нигде не упоминается о слиянии двух организаций. Естественно, что если бы такое событие произошло, оно непременно нашло бы отражение в протоколе. В действительности переговоры о реорганизации начались лишь в апреле 1940 г., о чем свидетельствуют архивные документы[3]. Подтверждение этой версии удалось обнаружить в Архиве города Праги. Среди хранящихся в фонде Русского свободного университета документов имеется текст соглашения между Русским историческим обществом и университетом, датируемый апрелем 1940 г. и подписанный председателем Е.А. Ляцким и ректором В.С. Ильиным. В нем оговаривалось, что Общество при объединении сохранит свою автономию. Это должно было касаться как организационной, так и научно-исследовательской деятельности. Автономный статус был засвидетельствован правом Общества посылать своего представителя в Кураторий университета, а также в его финансовой самостоятельности. Университет обязывался предоставлять Обществу средства «на оплату устраиваемых правлением докладов», безвозмездно выделять помещения и по возможности предоставить помещение для библиотеки и склада[4].

---

[1] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1.

[2] *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 55.

[3] 1 апреля 1940 г. В письме к Е.А. Ляцкому Н.Ф. Новожилов сообщал: «Завтра, 3 апреля, вечером мы — Александр Филаретович [Изюмов] и я — беседуем с Василием Сергеевичем [Ильиным] о всех вопросах, связанных с переходом Общества в Объединение. Не сомневаюсь, что придем к благополучному концу». — см.: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 259. Л.1–2.

[4] Archiv hlavního města Prahy (AHMP). Fond Ruská lidová/svobodná univerzita v Praze. Krab. 22. Ruská historická společnost.

inslav

Но от кого же исходила инициатива объединения? И отвечала ли она интересам сообщества русских историков? Выше уже говорилось о том, сколь большие трудности переживали эмигрантские научные и учебные организации в конце 1930-х годов. И эти трудности заставляли их так или иначе координировать сообща свои действия. Но был еще один весьма существенный фактор: борьба за власть внутри самого эмигрантского научного сообщества. Более сильные и влиятельные организации стремились подчинить себе более мелкие. И эти устремления всячески поддерживались немецкими властями, которые тем самым желали контролировать всю русскую диаспору в Протекторате. В письме ректора Русского свободного университета В.С. Ильина начальнику Управления по делам русской эмиграции в Германии генералу В.В. Бискупскому от 12 сентября 1940 г. откровенно говорится, что вхождение Русского исторического общества в состав университета завершит объединение в его рамках всех научно-просветительских организаций в Протекторате Чехии и Моравии[1].

Таким образом, в 1940 г. Русский свободный университет стал поглощать все прочие эмигрантские организации. Причем одним из инициаторов этой политики был ректор В.С. Ильин. В воспоминаниях историка Н.Е. Андреева ему давалась нелицеприятная характеристика. Мемуарист рассказывал о намерении В.С. Ильина поставить под свой контроль Археологический институт имени академика Н.П. Кондакова путем слияния его с университетом: «Он из кожи вон лез, чтобы загнать нас туда же. Дошел до того, что вызвал меня и пугал тем, что наше самоопределение вызывает большое недовольство органов надзора и гестапо»[2].

Идея присоединить Русское историческое общество к университету возникла еще в 1937 г. и уже тогда отдельные историки указывали на опасность такого поглощения. Этой проблеме посвятил свое специальное письмо А.В. Флоровскому В.В. Саханев. Он указывал на параллелизм в деятельности Русского исторического общества и Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете. Университет стал переманивать докладчиков на свои заседания, в результате чего работа Общества начала сокращаться. В качестве доказательства В.В. Саханев приводил статистику докладов на 1937/1938 академический год. Из 20 сообщений, обозначенных в планах работы Научно-исследовательского объединения, 15 были посвящены исторической тематике, причем 12 из них должны быть сделаны членами

[1] AHMP. Fond Ruská lidová/svobodná univerzita v Praze. Krab. 22. Ruská historická společnost.

[2] *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. СПб., 2006. С. 411.

inslav

Русского исторического общества. Из этих 12 лишь Е.Ф. Максимович должен был выступить в текущем академическом году на заседании Общества. В.В. Саханев настоятельно рекомендовал А.В. Флоровскому поставить вопрос о разграничении сфер деятельности с университетом, иначе встал бы вопрос о целесообразности дальнейшего существования Общества[1]. Причем уже тогда В.В. Саханев указывал на В.С. Ильина как на одного из главных инициаторов объединительных процессов.

Сам ректор разработал проект изменения университетской программы согласно пожеланиям немецких властей. Ее целью должна была стать подготовка на специализированных курсах административных кадров для оккупированных территорий. По инициативе ректора университет одобрил обращение немецких властей, призывающее эмигрантов присоединиться к борьбе с СССР. В знак протеста многие члены Общества Русского свободного университета вышли из него, включая его многолетнего председателя профессора З. Бажанта[2].

Русское историческое общество также было вынуждено приспосабливаться к новым административным условиям. Об этом говорится в отчете о его работе за 1940 г.: «В начале отчетного года Правление было занято приспособлением своего устава к новым административным нормам, установленным в Протекторате»[3]. Но, справедливости ради, надо сказать, что эти изменения никак не отразились на научной работе Общества. Его членам удавалось оставаться в стороне от текущей политики, и поэтому на заседаниях 1940 г. ни одного пронацистского доклада не прозвучало.

Новое руководство Русского исторического общества пыталось нормализовать его работу. В круг первоочередных задач Е.А. Ляцкого вошло решение материальных проблем, наведение порядка в отчетности, упорядочивание членства. Для этого правление обратилось с просьбой ко всем членам уплатить недоимки по взносам за 1939–1940 гг. Мера эта была вынужденная, ибо финансовое положение Общества оставалось тяжелым. Но даже членские взносы не смогли бы покрыть всех расходов[4].

---

[1] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 400. Л. 38–38об.

[2] *Mach V.* The Russian People's/Free University in Prague 1923–1945 // Prague Perspectives (I): The History of East Central Europe and Russia. Prague, 2004. P. 371–389.

[3] AHMP. Fond Ruská lidová/svobodná univerzita v Praze. Krab. 22. Ruská historická společnost.

[4] В 1940 г. приход от уплаты членских взносов в кассу Общества составил 300 крон. В то же самое время расходы на печатание трудов составили 12.000 крон. Общий приход в кассу Общества был равен 13.600 кронам, а расход — 14.000 крон (Ibid).

inslav

О сохранении напряженности внутри Общества свидетельствует тот факт, что несколько человек по собственному желанию покинули его состав. Так в июне 1940 г. из числа членов вышли Я.М. Висковатая, В.А. Францев, еще ранее покинул его В.В. Саханев. И когда Е. А. Ляцкий позвал его вернуться назад, тот отказался, мотивировав свою позицию тем, что «внутренний разрыв не сглаживается, а углубляется»[1]. Уход из Общества В.А. Францева, вероятно, можно объяснить его близостью к семье Флоровских. Еще 24 мая 1940 г. он писал жене историка: «Войны не было, но чаша мира разбилась, а я не охотник заниматься склеиванием черепков, хотя бы и верным синдетиконом. Ничего прочного из таких усилий не выходит! Ни о какой ненависти речи быть не может. Лучше, по-моему, оставить создавшееся положение до того времени, когда на горизонте засияет мир, и без натяжек можно будет заварить чашку хорошего кофе. Тогда и конкордата никакого не нужно будет!»[2]

В то же время за неуплату членских взносов были исключены из Общества М.А. Андреева, И.С. Белецкий, З.Г. Васильева-Сочевец, Д.И. Дорошенко, Л.В. Копецкий, Й. Мысливец, В.Н. Светозарова, Н.Н. Ястребова-Рагозина. При этом было решено не исключать из него чешских ученых, ввиду того, что они состояли «на особых условиях и их положение, в сущности, соответствовало положению “постоянных гостей” Общества»[3]. Одновременно Е.А. Ляцкий предполагал привлечь новых членов — Д.Д. Гнедовского, И.Д. Голуба, О.М. Калачевскую, С.А. Левицкого, Н.О. Лосского, В.П. Ляцкую, Е.И. Мельникову, С.П. Неронова, В.В. Перемиловского-ст., В.В. Перемиловского-мл., С.П. Постникова, Н.К. Хранкевича[4]. Как видно, крупных ученых среди них почти не было, зато в ряды членов Е.А. Ляцкий прочил свою молодую жену. Так Общество превращалось из союза профессиональных исследователей в клуб любителей истории.

Одной из причин смещения А.В. Флоровского с поста председателя можно считать упреки за авторитарный стиль правления. Но в то же время новый председатель Е.А. Ляцкий получил в свои руки куда большие полномочия! Сама роль председателя и его права значительно возросли. 10 сентября 1941 г. было принято решение, что ни один из членов Правления «не должен сноситься ни устно, ни письменно с ад-

[1] Цит. по: *Аксенова Е.П.* Указ. соч. С. 82.

[2] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 465. Л. 13.

[3] Там же. Оп. 1. Д. 264. Л. 2–3.

[4] Там же. Л. 4.

inslav

министрацией Русского свободного Университета и с другими учреждениями по делам Общества». Распределение обязанностей членов осуществлялось теперь строго по указанию председателя. Денежные средства Общества должны были храниться в одном месте и использоваться лишь по постановлению Правления и по ордерам за подписью председателя[1].

Е.А. Ляцкий пытался возобновить печатание трудов членов Общества. Правление вновь поставило вопрос об издании исторического журнала, который поднимался с конца 1930-х годов. Еще в бытность своего председательства А.В. Флоровский сетовал, что «в настоящее время вне России Сов[етской] не существует издания, которое организованно обслуживало бы интересы русской исторической науки и науки русской истории»[2]. Он много сделал для того, чтобы у русских историков появился свой печатный орган. Однако его попытки издавать научный исторический журнал успехом не увенчались[3].

Планы Правления были довольно амбициозны. Помимо издания научного журнала, оно намеревалось возобновить печатание трудов членов Общества в специальном сборнике, который должен был продолжить традицию трех предыдущих выпусков. На собрании 3 сентября 1940 г. секретарь А.Ф. Изюмов ходатайствовал об использовании нескольких статей из него для будущего исторического журнала. Следовательно, уже к осени 1940 г. 4-й том «Записок Русского исторического общества» в определенной степени был завершен[4]. Желание принять в нем участие высказали видные специалисты — С.Г. Пушкарев, М.В. Шахматов, А.Л. Бем, П.Н. Савицкий, Н.О. Лосский.

В ноябре 1940 г. принято решение издавать труды членов Общества четыре раза в год в виде отдельных выпусков объемом до 4–5 печатных листов по примеру «Записок Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете» и даже выплачивать авторам гонорар в 100 крон за печатный лист (40 тыс. знаков)[5]. Общество обратилось за материальной поддержкой к Славянскому институту, но получило отказ[6]. Министерство школ и народного просвещения в феврале

[1] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 264. Л. 25.

[2] SK. Krab. XLII. Materialý k připravé vydávání historického časopisu.

[3] См. об этом: *Аксенова Е. П.* Указ. соч. С. 78–79.

[4] Архив РАН. Оп. 1. 1609. Д. 264. Л. 6.

[5] Там же. Л. 11, 16.

[6] Там же. Л. 12.

inslav

1941 г. выделило на издание трудов Общества 4.950 крон[1]. Но суммы этой было явно недостаточно.

В апреле 1941 г. Е.А. Ляцкий сообщил на собрании Общества, что в первый номер журнала должны войти статьи А.Л. Бема «Пушкинские дни в Праге» и «Граф А.К. Орлов в Карлсбаде», работа А.В. Камнева «Историческая канва “Слова о полку Игореве”», а также хроника жизни Общества и список кандидатов в его члены[2]. Инженер А.И. Левицкий даже создал макет обложки будущего сборника[3]. Но вопрос о том, что лучше — большой непериодический сборник или регулярно выходящий небольшой журнал — так и не был решен. Вероятно, шансы на публикацию сборника были более велики. Но возникли споры, под каким заглавием издавать его. Е.А. Ляцкий предлагал назвать его «Исторические чтения». Н.Ф. Новожилов считал более подходящим название «Историко-литературный сборник». В итоге было решено остановиться на «Записках по истории и литературе». В.Т. Пашуто обнаружил содержание этого сборника в личном архиве П.А. Остроухова[4]. Этот же список фигурирует в отчете Общества за 1940 г., сохранившемся в Архиве города Праги. По планам издателей в него должны были войти статьи А. Л. Бема «Граф А.К. Орлов-Чесменский в Карлсбаде», А.Д. Григорьева «Общие имена всех восточных славян», Н.А. Еленева «Образ великой княгини Екатерины Павловны в искусстве», А.Ф. Изюмова «В поисках земель для духоборов (на основе писем Д.А. Хилкова)», А.В. Камнева «Историческая канва “Слова о полку Игореве”», Н.О. Лосского «Нация как органическое единство», Е.Ф. Максимовича «Православное духовенство и пугачевщина», Н.Ф. Новожилова «Пушкин-акционер» и «Записка Пушкина о народном воспитании (написана в 1826 г. по предложению императора)», П.Н. Савицкого «Общие концепции русской истории», А.Н. Фатеева «М.М. Сперанский в оценке русской государственности» и М.В. Шахматова «Из истории национально-государственных идей киевских и московских летописей и Степенной книги»[5]. Интересно, что сначала сборник трудов членов Общества было решено печатать по старой орфографии, подчеркнув тем самым ориентацию на дореволюцион-

[1] AHMP. Fond Ruská lidová/svobodná univerzita v Praze. Krab. 22. Ruská historická společnost.

[2] Архив РАН. Оп. 1. Д. 264. Л. 20–20об.

[3] Там же. Л. 21.

[4] *Пашуто В. Т.* Указ. соч. С. 56.

[5] AHMP. Fond Ruská lidová/svobodná univerzita v Praze. Krab. 22. Ruská historická společnost.

inslav

ную научную культуру в противопоставление культуре советской[1]. Но позже было решено все же печатать его новым шрифтом[2].

Руководство Общества прекрасно понимало, что вся издательская деятельность скована цензурными оковами. Поэтому было решено в случае задержки или же вообще запрещения «Записок» цензурой заказать матрицы для сохранения текста до благоприятных времен в чешском издательстве «Knihtiska»[3]. В.Т. Пашуто утверждал, что 15 ноября 1941 г. книга была запрещена немецкой цензурой, а сама рукопись была безвозвратно потеряна[4]. Однако документы не позволяют безоговорочно принять такую версию. Известно, что в январе 1942 г. издательство «Knihtiska» выставило счет Обществу за печатание его работ — 11.864 кроны. Таких денег у русских ученых не было. После переговоров сумма была уменьшена до 11.300 крон[5]. Но и после этого труды Общества не были опубликованы. Вероятно, именно недостаток средств, а не действия цензурных органов так и не дали возможности опубликовать труды русских историков.

Научные силы Общества стремительно таяли. В мае 1940 г. в его рядах состояло 35 человек, а в мае 1942 г. — уже 18 (Н.Е. Андреев, А.Л. Бем, В.В. Висковатый, А.Д. Григорьев, Д.И. Дорошенко, Н.А. Еленев, А.В. Камнев, Е.А. Ляцкий, Е. Ф. Максимович, Н.Ф. Новожилов, П.А. Остроухов, И.О. Панас, С.Г. Пушкарев, П.Н. Савицкий, А.Н. Фатеев, А.В. Флоровский, В.В. Чернавин, М.В. Шахматов), т.е. меньше, чем было при его основании[6]. Примечательно, что среди членов Общества уже не было видных чешских ученых, которые фигурировали в списках еще в 1940 г. — Л. Нидерле, Й. Шуста, Я. Славик, Й. Мысливец, М. Мурко. Можно предположить, что авторитет Общества в чешских научных кругах снизился. Научная работа его увядала, количество содержательных докладов падало. На первое полугодие 1942 г. было назначено лишь 9 выступлений[7].

---

[1] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 264. Л. 17.

[2] Там же. Л. 19.

[3] Там же. Л. 22.

[4] См.: *Пашуто В. Т.* Указ. соч. С. 56. Автору этих строк удалось обнаружить редакторскую правку статьи Е.Ф. Максимовича в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 566. Карт. 23. Д. 2. Л. 1–31), которая в данный момент готовится к публикации.

[5] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 264. Л. 27 об.

[6] Там же.

[7] А.Н. Фатеев «Служба Сперанского при генерал-прокураторах», Е.И. Мельников «О гербе Рюрика», И.И. Лапшин «История положительных наук в России», А.Л. Бем «Достоевский и народная песня», Н.Е. Андреев «Протопоп Аввакум

inslav

В июле 1942 г. Е.А. Ляцкий скончался. 22 ноября 1942 г. новым председателем Общества стал П.А. Остроухов, специалист в области экономической истории России и автор исследований о Нижегородской ярмарке[1]. Ему суждено было стать последним главой пражского союза русских историков.

Сохранившаяся статистика докладов за 1943–1945 гг. рисует попытки П.А. Остроухова оживить научную активность Общества. За это время были сделаны доклады, посвященные крестьянским реформам П.Д. Киселева (С.Г. Пушкарев), Г.А. Потемкину (А.Н. Фатеев), П.И. Пестелю и его «Русской правде» (Н.Ф. Новожилов), пребыванию И.С. Тургенева в Карлсбаде (А.Л. Бем), К.Д. Кавелину (С.Г. Пушкарев), 125-летию Санкт-Петербургского университета (И.И. Лапшин и Н.Ф. Новожилов), «Слову о полку Игореве» (А.В. Камнев), нижегородской ярмарке (П.А. Остроухов) и т.д.[2]

В литературе утвердилось мнение, что Русское историческое общество прекратило свое существование летом 1944 г., когда германская полиция приостановила деятельность Русской ученой академии, а именно так назывался с 1943 г. Русский свободный университет. Архивные разыскания Е.П. Аксеновой и М.Ю. Досталь показали, что и после этой даты старейшая эмигрантская научно-просветительская организация формально продолжала существовать[3]. Поэтому нет оснований ограничивать деятельность Общества летом 1944 г. Встречи историков-эмигрантов продолжались и после, что доказывают сохранившиеся в Архиве РАН протоколы этих собраний. Согласно им, встречи русских историков организовывались в рамках Исторической секции Русской ученой академии. С октября 1944 г. по апрель 1945 г. состоялось 10 заседаний, на которых выступили с докладами С.Г. Пушкарев, Г.В. Флоровский, П.А. Остроухов. Причем последний выступал почти каждое заседание[4].

Деятельность Русского исторического общества в Праге окончательно прекратилась в 1945 г. Последнее его собрание состоялось 22 апреля

в свете данных последнего времени», А.В. Камнев «Порядок престолонаследия у русских, поляков, литовцев и венгров в X–XII вв.», М.В. Шахматов «Новые письма Петра Великого», И.Н. Новожилова «Научное миросозерцание древней Руси», А.Д. Григорьев «Следы тюркских влахов в Европе» (см.: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 264. Л. 30).

[1] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 275. Л. 1.

[2] *Пашуто В. Т.* Указ. соч. С. 56–57; Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 278. Л. 1–18.

[3] *Аксенова Е. П., Досталь М. Ю.* Указ. соч. С. 101.

[4] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 278. Л. 1–3, 7–8, 14–18.

inslav

1945 г. На нем был заслушан доклад Г.В. Флоровского «Из истории русской философской мысли: князь С.Н. Трубецкой».[1]

Вторая мировая война коренным образом изменила положение русской диаспоры в чешских и словацких землях и созданных ей научно-исследовательских и просветительских учреждений. Как известно, освобождение Праги в мае 1945 г. не принесло покоя русским эмигрантам. Многие из них были арестованы сотрудниками СМЕРШа и оказались в советских лагерях или же вовсе пропали без вести. Трагическая судьба блестящего литературоведа А.Л. Бема или дипломата В.Т. Рафальского служат подтверждением этому. Был схвачен и отправлен в СССР П.Н. Савицкий, хотя он всегда был непримиримым противником нацизма. Два года провел в заключении Н.Е. Андреев, которому запретили жить в Чехословакии после освобождения из тюрьмы. Покинул Прагу С.Г. Пушкарев и т.д. Лишь несколько историков (А.В. Флоровский, П.А. Остроухов, Е.Ф. Максимович) остались в Праге, причем некоторые из них решили принять советское гражданство.

После окончания войны оставшиеся в Праге эмигранты предпринимали робкие попытки возобновить работу некоторых научных учреждений, таких как Археологический институт имени академика Н.П. Кондакова или Русский свободный университет. Но все эти попытки не увенчались успехом, да и вряд ли могли увенчаться в условиях новых политических реалий послевоенной Чехословакии. Возобновить работу Русского исторического общества уже никто не пытался. И здесь свою роль сыграло то, что Прага перестала быть центром эмигрантской исторической науки. Немногочисленные ученые-историки, оставшиеся после войны в Чехословакии, уже не могли оживить деятельность некогда известной научной организации.

Русское историческое общество в Праге на протяжении двадцати лет являло собой пример организации коллективной научной работы в специфических условиях, оно опиралось на длительное сотрудничество ученых, формирование единого интеллектуального пространства. Но, с другой стороны, члены Общества конкурировали между собой, а в определенные моменты вели яростную борьбу, примеры которой и были рассмотрены в настоящей статье. И эта борьба выходила за рамки научной полемики, принятой в ученом мире. На первый план выходила «иррациональная инстинктивная агрессивность и досада» (термин американского историка Г.У. Моста), которую лишь обостряли замкнутость эмигрантского научного сообщества, а также трагические события Второй мировой войны.

[1] Там же. Л. 18.

inslav

И. А. Герчикова
(Москва)

Холокост в чешской литературе

Холокост в современной научной литературе и публицистике обозначает политику нацистской Германии, ее союзников и пособников по преследованию и уничтожению 6 000 000 евреев. В английском языке термин «holocaust» в близких к нынешнему значениях употребляется с начала XX в.(первоначально по отношению к геноциду армян в 1915 г. на территории Османской империи, несколько позднее к еврейским погромам в период Гражданской войны в России). В середине XX в. это понятие было использовано будущим лауреатом Нобелевской премии мира писателем Эли Визелем (род. в 1928 г.) как символ газовых камер и крематориев лагерей уничтожения, после чего получило широкое распространение. После всемирной премьеры в 1978 году одноименного американского многосерийного телевизионного фильма термин «Холокост» активно применяется для названия музеев, мемориалов и образовательных центров.

Судьбы евреев в 1933–1945 гг. нашли отражение в литературе практически всех народов Европы, включая Чехословакию, где по оценкам «Энциклопедии Холокоста» (издана музеем Яд ва-Шем)[1] погибли 150 тыс. евреев (это почти половина из всех 360 тыс. погибших). С 1948 по 1950 г. отмечена значительная волна эмиграции, и только в Израиль из страны уехало порядка 18 000 человек. Многие покинули Чехословакию после августа 1968 г. по политическим мотивам.

Писатели, затрагивавшие тему холокоста, были в основном еврейского происхождения (но не только), писали же они по-чешски. Как сказал один из самых известных авторов Арношт Лустиг, большую часть жизни проведший в эмиграции, «Чешский — мой язык, моя любовь. Каждая книга, выходящая по-чешски, для меня маленькое чудо»[2].

За рубежом существует достаточное количество работ по затрагиваемой теме, и надо отметить, интерес к ней не иссякает, а, наоборот, именно в последние годы заметно повысился, и проявляет его совсем молодое поколение. Так за 2009 г. защищены две дипломные работы

[1] *Яд ва-Шем.* Национальный Мемориал Катастрофы (Шоа) и Героизма // http://www.yadvashem.org

[2] *Герчикова И.* Арношт Лустиг: Я пишу свою историю // Диапазон. Вестник иностранной литературы. 1992. № 1. С. 143.

inslav

в Чехии («Образ войны и холокоста в современной чешской литературе», Марта Банасяк, «Рефлексия холокоста в чешской литературе 1945–1949 гг., Алена Драбкова). Издана книга Лео Павлата «Чешско-еврейские писатели в литературе 20 века»[1], Ленки Веселой-Прудковой «Евреи и чешское общество в зеркале литературы от средневековья к началу эмансипации»[2]. В Праге вышел сборник по материалам конференции, проведенной философским факультетом Карлова университета в 2005 г. «Холокост в чешской, словацкой и польской литературе»[3] под редакцией И. Голы, автора многих статей по данной теме. В Москве в апреле 2001 г. Чешский культурный центр проводил традиционные Дни чешской литературы, темой которых была «Еврейская литература в Чехии и холокост».

В России одни чешские авторы переводились и достаточно известны, другие же совсем обойдены вниманием, в связи с чем и хотелось бы восполнить некоторые пробелы.

В первые послевоенные годы преобладала мемуарная литература, основанная на личных переживаниях. Авторы этих воспоминаний сами пережили концлагеря и преследования военного времени, а также волны антисемитизма уже после войны.

Первыми откликами на эти страшные события были поэтические произведения Иржи Ортена (1919–1941), Гануша Бонна (1913–1941), погибших в первые годы войны. В прозе главной темой стал Терезин, концлагерь в 60 км от Праги, через который прошли 152 тыс. заключенных, 34 тыс. из них умерли от голода и болезней, а из 15 тысяч детей и подростков до освобождения дожили всего 92[4]. Первыми авторами, писавшими о Терезине, были Анна Ауржедничкова («Три года в Терезине», 1945), Ота Краус («Земля без бога», 1946), за ними последовали многие другие. Эта тема не переставала подниматься ни в 1950-е, ни в 1960-е годы. (Йозеф Бор, «Брошенная кукла», 1961, и «Терезинский реквием», 1963), была популярна в 1990-е (Эва Эрбенова, «Расскажи мама, как это было», 1994, Арношт Голдфлам «Сладкий Theresienstadt, 1996, Ян Ракитка «Жить запрещено», 1999), относительно недавно вышла книга Романа Цилека «Холокост... и Бог тогда молчал», 2003.

---

[1] *Pavlát L.* Českožidovští spisovatelé v literatuře 20. století. Praha, 2000.

[2] *Veselá-Prudková L.* Židé a česká společnost v zrcadle literatury od středověku k počátkům emancipace. Praha, 2003.

[3] Holokaust — Šoa — Zaglada v české, slovenské a polské literatuře. Sb. Praha, 2007.

[4] www.pamatnik-terezin.cz

inslav

Значительным беллетристическим произведением, намного опередившем свое время, был роман «Жизнь со звездой» (1949) Иржи Вайля (1900–1959), писателя, публициста, переводчика, опубликовавшего в 1937 г. роман «Москва — граница» о советской действительности, знакомой ему по собственному опыту (перевод на русский в 2002 г.). «Жизнь со звездой» описывала историю мелкого служащего, который работал в еврейской общине и под руководством немцев вынужден был заниматься отправкой в концлагеря своих соотечественников. Вместо «политически правильной» позиции борца, смело противостоящего фашизму, Йозеф проявил пассивность и трусость, не в состоянии спасти даже собственную жизнь. За этот роман Вайль подвергся многочисленным нападкам со стороны прессы, критики, и после этого не мог печататься более десяти лет (его последний роман «Мендельсон на крыше», также о периоде оккупации, вышел в 1960 г. уже после смерти автора). Он показал именно ту правду, о которой не хотели слышать «бойцы идеологического фронта». Это была правда о безысходной и трагической судьбе маленького человека, который, как и абсолютное большинство людей, объявленных личным указом Гитлера с марта 1939 г. «населением протектората Богемия и Моравия», не оказывал сопротивления, а был всего лишь отчаявшимся и беспомощным одиночкой, который не мог противостоять машине уничтожения.

Явно под влиянием Вайля написал свой первый роман «Пан Теодор Мундшток (1963), позднее вышедший в 17 странах, Ладислав Фукс (1923–1994), который пришел в литературу уже зрелым художником. Главный герой — стареющий и одинокий человек, чей понятный, тихий мирок нарушен оккупацией, антиеврейскими законами. Он пытается подготовиться к отправке в концлагерь и разрабатывает специальную «методику», которая должна помочь ему выжить. Но случайно гибнет под колесами военного автомобиля, даже не дойдя до сборного пункта. Критика восприняла роман двояко: с одной стороны, как символ трагического величия человека, с другой как гротескную карикатуру деградировавшей личности.

В отличие от героя Вайля и Фукса в романе Норберта Фрида (1913–1976) «Картотека живых» интеллигент Зденек в полном соответствии с канонами соцреализма встает на путь сознательной борьбы, проявляет достойное упорство, волю к жизни и опирается при этом на помощь товарищей, солидарных с ним в его сопротивлении нечеловеческим условиям концлагеря.

Совсем иными были книги Людвика Ашкенази (1921–1986) «Детские этюды» (1955), «Собачья жизнь» (1959). Ашкенази, можно сказать, по-

inslav

везло с нашими читателями: до того, как он уехал в Германию в 1968 г., его избранные произведения под названием «Всюду встречались мне люди...» вышли в 1967 г. в переводе на русский, а в 2009 г. вышел сборник «Собачья жизнь», по его сценарию в 1959 г. был создан советско-чехословацкий фильм «Майские звезды» (режиссер С. Ростоцкий). Это были 4 новеллы, в одной из которых Вячеслав Тихонов играл офицера Рукавичкина, а в роли учительницы выступала чешская звезда, Яна Брейхова — в то время жена еще никому не известного молодого кинорежиссера Милоша Формана. Вообще в фильме было представлено целое созвездие чешских и советских актеров (М. Пуговкин, Л. Быков, Н. Крючков, Л. Пешек, М. Недбал и др.) В начале творческого пути Ашкенази, сам сражавшийся в чехословацком батальоне с фашистами в 1942–1945 гг., также писал рассказы в духе социалистической литературы, показывая рост самосознания рабочих и идейную борьбу в эпоху холодной войны. С конца 1950-х он отходит от общественной тематики и сосредотачивает внимание на камерных, лирических мотивах, его проза становится «поэзией обычного дня». Для постижения глобальных вопросов человеческого существования он стремится постичь гуманистическую суть жизни и показывает ее через детское восприятие, видя гармонию и неиспорченность души ребенка. В мир детства Ашкенази ушел, чтобы избавиться от тяжелых воспоминаний оккупации, показывая ребенка с чистым сердцем, видящим мир искренне и в гармонии. В «Собачьей жизни», где главными героями являются дети и животные, он показывает самых беззащитных перед лицом войны существ. Его рассказы сильны своим гуманистическим пафосом и утверждают веру в дружбу, вечную потребность в любви. Благодаря камерности они оказывали более сильное воздействие, нежели описание героических поступков.

Воспоминания о детстве, проведенном в Терезине, легли в основу многих рассказов Ивана Климы (род. в 1931 г.). Наиболее автобиографичным стал роман «Судья из милости», изданный впервые в 1986 г. в Лондоне. Писатель назвал его «книгой поколений», так как в ней охвачено 20 лет жизни. Начинал же творческий путь Клима, как и многие его современники, с жизнеутверждающих репортажей о преобразовании восточнословацкой деревни. В 1960-е годы он уже уходит от пафоса и все более критически воспринимает социалистическую действительность. Клима остался в стране после 1968 г., но, не приняв «нормализацию», был отлучен от официальных чехословацких издательств, и его книги до 1990-х выходили за рубежом. Вообще, как и вся литература, разделившаяся начиная с 1970-х на 3 ветви (официальная, эмигрантская и «самиздат»), литература о холокосте существовала

inslav

также в трех, так сказать, измерениях. Сборник рассказов Климы под названием «Мои опасные путешествия» вышел в переводе на русский в 2006 г. Герой рассказов о периоде оккупации у Климы это ребенок, живший в гетто, чудом избежавший смерти и испытавший изощренные издевательства, унижение и страх. При этом автор рассказывает обо всем этом без всякого пафоса, спокойно и без эмоций. Точно также внешне индифферентно он расскажет и о встрече с фашистским палачом доктором Менгеле.

Важно отметить, что о трагедии холокоста писали не только евреи, но и чехи. Можно назвать Гану Белоградску (1929–2005), Йозефа Шкворецкого (род. в 1924 г.), Яна Отченашека (1924–1979) и других. Названные авторы в 1960-е годы представляли так называемую молодую прозу. Белоградска дебютировала новеллой «Без красоты, без воротника» (1962), по которой в 1965 г. З. Брыных снял фильм «...а пятый всадник-Страх». В этот период в прозе все более поднимаются вопросы психологии и нравственности. Белоградска связывает проблему положения человека в обществе, критическое отношение к сложившемуся общественному укладу с вопросом дискриминации евреев во время войны. Так же, как и Шкворецкий в «Меноре», она попыталась заговорить о правах человека вообще, о праве на свободу и жизнь, что в начале 1960-х годов, несмотря на некоторые послабления, было непросто.

Говоря об утверждении психологизма в чешской прозе вообще, нельзя не вспомнить Я. Отченашека, которого, к сожалению, если не прямо осуждали после «бархатной революции», то во всяком случае старались игнорировать, только потому, что в годы «нормализации» он преследованиям не подвергался и проблем с изданием своих книг не имел. В энциклопедии «The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe»[1] его имя среди писателей, писавших о холокосте, даже не упоминается. Между тем едва ли не самой проникновенной книгой о страдании, любви, мужестве стала его повесть «Ромео, Джульетта и тьма» (1958). Чех Павел скрывает от гестаповцев еврейскую девушку Эстер, и между ними возникает светлое чувство, несмотря на все ужасы, творящиеся вокруг. Их любовь трагически обрывается, потому что Эстер убегает из дома, чтобы спасти от несчастья своего возлюбленного и погибает.

В 2001 г. вышел дебютный роман Ганы Андрониковой (род. в 1967 г.) «Звук солнечных часов», ставший в Чехии очень популярным и полу-

[1] The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. Yale, 2005 // http://www.yivo.org/pdf/czech_lit.

inslav

чивший несколько престижных литературных премий. Совсем в ином духе, нежели повесть Отченашека, с использованием всех современных постмодернистских средств (соединение разных временных пластов, часовых поясов, смешение жанров и т.п.) Андроникова рассказывает еще одну трагическую историю любви чеха Томаша Кепплера и еврейки Рахиль, переданную их сыном Даниэлем. Повествование начинается в Канаде в 1989 г, куда прибывает эмигрант из Чехии Дан Кепплер с семьей и знакомится с чешкой Анной, которая оказывается лучшей подругой его матери, с которой они были вместе в концлагере во время войны. Вновь мы узнаем трагическую историю пары, разделенной войной, когда гармоничный и светлый мир в одночасье распался и превратился в сплошной кошмар ожидания, неизвестности, боли и унижения. Несомненно, роман талантливо написан и современен, и все же книга Отченашека, от которой Андроникову отделяет более сорока лет, представляется более трогательным, более сильным по психологическому воздействию, несмотря на всю ее традиционность.

Часть писателей, писавших о холокосте, как уже было отмечено, эмигрировали: Эгон Гостовский (1908–1973), автор романа «Семь раз о главном» (1942) — о приходе к власти нацистов, Арношт Лустиг (род. в 1926 г.), Карол Сидон (род. в 1942 г.), Й. Шкворецкий. Они создавали свои произведения в совершенно иной обстановке, нежели те, кто оставался и вынужден был приспосабливаться к идеологии режима или публиковался в самиздате (И. Клима, Милан Угде (род. в 1936 г.), Йозеф Вогрызек (1926–1998).

Один из наиболее выдающихся писателей чешской эмиграции, автор, для творчества которого холокост стал сквозной темой — Арношт Лустиг. В России он практически неизвестен.

Лустиг разделил судьбу чешских евреев, переживших немецкую оккупацию, концлагерь. В 1942 г. прошел через Терезин, Бухенвальд, Освенцим, в 1945 г. ему удалось бежать из «транспорта смерти». Он участвовал в Пражском восстании, с 1948 г. работал корреспондентом газеты «Лидове новины» в Израиле, куда он переехал в конце 1960-х, затем жил в Югославии, а позднее в США, где преподавал в Вашингтонском университете. Несмотря на солидный возраст, он ведет активный образ жизни. Так совсем недавно, в марте 2010 г. он участвовал в акции по продаже книг издательства Франца Кафки, проводя за прилавком магазина по несколько часов. Лустиг является почетным председателем одноименного общества, которое с 2001 г. награждает литературной премией тех писателей, в произведениях которых особое внимание уделяется идеям демократии, толерантности и гуманизма. Дебют Лустига

inslav

в литературе — сборник рассказов «Ночь и надежда» (1957) и книга «Ночные алмазы» (1958), ставшие явлением в чешской литературе. В 1961 г. появился роман «Мой знакомый Вили Фельд», вышедший в 1962 г. в переработке под названием «Ночь и день», тогда же вышла «Дита Сакс». (По рассказам Лустига сняты известные фильмы «Кусок» (1960), «Транспорт из рая» (1962), «Ночные алмазы» (1964), «Молитва за Катержину Горовитц» (1965), «Дита Сакс» (1967). Роман «Молитва за Катержину Горовитц» (1964), одно из самых значительных и известных произведений Лустига, не раз издававшееся в Чехии и переведенное на многочисленные языки (кроме русского, к сожалению), имеет в своей основе действительные события. В 1943 г. немцы задержали на Сицилии группу богатых еврейских предпринимателей, пытавшихся с американской армией пробиться в Европу и спасти свое имущество. Официальные власти Германии решили обменять евреев на пленных немецких офицеров, и Лустиг описывает заключительную стадию этой операции. Двадцать мужчин во главе с Германом Коэном должны отправиться из лагеря на польской территории в Гамбург и далее морем в нейтральную страну, где состоится обмен. К ним присоединяется девятнадцатилетняя варшавянка Катержина, красавица-танцовщица, ее берет с собой Коэн в надежде устроить на работу в кабаре. Однако вскоре после долгожданной посадки в поезд и получения американских паспортов выясняется, что до реального освобождения весьма далеко. Немецкий офицер Фридрих Бренске, руководивший операцией, имеет перед собой совсем иную задачу, нежели благородная миссия освобождения людей. Цель его — путем обмана, шантажа, демагогии выманить у миллионеров их капиталы, затем крупные суммы у их родственников и в конечном итоге отправить всех в газовую камеру. Отчаявшиеся люди идут на заведомый обман, до последнего надеясь выкупить жизнь любой ценой. Все абсурдные препятствия, выдуманные Бренске, они, не особенно задумываясь, пытаются преодолеть, выписывая чеки на круглые суммы, а немецкая тайная полиция тем временем, имея в распоряжении точные данные об их состоянии, водит несчастных за нос, и умереть им суждено лишь отдав немцам все до последнего франка. И Катержина вначале наивно верит в освобождение и даже надеется спасти впоследствии из лагеря своих родителей, деда и шестерых сестер (она не знает, что их давно уже нет в живых). Роковой путь вновь возвращает группу туда, откуда началось это безнадежное путешествие. Уже убит один из осмелившихся перечить, сдают нервы у Коэна, и тем не менее люди покорно отправляются в лагерь якобы на «дезинфекцию». И тут юная, наивная Катержина, помудревшая и повзрослевшая за несколько дней, неожиданно совершает

inslav

мужественный, полный отчаяния и безысходности поступок — убивает одного солдата и ранит другого и, естественно, расстается с жизнью сама. Ее сопротивление, символически возвышенное до деяния Юдифи, убивающей Олоферна, — резкий контраст по сравнению с поведением остальных обреченных, а также портного — помощника эсэсовцев, — пассивных, безвольных, смирившихся. В разные времена это произведение Лустига воспринималось по-разному. Э. Гостовский говорил о нем, что это рассказ об «издевательстве над надеждой», американцы воспринимали как книгу о лицемерии, обмане, а пражские студенты во время «бархатной революции», рассказывали, что читали ее, чтобы перестать бояться и обрести мужество.

Собственный опыт нашел отражение практически во всех книгах писателя. Дэни, герой романа «У тьмы нет тени», обладает многими автобиографическими чертами и появляется в других произведениях Лустига, например, в романе «Любимец» (1968), последней из книг, вышедших в Чехословакии. Роман «У тьмы нет тени» родился из одноименного рассказа в сборнике «Ночные алмазы». Это история двух ребят, Дэни и Мэни, которым во время обстрела удалось бежать из поезда с заключенными. Лустиг решил переработать рассказ в расчете на американского читателя (новая версия вышла вначале на английском языке). В результате появился роман, где большее внимание уделено драматическим подробностям жизни в концлагере, нацистскому «менталитету». Сцены из жизни концлагеря возникают как лихорадочные видения одного из беглецов, навсегда запечатлевшиеся в его душе (как и в душе самого Лустига). Пережитые ужасы становятся главным стержнем действия, где сталкиваются разные жизненные позиции. Здесь вновь герои встают перед выбором. По-разному воспринимают действительность не только узники (Мэни, весь оставшийся в трагическом прошлом, Дэни, живущий мечтой о будущем, Френк Бонди, максималист, преподающий ребятам «уроки жизни»), но и целые коллективы (в лагере это коммунисты во главе с Коэном, или жители Закарпатской Руси, черпающие силу в религии). Поведение в крайней ситуации (человек — «не то, что он есть, а то, что он делает в решающую минуту», — считает автор), терпимость при оценке человеческой личности, прошедшей через ужасы тоталитарной машины — вот основные мотивы романа.

Дорога домой полна для мальчиков тяжких испытаний голодом, физическими страданиями, отчаянием. Это трагедия, хотя мы расстаемся с героями еще живыми, уходящими в «неумолчную тишину леса» за смертью. Но ими постоянно движет надежда и убежденность в том, что можно и должно выстоять в тяжелую годину.

inslav

Проза Лустига тем выразительнее, что она абсолютно лишена, так же, как у Климы и Ашкенази, малейшего пафоса. Это предельно лаконичный, емкий стиль, полутона, сжатость повествования.

После «Любимца» все книги Лустига выходили уже в эмиграции, хотя с 1989 г. он начал регулярно посещать Прагу, а с 2003 г. можно сказать поселился в ней постоянно. Все вновь выходящие из под пера Лустига вещи были полны трагизма. «Нелюбимая» (1979) о девушке, прошедшей Терезин, «Прекрасные зеленые глаза» (2000), о судьбе пятнадцатилетней Ганки, единственной из всей семьи выжившей после Освенцима. Но еще в 1990-е годы, в одном из интервью Лустиг сказал, что он пишет не о трагических и страшных вещах. «Мне кажется, что я пишу о том лучшем, что есть в человеке. Когда он преодолевает сам в себе слабости, чтобы стать лучше, тогда и самый слабый становится силен своими поступками. Я пишу о прекрасных вещах, хотя истории эти не прекрасны сами по себе. Пишу о том, как человек сам себе доказывает, что он Человек с большой буквы. Читатели иногда теряют сознание, читая один мой рассказ „Кусок" из сборника „Ночные алмазы". О мальчике, который хочет спасти умирающую мать и больную сестру, но сделать это можно, сняв с умершего отца брюки и сорвав с его зуба золотую коронку, чтоб их продать. Это отвратительно, и хотя мальчик так никому и не помог, он сделал все, что мог в данных обстоятельствах. Красота иногда одета в рубище. И бродит по грязи. Но внешне отвратительный поступок может быть красив изнутри, своими мотивами. Иногда это единственный способ помочь, а именно помощь ближнему делает человека человеком»[1].

Не всем хотелось бы вспоминать о трагических событиях войны, о жертвах и виновниках трагедии. Стоит ли вообще ворошить дела давно прошедшие, бесконечно анализировать опыт прошлого. На это Лустиг говорит следующее: «Узники концлагерей имели ни с чем не сравнимый опыт, и их обязанностью является передать человечеству свидетельство того, что они пережили. Потому что самый страшный опыт является уроком, наукой на будущее»[2].

В этом парадокс творчества Лустига и литературы о холокосте вообще: повествование о зле может и должно приносить добро.

[1] *Lustig A.* Chamtivost k snídaní // Lidové noviny. 1992. S. 1–3.

[2] *Bauer M.* Příběh o zlu může přinést dobro // Srdce Evropy. Revue České republiky. 2008. Roč. 15. Č. 6.

inslav

Л. Ф. Широкова
(Москва)

Словацкая литература периода Второй мировой войны: судьбы писателей, художественные формы отражения действительности

С возникновением после насильственного расчленения Чехословакии Словацкого государства (март 1939 г., с июля 1939 г. — Словацкая республика), в стране стали происходить глубокие перемены в политической, социальной, культурной сферах.

На первых порах (1939–1940) новый политический режим клерикально-националистической Глинковской словацкой народной партии, возглавляемой католическим священником Й. Тисо, проявлял себя в сравнительно умеренных, «либеральных» формах, продолжая национально-охранительную линию, традиционную для словацкой политики. Применительно к этому периоду словацкие исследователи даже используют ироническое определение В. Клементиса[1] «дырявый тоталитаризм». В Словакии многие, в том числе и деятели культуры, восприняли создание собственной республики в условиях внешней угрозы как меньшее из зол, как возможность для более эффективного развития национальной экономики и культуры. «Только теперь, — пишет в своем фундаментальном исследовании словацкий литературовед С. Шматлак, под защитой обретенной национальной государственности, словацкая культура могла ускоренными темпами достроить свою давно востребованную институциональную структуру, например, в сфере профессионального театра..., а также в области высшего образования и развития науки (создание Словацкого научного общества, а затем Словацкой академии наук и искусств)»[2]. Таким образом, на начальном этапе существования Словацкой республики еще сохранялись условия для относительно спокойной жизни страны, бывшей при этом фактически вассалом фашистской Германии.

Однако по мере укрепления правящего режима, по мере усиления диктата со стороны гитлеровской Германии словацкое общество претер-

[1] Владимир Клементис (1902–1952) — словацкий литератор-коммунист, публицист, один из основателей литературной группы левой ориентации «ДАВ» и одноименного журнала.

[2] *Šmatlák S.* Dejiny slovenskej literatúry II. Bratislava, 2001. S.473.

inslav

певало все большую деформацию. Словакия вступила в войну сначала против Польши, а затем против СССР, шел процесс депортации евреев и так называемой «аризации»[1], навязывалась идея «единой» унифицированной нации — и все это сочеталось с официальным мифом о национальном процветании, о Словакии как оазисе мира и христианского благочестия. Это состояние государства и дальнейшее его развитие довольно подробно описано в словацкой историографии, в частности, в книге Любомира Липтака «Словакия в XX веке» (1969, 1998), где представлен раздел с характерным названием «Либеральный фашизм?». В коллективной монографии «История Словакии» (2000), переведенной и на русский язык, Л. Липтак, автор раздела о XX веке, отмечает противоречивость режима: «В годы войны Словацкая республика выполняла в нацистской политике функцию некоей витрины, которая должна была демонстрировать, прежде всего, народам Юго-Восточной Европы, что Гитлер не только оккупирует страны, но и “освобождает” народы»[2]. Вместе с тем, выдвигая на первый план христианские (католические) ценности, национальные лозунги в духе «народного социализма», режим Словацкой республики все же казался привлекательным для значительной части населения, в том числе — и творческой интеллигенции.

Литературный процесс этого периода демонстрирует продолжение предшествующей линии развития и ее постепенную трансформацию.

Исторический рубеж, связанный с распадом ЧСР и образованием Словацкой республики, несмотря на всю разительность политических перемен, не обусловил столь же резкого и мгновенного изменения в сфере литературы. Продолжала выходить литературная периодика. В первую очередь нужно назвать старейший журнал «Словенске погляды» (основан в 1846 г. Й.М. Гурбаном), главным редактором которого в марте 1939 г. стал критик и эссеист, убежденный противник «чехословакизма» Станислав Мечьяр. В ежемесячнике «Культура» (1926–1944), ориентированном на католическую интеллигенцию, публиковали свои произведения как поэты Католической модерны[3], так и литераторы других направлений. Журнал «Элан» (1930–1947), бывший под руководством поэта Яна Смрека рупором идей модернизации словацкой литературы, переехал в 1939 г. из Праги в Братиславу и стал органом общества

[1] Экспроприация собственности, прежде всего предприятий, у евреев и передача его лицам арийского происхождения.

[2] История Словакии. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. С. 320.

[3] Католическая модерна — течение в словацкой поэзии, возникшее в 1920 — начале1930-х гг.

inslav

словацких писателей. Возникли новые журналы: литературный ежемесячник «Творба» (1940–1944, 1946–1950, с 1991 г.), продолжавший традиции протестантской словацкой интеллигенции, главным редактором которого был поэт Эмиль Болеслав Лукач; «Оброда» (1943–1944) и др. Идейная платформа этих изданий при всей, реальной или показной, лояльности режиму, имела разный характер, что отражало дифференциацию в самой литературе.

Несмотря на запрет в Словакии всех партий, за исключением правящей Глинковской словацкой народной партии, и в первую очередь левых партий — социал-демократической и коммунистической — в печати некоторое время еще могли легально появляться произведения писателей левой политической ориентации. Так, крупнейший поэт-коммунист Ладислав Новомеский (1904–1976) публиковал свои стихи и литературно-критические статьи в журнале «Элан» на протяжении 1939–1943 гг., здесь же печатались проникнутые антивоенным пафосом стихи Я. Смрека (1898–1982), Р. Фабры (1915–1982) и др. Одновременно на страницах этого журнала появлялись статьи и заметки если не конформистские, то в большой мере отдающие дань своему времени и его идеологии.

Рассмотрим некоторые из публикаций журнала «Элан» 1939–1944 гг.

В редакционной статье сдвоенного номера (№ 1–2 за сентябрьоктябрь 1939 г.), первого, вышедшего после переезда журнала из Праги в Братиславу, главный редактор Я. Смрек еще с оптимизмом говорил о высокой миссии «Элана» как органа Общества словацких писателей: «Какова наша миссия? Мы должны организовать духовную энергию так, чтобы она не расходовалась впустую, а приносила бы свои плоды. Скажу даже больше: мы пришли сюда, чтобы помочь вам поднять глаза и увидеть на небе радугу»[1]. Ему вторит авторитетный словацкий критик и историк литературы, в 1932–1938 гг. — главный редактор журнала «Словенске погляды» Андрей Мраз (1904–1964), говоря о перспективах созидательной работы литературы на благо общества: «Жизнь нации нужно организовать и развивать гармонично, все силы ее должны быть активизированы в одинаковой степени... Мы не должны забывать и о культурных предпосылках нашего роста. ...Никогда ранее в нашей истории у нас не было столько внешних предпосылок для выполнения этих задач, как сегодня»[2]. Эмоциональным звучанием и образностью отличаются размышления Валентина Беньяка (18941973), выдающегося поэта и переводчика, в военные годы — председателя Общества словацких писателей. В статье 1939 г. он

[1] *Smrek J.* Dúha na oblohe // Elán, 1939, č. 1–2. S. 1.

[2] *Mráz A.* Starosť o kultúru// Elán, 1939, č. 1–2. S. 2.

inslav

пишет: «Маленький словацкий корабль качается на волнах мировых катаклизмов. Бурные волны разлома времен бьют в его борт, запах серы и дыма пожарищ несут ветры, раздувающие его паруса, но он словно по волшебству оказался в затишье и плывет над минными полями». В. Беньяк призывает деятелей культуры занять активную позицию в новых условиях: «национальная культура — это сестра национализма», «носители этой культуры должны нести свой факел и сражаться на переднем крае», «они должны спуститься с башни индивидуализма и влиться в поток, по которому движется вся наша нация»[1].

Среди восторженно-патриотических выступлений, появлявшихся в первый период существования Словацкой республики, в том числе и в таком демократическом органе, как «Элан», диссонансом звучали публикации Л. Новомеского. Так, в статье «Что мы хотим от поэзии?» он говорит о своем несогласии с требованием националистической критики «вернуться к корням», отказаться от творческих импульсов «Монпарнаса и Москвы», видя в этом попытку перенести новоявленные политические критерии на сферу искусства. Новомеский пишет о глубинной привязанности поэзии к родной почве, далекой от официозного патриотизма; именно эта исконность, укорененность литературы в словацкой действительности, по его убеждению, и является ее основой, «определяет ее величие и скудость, богатство и нищету»[2]. Год спустя, в 1940 г., в «Элане» была напечатана статья Л. Новомеского «Наше ли это искусство?», где он вновь вступает в предметную полемику с официальной критикой, отстаивая принцип художественного многообразия словацкой поэзии; поводом для этого послужило неприятие критикой альманаха словацких поэтов-надреалистов «Сон и реальность» (1940). Непримиримый борец с идеологическими догмами, которые все более подчиняли себе жизнь словацкого общества, Л. Новомеский продолжил спор уже в 1943 г., в одной из своих последних перед уходом в подполье открытых публикаций — в статье «Об этом молчании». В ней он высказывает свое позицию относительно брошенного в адрес словацких писателей упрека в отсутствии произведений на современную тематику; главным в данном случае поэт считает уже не столько явно идеологический, сколько внутренний, нравственный критерий. «Причина молчания, — пишет он, — заключается в том, что гул потрясений современного мира непонятен для самой совести истинного художественного творчества, поэтому давайте воздадим ей

[1] *Beniak V.* Malý slovenský koráb //Elán, 1939, č. 4. S. 1.

[2] *Novomeský L.* Čo chceme od básnictva? //Elán, 1939, č. 4. S. 1.

inslav

многократную хвалу за силу, с которой она решилась сегодня предпочесть временную немоту»[1].

В стихах Л. Новомеского, созданных в эти годы, ощущались его переживания и рефлексии, облеченные в поэтические образы. Опубликованные впервые в журнале «Элан», они вошли потом в сборник «Запрещенным карандашом», увидевший свет только после войны, в 1948 г. В стихотворении, которое дало название сборнику, звучат мотивы одиночества человека перед лицом бесстрастно текущего времени:

Плывут и плывут за волнами волны,
Ваг же вечно стоит вдалеке,
словно наши пустые минуты,
с которыми остались мы наедине…
…Складывает жизни из кусков воедино
время, в котором ничего не происходит…
и пустые надежды
и пустые надежды
в нем отшумели, как голубь пугливый…[2]

Другое стихотворение этого периода «Тысяча и одна ночь» («Элан», октябрь 1941 г.) несет в себе зловещий образ кровопролития, коварства, жестокости, воспринимаемый как своего рода поэтическое эхо военных событий:

Эта гора всех гор сильней, владыка смелый,
На голове его тюрбан из облаков весь белый
А как настанет ночь, ночь будет полумесяца паном,
Голову эту срубит кривым ятаганом.
И сонмы душ, как в его крови черной,
Будут купаться в ночи, тьме бездонной[3].

Руководству журнала «Элан» приходилось идти на некоторые уступки властям, публикуя, например, материалы о немецком искусстве, о его влиянии на словацкую культуру. Однако и здесь опытные авторы

[1] *Novomeský L.* O tom mlčaní //Elán, 1943, č. 2. S. 1.

[2] Стихотворение было написано поэтом во время пребывания в тюрьме городка Илава, расположенного на реке Ваг. Впервые опубликовано в журнале «Элан» в декабре 1940 г.

[3] Стихи в подстрочном переводе автора статьи.

inslav

находили достойный тон и говорили о «творческом следовании образцам», продолжении «лучших культурных традиций»: «Мощь немецкой культуры, ее здоровые традиции и богатый потенциал побуждают нас творчески приобщиться к этому великому культурному организму, перенять у него все самое ценное и высокое, что может развить и углубить нашу собственную национальную культуру»[1]. Впечатление от редакционной статьи корректирует и расположенное рядом стихотворение часто публиковавшегося в «Элане» поэта-надреалиста Рудольфа Фабры (1915–1982) «Оставьте надежды» с характерными апокалипсическими мотивами, передающими ощущение близкой мировой катастрофы.

В 1943–1944 гг., в условиях усилившихся гонений на инакомыслие, в «Элане» все чаще можно увидеть на первой странице своего рода «редакционную статью» в форме стихотворения, часто с весьма прозрачным антивоенным содержанием. Так, мартовский номер журнала за 1943 г. открывается стихотворением главного редактора, поэта Я. Смрека «Ода к радости». С его названием, вызывающим в памяти светлую музыку Бетховена, резко контрастирует содержание с образами насилия, иносказательно выраженным протестом против кровопролития, убеждением, что не может быть радости в мире, «пока льется кровь сына человеческого»:

Словно некий кинжал в мое сердце вонзают,
словно чья-то рука мою душу бросает
на белые простыни, черные доски…

…Ах, оставьте в покое к радости оды,
когда путы трагизма этих времен
беспощадно мнут крылья
мотылька поэзии.

В следующем, последнем перед закрытием журнала в 1944 г. номере, в стихах, которые печатались на первой титульной странице «Элана», начинают исподволь проскальзывать мотивы надежды, скорой весны и возрождения. Ян Костра в стихотворении «Планета Земля» создает образ одушевленной планеты, которой нет дела до «скоротечных припадков истерии у ее животных»:

Одетая в сиянье, кружишься во мраке
и нам весну вновь наряжаешь…

[1] *Mráz A.* Boj proti pseudoumeniu //Elán, 1941, č. 8. S. 2.

inslav

Те же ноты слышим и в стихотворении Я. Смрека «Эпилог»:

И снова будет утро,
и птицы снова запоют,
и жизнь воскреснет, страх умрет…

Рассмотренные нами публикации еще раз свидетельствуют о том, что в сложный период существования «народно-социалистического» клерикального словацкого государства оставались и были в целом ряде случаев реализованы возможности для развития культуры, для сопротивления официальным догмам, для продолжения гуманистических традиций словацкой литературы. Пространство для художественного высказывания было, несомненно, ограничено идеологическими рамками, цензурой, поэтому менялись и возможности публикации произведений, и отчасти — сами их формы, художественные средства, что было обусловлено не только внешним воздействием, но и внутренними процессами развития литературы и творчества конкретных писателей. В целом же преемственность сохранялась, что подтверждается и исследованиями словацких историков литературы. Так, один из крупнейших литературоведов С. Шматлак писал в своей фундаментальной «Истории словацкой литературы»: «Резкий историко-политический слом 1939 г., хотя и деформировал, однако все же не уничтожил основные эстетически мотивированные линии имманентного развития современной словацкой литературы, которые органически (или с некоторыми тактическими модификациями) продолжились и в первой половине сороковых годов»[1].

Важная роль в деле сохранения культуры принадлежала писателям того поколения, чья творческая зрелость пришлась на межвоенный период. Их судьбы сложились в годы войны по-разному. Некоторым пришлось эмигрировать по расовым или политическим причинам (Гейза Вамош, Владимир Клементис), другие после раздела республики были высланы в Чехию (Петер Илемницкий), иные, наоборот, возвратились из Чехии в Словакию (Ян Смрек, Л. Новомеский) или предпочли внутреннюю эмиграцию (Янко Есенский).

Видные посты в руководстве государства и в сфере управления культурой занимали: Ян Смрек (Комитет пропаганды), Валентин Беньяк (руководство краевым учреждением внутренних дел, председатель Общества словацких писателей), Станислав Мечьяр (секретарь Матицы

[1] *Šmatlák S.* Dejiny slovenskej literatúry II. Bratislava, 2001. S. 474.

inslav

словацкой, главный редактор официозного в те годы журнала «Словенске погляды»), Мило Урбан (главный редактор профашистского печатного органа «Гардист»), Йозеф Цигер Гронский (председатель Матицы словацкой). Впоследствии, после окончания войны и установления коммунистического режима многих из них ждали преследования, суды, запреты на публикации.

В первой половине 1940-х гг., несмотря на разительные перемены в политической сфере, в целом сохранялась преемственность развития словацкой литературы, что проявилось в творчестве крупнейших словацких писателей.

Мило Урбан (1904–1982) опубликовал в 1940 г. третью часть своей трилогии о словацкой деревне, «В тенетах». Ранее вышли его романы «Живой бич» (1927) и «Туман на рассвете» (1930), правда, следующая книга писателя, роман «Погасшие огни», увидела свет лишь в 1957 г. Йозеф Цигер Гронский (1896–1960) продолжил свои художественные искания в романах «На перепутье» (1939) и «Писарь Грач» (1940), где социальный реализм его предыдущих произведений уступает место экспрессионистской оптике, детальному психологическому анализу состояния персонажей. Людо Ондрейов (1901–1962) издал вторую книгу будущей трилогии, «Ергуш Лапин» (1939). Как и в первом романе «Юность разбойника» (1937), писатель в лирической манере повествует о становлении характера и о драматической судьбе своего героя в окружении таинственной и романтической словацкой природы, в атмосфере народных мифов и легенд. Л. Ондрейов стал одним из родоначальников самобытного течения в словацкой прозе 1930–40-х гг. — натуризма.

Для натуризма был характерен уход от неприглядной реальной действительности в словацкую мифологию; при этом характер мифа, народности здесь иной, чем в сфере мифотворчества официальной идеологии «народного, национального социализма». Основы натуризма — это поэтизация и романтизация словацкой стихии — природы, гор, цельных человеческих характеров.

В произведениях писателей-натуристов, а это, помимо Л. Ондрейова, Доброслав Хробак (1907–1951), Маргита Фигули (1909–1995), Франтишек Швантнер (1912–1950), аллюзией на военное противостояние держав становится столкновение добра и зла, олицетворяемых силами природы и судьбы, контрастными по характерам персонажами. Таковы, например, герои сборника рассказов Ф. Швантнера «Малка» (1942), повести М. Фигули «Тройка гнедых» (1940), повести Д. Хробака «Приятель Яшек» (1937) и др.

inslav

В многотомном романе М. Фигули «Вавилон» это противостояние перенесено в древние времена, в период крушения Вавилонской державы и ее завоевания персидским царем Киром. Написанный в 1943 г., в разгар Второй мировой войны, роман в притчевой форме отражал трагические события своего времени. Писательница, сознавая невозможность публикации книги в условиях строгой цензуры, спрятала рукопись и опубликовала роман лишь после окончания войны, в 1946 г.

В 1940-е годы появились и произведения иного характера, далекие от образцов натуризма, хотя и в них отразился пафос отрицания, неприятия современной словацкой действительности. Вместо лиризма и балладической атмосферы вневременных страстей и эмоций натуризма, в произведениях писателей более молодого поколения (Ян Червень, Доминик Татарка, Петер Карваш) ощущался трагизм эпохи, звучали мотивы недовольства, одиночества и разочарования. Прежде всего, это окрашенные экзистенциальным пессимизмом рассказы и новеллы Доминика Татарки (1913–1989), которые автор публиковал в журнале «Словенске погляды», начиная с 1939 г. Они вышли вскоре и в книжном варианте, в сборнике «В тоске поисков» (первое издание 1942 г. затем перерабатывалось и дополнялось).

В 1943 г. в журнале «Словенске погляды» был опубликован еще один, самый, на наш взгляд, значимый рассказ Д. Татарки этого периода — «Смрад». В нем впервые открыто были показаны жестокие образы войны, смерти, разрушений, вину за которые несли и словаки, воевавшие вместе с немцами на Восточном фронте. Увиденное и пережитое сломило героя рассказа, словацкого офицера; страшные видения преследуют его, вплетаясь в действительность «мирной» Словакии.

После «бархатной революции» 1989 г. стала возможной корректировка многих, прежде всего, политических оценок. Была в определенной мере пересмотрена и оценка периода Словацкой республики 1939–1945 гг., в частности, состояния и развития культуры в это время. Замалчиваемые ранее имена и произведения вновь стали предметом рассмотрения в целом ряде работ словацких литературоведов. Анализу этого периода посвящена, например, книга М. Баторовой «Годы тоски и сопротивления» (1992). Говоря о воздействии официальной идеологии на сферу культуры, она подчеркивает: «Попытка фашизации словацкой литературы и культуры, задуманной как радикальное “перевоспитание нации”, не могла быть успешной в тогдашних условиях... Мы вновь наблюдаем явление, характерное для жизни словацкого общества в целом, а именно — противоречие между официальной политической линией, проводимой через административные предписания, и действи-

inslav

тельно творческой, живой пульсацией реальной жизни культуры и литературы»[1]. Творческое осмысление этого сложного и противоречивого периода словацкой истории, начало которому положили произведения 1940-х годов, продолжилось и после войны, давая художественно убедительные образцы вплоть до наших дней.

Н. В. Шведова
(Москва)

Антивоенный протест в поэзии словацкого надреализма (1940-е годы)

Сюрреализм в литературе и искусстве Словакии был одним из наиболее плодотворных художественных направлений в XX в. Сложившись во второй половине 1930-х годов, он получил в 1939 г. славянское самоназвание «надреализм». К самым общим его характеристикам можно отнести активный поиск новых выразительных средств и антифашистскую направленность, программно заявленную еще до начала Второй мировой войны. Военные годы оказались, вопреки неблагоприятной ситуации в целом, весьма значительными для творчества надреалистов. Временные рамки 1939–1946 гг. уже традиционно выделяются исследователями как расцвет этого направления. Его ведущие поэты — Рудольф Фабри, Владимир Райсел, Штефан Жари, Ян Рак, Павел Бунчак, Юлиус Ленко, Ян Брезина.

Летом 1938 г. в Братиславе вышел альманах надреалистов «Да и нет». Это первое совместное выступление приверженцев нового движения. Неофициальный манифест надреализма, опубликованный в этом сборнике, также носит название «Да и нет». Его авторы — теоретики надреализма Микулаш Бакош и Клемент Шимончич. «Мы против культурной реакции, против фашизма, который является порабощением духа, — в этом наше решительное „нет", и мы за прогресс и положительно относимся к тому, что было прогрессивным в словацкой традиции, — в этом наше „да"», — говорится в документе[2]. «Прогресс» понимался здесь прежде всего как совокупность нового художественного мышления и новых приемов. Официальная критика резко осуждала надреалистов за «бессодержательность» (что часто совпадало с «непонятностью») и отсутствие национальных корней, а их апелляция к традиции (главным образом ро-

[1] *Bátorová M.* Roky úzkosti a vzopätia. Bratislava, 1992. S. 71.

[2] *Bakoš, Šimončič.* Áno a nie // Nadrealizmus. Avantgarda 38. Bratislava, 2006. S. 68.

inslav

мантической) объявлялась беспочвенным утверждением. Подспудно же просматривалась и такая причина: надреалисты не принимали официозной картины мира в Словацкой Республике военных лет. Их видение действительности отличалось от нее примерно так же, как «Герника» Пикассо от благостной жанровой зарисовки XIX в.

Словакия (пусть и в составе других государств) не прославилась «прогрессивным» участием в военных конфликтах XIX–XX вв. Почти вековой разрыв революции 1848–1849 гг. и Второй мировой войны только подчеркивает тот факт, что в обоих случаях речь шла о разыгрывании «национальной карты», то есть стремления словаков к государственной самостоятельности или хотя бы автономии. Выступив против венгров в середине XIX в. и не получив от венского двора обещанных национальных прав, словаки дожидались «улучшений» в этом вопросе еще 70 лет, до создания Чехословакии (1918). Однако новое славянское государство не оправдало надежд, и стремление отделиться обнаружилось снова. После Мюнхенского договора, в связи с угрозой внешней агрессии Словакия в марте 1939 г. была провозглашена самостоятельным государством; ее президентом с октября 1939 г. стал католический священник Йозеф Тисо. Сделавшись сателлитом Германии, Словакия была вынуждена бросить свои войска на Восточный фронт и вновь, как и в Первую мировую, воевать против России (Советского Союза). Художественная проза второй половины XX в. (Л. Тяжкий, В. Минач, Р. Яшик) отразила настроения словаков, которым никак не хотелось воевать за интересы немцев. Так, в романе Яшика «Мертвые не поют» (1961) показан путь словацкой артиллерийской батареи: взаимное недоверие словаков и немцев, нарастающее пьянство как попытка уйти от действительности, ощущение нравственного тупика и альтернатива: самоубийство или добровольная сдача в плен русским. Последнее было массовым явлением. Как пишет словацкий историк, «переломным для режима и Сопротивления был 1943 год... Словацкая армия на советско-германском фронте также находилась в состоянии разложения. Охранную дивизию, находившуюся в Белоруссии и на Украине, немцы ввиду неблагонадежности солдат и офицеров и их дезертирства к партизанам, в конце концов, передислоцировали как строительную часть в Италию. „Быстрая дивизия", которая в 1942 г. дошла вплоть до Кавказа, во время отступления на Украине имела столько перебежчиков, что из них в чехословацкой воинской части в СССР была организована самостоятельная парашютно-десантная бригада»[1]. Внутри страны была еще одна воз-

[1] *Липтак Л.* Словакия в XX веке // История Словакии. М., 2003. С. 331.

inslav

можность протеста против войны на стороне Гитлера — организованное военное выступление, каковым и стало Словацкое национальное восстание в августе — октябре 1944 г. Братислава была освобождена Красной армией только 4 апреля 1945 г., до этого Советский Союз поддерживал, как мог, партизанское движение.

На этом фоне борьба поэтов и художников словацкого надреализма против официального консерватизма в сфере культуры и, главное, за попранные в годы войны общечеловеческие ценности видится и закономерной, и весьма успешной. Даже минорная тональность любовной лирики могла быть формой протеста. Фрагментарное, алогичное видение действительности, образы бреда или кошмарного сна удачно подходили для создания картин военной катастрофы, часто близких Апокалипсису.

Критик Йозеф Феликс, внимательно отслеживавший надреалистические публикации и подходивший к ним без априорного нигилизма, по поводу дебютного сборника Яна Рака «Продано» (1942) в том же году писал: «Очень редко в надреалистических сборниках сюрреалистический ужас достигает такого инфернального выражения, как мы это видим в сборнике Рака. Уже не плоды ассоциативного очарования, но автоматизм чудовищ. Откуда этот ужас? Это результат потери уверенности, центра безопасности или интегральная часть сегодняшней реальности и ее поэтического аспекта, сюрреальности?»[1].

Критик не ошибся в своем предположении: настроения в сборнике поэта-надреалиста были «интегральной частью реальности». Рак, в частности, писал в стихотворении «Кто среди вас из страны проклятой»:

Смех уже не имеет права в этом краю
Где скулят безумцы битые колючей проволокой
И факелами своих тел овевают мерзнущих младенцев[2]

Рак был не одинок. Просто другие надреалисты, может быть, приходили к таким настроениям чуть позже. Вначале у некоторых из них (у Штефана Жари, например) чувствовалось определенное упоение возможностями новых форм, поэтизация выбросов взбудораженного подсознания. Но тот же Жари в первом своем надреалистическом сборнике «Зодиак» (1941) публикует поэму «Станция смерть», ставшую одной из

[1] *Felix J.* Nová nadrealistická zbierka // Nadrealizmus. Avantgarda 38. S. 350.

[2] *Rak J.* Je vypredané // Nadrealizmus. Avantgarda 38. S. 346. Переводы здесь и далее сделаны автором статьи. Надреалисты отказались от пунктуации.

inslav

вершин словацкого надреализма. В ней не так много «роскошества» образов, связанных со смертью, угасанием, тлением. Эти образы чаще тягостны, мучительны для лирического героя. Например:

Матерь Божия кающаяся научи нас петь о тишине
Давно порвались барабанные перепонки
На пиршестве войны
Вздымай из-под земли разорванные конечности
Разорванные
Которые еще с силой сжимают судорожную монету
Или портретик любимой /…/
Зажги слабым дыханием наше угасшее мясо
Выцарапай его из пасти гиен
Из помета зелено-золотых жуков[1]

Спасти от смертоносных видений может любовь, но и образ женщины у поэта иногда отталкивающий: «На помойке камней и мраморных птиц / / Ползают раненые животы женщин / / Они не имеют никакой прелести» (Žáry, 447). Нельзя сказать, что у Жари в этой поэме вовсе нет «упоения» смертью, но не это определяет ее тональность.

В поэме Рудольфа Фабри «Я — это кто-то другой» (1946), основные части которой публиковались еще на рубеже 1940-х, также ощущается искушение фантазией, фейерверками сюрреалистических метафор, и в первой редакции поэмы это было выражено сильнее. Однако потом автор заострил внимание на страшных картинах войны, нарисованной как апокалиптическое бедствие, и даже хуже, ибо спасения не будет никому. Эти предвидения вселенской бойни, катастрофические кошмары возникают у лирического героя под воздействием демона Фенея, своеобразного проводника по современному аду — и в то же время «дьявола метафоры», провокатора творческого воображения. Ночь сменяется утром, кошмары уходят, но они появились не на пустом месте, как и у других поэтов-надреалистов. По мнению известного специалиста по словацкой литературе Ю.В. Богданова, «по степени концентрации антивоенного, антимилитаристского трагического протеста это произведение не имеет себе равных в словацкой литературе»[2]. Вот как начинается у Фабри «песнь о гибели земли»:

[1] *Žáry Š* : Stanica smrť // Nadrealizmus. Avantgarda 38. S. 441–442.

[2] *Богданов Ю.В.* Словацкая литература // История литератур западных и южных славян. М., 2001. С. 818.

inslav

Когда будет земля без биения сердца гнить
и собьется с пути над пепелищами
когда подземные токи вздуют мертвых
и исчезнут из поля зрения
остановятся
большие темные тихие горести
постоит
земля исхлестанная густым вихрем
и никто уже не придет
с открытой книгой смерти из черного мяса
Сам океан защемленный в лоне земли
будет обгрызать одиночество
пока ветер последний из живых
будет гудеть устрашенный псалмами африканца[1]

В «Откровении Иоанна» была, как мы помним, «книга жизни», записанные в которой спасались (20:12). У Фабри — «книга смерти», с которой, к тому же, никто и не придет, то есть гибель тотальна. В конце войны эти «фантазии» поэта воспринимались именно как отражение реальности в причудливой деформирующей оптике сюрреалистической поэтики.

Во время второй встречи с Фенеем лирический герой видит «страны гибели», полные мерзостей деградации и разложения. В частности, это некая победоносная армия, которая сама страдает от своих «подвигов» (ассоциации с Красной армией невозможны, она в то время была армией обороняющейся, да и социальные намеки выдают, что речь идет об армии «буржуазной» для человека левых взглядов).

Проходя эти земли
мы пересеклись с героической ратью
которая прославилась в битвах
в страшных боях за порабощение человека …
и вязли бредя в горькой соли летаргии
янычары славы сгорбленные от смертельной усталости
под тяжестью трофеев они теряли сознание
эти разбойники бессмертных деяний

[1] *Fabry R.* Uťaté ruky. Vodné hodiny hodiny piesočné. Ja je niekto iný. Bratislava, 1966. S. 164–165. Далее цитаты по этому изданию.

inslav

Заканчиваются видения так: «Потом мы видели кучу скелетов // вавилонскую башню из человеческих костей // памятник войнам этого мира». Раскованная фантазия сюрреалиста помогла приглушить явный антивоенный пафос произведения, что было важно для публикации его частей в годы войны. В двух последних частях поэмы, написанных позже, выражена безграничная чистая радость от наступления мирных времен.

В поэме Владимира Райсела «Нереальный город» (1943), имеющей автобиографическую канву, военные события происходят «за кадром». Собственно, кульминацией становится реакция пары влюбленных на первые «шаги» еще не объявленной Второй мировой войны — Мюнхенский договор и оккупацию чешских земель Германией. Из-за этого лирический герой, пражский студент и влюбленный, вынужден оставить университет и любимую девушку и вернуться на родину, в Словакию, провозглашенную независимой. Там уже реальный поэт Райсел завершил свое филологическое образование, но к Праге его притягивали нити творчества и любви.

В этот день мы ходим по улицам и меня убивают
ужасные голоса продавцов газет
Они объявляют о моем вечном отъезде
Через несколько дней
Я уеду навсегда
Я должен
Я должен
Ну ты же знаешь
Что я был из тех кто не умеет уходить без следа в крови[1]

Так война наносит удар по юношеским мечтаниям — и в реальной жизни, и в ее сюрреальном творческом преломлении (хотя в этих пассажах Райсел ближе неоромантизму; надреалисты признавали своим предшественником великого словацкого романтика Янко Краля). Каждая часть поэмы кончается двустишием: «И была это все-таки самая страшная ностальгия // Ходить долго до ночи по диким покинутым местам».

В сборнике «Зеркало и за зеркалом» (1945) у Райсела нагнетаются депрессивные душевные состояния, связанные не столько с впечатлительностью и ранимостью лирического субъекта, сколько с переживаниями военного времени. Вот стихотворение «Они падают видите»:

[1] *Reisel V.:* Neskutočné mesto // Nadrealizmus. Avantgarda 38. S. 486.

inslav

И я вижу как наклоняется земля
В боевом рычании военного мотовства…
Там за горизонтом забвения колючие заборы отвратительных и чудовищных болей
Взывают к совести потревоженных жизней трясущихся вселенных
В то время как супружеские хлопья бомб падают со свистом на распаханную землю
Кто-то зовет из окопов
И голова мертвеца качается на своем загробном колу[1]

Картина, как мы видим, напоминает тотальную гибель в поэме Фабри. У Райсела эмоциональность острее и трагичнее, такой она была и в его любовной лирике предыдущих трех сборников (один из которых вышел уже через двадцать лет после войны). Тем головокружительнее радость наступающих мирных дней. И здесь опять чувствуется перекличка с уже упомянутой поэмой Фабри — резонирует образ из Нового завета: «А ночи там не будет» (Откр. 21: 25).

Мы построим начало новой истории человечества…
Уже не будет ночей
Вновь камень будет камнем
Роза розой
А любовь
Будет плодить звезды
Вечно
Без конца
(«Пьяницы пьяницы»).

У Фабри: «...Ночей уже не будет и продлится день // великий этот свет будет постоянно // ибо каждое, даже малейшее, мельчайшее страдание // превратится в звезду // а их будет столько // что исчезнет из памяти понятие темных ночей». Нам не хотелось бы, вслед за современными словацкими исследователями, говорить в связи с этим о некоей идейно-художественной деградации: это упрощение, соотносимое с прямолинейностями критики социалистического периода. Образы безудержной, «вселенской» радости закономерно вытесняли столь же вселенские картины военных кошмаров.

Если отвергать мажорную тональность в послевоенных надреалистических сборниках (нередко выстроенных по контрасту, примеры ко-

[1] *Reisel V.* Zrkadlo a za zrkadlom. Martin, 1945. S. 40.

inslav

торых мы уже привели), то в немилости окажется и маленькая книжка Я. Рака «Не покидайте надежд» (1946). М. Гамада, в частности, упрекает ее (среди других сборников поэта) в «поверхностности и утопической иллюзии»[1]. На наш взгляд, далеко не все стихотворения этой книги заслуживают такой характеристики. То, что относится к творческому осмыслению войны, часто остается просто хорошей поэзией с атрибутикой сюрреализма, с чертами «ошеломляющего образа»:

Но свистящие свечи снарядов
Окровавили уже так миллионы ртов
Свечи стальные цветы
Цветущие часто адскими ночами
Которые плакали красным смехом как сияющие кометы гибели
Льется свет на кладбище под гул самолетов
Ведь бесчисленные мертвые есть на каждом континенте
Их сердце сублимируется как подземный цветок
Оно выросло веселым и струит запах грусти
(«Вселенская панихида»)[2].

Еще один поэт-надреалист — Юлиус Ленко — в сборнике с примечательным названием «Горная цепь безнадежности» (1946) называет себя «сыном своего века», отмеченным двумя мировыми войнами. (В год начала первой поэт появился на свет.) В стихотворении «Красивейший из мертвых» Ленко яркими, контрастными метафорами рисует борьбу на грани поражения и победы, гибели и продолжения жизни.

Кто объяснит форму этой виселицы
Она могла бы быть спиралью
Потому что она лучше изображает наш век
Он ходит на четырех ногах среди народов
А мы посаженные на его спину
Протягиваем ладони к лучу хотя бы самой маленькой звезды
С головами повернутыми туда где любовь…[3]

Приведенная цитата не содержит особенно впечатляющих образов, которыми отмечено начало стихотворения; исключение составляет ви-

[1] *Hamada M.* Medailóny príslušníkov nadrealizmu // Nadrealizmus. Avantgarda 38. S. 624.

[2] *Rak J.* Nezanechajte nádeje. Bratislava, 1946. S. 21.

[3] *Lenko J.* Rozkmitané struny. Bratislava, 1973. S. 28.

inslav

селица в виде спирали. Нам здесь важен уже не раз встречавшийся контраст между кошмаром войны, гибели, разложения и светлой картиной будущего, хотя бы предчувствуемого.

Другой надреалист, Павел Бунчак, в своем сборнике «С тобой и один» (1946, стихи 1941–1945 гг.) публикует стихотворение «Боец», где в свойственной ему сдержанной манере пишет о смерти солдата, как будто уходящего в мир грез, и констатирует:

Что всех нас горбило
Над головой висело как «об этом и не думай»
Сегодня называем мы войной потерянными годами
Что смотрят на нас невидящим взглядом
Глаза пещерные и расколупанные ямы
Кладовые неба и смеха
Клещами вырванные годы[1]

Последний из семи ведущих поэтов-надреалистов, Ян Брезина, также создавал образы, овеянные дыханием смерти, что было, несомненно, следствием войны. Вот фрагмент стихотворения «Зов вместо сна» (из одноименного сборника 1945 г.):

Ничто нас не спасет от окончательной гибели
Ни бункер одиночества ни другой розарий совсем низко в долинах
Ни гранит ни кровь
Остановится сто первый раз над каждым водопадом
Как мертвые маятники мы будем касаться дней и ночей без числа
На той стороне где они гаснут там на отдаленных морях
Ни одна из рыб не споет песню о Титанике[2]

Таковы контуры военной (по времени и по тематике) поэзии словацкого надреализма, ставшей решительным протестом против увиденной в войне вселенской катастрофы. Изощренная, «непонятная» (точнее, непривычная), играющая контрастами поэзия военных лет ускользала от нападок традиционной критики, находила возможности для публикации (в полной мере они проявились сразу после войны) и говорила читателю о том, как отзывается этот всемирный пожар в сердцах поэтов.

[1] *Бунчак П.* Боец // Голоса столетий: Антология словацкой поэзии от истоков до конца XX в. М., 2002. С. 262. *Пер. М. Васильевой (псевдоним автора статьи).*

[2] *Brezina J.*: Volanie miesto spánku // Nadrealizmus. Avantgarda 38. S. 402.

inslav

Н. М. Куренная, М. В. Лескинен
(Москва)

Женщины и война: тактика «выживания травы»

К проблеме «война как социо-культурное явление» российские гуманитарии обратились относительно недавно[1]. Лишь в 1990-е годы в России появились исследования, по-новому осмыслявшие и интерпретировавшие довольно обширный круг накопленных ранее материалов[2] с акцентом на изучении психологических и этнических особенностей эго-документов и источников «устной истории» («oral-history»). В той или иной степени эти воспоминания, рассказы, реже — авторские записи — раскрывают взгляд и восприятие войны невоенным человеком. В российской науке их своеобразие и необходимость выбора новых методов комплексного исследования первыми отметили Д. Гранин и О. Адамович[3].

В последние десятилетия, с расширением предметного и методологического поля гуманитарных исследований событий XX в., значительное

[1] В последнее десятилетие в российской историографии началось изучение сакрализованной и в народном сознании, и в официальной пропаганде памяти войны. Научный анализ некоторых тенденций литературного процесса и историографии см.: *Андреев Д., Бордюгов Г.* Пространство памяти: Великая Победа и власть. Серия АИРО XX. М., 2005. Вып. 19.; *Хёслер И.* Что значит «проработка прошлого»? Об историографии Великой Отечественной войны в СССР и России // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 156–169; *Кукулин И.* Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной / Второй мировой войны в русской литературе 1940–1970-х гг.) // Там же. С. 617–658; *Лаптева М.П.* Кризис жанра военных мемуаров // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001.

[2] В ряду наиболее значимых следует упомянуть: *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологический опыт. М., 1997; *Она же.* Психология войны в XX в. Исторический опыт России. М., 1999; Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001.

[3] Они выступили с инициативой собирания свидетельств людей, переживших оккупацию Белоруссии и блокаду Ленинграда. Благодаря им была создана «Блокадная книга», а белорусская журналистка Светлана Алексиевич начала цикл своих документальных повестей именно при поддержке О. Адамовича, ее первые книги были посвящены памяти войны («Воспоминания детей», «У войны не женское лицо»). При этом только в 1980-х годах эти записи осуществлялись в рамках обдуманной программы, что позволяет отнести эти проекты в равной степени как к появлению нового жанра литературных мемуаров, так и к созданию новой разновидности исторического документа.

inslav

влияние на пересмотр причин, последствий и моральных оценок разного рода конфликтов и преступлений на национальной почве оказывает концепт коллективной памяти[1] — особенно заметную роль он играет в полемике национальных исторических школ (например, о событиях в Катыни, Едвабне, об украинском «Гладоморе» и др.). Кроме того, в продукции массовой культуры и СМИ наблюдается тенденция своеобразной «смены языка» повествования о войне — притом одновременно с резким повышением официального статуса событий и роли Великой Отечественной войны в российском официальном дискурсе.

Особое место среди эго-документов, активно используемых для «переописания» истории войны, занимают рассказы и дневники женщин. В течение длительного времени «легализованные» воспоминания женщин о войне ограничивались рассказами тех, кто служил в армии или трудился в тылу. Да и они, как пишет С. Алексиевич, не обо всем хотели вспоминать, а в первые десятилетия после войны многие из них скрывали свое даже героическое участие в ней[2].

---

[1] *Лескинен М.В.* История и Память: новое прошлое или «забытое старое». Историографический аспект // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М., 2009. С. 115–135.

[2] *Алексиевич С.* У войны не женское лицо. Повести. М., 1989. Добровольное умолчание определенных категорий людей (в СССР) объяснялось как повышенной травматичностью опыта войны, так и определенными традициями российской культуры. Своеобразие и методику исследования повествований советской эпохи, представляющих собой «незаживающую рану, травмирующее воспоминание» см.: *Козлова Н.Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., Европа, 2005 (глава «Вместо введения. Подопытный наблюдатель»). Опыт прочтения «женского текста» «простого человека» см.: *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996. «Голоса» людей, оказавшихся осознанно «стертыми» из памяти о войне — это свидетельства тех, кто пережил блокаду и оккупацию, насильственное и добровольное переселение в Германию, узников немецких и советских концлагерей, попавших в плен, сотрудничавших с немцами. См.: *Кормина Ж., Штырков С.* Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах // Память о войне 60 лет спустя. С. 222–240. Рассказы «простых» людей начали собирать довольно поздно и в рамках краеведческих исследований. См., например: Спустя полвека. Народные рассказы о Великой Отечественной войне. Курган, 1994. Однако место женских воспоминаний во всех них — отличное. Ведь женская память о войне — особая, ее стремились замолчать даже тогда, когда речь шла об описаниях повседневной борьбы за выживание в глубоком тылу, в эвакуации. Считалось, что они не вписываются в каноны и образцы героической истории. Несколько иначе подходили к освоению опыта женщин-военнослужащих, в особенности летчиц. Этот опыт официально был одобряем властью. Долгое время казалось,

inslav

Женский опыт оккупации может быть рассмотрен исследователем в нескольких аспектах: как пример субъективного переживания в экстремальных условиях, как эго-документ, как нарратив, отражающий особенности гендерной идентичности, а также в качестве примера конструирования «коллективной памяти» определенных сообществ[1]. «Люди различных национальностей, — пишет один из исследователей этого феномена К. Мик, — питают свою память разными традициями и подчас истолковывают одни и те же исторические события взаимоисключающим образом»[2]. Мы хотели бы показать некоторые — наиболее существенные, с нашей точки зрения, — общие и особенные черты восприятия русской и венгерской женщинами иностранной оккупации в годы Второй мировой войны на примере формирования образа врага. Оба текста были опубликованы недавно, поскольку по идеологическим, цензурным и иным[3] соображениям они не могли быть изданы ранее ни в России, ни в Венгрии. Это автобиографический роман Ален Польц «Женщина на фронте» (1999)[4] и дневники Лидии Осиповой (2002)[5].

Мы исходим из предположения, что в избранных нами для сравнения источниках женское начало, гендерная идентичность выражены в наиболее отчетливой форме, она, хотя и не окончательно, оттесняет на второй план другие самоопределения (идентичности) авторов и отчасти

что они (как и другие, «маргинальные» и альтернативные воспоминания) не вписываются в каноны и образцы героической истории. Анализ и важнейшую историографию гендерного аспекта проблемы см.: *Шайде К.* Коллективные и индивидуальные модели памяти о «Великой Отечественной войне» (1941–1945) // Ab Imperio. 2004. № 3. С. 1–26; *Иконова О.* Женщины, война и «фигуры умолчания» // Память о войне 60 лет спустя… С. 563–576.

[1] *Ровный Б.* Инструменты исследования коллективной памяти // Век памяти. Памяти века. Челябинск, 2004; *Андреев Д., Бордюгов Г.* Пространство памяти: Великая Победа и власть…; Что такое коллективная память? Предварительные замечания // Память о войне 60 лет спустя. С. 13–16. Основные концепции и методы исследования памяти см. во введении к данной книге. (Там же. С. 7–12).

[2] *Мик К.* Опыт войны во Львове // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001. С. 145.

[3] Имеется в виду феномен «непопулярности» и даже отказа от некоторых индивидуальных или научных реконструкций болезненных событий прошлого, вызванных аберрацией памяти. См. *Вельцер Х.* О соотношении истории и памяти // Память о войне 60 лет спустя. С. 51–63. С. 53.

[4] *Польц А.* Женщина на фронте. Будапешт, 1999 / пер. с венг. Е.З. Шакировой.

[5] *Осипова Л.* Дневник 1941–1944 гг. // Неизвестная блокада. СПб.; М., 2002. Цитаты приведены по публикации на сайте Военная литература: http://militera.lib.ru/db/osipova_1/index.html

inslav

нивелирует их отличия в возрасте, социальном происхождении, образовании, жизненном опыте[1]. Для обеих женщин годы оккупации оказываются самым страшными в биографии, но именно тогда они с особой остротой переживают ощущение смысла собственной женской судьбы, предназначения.

Следует отметить, что в последние десятилетия тема жестокого обращения советских солдат с гражданским населением европейских государств (и не только Германии и ее союзников) в период 1944–1945 гг. стала одной из центральных в публицистике и документалистике — в том числе и в России. Налицо стремление к своеобразному пересмотру отношения к ведущей роли Советского Союза в событиях Второй мировой войны (и в особенности ее конечной фазы — на территориях вне собственных границ 1939 г.), а также явная деконструкция позитивного образа советского солдата. Чаще всего такая десакрализация «воина-освободителя» связана с полемикой о масштабах незаконных реквизиций («мародерства» и грабежей) и сексуального насилия над женщинами в «зоне советской оккупации»[2]. Разумеется, в некоторых случаях в таком псевдонаучном муссировании проявляются черты определенного политического заказа как антисоветского, так и антироссийского толка, однако следует заметить, что и в самом российском общественном сознании происходит некоторое смешение явно пропагандистских задач с возникшим еще в 1990-е годы на волне отмены цензуры желанием рассказывать о прошлом «как оно было на самом деле». Это касается и «полных», без купюр, воспоминаний о страшных, не героических страницах войны, а также о несправедливости и жестокости как сопутствующих ей проявлениях в любом сообществе. Примером могут служить непубликовавшиеся до перестройки произведения участников войны — книги К. Воробьева или стихотворения Николая Панченко («Девчонка в парикмахерской работала, девчонку изнасиловала рота...»; «Мы несем

[1] Несмотря на то, что избранные нами для сопоставления тексты относятся к разным типам литературных исторических источников (автобиографический роман-воспоминание и дневник), возможность их сравнения не может быть отвергнута, поскольку оба представляют собой своеобразные записанные исповеди. Несомненное художественное дарование русской интеллигентки «из бывших» Осиповой, стиль которой отличается изяществом и стремлением к анализу, зачастую кажется гораздо более «романным», нежели лаконичное и почти хроникальное изложение обстоятельств своей судьбы в романе А. Польц. Однако проблема сопоставления этих произведений в качестве потенциальных исторических источников — задача иного исследования.

[2] Немецкая пропаганда еще в конце войны заявляла о 2 млн немок, изнасилованных советскими солдатами.

inslav

трофейный триппер прямо в логово врагу»[1]). Их объединяет эмоциональность травмирующих воспоминаний, пережитой боли — и особенно тяготит чувство вины перед самыми беззащитными жертвами — стариками, женщинами и детьми.

Но в актуализации в связи с событиями Второй мировой войны темы сексуального насилия проявляет себя и еще одна тенденция — стремление использовать введение в научный оборот и в массовое сознание информации, обличающей солдат Красной армии как «варваров-насильников» для переопределения сути самого военного конфликта в Европе: прежняя трактовка борьбы фашистской Германии и ее союзников со странами-участницами антигитлеровской коалиции заменяется разработкой идеи о противостоянии сил тоталитарного «зла» (нацизма и большевизма) и благородных защитников-гуманистов, носителей свободы и демократии. Новая идентификация активно прибегает к теме военных изнасилований как к средству эмоциональной и фактической аргументации. «Замещение политического конфликта непосредственно половым в его самом примитивном смысле» имеет также важное символическое значение[2], так как образ поруганной Женщины (Девы) начиная с XVIII в. играл важную роль в конструировании визуального языка национальной идеологии и системе метафорических представлений о европейских межгосударственных отношениях[3].

Сегодня тема обращения оккупантов (как немецких, так и советских) с гражданским населением, не находясь уже под цензурным запретом, в российском обществе все же вызывает неприятие. Примером могут служить отклики на такие фильмы о войне как «Свои» Д. Месхиева, «Одна война» В. Глаголевой, «Поп» В. Хотиненко и др., в которых рассказывается о нравственном выборе людей, оказавшихся на «оккупированной территории». Однако в целом гораздо более отчетлива тенденция «умолчания» российского кино: немецкий журналист Ш. Шолль с недоумением отмечает, что ни российские историки, ни СМИ никак не отреагировали на снятый в 2008 г. в Германии документальный фильм о массовых изнасилованиях немецких женщин красноармейцами в конце войны, в то время как на экраны России вышло множество сериалов о

[1] *Кукулин И.* Регулирование боли.

[2] *Гапова Е.* Гендер и постсоветские нации: личное как политическое // Ab Imperio. 2007. № 1. С. 309–328. С. 311.

[3] *Вишленкова Е.А.* Гендерные коды в визуальном языке описания «русскости» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2007. № 19. М., 2007. С. 85–95.

inslav

войне, в которых события тех лет проиллюстрированы безо всякого знания исторических реалий, но по канонам самых примитивных голливудских стандартов — «войну низвели до уровня выигранного футбольного матча», — с горечью отмечает он[1].

Книга «Женщина на фронте» написана венгеркой, оказавшейся во время войны в зонах сначала немецкой, а затем и советской оккупации, которая в 19 лет стала объектом многочисленных сексуальных надругательств со стороны советских солдат. Это безвинные жертвы войны, на которой, по словам Польц, «человек становится страшен и непостижим». Документальная основа книги не позволяет читателю ни на минуту оправдать насильников или считать некоторые детали авторским вымыслом или художественным приемом. Автор повествует о личной жизни и собственных интимных переживаниях, которые согласно русской литературной традиции не принято выносить на читательский суд.

Русская современница А. Польц — Л. Осипова, о судьбе которой известно мало (она принадлежала к той части российской интеллигенции, взгляды и убеждения которой сформировались еще до революции, и которая пострадала от многочисленных репрессий). Она оказалась в зоне немецкой оккупации под Ленинградом, горячо приветствовала приход немцев, надеясь на избавление от «большевистского режима».

Неслучайно поэтому лейтмотивом обоих повествований становится Насилие и Беззащитность, воплощаемые Мужчиной и Женщиной. Образ врага конструируется в поле, задаваемом оппозицией свой/чужой, однако и «свой», и «чужой» описываются через коды маскулинности. Восприятие оккупантов изменяется со временем. В первые дни отношение это неприязненное, но в целом может быть оценено как нейтральное. Осипова пишет: «Наше „завоевание" произошло как-то совсем незаметно и неэффектно. Даже немного обидно: ждали, волновались, исходили смертным страхом и надеждами, и пришел какой-то немец с разбитым куриным яйцом в руке, и яйцо для него имело гораздо большее значение, чем все мы с нашими переживаниями».

С приходом «нового», фашистского порядка на оккупированные территории жители сталкиваются с карательными мерами этой власти. Облик ее обретает конкретные черты и выражается, в частности, в стремлении упорядочить все сферы жизни. Многочисленные приказы и распоряжения, выполнение которых строго контролируется (немецкий

[1] *Шолль Ш.* «Дом-3» на Курской дуге // Московский комсомолец. 8 апреля 2010.

inslav

стиль управления) противопоставляется русской неорганизованности и непоследовательности. Так видится различие между советской и немецкой системами управления. Но вскоре приходит осознание того, что нужды гражданского населения в условиях оккупации у властей на последнем месте и выживание по-прежнему остается делом самих жителей, и в первую очередь женщин. Например, Осипова одно время вынуждена заниматься гаданием, а Польц для спасения больного человека идет к русским за кувшином молока, понимая, что ее ждет: «цену она знала: пришлось расплачиваться собственным телом». В поведении женщин заметно то, что иногда называют «беспринципностью» — задача спасения семьи перевешивает страх, стыд, религиозные и политические убеждения и заставляет идти на нравственный компромисс. При этом женщинам независимо от происхождения и образования в равной степени присущи активные средства повседневной борьбы за выживание близких, при выборе которых религиозно-моральные нормы отходят на второй план. Эти методы схожи: от постоянного обращения к властям, писем и петиций, взывания к закону, жалости и совести до подкупа, игры, шантажа, преднамеренного обмана и т.п. Для спасения близких используются все средства. Метод «выживания травы» оказывается одинаково и единственно успешен как в условиях русской провинции («под немцами»), так и в венгерской деревне.

С началом применения карательных санкций в отношении мирного населения (немцы первым объектом объявляют евреев) образ немцев претерпевает значительные изменения. Национально-нейтральные определения сменяются идеологически-эмоциональными. Их все чаще называют фашистами и убеждаются (иногда неохотно) в справедливости негативных характеристик: «Неужели же мы... ошиблись и немцы то же самое, что о них говорит советская пропаганда?» — восклицает Осипова. Интересно, что в ее более детализированных (по дням) записях отчетливо выражена часто отмечаемая современными исследователями «власть номинаций»: обозначение немцев как освободителей от ига поработителей-«большевиков» диктует соответствующие отзывы о них, а «переназывание» немцев оккупантами и варварами приводит к переоценке советской власти и в первую очередь красноармейцев. Акт новой номинации становится своеобразной символической границей, с которой в дневнике отражается переосмысление и перетолкование представлений автора о патриотизме и идеях «освобождения».

С ожесточением борьбы жителей оккупированных территорий за свои права, с реальной угрозой голода и вымирания происходит различение завоевателей по национальности и одновременно их иерархизация

inslav

по степени жестокости[1] — причем зачастую признаком этнической принадлежности становится не язык или мундир, а отношение к покоренному населению. Так, в наиболее страшных зверствах обвиняются именно немцы, а испанцы (в дневнике Л. Осиповой приводится весьма обширное и с претензий на «объективный анализ» обоснованное сравнение немецких и испанских оккупантов) характеризуются как добрые, щедрые, гуманные и даже жалостливые. Важнейшим критерием становится их отношение к русским девушкам, вступающим с ними в связь. Испанцы добры к ним, их «романы» искренни и страстны; они стремятся соблюдать хотя бы видимость ухаживания: дарят цветы, кормят, одевают и развлекают подруг как галантные кавалеры. Немцы, напротив, всячески демонстрируют аморальность и «гнусность» связей с неполноценными в расовом отношении русскими, не только подчеркивают продажность такого рода «любви», но и всячески изощренно унижают и оскорбляют женщин, давая им понять собственное ничтожество и второсортность.

Для А. Польц последовательное и рационализированное сопоставление немецких и советских оккупантов также становится одним из главных мотивов повествования. И те, и другие страшны и отвратительны, но постепенно проявляются такие черты их национального характера, которые отличают их друг от друга и расширяют рамки возможного лавирования. «Немецкие солдаты всегда дисциплинированные, молчаливые», — утверждает она, а «...общаться с русскими нетрудно». «Я уже давно знаю: чем древнее и примитивнее народ, чем он ближе к природе, тем лучше он понимает, что ему говоришь, если жесты при этом соответствующие». Сопоставление национальных характеров, темпераментов и типов поведения и взаимодействия оккупантов значимо и для и Осиповой; причем обе женщины отмечают сходные критерии для сравнения: это отношение к женщинам, детям, старикам и к животным: «Русские любили „бабок" и „мамок", относились к ним почтительно. Их даже подкармливали, не били, не обижали» — с некоторым удивлением замечает венгерка, убежденная в варварстве завоевателей с востока. Немцы в отношении к этой категории населения безмерно жестоки. «Немцы любили собак, а русские — детей», — отмечает Польц. «Дети и женщины больше любят испанцев, немцев боятся» — свидетельствует Осипова. В немцах женщин поражает педантичность в исполнении приказов на уничтожение и стремление выполнять даже самые бессмысленные

[1] Аналогичные особенности (сравнение немцев и эстонцев) отмечены при анализе устных воспоминаний об оккупации в статье: *Кормина Ж., Штырков С.* Никто не забыт, ничто не забыто. История оккупации в устных свидетельствах // Память о войне 60 лет спустя. С. 222–240.

inslav

приказы любой ценой. Польц, сравнивая немцев и русских, все же предпочитает последних. С ними можно договориться, с немцами — почти никогда. Прежнее, обобщенное представление об оккупантах подвергается детализации: «И никакие, кажется, немцы не освободители, а такая же сволочь» (Осипова).

Намечается и явное противоречие между «умозрительным», абстрактным образом завоевателя (фашиста и советского солдата) и конкретным опытом общения с ним. При этом необходимо отметить, что в записках Осиповой, как в некоторых других воспоминаниях тех лет, человеческая ипостась оккупанта выражена более отчетливо[1], нежели в романе Польц. Зачастую даже «свои» — предатели, полицаи и партизаны оцениваются гораздо более сурово и воспринимаются как более жестокие в своих действиях, нежели немцы. Характерной чертой «русского» описания событий оккупации можно назвать дифференцированность отношения к чужим: «В устных рассказах действуют не идеальные, деиндивидуализированные персонажи, обладающие какими-то характеристиками в силу своей принадлежности одной из партий, а живые люди, поступающие тем или иным образом в силу собственной индивидуальности и создавшихся обстоятельств»[2]. А в повествовании Польц и немцы, и русские почти лишены конкретных черт, они абстрактно-негативны, но зачастую даже условны. Причина, вероятно, носит индивидуально-психологический характер — стремление освободиться от потрясших человека переживаний вызывает потребность отдалить зрительный образ травмирующих воспоминаний.

Однако и в русском, и в венгерском образе оккупанта явно выделяются признаки этнонационального стереотипа. Так, к ним можно отнести ряд черт, единодушно отмечаемых в воспоминаниях очень многих жителей оккупированных территорий, которые связаны с бытовым поведением завоевателей. Необыкновенно сильное и отталкивающее впечатление вплоть до негодования, брезгливости и чувства унижения вызывает несоблюдение ими правил человеческого общежития[3]: немцы, живущие в домах Гатчины, открыто отправляют свои физиологические надобности, часто даже во время еды, они лишены чувства стыдливости и не соблюдают

[1] Там же.

[2] Там же. С. 225.

[3] Примеры этого можно найти в книгах С. Алексиевич (о воспоминаниях детей, «У войны не женское лицо» и др.). Можно было бы отнести эти свидетельства к особенностям функционирования взаимосвязи между индивидуальной и коллективной памятью, однако в данном случае мы имеем дело с записями в дневнике.

inslav

элементарных правил приличия. «От потомков Шиллера и Гете хотелось бы чего-то другого» — замечает поклонница немецкой культуры Осипова. После ухода русских из венгерской деревни, по свидетельству Польц, в туалет невозможно было зайти. Для обеих женщин нечистоплотность и отсутствие самоконтроля в повседневной жизни — характерный признак низкого уровня культуры народа. «Много я повидала, но чтобы русский солдат мылся — никогда. Видела, правда, что ноги они моют, многие мыли ноги перед тем, как обернуть их новыми портянками» (Польц)[1].

Часто отмечается жадность немцев (Осипова) и русских (Польц), их страсть к «барахлу». Осипова сравнивает поведение немцев и советских солдат и оправдывает последних тем, что они грабят от бедности и нищеты, а немцы — представители богатой и культурной страны — и потому их «неконтролируемое стремление к обогащению» особенно отвратительно. Польц также пишет, что русские «брали все, что было в доме, им даже не приходило в голову, что это — чужое». Сравнивая венгров с русскими в отношении к населению оккупированных территорий, она отдает себе отчет в том, что «венгерские солдаты вели себя в русских деревнях не намного порядочнее». Далее она вспоминает, что ее молодой супруг, пробывший три года на русском фронте, присылал ей посылки, в которых, в частности, находились «три чайных чашки и блюдца китайского фарфора»; валенки, в которых она ходила, были также из России. Но поступки «своих» не вызывают у нее столь резкого осуждения.

Противопоставление врага «своему» (немцев — русским и советских — венграм) осуществляется с использованием категорий материального и духовного, при этом телесное, плотское, низменное начало отождествляется с чужим, а ему противостоят ценности нематериального —

[1] Необходимо, однако, иметь в виду, что определение «грязный» при характеристике облика и поведения представителя иной культуры, особенно «чужого» и «врага» архаичен, он присущий многим народам, и его можно считать стереотипным. В традиционной культуре «чужой» всегда наделяется признаками физической, нравственной, сакральной или мифологической нечистоты, акцентирующей его связь с иным, потусторонним пространством или с его нечеловеческой природой. Любопытно в этом отношении расхождение заверений вермахтовской пропаганды, создававшей образ советского человека как крайне нечистоплотного в физическом и нравственном отношении и опыта реального взаимодействия с угнанными в Германию остарбайтерами, отмечаемое на самом высоком уровне (имперской службой безопасности). См.: «Мы стали жертвой заблуждений» // Родина. 2005. № 4. С. 38-42. Об основных тенденциях развития данных архетипов в XX в., общих для пропагандистских задач по созданию образа врага в СССР и Германии 1930–1950-х годов. см.: *Вашик К.* Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 1930–1950-х гг. // Образ врага. М., 2005. С. 191–229.

inslav

т.е. нравственного, духовного, высшего порядка, иногда с акцентированием религиозности (Осипова).

Обе женщины обращают пристальное внимание на культуру поведения оккупантов и в обоих случаях демонстрируют аргументированную убежденность в превосходстве собственной национальной культуры над чужой в категориях цивилизации/варварства (цивилизованностью наделены венгры у Польц, а также немцы в начале оккупации, а по мере узнавания — русские у Осиповой). Польц пишет, что венгры «не были такими дикарями» как русские, которые не знакомы с латинскими буквами и убеждены, что во всем мире пишут кириллицей, никогда не моются и, подобно папуасам, озабочены поисками наручных часов. «Думаю, после ухода советских войск во всей Венгрии не осталось часов» — с сарказмом замечает она.

В определенный момент, когда боль пережитого достигает апогея, личная женская драма — смерть и гибель близких и родных, голод, неустроенность, бездомность — состояние, близкое к безнадежности, сменяется ощущением безоговорочного собственного личностного нравственного достоинства. Таким образом, переживание отдельной женщины в самый трагический момент жизни перерастает в чувство сострадания и единения со своим народом. Однако следует подчеркнуть, что в этом отождествлении явственно заметна взаимосвязь образа нации — жертвы внешней агрессии и женщины — объекта насилия со стороны завоевателя-«чужого».

Способом аргументации при этом выступает обоснование этнокультурного превосходства над агрессором, выражаемое в противопоставлении культуры и цивилизации. Как пишет Осипова, «немцы сами показывают все больше и больше свое несусветное дикарство... Наш народ казался мне диким и некультурным. Теперь же мне все яснее становится разница между культурой и цивилизацией. Немцы цивилизованы, но не культурны. Наши дики, не воспитаны и пр., но искра Духа Божия, конечно же в нашем народе гораздо ярче горит, чем у европейцев». Польц также отмечает дикость русских, но объясняет ее иначе: «Это было нашествие Востока на Запад». Цивилизованным европейцам, к которым она относит и венгров, венгерка противопоставляет варварскую Россию «папуасов и дикарей»: «С русскими никогда ничего нельзя было предугадать: удивительно, как с их неорганизованностью что-то вообще получалось... Они были люди с добрым сердцем, но невероятно дикие». Столь характерная при сравнении европейской и российской культур оппозиция варварство/цивилизация — с разными значениями — становится главным средством формирования образа врага.

inslav

Непристойное поведение оккупантов свидетельствует, по мнению женщин, о лживости уверений их властей о стремлении принести свободу, мир и благоденствие завоеванным народам. Достоинство всякой «освободительной» власти для них обеих связаны с соблюдением моральных и религиозных норм, видится непременной чертой культуры. Но представителем чуждого, варварского начала в том и в другом случае оказывается мужчина.

Женщины неоднократно подчеркивают пренебрежительное, оскорбительное отношение немецких оккупантов к местному населению — практикуются немотивированные избиения (нарочито оскорбительные), надругательство над святынями, унижение людей низшего происхождения или иного рода занятий: «Русский народ... не может поверить, что народ-безобразник может быть народом-освободителем» — констатирует Осипова. Жизнь человека в условиях новой власти теряет свою ценность, значимость и смысл, поскольку рассматривается завоевателем только как средство для достижения победы.

Такое отношение тех, кого власть (чаще это относится к немцам) пытается убедить в справедливости и правильности своего порядка, с определенного момента перестает вызывать страх, а только неприятие. В какой-то момент женщины переходят в другое психологическое состояние, лишаясь инстинкта самосохранения. Ненависть от отчаяния носит не персонифицированный характер, она направлена на врага-завоевателя, на чужеземца-агрессора вообще. Когда он окончательно отождествляется с «нечеловеком», всякие градации, ипостаси и идентичности стираются: он становится выражением абсолютного и несомненного Зла. Такая степень обобщенности образа переводит оппозицию мы / они в противопоставление добра и зла, правды и несправедливости. При этом все характерные особенности «чужого» человека и мира, стоящего за ним, основанные на личном опыте, легко встраиваются в присущую всякому сообществу мифологическую конструкцию «чужого», «врага», существующую в традиционной народной культуре.

В книге Польц, однако, образ врага строится несколько иначе: в авторе очень сильно женское начало, поруганное и оскверненное. Для нее враг — это прежде всего насильник, и, конечно, русский. Несмотря на сдержанный, отстраненный стиль повествования, эмоциональное потрясение автора прорывается в многочисленных повторах сцен сексуального насилия — они становятся лейтмотивом романа, постепенно приобретая черты символа. Естественно, что, пережив страшное унижение и физическую боль, Польц, время от времени накрываемая волной ненависти, в своих выводах оценивает русских предвзято: «Мы с неизъяснимой силой жаждали мира. Русские — нет, им нужен был Берлин. Они были

inslav

победителями и наслаждались войной». Даже к русским женщинам-медсестрам она пристрастна: «Русские санитарки вели себя, словно домохозяйки на кухне, готовящиеся к празднику: отдавали распоряжения, перекрикивались друг с другом, с мужчинами-санитарами, больными — никакой трагедии. Им даже как будто доставляли удовольствие все эти страсти: ведь они чувствовали себя господами положения».

Патриотические идеи и чувства в двух рассматриваемых текстах не выражаются отчетливо, женщины вообще чуждаются пафоса, «красивых слов» и громких заявлений. У каждой из них свое представление о Родине и патриотизме, но объединяет их дистанцированность от рациональных средств и эмоциональных форм обоснования патриотизма. В итоге обе приходят к убеждению в том, что любая, даже самая справедливая власть с лозунгами освобождения и спасения народа, какими бы благородными идеями она ни прикрывалась, неизбежно обнаруживает свою истинную — корыстную природу. Единственное, на что может рассчитывать женщина, всегда оказывающаяся жертвой войны — на свое терпение, упорство и стремление спасти родных любой ценой. Родина, таким образом, воплощена для них в доме, семье, частной жизни. Стремление сохранить устои и основания этой жизни оказывается выше абстрактных построений, а личностное страдание и трагедия не оправдывается даже необходимостью принесенной жертвы. Опыт оккупации, несмотря на явные отличия русского и венгерского восприятия, позволяет детализировать обобщенный образ врага, навязываемый патриотической пропагандой, и увидеть в нем черты конкретных людей и других народов. Однако именно они становятся в послевоенные десятилетия и по сей день источником новых этнонациональных предубеждений.

Специалисты, исследующие гендерное своеобразие восприятия в эгодокументах и воспоминаниях, предупреждают, однако, что гендерная система всегда отражает отношения власти и доминирования в обществе. Иными словами, и «объективные» признаки социо-культурной позиции женщин и мужчин, предписанные нормы поведения и роли всегда вписаны в поле семантической оппозиции «обладающий властью» / «подчиняющийся власти». Поэтому и «субъективный» аспект, связанный с особенностями гендерной интерпретации, всегда оказывается вовлеченным в политический дискурс[1], поскольку воздействие или манипуляция общественными взглядами и в особенности стереотипами в конфликтных ситуациях осуществляется в том числе и от имени «слабого», «жертвы».

[1] *Репина Л.П.* От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. 2007. № 19. С. 5–7.

inslav

Видение женщинами образов захватчиков разных национальностей позволяет утверждать, что как представление о враге, формирующееся в сознании непосредственных участников событий, так и его идеологизированная или взвешенно-научная интерпретация так или иначе оперируют определенным комплексом стереотипов «чужого». И эмоциональное, и рациональное восприятие, основанное на опыте или воспоминаниях, в любом случае содержит его негативную оценку. Однако, очевидное и объяснимое, оно становится предметом политических манипуляций, и в этом случае при помощи СМИ легко может быть вписано в иной контекст, получая статус «истинной информации», «объективного свидетельства». Без учета контекста бытования и субъективности эго-документов трактовка источников личного происхождения легко оказывается лишь средством, — в данном случае для дереконструирования образа советского солдата в носителя черт исторического врага — «агрессора» более полувека спустя. Такая переоценка вызвана отнюдь не введением в оборот закрытых прежде сведений или стремлением, «пересчитав их», представить новую картину прошлого, а, на наш взгляд, отражает стремление к простому перемещению знаков-оценок. Гендерное рассмотрение данного круга вопросов дает возможность принципиально сменить ракурс видения, выявив иной аспект в системе взаимоотношений Власти и Социума, Политики и Практики.

Т. В. Волокитина
(Москва)

Красная Армия в Болгарии осенью 1944 года: образ и реальность

В марте 1944 г. Красная армия вышла на западную границу Советского Союза. До победного мая 1945-го ей предстояли упорные кровопролитные бои за пределами национальной территории, больше года предельного напряжения духовных и физических сил, тяжких испытаний, горьких утрат...

Длительное время в отечественной историографии, как и в историографии стран «социалистического лагеря», а затем «содружества», для оценки военных действий Красной армии в Европе использовались эмоционально окрашенные, идеологизированные определения «освободительный поход» и «освободительная миссия», тесно связанные с категорией «интернационального долга», не отделимой от марксистско-ленинской исследовательской парадигмы.

inslav

В последние годы лавина новых документальных публикаций смела многие прежние официальные односторонние и упрощенные представления о советском военном присутствии в Европе, в научный оборот были введены недоступные ранее исследователям источники, существенным образом корректирующие былые установочные суждения и оценки. Однако начавшийся в 1990-е годы публикаторский «бум» характеризовался явной политической подоплекой, во многих работах на смену былому пафосу пришло категорическое отрицание, подчас граничащее с цинизмом. Новые национальные элиты в бывшем СССР и странах восточного блока, стремясь как можно быстрее дистанцироваться от всего «советского», не избежали соблазна заполучить «другую историю» с иной, «актуальной», интерпретацией событий прошлого, новыми, жесткими по форме, оценками и выводами. Объектом ревизии стали и действия Красной армии за рубежом, которые, надо признать, остаются сегодня в числе проблем, деформирующих общественное сознание и подпитывающих напряженность в рамках бывшего «социалистического лагеря».

Обращаясь в настоящей статье к вопросам, связанным со вступлением и пребыванием Красной армии в Болгарии осенью 1944 г., автор отдает себе отчет в том, что в конечном итоге полученная «картина» неизбежно будет мозаичной: ограниченность источниковой базы, обусловленная незавершенностью процесса рассекречивания документов российских архивов, лимитирует возможности исследователя.

* * *

Первого марта 1941 г. в Вене состоялось подписание соглашения о присоединении Болгарии к Тройственному пакту. В тот же день 680-тыс. германская армия под командованием фельдмаршала Листа вступила в пределы Болгарии. В ноябре 1941 г. Болгария стала членом Антикоминтерновского пакта. Союз со странами «оси» превратил страну в военного пособника фашистской агрессии. С ее территории в апреле 1941 г. германские войска нанесли удары по Греции и Югославии. Болгарские части в это время прикрыли тыл германской армии, охраняя болгаро-турецкую границу. После завершения военных операций вермахта Болгария получила разрешение ввести свои оккупационные войска в Македонию, Западную Фракию и на так называемые Западные территории, которых она лишилась по условиям Нейиского мирного договора 1919 г. Территориальные «приращения» (вместе с Южной Добруджей территория Болгария увеличилась наполовину, а население — на треть) вызвали в болгарском обществе всплеск национализма и промонархических настроений, укрепили авторитет государственной власти в довольно широких слоях населения.

inslav

Превратившись в надежный тыл и южный стратегический плацдарм нацистской Германии, связанная с ней союзными отношениями Болгария, единственная из стран-сателлитов, сохранила в годы войны дипломатические отношения с СССР, а болгарские воинские части избежали отправки на Восточный фронт. Однако на советско-германском фронте в декабре 1941 г. оказались немецкие войска, ранее находившиеся в Сербии и смененные там болгарским оккупационным корпусом. В том же месяце Болгария объявила войну Англии и США. С официально провозглашенным болгарским правительством в сентябре 1939 г. нейтралитетом было покончено. Страна во второй раз в своей истории оказалась во враждебном России лагере.

В советской пропаганде военных лет основные негативные характеристики «главного», немецкого, противника переносились и на союзников-сателлитов Германии, хотя и в несколько смягченной форме. Показательно, что в их отношении два тоталитарных режима — правого (Германия) и левого (СССР) толка использовали почти «зеркальные» характеристики. Если в Германии сателлитов называли «вспомогательными народами», то в Советском Союзе использовали такие определения, как «второстепенные противники», «вассальные армии». Именно в таком качестве они воспринимались и массовым российским сознанием. Следует учитывать, что на отношение к этому противнику влияли история межгосударственных и межнациональных отношений, степень и характер участия каждой из стран в войнах против России в прошлом, поведение их армий в боевой обстановке и на оккупированных территориях. Естественно, что на тех участках фронта, где советские части непосредственно соприкасались с союзниками Германии, острота восприятия и оценок их советскими военнослужащими была бóльшей. Определенное значение имел при этом и этнический фактор, в частности, славянское или иное происхождение противника.

Советский пропагандистский аппарат был призван сформировать у населения и военнослужащих Красной армии нужные власти, «правильные» с ее точки зрения представления о противнике, друзьях и врагах. В полной мере это относилось и к балканской «составляющей» пропаганды. С этой целью советскому обществу преподносилась следующая региональная «картина» — «сдавшаяся Румыния, перебежавшая (на сторону немцев. — *Т. В.*) Болгария, союзная Югославия»[1].

Болгарские части, как уже упоминалось выше, не действовали на Восточном фронте. «Особая позиция» Болгарии в войне против СССР

[1] *Эренбург И.* Война. Апрель 1942 — март 1943. М., 2003. С. 60–61.

inslav

во многом обусловила тот факт, что советская пропаганда не уделяла этому немецкому сателлиту серьезного внимания как противнику, и, как следствие, в общественном сознании советских людей болгарский народ в целом не воспринимался как враг.

В отношении Болгарии советская пропаганда делала ставку на историческую память народа, указывая, прежде всего, на роль России в освобождении Болгарии в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и подчеркивая благодарное отношение и привязанность болгарского народа к «братушкам», причем, судя по опубликованным материалам национальной Дирекции полиции, делала это систематически и настойчиво. Болгарские власти именно воздействием советской пропаганды объясняли готовность некоторых военнослужащих в случае отправки на Восточный фронт повернуть оружие против немцев и своих офицеров и «поголовно сдаться Красной армии» (донесение об обстановке в Варне в 1942 г.)[1]. Провалом закончилась и попытка сформировать отряд болгарских летчиков для действий в составе люфтваффе на Восточном фронте. Весной 1942 г. число изъявивших согласие не превысило 30 человек[2]. В середине сентября 1943 г. Главный штаб Болгарской армии констатировал, что акценты советской пропаганды несколько изменились: теперь ее острие составляли призывы к военнослужащим болгарской армии действовать совместно с югославскими и греческими партизанами. По части же внушения симпатий к «братской России», указывалось в одной из сводок Штаба за ноябрь 1943 г., советский пропагандистский аппарат стал действовать более гибко, отказавшись от коммунистических лозунгов, резкой критики царского института власти (это объяснялось учетом монархических настроений народа, выявившихся в связи со смертью царя Бориса III) и делая акцент на идее создания «независимой и великой Болгарии» с опорой на Россию[3].

Характерной особенностью пропагандистской работы среди личного состава Красной армии являлся перенос вины за вхождение Болгарии в блок фашистских держав и вступление в войну на «немцев и их агентов» внутри страны[4]. Нельзя не отметить прямую аналогию: в октябре 1915 г. ответственность за участие Болгарии в войне на стороне Центральных

[1] 2 Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София, 1999. С. 178.

[2] Там же. С. 173.

[3] Там же. С. 181–183.

[4] Обращение командования Красной Армии к болгарскому народу при вступлении в Болгарию. 8 сентября 1944 г. // Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. М., 1976. Том 1. Ноябрь 1917 — сентябрь 1944. С. 608.

inslav

держав официально возлагалась Россией на «династию Кобургов», последовательно проводившую в стране «прогерманскую и антироссийскую политику»[1]. Документы свидетельствуют, что такая трактовка причин вхождения Болгарии в фашистский блок принималась бойцами Красной армии, выражавшими готовность идти в Болгарию, чтобы помочь братскому народу и наказать преступную «правящую клику»[2]. При этом направленность высказываний бойцов Красной армии, зафиксированных в политдонесениях о политико-моральном состоянии войск 3-го Украинского фронта накануне вступления в Болгарию, была в большинстве случаев не антиболгарской, а антинемецкой [3].

Судя по документам, особой разъяснительной работы потребовала от пропагандистов нота советского правительства от 5 сентября 1944 г. об объявлении Болгарии войны. Зафиксированные в сводках высказывания рядовых и офицеров о настроениях военнослужащих свидетельствовали о том, что личный состав в целом усвоил официальную оценку болгарского «нейтралитета» как намерения руководства страны «укрыть немецкие штыки», создать на территории Болгарии базу для дальнейшего сопротивления немцев. Стремление наказать «правителей-предателей» и помочь болгарскому народу обрести свободу и независимость[4] было доминирующим среди красноармейцев.

К моменту перехода румыно-болгарской границы войсками 3-го Украинского фронта пропагандистская работа среди личного состава была направлена на закрепление и удержание «военно-политического порыва» после Ясско-Кишиневской операции. Бойцам разъяснялось, что предстоят суровые бои, что гитлеровцы способны на любую авантюру. Политуправление фронта подготовило справку об экономическом и политическом положении Болгарии, о быте и традициях народа, исторических связях болгар и русских. Кроме того, политотделами 57-й и 37-й армий были отпечатаны и распространены среди бойцов и офицеров справки о городах Болгарии — Плевене, Шумене, Видине, Разграде, Добриче, Варне, Бургасе[5]. В первичных партийных организациях прошли

[1] Мировые войны XX века. М., 2002. Кн.2. Первая мировая война. С. 395–396.

[2] Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 219–220; Д. 53. Л. 104.

[3] Там же. Д. 53. Л. 104.

[4] Там же. Д. 61. Л. 219–220.

[5] От Волга до Балкана. София, 1977. С. 72–73; Здравей, България! Спомени на съветски маршали, генерали и офицери за освобождението на България и бойната дружба през Отечествената война 1944–1945 г. София, 1986. С. 21.

inslav

собрания на темы «Задачи коммунистов в связи с вступлением Красной Армии на территорию Болгарии» и «Задачи по обеспечению правильных взаимоотношений с болгарским населением» [1]. 7 сентября 1944 г., накануне наступления, командующий фронтом генерал армии Ф.И. Толбухин подписал обращение «К болгарскому народу!» На следующий день фронтовая авиация разбросала первые 50 тыс. листовок с текстом обращения над территорией страны. В документе говорилось, что Красная армия не намерена воевать против болгарского народа и его армии, считает болгарский народ братским.

8 сентября 1944 г. в 11 часов утра разведподразделения направились к болгарским погранзаставам. Много лет спустя начальник штаба 46-й гвардейской артиллерийской Запорожско-Одесской краснознаменной ордена Суворова II-й степени бригады подполковник П.П. Боринский, вспоминая далекий 1944 год, обратился к своему дневнику: «Утро 8 сентября. Солнечно и тепло. Впереди Болгария, земля, знакомая не только по учебнику географии. Царское правительство этой близкой нам страны, чей героический сын после Лейпцигского процесса нашел прием на нашей свободной родине, поставило всю ее экономику на службу Германии. Ее порты превратились в морские базы немецкого флота. ...На своих боевых позициях воины бригады ждут команды с особым волнением. Все мы знаем, что наши деды сражались с османскими полчищами за свободу Болгарии»[2].

Переход румыно-болгарской границы осуществлялся подвижными отрядами и авангардными частями дивизий фронта. Многие бойцы были удивлены и разочарованы состоянием государственной границы, фактическим отсутствием соответствующих атрибутов, вследствие чего некоторые даже не заметили момента пересечения пограничного рубежа. Предполагаемого сопротивления не последовало, и уже в 11.30 поступила команда зачехлить орудия... 9 сентября с утра на территорию Болгарии вступили главные силы фронта, в течение дня они продолжали продвижение в южном и юго-западном направлениях — к побережью и турецкой границе[3].

---

[1] *Пиастро Г.* Политико-воспитательная работа в советских войсках и среди населения Болгарии (3-й Украинский фронт, сентябрь 1944 — май 1945 г. // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 31.

[2] Цит. по: *Чавдарова В.* Търсим те, Альоша! София, 1981. С. 48.

[3] Подробнее о замысле советской наступательной операции в Болгарии см.: *Волокитина Т.В.* Операции Красной Армии на Черноморском побережье Румынии и Болгарии в контексте геостратегических интересов СССР // Comisia bilaterală a istoricilor din România şi Federaţia Rusă. Constantsa, 2004. P. 225–240.

inslav

С первых часов пребывания Красной армии на болгарской земле стало ясно, что значительная часть населения не понимала причин войны СССР и Болгарии. Политотдел 37-й армии сообщал, что особо слабо разбиралось в обстановке сельское население[1]. Оперативно была развернута работа радиоустановок, в населенных пунктах передавались тексты обращения «К болгарскому народу!», нота советского правительства об объявлении войны Болгарии, отдельные выдержки из сообщения НКИД СССР «К советско-болгарским отношениям». Для этой работы в каждой дивизии имелись дикторы, владевшие болгарским языком. Только на марше к Варне через Добрич спецгруппами было распространено 2 тыс. экземпляров обращения «К болгарскому народу!»[2]

Отмеченные советскими наблюдателями настроения болгарского населения характеризовались значительным разнообразием. Военные корреспонденты «Правды» В. Кожевников и М. Сиволобов так описывали атмосферу встречи подходивших советских частей: терпеливое, по несколько дней ожидание на обочинах дорог с приготовленным заранее угощением, увитые цветами триумфальные арки у каждого городка и села, лозунги «Добре дошли наши освободители!»... Сама встреча, отмечали корреспонденты, «превзошла все ожидания, глубоко взволновала». Проявляя искренние, теплые чувства по отношению к советским воинам, жители стремились всячески подчеркнуть, что болгары никогда не питали вражды к русскому народу и не хотели воевать с ним, что печальным итогом трехлетнего хозяйничанья немцев в Болгарии явилось ограбление страны и ее народа[3]. Несколько менее однозначной рисуется картина в донесениях политотдела 57-й армии в политуправление 3-го Украинского фронта. В полосе наступления армии, говорилось в одном из документов, «местное население в первый день как бы присматривалось к Красной армии, проявляя сдержанность и некоторую настороженность», которые затем сменились теплом и радушием. На этом фоне бросалась в глаза «неприветливость» и «неразговорчивость» турецкого населения — мужчины, как правило, избегали приветствовать встречавшихся им бойцов и офицеров, а женщины попросту не показывались на улице[4]. В конце сентября 1944 г. Главное политуправление Красной

[1] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 231. Л. 109–109об.

[2] Там же. Л. 114.

[3] Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы. 1944–1945 // Русский архив. Великая Отечественная. Т. 14-3(2). Док. № 30. М., 2000. С. 111–112.

[4] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 32283. Д. 16. Л. 12, 16.

inslav

армии (ГлавПУРККА) обобщило поступившую информацию и направило в ЦК ВКП(б) пространную справку, в которой нашли подтверждение сведения об искренней симпатии и радушии большинства болгарского населения к Красной армии и его заметных антинемецких настроениях. Исключением, как подчеркивали авторы документа, являлись районы присоединенной к Болгарии, благодаря союзу с Германией, Южной Добруджи, жителей которой отличало сдержанное отношение к советским военнослужащим. Основная причина заключалась в опасениях, «как бы Красная армия не пересмотрела вновь этот вопрос» и не покусилась на совершенное при поддержке немцев «благое дело» [1]. На значение для болгар «территориального» фактора указывалось и в донесении начальника 7-го управления ГлавПУРККА генерал-майора Бурцева от 13 октября 1944 г., в котором приводилось следующее характерное заявление одного болгарина: «К нам, болгарам, немцы пришли как своего рода “благодетели”. Они дали нам Македонию, Фракию. Они говорили о союзе. Наш народ не раскусил их сразу. Если бы немцы пришли к нам с войной, как к сербам, да прошли бы по нашей земле с боем, тогда у нас бы разгорелась такая народная война против немцев, которая оказалась бы еще больше, чем у югославов. Немцы действовали у нас очень хитро: они все делали руками болгар, а сами оставались в тени и даже сохраняли личину друзей»[2].

Значительный интерес представляют наблюдения советских военкоров в столице Болгарии. Упомянутые выше Кожевников и Сиволобов прибыли в Софию 12 сентября, т.е. через три дня после переворота и за три дня до вступления в город Красной армии. Увиденное живо напомнило им революционную Россию 1917 года — огромное количество красных флагов с советским серпом и молотом на зданиях государственных учреждений, красные банты и красные звезды на штатских и военных...[3] Атмосфера подогревалась проявлениями революционного нетерпения со стороны левоориентированных кругов Отечественного фронта, считавших, что в стране можно было бы сразу установить «советский строй», будь это «позволено»[4]. В связи с созданием коалиционного правительства недоумевала та часть населения, которая полагала, что «лучше было сразу составить все правительство из коммунистов».

[1] Красная Армия в странах…Док. № 31. С. 115.

[2] Там же. Док. № 36. С. 121.

[3] Там же. Док. № 30. С. 112.

[4] Коллекция документов Института военной истории Министерства обороны РФ. Ф. 189. Оп. 231. Д. 3. Л. 39.

inslav

Однако в палитре общественных настроений отразились также и опасения установления Красной армией советской власти в стране. Ссылаясь на пример Бессарабии и Прибалтики, часть населения (идеологически «зашоренное» сознание политработников не могло не оценить ее иначе, как «зажиточная») считала правительство Отечественного фронта переходной ступенью к советизации Болгарии и присоединению страны к СССР. Назывались и вероятные сроки этого присоединения — ближайшие 2–3 месяца. С уверенностью утверждалось, что будущее Народное собрание «проголосует за советский строй».

Вместе с тем сохранение старых органов и атрибутов государственной и административной власти, многочисленного чиновничества, судебной системы рождало у части населения ощущение, что с вступлением в страну Красной армии как будто имеет место «поворот к старому»[1]. В политдонесении в ГлавПУРККА начальник политуправления 3-го Украинского фронта генерал-майор Аношин отмечал сдержанность и осторожность в оценках событий и даже желание «умалить их значение» со стороны отдельных столичных жителей. В качестве примера приводились слова болгарского офицера-капитана, ветерана Балканских и Первой мировой войн. «София, — заявил он, — напоминает внезапно откупоренную бутылку пива. Много пены, переливающей через край, но это — только пена. Пива не становится больше»[2].

Значительное распространение получили среди болгар слухи о неизбежной войне Советского Союза с Англией, в ходе которой Болгария выступит на стороне России и получит за это выход к Эгейскому морю. Однако обсуждался и иной вариант развития событий: неизбежное продвижение Красной армии в Грецию и Турцию и острое противостояние в связи с этим с Англией приведет к тому, что Россия не захочет ссориться с союзницей и «уступит [ей] Балканы»[3].

Жизнь в стране тем временем понемногу входила в привычное русло: в столицу возвращались беженцы, постепенно налаживалась работа транспорта, связи, предприятий. Присутствие советских частей притупило чувство опасности, что выразилось, в частности, в небрежении мероприятиями по затемнению города — София оставалась освещенной до 23 часов. Однако экономическое положение было по-прежнему напряженным: хотя действовала карточная система, население страдало от перебоев в снабжении продовольствием, от отсутствия тканей, обу-

[1] Там же. Л. 38–39.

[2] Там же. Л. 38.

[3] Там же.

inslav

ви, керосина, сахара и пр. В связи с этим часто можно было слышать вопрос: «Привезут ли русские в Болгарию промтовары и сахар?»[1]

Политорганы всех воинских частей, находившихся на территории Болгарии, фиксировали обостренный интерес местных жителей к СССР. Отраженный в политдонесениях далеко не полный перечень вопросов касался не только международной обстановки и перспектив на будущее (присоединение балканских стран к Советскому Союзу, создание балканско-славянской федерации в составе Болгарии, Югославии и автономной Македонии), но и жизни и быта советских людей. Наиболее часто повторявшиеся вопросы: каковы цены на продовольственные и промышленные товары, одинаково ли материальное положение рабочих и служащих, отличается ли жизнь рабочего на периферии и в центральных городах, каковы наиболее востребованные профессии, что можно сказать о положении женщины, в том числе и работающей (кто в таком случае смотрит за детьми?), образование советского человека и возможности его получения, обязательно ли начальное обучение, существует ли плата за учебу, какие иностранные языки изучаются в СССР, действуют ли церкви и отправляют ли службу священники, какова численность населения в крупных городах — Москве, Ленинграде, Киеве, какие существуют ордена и за что даются? Всеобщее сильное удивление вызывала молодость офицерского состава Красной армии и быстрое продвижение по службе (поражали, например, 25–30-летние офицеры — командиры полков), однако, что характерно, с масштабами безвозвратных потерь действующей армии в сознании населения это никак не связывалось. В крестьянской среде отмечался сильный интерес к вопросам о частной собственности в СССР[2].

Низкий в целом уровень знаний населения о жизни в Советском Союзе удивлял многих военнослужащих. Обобщая впоследствии свои балканские впечатления, военный корреспондент поэт Борис Слуцкий вспоминал: «Степень неосведомленности Европы о России была обидно велика. Это оскорбляло и озлобляло. Удивлялись нашему знанию простейших вещей из местной жизни — это в то время, когда во всех красноармейских газетах печатались справки “Болгария”, “Румыния”, “Венгрия”. В то же время охотно сообщали нам ворох всякой “клюквы” о России. Как ни мизерно было то, что мы знали о них, они знали о нас еще меньше и хуже»[3].

---

[1] Красная Армия в странах… Док. № 31. С. 116.

[2] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 234.

[3] *Слуцкий Б.* Записки о войне // *Слуцкий Б.* О других и о себе. М., 2005. С. 37.

inslav

Данное обстоятельство актуализировало работу отделений спецпропаганды (седьмых отделений) политуправлений армий фронта среди болгарского населения, которая велась по нескольким направлениям. Наиболее важными считались осуществление контроля за зрелищными мероприятиями, изданием книг, газет, журналов и прочей печатной продукции, разоблачение злостной пропаганды в отношении СССР, информирование населения о целях и задачах Красной армии. Тематика лекций и докладов для болгарского населения была направлена на ознакомление его с жизнью советской страны (политическое устройство и Конституция, состояние экономики, культуры, образования, положение женщины в обществе), разъяснение освободительной миссии Красной армии, исторических корней дружбы славянских народов и пр.[1]

Несмотря на значение этих мероприятий для повышения информированности болгарского общества о жизни советской страны, следует признать, что едва ли не главным источником сведений, причем источником своеобразным, являлись постоянные контакты бойцов и офицеров Красной армии с местным населением.

Длительное время пребывание советских солдат на болгарской земле рисовалось исключительно радужными красками, создававшими почти идиллическую картину. На многочисленных примерах демонстрировались взаимные теплые, братские чувства болгар и русских, подчеркивалось значение помощи советских воинских частей в проведении сельскохозяйственных работ и пр., а негативные явления характеризовались как «отдельные», единичные. Между тем практически сразу же после вступления Красной армии в страну случаи мародерства, насилия, проявления слабой дисциплины военнослужащих, особенно тыловых частей, вызвали разочарование и недовольство хозяев. Уже к середине сентября 1944 г. определилась четкая тенденция к численному росту подобных явлений, вызвав ощутимый спад энтузиазма болгарского населения по отношению к красноармейцам. В г. Исперихе, например, местные власти официально заявили советским представителям о своей готовности оказать всяческую помощь Красной армии: «Но пусть нам скажут, что ей нужно, а не забирают сами». Обиженные жители обращались к политработникам: «Почему происходят эти безобразия? Будут ли наказаны виновные?»[2] Ответом стало усиление мер воспитательного и административного воздействия, как в солдатской массе, так и среди офицерского состава (от последнего требовалось повысить ответственность за

[1] ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 119, 188.

[2] Красная Армия в странах… Док. № 31. С. 116.

inslav

своих подчиненных), применялись коллективные формы воздействия на лиц, допустивших аморальные поступки, в частности, проведение «судов офицерской чести». Политуправлением 3-го Украинского фронта по распоряжению Военного совета была издана «Памятка воину Красной армии в Болгарии». Она вручалась лично офицерам, командирам батальонов и рот, сержантам и рядовым, по ее содержанию регулярно проводились многочисленные беседы. Кроме того, на ее основе были подготовлены «памятки» в отдельных частях, например, в 4-й гвардейской механизированной дивизии.

Лейтмотивом этого документа стал призыв к советскому воину беречь любовь и уважение народа, которому солдат Красной армии принес освобождение, чтить его обычаи, законы и семью, быть беспощадным к грабителям, мародерам, насильникам, нарушителям порядка, позорящим честь красноармейца и тем самым помогающим немцам. «Пусть везде, где прошла Красная армия, уничтожая врагов человечества — гитлеровцев и освобождая порабощенные ими народы, навсегда останется в сердцах миллионов людей глубокая благодарность, любовь и уважение к тебе, товарищ боец, сержант и офицер!» — говорилось в «Памятке»[1].

В связи с этим нельзя не отметить, что многие болгары — свидетели и современники событий осени 1944 г., не отрицая и отнюдь не оправдывая действительно немалочисленные случаи аморального порядка, обраставшие к тому же слухами и нередко вымыслами, стремились объяснить психологическое состояние советского бойца, проявляли понимание, что любая война, демонстрируя высоту человеческого духа, также неизбежно сопровождается моральными и нравственными потерями. На бытовом уровне это нередко отражалось в оценках негативных явлений по принципу «В семье не без урода»[2]. Тем не менее, болгарские власти, по-видимому, почувствовали необходимость разъяснить населению ситуацию, и 3 октября 1944 г. в специальном выступлении по софийскому радио министр пропаганды Д. Казасов произнес «Слово о советском солдате». Казасов попытался рассеять, по его словам, «легенду о благородном поведении гитлеровского солдата» в Болгарии и, напомнив о ратном пути красноармейца, объяснить его чувства и переживания. «Три года, днем и ночью, он шел сквозь бури и вьюги, утопая то в сугробах, то в грязи и воде, чтобы отстоять священную землю своих дедов. Сталинград! Солдат пришел оттуда в Софию, пришел, узнав, а может быть и увидев пепелище родного дома, а своих близких растер-

[1] ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 132. Л. 109–110; Ф. 372. Оп. 6507. Д. 8. Л. 246.

[2] Там же. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 234; Ф. 243. Оп. 2914. Д. 226. Л. 32.

inslav

занными гитлеровским зверем. И, придя сюда, он видит себя внезапно пробудившимся от кошмарного сна, перенесшимся в спокойный край, о котором мечтал. Нет пепелища. Есть наполненные жизнью села. Нет потонувших в мертвом молчании домов. Есть звенящие женские голоса и детский смех. И над всем этим — воспоминания о его опустошенной родине. Постарайтесь понять, и тогда, я уверен, вы скажете: Помолчим! Помолчим о наших мелких, жалких личных переживаниях. Помолчим, ибо рядом с ними молча ступают в окровавленной, покрытой грязью и водой шинели великие муки великого советского народа! Помолчим и с молитвенным смирением склоним головы перед его непревзойденной жертвенностью!»[1]

То, что Казасову удалось точно передать психологическое состояние рядового бойца, подтверждают воспоминания комсорга батальона 144-го гвардейского стрелкового полка 49-й стрелковой дивизии 46-й армии Л. Бартышева: «В одном селе заночевали. Пожилая болгарка смотрела на нас так, что я испытал непреодолимое желание приблизиться к ней, как к родной матери, обнять, склонить голову на грудь и ... заплакать. О разрушенном родном доме, о моей семье, о которой три года не имел вестей, рассказать ей, как устал от тяжкого разрушительного солдатского труда»[2].

Поведение красноармейцев в освобождаемых странах, как свидетельствуют документы, вызывало озабоченность в самых верхах советского политического руководства. Более того, оно, поведение, в определенной степени прогнозировалось. Известно, что еще в июле 1944 г. в связи с выходом Красной армии на государственную границу Государственный комитет обороны обсудил проект постановления о моральном поведении военнослужащих за рубежом[3]. Знакомство с материалами политуправлений 2-го и 3-го Украинских фронтов показывает, что пребывание Красной армии в Болгарии, Румынии, Венгрии, Югославии сопровождалось многочисленными, говоря языком документов, «позорными явлениями» и постоянно находилось в поле зрения политорганов. Массовый характер противоправных, а подчас и преступных действий солдат и офицеров привел к появлению 19 января 1945 г. приказа Ставки Верховного Главнокомандования о предании советских военнослужащих суду военного трибунала вплоть до высшей меры наказания. В связи с

[1] *Казасов Д.* Преживелици. София, 1970. С. 197, 198–200.

[2] От Волга до Балкана… С. 274.

[3] *Стрельников В.А.* Освободительная миссия Красной армии: морально-нравственные аспекты // Философия Освобождения. М., 2005. С. 176.

inslav

этим уместно напомнить о «расстрельных» приказах К.К. Рокоссовского в Польше, как и об извинениях, которые в марте 1945 г. принес Сталин делегации Чехословакии за недостойное поведение красноармейцев в стране. Документально подтверждены и неоднократные попытки советских руководителей объяснить происходящее. Так, в беседе с главой делегации НКОЮ А. Хебрангом 9 января 1945 г. в Москве Сталин, припомнив слова М. Джиласа о более высоком «морально-политическом облике английских офицеров», призвал «понять душу бойца», прошедшего с боями тысячи километров, подчеркнул, что «из-за одного урода нельзя оскорблять всю Красную Армию». «Неправильно становиться на точку зрения “приличного интеллигента”... Есть отдельные случаи, позорящие наших бойцов. Мы за это расстреливаем. Но надо помнить, что люди измотались, изнервничались, думают, что они — герои, которым все разрешено, все позволено». Советский лидер не удержался и от язвительного замечания, что свой моральный облик английские офицеры «лучше всего показали в Греции»[1].

Конечно, Сталин лукавил, стремясь отнести случаи аморального поведения красноармейцев к разряду единичных. Безусловно, это было не так. Однако неверным было бы впадать в другую крайность — представлять поведение бойцов и офицеров как сплошное насилие и мародерство. И тем более утверждать, как это делается в отдельных работах западных коллег, что существовала чуть ли не «официальная установка» на разного рода насилие красноармейцев над мирным населением как поощряемую форму мести, поддержания боевого духа и, наконец, торжества справедливости по части «решения» собственных материальных вопросов[2]. Доступные сегодня материалы из советских архивов, в том числе и военных, категорически опровергают подобные утверждения.

Понятно, что главным аргументом в данном споре мог бы стать предметный статистический анализ правонарушений и преступлений советских военнослужащих на территориях конкретных стран. Но необходимые для этого документы, в том числе, военной прокуратуры, пока еще не подлежат разглашению. Тем не менее, исследователям удается

[1] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М., 1997. Том 1. 1944–1948. С. 120. Вероятно, имеются в виду боевые действия британского воинского контингента в Греции в декабре 1944 г. против Народно-освободительной армии (ЭЛАС), сорвавшие попытку греческих коммунистов захватить власть.

[2] См., например: *Гофман И.* Сталинская война на уничтожение. Планирование, осуществление, документы. М., 2006; *Бивор Э.* Падение Берлина. 1945. М., 2005.

inslav

мало-помалу вводить в научный оборот некоторые важные с этой точки зрения материалы, позволяющие утверждать, в частности на примере Сербии и Венгрии, что среди многих тысяч военнослужащих лишь «доли процентов» приходились на совершивших аморальные поступки и прямые преступления[1].

С началом болгарской «перестройки» и отказом от русофильской «парадигмы» исторических исследований постепенно оформился полярный прежним суждениям взгляд на советских солдат как на «духовно бедных сыновей страны, бывшей ранее идеалом» для многих болгар; отмечалось, что контакты населения с красноармейцами и офицерами вызвали первое крупное разочарование населения. Обобщая, некоторые авторы напомнили о том, что германскую армию встречали в марте 1941 г. в Болгарии «гораздо теплее и сердечнее», нежели три с половиной года спустя советскую. При этом констатировались «невероятная ограниченность и примитивизм офицеров Красной Армии», «отсутствие у них каких-либо культурных и интеллектуальных запросов, их почти первобытное изумление перед цивилизованным обликом Болгарии даже военного времени, как бы указывавшие на огромную пустоту советской

[1] На косвенных доказательствах к такому выводу пришел изучавший материалы ЦАМО, относящиеся к Сербии, А. Тимофеев (*Тимофеев А.* Военнослужащие Красной Армии и население Сербии осенью 1944 г.: Опыт взаимовосприятия // Человек на Балканах глазами русских (в печати)). Заслуживают также внимания сведения из «Обзора судимости по 46-ой армии по делам о незаконном отобрании имущества, убийствах, грабежах и насилии в отношении местного населения за октябрь-декабрь 1944 г.» на территории Венгрии. За анализируемый состав преступлений были осуждены 85 военнослужащих из 244 осужденных за воинские преступления, т.е. около 35%. Исходя из общей численности войсковой части — примерно 100 тыс. человек, общее количество осужденных (244) составило чуть больше 0,2% от числа всех бойцов и офицеров, а понесших наказание за интересующие нас противоправные и аморальные действия и того меньше — примерно, 0,09%. К высшей мере наказания приговорены 12 человек, к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовом лагере — 41 человек, к 8 годам — 25 человек и пр. При этом к трем осужденным применена дополнительная мера наказания — поражение в правах (*Македонский А.В.* Взаимоотношения Красной Армии и населения государств Восточной Европы (1944–1945 гг.). М., 1993. С. 18–19 — рукопись депонирована в ИНИОН РАН). При этом следует также учитывать, что в Венгрии и Австрии сами военнослужащие гораздо реже сообщали «куда следует» о криминальных проступках своих товарищей, нежели в Болгарии и Сербии (*Слуцкий Б.* Указ. соч. С. 101). Этот факт указывает, на наш взгляд, на отличие в отношении красноармейцев к населению указанных стран — более жесткое в Австрии и Венгрии и, соответственно, более мягкое, как к «своим», в Болгарии и Сербии.

inslav

духовной жизни». Утверждалось, что советские офицеры «ничего не знали о Блоке и смутно помнили имя Маяковского»[1].

Полагаем, что необходимо отделить зерна от плевел. Документальные источники частично подтверждают сказанное, хотя, как правило, не с такой высокой степенью категоричности. Например, об отсутствии у болгар «настоящей ненависти к немцам», стремления вести с ними борьбу неоднократно говорилось в справках политорганов 3-го Украинского фронта, анализировавших политические настроения в стране в середине сентября 1944 г.[2] Однако указанные материалы содержали и прямо противоположные сведения — об отчетливо выраженных антинемецких настроениях значительной части населения. Все это говорит о необходимости ответственного отношения авторов к любого рода обобщениям.

Что касается Красной армии, то в докладе сотрудника Управления стратегических служб США Д. Вудрофа о политической ситуации в Болгарии в сентябре-декабре 1944 г. отмечались разочарование болгар внешним видом красноармейцев[3], равно как и испытываемая последними неловкость за «относительную отсталость» России. Вместе с тем американский наблюдатель констатировал «сравнительно хорошую дисциплину русских», что было связано, по его наблюдениям, с «исключительной суровостью войск НКВД в отношении нарушителей». Заслуживает быть отмеченным замечание Вудрофа о том, что «болгары в общем и целом научились находить общий язык с советскими войсками... и если бы не страх, что они останутся в стране или поддержат коммунистов, отношения вообще могли бы быть отличными» [4]. Обращают на себя внимание спокойная тональность доклада, автор которого считался «аккуратным и надежным наблюдателем болгарской политической жизни»[5], а также продемонстрированное им желание дать болгарским реалиям, в част-

[1] *Марков Г.* Задочни репортажи за България. София, 1990. С. 54–55, 321.

[2] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 226. Л. 112.

[3] Вот как описывал внешний вид советских стрелковых рот в первые дни их пребывания «в Европе» Б. Слуцкий: «Костюмы бойцов варварски разнообразны: в полный набор оттенков желтого и зеленого цветов — положенных цветов нашей армии — обильно вкраплены немецкие и румынские мундиры. Основательная кирза разбавлена блистательной легковесностью хромовых, стянутых с немецких подполковников сапог. Идут волны, мобилизованные еще за Днепром». Не менее объективно писал автор и о себе — «грязный-грязный, отличающийся от лакированных румынских офицеров, как земля от неба» (*Слуцкий Б.* Указ. соч. С. 44, 46).

[4] Българо-съветски политически и военни отношения… С. 221.

[5] Там же. С. 217.

inslav

ности взаимоотношениям населения и Красной армии, всестороннюю и объективную оценку.

Такая оценка, прежде всего, требует учитывать огромные потери личного состава частей и подразделений Красной армии к моменту выхода ее за пределы советской территории, преобладание в них новобранцев, в том числе и представителей национальных окраин, зачастую, действительно, малограмотных, не обладавших боевой закалкой и необходимыми морально-психологическими качествами. На их фоне резко выделялись кадровые бойцы 1941 г., прошедшие долгими фронтовыми дорогами, — отличные солдаты, сберегшие довоенное отношение к сержантам и почтение к офицерам. Но их сравнительно немного уцелело. Так, по некоторым сведениям, в июле 1944 г. более ⅔ личного состава войск 2-го Украинского фронта составляло молодое пополнение. Нет оснований считать, что на других фронтах положение было иным.

Заметим, что, мягко говоря, непрезентабельный внешний вид советских военных отмечали не только во всех странах, куда вступила Красная армия. На это указывалось и в аналитических справках политуправлений армий и фронтов. Объяснялось это тем, что возникшие в 1941 г. по объективным причинам перебои в производстве обмундирования устранить вплоть до конца войны так и не удалось. Частично выручали солдата добытые «трофеи».

Значительные трудности существовали и в организации продовольственного снабжения Красной армии, в которой только в 1943–1944 гг. стали понемногу забывать слово «голод». Однако дневной рацион солдата был по-прежнему скудным, не дотягивая даже до норм, рекомендовавшихся медиками для лиц, занятых легким физическим трудом. А что же говорить о труде ратном?

Все эти обстоятельства следует учитывать, рассматривая вопрос о поведении красноармейцев в Болгарии и других странах. Речь идет не об оправдании, а о попытке понять природу многих негативных явлений.

Что касается культурного уровня советского военнослужащего, то вряд ли продуктивным было бы «стричь всех под одну гребенку», в частности, игнорировать тот факт, что к середине 1930-х годов в СССР сформировалось молодое, патриотически настроенное поколение, а в отечественной культуре появился так называемый массовый читатель. Объектом его внимания, как утверждают российские культурологи, являлась издаваемая в СССР сравнительно большими тиражами русская и зарубежная классика — Короленко и Некрасов, Толстой и Достоевский, Крылов, Державин, Помяловский... Популярностью пользовались переводы наиболее значительных произведений Ремарка, Олдингтона,

inslav

Хемингуэя, Фейхтвангера... Из советских авторов чаще других печатались Маяковский и Горький. Рожденные при советском строе представители этого поколения искренне верили в «особый путь и миссию» советского государства[1]. Правомерно ли выводить за границы этого поколения поголовно весь рядовой и офицерский состав Красной армии, представляя его в убогом и почти карикатурном свете? Кстати, когда 19 ноября 1944 г. Военный совет 37-й армии принял постановление № 0049, предписывавшее пресекать не носящее служебного характера общение военнослужащих с местным населением, то в качестве одной из причин называлось стремление советских офицеров «доказать болгарам», что в ближайшее время в стране будет установлена советская власть[2]. Это вполне соответствовало представлениям того поколения советских людей о смысле освободительной миссии Красной армии, но также, шире, и русской (мессианской) ментальности.

Вероятно, многое из того, что увидели и с чем столкнулись советские военнослужащие, впервые попавшие за рубежи родины, вызывало разные чувства, в том числе и наивное, почти детское удивление и желание поближе узнать прежде неведомое, незнакомое. Подчас это приводило к неожиданным поступкам и даже драматическим последствиям. В мемуарной литературе сообщается, например, о факте, когда семнадцать молодых, только что закончивших курсы, лейтенантов попросили аудиенции у болгарской царицы Йоанны. Их приняли во дворце и угостили. Несмотря на то, что новоиспеченные офицеры вели себя вполне прилично, через два часа усиленный патруль доставил всех в комендатуру. Результатом похода «в гости к царице» явился военный трибунал и назначенный общий срок тюремного заключения в 85 лет (по 5 лет каждому). С офицеров были готовы спросить еще строже, но «благородное поведение» на банкете стало смягчающим обстоятельством...

Важный вопрос — о восприятии болгар как союзников на заключительном этапе Второй мировой войны. При его рассмотрении особое значение приобретают контакты советских военнослужащих с солдатами и офицерами Болгарской армии.

Болгарская армия поначалу была для советской стороны неизвестностью, «иксом», следовательно, воспринималась как потенциальная опасность. 7 сентября, накануне вступления советских частей в Бол-

[1] *Куренная Н.М.* «Книжные новости» как индикатор государственной политики (Формирование круга чтения советских людей) // Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры. М., 2008. С. 737, 743, 744, 746.

[2] ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 159. Л. 40–40об.

inslav

гарию, в ЦК ВКП(б) была получена информация Наркомата государственной безопасности СССР, согласно которой Главный штаб Болгарской армии издал приказ в связи со «временным, под давлением сложившейся обстановки», отходом немцев из Болгарии. Армии предлагалось сохранить «дружеское отношение» к германским частям, «оказывать им всяческое содействие», не допускать никаких инцидентов. Рекомендовалось также устраивать прощальные банкеты с немецкими офицерами. «Руководящие круги болгарского генштаба (так в документе. — *Т.В.*) отрицательно относятся к возможным военным действиям против немецких войск, высказываясь в то же время против вступления Красной армии в пределы Болгарии, вплоть до подготовки болгарской армии к военным действиям против Красной армии», — подчеркивалось в донесении НКГБ[1]. Поступила информация и о том, что штаб корпуса под командованием генерала Николова, оккупировавшего Македонию, перешел на сторону немцев. «Нейтралитет» болгарских гарнизонов никого не обманывал, — вспоминал Б. Слуцкий. — Трудно было не быть нейтральными, когда танки корпуса генерала Жданова, в те дни единственные на Балканах, подходили к Софии... В сентябре мы считались с возможностью выступления болгар против нас»[2]. Ситуация изменилась после того, как Болгарская армия была передана в оперативное подчинение советскому командованию для ведения совместных боевых действий против Германии. Тем самым создавались объективные предпосылки для постановки вопроса о признании Болгарии «совоюющей страной».

Новая реальность порождала немало трудностей. Политдонесения штаба 3-го Украинского фронта недвусмысленно фиксировали не только неудовлетворительную подготовку болгарской армии, падение дисциплины, массовый уход солдат из своих гарнизонов, случаи трусости[3], но и отсутствие у военнослужащих понимания освободительных целей войны. Вместе с тем справедливые претензии высказывались и к правительству Отечественного фронта, которое не стремилось широко пропагандировать хотя бы и «небольшие успехи» болгарских частей в Западной Болгарии.

В поле зрения политорганов находились и контакты советских и болгарских военнослужащих. По наблюдениям политработников, красно-

[1] Красная армия в странах… Док. № 14. С. 100.

[2] *Слуцкий Б.* Указ. соч. С. 52.

[3] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 770. Л. 45–46, 49–50; Оп. 2914. Д. 53. Л. 96; Д. 119. Л. 7.

inslav

армейцы нередко демонстрировали по отношению к болгарам «пренебрежительное доброжелательство». Веселое удивление наших солдат вызывали не принятые в Красной армии надписи типа «штаб 16-й дивизии», «штаб 3-го полка» и др., жалобы на плохую кормежку, плохих офицеров, плохое оружие... Но одновременно бойцы жалели болгарских солдат и сочувствовали им. Особо следует сказать о получившей распространение практике, когда болгарами «разбавляли» сильно поредевшие советские пехотные роты. (Характерно, что с партизанами подобное никогда не допускалось). В таких случаях в полной мере проявлялось особое свойство русского солдата — его способность быть «добровольным, природным агитатором». Устанавливавшиеся, как правило, товарищеские отношения, вероятно, были чем-то новым и важным для болгар. Не случайно, писал Слуцкий, «кооптированных болгар палками нельзя было вышибить из усыновивших их русских рот»[1].

По-иному складывались отношения с офицерским составом Болгарской армии. К его оценке советские наблюдатели подходили явно дифференцированно: средний состав (командиры рот и взводов), являвшийся выдвиженцами солдатских комитетов в частях, характеризовался в основном положительно. В донесениях политуправления фронта сообщалось, что в ходе военных действий на территории Югославии весной 1945 г. эти офицеры действовали смело и решительно, показывали солдатской массе примеры «честного выполнения воинского долга». Сложнее обстояло дело со старшими офицерами — «выходцами из буржуазных и зажиточных слоев населения». Подчеркивалось, что они получили образование в болгарских военных школах, построенных по немецкому образцу, восприняли немецкую военную тактику и оказались «отравленными» фашистскими идеями. В новых условиях часть старших офицеров выразили готовность честно служить народу, но немалое число их продолжали якобы вести подрывную деятельность в частях и подразделениях[2]. Нельзя не признать, что вследствие схематичного «классового» подхода советских политработников создавалась явно упрощенная картина состояния командных кадров болгарской армии.

Политдонесения отражали такие настроения офицерского состава, как «чувство боязни солдат, чувство неуверенности в своем положении, неуверенности в завтрашнем дне»; критически оценивалась и болгарская печать, в которой нельзя было найти ни одного, даже самого скром-

[1] *Слуцкий Б.* Указ. соч. С. 54.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 69.

inslav

ного материала об офицере, проявившем себя патриотом и героем в новых условиях[1].

Боевая практика выявила реальные значительные слабости в подготовке болгарского офицерского корпуса: отсутствие достаточного военного опыта, в частности, умения организовывать взаимодействие между родами войск, руководить оборонительными действиями и активно действовать в наступлении. Отмечались также недостаточная стойкость в бою и неготовность к тяготам и лишениям боевой жизни[2]. 8 октября 1944 г. вмешательство командующего 2-й армией генерала Станчева фактически сорвало наступление болгарских частей в районе Бела Паланка, Нишка Баня и Ниш. В ответ на упрек советского офицера-советника Станчев заявил, что болгарские солдаты «не хотят наступать, так как не знают, за что воюют»[3]. Известную долю вины за это советское командование возлагало на правительство Отечественного фронта, не выдвинувшее в сентябре 1944 г. вопрос об участии Болгарии в войне против Германии в качестве главной политической и военной задачи. В материалах советских политорганов отмечалось: следствием такого подхода стал рост среди болгарского населения настроений, что для Болгарии война уже закончена, что столь малая страна не может многого сделать для окончательного разгрома немцев[4]. Кроме того, для большой массы населения характерным было стремление вообще быть подальше от войны[5]. Серьезно обеспокоило советскую сторону происшествие в частях 3-й пехотной дивизии 1-й Болгарской армии, отказавшихся переправиться через Дунай и самовольно повернувших домой. Проведенное расследование показало, что большинством солдат двигало желание «работать на родине, даже платить репарации, но не воевать в Венгрии». «За Дунай, — считали они, — должны идти только добровольцы»[6].

Из-за отсутствия конкретного материала трудно говорить о том, как воспринимались подобные настроения и проявления нового союзника военнослужащими Красной армии, которая вела в то время упорные кровопролитные бои на территории Венгрии, какие изменения вносила реальная обстановка, в частности, в работу военного пропагандистского аппарата. Но

[1] Красная армия в странах… Док. № 30. С. 113.

[2] От Волга до Балкана… С. 705.

[3] Там же. С. 702.

[4] ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 295, 296.

[5] Там же. Д. 226. Л. 112.

[6] Там же. Д. 119. Л. 14.

inslav

кое-какие наблюдения сделать все же можно. Уже в начале октября 1944 г. последовало распоряжение начальника политуправления фронта генерал-майора Аношина: «В наших материалах к личному составу принять умеренный тон, не прибеднять Болгарию, так как эту линию сейчас занимает правительство, стараясь этим самым снять с себя материальные заботы о помощи Красной Армии»[1]. Еще более показательна, на наш взгляд, «Программа по изучению войск противника и наших соседей», подготовленная фронтовыми политорганами для занятий с офицерским составом частей Красной армии в конце декабря 1944 г. В раздел «Армии наших *соседей*» (курсив наш. — *Т. В.*) были включены пункты об организации и вооружении Болгарской армии, о принятых в ней знаках различия и тактических приемах ведения боевых действий[2]. Не означало ли это, что, несмотря на смену политического режима в Болгарии, признания ее полноценным военным союзником СССР на том этапе не произошло?

* * *

Существовавшее длительное время идеологическое вето делало невозможным адекватное освещение проблемы советского военного присутствия в Европе. Но и сегодня, когда это вето снято, оказалось, что по-прежнему трудно дать ответ на вопрос, кем были советские солдаты и что принесли они в Европу? Современное состояние общества, и российского, и болгарского, таково, что оно слабо приемлет некие «промежуточные», сделанные с разных ракурсов оценки и подходы, гораздо охотнее воспринимает однозначную категоричность. Поэтому образу солдата-освободителя противостоит ныне образ солдата-мародера и насильника, а приход Красной Армии сплошь и рядом рассматривается через призму оппозиции «освобождение — оккупация». Думается, что жесткое «или/или», уже само по себе содержащее некую идеолого-политическую заданность, малопродуктивно с точки зрения продвижения к истине. Хотя очевидно, что отнюдь не поиски научной истины являются главной целью в ведущихся в европейском обществе ожесточенных спорах и отнюдь не ради нее затеваются время от времени недостойные игры вокруг памятников павшим советским воинам[3]. Увы, не

[1] Там же. Д. 53. Л. 122.

[2] Там же. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 49.

[3] Потери Красной армии в Болгарии, на территории которой активные боевые действия не велись, составили 12 750 человек, в том числе безвозвратные потери — 970 человек. Главным образом, это были красноармейцы, умершие в болгарских военных госпиталях.

inslav

избежала этого и Болгария: за «комплексы» новой политической элиты предстояло расплачиваться памятнику красноармейцу «Алеше» на холме Освободителей в Пловдиве...

В годы болгарской «перестройки», когда историческую науку захлестнули острые, непримиримые дискуссии, ныне покойный академик Илчо Димитров мудро заметил: в истории любого народа есть личности и события, которые «обречены оставаться спорными и для людей, и для науки»[1]. Это, действительно, так. Но как не хочется, чтобы вступление Красной Армии в Болгарию и ее присутствие в этой стране пополнило перечень таких событий.

В. В. Марьина
(Москва)

Красная армия в Словакии. 1944–1945 гг.

Прежде, чем перейти к теме, вынесенной в заглавие статьи, попытаюсь ответить на вопрос, помнят ли сегодня в Словакии, что в течение восьми месяцев с октября 1944 г. по май 1945 г. Красная армия и в её составе 1-й Чехословацкий армейский корпус вели ожесточенные кровопролитные бои за освобождение Чехословакии от немецких оккупантов? что в этих боях погибли 144 000 советских солдат и офицеров? Ответ будет неоднозначный: и да, и нет. С одной стороны, официальные власти в последнее время каждый год проводят торжественные мероприятия с возложением венков к памятникам погибших. С другой стороны, историки как бы забыли о том, что происходило в Словакии в это время, и предпочитают не касаться указанной темы. Во всяком случае, нет серьезных крупных работ об этом. Почему? Здесь можно дать только предположительные ответы. Первое, тема не актуальна, не модна (а в историографии тоже существует мода на разработку тех или иных проблем), поскольку считается, что она вроде бы достаточно изучалась и освещалась в коммунистические времена, что тут все известно. Но известное в прошлом может быть забыто в настоящем, если только не напомнить о былом. Второе, не хватает кадров историков-профессионалов, которые взялись бы за глубокую и всестороннюю разработку темы. Словацких военных историков в последнее время привлекали такие вопросы как

[1] *Димитров И.* Между Мюнхен и Потсдам. Българската политика през Втората световна война. Исторически очерци. София, 1998. С. 196–197.

inslav

словацкая армия на восточном фронте, Словацкое национальное восстание 1944 г. и помощь ему со стороны СССР, ход и значение Карпато-Дуклинской операции. А вот, что происходило в течение восьми месяцев после того, как Красная Армия перевалила за Карпатский хребет, выпало из поля зрения историков. Третье, и, может, основное, так сложилась, особенно это касается 1990-х годов, политическая конъюнктура: историки только что возникшего молодого Словацкого государства, повернувшегося лицом к Западу и стремившегося как можно быстрее вписаться в его военно-политические и экономические структуры, предпочитали не обращаться к невыгодной в этом контексте теме. Однако, возможно, все это домыслы и догадки, поскольку то, что происходит на словацком историческом «фронте», по-прежнему мало известно российским историкам. В российские (и даже московские) библиотеки и тем более на книжные прилавки историческая литература почти не поступает, действуют лишь частные каналы, то есть сохранившиеся или вновь установленные добрые отношения между историками России и Словацкой республики.

Но вот мнение словацкой газеты «Слово» («Slovo»), поместившей 30 мая 2006 г. статью Эрвина Паулиака под названием «Освобождение Словакии в 1944–1945 гг.»: «Освобождение Словакии, начавшееся в 1944 г. и завершившееся в начале мая 1945 г., воспринимается сегодня рядом словацких политических кругов и институтов, включая некоторых историков, весьма неоднозначно. Не прекращаются попытки представить словацкой общественности ошибки и просчеты войск освободителей, и прежде всего Красной армии. Цель одна — принизить, умалить её роль в процессе освобождения Словакии. Поэтому актуальность приобретает задача защитить историческую правду, не допускать фальсификации истории и создания в ней новых “белых пятен”»[1].

Но это что касается историков. А власти? Здесь надо отдать им должное: в последнее время освобождение Словакии Красной армией отмечается торжественно и широко. На территории страны находятся 160 захоронений советских солдат и офицеров. В память о погибших установлено более ста памятников, обелисков, мемориальных досок. Могилы находятся в ухоженном состоянии. Торжества начинаются с Востока Словакии (Кошице, Прешов) и катятся на Запад, охватывая все новые и новые города и населенные пункты (Ружомберок, Банска Быстрица, Жилина), и завершаются в Братиславе. Возлагаются венки к памятникам советским воинам и чехословацким борцам с фашизмом, проводятся митинги и встре-

[1] Slovo. 2006. 30.05. (http://www. inosmi.ru/world/20060530/227622.html).

inslav

чи с ветеранами, устраиваются фотовыставки. В акциях, организованных властями и Союзом борцов-антифашистов, активное участие принимает российское посольство в Словакии. В рамках торжеств, посвященных 64-й годовщине освобождения Братиславы, в её предместье была проведена реконструкция боев за город. В ней участвовало более 250 представителей военно-патриотических клубов из Словакии, Чехии. Польши и Венгрии, одетых в словацкую и немецкую форму. Была задействована и военная техника тех лет — танки «Т-34» и «Тигры», бронемашины, пушки, мотоциклы с колясками, стрелковое оружие. Использовано большое количество пиротехники. За представлением наблюдали более тысячи зрителей. В красочной церемонии возложения венков к мемориалу советским воинам на холме Славин, где захоронено 7 тыс. солдат и офицеров Советской армии, принял участие президент Словакии И. Гашпарович, председатель правительства СР Р. Фидо, парламентарии, министры, иностранные дипломаты, представители политических партий и общественных организаций, ветераны войны, школьники.

Так же широко отмечалось и 65-летие освобождения Братиславы. 5 и 6 апреля 2010 г. участие в торжествах принял и находившийся с визитом в Словакии президент России Д.А. Медведев, который передал словацкой стороне копии 85 документов о совместной борьбе наших народов в годы Второй мировой войны, хранящихся в российских архивах (ГА РФ, РГАСПИ, РГВА). Президент Словакии И. Гашпарович выразил глубокую признательность Красной армии, которая принесла словакам свободу, и призвал помнить всех тех, кто отдал свою жизнь за освобождение Словакии и Европы от фашистских оккупантов. Д.А. Медведев поблагодарил словацкие власти и граждан за память и заботу о памятниках и захоронениях советских солдат. Было принято совместное заявление по случаю 65-й годовщины окончания Второй мировой войны в Европе и подчеркнута недопустимость пересмотра её итогов. 9 мая 2010 г. И. Гашпарович находился в числе гостей на Красной площади в Москве.

Сколько же советских людей отдали свою жизнь за освобождение Чехословакии (Словакии)? Ранее в литературе приводилась вышеуказанная цифра — 144 000. Теперь делается попытка определить, сколько же из них лежат в словацкой земле. Подсчитать это, видимо, достаточно сложно. В выступлении Д.А. Медведева была названа цифра: около 60 000. Она появилась, может быть, впервые, в сообщении Департамента информации и печати МИД РФ от 30.03.2007 о праздновании в Словакии 62-й годовщины освобождения страны от фашизма[1]. Проис-

[1] http://mid.ru/ns_publ.nsf/ca618d5746fee68cc32571f4002.

inslav

хождение этой цифры, т. е., кем и по какой методике делались подсчеты, пока неясно. Возможно, это примерно поделенная на неравные три части — Чехия, Моравия (здесь также погибло много советских солдат) и Словакия — та же цифра 144 000. Возможно, есть и официальные российские или словацкие данные на этот счет, пока не известные автору статьи. Но имеются и другие данные. Так, например, автор вышеуказанной статьи в газете «Слово» Эрвин Паулиак, считает, что в Словакии погибло примерно две трети из 144 000, отдавших жизнь за освобождение Чехословакии, то есть около 90 000. В любом случае, погибло много, очень много, и память о них должна быть священна. Между Россией, с одной стороны, и Словакией и Чехией, с другой, заключено межправительственное соглашение о сохранении воинских захоронений и уходе за ними. Ведется работа по их выявлению и так называемой паспортизации, т.е. определению числа захороненных и, по возможности, установлению имен. Согласно заявлению зам. министра иностранных дел РФ В. Лощилина, в Словакии на 2007 г. были неизвестны 87 % имен погибших[1]. Захоронения, особенно в братские могилы, которые, как правило, делались в ходе боевых операций, производились, где попало и как попало, без обозначения числа погребенных и их имен. Хорошо, если както обозначалось место захоронения, но со временем эти сделанные из подручного материала «памятники» приходили в негодность и рушились естественным образом. Так что работа по выявлению числа и имен советских людей, павших за освобождение Словакии, дело весьма трудное и кропотливое, к тому же требующее больших финансовых затрат. Но она, эта работа, ведется.

Теперь — к теме статьи. Автор, опираясь на известные ему документы того времени, как опубликованные, так и неопубликованные, попытался ответить на вопрос, как встречали Красную армию словаки, и каким виделся им в ту пору Советский Союз. Военные операции КА и действовавшего с ней бок о бок 1-го Чехословацкого армейского корпуса (ЧАК) затрагиваются лишь по мере необходимости. Использованные в статье документы — это в первую очередь донесения советских армейских политработников в вышестоящие органы, воспоминания политических и военных деятелей, информация военных корреспондентов, материалы армейских газет. Статья может быть отнесена к жанру документального очерка, так как автор намерен широко и полно представить упомянутые документы.

Итак, начнем с осени 1944 г. 29 августа 1944 г. в Словакии началось Словацкое национальное восстание (СНВ). В сентябре–октябре

[1] http:/pobeda-60.ru/main.php?trid=9854.

inslav

по политическим соображениям была осуществлена кровопролитная Карпато-Дуклинская операция Красной Армии. 6 октября части 1-го Украинского фронта (УФ) маршала И.С. Конева и понесший большие потери 1-й ЧАК, которым командовал бригадный генерал Людвик Свобода, вступили на землю Словакии. После войны до 1991 г. этот день отмечался как День чехословацкой армии. На освобожденной в ходе восстания словацкой территории находился с 27 сентября по 6 октября и военный корреспондент «Комсомольской правды» капитан С. Крушинский. О результатах своей командировки он представил обширную докладную записку отвечавшему за иностранные военные формирования на территории СССР генерал-майору А. Белянову, который переслал её копию в Международный отдел ЦК ВКП(б)[1]. Крушинский побывал в центре восстания городе Банска Быстрица, городах Зволен, Телгарт, в ряде сел, в том числе Бадин, Детва, на передовых позициях, занимаемых частями повстанческой словацкой армии, у партизан, разговаривал с солдатами, офицерами, партизанами, крестьянами, представителями интеллигенции. Далее приводятся выдержки из его докладной. Характеризуя общее положение и политические настроения в районе, Крушинский писал: «Повсюду царил порядок. Я не слышал, чтобы за это время где-либо имели место террористические или другие открытые враждебные нам или освободительному движению акты... Для царившего здесь политического настроения самым характерным было чувство дружбы к Советской России и Красной армии. Здесь видят в нас естественного, желательного и единственно возможного освободителя. Имеющихся здесь советских офицеров предупредительно приветствуют не только все военнослужащие, но также и жители (многие поднятием сжатой руки)... Я видел на улице американских и английских офицеров — они безусловно не встречали такого выражения симпатий. Офицерская столовая в Банской Быстрице украшена многочисленными флажками — чехословацкими, советскими, американскими, английскими. Наши флажки на самых видных местах.

С несомненной искренностью население и солдаты ждут прихода частей Красной армии. Если говорить об отдельных частных политических заботах и сомнениях, то следует прежде всего указать на опасения многих интеллигентов, что они будут лишены материальных удобств. Предвидя будущую близость Чехословакии Советскому Союзу и не зная положения, какое у нас существует в действительности, думают, что

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 10–18.

inslav

произойдет немедленное и механическое уравнение по беднякам, что будут пересчитаны скатерти, простыни и т.д.». Далее дается характеристика вооруженных сил восстания, взаимоотношений между ними, военного положения. Выводы Крушинского гласили: «1. Освободительное движение в Словакии развернулось как безусловно дружественное нам. И, следовательно, уже поэтому заслуживает энергичной поддержки. 2. Наличные в Средней Словакии вооруженные силы в основном преданы этому освободительному движению и способны сослужить нам службу в разгроме Германии. 3. При существующей политической и оперативной ситуации эти вооруженные силы и самый занимаемый ими плацдарм играют и могут в ближайшее время сыграть известную роль в ходе военных действий на юге. 4. Освободительное движение включает в свои рамки и реакционные элементы (часть офицерства), примкнувшие к нему по необходимости, страха ради, или по собственному расчету...» Таковы наблюдения и выводы советского военного корреспондента, большая часть которых впоследствии была подтверждена и серьезными исследователями вопроса.

На освобожденную в ходе восстания территорию Словакии была переброшена 2-я отдельная чехословацкая воздушно-десантная бригада, сформированная в СССР и состоявшая в основном из словаков. Хорошо обученные десантники вместе с повстанцами до конца октября вели бои с частями вермахта. После удушения восстания они отступили в горы и перешли на партизанский способ ведения войны, а затем, когда Красная армия и ЧАК приступили к освобождению Словакии, воссоединились с ними. Радость бойцов корпуса, наконец-то стоявших на пороге своего дома, была безмерна. 6 октября корпусная газета «За свободне Ческословенско» («Za svobodné Československo») в передовой статье писала: «Мы дома. С братской помощью победоносной Красной армии мы завоевали последний, самый трудный участок пути на Родину, за который мы заплатили большими жертвами. Над родной землей, которую у нас украли, которую топтали и грабили фашистские захватчики, снова реют красно-бело-синие флаги Чехословацкой республики, знамена демократии и прогресса... Теперь героическая Красная армия приходит в наш дом. Она идет очищать его для нас от немецких и венгерских фашистов. Мы позаботимся о том, чтобы наш народ окружил её такой любовью, как своих родных детей. Мы позаботимся о том, чтобы братство народов СССР и Чехословакии жило вечно!»[1] В тот же день Л. Свобода отправил

[1] Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1983. Т. 4. Кн. 2. Декабрь 1943 г. — май 1945 г. С. 197 (далее ДМИСЧО 4–2).

inslav

телеграммы на имя И.В. Сталина и И.С. Конева. В первой говорилось: «Народы Чехословакии приветствуют братскую Красную армию на своей земле как освободительницу от шестилетнего фашистского порабощения». Во второй командир ЧАК писал: «Мы счастливы, что в составе войск 1-го Украинского фронта под Вашим командованием мы первыми из состава чехословацкой заграничной армии вступили на родную землю....Чехословацкий народ вечно будет чтить память тех, кто отдал свою жизнь за его свободу, за счастье его сынов»[1].

А вот выдержка из статьи от 9 октября 1944 г. другой газеты 1-го ЧАК «Наше войско в СССР» («Naše vojsko v SSSR»): «Помощь Красной армии с самого начала войны не выражалась в красивых словах и добрых советах. Неся на себе в течение трех лет основную тяжесть войны, она уничтожила миллионы гитлеровских захватчиков, которые до того времени безнаказанно мучили и уничтожали всю Европу, тысячи тех, кто пришел в нашу страну, грабил её, позорил, мучил и топтал... Наша страна стоит перед полным освобождением. Это основной результат того, что, защищая свой дом, наш русский брат проливал свою кровь и за нас, за нашу свободу. Братской русской кровью, пролитой в беспримерных боях, были завоеваны и наша свобода, наше счастье... Красная армия, армия-освободительница пришла к нам. С её вступлением в нашу страну рушатся стены тюрьмы, в которой Гитлер и его пособники держали наш народ, с её вступлением в нашу страну возрождается наше государство. Принимая её, принимая наших братьев-красноармейцев в своем доме, народы Чехословакии говорят им от всего сердца: Приветствуем вас, братья-красноармейцы!»[2] Что же! Пафос стиля статьи не может помешать тому, чтобы видеть, что акценты расставлены правильно, а благодарность была искренней и заслуженной.

Преодоление Карпатского хребта Красной армией и 1-м ЧАК вовсе не означало, что бои с противником будут менее упорными и кровопролитными. Они, как и в предгорьях Карпат, велись в горно-лесистой местности, где немцы располагали хорошо укрепленными позициями, прикрытыми минными полями и другими заграждениями. «Уже первые дни боев на территории Чехословакии, — вспоминал Л. Свобода, — ни у солдат, ни у командиров не оставили сомнений в том, что дальнейшее продвижение через Карпаты на запад будет нелегким». К тому же, как и Красная армия, 1-й ЧАК понес большие потери, «поредевшие части корпуса нуждались в пополнении. Численность в бригадах не превышала

[1] Там же. С. 194–195.

[2] Там же. С. 200–201.

inslav

численности батальонов, а роты по количеству активных бойцов можно было приравнять к взводам»[1]. Бои в октябре были ничуть не легче сентябрьских. Каждая ощерившаяся стволами пулеметов и артиллерийских орудий гора — а их в Западных Карпатах были десятки, если не сотни — являла собой настоящую крепость, которую приходилось брать штурмом. Гитлеровцы сражались отчаянно, памятуя о приказе фюрера расстреливать на месте вех дезертиров и трусов. Не щадили они и местное население. По обвинению в связи с партизанами фашисты расстреливали жителей и сжигали деревни. Так, произошло, например, в деревне Токаик Стропковского района, 34 мужчины которой были расстреляны, а дома сожжены. «Население освобожденной территории, — вспоминал Л. Свобода, — терпело в то время огромные лишения. Фашистские грабители полностью смели с лица земли многие населенные пункты, и люди, возвращавшиеся из лесов и гор, где они скрывались от гитлеровцев, часто не находили своих жилищ. В одном лишь небольшом Стропковском районе гитлеровцы уничтожили при отступлении 50 деревень и хуторов. Народ голодал»[2].

К концу октября 1944 г. войскам 38-й армии 1-го УФ и 1-му ЧАК удалось освободить лишь 9 населенных пунктов Восточной Словакии, жители которых с радостью приветствовали их приход. Это подтверждает и донесение члена Военного совета 1-го УФ К.В. Крайнюкова Главному политическому управлению Красной армии от 20 октября 1944 г.: «Население освобожденных сел встретило части Красной Армии и чехословацкого корпуса с большой радостью и восторгом. Особенно этот восторг заметен в связи с тем, что вместе с Красной Армией на территорию Словакии вступили части чехословацкого корпуса. Повсеместно бойцы и офицеры ощущают теплый, радушный прием и дружественное отношение местного населения. Отмечено много случаев, когда местные жители стремятся оказать помощь нашим частям в борьбе против немцев... Симпатии к Советскому Союзу огромны. Большинство населения с нетерпением ждет прихода Красной Армии. Все слои населения горят желанием сотрудничать с Советским Союзом»[3]. И не мудрено! Он не только освободил жителей восточных районов Словакии от гитлеровцев, но и оказал им продовольственную помощь. О ней в телеграмме от 18 октября 1944 г. на имя чехословацкого посла в СССР З. Фирлингера просил командир 1-го ЧАК Л. Свобода. 20 октября соответствующая

[1] *Свобода Л.* От Бузулука до Праги (Пер. с чешского). М., 1969. С. 328, 331.

[2] Там же. С. 342.

[3] ДМИСЧО 4–2. С. 215.

inslav

нота ушла в Наркоминдел СССР. В тот же день начальник тыла Красной армии А.В. Хрулев направил начальнику тыла 1-го УФ распоряжение, в котором говорилось: «По приказанию Верховного Главнокомандующего товарища Сталина передайте командиру чехословацкого корпуса генералу Свободе 500 т. муки для безвозмездной передачи населению освобожденных районов Чехословакии. Передачу произвести немедленно и доставить на место по указанию Свободы... Об этом решении товарища Сталина поставить немедленно в известность генерала Свободу»[1]. Кто-то может сказать: «Подумаешь, пятьсот тонн, такой мизер!». Но, если вспомнить, что речь шла о конце 1944 г., когда Советский Союз лежал в разрухе, а его население снабжалось по карточной системе и само страдало от недостатка продовольствия, то указанная цифра уже не покажется такой незначительной.

В конце октября 1944 г. войска 4-го УФ под командованием генерала армии И.Е. Петрова подошли к восточной границе Словакии и начали подготовку к ноябрьско-декабрьской операции в юго-восточных районах Словакии. Надлежало силами 18-й армии под командованием генерал-майора (затем — генерал-лейтенанта) А.И. Гастиловича и 1-й Гвардейской армии под командованием генерала А.А. Гречко нанести удар на Требишов и Михаловце. Операция, проводившаяся в тесной оперативно-тактической связи с Будапештской операцией 2-го УФ, началась 20 ноября 1944 г. Тяжелейшие условия ведения боевых действий в горах, а также резко ухудшившаяся погода, почти полностью исключавшая действия авиации, не позволили развить наступление в высоких темпах. Однако на 6-й день наступления 26 ноября были освобождены города Гуменне, Михаловце (в честь их освобождения в Москве в тот же день прозвучал артиллерийский салют), Требишов и Медзилаборце. Остатки потрепанных немецких и венгерских дивизий начали отступление на заблаговременно подготовленные оборонительные позиции на западном берегу реки Ондава. Советские войска захватили 68 тыс. пленных, более 1500 орудий и минометов, 130 танков и штурмовых орудий. В результате проведенной операции немецкие войска, действовавшие на территории Словакии, оказались под непосредственным ударом с трех сторон, что создавало благоприятные условия для осуществления следующей военной операции Красной армии по преодолению Западных Карпат[2]. Советские войска, а также Чехословацкий армейский корпус, понесший

[1] Там же. С. 211, 214.

[2] Подробнее об операции см.: За освобождение Чехословакии. М., 1965. С. 110–126; *Гречко А.А.* Через Карпаты. М., 1972. С. 285–331.

inslav

большие потери и нуждавшийся в пополнении и отдыхе, остановились на восточном берегу р. Ондавы и временно перешли к обороне.

30 ноября политотдел 1-й Гвардейской армии доносил Военному совету 4-го УФ: «Местное население повсюду встречает бойцов Красной Армии исключительно хорошо. За все время наступления не отмечено ни одного факта враждебного или недоброжелательного отношения к бойцам и командирам Красной армии. Население радушно встречает бойцов, угощает всем, что имеет у себя лучшего, снабжает продовольствием». Отмечался такой факт, что «местные жители обижаются на то, если при распределении бойцов по квартирам в какой-либо дом не ставят бойцов». Говорилось, что «население помогает ремонтировать дороги, взорванные противником мосты, вытаскивать застрявшие на дорогах автомашины, повозки, женщины охотно оказывают помощь госпиталям, стирают для раненых белье и т.п.»[1] Вместе с тем в донесении того же политоргана от 11 декабря, подчеркивавшем в целом дружественное отношение населения к Красной армии, отмечалось: «Некоторые жители (которых насчитываются единицы), наслушавшись фашистской агитации о зверствах большевиков и Красной Армии, прячутся в подвалах и других местах». В политдонесении от 9 декабря значилось: «Население рассказывает, что немцы запугивали их приходом Красной Армии, утверждая, что мы начнем повальный грабеж»[2].

Учитывая, что опасения местного населения, связанные с приходом советских войск, возможны и что бойцы Красной армии, по выражению И.В. Сталина, «не ангелы»[3], Ставка Верховного главнокомандования Красной армии 31 октября 1944 г. направила директиву командующему войсками 4-го УФ И.Е. Петрову и командующему войсками 1-го УФ И.С. Коневу, в которой приказывалось:

«1. Разъяснить всему личному составу войск, что Чехословакия является нашим союзником и отношения со стороны войск Красной Армии к населению освобожденных районов Чехословакии и к повстанческим чехословацким частям[4] должны быть дружественными.

---

[1] ДМИСЧО 4–2. С. 244–245.

[2] Там же. С. 252, 256.

[3] См. выступление И.В. Сталина на обеде в честь президента Чехословакии Э. Бенеша 28 марта 1945 г.: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939– 1945 гг. М., 2009. Кн. 2. 1941– 1945 гг. С. 411.

[4] Имелись в виду части словацкой армии, участвовавшие в Словацком национальном восстании. Вооруженные силы восстания были признаны составной частью чехословацкой армии.

inslav

2. Запретить войскам самовольную конфискацию автомашин, лошадей, скота, магазинов и разного рода имущества.

3. При размещении войск в населенных пунктах учитывать интересы местного населения.

4. Всё необходимое для нужд наших войск получать только через местные органы гражданской администрации чехословаков или через командование чехословацких повстанческих частей.

5. Нарушающих приказ привлекать к суровой ответственности.

Ставка Верховного Главного Командования

И. Сталин. Антонов»[1].

Аналогичный приказ 16 декабря 1944 г. издал и командующий войсками 2-го УФ Р.Я. Малиновский[2]. Войска фронта начали наступление из Венгрии в конце декабря 1944 г. и овладели важными восточнословацкими железнодорожными узлами Сечень, Римавска Собота, Левице и др. В донесении политического отдела 53-й армии 2-го УФ от 10 января 1945 г. отмечалось: «Здесь (в Чехословакии. — *В.М.*) мы встречаемся с фактами, говорящими о том, что не только трудовое население, но и более зажиточная часть его не верила фашистской клевете на Советский Союз и его Красную Армию, что не только беднота, но и интеллигенция и более зажиточная часть населения не уходит с немцами, а ждет прихода Красной Армии и готова оказывать ей всемерную помощь»[3].

В конце 1944 г. советско-германский фронт на всем протяжении от Балтийского моря до Карпат стабилизировался. Шла подготовка к новым наступательным операциям Красной армии, в том числе и по окончательному освобождению Западных Карпат от немецких и венгерских войск. Западно-Карпатская операция началась 12 января 1945 г. и продолжалась до 18 февраля 1945 г. В это время 1-й ЧАК, сначала действовавший в составе 1-й Гвардейской армии генерал-полковника А.А. Гречко, из оперативно-тактических соображений был переподчинен 18-й армии 4-го УФ под командованием генерал-майора А.И. Гастиловича. Пять артиллерийских полков корпуса и 1-й танковый батальон по тем же причинам действовали в составе войск 1-го УФ. В конце января в составе корпуса была сформирована 4-я отдельная пехотная чехословацкая бригада. Формирование её личного состава производилось из ресурсов 4-го УФ, за счет приема добровольцев «чехословацких национальностей» и

[1] ДМИСЧО 4–2. С. 225.

[2] Там же. С. 258.

[3] Там же. С. 273.

inslav

спустившихся с гор партизан-словаков. 1-й ЧАК на основании приказа командования 4-го УФ от 18 января начал проводить сначала набор, а потом и частичную мобилизацию призывников на освобожденных территориях Словакии для пополнения личного состава корпуса[1].

20 января войска 4-го УФ совместно с частями 1-го ЧАК овладели важными узлами коммуникаций и опорными пунктами обороны немцев городами Прешов, Кошице и Бардеев. Частям, отличившимся в этих боях, было присвоено наименование «Прешовских» и «Кошицких». Москва салютовала войскам 4-го УФ и 1-го ЧАК двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Командир 1-й отдельной чехословацкой бригады в СССР, получившей наименование «Прешовская», полковник Ян Саторие в телеграмме на имя И.Е. Петрова от 25 февраля писал: «Мы являемся ежедневно свидетелями восторженного приема Красной Армии на нашей территории. Наш народ никогда не забудет героев Красной Армии, которые не щадя жизни изгоняют ненавистных немецких захватчиков из земли братской славянской Чехословакии»[2]. Описывая ситуацию в Прешове, газета «За свободне Ческословенско» 23 января писала, что вследствие быстрого и решительного удара Красной армии «у немцев не осталось времени для разграбления и уничтожения города и окрестных сел, у них не было времени для того, чтобы изгнать жителей, они не имели возможность заминировать город»[3].

Газета «Красная звезда» в номере от 26 января 1945 г. поместила статью с описанием боевых действий чехословацких воинов на территории Словакии[4]. 28 января 18-я армия освободила города Попрад, Кежмарок и еще 52 населенных пункта, 31 января 40-я армия 2-го УФ овладела г. Брезно над Гроном и начала наступление в направлении г. Банска Быстрица, центра Словацкого национального восстания 1944 г. 18-я армия и 1-й ЧАК продолжили движение в сторону Липтовского св. Микулаша, который и попытались взять с ходу. Однако неоднократные попытки сделать это, предпринимаемые с 3 по13 февраля, оказались неудачными. Немецкая пехотная дивизия, усиленная танками и самоходными орудиями, и три венгерских полка отбивали одну атаку за другой. Решено было временно прекратить наступление и возобновить его только после основательной подготовки. Новое наступление началось 3 марта. Основная

[1] Там же. С. 289.

[2] Там же. С. 308–309.

[3] Там же. С. 278.

[4] Там же. С. 283–284.

inslav

его тяжесть пришлась на армию под командованием А.И. Гастиловича. Бои за Липтовский св. Микулаш, в том числе и на его улицах, продолжались два месяца, во время которых город неоднократно переходил из рук в руки. Только 4 апреля он был окончательно освобожден советскими и чехословацкими войсками[1].

В ходе Западно-Карпатской операции войска 4-го и 2-го УФ потеряли убитыми 16 337 (3,4 % личного состава) и ранеными 78 988 солдат и офицеров. Ежедневные потери составляли 2078 человек. 1-й ЧАК лишился 970 бойцов, в том числе 257 убитых. Ежедневно корпус терял 25 человек[2]. С 18 февраля войска 4-го УФ перешли к обороне. Перед войсками 2-го УФ после завершения Будапештской операции 13 февраля 1945 г. была поставлена задача освобождения Братиславы и Брно. Продолжая наступление, они 6 марта освободили г. Банска Штявница, а 14 марта — г. Зволен.

Большинство населения по-прежнему тепло и радушно встречали Красную армию. Оптимистично в этом плане были настроены и словацкие коммунисты. Один из руководителей СНС Густав Гусак, который находился в январе — феврале 1945 г. в Москве, утверждал в информации о положении в Словакии следующее: «Словакия подготовлена в психологическом и политическом отношении к приходу Красной Армии», «значительная часть населения с коммунистической ориентацией заранее приветствует Красную Армию, надеясь с её приходом получить возможность осуществления своих социальных и экономических порядков». Он полагал, что 70–80 % населения Словакии настроены просоветски[3]. Если понимать под этим установление советского строя, то это, несомненно, было преувеличением, выдаванием желаемого за действительное, но, вероятно, отражало широкое распространение симпатий к России, русским в словацком обществе в конце войны. Однако были и другие настроения. Вот что говорилось в информационной сводке 7-го управления ГлавПУРРКА (Главного Политического управления рабоче-крестьянской Красной армии) от 8 февраля 1945 г. «Наступление Красной Армии в Словакии сопровождается подъемом политической активности широких масс народа. Словаки радостно встречают наши войска и помогают им в приведении в порядок ком-

[1] *Свобода Л.* Ук. соч. С. 397–392.

[2] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под общ. ред. Т.Ф. Кривошеева. М., 2001 (http://lib/ru/memuary/1939–1945/Kriwosheew/poteri.txt).

[3] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 557. Л. 21–40.

inslav

муникаций, перевозками военного имущества и продажей продовольствия. На многочисленных собраниях, митингах и беседах население подчеркивает родственность русского и словацкого народов и выражает глубокую благодарность Советскому Союзу за освобождение от немецко-фашистских оккупантов. Население проявляет живейший интерес к условиям жизни в Советском Союзе и перспективам государственного устройства в Словакии. Население Словакии выражает чувство дружбы и симпатии по отношению к Красной Армии... Жители заявляют, что видят в русских своих братьев... Н. Маруга из села Вагранец заявил: "Ваши солдаты очень добрые, ласково обращаются с детьми. Немцы же говорили нам, что Красная Армия идет в Чехословакию, чтобы грабить и убивать". В. Булик, директор школы села Царево, бывший лейтенант словацкой армии, участник восстания заявил: "В нашем народе издавна живут чувства братства и симпатии к русскому народу, Мы, словаки, считаем себя членами единой семьи славянских народов. Последние четыре года мы жили мыслью о том, что Красная Армия придет к нам на выручку. Мы очень рады вашему приходу"». «Все население заявляет, — говорилось далее, — о поголовном грабеже, произведенном немцами в селах. Немцы забирали все и при этом говорили: "Чтобы Ивану ничего не осталось"... Немцы всячески запугивали население приходом русских. Широко для этих целей использовались печать и радио. Надо отметить, что испытанные немцами приемы пропаганды не прошли бесследно. Если население не оказывало сопротивления нашим войскам, то все же известная часть словаков, особенно из числа интеллигенции, боялась прихода русских». Учитель Гейза Поларчик говорил: «Нам столько трубили по радио и в газетах о страшных большевиках, что кое-что западало в душу. Я, по совести говоря, боялся русских. В последнее время "правительство" объявило, что русские угонят в Сибирь всех мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Будут ли это делать русские, не знаю, но немцы уже сделали это. Услали в Германию или забрали в армию всех мужчин, способных носить оружие». Далее в сводке констатировалось: «Наряду с проявлением симпатий словацкого населения к Красной Армии имеют место и отрицательные факты. Признавая освободительную миссию Красной Армии, некоторые местные жители не желают нести тягот, связанных с войной... Некоторые жители жалуются на то, что с приходом Красной Армии пришла война... Имеются случаи отказа продавать воинским частям продовольствие и фураж» [1].

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 52. Л. 1–5.

inslav

Аналогично описывались настроения населения и в политдонесении 4-го УФ от 25 марта 1945 г.: благодарность за освобождение, дружественное и гостеприимное отношение к бойцам и офицерам Красной армии, сбор подарков для раненых воинов, помощь в ремонте дорог и мостов, помощь в случае необходимости гужевым транспортом и пр. Вместе с тем говорилось об отдельных проявлениях недовольства, нежелании нести тяготы войны[1]. Неоднозначно были настроены представители местной интеллигенции, о чем, в частности, говорилось в донесении от 28 марта со 2-го УФ о положении в г. Римавска Собота: «Передовая часть интеллигенции активна и помогает Красной Армии... часть интеллигенции занимает выжидательную позицию и не решается принимать участие в общественной жизни. Она ожидает, пока определится положение в стране... некоторая часть интеллигенции настроена реакционно. Она хорошо относится к немцам и одобряет политику венгерских фашистов. Среди последней отмечены и враждебные заявления по отношению к Красной Армии»[2].

Случаи недовольства населения действительно имели место и, видимо, не единичные. Без воодушевления зачастую воспринимались приказы о мобилизации в армию. Словацкий национальный совет (СНС), возобновивший деятельность на освобожденной территории Словакии в феврале 1945 г., издал распоряжение о мобилизации в армию мужчин с 1910 по 1926 г. рождения. Она шла с трудом: ведь одно дело восхищаться освободителями и приветствовать их, а другое — самим проливать кровь, и, возможно, жертвовать жизнью за освобождение своей страны, да еще в конце войны. Не все готовы были делать это, что понятно с чисто человеческой точки зрения. Многие подлежавшие призыву уходили в леса, скрывались у родственников, в общем, всячески уклонялись от мобилизации. Например, согласно информации председателя призывной комиссии в Михаловцах от 14 марта 1945 г. из 295 резервистов из 13 деревень только 52 человека явились на призывные пункты. Не помогли и действия милиции. В районе Спишска Нова Вес 60 % подлежавших мобилизации уклонились от неё; в районе Требишов лишь 30 % подчинились распоряжению о мобилизации. Сколько из них это сделали добровольно, а сколько в результате принудительных действий жандармерии, сказать невозможно. Случались и массовые побеги призывников во время препровождения их на пункты призыва. Фиксировались и случаи побегов военнослужащих 1-го ЧАК, если они оказывались в своих

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 11–24.

[2] Там же. Л. 34.

inslav

родных местах. Список дезертиров командование 1-го ЧАК направило президиуму СНС с просьбой, чтобы органы безопасности начали следствие по этим делам и в случае обнаружения дезертиров передали их в распоряжение органов чехословацкой полевой прокуратуры[1]. Однако широко о подобных вещах не писалось и не говорилось. Наоборот, задачей политической пропаганды было привлечение местного населения к помощи Красной армии и чехословацкому армейскому корпусу в деле освобождения страны от фашистских оккупантов и их пособников. Газета «За свободне Ческословенско» 21 марта 1945 г. писала: «Здесь, на нашей родине, мы должны по меньшей мере сравняться с нашими прославленными боевыми товарищами по оружию — красноармейцами, а то и превзойти их. Красноармейцы проливают кровь на чужой земле за нас, своих меньших братьев-славян, так могут ли быть для нас, сражающихся на собственной земле, слишком большими любые жертвы в этой борьбе? Нет!... Докажем своему народу, что мы по праву называемся освободителями, что мы умеем сражаться за высокие идеалы свободы так же верно и самоотверженно, как сражается самая героическая армия в мире — армия Советского Союза»[2]. В это время в словацком г. Левоча была сформирована 4-я бригада 1-го ЧАК, численность которого в начале апреля 1945 г. составляла 31 725 человек.

После напряженных двухмесячных боев за Липтовский св. Микулаш корпус начал продвижение вдоль долины реки Ваг к предгорьям Большой Фатры, изобилующей глубокими ущельями и узкими долинами. Это создавало благоприятные условия для немецкой обороны и затрудняло действия советских войск и 1-го ЧАК. Л. Свобода 5 апреля приступил к исполнению обязанностей министра национальной обороны ЧСР, а командиром корпуса по его представлению был назначен генерал К. Клапалек, до этого командовавший 3-й бригадой.

Успешно развертывались действия войск 2-го УФ (маршал Р.Я. Малиновский) по освобождению южной Словакии. 19 марта командование фронта представило И.В. Сталину на утверждение план операции фронта севернее реки Дунай. Войскам предстояло овладеть районами Трнава, Сенец, Середь с последующим выходом на г. Малацки и Братиславу. План был утвержден и вступил в действие 24 марта. И уже на следующий день, 25 марта, советские войска во взаимодействии с румынской армией, ведя бои в трудных условиях горно-лесистой местности в по-

[1] Slovensko na konci druhej svetovej vojny (stav, východiská a perspektívy). Bratislava, 1994. S. 86–87.

[2] ДМИСЧО 4–2. С. 323.

inslav

лосе Карпат овладели центром Словацкого национального восстания г. Банска Быстрица, важным узлом железных и шоссейных дорог, одним из крупных административно-экономических центров Словакии. Продолжая наступление, войска 2-го УФ форсировали реки Грон и Нитра и выбили немецкие части из городов Комарно, Нове Замки, Шураны, Врабле, сильных опорных пунктов вермахта на братиславском направлении. 2 апреля газета «Правда» опубликовала обширную статью военных корреспондентов П. Сипцова и А. Костина о наступлении Красной армии на Братиславу[1]. 4 апреля немецкие войска были выбиты из столицы Словакии. Соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом, были представлены к присвоению наименования «Братиславских» и награждению орденами. Москва салютовала победителям двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий[2].

7 апреля в отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поступило сообщение из ГлавПУРРКА «О положении в Братиславе». В нем говорилось, что город хорошо сохранился, разрушения имеются лишь на его северо-западной и восточной окраинах. В городе осталось примерно 135–140 тыс. жителей. Бежали лишь лица, принадлежавшие к правительственным кругам и до 30 тыс. немцев, однако около 10 тыс. человек немецкого происхождения остались, несмотря на приказ немецких властей об эвакуации жителей. 4 апреля начала свою деятельность военная комендатура. Важнейшие объекты — банки, почта, дворец президента, а также предприятия были взяты под охрану, также как и здание советского посольства, в котором в последние годы находилось гестапо. Почти все чиновники местной администрации во главе с городским головой д-ром Стефаном Равао остались на местах. Не выехало и большинство полицейских чиновников. Промышленность в городе не пострадала. Предприятия должны были возобновить работу с получением электроэнергии. Все ценности Словацкого национального банка остались в Братиславе. Сообщалось, что население встречает советские войска хорошо, выражает чувство радости и благодарности за освобождение от немецко-фашистского ига. Известный словацкий писатель Я. Есенский, переведший на словацкий язык произведения Пушкина, Блока, Маяковского, заявил, например, представителям Красной армии: «Вы освободили нас от ига наших вековых врагов — немцев и венгров. Мы всегда следили за вашей борьбой и ждали вас. Словацкая интеллигенция считает русских своими старшими братьями. Мы очень рады приходу Красной армии».

[1] Там же. С. 331–332, 337–339.

[2] Там же. С. 340–342.

inslav

Жена Есенского регулярно слушала московское радио. Она показала тетрадь. в которой записаны все сводки Совинформбюро за полтора с лишним года. Эксцессов со стороны местного населения не отмечено. Было несколько случаев, когда по советским военнослужащим стреляли из-за угла. Проверкой установлено, что стрелявшими были немецкие солдаты и офицеры, переодетые в гражданское платье[1].

Согласно донесению политуправления 2-го УФ от 30 апреля, 15 апреля в Братиславе состоялся митинг, посвященный освобождению города от немецких захватчиков. Он был организован Словацким национальным советом (в документе: комитетом. — *В.М.*) в большом зале кинотеатра «Редут». В митинге приняло участие свыше 1500 человек, выступали ораторы от Демократической партии (Тварожек, А. Поздек) и от коммунистической партии (Ш. Баштёванский). С заключительной речью выступил зам. председателя СНС и уполномоченный (в документе: министр — *В.М.*) по внутренним делам д-р Г. Гусак. Он заявил, что единым требованием народа является ориентация внешней политики страны исключительно на Советский Союз. Новая армия должна изучать богатый опыт Красной армии и сотрудничать с ней. Из страны должны быть выселены немцы и венгры, за исключением тех, кто принимал активное участие в борьбе с фашизмом[2].

В другом донесении политуправления 2-го УФ от 30 апреля говорилось, что промышленные предприятия Братиславы (кабельный завод, Динамит-Нобель, Гуман-Футорит) возобновили работу, начато восстановление газового и нефтеперегонного заводов, разрушенных бомбежкой союзной авиации; «очищения заводов от реакционных элементов не проводится»; коммунальные предприятия работают нормально, и население города нормально снабжается продовольствием. Культурная жизнь Братиславы оживляется. Работают театры драмы и оперетты. В кинотеатрах демонстрируются советские фильмы «Ленин в 1918 г.», «Бой за Советскую Украину». Возобновлены занятия в духовной семинарии и консерватории. В городской комитет компартии Словакии поступило более двух тысяч заявлений местных жителей, желающих вступить в партию. Прием в партию временно прекращен. Население города дружелюбно относится к Красной армии[3].

На следующий день после освобождения Братиславы, 5 апреля, стремительным и неожиданным ударом войск 4-го УФ и 1-го ЧАК был осво-

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 79–81.

[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 43.

[3] Там же Л. 139–140.

inslav

божден г. Ружомберок. Оборонявшие его немцы и два полка хортистской пехоты не успели разрушить подготовленные ими к взрыву важные городские объекты. Население встречало освободителей с радостью. Вот как вспоминал об этом генерал-полковник Л.М. Сандалов, тогда начальник штаба 4-го УФ, побывавший в городе вскоре после его освобождения: «Город Ружомберок произвел на меня неизгладимое впечатление своим праздничным торжественным видом. На стенах домов, на заборах были наклеены яркие печатные и рукописные транспаранты с призывом крепить вечную дружбу советского и чехословацкого народов, с благодарностями воинам — освободителям от фашистского ига. На большинстве домов развевались красные флаги. По рассказам сопровождавших меня офицеров, в день освобождения города жители вышли на улицы в ярких праздничных национальных нарядах с цветами в руках. Они горячо, восторженно встречали своих земляков из чехословацкого корпуса и советских воинов. Их обнимали, целовали, одаривали, чем могли»[1].

Местные жители не только восторженно встречали освободителей, но и помогали им. «Тысячи словацких мужчин, — писал Л. Свобода, — помогали нам строить и ремонтировать дороги, сотни женщин стирали воинам белье, пекли хлеб». А генерал К. Клапалек вспоминал: «Никогда прежде я не знал такого тесного сотрудничества гражданского населения и армии. Незнакомые люди, стоя по колено в снегу, работали до упаду. Съедали то, что приносили с собой в карманах, и опять тащили бревна, поднимали камни, рыли окопы, откидывали лопатами тяжелую мокрую глину. Когда место работы передвигалось дальше, многие из них не возвращались домой на ночь — оставались с нашими воинами. Они помогали нам и в эвакуации раненых. Трудно представить как бы сложилась для нас обстановка в горах Малой Фатры, если бы нам не помогло местное население»[2]. Серьезными преградами для наступавших являлись разлившиеся реки Орава и Ваг, мосты через которые к тому же были уничтожены отступавшими немцами. В труднопроходимых Мартинских горах лежал еще глубокий снег и не ослабевали морозы. С 13 по 25 апреля, по словам Л. Свободы, на склонах этих гор «велись бои, которые по трудности можно сравнить с боями на Дукельском перевале». Здесь 1-й ЧАК понес большие потери: 1528 человек были убиты, ранены и пропали без вести[3]. Бои были перенесены на территорию Мо-

[1] *Сандалов Л. М.* Через Карпаты на Прагу //(http://militera.lib.ru/memo/russian/9may/22.html).

[2] Цит. по: *Свобода Л.* Ук. соч. С. 397.

[3] Там же. С. 398–399.

inslav

равии: 26 апреля войска 2-го УФ освободили Брно, а 30 апреля — войска 4-го УФ Моравску Остраву.

Тем временем в освобожденных районах Словакии эйфория и радость первых дней свободы уступали место настороженности и опасениям за будущее. Недовольство населения помимо трудностей военного времени вызывали карательные действия СМЕРШ и НКВД на освобожденной территории, репрессии против активных сторонников режима Тисо, следовавшего до конца войны в фарватере политики гитлеровской Германии. Согласно данным словацкого исследователя Р. Летца, органы НКВД проводили аресты преимущественно российских и украинских эмигрантов, затем венгров и немцев, а также словаков, опираясь при этом на помощь местных коммунистов, партизан и используя списки, составленные разведотделами 1-го ЧАК или оперативными группами СМЕРШ. По мнению Летца, в Восточной Словакии арестовывались в первую очередь представители местной интеллигенции с целью ослабить потенциальную антикоммунистическую оппозицию[1]. Данные о словаках, отправленных в ГУЛАГ (причем не ясно, идет ли речь о словаках по национальности или о жителях Словакии, скорее всего, второе), расходятся, колеблясь от 12 до 60 тыс. человек[2]. Летц полагает, что гражданских лиц насчитывалось примерно 10 тысяч. М. Барновский, изучивший обширный материал по теме, пришел к предварительному выводу, что всего из Словакии было вывезено около 6 тыс. жителей, в том числе 3 тыс. венгров, 2500 — 2600 словаков и лишь 400 немцев[3]. На сегодняшний день этот вопрос из-за недоступности для исследователей сводных архивных данных и противоречивости уже известных можно считать изученным пока недостаточно.

О том, какие категории населения и лица в тылу Красной армии подвергались аресту («изъятию», по терминологии НКВД военного времени) свидетельствуют, в частности, спецсообщениея Л.П. Берии И.В. Сталину от 3 марта и от 17 апреля 1945 г. В первом из них значилось, что по состоянию на 1 марта в тылу действующих фронтов арестовано всего 107 262 человека, большинство которых составляли немцы (55 578), поляки (23 571), русские (5513), украинцы (3170), венгры (3102) и т.д.

[1] *Letz R.* Slovensko v rokoch 1945 — 1948. Na ceste ke komunistickej totalite. Bratislava, 1994. S. 78–79, 203.

[2] *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 312–313.

[3] *Borák M.* České stopy v Gulagu. Z výzkumu perzekuce Čechů a občanů ČSR v Sovětském svazu. Opava, 2003. S. 103.

inslav

В тылу 4-го УФ было «изъято» 1090 словаков. Из числа «изъятых» по всем фронтам в лагеря НКВД отправлено 41 890 человек[1]. Во втором из названных спецсообщений говорилось: «Во исполнение Вашего указания об очистке фронтовых тылов действующей Красной Армии от вражеских элементов НКВД СССР с января по 15 апреля с.г. изъято 215 540 человек. В том числе:

— агентов и гласного состава разведывательных и контрразведывательных органов противника, диверсантов и террористов 8470 чел.;

— участников фашистских организаций 123 166 чел.;

— командного и рядового состава армий, воюющих против СССР 31 190 чел.;

— командного и оперативного состава полицейских органов, тюрем, концлагерей, сотрудников прокурорских и судебных органов 3319 чел.;

— руководителей крупных хозяйственных и административных организаций и журнально-газетных работников 2272 чел.;

— изменников Родины, предателей, ставленников и пособников оккупантов, бежавших вместе с немецко-фашистскими войсками 17 495 чел.;

— прочего вражеского элемента 29 628 чел.

Из общего числа изъятых немцы составляют 138 200 чел., поляки — 38 600 чел., венгры — 3200 чел., словаки 1130 чел., итальянцы и граждане Советского Союза (русские, украинцы, белорусы. литовцы, латыши, казахи и др.) 27 880 чел.» Среди арестованных, полагал Берия, имеется значительное количество рядовых участников различных фашистских организаций (профсоюзных, трудовых, молодежных). «Изъятие» лиц этих категорий в свое время диктовалось необходимостью «быстрейшей очистки тыла» фронтов от вражеских элементов. Теперь же Берия предлагал дать указание уполномоченным НКВД по фронтам ограничить число категорий населения, из которых «изымаются» лица в целях очистки тылов Красной армии; прекратить вывоз в СССР этих лиц и организовать для их содержания на месте необходимое количество тюрем и лагерей; вывозить в СССР только арестованных, представляющих оперативный интерес; пересмотреть материалы на всех арестованных лиц, не пригодных к физическому труду, в отношении которых отсутствуют данные об их вражеской работе, освободить из-под стражи и по мере возможности отправлять к местам жительства в организованном порядке. К спецсообщению прилагался соответствующий проект приказа НКВД и содержалась просьба к Сталину дать согласие на его вступление в силу. На

[1] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «СМЕРШ». 1939 — март 1946. М., 2006. Док. 284 // (http://www.alexanderyakovlev.org/almanach/inside/almanach-doc/58932.

inslav

первом листе документа помета Берии: «При личном докладе утвержден товарищем Сталиным. 17. 04. 45. Л. Берия»[1]. По указанной схеме арестовывались и жители Словакии. Из приведенных данных вытекает, что за март — апрель 1945 г. было «изъято» 40 словаков. Однако, сколько было арестовано жителей по-прежнему не ясно. Под указанными в документах цифрами 1090 и 1130 скорее всего подразумевались словаки по национальности, а не жители Словакии. А они имелись практически во всех вышеуказанных категориях населения, подлежащих «изъятию» НКВД. Так что, по мере освобождения территории Словакии её жители, как в верхах, так и в низах общества, к освободителям и Красной армии относились все более настороженно.

Широко известными сразу становились и случаи мародерства, грабежей, насилия, совершенных солдатами Красной Армии в отношении местных жителей, что, естественно, вызывало их страх и гасило радость встречи с освободителями. Было ли осведомлено об этом советское руководство и командование Красной армии? Несомненно. Еще 30 мая 1944 г. заместитель народного комиссара обороны СССР маршал Советского Союза А.М. Василевский издал приказ о бесчинствах, вооруженных грабежах, кражах у гражданского населения и убийствах, творимых отдельными военнослужащими в прифронтовой полосе и мероприятиях против них. В нем говорилось о применении решительных мер по борьбе с этой преступностью: приказывалось разбирать эти дела «немедленно и виновных привлекать к суду военного трибунала», о всех случаях бесчинства «доносить как о чрезвычайном происшествии немедленно, а по окончании следствия — о мерах воздействия, примененных к виновникам»[2].

Знал о подобных случаях и Сталин. Об этом, в частности, свидетельствует одно из выступлений И.В. Сталина на обеде в честь президента Э. Бенеша в Москве 28 марта 1945 г. Говоря о Красной армии, Сталин заявил: «Эта армия большая, она ведет большую войну. Вместе с людьми, обслуживающими её непосредственные тылы, она насчитывает приблизительно 12 милионов человек. Эти 12 миллионов человек — разные люди. Не следует думать, что все они ангелы.

Красная Армия вступила в Чехословакию, и теперь чехословаки лучше узнают её, узнают и её недостатки... Красная Армия прошла с боями большой путь от Сталинграда до ворот Берлина. Её бойцы прошли этот

[1] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «СМЕРШ». 1939 — март 1946. М., 2006. Док. 304 // (http://www.alexanderyakovlev.org/almanach/inside/almanach-doc/58952).

[2] Приказы НКО СССР.N 0150. 30.V.1944 //(http://bdsa.ru/index/php?option=com_content8task).

inslav

путь не как туристы, они прошли этот путь под огнем, и они победили немцев. Они думают, что они герои. Так думают почти все бойцы Красной Армии, во всяком случае большинство бойцов Красной Армии... Тов. Сталин сказал, что эти бойцы зачастую делают безобразия, насилуют девушек. Тов. Сталин сказал, что он хочет, чтобы чехословаки не очень очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться... Тов. Сталин сказал, что он поднимает бокал за то, чтобы чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии»[1]. Надо сказать, что незадолго до этого, 17 марта 1945 г., Сталин получил спецсообщение Берии о настроениях немецкого населения, оставшегося в тылу Красной армии, и недостойном поведении её военнослужащих[2].

По всей видимости, Бенеш — президент и сформированное в Москве чехословацкое правительство с 4 апреля находились в Кошицах, а затем переехали в освобожденную Братиславу — интересовался этим вопросом и получал информацию по своим каналам. В беседах с советским послом в ЧСР В.А. Зориным председатель правительства З. Фирлингер затрагивал эту тему. Вот и 25 мая в дневнике Зорина появилась запись: Фирлингер «вновь (выделено. — *В.М.*) коснулся вопроса об инцидентах, которые имели место в Братиславе и других городах Западной Словакии в связи с недисциплинированностью отдельных групп наших бойцов. Фирлингер сообщил, что Президенту был доставлен специальный доклад о положении в Западной Словакии, в котором значительное место занимают эти инциденты, причем Бенеш, ознакомившись с этим материалом, был обескуражен им, даже взволнован. Его особенно беспокоило то, что на этой почве может быть развернута враждебная пропаганда, и что настроение населения может быть не всюду здоровым по отношению к Красной Армии». Зорин, приняв это к сведению, напомнил Фирлингеру слова Сталина, сказанные им во время приема в честь Бенеша[3].

Словацкий исследователь П. Юшчак на основе опубликованных воспоминаний тех, кто был интернирован в Словакии, депортирован в СССР и побывал в ГУЛАГе, попытался обобщить сведения о категориях лиц «изъятых» НКВД[4]. Это были солдаты венгерской армии (среди них и

[1] *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос… С. 413.

[2] Лубянка. Сталин и НКВД…Док. 301//(http://www.alexanderyakovlev.org/almanach/inside/almanach-doc/58939).

[3] Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. М., 2000. Кн. 1. 1944–1948 гг. Документы. С. 151.

[4] *Jušćák P.* Odvlečení. Osudy občanov Československa odvlečených do pracovných táborov GULAG v ZSSR. Bratislava, 2001.

inslav

словаки), члены так называемой Глинковской гвардии, карпатские немцы (жители Словакии), государственные служащие (т.е. представители тисовского режима), военнослужащие словацкой армии, русские эмигранты, а также схваченные случайно и по доносу[1]. Согласно сводным данным о репатриированных из СССР в ЧСР в течение 1945 — 1950 гг. чехословацких гражданах к 1 января 1950 г. таких было 2378 человек. Значительная часть из них (876 чел.) возвратилась на родину в 1945 г. В 1946 г. — 666, в 1947 г — 372, в 1948 г. — 248, в 1949 г. — 216 человек. К 20 января 1950 г., согласно данным Российского государственного военного архива РФ, в СССР оставались 106 интернированных чехословацких граждан[2].

По всей видимости, к арестам гражданских лиц имели отношение не только советские военные органы, зачищавшие тылы Красной армии от вражеских элементов, что в условиях военного времени было естественно, но и местные власти: Словацкий национальный совет, точнее его ведомство (повереництво) внутренних дел, возглавляемое коммунистом Г. Гусаком, и разного уровня (районные, местные) национальные комитеты, зачастую либо избираемые при поддержке советских военных комендатур, либо назначаемые ими. «Во всех городах, занятых войсками нашего фронта, — говорилось в политдонесении 2-го УФ „О положении в Словакии" от 22 марта 1945 г., — учреждены советские военные комендатуры, под руководством которых работают местные органы власти»[3]. Низовые ячейки коммунистической партии были еще плохо организованы и не имели связи с центром. В этих условиях одной из задач политорганов Красной армии было «оказание помощи населению в проведении выборов местных органов власти»[4], которые часто либо просто состояли из коммунистов, либо находились под их влиянием и руководством. Именно национальные комитеты во многих случаях готовили сведения о враждебно настроенных и подлежащих аресту лицах. Естественно, что наряду с объективными данными тут было много субъективных оценок и рекомендаций. Под понятия «коллаборационист» и «предатель» нередко попадали люди просто по навету и оговору. В плане искоренения враждебных элементов решительно был настроен Г. Гусак. Выступая на общесловацкой конференции Коммунистической

[1] См.: *Borák M.* České stopy v Gulagu. S. 108.

[2] Ibid. S. 106; см. также: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. М., 2005. Кн. 2. С. 42–44.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 25.

[4] Там же. Л. 23.

inslav

партии Словакии (КПС) в Кошицах 28 февраля 1945 г., он говорил: «Коллаборационисты и карьеристы, которые с помощью немцев хотели выскочить наверх и удержаться, с момента словацкого восстания превратились в изменников и прямых врагов словацкого народа. Тем жестче будет суд народа над ними, тем радикальнее и последовательнее мы должны искоренять любые зародыши фашистских идей и реакционные элементы, чтобы наш народ уже никогда не попал в подобное порабощение»[1]. «В момент, когда мы имеем данную нам Красной Армией возможность, мы не только в праве, но и обязаны решительно искоренить все фашистские элементы в Словакии и энергично покончить с изменниками и коллаборационистами», — полагал Гусак. Однако он подчеркивал, что среди простых людей было много обманутых, которые не могут отвечать за случившееся и которых надо привлекать к сотрудничеству. Особо Гусак говорил о венгерском населении Словакии: «Новое отношение между словацким и венгерским народами может начаться только тогда, когда венгры проведут чистку на своих территориях и искупят зло, причиненное ими нашему народу. Пока же мы не видим признаков этого, и поэтому должны смотреть на них с недоверием» и «строго проверять каждого человека, поскольку у нас для этого есть причины»[2]. В обращении конференции КПС 1 марта к населению еще не освобожденных районов Словакии говорилось: «Освобожденную территорию мы уже сейчас очищаем от немецких и венгерских внутренних врагов, как и от тех подлых изменников, которые способствовали тому, что наш народ попал под немецкое и венгерское ярмо, и за тридцать серебреников помогали удерживать его там»[3].

Пожалуй, еще более решительно в этом плане был настроен К. Готвальд, который выступал на совещании функционеров компартии Словакии в Кошицах 8 апреля 1945 г. Развивая мысль о стратегии и тактике коммунистов в завоевании руководства народом, он отметил важную роль такого «инструмента», как борьба против изменников и коллаборационистов. «Это чрезвычайно острое оружие, которым мы можем подрубить корни буржуазии, причем именем народа, в интересах всего народа, государства и республики. Поэтому меня лично особенно беспокоит то, что в Словакии в этом вопросе почти ничего не было сделано... Я здесь критикую руководство (КПС. — *В. М.*), вы аплодируете, но у вас в районах и на местах с этим дело обстоит не лучше. Мы за то, что-

[1] Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén. 1944–1948. Bratislava, 1971. S. 80–81.

[2] Ibid. S. 89, 91.

[3] Ibid. S. 115.

inslav

бы были пойманы крупные рыбины. Однако это понятие относительное. В каждом местечке в местном маленьком пруду есть крупные рыбины. Начинайте эти крупные рыбины ловить у себя дома. Масштабно проведенный закон о наказании изменников и коллаборационистов весьма острое оружие, с помощью которого мы можем отсечь у буржуазии столько отростков, что от неё останется обрубок. Это — вопрос борьбы против буржуазии, борьбы, ведомой под государственным и национальным знаменем, под знаменем республики. Не использовать это оружие, значит оставить его ржаветь. Этим оружием мы можем нанести прямой физический урон врагу»[1]. Указание коммунистам было дано именно в тот момент, когда шло освобождение Западной Словакии, территория которой не была охвачена Словацким национальным восстанием. Возможно, здесь преследование изменников и коллаборационистов носило более острые формы, что и нашло отражение в вышеупомянутом докладе, полученном Бенешем. Во всяком случае, репрессивные органы Красной армии, вероятно, в своих действиях нередко исходили из материалов, предоставленных им местными властями.

Наконец, еще об одной стороне действий Красной армии на освобожденной территории — пропагандистская работа. Она проводилась армейскими политорганами, которые имели на этот счет специальные указания ГлавПУРККА и отчитывались перед ним. Во-первых, следовало нейтрализовать последствия фашистской пропаганды, представлявшей СССР и большевиков в образе «красного дьявола»; во-вторых, донести до населения правду (естественно, в её прянично-пропагандистской обертке) о жизни в Советском Союзе, его общественном строе и причинах победы над гитлеровской Германией; в третьих, содействовать становлению в освобожденной стране не советского, но лояльного и дружественного в отношении Москвы режима. Вот как описывалась эта деятельность в докладной записке начальника 7-го отдела Политуправления 4-го УФ от 10 марта 1945 г.: «Наша работа среди словацкого населения заключается в следующем:

а) в изучении его политических настроений,

б) в проведении докладов, групповых и индивидуальных бесед,

в) в оказании помощи населению в проведении выборов органов местной власти,

г) в организации помощи местным организациям КПЧ,

д) в организации культурно-просветительных мероприятий (кино, концерты, звуко-передачи).

[1] Ibid. S. 144.

inslav

В основу всей агитационно-разъяснительной работы положены следующие документы:

а) книга тов. Сталина о Великой Отечественной войне Советского Союза,

б) договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и Чехословацкой республикой,

в) текущие материалы центральных печатных органов.

За истекшее время для словацкого населения на русском и словацком языках прочитано около 500 докладов на темы "Германия в тисках между двумя фронтами", "Великий подвиг советского народа в Отечественной войне", "Германский фашизм — злейший враг славянских народов", "Освободительная миссия Красной Армии" и др. 7-м отделом издано и распространено среди населения две листовки "Мы пришли, как освободители" и "Братья словаки!" тиражом 120 000 штук. Распространено свыше 250 000 экземпляров брошюр, газет, лозунгов и плакатов, полученных из ГлавПУРККА. Через военных комендантов постоянно оказывается помощь населению в выборах органов местной власти и в налаживании в городах и селах нормальной жизни... Значительная помощь нами была оказана местным организациям КПЧ с передачей им нашего опыта организации партийной работы»[1]. А вот сообщение из Братиславы от 7 апреля 1945 г.: «Среди населения Братиславы развернута массово-политическая работа. Мощный звуковещательный отряд передает на словацком языке приказ № 5 тов. Сталина (что за приказ, установить не удалось. — *В. М.*), решения Крымской конференции, текст советско-чехословацкого соглашения[2], а также оперативные сводки Совинформбюро. По городу расклеены художественные плакаты, показывающие мощь Красной Армии и её союзников. Жители города относятся к материалам нашей пропаганды с большим интересом»[3]. Согласно другим донесениям темы проводимых бесед были следующие: о мощи советского строя, о победах Красной армии, о её целях и задачах в разгроме немецко-фашистских захватчиков, о дружбе славянских народов, о государственном устройстве Советского Союза, о жизни рабочего класса и колхозного крестьянства в СССР и т.д.[4]

---

[1] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 23–24.

[2] Возможно, имелся в виду советско-чехословацкий договор 1943 г., а может быть Соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии от 8 мая 1944 г.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 81.

[4] ДМИСЧО 4–2. С. 255, 273.

inslav

Представляется, что Сталин в конце войны не отказался от мысли о классовой миссии Красной армии и делал ставку на советские войска как на одно из орудий продвижения идей социализма советского образца на Запад, прежде всего в страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Немедленное учреждение здесь советского строя тогда не предполагалось. Имелось в виду установление народно-демократического (в Чехословакии — национально-демократического) режима, как ступени к строю советского образца. Насколько длительным будет этот этап никто в ту пору сказать определенно не мог. Все зависело от развития международной обстановки после войны. А она сложилась таким образом, что необходимость в установлении строя, подобного советскому, Москва и руководимые ею компартии стран указанного региона увидели уже в конце 1940-х годов[1].

А. С. Стыкалин
(Москва)

Советский солдат в Центральной Европе в 1945 г.: встреча двух цивилизаций глазами писателей-современников

Шандор Мараи, преуспевающий венгерский писатель, блестящий интеллектуал и публицист, один из кумиров фрондирующей либеральной интеллигенции в эпоху Хорти, впервые повстречался с советским солдатом 26 декабря 1944 г., сразу после Рождества. Дело было в провинции, в деревне, куда Мараи, человек антинацистских убеждений, умеренный консерватор-западник, бежал из Будапешта еще весной, вскоре после оккупации страны вермахтом. Опасаясь потерять ненадежного союзника, Гитлер отдал 19 марта 1944 г. приказ о вступлении в хортистскую Венгрию большого контингента германских войск. Вслед за этим, начиная с апреля, сотни тысяч венгерских евреев были отправлены в гетто или эшелонами вывозились в Освенцим[2]. Регент Венгерского королев-

[1] См. подробнее: Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. М.. 2002; *Марьина В.В.* «Народная демократия»: теория и практика // Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 44–71.

[2] Данные о масштабах Холокоста в Венгрии 1944 г. приводятся в работе: *Стыкалин А.С.* К вопросу о роли еврейской буржуазии в модернизации Венгрии и

inslav

ства адмирал Хорти был фактически лишен возможности влиять на события, а правительство, сформированное из прогерманских политиков и генералов, беспрекословно исполняло волю Третьего рейха. Только с конца августа, после разрыва соседней Румынии с Германией, Хорти и его окружение возобновили прерванные оккупацией осторожные поиски путей выхода из войны. Но в отличие от юного короля Румынии Михая проявили непростительное промедление, и 15 октября случился путч. Регент был отстранен и арестован немцами. Захватившие власть нилашисты во главе с фанатиком Салаши готовы были сражаться на стороне Германии до самого конца, жертвуя десятками тысяч венгерских граждан.

К концу декабря ситуация в стране изменилась. Восточная Венгрия была освобождена Красной армией, 22 декабря в городе Дебрецене было сформировано правительство антифашистской коалиции. Впереди были полуторамесячные, кровопролитные бои за Будапешт, где располагалась самая мощная группировка вермахта. Освобождение Венгрии стоило Советскому Союзу свыше 140 тысяч погибших.

«Светловолосый молодой человек в шапке с пятиконечной звездой верхом заехал во двор деревенской управы, с автоматом в руках; за ним следовали на лошадях два пожилых солдата, бородатых, с мрачными лицами. Молодой человек направил на меня оружие и спросил:

— Ты кто?

— Писатьел, — сказал я. Мы стояли на снегу, лошади ржали, вместе с паром выдыхая из легких усталость... Я не знал русского языка, но это слово выучил, потому что слышал, будто бы русские писателей не трогают. И в самом деле, парень заулыбался. Его молодое, горделивое, по-детски сердитое румяное лицо осветилось от этой улыбки.

— Хорошо, сказал он, — Иди домой»[1].

Откуда Мараи, человек, никогда не бывавший в России и не знавший русского языка, читавший ценимую им русскую классику только по переводам, мог предполагать, что человек с красной звездой на шапке, после длительных перестрелок ворвавшись в село, где еще накануне

эволюции отношения властей и общественного мнения к еврейскому вопросу (1900–1940-е годы) // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX — начало XX в.) /отв. ред. *Р.П. Гришина*. Спб., 2009. С. 218–232.

[1] Здесь и далее приводятся фрагменты из мемуаров Шандора Мараи «Земля! Земля!» в переводе *Е. Малыхиной*. Цитируется по книге: Венгры и Европа. Сборник эссе / Сост. В. Середа и Й. Горетич. М., 2002. С. 285–337.

inslav

стояли вражеские войска, окажется более снисходительным к человеку литературного труда? Вопрос этот остается открытым. На некоторые размышления наводят лишь строки из записных книжек поэта Семена Гудзенко, раненного в первые месяцы войны пехотинца, пришедшего с победоносной Красной армией в Будапешт уже в новом для себя качестве («Я был пехотой в поле чистом, / В грязи окопной и огне, / Я стал армейским журналистом / В последний год на той войне»). Через 8 лет Гудзенко умрет от опухоли мозга, вызванной старым черепным ранением (ему едва перевалило за 30). А 16 февраля 1945 г., через три дня после изгнания из Будапешта последнего немецкого солдата, в телеграфном стиле он записал: «Ночуем в Буде. Паром не пришел за нами. Захожу в квартиру, беру книгу Петефи. Все удивлены. Утром несу ее под мышкой. Мадьяры оглядываются. Удивлены»[1].

Хотя уважение к художественному слову и замечалось за некоторыми вооруженными пришельцами [2], опасения неведомой военной силы, явившейся с Востока, перевешивали в сознании большинства венгров все другие чувства. И это не удивительно, ведь Венгрия была побежденной страной, к тому же порвавшей с нацистской Германией позже других ее европейских союзников. Если Мараи, по собственному признанию, вырос «в атмосфере, где коммунизм упоминался сразу же после семи смертных грехов», то другой, не менее крупный венгерский писатель Тибор Дери, напротив, всегда был близок к коммунистическому движению, правда с претензией на особую позицию, стоившую ему после событий 1956 г. нескольких лет тюремного заключения. Однако и Дери (которому Мараи не подавал руки) вскоре после освобождения опубликовал мастерски сделанный рассказ, в котором с присущим ему глубоким психологизмом выразил животный страх венгерского обывателя перед пришедшей Красной армией. За это писатель подвергся остракизму со стороны советских «контролеров» литературной

[1] Тексты С. Гудзенко, отражающие его впечатления от пребывания в Венгрии в феврале — апреле 1945 г., цитируются по книге: *Гудзенко С.* Армейские записные книжки. М., 1962. С. 41–50.

[2] Об уважении среднего советского офицера к классической литературе сочли достойным упомянуть даже эксперты-советологи из Пентагона, подготовившие весной 1945 г. пособие для офицеров вооруженных сил США, которым предстояло встретиться на Эльбе с красноармейцами. См.: «Пожимайте руки при встречах...» Архивный документ США о России и русских (публикация А.С. Стыкалина) // Война и общество в XX веке. Руководитель проекта *О.А. Ржешевский*. М., 2008. Книга 3. Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века. С. 71–103.

inslav

жизни послевоенной Венгрии[1]. Считавшийся более благонадежным коммунистом театральный режиссер Ференц Хонт при посещении летом 1945 г. Москвы озабоченно говорил принявшим его сотрудникам ВОКСа о настроениях венгерской интеллигенции. Как зафиксировано в отчете о беседе с Хонтом, «вначале приход Красной Армии вызвал огромный подъем и волну симпатий к Советскому Союзу. В дальнейшем были проведены нашими военными властями мероприятия по выявлению фашистской агентуры, вызвавшие многочисленные аресты. В число арестованных попало и некоторое количество людей, известных своими активными антифашистскими выступлениями. Для выявления личности арестованных потребовалось значительное время. Этот факт привел к заметному снижению симпатий к СССР… Положение таково, что необходимо вновь завоевывать симпатии к Советскому Союзу»[2].

Со стороны советских наблюдателей все выглядело хотя и похоже, но несколько по-иному. «Люди всего боятся — сидят в бункерах, с опаской ходят по улицам. Но это только вначале, а потом они видят, что мы зря не стреляем, и начинают сновать и вынюхивать, где что можно унести. Квартиры грабят друг у друга. К нашим политотделам ходят с жалобами: изнасиловали. Вчера в одном артполку расстреляли хлопца, награжден. Его расстреляли перед строем для “поучения”. Жаль, честно говоря. Война!» — записал Семен Гудзенко. Одна венгерская писательница, в юности ставшая жертвой группового изнасилования и навсегда лишенная тем самым возможности быть матерью, через 60 лет не без содрогания вспоминает о том, как встретилась взглядом с русским парнем, которого после этого инцидента вели на расстрел в назидание сослуживцам — ему одному пришлось жизнью расплатиться за прегрешение, совершенное многими.

[1] Рассказ был опубликован в журнале «Форум», фактически редактировавшимся всемирно известным философом-марксистом Д. Лукачем, который пропагандировал творчество Дери, считая его образцом «высокого реализма» в венгерской литературе. Эксперт Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) по венгерским проблемам переводчица Анна Краснова (Агнесса Кун, дочь репрессированного вождя венгерской компартии Белы Куна и жена поэта Антала Гидаша) отметила в своем обзоре культурной жизни Венгрии, что публикацией этого рассказа (высокохудожественного и по ее признанию) журнал Лукача занял враждебные СССР позиции «уже не только в области искусства, но и в области политики» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Оп. 17. Д. 129. Л. 65).

[2] Архив внешней политики Российской Федерации (АВПР). Ф. 077. Референтура по Венгрии. Оп. 25. Пор. 42. Папка 115. Л. 52–53.

inslav

Как и большинство венгров, Мараи жил тревожным ожиданием. Месяцы нилашистского террора, пишет он, «сменились новой, столь же опасной, но при этом все-таки иной ситуацией». «Русский солдат — я не мог не думать об этом — вошел нынче не только в мою жизнь, со всеми проистекающими отсюда последствиями, но и в жизнь всей Европы. О Ялте мы еще ничего не знали. Знать можно было только то, что русские находились здесь». И они не просто вошли. «Я кожей и всеми своими органами чувств ощутил, что этот молодой советский солдат принес в Европу некий вопрос». «В Европе появилась некая сила, и Красная Армия была лишь военным проявлением этой силы. Что же она такое, эта сила? Коммунизм? Славянство? Восток?»

К чести последовательного антикоммуниста Мараи, он пытался взглянуть на ситуацию по возможности беспристрастно. «Я сидел в темноте, — писал он, — слушал пушечную канонаду, которая, монотонно грохоча, уничтожала все то, что еще недавно было моим домом, моим миром» (личная библиотека рафинированного библиофила Мараи, содержавшая раритеты и насчитывавшая 6 тыс. томов, сгорела во время осады Будапешта). Ночью вокруг деревенской хаты «расхаживали, топая сапогами, какие-то люди, шаги то приближались, то удалялись. Ночные гости говорили на чужом языке. И вот я, сидя в темной комнате, принял решение очистить свое сознание — насколько это в человеческих силах — от всякой предвзятости, от официальной антибольшевистской пропаганды и постараться увидеть русских и коммунистов, не опираясь на обрывки воспоминаний о разговорах и прочитанных книгах».

На столе у Мараи в его деревенском доме лежала вывезенная им в спешке из Будапешта книга Освальда Шпенглера «Закат Европы». Вопросы, занимавшие немецкого философа тридцатью годами ранее, не утратили актуальности, напротив, встали с еще большей остротой. Факт своей личной биографии, и причем далеко не самый значительный, (первую встречу с русским солдатом) венгерский писатель, размышляя над происходящим, ставит в широкий историософский контекст. Ведь речь для него шла не просто о приходе в Венгрию иностранных войск, а о чем-то значительно большем — вызове иной культуры, перед которым оказалась вся западная цивилизация. «Бывают дни, когда все сплетается воедино — то, что происходит и с тобой, и с миром. Когда История становится личным делом, осязаемой, лично тебя касающейся реальностью».

«В тот вечер я, — вспоминал потом не без излишнего пафоса Мараи, — пережил нечто такое, что сравнимо с переживанием, которое в Европе “труженику духа” до того довелось испытать лишь дважды». В VIII в., когда арабы добрались через Пиренеи до юга Франции, и в XVI в., когда

inslav

турки оказались в предместьях Вены. «Грабительские завоевательные авантюры чингисханов, тамерланов, аттил на европейской территории были трагическими, но временными интермедиями, и орды эти по магическому сигналу какой-то азиатской, племенной беды в один прекрасный день сломя голову бежали прочь из Европы. Но арабы устремились в поход уже со сложившимся мировоззренческим, расовым, духовным сознанием — против иного мировоззренческого, расового, духовного сознания, против христианства». Уйдя из Европы, они оставили после себя не только память о войнах и сражениях. Они принесли с собой свои представления об астрономии, навигации, медицине, новую систему чисел, которая, заменив более громоздкую римскую, открыла путь европейской технической мысли нового времени. «Они оживили дух эллинизма, к тому времени совсем было угасший в сумрачных кельях и в заплывших жиром душах средневековых схоластов». На вызов арабского Востока «христианский мир дал хороший ответ: он ответил не только оружием у Отена, но Ренессансом и гуманизмом, которые без импульса эллинистического, аристотелевского сознания, живо присутствовавшего в арабской культуре, может быть, даже столетия спустя все еще не высекли бы искру в душе средневекового человека».

Соответственно и «на вторую атаку с Востока, на великую атаку османского мировоззрения и восточного империализма христианский мир также ответил не только оружием, но и попыткой великого преобразования, реформацией». И тогда, и позже, продолжал Мараи, я спрашивал себя вслед за Шпенглером, которого читал под аккомпанемент раздававшихся рядом украинских народных песен: «Эти люди и строй, их воспитавший, в самом деле означают лишь конец чего-то — конец христианской гуманистической картины мира, — или что-то начинается в этом безрадостном, грохочущем, оглушительном шуме?» Поскольку христианско-гуманистическая культура вошла, по Шпенглеру, в период своего остывания, «возможно ли, что в соседней комнате эти восточные люди своими первыми варварскими движениями нового жизнеощущения не только разрушают, но и приносят что-то?» Может быть, именно здесь начинается новая европейская культура, и мы присутствуем при ее родовых муках? И «каков же будет ответ моего мира, западного мира этому молодому советскому солдату, который сегодня появился с Востока и спросил меня, безымянного европейского писателя: “Ты кто?”» — задается мучительными вопросами венгерский интеллектуал.

Момент встречи двух миров ощущался во всей его конфликтности зимой-весной 1945 г. и человеком, стоявшим по другую сторону перепахавших Европу фронтовых траншей (хотя и не переживался столь

inslav

остро, как в случае с Мараи). «В Европе солдат привыкает к чистоте, к хорошему белью, к духам». — записал 27 марта уроженец Киева, а потом студент МИФЛИ Семен Гудзенко, — «Но на пути каждого солдата был или будет один город, где он еще познает прелести и гнусности Европы. Для меня таким городом стал Будапешт. С неизвестностью, монахами (кстати, сильные позиции церкви в Венгрии 1940-х годов, унаследованные от эпохи Хорти, бросались в глаза многим советским наблюдателям. — *А.С.*), всепоглощающей торговлей, проститутками, быстротой восстановления и пр. и т.п.» Будапешт только начал подниматься из руин, только-только был возведен первый временный деревянный мост через Дунай. Впечатления журналиста и талантливого поэта меняются с калейдоскопической быстротой: «Будапешт ожил на моих глазах. Сейчас все идет полным ходом. Торгуют всем и все. Старуха стоит у витрины разбитого магазина. Рядом с ней на витрине стоит пара стоптанных штиблет и флакон бог знает каких “Коти”. Это торговец. В магазинах есть уже и не мелочи — отрезы, плащи. В кафе все, кроме вина. Народу всюду тьма». Уже работает и опера: «В театрах полно, билеты рвут из рук. Слушал “Фауста”». «В Будапеште совсем весна. После дождя, вечерами, воздух мягкий и даже липкий. Наглеют и забывают войну. Базар разрастается из маленького толчка в огромное бедствие. Торгуют всем: от аккордеонов до колбасы. Проститутки ходят табунами. Только сейчас начинает обнаруживаться, проявляться, как снятая пленка, заграница».

Обилие вина появилось позже, в сентябре-октябре, с первым послевоенным урожаем, когда Гудзенко уже не было в Венгрии. Осенью 1945 г. 20-летние советские офицеры иной раз позволяли себе в побежденной стране мальчишеские шалости: зайти в будапештский кабак, пропустить бокал хорошего вина, а в ответ на законную просьбу хозяина расплатиться, с невинным видом ответить: «Пушкин заплатит!» Георгий Максимович Пушкин, однофамилец ли Александра Сергеевича или выходец из того же рода, был политическим советником Союзной контрольной комиссии по Венгрии, а в сентябре, с установлением официальных дипломатических отношений, стал посланником, затем послом СССР. Один из самых талантливых советских дипломатов своей генерации, он безвременно закончил свои дни в 1963 г. заместителем министра иностранных дел.

На страничках записных книжек Гудзенко возникали иногда сцены куда более сюрреалистические: на заводских складах «голодные мадьяры тянут мешками фисташки, тонут в патоке. Солдаты, наши славяне, умываются одеколоном и поят коней пивом — потому что нет воды».

inslav

Но то и дело проскальзывало неподдельное уважение к людям, активно взявшимся, засучив рукава, за восстановление: «Днем на всех улицах оживление. Город убирают с любовью и даже с энтузиазмом. Быстро исчезают с главных улиц грязный, почерневший снег, обломки кирпича, остатки стекол».

Для мыслящего человека, выросшего в СССР в семье преданных большевистским идеалам интеллигентов первого послереволюционного поколения, 23-летнего Семена Гудзенко речь могла идти (что важно!) только об идеологической пропасти между двумя мирами, но едва ли о цивилизационном разрыве. Плебейский демократ, борец за свободу народа и справедливость Шандор Петефи был ему столь же духовно близок, как некоторые русские классики. А с другой стороны: «В Кишпеште смотрел американский ковбойский фильм. Стрельба. Убийство. Страшная скука. А зал в бешеном восторге. Я не досидел. Видно, мы воспитаны на более умном и мудром искусстве», — резюмирует молодой журналист.

Потомок венгерских джентри (среднепоместного дворянства, «станового хребта нации»), сын всеми уважаемого в родном городе Кашше (теперешнем словацком Кошице) юриста 44-летний Шандор Мараи, напротив, был с гимназических лет воспитан на представлениях об особой миссии Венгрии как оплота западной цивилизации перед вызовами славянского Востока. Слепым орудием последнего выступали (у гимназических учителей второго десятилетия XX в. в этом едва ли были сомнения) и местные венгерские славяне — словаки, жившие в соседних с Кашшей деревнях, занятые в городе на стройках и продававшие молоко на городских базарах. В августе 1914 г. даже социал-демократическая газета «Népszava», поддержав войну с Россией, писала о грядущем столкновении европейской цивилизации со славянским варварством. И дела по большому счету не меняли (разве что добавляли картине некоторые новые штрихи) ни видимая приверженность Мараи западным праволиберальным ценностям, казалось бы, лишенным выраженной националистической окраски, ни нескрываемое в дневниках презрение к хортистской элите: прочно вбитые в юности в голову стереотипы венгерского национализма (например, высокомерие к словакам) иногда довольно причудливо дополнялись у Мараи расхожими штампами западного либерального сознания. В людях, пришедших в Венгрию с Востока, писал он, «уважение к личности, индивидуальности не было укоренено так прочно, как в сознании западного человека». «Вокруг восточного человека (русского или китайца, православного христианина или буддиста — для Мараи нет, насколько можно уяснить из его рассуждений, принципиаль-

inslav

ной разницы. — *А. С.*) всегда веет некой обезличенностью, она-то и есть то самое "измерение" — как время и пространство, и восточная нищета, — где он может скрыться, куда может вернуться... Великую, конечную цель они видели в растворении личности, в мгновении, когда человек подымается над своей личностью и сливается с "вселенским ритмом". Для меня, "западника", такое мировоззрение поистине "китайская грамота": ведь отказываясь от своей личности — этой странной маниакальной идеи, я отказался бы от самого смысла моих отношений с жизнью».

Восточный человек, считал Мараи, воспринимает мир иначе. Непосредственно наблюдая русских, писатель чувствовал (или, скорее, стремился почувствовать?) в них иное самоощущение личности, менее четкое личностное начало, личностное пространство. Ему казалось, что даже сравнительно небольшой его опыт общения с русскими (солдатами, военной администрацией) позволил заглянуть в пропасть, разверзшуюся между самосознанием западного и восточного человека, и эта пропасть произвела на него сильное впечатление. Грандиозный замысел создать «коллективное» общество, которое стремится лишить индивида его неизменно критического самосознания и перенести его в пространство «коллективного самосознания», поднять до «личности общественной», осуществим, по мнению Мараи, только на Востоке. Опыт третьего рейха, его манипуляции массовым сознанием миллионов немцев не мог, конечно, быть выброшен за скобки. Однако, по Мараи (впадавшему иной раз в схоластику в своих установках искусственно расширить существующую между двумя мирами пропасть), смешение с массой, растворение с ней, способное иногда и у западного человека вызвать эйфорию, ни в коем случае не станет его жизненной целью. Вышеприведенные рассуждения зачастую не шли дальше определенных клише, бытовавших в западноевропейском либеральном сознании первой половины XX в. Именно они, эти стереотипы, во многом и предопределяли внутреннюю, психологическую готовность Мараи к контактам с человеком «иной цивилизации».

Впрочем, пропасть между коллективистским «восточным» сознанием и западным индивидуализмом не всегда казалась непреодолимой и людям круга Мараи — в годы хаоса, идейного разброда, обесценения прежних ценностей, утраты многих духовных ориентиров ее хотелось преодолеть, сделав шаг к «восточному» коллективизму. Родной (младший) брат Шандора Мараи кинорежиссер Геза Радвани поставил в 1947 г. по сценарию мэтра европейской киноэстетики (левого по убеждениям!) Белы Балажа едва ли не лучший свой фильм «Где-то в Европе», который не только по стилистике, но (что удивительнее) и по идейному

inslav

содержанию следовал традициям советской «Путевки в жизнь». Правда, через считанные месяцы после этого Радвани предпочел эмигрировать, как и его старший брат, на Запад.

Мараи, к его чести, тоже сумел оценить вклад СССР в победу над нацизмом: «Великий народ, ценою неслыханных жертв, повернул у Сталинграда оглобли истории». С одним из тех, кто воплощал в себе эту силу, писатель и встретился во дворе деревенской управы на рождество 1944 г. «В эти минуты, на этом этапе войны не я один — “буржуазный” венгерский писатель в деревенском венгерском доме — с тревожным интересом думал о русских. К ним присматривались, неуверенно, выжидательно, и англичане, французы, американцы»: «Можно ли представить себе, что это варварское войско собирается не только уничтожать и грабить, но и принести нечто — с Востока Западу?» — задавали они, как и Мараи, себе вопрос.

«Что принес молодой большевистский солдат в жизнь всех нас, воспитанных в традициях западной культуры?» — Мараи призывал дать ответ на этот вопрос «без предвзятости и пристрастности». Но ближе от этого советский солдат ему не стал: «Мне казалось, я вижу во тьме это чужое, равнодушное, молодое лицо. Оно не было враждебным. Просто до ужаса чужим... Для многих людей, для всех, кого преследовал фашизм, этот молодой солдат принес и своего рода освобождение, спасение от нацистского террора. Но свободу, — заключает писатель, — он принести не мог, ибо не имел ее сам».

Да, «разумеется, он отберет свиней, пшеницу, нефть, уголь, всякую технику, в этом сомневаться не приходилось», тем более, что еще не закончилась самая кровопролитная в мировой истории война. «Но что он хочет еще, кроме свиней, пшеницы и нефти? Мою “душу” — то есть мою личность — тоже захочет?»

Мараи, долго живший на Западе, блистательно владевший несколькими языками и часто писавший для немецких и французских газет, отнюдь не считал западную цивилизацию эталоном, не нуждавшимся в совершенствовании, вливании свежих сил. Исполнены сарказма его строки о межвоенной, версальской Европе, в которой Венгрия нашла свое место только став ампутированной страной, «страной-обрубком», т.е. в результате лишения ее ряда «исторических», коронных земель, отданных соседним государствам. По мнению писателя, смотревшего, впрочем, на Версальскую систему со своей собственной, национальной, венгерской «колокольни», никогда еще «ложь не была в такой степени творившей историю силой, как в эти годы». Правда, горько заметил Мараи, «только безумец мог верить, будто для народов-великанов могла

inslav

хоть что-нибудь значить судьба тысячелетней Венгрии. Если она стоит у них на пути, они беззлобно, равнодушно ее растаптывают; если сочтут, что ее можно использовать, пусть только на мгновение, нанимают ее на второстепенные роли, как вчера "наняли" немцы, как завтра "наймут" русские. Это судьба, а против судьбы малая нация почти бессильна».

Вообще же «родиться в Европе, быть европейцем — это не просто географическое или юридическое состояние», а нечто большее — символ веры. И много ли осталось в Европе людей, испытывающих это чувство призванности? Куда оно делось, это призвание, осталось ли от него нечто большее, нежели «рекламное красноречие разъеденной изнутри, высохшей цивилизации? Была некая культура — европейская культура, — которую жившие в ней люди на протяжении столетий почитали своим призванием. Теперь ее превратили в экспортный товар, made in Europe...» А между тем, «объединенная экономикой Европа без своего символа веры не может оставаться властительницей мира, какой была на протяжении столетий, пока она верила в себя и в свое призвание». «Так чего же нам, венграм, ждать от этого Запада, отравленного ложью?» Даже тот русский солдат, пришедший с Востока, который может ограбить и даже убить «меня, венгра, но он не презирает меня», не смотрит свысока, подобно людям на Западе, поучающим венгров правам человека и при этом снисходительно взирающим на беззакония, сопровождающие, к примеру, массовую кампанию по выселению венгров из Чехословакии как «пятую колонну», создающую угрозу целостности государства чехов и словаков, нашедших друг друга на основе принципов славянского братства. У современного читателя возникает, впрочем, законный вопрос: а что такое вообще европейская миссия, как и американская цивилизующая миссия? Не вспоминают ли о ней прежде всего тогда, когда нужно напомнить другим о нарушениях демократии (т.е. об отступлении от определенных западных стандартов) и в то же время обосновать определенные политические решения, которые многим могут показаться сомнительными, не в последнюю очередь в этическом плане — например, сбросить бомбы на Белград и т.д.?

А вообще ни горькая ли это иллюзия — сама принадлежность Венгрии к Западу, продолжал размышлять писатель. Прикочевавший поближе к Европе из азиатских глубин народ «в течение тысячи лет искал хоть кого-нибудь, к кому можно обратиться с доверием». Иногда чувство одиночества затуманивала надежда, «казалось, Запад совсем близко... стоит только окликнуть, и он отзовется. Но на самом деле он не отвечал, никогда». И только теперь, когда враждебная славянская держава «схватила страну-обрубок за горло», насадив в ней угодный ей коммуни-

inslav

стический режим, «страна эта внезапно, в пугающем озарении сознания поняла, что ни рядом, ни в отдалении нет никого, на чью помощь она могла бы рассчитывать».

Что касается упомянутых попыток президента Э. Бенеша решить будущие проблемы своей страны путем насильственного выселения из нее трех миллионов немцев и полумиллиона венгров, они не всем в 1945–1946 гг. в Европе казались морально безупречными. Однако недовольство позицией Запада именно в этом конкретном вопросе обернулось в конце концов у Мараи нетерпимостью в отношении ближайших соседей Венгрии и прежде всего Чехословакии, заставляя вспомнить о весьма презиравшемся писателем регенте Хорти, для которого само существование Чехословакии (этой «раковой опухоли Европы») было аномалией, свидетельством ущербности Версальской системы (в чем он совершенно сходился с элитой третьего рейха). И заставляя также задуматься над тем, насколько была не наносной постоянно декларируемая писателем приверженность устоявшимся ценностям западных демократий («разве Европа не была “всем”, смыслом жизни», тем, что «я всю свою жизнь, всеми фибрами, верил, исповедовал»?, и т.д. и т.д.). Сетуя о том, что «Трансильвания, Верхняя Венгрия и Южная Венгрия снова отделены от тысячелетней государственной общности», а его родной город Кашша (Кошице) снова отдан в руки «мещанской Бенешевой клике», пожалован чешскому и словацкому «мини-империализму», тогда как венгерское население Верхней Венгрии оказалось при этом никем не спрошенным, Мараи явно ностальгировал по тысячелетним границам «святого Иштвана». По знакомому с юности, привычному укладу жизни, укорененному в многовековой традиции доминации венгерского дворянства в Дунайском бассейне, по временам дуализма, когда словаки, румыны, сербы и русины знали под чиновничьим окриком свое место в унитарном венгерском государстве, где мадьяры не превышали 50 % населения и где количество словацких школ неуклонно сокращалось.

В основе границ, установленных в предместьях Парижа в 1919–1920 гг., лежала чудовищная ложь, уверен писатель. Да, едва ли можно считать совершенными границы, навязавшие миллионам людей место в пределах чуждых им национальных государств (это так, при всей этнической чересполосице и сложности решения конкретных национально-территориальных споров в регионе). Но Мараи (в отличие, например, от выдающегося политического мыслителя Иштвана Бибо) даже не задавался вопросом о доле венгерской ответственности за переделы границ в Европе вследствие двух мировых войн, как и о праве на самоопределение не только венгров, но и словацкого населения Верх-

inslav

ней Венгрии (слово «Словакия» вообще принципиально отсутствует в лексиконе этого рафинированного венгерского литератора-западника). Чувство объективности и беспристрастности явно отказывало писателю, когда речь идет о ближайших соседях, связанных с венграми тысячелетней общностью судеб. Подобно ультраконсерватору Хорти, который в 1935 г., в момент заключения договора СССР с Чехословакией писал Гитлеру о том, что «славянство теперь почти идентично большевизму», не чуждый либеральным веяниям Мараи видел в большевизме не в последнюю очередь «мессианскую навязчивую идею славян». Предъявляя претензии мировому сообществу, не проявившему должного понимания венгерских интересов, Мараи очень далек от той склонности к самокритическому анализу, которой не чужд был, скажем, Дюла Секфю, выдающемуся венгерскому историку и мыслителю, человеку последовательно консервативных убеждений и при этом антифашисту, скрывавшемуся от эсэсовцев и нилашистов, пережившему осаду Будапешта. Секфю же в 1947 г. писал: «После того как командующие немецкими частями вопреки всем нормам международного права отдали вопиющий приказ расстрелять советских парламентеров, а Красная Армия оказалась вынуждена выдавливать немцев пядь за пядью, из каждого дома, с каждого этажа, Советский Союз понес такой с военной точки зрения бессмысленный и в человеческом плане неоправданный урон, что не приходится удивляться, почему его правительство, окончив бои и похоронив своих солдат в задунайской земле, железной рукой взялось за обустройство потерявшей рассудок страны — последнего и самого верного союзника Гитлера»[1]. Но верно и другое: каждый из национальных проектов, пытавшихся реализовать себя в условиях версальской Европы, имел свою историческую правду, трагически несовместимую с правдами других народов. И реализацию словаками права на самоопределение (а румынами права на объединение) никак нельзя было себе представить при сохранении венгерской государственности в 1000-летних границах империи «святого Иштвана».

Итак, Европа, духовно измельчавшая, потерявшая свое призвание, погрязшая в обмане, отступает под натиском культурно инородной, азиатско-варварской цивилизации, одними из многих, далеко не единственными проявлениями которой стали пришедший на венгерскую (и центральноевропейскую) землю советский солдат, а также идущие по его стопам советский же спецслужбист и венгр-коминтерновец, возвращающийся на родину из эмиграции. Все тот же роковой вопрос: что

[1] Здесь и далее цитируется: *Секфю Д.* После революции. М., 2010 (в печати).

inslav

принесет эта цивилизация Западу? И что уготовано будет Венгрии — первой, по представлению Мараи, европейской стране, стоящей на пути этой неведомой силы?

Хрупкая неопределенность первых двух послевоенных лет стала не более чем коротким интермеццо между двумя общественными состояниями, когда в обществе всецело доминировал страх. За анархической эйфорией последовали похмельные будни. Мараи тонко передал гнетущее психологическое состояние венгерской некоммунистической интеллигенции (по крайней мере, большой ее части — как либералов, так и консерваторов) в переломные 1947–1948 гг., когда страну постепенно затягивала паутина тоталитаризма левой окраски. «То было время, когда казалось, что всю жизнь опутало, обволокло паутиной. С каждым днем паутина становилась более густой и липкой. Не всегда это ощущалось сразу же, непосредственно. Но паук каждый день испускал из себя новую нить. Сегодня — учебники, школа. Завтра — постановление об общественных работах. Домовые комитеты, паутина контролирующих структур, опутывающих все более мелкие сектора, контроль за частной жизнью, работой, кругом чтения, мусорным ведром, семьей. То человек исчезнет, то привычное и нормально функционирующее учреждение. То какое-нибудь понятие». Только тот, кто пережил это сам, может представить себе, какова эта «техника паутины»: «Паук, выпуская из себя удушающие, всепроникающие нити, работает неслышно. То, что еще вчера было естественным — политические партии, свобода печати, жизнь без страха, свобода суждений, — оставалось таким же еще и завтра, но было уже обескровлено. Так ночью в тревожном сне продолжают жить элементы дневной реальности, поблекшие, потерявшие краски». Причем всякий раз, как «дрогнет паутина», паук опасливо озирается: «Получилось? Все ли идет как надо?» Как ведет себя Запад — все также глух ко всему и ленив?

Читая Мараи, хочется, впрочем, заметить на полях его эссе: а был ли до 1945 г. или хотя бы до дня немецкой оккупации, 19 марта 1944 г., в Венгрии «переизбыток» всех этих свобод и жизни без страха для многих категорий населения? Ни учащавшиеся со второй половины 1930-х годов наглые выходки крайне правых сил, ни антиеврейские законы[1], ни крах 150-тысячной венгерской армии на Восточном фронте под Воронежем (80 тыс. полегли только убитыми), ни расстрел мирного сербского населения в оккупированной Воеводине — для Мараи в его ностальги-

[1] См.: *Стыкалин А.С.* К вопросу о роли еврейской буржуазии в модернизации Венгрии...

inslav

ческом порыве ничто не заслуживает в данном случае внимания[1]. Литературе «расчета с прошлым», литературе обостренной совести, духовным исканиям мыслителей совершенно разных ориентаций (И. Бибо, Д. Лукача, Д. Секфю), выявлявших в первую очередь именно внутренние истоки венгерской национальной трагедии первой половины XX в., в книге «Земля! Земля!» противопоставляются брюзжание в адрес чуждой внешней силы — большевиков и их венгерских сообщников (а заодно и союзных с СССР чехословацких антифашистов — «мещанской Бенешевой клики», поддержанной изолгавшимся Западом), и обвинение в бедствиях, обрушившихся на страну, всех и вся кроме венгерской консервативной элиты, вознамерившейся не только подвергнуть ревизии действительно неприемлемые для подавляющего большинства венгров трианонские границы 1920 г., но и восстановить в пределах измененных границ старую социально-политическую иерархию, основанную на венгерской гегемонии в Дунайском бассейне. С венграми трудно иметь дело, заметил как-то в феврале 1940 г. в беседе с советским полпредом в Будапеште Н.И. Шароновым югославский посол Рашич, понимая под венграми, в первую очередь, конечно, хортистский политический класс и чиновничество, но не только. Фетишизируя свои тысячелетние исторические границы, «они одержимы мегаломанией и не могут понять, что все державы на Балканах не хотят видеть старую Венгрию»[2]. Замечание, совсем не лишенное оснований. Что же касается пространных рассуждений Мараи по поводу большевизации Советским Союзом «оккупированных» (!) территорий, хотелось бы только, не вдаваясь здесь в подробности, заметить, что из Чехословакии Красная армия ушла в ноябре-декабре 1945 г. и не возвращалась туда до 21 августа 1968 г. Результат же оказался тем же самым, что и в случае со странами, где находились советские войска. Набор механизмов советского влияния был многообразен, отнюдь не сводясь к присутствию солдат.

Не вызывает большого сочувствия и плохо скрываемая ностальгия писателя по поводу старой системы социальных отношений внутри самой Венгрии (точнее, положения в этой системе так называемого «среднего слоя»). Венгерскому среднему классу и его идеологам, писал в 1947 г. в этой же связи Дюла Секфю, предстояло в послевоенных условиях понять, что воссоздаваемая повсеместно с учетом пережито-

[1] Справедливости ради следует, впрочем, заметить, что он реагировал на эти вещи в своем дневнике.

[2] Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы / отв. ред. *Т.М. Исламов*. М., 2000. С. 20.

inslav

го опыта демократия «не может означать прежние формы социального расслоения и их восстановления, когда извечный водораздел проходил между “господином” и “не господином”». Ведь в обществе существовала тяга к иным, более совершенным формам демократии, большей социальной защищенности и т.д., «вне стен парламента происходили выбросы революционного энтузиазма промышленного пролетариата» и железнодорожные поезда, без всякой инициативы со стороны лидеров компартии увешанные коммунистическими лозунгами, перевозили пассажиров, которым коммунистическая риторика была в корне чужда. В этих условиях нельзя было «кричать о демократии», не помышляя в то же время о глубоких социальных реформах, а мечтая только лишь о восстановлении своего довоенного материального существования во всей его относительной стабильности.

При всем вышесказанном следует признать: дефицит национальной самокритичности (вполне в традициях венгерской дворянско-аристократической культуры эпохи дуализма) не обесценивает тонких наблюдений талантливого эссеиста Шандора Мараи над процессом утверждения в Венгрии второй половины 1940-х годов тоталитаризма левой окраски.

Итак, оппоненты коммунистов постепенно вытеснялись из политической жизни. Дальше — больше. «С правами личности дело обстояло явно плохо», — писал Мараи. Но оставались в неприкосновенности — по крайней мере с виду — некоторые фундаментальные вещи, поддерживающие в мире порядок. Потом взялись и за них. Взялись за искусство, за музыку, затем взялись и за законы геометрии, «потому что в спешке хотели изменить все». «Все, что напоминало о прошлом, хотели уничтожить или перекроить». Воплощалась в жизнь совершенно новая, невиданная прежде в своей абсурдности система.

Судьба «буржуазных» писателей в этом распорядке была «запрограммирована, расписана, спланирована» точно также, как и судьбы остальных граждан в жестком графике социально-политических преобразований. Поначалу определили в карантин, «надеясь, что угроза голодной смерти заставит их заняться самокритикой». Совсем не обязательно было уничтожать жертвы физически. Важнее и интереснее для власти, чем убить (вообще, заметим в скобках, писателей убивали в Восточной Европе тех лет несопоставимо меньше, чем это было при Сталине в СССР), было заставить литераторов старой закалки «восхвалять строй, который лишил их человеческого самосознания, человеческого достоинства». «Паук хотел именно этого: высосать из своих жертв все, что позволяет уважать себя». При чтении этих строк Мараи вспоминается

inslav

Сталин, тоже это понимавший и как-то с нескрываемой гордостью воскликнувший, что «мы даже таких людей как Булгаков, заставили на себя работать!». Иногда пытались и заигрывать, подносили пряник. Однако поддерживать созданный обманом и насилием режим было невозможно без сохранения страха и перманентной угрозы террора, физических расправ.

Что делала в этих условиях интеллигенция? Поначалу еще теплилась надежда на Запад. «Заверяли друг друга, и шепотком, и вслух, что Запад не отдаст Восточную Европу, это немыслимо, не может он подарить Советам сто миллионов человек. Надеялись: договорятся, найдут решение». «Может Америка... говорили, заикаясь от ужаса. Может, Запад... бормотали в испуганной неосведомленности». У Мараи, выезжавшего после войны на Запад, иллюзий уже не оставалось: «Я привез с собой, — вспоминает он, — это леденящее равнодушие, грубую враждебность, оскорбительное высокомерие, с которыми Запад взирал на судьбу Восточной Европы».

Со всей суровостью Мараи вынес приговор современной западной цивилизации, утратившей свои духовные основы. «После Второй мировой войны Европа повсеместно переживала глубочайший моральный и экономический кризис, потрясший самые основы общества. Люди — кто цинично, кто с отвращением — понимали, что слегка подлакированная гуманизмом иллюзия, которую именовали “христианской культурой”, на самом деле лишь прикрытие садистской вседозволенности. Это потрясающее открытие побудило к пересмотру позиций не только курильщиков марксистского опиума, но и тех, кто по происхождению своему, воспитанию и классовой принадлежности относился к коммунизму критически». Здесь вспоминается, кстати, Дьердь Лукач, сын богатейшего будапештского банкира, который в силу своего происхождения, воспитания и классовой принадлежности должен был иметь, казалось бы, мало общего с коммунистической идеей, но тем не менее стал одним из крупнейших философов-марксистов XX в., которого знают в мире и издают несопоставимо больше, чем Шандора Мараи, то и дело призывавшего в своей публицистике разоблачать этого «голого короля», отдавшего к тому же в 1919 г., будучи фронтовым политкомиссаром Венгерской советской республики, приказ о расстреле каждого десятого солдата дезертировавшего батальона (Мараи об этом знал и с удовольствием напоминал другим).

Интереснее, однако, другое. Говоря о кризисе культуры, проложившем путь садистской вседозволенности нацистов, Мараи удивительным образом перекликается со своими непримиримыми оппонентами, тем

inslav

же Дьердем Лукачем. Мыслители разных течений сходились в том, что величайшее в истории европейской цивилизации грехопадение, совершенное Германией в эпоху нацизма, является симптомом глубинного кризиса современной культуры. Поиски выхода из него стали лейтмотивом наиболее значительных философских исканий первого послевоенного десятилетия (включая французских экзистенциалистов).

Вектор развития событий в Восточной Европе соответствовал планам Сталина, его большевистскому мессианизму и еще более выраженным имперским амбициям. Люди, стоявшие во главе СССР, писал Мараи, «боялись внутреннего положения в России, которое после Второй мировой войны существенно изменилось: после трех первых десятилетий полной неосведомленности и изоляции настало время, когда с Запада вернулись домой солдатские массы, увидевшие, что другие порядки и образ жизни способны быстрее и эффективнее обеспечить народу благосостояние, достойные человеку жизненные условия. Растревоженность интеллигенции, проявившаяся в этой оттепельной, более открытой атмосфере, была лишь поверхностным симптомом, недовольство коммунистическим строем разочаровавшихся писателей, ученых, художников коммунисты могли подавить полицейскими средствами. В действительности коммунисты боялись того, что в Советском Союзе начнется давление снизу, подымаясь к верхам» (как это произошло в Венгрии в 1956 г.). Надо было торопиться укрепить империю, распространить ее на всю Восточную Европу, ведь время лишь до тех пор союзник репрессивных режимов, пока они способны держать людей в страхе.

Стоит заметить: венгерский неоконсерватор-западник, не знающий России изнутри, довольно чутко, как видно из его строк, реагировал на духовные стимулы мыслящей части российского (и — шире — советского) общества, он отнюдь не отказывал «людям с Востока» в праве на приобщение к базовым ценностям западной культуры. С другой стороны, он признавал за советской большевистской элитой и право на собственные геополитические интересы: ее опасения, что восточноевропейская «зона безопасности» выскользнет вдруг из-под московского контроля, небеспочвенны: в этом столетии русским «пришлось уже дважды испытать грозные нападения с Запада».

Надежды на то, что венгерское общество, сотрясенное до самих основ, может консолидироваться в соответствии с базовыми ценностями западной политической культуры, оставались иллюзорными. Когда это «стало ясно, чувство одиночества накрыло всех с головой, как покрывают в джунглях почву лианы». «Спасение было (если было) только в са-

inslav

мом себе», люди начали обустраиваться в своем одиночестве, организуя жизнь в той мере практично, в какой это могло гарантировать их выживание. Можно было надеяться только на самих себя, лишь внутри себя находить союзника. Это был путь заведомо рискованный, ведь «одиночество — великая опасность: в одиночестве всем, и отдельному человеку, и нации, угрожает опасность опустошения, размывания, эрозии, высыхания». Осознавая это, интеллигенты прозападной ориентации сплачивались в безнадежности противостояния новому вызову: «Люди, почти не знакомые, сближались словно по условному сигналу, без вопросов и объяснений. Как вообще у живых существ, когда племени угрожает опасность, оповещают о ней друг друга не словами, не риторическими декламациями, а передачами на “коротких волнах”. Никто не знал точно, в какую пропасть, темный лабиринт, зловонную яму ведут каждодневные неожиданности. Но знали: нужно защищаться». «Пожалуй, никогда, ни при какой опасности, венгерская интеллигенция не была столь сознательно сплоченной, как в эти месяцы, на начальном этапе захвата коммунистами власти». Можно сделать поправку: речь идет не обо всей интеллигенции, но об определенной, пускай значительной, ее части. Немало людей талантливых, оставивших след в истории национальной культуры, в стремлении к разрыву с хортистским и нилашистским прошлым отдали на определенном этапе развития дань поддержке коммунистов и их союзников, стали «попутчиками» новой власти. Что не удивительно: довоенная система слишком сильно скомпрометировала себя, побуждая интеллигенцию к поискам новых моделей развития (Мараи же, претендуя на выражение «общеинтеллигентской» позиции, не склонен об этом писать).

Мараи неоднократно в своей жизни оказывался перед дилеммой: остаться в Венгрии или же поселиться на Западе. И дважды делал выбор в пользу Венгрии. «На Западе я — провинциал, ибо венгр. Моя личная судьба может сложиться благополучно, однако это ничего не меняет: я навсегда останусь здесь чужеземцем, которого терпят, выносят, только приемлют». Но дело не только в этом. Если у венгерского писателя даже и нет своей «роли», своего «призвания», у него есть нечто, в чем для него «заключен единственный смысл жизни: венгерский язык», язык, на котором из миллиардов людей, живущих на земле, «говорят только десять миллионов человек, и которого больше никто не понимает». Подобно другим европеизированным венгерским интеллектуалам (за исключением космополитов левого толка, подобных Лукачу) Мараи обостренно, экзистенциально переживал то чувство одиночества венгров в центре Европы, которое стало одной из констант национального

inslav

самосознания народа, пришедшего на берега Дуная из глубин Евразии, не связанного узами генетического, языкового родства не только с ближайшими соседями, но с подавляющим большинством европейских народов. Литература, запертая в венгерском языке, никогда — «тщетны были героические усилия нескольких поколений писателей! — никогда не могла обратиться к миру в истинном своем качестве». Дело доходило до того, что само существование этого языка в среднеевропейском иноязычном окружении воспринималось на Западе как нечто иррациональное, абсурдно-гротесковое, мешающее взаимопониманию народов. «В тот день, когда олигархическая структура Венгрии уступила бы натиску катящегося по всему миру простонародного движения, венгерский язык был бы сметен с лица земли вместе с обломками феодального сословия, которое насильственно навязало этот язык другим. Ведь венгерский язык был защищаем лишь политической силой этого сословия. Язык этот не несет в себе оригинальной цивилизации»[1], — цинично писал никто иной как великий французский лингвист Антуан Мейе на волне антивенгерской истерии во Франции середины 1920-х годов, поднявшейся после того как венгерские авантюристы при участии хортистских спецслужб в отместку за дискриминационный Трианонский договор (плод представлений именно французской элиты об идеальном мироустройстве в Европе) пытались наводнить Францию фальшивыми деньгами, что реально могло привести к краху финансов этой большой страны. Но для Мараи только венгерский язык и его высшее проявление — венгерская литература означали полноценную жизнь: «Ибо только на этом языке я могу, — писал он, — сказать то, что хочу сказать, а самим собой я остаюсь до тех пор, пока могу на венгерском языке выразить то, что думаю». Как бы в опровержение пророчеств Мейе именно в межвоенный, посттрианонский период венгерская литература достигает невиданного прежде расцвета.

Летом 1948 г. после острых нападок в венгерской коммунистической прессе (к ним приложил, кстати, руку и Д. Лукач) он вновь оказался перед дилеммой. «И наступил момент, когда я понял, что должен покинуть эту страну, поскольку сам факт моего присутствия здесь оправдывает насилие... Если писатель, оставаясь в этом государстве, не отрицает все то, чем он жил от рождения, дух, в котором воспитывался, во что верил: свой класс, культуру, буржуазный и гуманистический взгляд на мир, демократический вариант развития общества, — если он от всего этого не отказывается», ему не позволят даже свободно молчать, ведь «тру-

[1] Цит. по: Венгры и Европа. Сборник эссе. С. 33.

inslav

женик духа» уже самим своим пребыванием в стране легитимизирует правящий режим. В этих условиях, принимая на себя все последствия, писатель должен был сделать принципиальный выбор.

«Мне показалось совершенно необходимым немедленно отправиться в путь — ...и не в венгерский язык, не в круг своих ближних, а гораздо дальше. Мне необходимо покинуть этот прекрасный, печальный, умный и красочный город, Будапешт, потому что, оставшись, я увяну и увязну в агрессивной глупости, которая меня окружает. Я должен увезти отсюда нечто, ставшее, возможно, моей навязчивой идеей: мое "я", личность, существующую в единственном экземпляре. Это "я" не лучше и даже ничем не особеннее "я" других — может быть, оно и похуже, и послабее, — но у меня это "я" одно. И нет такой Цели, такой Идеи, которые возместили бы мне потерю своего "я"».

Дилемма эта многократно вставала перед писателями разных стран, возможна была и другая стратегия поведения — остаться со своим народом в его бедах и потрясениях: вспомним хотя бы А. Ахматову, ее реакцию на призыв Б. Анрепа уехать из страны. Шандор Мараи сделал свой собственный выбор.

Венский экспресс отправился в жаркий августовский полдень 1948 г. с будапештского Западного вокзала, творения знаменитого француза Эйфеля, еще не восстановленного после войны. Находящийся в пяти минутах ходьбы от вокзала сильно разрушенный театр «Вигсинхаз», где интеллигентная венгерская публика не раз аплодировала на постановках пьес Мараи, еще стоял в строительных лесах. Наложенные на побежденную страну огромные репарации замедляли процесс восстановления. Главной силой, энергично взявшейся за возрождение города из руин, были (это признал и консерватор Секфю) ненавидимые Мараи коммунисты и некоторые их союзники по левому блоку.

Поздно вечером поезд уже был на австрийской границе. «В купе опять вошел русский солдат и попросил паспорта. Проверил печати, вернул документы, равнодушно закрыл дверь». Такова была последняя встреча писателя с советским солдатом, уже не вызвавшая у него больших эмоций.

Мараи уехал навсегда. Он дожил до 1989 г. и глубоким старцем, не принимая болезней и беспомощности, покончил жизнь самоубийством в калифорнийском городе Сан-Диего. За две недели до его кончины один из лидеров правящей венгерской компартии (ВСРП) Имре Пожгаи впервые назвал события 1956 года не контрреволюцией, а справедливым народным восстанием. Менялся взгляд на всю послевоенную историю

inslav

Венгрии. Социализм на венгерской земле терпел очевидный крах. Миссия противостояния натиску восточной цивилизации, защиты европеизма от варварства себя полностью исчерпала, жить дальше во имя торжества девальвированной западной цивилизации никакого смысла не было, и Мараи добровольно ушел из жизни.

А за полтора десятка лет до этого, в мемуарах первой половины 1970-х годов, писатель дал свой ответ на вопрос, остро мучивший его в 1940-е годы, с момента первой встречи с советским солдатом. Да, разумеется, ответ этот пока предварительный, не окончательный, не безусловный, ведь для окончательного ответа может понадобиться еще больше времени, сделал оговорку Мараи. Но ответ его был однозначный: «Дать новый импульс западной цивилизации Восток не может». Почему? Автор пытался найти свои объяснения: «Огромную силу этим людям, людям Востока, придают совершенно иные пространства, масштабы. Советский строй — единственный насильственный строй, который может позволить себе отступить, если вырвался слишком далеко вперед: ему есть куда отступать... Русский простор, а также другое измерение — русская нищета, в которую может еще вместиться немало страданий, и, наконец, более гибкое чувство времени восточного человека — вот те пространства, в которых восточный диктатор может свободно передвигаться, даже когда приходится отступать. Гитлер и его коллеги, западные диктаторы, всегда вынуждены были продвигаться вперед: отход или даже просто топтание на месте для них было равносильно гибели. Но у русских — как и у китайцев, и вообще у людей Востока — есть внутренние пространства, куда трудно за ними следовать. В этом их сила, но в этом же и слабость», — подавление массой, коллективом, племенем и т.д. человеческой личности, индивидуальности.

При всей небесспорности этих рассуждений очевидно одно: признание самоценности человеческой личности, ее права на автономное существование в условиях мировых политических катаклизмов оставалось стержневой идеей творчества Шандора Мараи, чьи мемуары читаются с интересом, как исповедь восточноевропейского правого либерала XX в., искавшего пути сохранения независимого человеческого духа в драматическом противостоянии тоталитарному насилию любой окраски.

inslav

Н. М. Куренная
(Москва)

Два взгляда на окончание войны: Йожеф Дарваш — Константин Симонов

Константин Симонов (1915–1979) и Йожеф Дарваш (1912–1973) — авторы первых немногочисленных документально-автобиографических книг о Второй мировой войне, которые создавались в еще неостывшем от войны времени — в 1945 г. в СССР и Венгрии. Книги этих авторов, людей одного поколения и сходных идеологических ориентиров, были написаны «по горячим следам»; они отразили процесс осознания литературой исключительного исторического события. И Дарваш, и Симонов намеренно вышли за рамки писательского взгляда на войну. Это — скорее взгляд свидетелей на движение истории в ее роковые минуты. Война стала центром их художественного видения, они перешли с языка художественной литературы на скупой язык публицистического повествования, временами на язык исторического исследования. Жанр этих произведений можно определить как пограничный, располагающийся между художественной и документальной литературой. Симонов в предисловии к изданию «Дневника писателя» в 1977 г. писал об этой книге: «Она не мемуары профессионального военного и не труд историка. А именно дневник писателя, своими глазами видевшего какую-то частицу событий Великой Отечественной войны. События эти были необъятно огромны, а круг моих личных наблюдений весьма ограничен, и я достаточно хорошо понимаю это, чтобы не претендовать на их полноту»[1]. Дарваш также считал важным обозначить своеобразие своей книги: «Я писал романы, социографические исследования, пьесы, а когда-то давно даже стихи. Но то, что лежит перед вами, не роман, не репортаж, не дневник, не исторический документ. Здесь вы найдете понемногу из всего перечисленного...»[2]

Имеет смысл напомнить, кем же были эти писатели в «табели о рангах» национальных литератур. Безусловно, и К. Симонов и Й. Дарваш в свое время относились к писателям первого ряда, произведения обоих вызывали горячий интерес, дискуссии и споры, а поэзия К.Симонова была не только чрезвычайно популярна, но и любима читателями. Их книги находились в центре литературной жизни. К. Симонов и Й. Дар-

[1] *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1977. С. 3.

[2] Там же. С. 180.

inslav

ваш активно участвовали в послевоенном формировании культурной и общественной атмосферы своих стран: Й. Дарваш был министром культуры, с 1959 г. до кончины в 1973 г. — бессменным Председателем Союза писателей Венгрии, а К. Симонов — секретарем Союза советских писателей, главным редактором журнала «Новый мир» и «Литературной газеты». Постепенно интерес к их творчеству начал угасать, и теперь книги писателей знакомы сравнительно небольшому кругу нового поколения читателей, что, конечно, не умоляет места и их роли в истории отечественных литератур. Без преувеличения можно сказать, что творчество К. Симонова занимает особую позицию в своеобразной мировой «хрестоматии литературы о войне», как автор свидетельских документов о войне, о человеке на войне в крайних и повседневных обстоятельствах, в окружении чужих, более того смертельных врагов. Вклад Й. Дарваша в этой области гораздо скромнее, но и он достоин внимания и изучения. Творчество обоих писателей отличает документальная основа — военная, политическая, личностная, стремление к объективности, безусловной правде жизни на бытовом и событийном уровнях.

Представляется интересным ответ на вопрос, каким виделся финальный период войны писателю страны-победительницы — К. Симонову и писателю страны-побежденной — Й. Дарвашу в непосредственной пространственной и временной близости от описываемых ими событий. Симонов наблюдал события последних месяцев войны прежде всего «изнутри», находясь в самой гуще армейских подразделений: из окопов, блиндажей и штабов. Для него основополагающим являлось сохранение достоверности реальных обстоятельств и поведения конкретных людей — генералов и рядовых, мужчин и женщин. Его дневниковые записи этого времени полны сдержанной гордости за армию, побеждающую германский фашизм. При этом Симонов немногословен, он подобно историку, скорее констатирует совершенные подвиги и победы, чем эмоционально, с определенной долей пафоса описывает их. Одновременно в его дневниках ощущается общая для всех — рядовых и генералов — душевная и физическая усталость от тяжести войны, пережитого и увиденного. Симонов с документальной точностью одним из первых в русской литературе показал родовую черту любой войны — переход трагического и героического в повседневное и обыденное. По его словам, в дневниках он стремился представить войну «в настоящем ее выражении — в крови, в страдании, в смерти». Анатомия этого процесса прослеживается писателем через многочисленные описания разнообразных фрагментов и деталей фронтовой жизни на разных ее этажах — от командных штабов до землянок и иных обиталищ основного действующего персонажа воен-

inslav

ных действий — рядового солдата. Симпатии Симонова при этом отданы пехоте, вынесшей на себе основное бремя войны. Один из его наиболее значительных военных рассказов так и назван — «Пехотинец».

Й. Дарваш в документальной книге «Город на трясине», которую он сравнивал со страстным выступлением на своеобразном историческом судебном процессе, также предельно откровенен. Читатель чувствует душевную боль и тревогу писателя, смешанные со стыдом и горечью от осознания того положения, в каком оказался венгерский народ (частью которого он себя ощущал) в ситуации неправедной войны. И если «Разные дни войны» Симонова в основном о военных операциях и армейской жизни, то «Город на трясине» — сугубо гражданский взгляд на жизнь осажденного Будапешта и его населения. Симонов, как правило, показывает, что война, подобно лакмусовой бумаге, проявляет лучшие человеческие качества соотечественников, освобождавших свою родину и другие страны. Дарваш же констатирует, что за годы войны произошла «страшная деформация сознания венгерского общества»[1], и причиной тому стали в том числе и союзнические отношения с фашистской Германией. Повествование, как Симонов, так и Дарваш ведут от первого лица, что рождает ощущение неразрывной связи личных судеб писателей с исторической судьбой их народов. Дарваш, например, признает и личную ответственность за гражданскую пассивность основной части венгерского народа. Многие из его соотечественников даже в самом конце войны «наивно воображали, что, выйдя из подвалов, смогут и впредь вести прерванный войной привычный образ жизни... Они строили столь же ложные, сколь и опасные иллюзии об «окончательной победе», о том, что вот-вот на выручку гарнизону осажденного города подоспеют немецко-фашистские войска»[2].

На войне ни у Симонова, ни у Дарваша не было времени для описания глубоко затаенных личных чувств, рефлексии по тому или иному поводу, поскольку, по выражению самого Симонова, «язык войны — был жестким языком». Обращаясь к последним месяцам войны, описывая свое настроение того времени, Симонов вспоминал: «Внутри меня, соседствуя и все чаще противореча друг другу, боролись два видения войны — условно говоря, корреспондентское и писательское... Все чаще хотелось иметь время подумать над тем, что я видел»[3]. А обостренное

[1] *Дарваш Й.* Город на трясине. М., 1977. С. 82.

[2] Там же. С. 8.

[3] *Симонов К.* Собрание соч. в десяти тт. Разные дни войны: дневник писателя. М., 1983. Т. 9. С. 412.

inslav

чувство времени, которым писатель обладал еще с молодости (об этом писали и многие исследователи его творчества), «трансформировалось на фронте в журналистскую оперативность»[1]. Мир чувств, которым была наполнена поэзия Симонова, отодвинулся на задний план, на передний план вышло ощущение необычности времени, которое постоянно изменялось: в начале войны — замедлялось, к концу — убыстрялось и сжималось под натиском сменяющихся событий. Каждый день 1945 г. был днем, входившим в историю. Ни одно информационное средство не могло угнаться за событиями, происходившими на фронтах. Время в дневниковых заметках Симонова уже не бежало, а летело вместе с наступающими войсками по всем фронтам. Все, что писал Симонов в это время, создавалось в пути. Поэтому дороги, ухабистые, проселочные, непроезжие — постоянные образы симоновской поэзии, прозы и публицистики военных лет.

О дорогах войны писал, конечно, не один Симонов. В немногочисленных, известных сегодня дневниках обычных офицеров они также занимали особое место. Так, например, Б.А. Сурис, двадцатилетний лейтенант, будущий известный искусствовед, писал во фронтовом дневнике в 1944 г.: «Дороги войны! Вот неисчерпаемый сюжет для литературы, и для живописи. Лучшей батальной картиной будет та картина, в которой воплотится впечатление от дорог войны, укатанных, заснеженных, по бокам которых брошенные автомобили и орудия, трупы людей и лошадей, обожженная земля вокруг воронок, пустая пробитая каска и тянущиеся куда-то провода»[2].

Ключевые слова дневников К. Симонова, почти всегда обозначают движение или имеют к нему отношение — «продвинулся», «срывались вперед», «наступали», «ворвались», «рванулись» и т.д. И у сугубо гражданского Й. Дарваша последний год войны был периодом бродячей жизни. «Чуть ли не целый год переездов из одного конца страны в другой, из города в деревню, и опять в деревню, и опять в город, а здесь, в Будапеште, с одной чужой квартиры на другую»[3]. Эти переезды были связаны с нелегальной деятельностью Дарваша как члена венгерской компартии.

Несмотря на кочевую жизнь последних месяцев войны, Дарваш постоянно фиксировал свои впечатления, упорно пытался осмыслить исторический путь венгров на фоне основных знаковых событий, приведших

[1] *Симонов К.* Собрание соч. в десяти тт. М., 1979. Т. 1. С. 9.

[2] *Сурис Б.* Фронтовой дневник: дневник, рассказы. М., 2010. С. 160.

[3] *Дарваш Й.* С. 12.

inslav

к национальной катастрофе — союзу с гитлеровской Германией — и, как следствие этого, оглушительному поражению в войне. «В „святом и прекрасном" деле войны против СССР вся венгерская реакция выступала единым фронтом, — констатировал писатель, — и в этом ей не мешали даже те, кто ради своей собственной материальной выгоды с беспокойством пытался оградить национальную независимость страны от поползновения со стороны гитлеровцев. И венгерские войска двинулись на восток, чтобы помочь союзной „великой Германской империи" уничтожить „власть сатаны", „родину антихриста"»[1].

В описании Дарвашем поверженного Будапешта и Симоновым разрушенных разграбленных силезских городков много схожих деталей: те же разбомбленные дома с подвалами, населенными людьми и крысами, невероятный слой пыли, покрывающей все вокруг, страшные тела непогребенных людей — солдат и мирных жителей. Ужас войны описан обоими писателями преднамеренно скупо, без натуралистических деталей, поскольку слишком страшной и «обычной» была окружающая картина, свидетелями и участниками которой были миллионы людей. Во время наступления советских войск Дарваш вместе с другими жителями Будапешта испытывал страх и надежду. Разрушенный Будапешт, описанный Дарвашем как живое близкое существо, разделил судьбу своих обитателей: «Будапешт, тот самый Будапешт, который лежит сейчас полумертвым, без сознания, истекая кровью от многочисленных ран, родился в 1867 году. Отцом его была венгерская реакция, заключившая компромисс с Габсбургами, а родной матерью — тысячелетняя „счастливая Венгрия"»[2]. В освобожденной от фашизма Венгрии «Город на трясине» стал по существу первым опубликованным литературным произведением о событиях недавней истории. И как бы сегодня не трактовали события тех далеких дней, благодаря, например, тому же Й. Дарвашу, мы можем узнать о непосредственной реакции жителей Будапешта: «И вот появилась армия-освободительница. Настал момент, о котором столько мечтали! Со слезами радости прижимаю к себе первых советских солдат. Вот они. Эти люди, преодолевшие многие тысячи километров, чтобы принести венгерскому народу свободу и мир... И мы вместе с другими простыми людьми радуемся событию, очевидцами которого являемся»[3]. Естественно, эта художественно-публицистическая книга, как и дневник Симонова, не претендовали на всесторонность и

[1] Там же. С. 51.

[2] Там же. С. 19.

[3] Там же. С. 130.

inslav

фундаментальность. Требовалось время, чтобы осмыслить трагические события Второй мировой войны и отразить их в культуре. Отсутствие дистанции между описываемыми событиями и временем создания этих книг привело к своеобразному эффекту — книги эти отличаются непосредственной остротой чувств и переживаний авторов, не приглаженных годами и идеологическими соображениями.

Благодаря документальной точности, в публицистических книгах авторов, находившихся по разные стороны войны, можно обнаружить поразительные переклички, более того объяснения причин того или иного исторического эпизода. В уже упомянутом «Фронтовом дневнике» М. Суриса в записи от 24 июля 1944 г. есть рассказ о шести венгерских евреях, которые находились в составе 16-го рабочего батальона: «Они работали, строили оборону, почти на самой передовой, и убивало их так же, как и всех прочих, но им никогда не давали оружия. Их еще гражданское платье — рваное насквозь, грязное, и сквозь него свистит ветер. Фотографии одного из них: приличный человек, интеллигент, чуть ли не ученый, посмотреть же на него сейчас... жалкий и несчастный»[1]. О предыстории этой ситуации в убийственных деталях читаем у Дарваша «В городе на трясине»: «Ненадежные элементы можно было призывать для отбытия трудовой повинности... На мобилизационных пунктах... собрали евреев, профсоюзных руководителей, функционеров социал-демократической партии и вообще „ненадежных лиц”... Большинство начальников призывных пунктов посылало эти „трудовые роты” прямо в мясорубку... Конвоирам перед отправкой „трудовых рот” говорили, что из их подопечных никто не должен вернуться домой живым... Конвоиры разворовывали деньги, выдаваемые для питания роты; людей не кормили; голодных, их заставляли работать до тех пор, пока они не падали замертво. Так ужасы самой войны дополнялись совершенно особыми ужасами»[2]. Сложение этих эпизодов, описанных двумя очевидцами тех давних событий, выпукло демонстрирует очевидную цельность, структурно выверенной политики венгерского руководства в отношении «ненадежных лиц», прежде всего еврейского населения.

В публицистических произведениях Симонова и Дарваша о последних неделях Второй мировой войны также встречаются прямые и скрытые параллели. Например, у Дарваша предчувствию освобождения сопутствует состояние нервного напряжение жителей Будапешта, которое выражается очень разнообразно — «одни задыхаются от бессильно-

[1] *Сурис Б.* С. 182.

[2] *Дарваш Й.* С. 72.

inslav

го гнева, другие орут от восторга, беснуются»[1]. В дневниках Симонова есть определение состояния — предчувствия скорой победы, которое он называет «нервным накалом атмосферы».

Оба писателя не проходят мимо экзистенциальной темы «жизни и смерти», хотя осознают, что цена человеческой жизни в условиях чудовищной войны ничтожна. Огромные потери советской армии, которые на протяжении всей войны постоянно и объективно фиксировались Симоновым, были характерны и для конца войны: на территории Чехословакии «всего за три дня, считая сегодняшний, примерно тысячу двести пятьдесят человек потеряли... Из них человек триста убитыми»[2]. Несмотря на это, настроение в войсках страны-победительницы было уже совершенно иным. Ожидание приближающейся окончательной победы рождало определенную эйфорию, состояние „предчувствия”... Последние месяцы войны, когда ее конечный результат был уже ясен для каждого солдата, люди, страстно желавшие победы, в то же время с особенной силой хотели увидеть ее своими глазами, дожить до нее в огне последних боев. Им так не хотелось умирать!»[3]. Совсем другое состояние духа жителей венгерской столицы накануне освобождения от фашизма (германского и своего доморощенного) фиксирует Дарваш: «Смерть собрала в Будапеште богатый, разнообразный урожай, страх перед нею был столь велик, что даже те, кто пока еще оставался в живых, не имели сил этому радоваться»[4].

В творчестве К. Симонова и Й. Дарваша есть еще одна общая черта. Нередко канва их художественных произведений соткана из событий и персонажей собственных документально-автобиографических книг о войне. Можно предположить, что Й. Дарваш, несмотря на иной, чем у К. Симонова, жизненный опыт и угол зрения на войну, разделил бы его мнение о том, что «когда пишешь повесть или роман о таком тяжком деле, как война, фантазировать и брать факты с потолка как-то не тянет. Наоборот, всюду, где это позволяет твой жизненный опыт, стараешься держаться поближе к тому, что видел на войне своими глазами»[5].

Важность и ценность для отечественных истории и культуры таких книг, как «Разные дни войны» К. Симонова, «Город на трясине» Й. Дарваша, и других документально-публицистических произведений о войне

[1] Там же. С. 108.

[2] *Симонов К.* Т. 9. С. 496.

[3] Там же. С. 479.

[4] *Дарваш Й.* Ук. соч. С. 13.

[5] *Симонов К.* Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1977. С. 4.

inslav

очевидна. К. Симонов, отвечая вскоре после окончания войны на вопросы журналистов, говорил, что неоспорима огромная значимость подобных дневников: «Чтобы они (писатели) не писали во время войны и как бы их за это не хвалили читатели, все равно на первый же день после окончания войны самым существенным, что они сделали на войне за войну, окажутся именно их дневники»[1]. Возможно, что подобный взгляд был некоторым преувеличением. Но нельзя отрицать и то, что подобные книги имеют непреходящее значение, прежде всего благодаря своей документальной основе, которая позволяет избежать чрезмерной мифологизации исторических событий Второй мировой войны. Очевидно и другое, — такие писатели как Константин Симонов и Йожеф Дарваш, одухотворяют и расшифровывают историю, они делают более приближенными и понятными судьбоносные исторические события, в центре их внимания всегда находится реальный человек, его поведение в конкретных обстоятельствах.

Г. П. Мурашко
(Москва)

Судьбы венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны. Переселение или словакизация? (Трансформация позиций Москвы)

Канун и Вторая мировая война породили в чешском и словацком обществе устойчивый синдром боязни национальных меньшинств. Его появление и закрепление в исторической памяти этих народов было вызвано тем, что немецкое и венгерское население, проживавшее на территории довоенной Чехословацкой республики, использовалось государствами фашистского блока в качестве инструмента экспансии и ликвидации территориальной целостности страны. Прямым следствием чего и стало стремление сложившегося в ходе антифашистской борьбы Национального фронта чехов и словаков ликвидировать проблему национальных меньшинств и возродить послевоенное государство, как государство двух этнически родственных народов — чехов и словаков. Этот принцип и был закреплен в Кошицкой программе правительства Национального фронта. Проект данной программы, разработанный ком-

[1] Там же. С. 3.

inslav

мунистической эмиграцией в Москве, как свидетельствуют документы российских архивов, проходил экспертизу в ЦК ВКП(б), а также в Министерстве иностранных дел СССР. С ним знакомились представители политического руководства и МИДа СССР Г. Димитров, В.М. Молотов, В.А. Зорин. Наиболее обстоятельными были замечания Зорина, подготовленные в марте 1945 г. В них отмечалось, что в предложенном проекте программы практически отсутствуют обязательства правительства по обеспечению прав национальных меньшинств. При этом Зорин подчеркивал, что речь идет прежде всего об украинцах и русинах. Что касается других меньшинств, в частности венгров и немцев, то суть замечаний В.А. Зорина сводилась лишь к тому, что для лиц венгерской и немецкой национальности нельзя автоматически утверждать чехословацкое гражданство. «Очевидно требуется персональный подход в каждом отдельном случае»[1], — отмечал он.

Однако, реальная ситуация в области национальных отношений оказалась весьма далекой от программных установок, разработанных весной 1945 г. Необходимость избавиться в Словакии от венгерского меньшинства оказалась на длительное время идеей, превалирующей в национальной политике ЧСР. Материалы российских архивов, особенно записи бесед чехословацких политиков с советскими руководителями и дипломатами, показывают сколь настойчиво чехословацкое правительство с момента, когда на повестку дня встал вопрос о заключении соглашения о перемирии с Венгрией, добивалось от советской стороны фиксации своего права на выселение с территории ЧСР всех венгров, а также обязательств венгерского правительства принять этих переселенцев. Посол Чехословакии в СССР З. Фирлингер 9 января 1945 г. в беседе с В.А. Зориным убеждал последнего, что «обстановка в Чехословакии может сложиться так, что венгры сами будут вынуждены перебраться в Венгрию и могут оказаться в тяжелом положении»[2]. Чехословацкая сторона считала необходимым внести в соглашение о перемирии специальный пункт о том, что «венгры, имевшие ранее чехословацкое гражданство, и будучи лишенными его, будут признаны Венгрией венгерскими гражданами и впущены на ее территорию. Венгрия будет нести заботы об этих лицах с момента перехода ими венгерской границы и заботиться об их устройстве»[3].

---

[1] Советский фактор в Восточной Европе. 1944 –1953. М., 2000. Т. 1. С. 176.

[2] Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М., 1997. Т. 1. С. 134.

[3] Архив Внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 07. П. 15. Д. 195. Л. 1-а.

inslav

Однако, советская сторона, учитывая позиции своих западных союзников, особенно Великобритании, официальные круги которой на завершающем этапе войны весьма сдержанно относились к идее массовых переселений, не считала возможным поддерживать столь жесткие инициативы чехословацкого правительства. Советские дипломаты (на что следует обратить особое внимание) настоятельно рекомендовали чехословацкой стороне отложить рассмотрение вопроса о переселении венгров до заключения мирного договора[1].

Реальная обстановка в самой Чехословакии, ко времени завершения Красной Армией ее освобождения, оказалась более сложной, чем представлялась в момент заключения перемирия с Венгрией. В апреле 1945 г. В.А. Зорин, назначенный послом в Чехословакию, срочно сообщал в Москву, что по сведениям, полученным от министра внутренних дел коммуниста В. Носека, Словацкий национальный совет (СНС), являвшийся фактически высшим органом власти в Словакии, предполагает в ближайшее время провести операцию по выселению венгров с территории Словакии. «Причем словаки намерены выселить всех венгров, что Носек считает неправильным»[2], — подчеркивал Зорин. Он подробно информировал Москву о расхождениях позиций СНС и министра центрального правительства В. Носека. Последний, по словам советского дипломата, исходил из того, что в первую очередь следовало выселять лишь тех венгров, которые прибыли в Словакию после ее оккупации Венгрией в 1938 г. Таких венгров по мнению Носека насчитывалось около 3–4 тыс. «Остальных венгров, — считал он, — нельзя сейчас выселять, не проделав предварительной работы, в частности надо объявить трудовую повинность для всех немцев и венгров, находящихся в Словакии, затем создать концлагеря, куда направить тех венгров, которые были не лояльны по отношению к Чехословацкой республике, а затем уже из них отобрать тех, кого надо выселить за пределы Чехословакии»[3]. Носек считает неправильным проводить сейчас общее выселение венгров — таков был вывод Зорина.

Однако, со стороны президента страны Э. Бенеша позиция СНС находила значительно большую поддержку, чем со стороны министра внутренних дел центрального правительства. Э. Бенеш уже с первых месяцев 1945 г. в выступлениях ставил вопрос о необходимости выселения из страны не только немцев, но и 550 тыс. венгров. Такая позиция

[1] Там же.

[2] Восточная Европа в документах российских архивов… Т. 1 . С. 199.

[3] Там же. С. 199.

inslav

главы государства была отнюдь не случайной. Он располагал информацией, с одной стороны, о наличии сильных антивенгерских настроений в словацком обществе, а с другой, — об определенном недоверии к нему, Бенешу, ряда ведущих словацких политиков. Для укрепления своего влияния в их среде он и шел им на уступки по вопросу о судьбах венгерского меньшинства, опираясь на пока еще неофициальное согласие советского руководства. Об этом в частности свидетельствует письмо А. Керра В.М. Молотову от 11 апреля 1945 г.: «Когда президент Бенеш был в Москве, я узнал от него, что советское правительство согласилось с его предложениями о выселении примерно двух третей германского и венгерского меньшинства из Чехословакии»[1].

Выступления Э. Бенеша, и особенно принятие декрета о наказании военных преступников от 19 мая 1945 г. стимулировали активность местных словацких властей. Свидетельством чему является весьма любопытный документ, поступивший в ЦК ВКП(б) на имя Г. Димитрова от начальника VII Управления ПУРККА генерала Бурцева. Последний сообщал 19 июня 1945 г.: «В настоящее время в связи с заявлением Бенеша от 12 мая с. г. о том, что все немцы и венгры будут выселены с территории Чехословакии, местные административные органы принимают меры для практического выполнения этого указания»[2]. К этому времени Словацкий национальный совет, обсудив вопрос о выселении венгров, принял решение провести эту акцию «возможно быстрее и сделать это до того, как другие союзники начнут заниматься этим вопросом. Словацкий Национальный Совет подготавливает выселение в течение 3 месяцев до 400 тыс. венгров из южных регионов Словакии»[3].

Генерал Бурцев, информируя ПУРККА о ситуации в Словакии, сообщал: «Прием венгров в партию (имеется в виду компартия Словакии. — *Г.М.*) приостановлен. Новым членам партбилеты не выдаются. О старых членах ЦК решает в индивидуальном порядке.... Происходит активизация шовинистических элементов. В Левице комендант чехословацкого гарнизона капитан Куница велел напечатать и расклеить лозунги: „Кто не хочет говорить по-словацки, будет выселен за Ипель! Мы у себя здесь дома, мы господа! Словаки, говорите громче!”...Выселение венгров проводится грубыми методами. Венграм не предоставляется ни времени для продажи или сдачи на хранение своего имущества, ни транспорта; поэтому дети, старики, больные, беременные женщины вынуждены идти пешком

[1] Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 66. Д. 725. Л. 6.

[2] Восточная Европа в документах российских архивов … Т. 1. С. 224.

[3] АВП РФ Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 17.

inslav

десятки километров до венгерской границы. Старые работники компартии венгерской национальности, будучи не в состоянии прекратить незаконные действия местных властей, уезжают в Венгрию»[1]. В заключении Бурцев отмечал, что действия местных властей, направленные против венгров, не согласовываются с советскими военными комендатурами, а иногда местные власти поступают вопреки распоряжениям комендантов. Не редки случаи, когда красноармейцы по собственной инициативе препятствуют применению грубых методов по отношению к венграм.

Эта информация, как свидетельствуют материалы Архива Президента РФ, Г. Димитровым была направлена В.М. Молотову. В сопроводительном письме Димитров писал: «Из этого и других материалов, которыми мы располагаем, видно, что методы, применяемые словацкой администрацией при решении венгерского вопроса, неправильны и могут повлечь за собой неблагоприятные последствия. По нашему мнению, следовало бы в соответствующей форме обратить на это внимание представителей чехословацкого правительства»[2]. Из выше приведенных документов следует, что обеспокоенность в Москве вызывала не суть самой акции, касавшейся судеб сотен тысяч людей, а лишь методы ее проведения. Сама акция рассматривалась как мероприятие, которое необходимо осуществить.

Начавшееся переселение не могло не вызвать в Венгрии острой реакции всех политических партий, включая коммунистов. Некоммунистические партии напрямую связывали начавшиеся акции по переселению «с рукой Москвы», называя их «пробным шаром Молотова»[3]. Материалы российских архивов, относящиеся к этому времени, достаточно четко «высвечивают» и проясняют позицию советского руководства. Так, на встрече И.В. Сталина и В.М. Молотова с премьер-министром Чехословакии З. Фирлингером и заместителем министра иностранных дел В. Клементисом, состоявшейся 28 июня 1945 г., в ходе обсуждения ситуации в Закарпатской Украине и Тешинской области, чехословацкой стороной был поставлен вопрос о выселении немцев и венгров. В протоколе беседы записано: «Фирлингер спрашивает, как быть с выселением немцев и венгров из Чехословакии. И.В. Сталин говорит: „Мы мешать Вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими". Фирлингер просит в связи с этим дать указание советским военным о содействии этому выселению немцев и венгров.

[1] Восточная Европа в документах российских архивов…. Т. 1. С. 224–225.

[2] АП РФ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1357. Л. 210.

[3] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 28. Д. 32. Л. 71.

inslav

И.В. Сталин спрашивает: „А разве наши военные препятствуют этому?". Фирлингер говорит, что препятствий нет, но хотелось бы иметь активное содействие». Однако, как вытекает из протокола, Сталин уходит от прямого ответа, переключив внимание собеседников на проблему необходимости урегулирования отношений с Польшей в районе Тешина[1]. На основе этой записи можно сделать вывод, что Сталин летом 1945 г. по существу все еще ставил знак равенства между акциями по выселению немцев и венгров, рассматривая их в одной плоскости.

Но в кругах официальной дипломатии во второй половине 1945 г. все более широко обсуждалось предложение отложить решение вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии до будущей мирной конференции, с тем, чтобы отделить его от проблемы депортации немецкого населения из стран Европы, оккупированных в период войны Германией. Думается, что важную роль в этом сыграло соглашение между Чехословакией и Венгрией об обмене населением, заключенное в феврале 1946 г. После его подписания проблема венгерского меньшинства в Словакии была переведена в плоскость двухсторонних отношений и четко отделена от решения немецкого вопроса.

Однако на практике реализация заключенного соглашения столкнулась с большими трудностями, поскольку стороны, подписавшие его, стояли на позициях, существенно различавшихся по конечным целям. Чехословацкая сторона рассчитывала провести обмен населением таким образом, чтобы превратить районы компактного проживания венгров в чисто словацкие. Венгерская же сторона категорически отказывалась принимать то количество переселенцев, на которое рассчитывали словацкие власти. Венгры мотивировали свою позицию тем, что не смогут обеспечить для 650 тыс. переселенцев соответствующих экономических условий жизни. Они настаивали на предоставлении остающемуся в Словакии венгерскому меньшинству равных со словаками гражданских прав, которых оно было лишено сразу после окончания войны.

Создавалась по существу тупиковая ситуация. Соглашение об обмене населением фактически не выполнялось. Дело доходило до открытых конфликтов. Чехословацкая сторона, стремясь ускорить процесс переселения венгров, в ответ на отказ Венгрии принять транспорт с переселенцами, запретила пропуск через свою территорию эшелонов с немецким населением, переселяемым из Венгрии в советскую зону оккупации Германии[2].

---

[1] Восточная Европа в документах российских архивов… Т. 1. С. 232.

[2] АВП РФ. Ф. 1038. Оп. 31. П. 150. Д. 31. Л. 17.

inslav

В условиях такого острого чехословацко-венгерского противостояния Москва получала весьма выгодную роль арбитра. Поддерживая то одну, то другую сторону, советское руководство использовало «национальную карту» для того, чтобы влиять на необходимые ей в обеих странах политические процессы постепенного усиления позиций коммунистов в системе власти, и способствовать тем самым их продвижению к установлению властной монополии.

По мере приближения сроков мирной конференции, нажим советской стороны и на Чехословакию, и на Венгрию стал усиливаться. В апреле 1946 г. Сталин принял венгерскую делегацию во главе с премьер-министром Ф. Надем. Этой встрече предшествовала беседа Молотова с министром иностранных дел Дьендеши, где вопрос о положении венгерского населения в Словакии был представлен венгерской стороной, как требующий неотложного решения. На встрече со Сталиным венгерская делегация дала аргументацию своей позиции в документе под названием «О судьбе венгерского народа, проживающего в Чехословакии». Для решения данного вопроса венгерские представители предлагали советским лидерам два варианта. Первый — мирный договор должен обязать Чехословакию обеспечить для венгерского меньшинства условия полного равноправия, чтобы «венгры могли свободно жить и развиваться, как это осуществлено в Югославии и в соответствии с тем, как решен национальный вопрос в СССР». Думается, что такая аргументация была или наивной идеализацией национальных отношений в СССР, или, скорее, это был тонкий дипломатический ход, обращенный к Сталину, считавшему себя теоретиком по национальному вопросу.

В ходе беседы Ф. Надь акцентировал внимание собеседников на том, что со стороны государственных деятелей ЧСР неоднократно делаются заявления о намерениях ликвидировать венгерское меньшинство. Учитывая это, венгерская сторона предлагала второй возможный, по ее мнению, вариант решения рассматриваемой проблемы. Теперь речь шла о том, «чтобы часть чисто венгерских областей, населенных компактными венгерскими массами ... вернуть Венгрии, с тем, чтобы, в случае дальнейшего стремления Чехословакии ликвидировать национальные меньшинства, иметь возможность разместить это население»[1]. Ф. Надь уверял советскую сторону, что правильная реализация любого из этих решений успокоит венгров и создаст базу для установления добрососедских отношений между двумя странами.

[1] Восточная Европа в документах российских архивов … Т. 1. С. 413–414.

inslav

Сталин же в ходе беседы предложил венгерской стороне все-таки встать на путь обмена населением, подчеркнув при этом, что при обмене дело не только в количественном равенстве. «Количество не играет роли, — говорил он, — Кто хочет, тот может вернуться на Родину, а кто остается, тот должен пользоваться свободой и правами»[1]. В ходе обсуждения Сталин изложил свое понимание позиций чехословацкой стороны, разъясняя венгерским собеседникам: «Чехи хотят удовлетворить все просьбы словаков, которые неохотно остались в составе Чехословакии. Словаки хотят расправиться с венграми, а чехи не препятствуют этому. Это несправедливо, что венгерскому населению не предоставляют прав, школ и т.д.». После объяснений Сталин вновь возвратился к идее обмена населением. «Обмен населением мог бы быть произведен, такой подход был бы аналогичен разрешению вопроса между Польшей и Литвой... Для Венгрии лучше получить из Чехословакии венгров, так как они будут денационализированы. Таким образом, с точки зрения национальной политики целесообразнее получить этих венгров», — подводит он итог обсуждению вопроса[2]. Из протокольной записи видно, что Сталин стремился возложить ответственность за сложившуюся ситуацию на чехословацкую сторону, но вместе с тем он убеждал венгерскую делегацию дать согласие на прием всех переселенцев. Столкнувшись с аргументацией венгров, он скорректировал в определенной мере свою позицию, подчеркнув необходимость соблюдения «прав и свобод меньшинства».

Насколько позволяют судить доступные на сегодняшний день документы, реализация мер, которые предлагал Сталин венгерской делегации, началась незамедлительно. 30 апреля В.М. Молотов в Париже говорил с полномочным представителем чехословацкого правительства В. Гайду по вопросам переселения венгерского населения из южных районов Словакии. Гайду информировал Молотова, что чехословацкое правительство не видит никакой другой возможности, кроме как постановки этого вопроса на мирной конференции. Молотов в свою очередь настаивал на том, что в вопросах переселения немцев и венгров следует делать различия. Он настойчиво рекомендовал чехословацкой стороне принять энергичные меры, чтобы договориться с венграми об обмене населением на той же основе, на которой СССР договорился о переселении с Польшей. Гайду, ссылаясь на опыт прошлого, упорно доказывал, что между венграми, живущими в Чехословакии и немцами нет разницы.

[1] Там же.

[2] Восточная Европа в документах российских архивов… Т . 1. С. 414.

inslav

«Венгры проявили себя также нелояльно по отношению к Чехословакии, как и немцы, ратуя за расчленение Чехословакии. С чехословацкой точки зрения венгры в Чехословакии будут всегда представлять опасность для чехословацкого государства»[1].

В ходе обмена мнениями Молотов настойчиво выяснял у чехословацкого дипломата, какой информацией последний располагает относительно позиции США и Англии. Гайду вынужден был признать, что «представители чехословацкого правительства неоднократно делали демарши перед послами Англии и США, но до сих пор не получено официального ответа». По сведениям Гайду, английская сторона высказала сомнение, что подобный вопрос должен быть включен в проект мирного договора с Венгрией. Получив такую информацию, В.М. Молотов в конце беседы делает заключение: надо было более энергично действовать после окончания войны. Такая позиция советского министра иностранных дел по существу перечеркивала те рекомендации, которые давались чехословацкому правительству советскими дипломатами ранее, в 1945 г. во время заключения перемирия с Венгрией.

Было очевидно, что чехословацкой стороне не удастся добиться на мирной конференции согласия Великих держав на тотальное переселение венгров из Словакии. Оставался лишь путь обмена населением через договоренности с венгерским правительством. Но он, по-видимому, чехословацким политикам представлялся малоэффективным для достижения их целей. Поэтому неслучайно Готвальд говорил, что после окончания обмена они будут «продолжать добиваться, чтобы остающаяся часть венгерского населения была выселена в Венгрию, и южные границы Словакии стали снова словацкими»[2].

В такой напряженной ситуации в течение 1946–1947 гг. официальные власти Праги и Братиславы стали расширять начавшиеся еще в 1945 г. акции по принудительному переселению венгерского населения из мест их компактного проживания в западные и северо-западные районы Чехии. Здесь создавались так называемые трудовые поселения. Для юридического обоснования этой акции был использован декрет президента о трудовой повинности лиц, не занятых полезным трудом. На его основании по данным, поступившим в МИД СССР, около 50 тыс. венгров было отправлено на работу в промышленность и сельское хозяйство Чехии[3]. Советское посольство, анализируя в политическом отчете

[1] Там же. С. 431–432.

[2] Восточная Европа в документах российских архивов … Т. 1 . С. 849.

[3] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 30. П. 160. Д. 107. Л. 102.

inslav

состояние межнациональных отношений в Чехословакии, вынуждено было констатировать «бесправное существование венгерского меньшинства». «Это, как отмечалось в отчете посольства, вызывало возмущение народно-демократической Венгрии. Сама Венгрия проводила совсем другую национальную политику в отношении словацкого меньшинства на венгерской территории. Она дала словакам все права и требовала от ЧСР такого же решения вопроса»[1].

Венгрия и ЧСР по сути оказались в состоянии конфликта, как в состоянии конфликта оказались лидеры КПЧ и ВКП. М. Ракоши с весны 1947 г. предпринял весьма энергичный нажим на советское руководство, добиваясь помощи СССР в деле урегулирования вопроса о венгерском меньшинстве в Словакии. Беседуя с В.М. Молотовым 27 апреля 1947 г., он подчеркивал, что отношения с Чехословакией очень плохие: «Сейчас идет обмен населением между двумя странами. Это стоит нам 200 млн форинтов, что составляет 7 % бюджета. Чехословаки берут от нас пролетариев, а нам присылают крестьян — богачей. Мы все делаем, чтобы урегулировать отношения с чехословаками, но до сих пор это не удается... Венгерских коммунистов в Словакии преследуют ... Чехословаки хотели расселить венгров, направив их в Судетскую область, но потом отказались от этого. Тогда они стали использовать венгров как чернорабочих. Дело зашло в тупик. Контакта с компартий Чехословакии у нас нет»[2]. В российских архивах хранятся письма Ракоши на имя Сталина, Молотова, записи его бесед в ЦК ВКП(б). Везде красной нитью проходила одна идея: чехословацкие коммунисты политикой преследования венгерского меньшинства в Словакии наносят вред политическим позициям венгерских коммунистов в стране. В некоторых письмах он доходит до прямой клеветы на отдельных, наиболее популярных в Словакии коммунистических лидеров, таких как Г. Гусак, В. Клементис, Л. Новомеский, обвиняя их в словацком шовинизме, антивенгерских настроениях и антисемитизме[3].

Запоздалые попытки Готвальда осенью 1947 г. получить поддержку своих позиций в Москве оказались малоэффективными. Москва теперь твердо исходила из того, что Праге более целесообразно будет добиваться договоренностей об обмене населения с новым венгерским правительством, в котором к этому времени наконец-то существенную роль стали играть коммунисты. К сожалению мы не располагаем материа-

[1] Там же.

[2] Восточная Европа в документах российских архивов … Т. 1. С. 618.

[3] АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 156.

inslav

лами о тех конкретных шагах, которые были предприняты ЦК ВКП(б) по урегулированию отношений между двумя компартиями по вопросу положения венгерского меньшинства в Словакии. Но о том, что такие шаги предпринимались, косвенно свидетельствует тот факт, что на рубеже 1947–1948 гг. официальная позиция руководства КПЧ стала заметно меняться. В январе 1948 г. венгерская сторона получила неофициальную информацию из международного отдела ЦК КПЧ, что после парламентских выборов в Чехословакии, которые должны состояться в мае 1948 г., венгерскому населению Словакии будут предоставлены равные с чехами и словаками права, и вопрос о выселении вообще будет снят. К этому же времени относится и беседа посла СССР в Праге М.А. Силина с Р. Сланским и В. Широким. В ходе беседы последние рассказывали, что их недавно вызвал К. Готвальд и «предложил окончательно решить венгерский вопрос... венгерцам (так в документе. — *Г. М.*) дадут все конституционные права, им предоставят возможность вступать в компартию, но не разрешат вступать в другие партии»[1].

Однако, несмотря на такие обнадеживающие обещания, ни установление властной монополии КПЧ в феврале 1948 г., ни победа этой партии на майских выборах 1948 г. не привели к сколько-нибудь заметному снижению напряженности в межнациональных отношениях словаков с венгерским меньшинством. Это было связано с рядом существенных моментов. Один из них — это курс на словакизацию части венгерского населения, который имел поддержку новой политической элиты, закрепившейся в системе власти. Об этом, как весьма возможном варианте, предупреждал венгерскую сторону И.В. Сталин еще в 1946 г.

Весной 1948 г. советское посольство в Праге информировало Москву, что венгерские власти находятся на распутьи: «Они должны или согласиться с предложением словаков и передать в словацкое гражданство 250 тыс. из числа венгров, имевших словацкое происхождение, а остальных забрать, или согласиться на оставление венгерского меньшинства и заставлять его поддерживать мероприятия словацкого коммунистического правительства»[2].

По данным, поступившим в МИД СССР к началу 1949 г., уже 20 тыс. венгров объявили себя словаками. Словацкие историки считают, что в результате акции по ресловакизации национальность изменили 360 тыс. человек. Что толкало людей на этот шаг? Безусловно не малую роль

[1] АВП РФ. Ф. 0138. Оп.29. П. 150. Д. 31. Л. 17–18.

[2] АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 47. Д. 9. Л. 13.

inslav

играло то обстоятельство, что в словацком обществе продолжали превалировать настроения добиться выселения венгров из Словакии. Об этом со всей очевидностью свидетельствует предпринятый летом 1948 г. социологический опрос словацкого населения. В ходе него на вопрос: «Вы за переселение мадьяр?» «Да» ответило 55 % опрошенных, «Нет» — 21 %, «Не знаю» 24 % опрошенных[1]. Поэтому не удивительно, что и в 1948 , и 1949 гг. несмотря на то, что 28 октября 1948 г. чехословацким правительством было принято решение о восстановлении всех прав венгерского населения, в разных формах продолжал реализовываться курс на ликвидацию компактно проживающего венгерского меньшинства.

Однако теперь он стал воплощаться в жизнь не столь откровенно, приобретая все больше завуалированные формы — под лозунгами борьбы с классовыми врагами. В 1949 г. советские дипломаты сообщали из Братиславы, что уже «длительное время идет подготовка к выселению из южных районов Словакии в чешские области некоторых категорий венгерского населения»[2]. К октябрю 1949 г. было подготовлено к переселению 600 венгерских семей. Как информировал советское посольство Г. Гусак, возглавлявший тогда словацкое правительство, «больше половины этих людей составляли венгерские кулаки, кустари и мелкая буржуазия»[3]. Таким образом, акции по переселению теперь придавалась «классовая окраска».

На венгров, остававшихся в Словакии, оказывался весьма жесткий нажим и на чисто бытовом уровне. В советское консульство в Братиславе осенью 1948 г. поступали сведения о том, что «Венгерское культурное общество в Словакии» вынуждено было обращаться с жалобами к уполномоченному по делам школ в правительстве Словакии о насильственной записи венгерских детей в словацкие школы.

Столь напряженная ситуация в сфере межнациональных отношений в Словакии давала повод руководству ВКП для неоднократных обращений в ЦК ВКП (б). Еще весной 1948 г. Й. Реваи и М. Ракоши, беседуя с М.А. Сусловым в Москве, пытались добиться от него согласия обсудить венгеро-чехословацкие отношения на одном из заседаний Коминформбюро. Но их предложение не получило прямой поддержки советской стороны. Суслов доказывал венгерским собеседникам необходимость и желательность урегулирования отношений с Чехословакией на основе взаимной договоренности, без вмешательства извне.

---

[1] Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 164. Д. 43. Л. 106.

[2] Там же. Ф. 023. Оп. 1. П. 3. Д. 80. Л. 1.

[3] Там же. Ф. 023. Оп. 1. П. 3. Д. 80. Л. 1.

inslav

Однако было бы наивно полагать, что получаемая из Будапешта информация оставалась без внимания главного идеолога в ЦК ВКП(б). Когда весной 1948 г. под его руководством в Москве развернулась интенсивная подготовка секретных аналитических записок с развернутой критикой руководства компартий четырех стран — Югославии, Польши, Чехословакии и Венгрии, материалы, получаемые из Будапешта о словацко-венгерских отношениях оказались весьма востребованными. В обширном документе, названном «О некоторых ошибках коммунистической партии Чехословакии», имелся специальный раздел, посвященный разбору политики КПЧ в сфере национальных отношений. В нем констатировалось весьма жестко, что, несмотря на произошедшие серьезные изменения во внутриполитическом развитии Чехословакии и радикальное изменение положения дел в Венгрии, позиция компартии Чехословакии (а также и компартии Словакии) относительно положения венгров в республике фактически не изменилась. «До самого последнего времени в государственной политике Чехословакии оставалась в силе установка на лишение венгров, еще находящихся в стране, основных демократических свобод, то есть по существу реализовывалась официальная программа дискриминации венгров...»[1].

И хотя этот документ не был Кремлем использован так, как аналогичный документ об ошибках КПЮ, и сформулированные в нем обвинения в адрес руководства КПЧ не стали предметом публичного обсуждения в Коминформбюро, он безусловно представляет большой интерес для исследователей, ибо в нем зафиксирован крутой поворот в подходах ЦК ВКП(б) к рассматриваемой проблеме. Этот поворот дает основания для вывода, что для руководства СССР проблема судеб того или иного национального меньшинства никогда не рассматривалась как самостоятельная. Ей всегда отводилась исключительно роль подсобного инструмента в решении других политически более важных с точки зрения Москвы задач.

Рассмотренный материал позволяет утверждать, что в 1945–1947 гг. вопрос о судьбах венгерского меньшинства в Словакии безусловно рассматривался Москвой прежде всего через призму продвижения коммунистов к власти. Поэтому подходы советского руководства к проблеме переселения венгров из Словакии постоянно менялись. Если в 1945 г. Кремль, учитывая общественные настроения в Чехословакии, гласно или негласно, в разном словесном оформлении все же отдавал предпочтение переселению венгров из Словакии, то к 1948 г., когда компар-

[1] Восточная Европа в документах российских архивов … Т. 1. С. 850.

inslav

тии в Восточной Европе стали монопольно правящими, ситуация изменилась. Теперь на первый план выдвигалась в качестве главной задача формирования, сплочения и укрепления «лагеря мира и социализма», находившегося в капиталистическом окружении. Модель ускоренного построения «социализма по Сталину» провозглашалась универсальной. Реализовывающаяся в Словакии с благословения Москвы политика в отношении венгерского меньшинства, вызывавшая напряженность в межгосударственных отношениях ЧСР и Венгрии, теперь не только не сопрягалась со сменой стратегического курса советского руководства, а оказывалась в прямом противоречии с ним. Поэтому она и была квалифицирована советским руководством как «шовинистический угар» и «буржуазный национализм». Носителями его объявлялись ведущие словацкие коммунистические политики тех лет: Г. Гусак, Л. Новомеский, В. Клементис, ставшие жертвами внутрипартийных политических репрессий на рубеже 1940–1950 годов. Борьба с «буржуазным национализмом» во многом определяла политическую ситуацию в Чехословакии вплоть до конца 50-х, а может быть и до середины 60-х годов XX в.

А. С. Аникеев
(Москва)

Гражданская война в Греции и греческие партизаны в Югославии (1945–1949 гг.)

Осенью 1941 г. компартия Греции и ряд левых партий создали Национально-освободительный фронт (ЭАМ), а затем и вооруженные силы (ЭЛАС). Коммунисты заняли там ведущие позиции. На политической сцене Греции того периода был представлен широкий спектр различных партий, и Коммунистическая партия (КПГ) являлась представителем лишь части греческого народа. Коммунисты рассчитывали прийти к власти после изгнания из страны оккупантов, но обстоятельства сложились не в их пользу. Советская армия, освобождая Болгарию, остановилась на ее южной границе. Договор между Сталиным и Черчиллем о сферах интересов на Балканах, заключенный в октябре 1944 г., определил Москве только десять процентов политического влияния в Греции. Остальные девяносто получила Англия. Вскоре в Греции высадились британские войска, которые помогли встать у власти в Афинах правительству «национального единства» во главе с Г. Папандреу. Если

inslav

в Румынии и Болгарии приход к власти коммунистов был обеспечен присутствием советской армии, то в Греции отсутствие этой поддержки не позволило КПГ утвердиться в качестве главной политической силы. Стратегия умеренной группы руководства компартии в рядах ЭАМ сводилась в конце войны к опоре на легальные средства, отказе от одностороннего вмешательства в работу самоуправленческих народных советов в освобожденных районах, расчетам одержать победу на послевоенных выборах и референдуме по вопросу о монархии. Это было одним из условий сохранения единства народного фронта. Зависимость КПГ от этого обстоятельства и расстановки сил внутри многопартийной структуры ЭАМ являлась сдерживающим фактором, ослаблявшим необходимый для завоевания власти потенциал, что, в свою очередь, предполагало обращение к внешней помощи. В годы войны компартии также приходилось одновременно взаимодействовать с британцами, которые летом 1943 г. признали ЭЛАС в качестве союзнической силы, и с движениями сопротивления соседних балканских стран, в первую очередь с коммунистами в Югославии. Руководство югославской компартии, стремившееся занять доминирующие позиции в балканском движении Сопротивления, позволяло себе делать критические замечания в адрес греков, указывая на слабые стороны в политике греческой компартии. Член ЦК КПЮ С. Вукманович-Темпо, который, выполняя директиву Тито, пытался летом 1943 г. организовать объединенный Балканский штаб партизанских армий, критиковал ЭАМ и КПГ за то, что они не ведут пропаганду социалистических преобразований на освобожденных территориях, не устанавливают народную власть. Компартия обвинялась также в том, что она, связанная внутри ЭАМ договором с другими партиями, не ведет на массовых собраниях агитации в свою пользу. Й. Броз-Тито, касаясь политики КПГ в военной области, отмечал, что «греческие товарищи зашли слишком далеко, передав командование партизанскими отрядами в руки различных бесчестных офицеров, и позволили оказаться национально-освободительному движению под влиянием англичан»[1].

Ситуация в Греции отчасти напоминала события, которые разворачивались в соседней многонациональной Югославии, но там движение Сопротивления возглавил коммунистический блок, который создал мощную партизанскую армию и сумел объединить вокруг себя большинство народа. Коммунисты организовали в ходе освободительной войны эффективную властную структуру, опирающуюся на народные

[1] *Улунян А.А.* Коммунистическая партия Греции. Актуальные вопросы идеологии, политики и внутренней истории. Москва, 1994. С. 82.

inslav

комитеты, которые стали ядром формируемой новой государственности. В Югославии, приход советских войск явился важным фактором, способствовавшим изгнанию из страны оккупантов, но партизанская армия к концу войны была достаточно сильна для того, чтобы самостоятельно победить коллаборационистов и четников и добиться установления власти коммунистов.

Руководство КПГ в течение 1944 г. неоднократно просило Москву о помощи в военных материалах для ЭЛАС и было уверено, что советская армия продолжит движение на юг Балканского полуострова, но в середине декабря Г. Димитров направил из Москвы греческим коммунистам, через болгар (Т. Костова) телеграмму, в которой говорилось о том, что ввиду «нынешнего международного положения вооруженная поддержка греческим товарищам извне полностью невозможна. Помощь со стороны Болгарии или Югославии, которая поставит их вместе с ЭЛАС против английских вооруженных сил, мало сейчас поможет греческим товарищам, но наоборот может сильно повредить Югославии и Болгарии». Он также рекомендовал греческим коммунистам рассчитывать на собственные силы, учитывая, что положение для них неблагоприятное, а также действовать таким образом, чтобы не допустить отрыва КПГ от масс и демократических групп[1]. Тем самым, Москва, соблюдая договоренности с Лондоном, дала ясно понять греческой компартии, не знавшей о них, что, во всяком случае, на этом этапе, никакой поддержки она предоставить не сможет. Вероятно, часть руководства КПГ думала, что начатый коммунистами в декабре 1944 г. вооруженный мятеж в Афинах даст советскому руководству предлог для того чтобы оказать давление на англичан и зависимую от них афинскую администрацию. Москва, однако, не стала вмешиваться в происходившие события, и правительственные войска, с британской помощью, быстро подавили выступление коммунистов. 12 февраля 1945 г., руководство ЭАМ и представители афинского правительства подписали в городке Варкиза соглашение, которое среди прочего предусматривало упразднение структуры ЭАМ, закрытие ее комитетов в городах, а также разоружение ЭЛАС.

В начале апреля центристское правительство Н. Пластираса сменило правое правительство во главе с адмиралом П. Вульгарисом, которое развернуло массовую борьбу с левым движением. Участники ЭЛАС подвергались дискриминации, их не брали на работу в государственный аппарат, в органы безопасности и т.д. Были приняты законы в «защиту общественной безопасности», которые ужесточали наказание за авто-

[1] Там же. С. 137.

inslav

номистскую деятельность и были направлены против эгейских македонцев, обвинявшихся в сотрудничестве с Болгарией и Югославией с целью отрыва Эгейской Македонии от Греции и последующего присоединения ее к этим государствам[1]. Произошел раскол и в ЭАМ, из которого вышел ряд партий социалистической ориентации, в результате чего осталась небольшая партийная коалиция, возглавляемая КПГ.

Усилившееся давление правых сил после этих событий заставило КПГ и подчиненные ей партизанские формирования в ЭЛАС сгруппироваться в районах Эгейской Македонии, которые в годы войны были основным центром борьбы с оккупантами и где сохранилось значительное количество оружия. Наиболее радикальная группировка ЭЛАС, воспринявшая это соглашение как капитуляцию, приняла решение об эмиграции. Весной и летом 1945 г. большая часть из нескольких тысяч покинувших Грецию партизан отправилась в Югославию, остальные в Болгарию и Албанию.

Вскоре прилегающие к этим странам районы Греции, в силу естественных причин — возможности трансграничной помощи с севера, стали опорой для возобновления прокоммунистического, антиправительственного повстанческого движения.

В условиях возникшей послевоенной политической поляризации и начавшейся «холодной войны» США и их союзники обеспечили поддержку в Афинах умеренным либералам и консерваторам, рассматривая их в качестве гарантов демократического развития страны, а коммунисты, естественно, оставшись в сфере влияния Москвы, попытались взять реванш за свою неудачную политику предыдущих лет.

На VII съезде КПГ, прошедшем в октябре 1945 г., генеральный секретарь ЦК Н. Захариадис подверг критике тех в ЦК партии, кто верил, что установление народной демократии в Греции возможно через проведение свободных выборов, путем мирных преобразований, указывая на невозможность такого развития событий в условиях британского присутствия в стране. Оно было названо летом того же года на 12 пленуме КПГ главной причиной поражения народно-освободительного движения[2]. Радикальное крыло партии во главе с Захариадисом недвусмысленно давало понять рядовой партийной массе, а также бывшим членам ЭАМ, что единственным выходом в условиях начавшегося правового террора должно стать вооруженное сопротивление «монархо-фашизму». Такое определение существующего в стране государственно-политического

[1] *Кирјазовски Р.* Македонското национално прашање и граганската војна во Грција. Скопје, 1998. С. 72–73.

[2] Там же. С. 76–77, 99.

inslav

строя позволяло коммунистам легитимировать свою борьбу с ним, получить моральную и материальную помощь от СССР и стран «народной демократии», а также выполняя пропагандистскую функцию, способствовало мобилизации новых сторонников.

На очередном пленуме в феврале 1946 г. греческая компартия приняла решение о начале вооруженной борьбы за власть в стране. Н. Захариадис ошибочно оценивал ситуацию в Греции как революционную, рассматривая присутствие британских вооруженных сил в стране как оккупацию, сходную по типу с той, которая существовала недавно в годы войны, и предлагал всенародно бороться с ней всеми возможными средствами. Весной того же года Кремль рекомендовал КПГ проводить по возможности гибкую, ленинскую, тактику — опираться на легальные формы борьбы, используя парламент и демократические институты, но, при изменении ситуации использовать и вооруженные методы. Греческие коммунисты отказались от участия в выборах, намеченных в стране на конец марта[1]. Москва, давая подобные рекомендации, фактически одобрила возможность радикального поворота в политике греческой компартии, руководство которой, понимая, что легальные методы в условиях, когда ее социальная база и электорат значительно сократились, оказываются все менее эффективными, решило опереться на оружие и развязать войну в стране. Говорить о том, что эта война была гражданской можно, как нам представляется, с большими оговорками. Это — длительная по времени партизанская вооруженная акция, не имевшая широкой поддержки в стране, проводимая под руководством КПГ, преимущественно, в северных пограничных районах при постоянной политической поддержке и материальной помощи извне. Этнические греки составляли в партизанских отрядах чуть больше половины их состава, и это соотношение значительно изменилось в пользу македонцев к концу 1948 г.

На первом этапе, с марта 1946 г. до февраля 1947 г., основной целью борьбы было оказание давления на правительство и правые группировки с целью достижения, как это понимали коммунисты, национального единства за столом переговоров и на референдуме по вопросу о монархии. На втором этапе, с февраля 1947 г. и до осени 1949 г., когда спонтанные военные действия предыдущего периода против правительственных войск не принесли результата, произошел поворот к жесткой тактике повстанческой войны с «монархо-фашистским» режимом с целью его свержения и завоевания власти в Афинах. Важной частью антиправительственной

[1] Там же. С. 101.

inslav

политики КПГ с начала гражданского конфликта было постоянное требование вывода британских войск из страны, что открыло бы коммунистам перспективу захвата власти. Н. Захариадис пытался в августе 1946 г. через болгарское руководство (В. Червенкова) поставить перед Кремлем вопрос, который он формулировал как возможность передачи Греции под ответственность ООН, с условием, что из страны уйдут англичане. В качестве варианта предлагался, отвергнутый Москвой тогда же, план придании Греции нейтрального статуса под покровительством великих держав[1]. Захариадис подчеркивал также необходимость проведения в Европе систематической кампании против террора в Греции[2]. В значительной степени это являлось пропагандистским сопровождением военной стратегии, которая связывалась руководством КПГ, как и раньше, с расчетами на помощь стран «народной демократии». СССР приступил к постоянному оказанию такой помощи через Болгарию и Югославию начиная с 1946 г., причем в значительных размерах, а время от времени ее дополняли и прямые поставки военного снаряжения со стороны самой Югославии, и, в меньшей степени, Болгарии. В течение последующих лет материальную помощь греческим коммунистам оказывали также Польша, Чехословакия, Венгрия и Румыния. В апреле 1946 г. во время встречи в Белграде Тито обещал Н. Захариадису моральную, политическую и материальную поддержку и помощь движению. Была достигнута договоренность о перемещении 20 тыс. сторонников греческой компартии из Греции в Югославию для создания резерва партизанской армии. КПГ получила право рекрутировать в свои вооруженные отряды бойцов из рядов греческой и македонской политэмиграции. Для реализации задач греческого партизанского движения должен был действовать лагерь в Булькесе. В октябре того же года КПЮ передала руководство Национально-освободительным фронтом (НОФ) Эгейской Македонии греческой компартии[3].

Член ЦК КПГ Я. Иоаннидис, посетивший Софию в сентябре 1946 г., передал через Димитрова просьбу к «братским партиям» поставить оружие, обмундирование и продовольствие для 8 тыс. партизан, сообщив при этом, что после подписания «варкизского соглашения» удалось сохранить военное снаряжение на 12 тыс. бойцов [4].

---

[1] *Stavrakis P.* Moscow and Greek Communism. 1944–1949. NewYork, 1989. P. 174.

[2] *Даскалов Г.* България и Гърция: от разрыва към помирение. 1944–1964. София, 2004. С. 137.

[3] *Кирјазовски Р.* Указ. соч. С. 114, 116.

[4] Там же. С. 118.

inslav

В приграничных районах балканских «народных демократий» постепенно возникали лагеря политических беженцев и греческих партизан. В Болгарии это были, главным образом, небольшие военные базы, где уже в 1946 г. партизаны получили возможность проходить подготовку, перегруппировываться, отдыхать, а раненные — получать медицинскую помощь и лечиться в болгарских госпиталях. На конец 1948 г. действовали лагери в Берковицах, Хасково, Дупнице, Сливене, Стара Загоре, Петриче, Неврокопе и других местах, всего таких лагерей в которых проходили подготовку около 3 тыс. бойцов Демократической армии Греции (ДАГ), было десять. Несколько сотен раненных партизан находились на лечении в больницах Софии, Пловдива, Смолена, Асеновграда, Петрича[1].

В Югославии первые лагеря для беженцев были созданы в Македонии, в Тетово, Битоле, Велесе, Прилепе. Из самого крупного, в Куманово, в мае 1945 г. около 1,5 тыс. человек было отправлено в Воеводину. Там главной базой греческих беженцев и партизан на несколько лет стал лагерь, находившийся в селении Булькес. До войны это было большое немецкое село недалеко от Нови Сада на плодородной дунайской равнине. Югославские власти, принимая беженцев по просьбе греческой компартии, рассматривали эту акцию как исполнение своего интернационального долга. Надзор за лагерем осуществляли органы госбезопасности — УДБ.

Выбор села в качестве места для беженцев было заслугой А. Дзимаса, члена ЦК КПГ, представителя ЭАМ в Югославии, для которого была важна его удаленность от Греции, а также расположение в центре крупнейшего сельскохозяйственного района Югославии, поскольку это могло дать возможность партизанам жить на условиях самообеспечения[2]. В начале июня 1945 г. сюда приехали 2700 человек, которых разместили в 625 пустующих домах. На следующий год число беженцев выросло до 4 тыс. человек, а к лету 1949 г., когда югославы решили закрыть лагерь, в нем находились уже 4, 5 тыс. греков[3]. В 1946 г. в Булькес были перевезены греческие беженцы из закрытого военного лагеря Рубиг в Албании. В разное время в Булькесе находились от 200 до 250 женщин и 40 детей, из которых половина родилась в Югославии.

---

[1] *Даскалов Г.* Указ. соч. С. 146.

[2] *Eudes D.* Les Kapetanios. La guerre civile grecque de 1943 à 1949. Paris, 1970. P. 331.

[3] *Ристовић М.* Експеримент Булкес. Грчка утопија у Југославије 1945–1949. Нови Сад, 2007. С. 18–19.

inslav

В первое время жителей лагеря снабжали продовольствием со складов 3-й югославской армии, а весной 1946 г. им было выделено 3,5 тыс. гектаров плодородной земли, и уже с осени значительная часть необходимого поступала с собственных полей и огородов, а через некоторое время и из организованных животноводческих ферм.

Все способные трудиться должны были это делать в обязательном порядке. Новые жители села, греки, были разбиты на группы по характеру занятий. Большая часть, 2 тыс. человек, работала в сельском хозяйстве. Около 500 человек были заняты на югославских предприятиях в Нови Саде и Самборе. 200 женщин посещали курсы медсестер[1]. Постепенно, по мере заполнения лагеря, он приобрел форму коммуны, которая существовала автономно, фактически вне пределов югославской юрисдикции. Административное управление в селе полностью перешло в руки самих поселенцев во второй половине 1946 г. Оно осуществлялось состоящим из девяти членов Комитетом, который возглавлял до середины 1947 г. Михалис Пектасидис, входивший в руководство КПГ и занимавший в свое время руководящие позиции в спецорганах ЭАМ-ЭЛАС. Как считает автор работы по истории гражданской войны в Греции Д. Эйдес (D. Eudes), именно Пектасидис под руководством находящегося в Белграде Иоаннидиса, представителя КПГ при КПЮ, способствовал установлению в лагере драконовского, полицейского режима в сталинистском духе[2]. В лагере действовала собственная служба безопасности, которая все держала под постоянным контролем, поддерживая этот репрессивный режим. Руководителей Комитета, как и секретарей партийной организации, насчитывавшей около 3 тыс. членов, назначал ЦК греческой компартии. Парторганизация Булькеса имела высокий статус в партийной структуре КПГ, такой же, как афинская городская парторганизация. В селе работала типография, выпускавшая три раза в неделю тиражом 500 экземпляров газету «Голос Булькеса», пропагандистскую и другую специальную литературу, школьные учебники для начальной школы и гимназии первого уровня[3].

Среди беженцев были представители интеллигенции: в 1946 г. 57 преподавателей, 32 агронома, 6 врачей, 25 музыкантов. Пролетарскую прослойку представляли около 200 механиков различного профиля, 130 столяров и плотников, 100 строителей, 70 водителей, 50 кузнецов, 100 сапожников и 250 человек других профессий. В селе работали швей-

[1] Там же. С. 21.

[2] *Eudes D.* Op.cit. P. 331–332.

[3] *Ристовић М.* Указ. соч. С. 24–26, 29.

inslav

ная и обувная мастерские, небольшая фабрика по переработке пеньки, слесарные и строительные бригады. Вместе с тем, булькеской коммуне с момента создания и до последних дней существования постоянно требовалась помощь от принявшей ее страны во всем — от продовольствия, одежды, семян для посевных работ и сырья для мелкотоварного производства, до предметов первой необходимости. Руководство коммуны, взяв на себя роль «автономного правительства» решило печатать собственные деньги, которые, в определенном соотношении к югославскому динару, имели хождение только внутри села[1].

Важным компонентом этого партизанского лагеря — коммуны, определявшим смысл его существования, было наличие офицерской школы (или военной академии, как ее называли в Афинах и на Западе), в которой готовились офицеры для командного состава ДАГ. Это была система 3–4 месячных курсов основных военных дисциплин, и к началу 1947 г. в этом заведении, которое конспиративно называлось «школа общего образования», прошли подготовку около 600 курсантов. На основе апрельской 1946 г. договоренности между Тито и Захариадисом в июле того же года началось масштабное перемещение партизан из Булькеса в Грецию. Они составили основу повстанческого движения в западной части Эгейской Македонии[2]. По разным данным в разгар военных операций в Греции в 1947–1948 гг. ежедневно из Булькеса выезжали группы от 10 до 20 человек и в сопровождении сотрудников УДБ доставлялись поездами в Скопле, и далее до болгарской или югославской границы.

В лагере также работала партийная школа полугодового цикла, в которой проходили обучение 140 коммунистов, изучавших теорию марксизма-ленинизма, историю ВКП(б) и КПГ, математику, географию и другие дисциплины. Отправка партизан в Грецию, как и нормальная работа офицерской и партийной школы продолжалась до конца 1948 г., когда на эту отлаженную процедуру стал оказывать влияние советско-югославский конфликт и контроль над деятельностью лагеря со стороны официальных югославских властей усилился. Принятие руководством КПГ резолюции Информбюро разделило и парторганизацию Булькеса на две неравные части — «сталинистов», которых было большинство, и «титоистов», что, наряду с другими факторами способствовало возникновению трений между руководством лагеря и югославскими властями и постепенному прекращению нормальной лагерной жизни[3].

---

[1] Там же.С. 34–38.

[2] *Кирјазовски Р.* Указ. соч. С. 118.

[3] *Ристовић М.* Указ. соч. С. 60–63.

inslav

Оказание помощи партизанам со стороны стран «народной демократии», также как и существование на их территории лагерей неоднократно обсуждалось на протяжении второй половины 1940-х годов в стенах ООН. В декабре 1946 г. там, уже в третий раз, ставился на повестку дня «греческий вопрос», инициированный делегацией Греции. В своем заявлении греческий делегат говорил о существовании систематического плана, на основании которого совершалась агрессия против этой балканской страны. Составными его частями была, во-первых, интенсивная пропаганда в пользу включения греческой (Эгейской) Македонии в состав югославской Македонии. Активная поддержка «повстанческих банд» со стороны Албании, Болгарии и Югославии, предоставляющих свою территорию для организации оперативных баз, составляла, по мнению греческого правительства, вторую часть этого плана[1].

19 декабря 1946 г. была создана Специальная Балканская комиссия при ООН, призванная проводить расследование всех обстоятельств, связанных с «греческим вопросом». Наблюдатели этой комиссии в последующий период многократно фиксировали перемещение партизан в обе стороны через греческую границу, получали сведения об оказании им материальной помощи, обстановке в лагерях на территории Югославии, Албании и Болгарии[2]. 21 октября 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой Албания, Болгария и Югославия обвинялись в поддержке греческих повстанцев, что как отмечалось, создавало угрозу политической независимости и территориальной целостности Греции, а также миру и безопасности на Балканах. Активная политика США в этой международной организации, направленная на выработку консолидированной позиции западных держав по греческой проблеме, после выяснения всех деталей вмешательства в греческие дела стран «народной демократии», заставила советскую дипломатию искать ответы на вопросы Запада. Северные соседи Греции отвергли обвинения как фальшивые[3]. Советский представитель в ООН А.А. Громыко, не имея серьезных аргументов в защиту позиций стран «народной демократии», пропагандистки обвинил правительство Греции в том, что оно создает угрозу этим трем балканским государствам, а также в подавлении прав греческого народа[4].

---

[1] Yearbook of the United Nations.1946–1947. New York, 1947. P. 360.

[2] Архив внешней политики РФ (далее АВП РФ). Ф. 84. Оп. 31. Д. 18. П. 32. Л. 188, 195, 212, 227.

[3] Yearbook of the United Nations. 1947–1948. N.Y., 1949. P. 300–301.

[4] *Kondis B.* Aspects of greek-american relations on the eve of the Truman doctrine // Balkan studies. 1978. Vol. 19. № 2. P. 338.

inslav

Послевоенный гражданский конфликт в Греции представлял собой противостояние блока греческих либералов, правых консерваторов и популистов с коммунистами, пытавшимися на последнем этапе, привлечь на свою сторону греческих македонцев. Если афинское правительство, имевшие значительную поддержку населения, в качестве основной задачи формулировало сохранение территориальной целостности и этнического единства страны, не отказываясь в то же время от планов по созданию Большой Греции (Мегали идея), то компартия, постепенно теряя социальную базу, готова была для достижения своих целей идти на заведомо непопулярные в Греции шаги. Речь шла о создании независимой трехчленной Македонии. Идея создания такого государства обсуждалась во время встречи представителей ЦК КПГ и ЦК БКП Я. Иоаннидиса и Д. Даскалова в июле 1944 г. Во время этой встречи, как утверждают некоторые историки, был подписан договор, который предусматривал создание после войны Советской республики Македония, в которой должны были объединиться ее болгарская, сербская и греческая части. С. Вукманович-Темпо еще в период переговоров с греками летом 1943 г. относительно создания общебалканского партизанского штаба также ставил вопрос об образовании объединенной Македонии, которая после войны будет входить в федеративную новую Югославию. Один из руководителей ЭАМ А. Дзимас сообщал позднее в Москву, что согласие на это предложение югославов было бы равносильно развалу всего греческого антифашистского фронта, «так как широкие массы трудящихся Греции отвернулись бы от компартии, узнав, что она согласна отдать одну четверть Греции, населенную в подавляющем большинстве греками»[1]. КПГ в годы войны и особенно на ее заключительном этапе избегала постановки вопроса о предоставлении широкой автономии македонцам. Эта тема использовалась националистическими партиями для дискредитации греческих коммунистов, которые обвинялись в намерении оторвать от Греции Эгейскую Македонию и отдать ее Болгарии и Югославии. В годы войны политическое руководство ЭАМ неодобрительно относилось к СНОФ (Славомакедонскому национально-освободительному фронту) и особенно к его македонским военным отрядам. Чтобы избежать конфликта с частями ЭЛАС они в середине октября 1944 г. были отправлены в Югославию, где на их базе организовали Первую эгейскую македонскую ударную бригаду, позднее включенную в состав югославской армии. Вместе с тем, в первые послевоенные годы КПГ, под влиянием Белграда и Со-

[1] Цит. по: *Улунян А.А.* Указ. соч. С. 78–79.

inslav

фии, находясь в зависимости от предоставляемой ими помощи, продолжило разработку планов по автономизации Македонии с целью удовлетворения политических и военных амбиций руководства этих стран. Москва также была заинтересована в организации военных баз в районе Эгейского моря[1].

У советских руководителей возможность победы партизан в войне стала вызывать серьезные сомнения, и Сталин в феврале 1948 г. на встрече с югославским и болгарским руководством в Москве поставил вопрос о прекращении поддержки вооруженной борьбы греческих коммунистов из Белграда и Софии. Не исключено, однако, что это могло быть только частью его антиюгославского плана, целью которого была элиминация плохо контролируемой из Москвы политической и военной активности Белграда в регионе, создававшей там угрозу советским интересам. Весной 1948 г. Н. Захариадис встречался в Праге с В. Молотовым, который, получив уверения в скорой победе греческих коммунистов, обещал ему усиление дипломатической поддержки и увеличение материальной помощи со стороны СССР и стран «народной демократии» греческим партизанам[2]. Тогда же руководство КПГ и вооруженными силами (ДАГ) предприняли очередную попытку доказать Кремлю, что шанс победить достаточно велик и усилили военное давление на правительственные войска в северных районах Греции.

Во второй половине 1948 г. театр военных действий в Греции окончательно сузился, наиболее активное сопротивление продолжили лишь партизанские отряды в Эгейской Македонии, вдоль границы с Албанией, Югославией и Болгарией. В этот период все более заметное влияние на способность партизан вести эффективные боевые действия начал оказывать усиливающийся конфликт между Москвой и Белградом. КПГ в этом конфликте поддержала советскую сторону, что вызвало ожидаемую реакцию югославов, которые стали резко сокращать материальную поддержку грекам. Сохранялась вплоть до осени следующего года только помощь переходившим границу раненым партизанам. В начале 1949 г., когда все попытки переломить ситуацию оказались безуспешными, Н. Захариадис и часть руководства КПГ, чтобы избежать поражения, решили использовать этнический фактор, а именно: провести тотальную мобилизацию греческих македонцев — «славофонов» (принятое в Греции название славян, проживавших в районе Эгейской Македонии. — *А. А.*) на борьбу с «монархо-фашистами», под лозунгом создания единого

[1] АВП РФ. Ф. 84. Оп. 3. Д. 24. П. 30. Л. 2.

[2] *Stavrakis P.* Op.cit. P. 168–169.

inslav

македонского государства. Такая мобилизация, по свидетельству очевидцев, выглядела как насильственный увод из деревень всей молодежи, включая девушек. Практика подобного рода стала применяться еще раньше. В январе–феврале 1948 г. греческая пресса сообщала из Македонии, что партизаны мобилизовали в одной из деревень 14 подростков в возрасте 14–15 лет и 5 женщин. Из других деревень забрали 48 крестьян[1]. В феврале, также в греческой Македонии, партизанами было уведено 24 человека, из них 13 девушек. 10 февраля еще из одной деревни партизаны сумели мобилизовать в свои ряды 88 человек молодежи, в том числе 32 девушки[2]. Вероятно, как и в последующих случаях, какую-то часть крестьян забирали насильственно, в то время как другая, в результате коммунистической индоктринации, уходила в горы добровольно.

В сентябре 1948 г. в районе Вици, в Центральной Македонии, стала формироваться партизанская группировка под руководством генерал-майора Г. Карагеоргиса, бывшего редактора коммунистической газеты «Ризоспастис». Партизаны обещали организовать здесь крупный очаг сопротивления, такой же как в районе Граммоса. Сюда прибыла также часть из 7 тыс. «славомакедонцев», располагавшихся на территории Югославии в лагере Каково, остальные отказались к ним присоединиться, так как поддержали антиинформбюровскую линию своего руководства[3]. К этому времени в боевых частях ДАГ македонцы стали составлять до двух третей состава.

Помимо привлечения македонцев изменился и гендерный состав армии — в вооруженную борьбу, зачастую также насильно, вербовались молодые женщины, которых в составе отдельных партизанских групп оказывалось более половины. Они становились своего рода заложницами партизанского руководства, так как у них отбирали детей, которых отправляли в страны «народной демократии». Н. Захариадис считал, что часть их, достигнув совершеннолетия, сможет вернуться в Грецию и станет пополнением партизанской армии. Между тем, формально в качестве основной причины, заставлявшей КПГ действовать таким образом, называлось усиление бомбардировок освобожденных районов и использование правительственными войсками тяжелой артиллерии. С июня 1946 г. по март 1949 г. партизаны отправили в соседние страны

[1] АВП РФ. Ф. 84. Оп. 31.Д. 18. П. 32. Л. 12–14.

[2] Там же. Л. 41–43.

[3] Там же. Л. 240.

inslav

28 тыс. детей[1]. Только осенью 1948 г. партизаны увели 476 женщин и 460 детей. Ранее было вывезено в Албанию 906 детей[2].

Проблема «греческих детей» стала вскоре интернациональной и обсуждалась в Балканской комиссии ООН, а затем на переговорах Греции с Югославией и Болгарией. Афины стали постоянно ставить этот вопрос перед югославской стороной в период нормализации двусторонних отношений после возникновения конфликта СССР с Югославией. На переговорах двух сторон в январе 1950 г. была названа цифра в 12 300 детей, вывезенных из Греции только в Югославию. К этому времени в Югославии осталось 5 тыс., а остальные были отправлены в Венгрию и Чехословакию[3]. В июле 1950 г. Тито заявил, что югославская сторона готова вернуть греческих детей. Позднее Белград небольшими группами начал возвращать оставшихся детей в Грецию.

В августе 1949 г. после тяжелых боев на Граммосе последние отряды партизан ушли в Албанию и частично в Болгарию, а позднее были расселены по всем странам «народной демократии», в том числе в Советском Союзе. Война закончилась для коммунистов поражением. Югославия, которая по договоренности с Западом, уже не позволяла к этому времени перемещение со своей территории бойцов для пополнения партизанской армии, сделала исключение для раненных партизан, разместив их в своих госпиталях. Было принято около одной тысячи человек. Всего в последних операциях на Граммосе в конце лета 1949 г. участвовало около 18 тыс. партизан[4]. 16 октября радиостанция КПГ, расположенная в Румынии, передала коммюнике командования ДАГ, в котором сообщалось, что «армия прекращает свои действия и операции против монархофашистов для предотвращения катастрофы страны, но это не означает, что ДАГ перестает существовать»[5].

---

[1] Там же. Оп. 32. Д. 15. П. 33а. Л. 76. По данным Красного Креста на конец 1948 г. всего детей в возрасте от 3-х до 14-ти лет было 23 693. Из них 10 000 детей — в Югославии, 3 801 в Румынии, 3 000 в Венгрии, 2 660 в Болгарии, 2 235 в Чехословакии и 2 000 в Албании (*D. Eudes.* Op. cit. P. 418).

[2] АВП РФ. Ф. 84. Оп. 31. Д. 19. П. 32. Л. 136.

[3] Там же. Оп. 33. Д. 9. П. 34. Л. 21.

[4] Там же. Оп. 32. Д. 15. П. 33а. Л. 89. Характерно, что еще в конце января 1949 г. Захариадис, прибывший в Софию, которая становилась основным донором для греческих партизан, заявил на заседании Секретариата ЦК БКП (к), что перспективы партизанского движения в первом квартале этого года «неплохие». Болгары к этому времени подготовили более 400 тонн военных материалов для отправки в Грецию (*Даскалов Г.* Указ. соч. С. 147.).

[5] Там же. Л. 93.

inslav

Наступали последние дни самого крупного лагеря греческих партизан в Булькесе. В августе — сентябре 1949 г. по договоренности с чехословацкой компартией и получив разрешение югославских властей, основная часть жителей этого лагеря отправилась в Чехословакию[1].

С момента начала гражданской войны в Греции, инициированной греческими коммунистами, активную поддержку им оказывали страны «народной демократии». Северные соседи Греции — Югославия, Болгария и Албания помимо материальной помощи, предоставили на своей территории базы военной подготовки и отдыха для партизан, дали возможность пользоваться медицинской помощью в своих госпиталях, оказывали содействие в переброске бойцов через границу. Все эти действия постоянно координировались с советским руководством. СССР был и главным финансовым спонсором партизанского движения в Греции, положительно отвечая на постоянные просьбы греческих коммунистов о материальной поддержке. Руководители КПГ сумели убедить Сталина в скорой победе своих вооруженных сил над правительственными войсками и установлении в Греции «народной демократии», что отвечало долгосрочным интересам Москвы и ее балканских союзников. В то же время, активная политика США в Греции, поддерживавших законное афинское правительство в рамках «доктрины Трумэна», заставила советских руководителей искать пути урегулирования конфликта мирными способами, не допуская, однако, исключения коммунистов из политического процесса. Решение проблемы на условиях КПГ и поддерживающей ее советской дипломатии оказалась неприемлемой для Афин и их западных союзников. Там рассматривали инициативы Москвы как попытку оттянуть разгром повстанческих отрядов. Советско-югославский конфликт изменил ситуацию и позволил Афинам увеличить эффективность своих военных усилий за счет согласия Белграда прекратить активную поддержку греческих партизан. Попытка КПГ, поддержанная Москвой и ее сателлитами, провалилась, обернувшись трагедией для сотен тысяч греков. Только в военных действиях с июня 1946 г. по март 1949 г. погибло около 68 тыс. человек, несколько тысяч пропало без вести, десятки тысяч мужчин, женщин и детей были ранены или уведены партизанами в горы, более 700 тыс. стали беженцами[2]. Представители Красного Креста заявили в декабре 1948 г. об ужасном положении в Северной Греции, где в лагерях беженцев, по разным подсчетам, находилось от 650 тыс. до

[1] *Ристовић М.* Указ. соч. С. 69–70.

[2] АВП РФ. Ф. 84. Оп. 32. Д. 15. П. 33а. Л. 76.

inslav

миллиона человек[1]. В январе 1950 г. конгресс США дал разрешение на въезд в страну 320 тысячам греческих беженцев, признанных жертвами гражданской войны[2].

Возвращаясь к истории лагеря Булькес, можно оценить его создание и почти четырехлетнее существование как попытку руководства греческой компартии поставить эксперимент и воплотить в жизнь на ограниченном пространстве в Югославии коммунистическую утопию, реализация которой в Греции в то время была невозможна. Создав коммуну, идеологически индоктринированные греки, в основном бывшие бойцы ЭЛАС, под руководством функционеров КПГ, действовавших в соответствии с марксистскими схемами и нередко полицейскими методами, пытались создать модель идеального общества, которая, в случае победы коммунистов в Греции, должна была быть встроена в новую реальность, став ее образцом.

Е. Ю. Гуськова
(Москва)

Балканские войны 90-х годов XX в. и их последствия для судеб сербского народа

Войны на Балканах в 90-е годы прошлого века оставили тяжёлый след в судьбах всех народов бывшей Югославии. Но для сербского и черногорского народов было ещё одно испытание — санкциями, которые Совет безопасности (СБ) ООН ввел 30 мая 1992 г.

Санкции вводились в Югославии поэтапно. 5 июля 1991 г. на встрече министров иностранных дел ЕС в Гааге министр иностранных дел Германии Ганс-Дитрих Геншер предложил ввести эмбарго на поставки оружия в Югославию и заморозить ей финансовую помощь. 25 сентября 1991 г. СБ ООН принял Резолюцию 713 о запрещении ввоза оружия в Югославию. 2 декабря 1991 г. Совет министров ЕС решил ввести экономические санкции против Сербии и Черногории.

Резолюция 757 СБ ООН от 30 мая 1992 г. содержала полное торговое эмбарго, остановку всех финансовых операций, авиаперевозок, приостановку научного, культурного и технического сотрудничества, исключение спортсменов СРЮ из международных соревнований. Стра-

[1] Там же. Оп. 31. Д. 19. П. 32. Л. 150.

[2] Там же. Оп. 33. Д. 9. П. 34. Л. 19.

inslav

нам — членам ООН запрещались любые торговые операции с СРЮ, использование югославских кораблей и самолетов, деловые контакты с СРЮ, все финансовые трансакции с юридическими и физическими лицами из СРЮ. Замораживались югославские валютные фонды за границей, вводились ограничения на перелет и посадки югославских самолетов, сокращалась численность состава югославских дипломатических корпунктов, запрещалось участие югославских представителей в спортивных мероприятиях за границей, научно-техническое и культурное сотрудничество. Единственное исключение было сделано для ввоза в СРЮ продовольствия, некоторых медикаментов и самых основных средств существования.

Резолюция 787 от 16 ноября 1992 г. ужесточала санкции, введенные Резолюцией 757. Запрещался международный транзит важнейших видов сырья и продуктов (сырой нефти и нефтепродуктов, угля, оборудования для энергетики, железа, стали и других металлов, химикатов, пневматики, транспортных средств). Однако была предоставлена возможность осуществления международного транзита вышеперечисленных видов сырья и продуктов производства через СРЮ в случае крайней необходимости и при наличии особого разрешения Комитета по санкциям. Одновременно усиливались меры контроля за судами в югославских морских портах и на Дунае. Вводился строгий контроль над судоходством на Дунае и Адриатике.

В апреле 1993 г., согласно Резолюции 820 СБ, полностью запрещался перевоз товаров Дунаем, замораживались югославские счета в иностранных банках. Для связи с внешним миром Югославии были оставлены только телефон, железнодорожная и почтовая связь (при этом посылки не принимались, а для писем существовал ряд ограничений), во многих странах запрещалось распространение сербских газет и журналов.

Мотивы и основания для введения санкций против Югославии сегодня вызывают большие сомнения, поскольку санкции ставили под вопрос реализацию основных прав и свобод человека, создавали тяжелые условия жизни для населения СРЮ.

Последствиями санкций стал глубокий кризис экономики Югославии, а её население было поставлено на грань выживания. Прямой ущерб от них только за год применения оценивается в 10 млрд. долларов, за три года — в 45,117 млрд. долларов[1]. По национальному доходу на душу на-

[1] *Кондрашов А.* Югославия под санкциями // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. М.,1993. 14 июля. № 117. С. 23; Bilten vesti. Moskva, 1994. 18 jan. S. 3; *Волф Г.* За осамнаест година живићемо као 1990 // Политика. Београд, 1994. 23 март. С. 13.

inslav

селения Югославия стремительно приблизилась к уровню слаборазвитых стран Азии и Африки. Из-за отсутствия сырья, запчастей, рынков сбыта, прекращения капитальных вложений окончательно встали или перешли на ограниченный режим работы тысячи предприятий, более 900 тыс. рабочих были отправлены в вынужденные отпуска. Число безработных в январе 1994 г. составило 760 тыс. человек[1]. В 1992–1993 г. из страны уехало 370 ученых и специалистов высокой квалификации (из них 40 % моложе 40 лет и 40 % — доктора и кандидаты наук)[2].

Особенно трудными были 1992 г. и начало 1993 г. Темпы роста инфляции считались уже на минуты: в 1992 г. они составили 19810,2 %[3]. До конца 1993 г. инфляция составила 1 000 000 %. В декабре того года цены по сравнению с ноябрем увеличились в 1790 раз (в Черногории — в 2395), на сельхозпродукты — в 3586 раз. А если сравнить цены в Югославии в 1993 и 1992 г., то они выросли в 1 165 459 065 633 (один биллион сто шестьдесят пять млрд.)[4]. К январю 1994 г. инфляция составила 313 000 000 %. В результате инфляции средняя зарплата опустилась ниже 6 долларов. Было введено нормированное распределение продуктов, предметов первой необходимости. Село оказалось фактически изолированным от города, так как не было бензина, чтобы привезти товары на рынок[5].

Начиная с 1992 г., ухудшились условия производства сельскохозяйственной продукции и в целом — его снижение. Снизилось употребление минеральных удобрений со 114 кг на 1 га в 1990 г. до 52 кг в 1993 г. Запрет на вывоз сельскохозяйственных товаров ежегодно приносил государству потери в 600 млн долларов[6]. Комитет по санкциям не одобрил ввоз 37,5 млн куб. м. природного газа для производства азотного удобрения, что снизило урожай пшеницы на 500 тыс. т. Это составило потерю, равную сумме в 75–80 млн. долл. США, а также привело к опасной нехватке продуктов питания для населения[7].

---

[1] Bilten vesti. Moskva, 1994. 18 jan. S. 3.

[2] *Волф Г.* Указ. соч.

[3] *Kovačević S., Dajić P.* Hronologija jugoslovenske krize. Beograd, 1994. S. 147.

[4] Bilten vesti. Moskva, 1993. 30 dec. S. 1.

[5] *Богуновић Б.* Тако је говорио Иглбергер // ТАНЈУГ — пола века. Београд, 1993. С. 14, 21.

[6] Dve godine posle: Pravni, humanitarni i ekonomski odraz sankcija Saveta bezbednosti OUN protiv SR Jugoslavije. Beograd, 1994. S. 21.

[7] Информация Союзного министерства иностранных дел о последствиях санкций (14 апреля 1993 г.). Документ МИД СРЮ. Рукопись.

inslav

Санкции наиболее тяжело отразились на здоровье населения. Функционирование здравоохранения в СРЮ на 95% зависело от ввоза лекарств, сырья для их производства, медицинского и санитарного оборудования и запасных частей и всех других продуктов, необходимых для медицины. В результате увеличилось количество заболевших и умерших, санкции негативно повлияли на психическое и физическое развитие детей и молодежи, что оставит долгий след на биологическом потенциале многих поколений. Росла смертность от заболеваний, протекавших в острой форме, среди грудных детей, больных хроническими заболеваниями, пожилых людей, так как не хватало лекарств, необходимых операционных средств, аппаратуры точной диагностики и т.п.

Комитет ООН по санкциям фактически блокировал доставку в страну лекарств и гуманитарной помощи. Из-за неоправданно длительной процедуры одобрения любого импорта в страну Комитетом по санкциям цикл производства лекарств в СРЮ был почти полностью остановлен. Уже в 1992 г. недоставало более 50 % необходимых для первой медицинской помощи лекарственных препаратов: антибиотиков, препаратов для лечения гипертонии, заболеваний сердца, почек, а также лекарств в ампулах, средств для анестезии, трансфузии крови и др.[1] Уровень рождаемости упал с 16 % в 1986 г. до 13 % в 1993 г., смертность увеличилась с 9,6 % в 1986 г. до 10,2 % в 1993 г. За первые два года действия санкций в Югославии родилось на 24 тыс. детей меньше, чем в 1991 г., а количество умерших увеличилось на 10 122. К примеру, в белградской клинике акушерства и гинекологии «Народный фронт» в 1989 г. умерло 2 % новорожденных, а в 1994 г. – 15 %[2]. Каждый второй ребенок Белграда был истощен. В 1989 г. из 100 госпитализированных детей умирали 1,45, а в 1993 г. – 2,07 ребенка[3]. Директор детской клиники в Белграде направил Б. Бутросу-Гали письмо, в котором указал, что операции на сердце ждут 55 малышей, а лекарств и препаратов клиника имеет только для пятерых. Он просил Генерального секретаря ООН выбрать по списку тех детей, которым предстоит жить. Ответ так и не был получен.

В больницах выросли длинные очереди людей, ожидавших операций, отложенных с 1992 г. Смертность людей от излечимых болезней увели-

[1] Там же.

[2] Izveštaj o rezultatima republičkog referenduma. Документация информационной службы Президента Черногории.

[3] *Јеличић В.* Шта је претходило резолуцији у «плавом» // Политика. Београд, 1994. 25 септ. С. 11.

inslav

чилась на 8 %, людей пожилого возраста в 1992 г. по сравнению с 1986 г. — на 501 %[1]. Помолодел инфаркт — к 1992 г. с 56 до 46 лет, число смертельных случаев от инфекционных болезней в 1992 г. по сравнению с 1989 г. увеличилось на 178 %[2], смертность диабетиков только в 1992 г. увеличилась в два раза. Уже в первый год санкций смертность стариков увеличилась в шесть раз по сравнению с 1986 г. За этот же период количество убийств увеличилось на 49, а самоубийств — на 22,8 %[3]. В среднем каждые два дня в Белграде происходило по одному самоубийству[4].

Около 5 тыс. людей с болезнью почек, чья жизнь зависела от диализа, оказались в 1992 г. под угрозой смерти. Росла заболеваемость туберкулезом, особенно среди беженцев из бывшей Боснии и Герцеговины, которые проживали в местах компактного размещения.

Увеличилось число эпидемий и количество заболевших как результат нехватки средств для заблаговременной и эффективной профилактики. В 1992 г. в результате инфекционных заболеваний смертность по сравнению с предыдущим периодом возросла на 37,5 %, а число эпидемий по сравнению с 1991 г. – в 2,5 раза. Число детей, охваченных программой обязательной вакцинации, по сравнению с 1988 г. сократилось на 7–10 %[5].

Известно, что большое число раненых с территории бывшей СФРЮ проходило лечение наряду с гражданскими лицами в военно-медицинских учреждениях СРЮ, где имелся недостаток лекарств и оборудования более чем на 30 млн. долл.[6]. Процент послеоперационных инфекций вырос с 19 % в 1992 г. до 54 % в 1993 г.

Санкции серьезно сказались на уровне жизни и питании населения. Произошло падение потребления всех видов продуктов, кроме муки (хлеба). В 1992 г. по сравнению с 1988 г. в стране потребление молока уменьшилось на 24 %, мяса — на 23, овощей — на 36, фруктов — на 46 %.

---

[1] Uticaj sankcija međunarodne zajednice na zdravlje naroda SRJugoslavije // Jugoslovenski pregled. Beograd,1994. G. 38, N 1. S. 105.

[2] Dve godine posle: Pravni, humanitarni i ekonomski odraz sankcija Saveta bezbednosti OUN protiv SR Jugoslavije. Beograd, 1994. S. 27.

[3] *Јеличић В.* Указ. соч.

[4] Резолюции и решения Совета Безопасности ООН за 1993 г. Нью-Йорк, 1994. С. 348.

[5] Там же. С. 346.

[6] Информация Союзного министерства иностранных дел о последствиях санкций….

inslav

Критический период в падении жизненного уровня наступил во второй половине 1993 г. Согласно официальным данным, калорийность питания населения снизилась на 28,2 %, и оказалось на 20 % ниже минимально необходимого физиологического уровня. Калорийность питания детей в яслях снизилась на 25, а детских садах — на 40 % от необходимой нормы[1]. Зимой 1993 г. 50 % белградских детей голодали. Как показывали анализы крови на содержание гемоглобина, каждый второй школьник в Белграде страдал малокровием[2]. В 1992 г. в Нови-Саде у 14 % студентов уровень гемоглобина в крови был ниже предельной границы (при этом у 49 % — ниже нормы). В этом городе в 1992 г. 17 % студентов были негодны к воинской службе из-за истощения. В Нише таковых было 26 %. Санкции Совета Безопасности поставили под серьёзную угрозу уровень жизни и ухудшили питание населения, что вело к тяжелым последствиям в сфере воспроизводства населения, его здоровья и трудоспособности[3].

Ухудшились условия стационарного лечения в психиатрических больницах, где находились около 3 тыс. пациентов. Из-за нехватки медикаментов больные проявляли агрессивность, склонность к насилию. Среди них росла смертность. В психиатрической лечебнице в Ковине в 1992 г. умерли 250 пациентов, что на 200 с лишним процентов больше, чем в 1991 г.[4]

Участились заболевания, вызванные стрессом, — язва желудка и толстой кишки, кровотечения. Больные, находящиеся в критическом состоянии, доставлялись в больницы слишком поздно из-за отсутствия бензина[5].

Результаты неоправданных санкций, которые международное сообщество ввело против СР Югославии и Республики Сербии, оказались исключительно тяжелыми для системы образования и воспитания.

В Сербии серьёзно пострадали ученики основных школ и даже дошкольных учреждений. 3 970 основных школ в Сербии в 1992–1993 учеб-

---

[1] Uticaj sankcija međunarodne zajednice. S. 104.

[2] Резолюции и решения Совета Безопасности ООН за 1993 г. … С. 347.

[3] *Конюх В.* Последствия санкций ООН для здоровья населения и для системы здравоохранения СР Югославии. Документация Министерства информации Сербии. Рукопись.

[4] Резолюции и решения Совета Безопасности ООН за 1993 г. … С. 347.

[5] Там же. С. 348; Последствия санкций для системы образования и воспитания (21 сентября 1993 г.). Документ Министерства просвещения Сербии. Рукопись.

inslav

ном году посещали 861 224 ученика, а среднюю школу — 320 000. В 1 528 основных школ сельской местности ученики должны были добираться издалека, что стало очень трудно. Больше десяти основных и средних школ республики в 1993 г. уведомили Министерство просвещения, что из-за невозможности обеспечения перевозки своих учеников они приостанавливают обучение[1].

Эмбарго распространялось даже на энергоносители для обогрева школ, поэтому большое число школ было вынуждено или приостановить работу, или же свести преподавание до необходимого минимума. Зимние каникулы в 1993 г. в школах были продлены из-за холода в помещениях до конца января, так как в классах было катастрофически холодно. Огромные трудности школы испытывали с приобретением оборудования и учебных пособий, а также со средствами для оснащения кабинетов, лабораторий, проведения практических занятий и т.д.

Из-за исключительно высокой инфляции, уменьшающаяся покупательная способность семей учеников и студентов, нехватка бюджетных средств, выделяемых школе республикой, привели к тому, что 61 доминтернат с более чем 9 тыс. учеников и девять студенческих центров с 52 общежитиями (20 тыс. студентов) находились на самом низком уровне существования. Этим учреждениям не хватало отопительных материалов, гигиенических средств, бензина для перевозки продуктов и др.[2].

Санкции значительно снизили уровень преподавания и научной работы большинства факультетов. Практическая работа и обучение сокращались и даже приостанавливались, что имело серьёзные негативные последствия для подготовки будущих квалифицированных кадров.

С применением санкций на территории СРЮ начался исключительно трудный период для сербской культуры, которая была исключена из важнейших мировых культурных процессов. Вот только несколько характерных примеров: французское консульство отказалось выдать въездные визы видным академикам и профессорам для участия в ноябре 1992 г. в научном собрании, посвященном деятельности Добрицы Чосича; были отменены запланированные концерты Белградского квартета скрипачей в Лондоне; Венгрия запретила ввоз декораций для театрального представления Народного театра из г. Ужицы[3]; отказался

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Санкции и проблемы культуры (7 октября 1993 г.). Документ Министерства культуры Сербии № 69–122/93–05. Рукопись.

inslav

подписать протокол о научном сотрудничестве президент Российской академии наук[1], деятели сербской науки и культуры не приглашались на праздник Славянской культуры и письменности, который каждый год в мае отмечался в России. Почти полностью прекратился библиотечный книгообмен. В большинстве случаев иностранным артистам власти их государств не позволяли выступать с уже запланированными концертами в Сербии.

Санкции серьезно сказались на развитии спорта в стране. В течение восьми десятилетий югославские спортсмены всегда придерживались основных олимпийских принципов и олимпийского духа, Устава Международного олимпийского комитета и норм международных спортивных федераций. В течение многих лет они добивались выдающихся результатов на различных международных соревнованиях и завоевали сотни олимпийских наград, медалей, кубков и призов европейских и мировых первенств. С июня 1992 г. югославским спортсменам запрещалось участвовать в международных соревнованиях, включая Олимпийские игры.

Когда мы говорим о жизни населения Сербии и Черногории в условиях санкций, то должны учитывать, что в стране кроме основного населения было много беженцев, что значительно усложняло гуманитарную обстановку. Согласно данным Верховного комиссариата ООН по делам беженцев, к концу 1993 г. из 15 млн беженцев в мире около 2,5 млн приходилось на республики бывшей СФРЮ. Причем за период 1991–1993 гг. число беженцев, находящихся на территории Сербии и Черногории, возросло на 800 000 человек[2]. По данным ООН, в Югославии в марте 1998 г. было зарегистрировано 700 тыс. беженцев. Учитывая, что многие беженцы не были зарегистрированы, это число было значительно выше[3]. Массовое перемещение населения, вызванное конфликтом в бывшей СФРЮ, является первым подобного рода явлением в послевоенной Европе и по своему размаху и количеству вовлеченных в него лиц не имеет прецедента в послевоенной истории.

---

[1] Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии. Современная история Югославии в документах. /отв. ред. *Е.Ю.Гуськова*. М., 1993. Т. 2 С. 442.

[2] Документ ООН. A/50/163. Пятидесятая сессия ГА, пункт 107, 109 и 112 предварительной повестки дня Социальное развитие, включая вопросы, относящиеся к мировой социальной ситуации, молодежи, стариков, увечных и семей. Продвижение женщин. Обеспечение и защита прав детей. С. 107.; Последствия санкций для системы образования и воспитания...

[3] Документ ООН. E/CN.4/1998/138.

inslav

Общее число беженцев и перемещённых лиц в 1994 году[1]

Откуда	в Сербии		в Черногории	
	число	%	число	%
из БиГ	180000	46,6	42256	89,6
из Хорватии	175000	44,3	4865	10,4
из Словении	37000	9,3	—	—
из Македонии	3000	0,8	—	—

В период наибольшего притока беженцев, они составляли 6 % от общей численности населения Сербии, а в Черногории этот процент был в 2 раза выше. Именно поэтому в связи с введением санкций гуманитарная обстановка в Югославии обострилась.

В Сербии проблемы защиты беженцев из республик бывшей СФРЮ регулировались на основании Закона о беженцах[2], принятого в апреле 1992 г., а также Постановления об обеспечении прав беженцев[3]. В отличие от Сербии в Черногории для обозначения беженцев использовался термин «перемещённые лица». Там аналогичные проблемы решались на основании Постановления о защите прав перемещенных лиц[4]. Хотя в Республике Черногория и не был принят Закон о беженцах и в соответствии с этим формы правовой защиты беженцев не могли быть определены как права, Постановление правительства республики гарантировало перемещённым лицам тот же объем правовой защиты, который обеспечивается беженцам в Сербии.

Под понятием «беженец» или «перемещенное лицо» подпадали граждане всех национальностей, которые в результате давления руководства

[1] Документ ООН. A/50/163.

[2] Закон о беженцах Республики Сербии («Службени гласник Републике Србије» 18/92) регулирует следующие вопросы: статус беженца; меры по обеспечению социальной защиты и осуществлению прав беженцев; организации по обеспечению и защите прав беженцев; средства по обеспечению беженцев; регистрация беженцев; признание и лишение статуса беженца; лишение прав на обеспечение; лишение прав, предусмотренных законом.

[3] Постановление об обеспечении прав беженцев Республики Сербии («Службени гласник Републике Србије 18/92) более подробно определяет условия и объем оказываемой беженцам помощи со стороны государственных и неправительственных организаций: Комиссариата и других государственных организаций и отдельных ведомств, органов власти на местах, в городе Белграде и в автономных краях, Красного Креста, гуманитарных и религиозных организаций, а также других организаций и граждан в соответствии с Законом.

[4] Службени лист Црне Горе. Подгорица, 1992. № 37.

inslav

других республик, этнических чисток и дискриминации на национальной и религиозной почве или по политическим мотивам были вынуждены оставить свое прежнее место жительства в этих республиках и бежать на территорию СР Югославии.

Выход Словении и Хорватии из состава СФРЮ, вооруженные столкновения на территории Хорватии, отвод войск ЮНА с территории Словении и Хорватии, создание нерегулярных военизированных формирований, прекращение действия законов СФРЮ на территории Хорватии и особенно начавшиеся преследования граждан сербской национальности, происходившие в Славонии поджоги сербских сел уже в марте 1991 г. привели к появлению на территории Сербии первых беженцев. В августе 1991 г. в Сербию бежали уже свыше 100 тыс. человек, к концу 1991 г. число беженцев, находившихся на территории Сербии, возросло на 170 тыс.[1] Начавшаяся в марте 1992 г. война в БиГ вызвала новую волну беженцев в Сербию и Черногорию. Так, к концу 1992 г. количество беженцев, находившихся на территории Югославии, превысило 600 тыс. человек.

К августу 1992 г. только в Сербии было зарегистрировано 390 тыс. беженцев, в том числе из Хорватии и Словении — 163,5 тыс., 226,5 тыс. – из Боснии и Герцеговины. Однако общее число беженцев в этой республике, учитывая и лиц, которые не зарегистрировались в официальных органах, составляло около 505 тыс. Официально в Черногории было зарегистрировано 52,5 тыс. беженцев. Но в связи с тем, что часть перемещенных лиц не заявила о себе соответствующим государственным органам, их общее число в Черногории оценивалось в 62 тыс. и равнялось 10 % населения республики (в отдельных общинах число беженцев сопоставимо с числом жителей этой общины). В Черногории 7 тыс. беженцев прибыли из Хорватии и Словении, остальные — из Боснии и Герцеговины. Среди беженцев в Черногории дети и молодежь составляли 61 % от общего числа беженцев (до 7 лет– 22 %, 7–14 лет — 21 %, 14–18 — 18 %). В Сербии среди беженцев дети и молодежь составляли 52 % (до 7 лет — 10 %, 7–14 лет — 20 %, 14–18 — 22 %)[2].

По данным правительства Черногории, в этой республике на 22 февраля 1993 г. было зарегистрировано 67 562 перемещенных лица. С учётом незарегистрированных людей, оценивалось, что в Черногории

[1] Izbeglice iz bivše SFRJ u SR Jugoslaviju // Jugoslovenski pregled. Beograd, 1994. № 2. S. 110.

[2] Призыв Союзного правительства к международному содружеству о предоставлении гуманитарной помощи СР Югославии (5 августа 1992 г.). Документ МИД СРЮ. Рукопись

inslav

всего находились около 75 тыс. перемещенных лиц или 12 % от общего числа населения республики. Наибольшее число перемещённых лиц в Черногории составляли беженцы из бывшей Боснии и Герцеговины (60 913 или 90 %), а остальные — из Хорватии и Словении. С точки зрения квалификации структура беженцев весьма неоднородна: на положение беженцев вынуждены были решиться и рабочие, и крестьяне, и инженеры, и профессоры университета, которых среди перемещенных лиц в Черногории было более 40. Среди беженцев около 300 человек — с высшим образованием, 250 работников сферы культуры и др.[1].

Наибольшее их число зарегистрировано в апреле 1993 г. в момент активизации военных действий в БиГ. К этому времени на территории СР Югославии находились 673 тыс. официально зарегистрированных беженцев. В отдельные месяцы число беженцев увеличивалось на четверть или даже на треть[2]. С апреля 1993 г. количество беженцев, находившихся на территории Югославии, начало постепенно уменьшаться, в конце 1993 г. их число стабилизировалось и составило около 395 тыс. в Сербии, менее 50 тыс. в Черногории. За период с 1 марта по 20 апреля 1994 г. зарегистрировано около 860 новых беженцев, в том числе 223 ребенка. Значительно возросло число беженцев, переселявшихся из хорватских городов, а некоторые возвращались и из других стран (т.е. не из республик бывшей СФРЮ)[3]. В мае и октябре 1995 г. новая волна беженцев захлестнула страну — 189 тыс. человек бежали из Хорватии во время операций «Блеск» и «Буря»[4].

Что касается национального состава беженцев, то наиболее многочисленными группами в Сербии в 1992 г. являлись сербы (84,2 %), мусульмане (6,2 %) и хорваты (1,6 %). Оставшиеся 8 % беженцев составляли лица албанской, еврейской, болгарской, румынской и венгерской национальностей. Равное соотношение мусульманских, сербских и черногорских беженцев наблюдалось в Черногории. Как и гражданам Югославии, всем беженцам на территории СРЮ, согласно официальным

[1] Информация Союзного министерства иностранных дел о последствиях санкций …

[2] Ibid.

[3] Izbeglice iz bivše SFRJ u SRJ… S. 110.

[4] В мае–августе 1995 г. Хорватская армия провела две молниеносных военных операций по присоединению территории Республики Сербской Краины к Хорватии, которые сопровождались массовыми убийствами сербов и, как следствие, массовым бегством сербов из родных мест.

inslav

данным, были обеспечены коллективная защита личных и иных прав и свобод, а также международная юридическая защита[1].

В качестве особо уязвимой категории статистические данные выделяют 1200 детей, потерявших родителей, около 10 тыс. родившихся в семьях беженцев, около 50 тыс. лиц пожилого возраста и престарелых, лиц, страдающих заболеванием, лечение которого требовало применения диализа (около 350), лиц, страдающих диабетом (около 6 тыс.) и различными хроническими заболеваниями (около 25 тыс.). Из общего числа детей, не имеющих родителей, детей до 3 лет насчитывалось 105 человек, от 3 до 7 — 725, от 7 до 15 — 20 и старше 15 лет — 350. Детей школьного возраста, т.е. от 7 до 18 лет, в Республике Сербии насчитывалось около 100 тыс. Из них детей в возрасте от 7 до 14 лет — 66 тыс., от 14 до 18 лет — 34,5 тыс. В Республике Черногории находились около 8600 детей в возрасте от 7 до 14 лет, тогда как число подростков и студентов составляло около 9300[2].

«Когда вводились эти санкции, никто не задавал вопрос о гуманности применения жестких экономических и иных санкций в отношении страны и народа, которые взяли на себя гуманное обязательство предоставить убежище такому большому числу беженцев», — отмечал Драгомир Джокич, Временный Поверенный в делах Постоянного представительства Югославии при Организации Объединенных Наций в письме на имя Генерального секретаря ООН 6 апреля 1993 г.[3] Большинство беженцев (95 %) размещались в семьях, что соответствует традиционной семейной и человеческой солидарности. Согласно исследованиям, проведенным в 1993 г.[4], мотивы, которыми руководствовались члены семей, принимавших беженцев, были следующими: близкие родственные связи (54 % семей), дальние родственные связи (15 %), знакомство с семьями беженцев (19 %), общая симпатия и солидарность с людьми, попавшими в беду (20 %). При этом 20 % семей, принявших беженцев, имели

[1] Резолюции и решения Совета Безопасности ООН за 1993 г., с. 53; Izbeglice iz bivše SFRJ u SRJ… S. 111.

[2] Izbeglice iz bivše SFRJ u SRJ… S. 113.

[3] Резолюции и решения Совета Безопасности ООН за 1993 г…С. 52.

[4] Исследование в рамках проекта «Потребности и перспективы беженцев, а также проблемы и возможности принявших их семей» было осуществлено Институтом социальной политики в Белграде при финансовой поддержке и сотрудничестве УВКБ (руководитель проекта — д-р Милосав Милосавлевич). Исследование проводилось в десяти различных областях Сербии и Черногории в июле и августе 1993 г. и охватывало 2076 семей, половину из которых составили семьи беженцев, а другую половину — семьи, принявших их людей.

inslav

в этом плане личный опыт, будучи беженцами в годы Второй мировой войны, а 50 % семей имели определённый опыт, так как переехали из какой-либо другой области в местность, где они в настоящий момент живут. Две трети беженцев и семей, которые их приняли, жили вместе. В 44 % семей все расходы нес глава семьи, в 30 % семей расходы распределялись между семьей и беженцами, и в 22 % случаев беженцы и глава семьи несли расходы отдельно друг от друга[1].

Насколько позволяли возможности страны, беженцам, остановившимся в семьях, оказывалась ежемесячная помощь в виде небольших пакетов продовольствия, предметов личной гигиены, одежды и обуви. Финансовые средства, выделяемые республиканскими и союзными властями страны для удовлетворения потребностей большого числа беженцев, а также помощь со стороны управления Верховного комиссара по делам беженцев Организации Объединенных Наций оказались недостаточными[2].

Те беженцы, которые не могли найти стол и жилье у родственников, друзей или других граждан, обеспечивались питанием и жильем государством. Для размещения беженцев в Сербии и Черногории власти вынуждены были ремонтировать коллективные помещения и строить новые объекты. В качестве объектов коллективного размещения использовались молодёжные летние лагеря, санатории и дома отдыха, старые школы и гостиницы. В 1994 г. уже около 27 тыс. беженцев были размещены в 160 коллективных центрах (131 в Сербии и 29 в Черногории). Кроме того, определенное число беженцев было размещено в объектах социального и медицинского обеспечения (старики, инвалиды, дети, больные и т.д.)[3]. Поскольку расселение беженцев в коллективных центрах очень дорого, скудный республиканский бюджет с трудом это выдерживал.

Длительность пребывания беженцев на территории Сербии и Черногории привела к определенным проблемам, а именно: к сокращению необходимых ресурсов и постепенному уменьшению гуманитарной помощи. Помощь международных гуманитарных организаций покрывала лишь часть потребностей. Страна испытывала нужду в продовольствии, одежде и обуви, средствах личной гигиены, лекарствах, других медицинских материалах и т.п.[4].

---

[1] Izbeglice iz bivše SFRJ u SR Jugoslaviju … S. 116.

[2] Резолюции и решения Совета Безопасности ООН за 1993 г. … С. 53.

[3] Izbeglice iz bivše SFRJ u SR Jugoslaviju … S. 117.

[4] Информация о перемещенных лицах в Черногории (23 февраля 1993 г.). Документ правительства Черногории. Рукопись.

inslav

Международное сообщество переложило бремя заботы о беженцах на плечи граждан Югославии. К концу 1992 г. международные гуманитарные организации удовлетворяли всего лишь 10–15 % общих потребностей беженцев. Весной 1993 г. эта доля возросла приблизительно до 30 %. Двусторонняя помощь, которая являлась основным источником финансирования беженцев в Хорватии, БиГ и Словении, Югославии практически не оказывалась[1]. Следует, подчеркнуть, что предусмотренная для СР Югославии финансовая помощь была значительно меньше помощи, оказываемой другим республикам бывшей СФРЮ, а кроме того, явно недостаточна для нормального обеспечения большого числа беженцев[2].

Страна находилась под санкциями 1584 дня. Снимали санкции постепенно, выставляя все новые и новые условия. 23 сентября 1994 г. Резолюцией 943 санкции частично приостанавливались «на начальный период сроком на 100 дней», если будет подтверждено, что власти СРЮ «эффективно выполняют своё решение закрыть границу между Союзной Республикой Югославией (Сербия и Черногория) и Республикой Боснией и Герцеговиной...»[3]. 12 января, удовлетворенный эффективностью закрытия границы, Совет Безопасности резолюцией 970 продлил частичное приостановление санкций еще на 100 дней. 5 июля 1995 г. после выполнения требования «прервать международные линии электросвязи между Союзной Республикой Югославией (Сербия и Черногория) и районами Республики Боснии и Герцеговины под контролем сил боснийских сербов», приостановление санкций продлили до 18 сентября 1995 г.[4] Резолюция 1022 от 22 ноября 1995 г. приостанавливала санкции на неопределенное время, оговаривая это одним условием — СРЮ должна подписать Мирное соглашение «в день, установленный Контактной группой для этой цели»[5]. 1 октября 1996 г. Совет Безопасности отменил санкции, правда опять не до конца. Замороженными остались счета в иностранных банках до тех пор, пока бывшие республики не договорятся между собой о распределении средств и долгов.

Санкции, принятые против Югославии, стали самыми тяжелыми за всю историю существования ООН. Ни ЮАР, ни Ливия, ни Ирак не под-

---

[1] Резолюции и решения Совета Безопасности ООН за 1993 г. … С. 54.

[2] Izbeglice iz bivše SFRJ u SR Jugoslaviju … S. 121.

[3] Международные организации и кризис на Балканах. Документы / сост. и отв. редактор *Е.Ю. Гуськова.* М., 2000. Т. 2. С. 471.

[4] Там же. С. 483, 488.

[5] Там же. С. 86.

inslav

вергались столь тотальной политической и экономической изоляции, как новая Югославия. С самого начала введения санкций было ясно, что все условия, предъявленные Югославии Советом Безопасности, фактически сразу же были выполнены. Тем не менее, санкции с Югославии не были сняты, что доказывает, что они носили политический характер и преследовали цель изоляции Югославии в событиях, связанных с распадом СФРЮ[1]. Во всяком случае, ни санкции против Югославии, ни признание мировым сообществом единой Боснии и Герцеговины не смогли остановить войну в этой республике за раздел территории.

[1] *Кондрашов А.* Югославия под санкциями // ИТАР-ТАСС: КОМПАС. М., 1993. 14 июля. № 117. С. 21.

inslav

Сведения об авторах

Гришина Рита Петровна — доктор исторических наук (д.и.н.), ведущий научный сотрудник (в.н.с.) Института славяноведения Российской академии наук (Исл. РАН), Москва.

Шевцова Галина Игоревна — кандидат исторических наук (к.и.н.) (Москва).

Лобачева Юлия Владимировна — к.и.н., научный сотрудник (н.с.) Исл. РАН.

Каширин Василий Борисович — к.и.н., н.с. Исл. РАН.

Клопова Мария Эдуардовна — к.и.н., н.с. Исл. РАН.

Кодаева Даниела — PhDr., научный сотрудник Института истории Словацкой академии наук (Братислава).

Висьневский Ян — Dr., преподаватель кафедры Восточной Европы факультета Политологии и международных отношений Торуньского университета Николая Коперника (Польша).

Серапионова Елена Павловна — д.и.н., заведующая отделом (зав. отд.) Исл. РАН.

Носкова Альбина Федоровна — д.и.н., в.н.с. Исл. РАН.

Рябченко Ольга Леонидовна — к.и.н., доцент (доц.), зав. кафедрой истории и культурологии Харьковской национальной академии городского хозяйства (Украина).

Канарская Анна Николаевна — младший научный сотрудник (м.н.с.) Исл. РАН.

Случ Сергей Зиновьевич — к.и.н., старший научный сотрудник (с.н.с.) Исл. РАН.

Борисенок Елена Юрьевна — к.и.н., зав. отд. Исл. РАН.

Петровская Оксана Васильевна — д.и.н., в.н.с. Российского Института стратегических исследований (РИСИ).

Гибианский Леонид Янович — с.н.с. Исл. РАН.

Беляков Сергей Станиславович — к.и.н., доц. Гуманитарного университета (Екатеринбург).

Тимофеев Алексей Юрьевич — д-р наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград).

inslav

Животич Александр — д-р наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (Белград).

Пилько Надежда Сергеевна — к.и.н., с.н.с. Исл. РАН.

Валева Елена Любомировна — к.и.н., с.н.с. Исл. РАН.

Немечек Ян — doc., PhDr., Dr.Sc., зам. директора Института истории Академии наук Чешской республики (Прага).

Ковалев Михаил Владимирович — к.и.н., доц., заместитель декана социально-гуманитарного факультета Саратовского государственного технического университета.

Широкова Людмила Федоровна — кандидат филологических наук (к.ф.н.), с.н.с. Исл. РАН.

Шведова Наталья Васильевна — к.ф.н., с.н.с. Исл. РАН.

Герчикова Ирина Александровна — к.ф.н., с.н.с. Исл. РАН.

Лескинен Мария Войтовна — к.и.н., с.н.с. Исл. РАН.

Куренная Наталья Михайловна — доктор филологических наук, в.н.с. Исл. РАН.

Волокитина Татьяна Викторовна — д.и.н., зав. центром Исл. РАН.

Марьина Валентина Владимировна — д.и.н., главный научный сотрудник Исл. РАН.

Стыкалин Александр Сергеевич — к.и.н., в.н.с. Исл. РАН.

Мурашко Галина Павловна — д.и.н., в.н.с. Исл. РАН.

Аникеев Анатолий Семенович — к.и.н., с.н.с. Исл. РАН.

Гуськова Елена Юрьевна — д.и.н., зав. центром Исл. РАН.

inslav

Содержание

Введение 5

Раздел I
От Первой ко Второй мировой войне

Р. П. Гришина
Болгария на пути к войне и Болгарский земледельческий народный союз 9

Г. И. Шевцова
Деятельность санитарного отряда Петроградского Славянского благотворительного общества в Сербии и Черногории в годы Первой мировой войны (сентябрь 1914 — ноябрь 1915) 33

Ю. В. Лобачева
Югославянская эмиграция в Южной Америке накануне и в годы Первой мировой войны 49

В. Б. Каширин
Взятие горы Маковка русскими войсками: неизвестный эпизод боевых действий в Карпатах весной 1915 года 70

Клопова М. Э.
Восточнославянское население Галиции в годы Первой мировой войны 94

Д. Кодаева
Война — это смерч. Чрезвычайное положение и стратегия выживания в период Великой войны (на примере Словакии) 108

Е. П. Серапионова
К истории формирования чехословацких воинских частей на российской территории в годы Первой мировой войны 120

Я. Висьневски
«Военные жёны» в чехословацких и польских войсках в Сибири во время Гражданской войны в России 136

А. Ф. Носкова
Национальные меньшинства в Восточной Европе: геополитический ракурс проблемы (от Первой ко Второй мировой войне) 150

inslav

О. Л. Рябченко
«Мысли эмигрантского студенчества тянутся к Золотой Праге»: дороги и бездорожья украинских студентов в послевоенной Европе (1920-е годы) 165

А. Н. Канарская
Поляки-коммунисты в СССР: судьба людей и партии (20–40-е годы XX в.) 176

С. З. Случ
Власть и террор в Советском Союзе в период становления тоталитарного режима 197

Е. Ю. Борисенок
«Мародерство подрывает достоинство воина РККА»: Красная армия и население Западной Украины в 1939 году 214

О. В. Петровская
Восприятие Красной армии населением Западной Белоруссии в 1939–1941 годах 228

Раздел II
Вторая мировая война и послевоенный мир

Л. Я. Гибианский
Многонациональная Югославия в Апрельской войне 1941 года: позиции этносов, этнических движений и их элит (некоторые аспекты истории и историографии) 264

С. С. Беляков
Идеологи Усташского движения о католицизме, исламе и православии: к истории одного мифа 287

А. Ю. Тимофеев
Идеологическая, культурная и образовательная политика недичевской Сербии 305

А. Животич
Косовская проблема в отношениях компартий Албании и Югославии на завершающем этапе Второй мировой войны 328

Н. С. Пилько
Словенская народная партия и ее деятельность в годы оккупации (1941–1945) 349

Е. Л. Валева
Движение Сопротивления в Болгарии: национальная специфика 366

inslav

Я. Немечек
Чешское общество и Советский Союз. 1939–1945 годы 387
М. В. Ковалев
Русское историческое общество
в Праге в годы Второй мировой войны 403
И. А. Герчикова
Холокост в чешской литературе 422
Л. Ф. Широкова
Словацкая литература периода
Второй мировой войны: судьбы писателей,
художественные формы отражения действительности 431
Н. В. Шведова
Антивоенный протест в поэзии
словацкого надреализма (1940-е годы) 440
Н. М. Куренная, М. В. Лескинен
Женщины и война: тактика «выживания травы» 449
Т. В. Волокитина
Красная Армия в Болгарии осенью 1944 года: образ и реальность 462
В. В. Марьина
Красная армия в Словакии. 1944–1945 гг. 484
А. С. Стыкалин
Советский солдат в Центральной Европе в 1945 г.:
встреча двух цивилизаций глазами писателей-современников 511
Н. М. Куренная
Два взгляда на окончание войны:
Йожеф Дарваш — Константин Симонов 533
Г. П. Мурашко
Судьбы венгерского меньшинства в Словакии после
Второй мировой войны. Переселение или словакизация?
(Трансформация позиций Москвы) 540
А. С. Аникеев
Гражданская война в Греции и греческие
партизаны в Югославии (1945–1949 гг.) 553
Е. Ю. Гуськова
Балканские войны 90-х годов XX в.
и их последствия для судеб сербского народа 568
Сведения об авторах 583

inslav

Научное издание

Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Е. Г. Орловский*
Литературный редактор *Л. А. Авакова*
Корректор *И. Е. Иванцова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru *(отдел реализации)*,
aletheia@peterstar.ru *(редакция)*
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:
Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:
«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Тверской б-р., д. 9. Тел. (495) 925-81-66
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 16.05.2011. Формат 60x88 1/16
Усл. печ. л.37. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №905

inslav

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛЕТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В СЛЕДУЮЩИХ МАГАЗИНАХ

МОСКВА

Библио-Глобус	ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5. Тел. (495) 781-19-00
Дом книги «Москва»	ул. Тверская, д. 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Православное слово»	Тел. (495) 951-51-84, 951-34-97
ООО «Паолине»	ул. Б. Никитская, д. 26/2. Тел. (495) 291-50-05
Магазин РГГУ «Гуманитарная книга»	Миусская пл., д. 6. Тел. (495) 973-43-01
Магазин издательства «Гнозис»	Тел. (495) 247-17-57
Магазин «Русское зарубежье»	ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Магазин Издательства УРСС	пр. 60-летия Октября, д. 9
Магазин «Гилея»	Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер»	Малый Гнездниковский пер., д. 12/27. Тел. (495) 749-57-21
Галерея книг «Нина»	ул. Бахрушина, д. 28. Тел. (495) 959-21-03
Магазин издательства «Совпадение»	Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84
«Новое книжное агентство»	ул. Покровка, д. 27, стр. 1. Тел. (495) 916-28-14
«Книжная лавка обществоведа»	Нахимовский проспект, д. 56/26. Тел. (495) 120-30-81

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Магазин «Историческая книга»	ул. Чайковского, д. 55. Тел. (812) 327-26-37
«Книжный салон» Филологического факультета СПбГУ	Университетская наб., д. 11. Тел. (812) 328-95-11
Магазин «Классное чтение»	6-я линия В. О., д. 15. Тел. (812) 328-61-13
Книжный салон РНБ «Дом Крылова»	ул. Садовая, д. 18. Тел. (812) 310-44-87
«Дом книги»	Невский пр., д. 28. Тел. (812) 314-58-88
Магазин «Слово»	ул. М. Конюшенная, д. 9. Тел. (812) 571-20-75
Магазин «Русская симфония»	1-я линия В. О., д. 42. Тел. (812) 328-63-42
Магазин «Перемещенные ценности»	ул. Колокольная, д. 1
ЕКАТЕРИНБУРГ. «Дом книги»	ул. Антона Валека, д. 12
НИЖНИЙ НОВГОРОД. «Дом книги»	ул. Советская, д. 14а
СЕТЬ МАГАЗИНОВ «ТОП-КНИГА»	http://www.top-kniga.ru. Тел. (383) 336-10-26, 336-10-36
ТАЛЛИНН. Магазин Kniga.ee	15189 Tallinn, Tõnismägi 2, Eesti Rahvusraamatukogu В вестибюле Национальной библиотеки Эстонии. Тел. (372) 630 7472
Заказ книга-почтой	Тел. (812) 560-89-47 E-mail: office@aletheia.spb.ru

Экспорт из России

DataInternational Group	10122 Таллин Эстония. Тел. 646-03-81 E-mail: info@kniga.ee
ЗАО «Информ-система»	г. Москва, Севастопольский пр., д. 11а. Тел. 127-91-47, e-mail: info@informsystema. ru
Юпитер-Импэкс	г. Москва, Налесный пер., д. 4. Тел. 775-00-54, e-mail: export@jupiters. ru

inslav

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

inslav

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

inslav

В издательстве «Алетейя» вышла в свет книга:

inslav

inslav

inslav

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ЭПОХУ ВОЙН И КОНФЛИКТОВ XX в.